А 28.8-
А-912
СКБ

АСТРАХАНСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ

АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ДЕСЯТЬЮ РИСУНКАМИ,
исполненными на средства д. ч. Петровскаго Общества
Н. И. АРТЕМЬЕВА.

АСТРАХАНЬ.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
...ов	III—VI
...ч. *Е. П.* Покореніе царства Астраханскаго	1—18
...ъ *А.* Отрывокъ изъ описанія путешествія (1473 г.)	19—25
... *И.* Извлеченіе изъ „Введенія къ Астраханской ...фіи“	27—41
... Рукопись	43—56
...ичковъ *А.* Извлеченіе изъ описанія путешествія (1558—1559, 1562—1563 гг.)	57—65
Олеарій А. Извлеченіе изъ описанія путешествія (1636-1638 гг.)	67—101
Струйсъ І. Извлеченіе изъ описанія путешествія (1669-1670 гг.)	103—131
Копія съ письма, писаннаго (1669 г.) неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ „Орелъ“, подъ г. Астраханью	132—134
Копія съ письма *Д. Бутлера* (1671 г.)	134—143
Золотаревъ П. Рукопись	145—166
Сахаровъ В. Н. Статья о рукописи Золотарева	167—172
Брунъ-де К. Извлеченіе изъ описанія путешествія (1703-1707 гг.)	173—217
Белль Д. Извлеченіе изъ описанія путешествія (1716—1722 гг.)	219—236
Волынскій А. П. Донесеніе въ Сенатъ изъ Астрахани въ 1719 г.	237—241
Рубаковъ В. Статья объ А. П. Волынскомъ	242—246
Дневникъ пребыванія въ Астрахани (1722 г.) Его Императорскаго Величества Государя Петра I-го	247—249
Кириллевъ И. К. Извлеченіе изъ сочиненія: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства“ (1727 г.)	251—267
Михайловъ И. И. Вторженіе Пугачева въ предѣлы Астраханской губерніи	269—287
Озерецковскій Н. Я. академикъ. Описаніе Астрахани (1783 г.)	289—302
Пестоцкій И. графъ. Путешествіе въ Астрахань и окрестныя страны въ 1797 году	303—328
Измайловъ В. В. Извлеченіе изъ сочиненія: „Путешествіе въ полуденную Россію въ 1799 году“	329—335

103806

II

ПРИЛОЖЕНІЯ.

МЕЖДУ С

1) Карта Россіи, составленная Дженкинсономъ . . . . . 56—57

2) Видъ Астрахани и 3) Планъ ея, изъ соч. Олеарія . . 78—79

Объясненіе знаковъ на планѣ: *A.* Кремль. *B.* Мужской (Троицкій) монастырь. *C.* Житный дворъ. *D.* Базаръ. *E.* Красныя ворота. *F.* Монастырскія (Никольскія) ворота. *G.* Агарянскія (Гарянскія) ворота. *H.* Косыя (Исадскія) ворота. *I.* Вознесенскія ворота. *K.* Рѣшеточныя ворота. *L.* Мочаговскія ворота. *M.* Мѣсто жительства татаръ.

4) Видъ Астрахани, изъ соч. Стрюйса . . . . . 106—107

Объясненіе знаковъ: 1. Предмѣстья. 2. Городской магазинъ. 3. Крѣпость. 4. Крѣпостныя башни. 5. Двѣ новыхъ церкви. 6. Церковь. 7. Ворота предмѣстья, гдѣ продается лѣсъ. 8. Рыбный рынокъ. 9. Соляные бугры. 10. Волга. 11. Татары. 12. Корабль „Орелъ“. 13. Калмыцкій рынокъ. 14. Фруктовый садъ.

5) Взятіе Астрахани Стенькою Разинымъ, изъ соч. Стрюйса 138—139

6) Карта устьевъ Волги съ планомъ Астрахани конца XVII в. 142—143

7) Видъ Астрахани, изъ соч. де-Бруина . . . . . 182—183

Объясненіе знаковъ—на стран. 183—184.

8) Планъ Астрахани 1798 года . . . . . 328—329

9) Планъ Астрахани 1809 г. съ обозначеніемъ пунктирною чертою положенія берега Волги въ половинѣ XVIII в. . . 332—333

10) Планъ Астрахани 1811 года (въ концѣ книги).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій первый выпускъ „Астраханскаго Сборника“, представляемый благосклонному вниманію читателей, имѣетъ свою, и довольно длинную, исторію. Въ протоколахъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края и въ годовыхъ отчетахъ Общества заключаются слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ дѣла по изданію въ свѣтъ этого выпуска.

Мысль объ изданіи „Астраханскаго Сборника“ была высказана въ первый разъ 4 октября 1886 года тогдашнимъ предсѣдателемъ Петровскаго Общества М. И. Рубцовымъ въ засѣданіи Совѣта Общества и была сочувственно принята Совѣтомъ, который и постановилъ предложить ее на обсужденіе ближайшаго Общаго Собранія. Предлагая затѣмъ, на Общемъ Собраніи 23 ноября 1886 г., вопросъ объ изданіи Сборника на обсужденіе членовъ Петровскаго Общества. предсѣдатель предварительно объяснилъ Собранію, что „Совѣтъ, озабочиваясь выполненіемъ программы Общества, которое, по § 3 своего устава, имѣетъ цѣлію собирать свѣдѣнія, относящіяся къ дѣлу всесторонняго изученія края, и распространять ихъ въ видѣ сырыхъ матеріаловъ или въ обработанномъ видѣ, пришелъ къ заключенію о необходимости и полезности изданія въ свѣтъ сборника матеріаловъ по изученію края, еще не утратившихъ своего интереса и въ особенности составляющихъ библіографическую рѣдкость. Сборникъ этотъ дастъ возможность каждому члену Общества и всѣмъ, интересующимся изученіемъ мѣстнаго края, имѣть подъ руками тѣ статьи и матеріалы, знакомство съ которыми необходимо при изученіи края, и кромѣ того избавитъ отъ труда отыскиванія этихъ источниковъ по разнымъ изданіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вовсе не имѣются въ мѣстныхъ книгохранилищахъ“. Выяснивъ такимъ образомъ цѣль изданія Сборника и прибавивъ къ тому, что желательно было-бы (если позволятъ средства) приложить къ первому выпуску Сборника снимки съ древнихъ гравюръ, изображающихъ видъ Астрахани въ прежнее время, предсѣдатель предложилъ затѣмъ собранію выслушать составленный

тогдашнимъ секретаремъ Общества Н. Ф. Леонтьевымъ и одобренный Совѣтомъ списокъ статей, предположенныхъ къ помѣщенію въ первомъ выпускѣ Сборника. Въ спискѣ этомъ значились слѣдующія статьи и матеріалы: 1) Описаніе Астрахани временъ Контарини (1476 г.), извлеченное изъ описанія его путешествія; 2) Рукопись о покореніи Астрахани, изъ 2-й части „Введенія къ Астраханской топографіи“ Рычкова; 3) Рукопись Никифора Туркина о покореніи Астрахани и замѣчательныхъ событіяхъ въ ней до 1700 г. (изъ архива Петровскаго Общества); 4) Описаніе Астрахани временъ Дженкинсона (1558 г.), изъ описанія его путешествія; 5) Описаніе Астрахани временъ Олеарія (1636 г.), изъ описанія его путешествія; 6) Описаніе Астрахани временъ Стрюйса (1671 г.), изъ описанія его путешествія; 7) Золотаревская рукопись о бунтѣ Стеньки Разина, изъ Астраханской газеты „Волга“ за 1864 годъ; 8) Описаніе Астрахани временъ Де-Бруина (1703 г.), изъ описанія его путешествія; 9) Описаніе Астрахани временъ Беля (1715 г.), изъ описанія его путешествія; 10) Донесеніе въ Сенатъ въ 1719 г. А. П. Волынскаго о состояніи Астраханской губерніи, изъ „Москвитянина“ за 1854 годъ; 11) Дневникъ пребыванія въ Астрахани императора Петра Великаго (1722 г.), изъ „Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, за 1847 г. 12) Статистическія свѣдѣнія объ Астраханской губерніи временъ императора Петра Великаго, изъ сочиненія И. Кириллова: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства“; 13) Вторженіе Пугачева въ предѣлы Астраханской губерніи, Ив. Михайлова, изъ „Астрах. Губ. Вѣд.“ 1846 г.; 14) Описаніе Астрахани временъ императрицы Екатерины II-й, Н. Озерецковскаго, изъ его книги: „Описаніе Колы и Астрахани“ и 15) Указатель статей Астраханской газеты „Волга“ за все время ея существованія, составленный Н. Ф. Леонтьевымъ (въ рукописи).—Выслушавъ предложеніе предсѣдателя, собраніе вполнѣ согласилось съ предложеніями Совѣта и постановило: отпечатать первый выпускъ Сборника, размѣромъ листовъ 20 печатныхъ, въ количествѣ 300 экземпляровъ; въ составъ его предназначить тѣ статьи и матеріалы, списокъ которыхъ заслушанъ въ собраніи *); изданіе Сборника поручить

*) Изъ числа предназначенныхъ къ помѣщенію статей и матеріаловъ указатель къ „Волгѣ“ былъ впослѣдствіи изъятъ, по желанію его составителя. Впослѣдствіи-же, для полноты настоящаго выпуска Сборника, были включены въ него, по предложенію Н. Ф. Леонтьева: статья Е. Карновича о покореніи царства Астраханскаго и извлеченія изъ описанія путешествій въ Астрахань графа И. Потоцкаго (1797 г.) и В. Измайлова (1799 г.), и по предложенію И. О. Зубовича: копія съ письма, писаннаго (1699 г.) неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ „Орелъ“, подъ г. Астраханью, копія съ письма Д. Бутлера (1671 г.), статья В. Сахарова о рукописи Золотарева и статья В. Рудакова объ А. П. Волынскомъ.

Совѣту, которому предоставить право помѣстить въ первомъ выпускѣ, смотря по обстоятельствамъ, или всѣ предназначенныя статьи или только нѣкоторыя изъ нихъ; просить Совѣтъ приложить къ первому выпуску Сборника снимки съ древнихъ гравюръ, изображающихъ видъ Астрахани въ прежнее время, если найдутся средства на это.—Заручившись такимъ образомъ согласіемъ Общаго Собранія, Совѣтъ приступилъ къ подготовительнымъ дѣйствіямъ. Необходимая переписка, затрудненія при отыскиваніи древнихъ гравюръ, а главнымъ образомъ недостатокъ средствъ долгое время не позволяли Совѣту приступить къ печатанію Сборника. На такое положеніе дѣла по изданію Сборника обратилъ свое благосклонное вниманіе почетный членъ Петровскаго Общества, г. начальникъ Астраханской губерніи, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Тевяшовъ и оказалъ свое мощное содѣйствіе Обществу. Какъ предсѣдатель Астраханскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, его превосходительство, находя желательнымъ и полезнымъ скорѣйшее опубликованіе собранныхъ Обществомъ матеріаловъ по изученію мѣстнаго края, предложилъ Петровскому Обществу передать ихъ Статистическому Комитету для помѣщенія въ имѣющихъ быть изданными Комитетомъ „Памятныхъ книжкахъ Астраханской губерніи“ на 1894 г. и 1895 г., за что Петровское Общество получитъ въ свою пользу почти безплатно (за уплатою лишь стоимости бумаги) 550 отдѣльныхъ оттисковъ означенныхъ матеріаловъ, которые оно можетъ иллюстрировать и выпустить въ свѣтъ отъ себя отдѣльнымъ изданіемъ. Общество съ благодарностію приняло предложеніе своего почетнаго члена. Матеріалы были переданы Статистическому Комитету и отпечатаны имъ въ вышеупомянутыхъ двухъ „Памятныхъ книжкахъ“, при чемъ наблюденіе за печатаніемъ, а также снабженіе текста статей краткими біографическими свѣдѣніями объ ихъ авторахъ, составленіе (гдѣ требовалось) примѣчаній и необходимыхъ при чтеніи объясненій, любезно взялъ на себя секретарь Статистическаго Комитета и предсѣдатель историко-этнографической секціи Петровскаго Общества П. О. Зубовичъ. Въ виду скорой возможности выпустить въ свѣтъ предположенный Сборникъ, Совѣтъ Общества велъ переговоры съ литографіями. Къ сожалѣнію, скудость матеріальныхъ средствъ Общества продолжалась, и Совѣтъ едва-ли бы въ скоромъ времени рѣшился украсить первый выпускъ „Астраханскаго Сборника“ желаемыми иллюстраціями, если-бы, къ счастію, не пришелъ на помощь Петровскому Обществу одинъ изъ его дѣйствительныхъ членовъ купецъ Н. И. Артемьевъ, любезно принявшій

на себя расходы по снабженію Сборника рисунками съ древнихъ гравюръ, относящихся къ Астрахани. Въ виду этого секретаремъ Общества А. Н. Штылько вмѣстѣ съ членомъ Общества Н. Ф. Леонтьевымъ и предсѣдателемъ Общества В. Н. Виноградскимъ сдѣланъ былъ выборъ для Сборника слѣдующихъ картъ, видовъ и плановъ: 1) Карта Россіи, составленная Дженкинсономъ и изданная имъ въ 1562 г.; 2) Видъ г. Астрахани (1636—1638 гг.) и 3) Планъ этого города, изъ описанія путешествія А. Олеарія; 4) Видъ г. Астрахани (1669—1670 гг.), по изображенію, находящемуся въ описаніи путешествія І. Стрюйса; 5) Взятіе г. Астрахани (1670 г.) Стенькою Разинымъ, по изображенію, находящемуся въ описаніи того-же путешествія І. Стрюйса; 6) Карта устьевъ р. Волги съ планомъ г. Астрахани конца XVII в.; 7) Видъ г. Астрахани (1703—1707 гг.), изъ описанія путешествія К. Де-Бруина; 8) Планъ г. Астрахани 1798 г., утвержденный императоромъ Александромъ I іюня 25 дня 1801 г.; 9) Планъ г. Астрахани 1809 г., съ обозначеніемъ пунктирною чертою положенія берега Волги въ половинѣ XVIII столѣтія, и 10) Планъ г. Астрахани 1811 г. Выборъ этотъ былъ одобренъ Совѣтомъ и Общимъ Собраніемъ, и снимки членомъ Общества И. А. Бирюковымъ, во время бытности его въ С.-Петербургѣ, были заказаны въ цинкографіи П. О. Яблонскаго, которою своевременно они и были изготовлены.

Такова исторія перваго выпуска „Астраханскаго Сборника“, издаваемаго Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Представляя этотъ выпускъ благосклонному вниманію читателей, Совѣтъ Общества позволяетъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы этотъ Сборникъ принесъ имъ свою долю пользы и такимъ образомъ достигъ той цѣли, какую имѣли въ виду и его составители, и его издатели.

Карновичъ.

Карновичъ, Евгеній Петровичъ (род. 1825 г. † 25 октября 1885 г), писатель, авторъ многихъ историческихъ монографій, хроникъ и повѣстей, переводчикъ съ греческаго „Облаковъ“ Аристофана, издатель „Изслѣдованія о богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи“ и журнала „Мировой Посредникъ“, онъ редактировалъ также журналъ „Отголоски“. Воспитаніе получилъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 г.—Настоящая статья „Покореніе царства Астраханскаго“ заимствована изъ приложенія къ №№ 6 и 7 журнала „Народная школа“ за 1885 годъ.

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА АСТРАХАНСКАГО.

Въ степяхъ, широко разстилающихся въ предѣлахъ нынѣшней Астраханской губерніи, въ отдаленныя времена, еще до возникновенія русскаго государства, жилъ воинственный народъ, называвшійся казарами или хазарами, которыхъ считаютъ единоплеменниками нынѣшнихъ турокъ и отъ которыхъ не осталось уже никакихъ не только памятниковъ, но и слѣдовъ. Впослѣдствіи въ этихъ мѣстахъ жили кочевники, называвшіеся гоцами, огузами или узами, которые были разбиты татарами, при нашествіи на Русь Батыя. Въ исходѣ XIV столѣтія, появились въ астраханскихъ степяхъ полчища другаго знаменитаго завоевателя, Тамерлана. Эти маловодныя и безлѣсныя степи были однако удобны для жительства кочевыхъ народовъ, которые могли заниматься здѣсь охотою на дикихъ звѣрей. Въ промышленномъ отношеніи, при-астраханскія мѣстности издревле были извѣстны своими соленымъ озерами; здѣсь-то и возникло царство астраханское, получившее это названіе отъ имени своей столицы.

Первое извѣстіе о городѣ Астрахани, построенномъ еще хозарами, относится къ отдаленной древности. Онъ назывался Атель или Балангіаръ, а также Сумеркентъ, и славился своею торговлею. При нашествіи Батыя, жившіе въ Сумеркентѣ ясы оказали упорное сопротивленіе. Татары, какъ разсказываетъ извѣстный путешественникъ Рубруквисъ, осаждали его въ теченіе восьми лѣтъ и только съ трудомъ могли овладѣть имъ. Должно предполагать, что Сумеркентъ былъ хорошо обстроенный городъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, были видны развалины двухъ великолѣпныхъ зданій. Въ одномъ изъ нихъ найдено было нѣсколько гробовъ, обитыхъ серебромъ. Рвы были облицованы кирпичемъ, стѣны состояли изъ большихъ прекрасныхъ плитъ съ муравленными на нихъ украшеніями. Вмѣсто разрушеннаго Сумер-

кента, Батый въ 60-ти верстахъ отъ Волги, на берегахъ рѣки Ахтубы, построилъ новый городъ, получившій названіе Сарай и сдѣлавшійся столицею кипчакскихъ хановъ, но Сарай былъ разруменъ Тамерланомъ, который совершенно ослабилъ кипчакскую или большую орду, и тогда ханы ея перешли на жительство въ Хазиторокань или Астрахань. По поводу такого переселенія хановъ, считавшихъ себя владыками Руси, Никоновская лѣтопись говоритъ: „та большая орда имъ (Иваномъ III) порушилась и пошли цари ордынскіе жить въ Асторохани, а большая орда опустѣла, а мѣста ея области близь Асторохани, два днища (двое сутокъ) по Волгѣ вверхъ, именуется Большіе Сараи“.

Не смотря на то, что Астрахань сдѣлалась уже столицею кипчакскихъ хановъ, городъ этотъ во второй половинѣ XV столѣтія находился, по свидѣтельству путешественника Контарини, въ очень жалкомъ положеніи. Онъ состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ плохою стѣною, но жители его хвалились торговою знаменитостью Астрахани, разсказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Астраханскіе купцы доставляли въ Москву восточныя ткани, а сами покупали тамъ мѣха и сѣдла. Они очень хвалили великаго князя московскаго Ивана III за его щедрость и за пріязнь къ ханамъ, которые отправляли въ Москву ежегодныя дружескія посольства. Путь въ это время изъ Москвы въ Астрахань былъ опасенъ и труденъ. Нужно было опасаться нападенія хищныхъ татаръ; во время пути не было ничего видно, кромѣ неба и степи; очень часто встрѣчался недостатокъ въ водѣ; не было ни проложенныхъ дорогъ, ни мостовъ и переправъ, и путешественники сами должны были устраивать плоты для переѣзда черезъ рѣки. Контарини со своими спутниками пробылъ въ дорогѣ изъ Астрахани до Москвы съ 10 августа по 26 сентября, и во все это время ему попались на пути только два города, Рязань и Коломна, да и то ужь по близости Москвы.

Съ царствомъ и ордою Астраханью, которая стала называться ногайскою ордою, русскіе не могли ладить, какъ и съ Казанью, и Иванъ III писалъ къ хану Ямгурчею: „ваши люди изъ Асторохани и сего лѣта нашихъ людей рыболовей на Волгѣ побили и пограбили: ино пригоже ли ся такъ дѣлати?“.

Впрочемъ у хановъ астраханскихъ противникомъ былъ не одинъ только великій князь московскій, такъ какъ начавшіяся еще и прежде въ большой ордѣ междоусобія продолжались, и главнымъ противникомъ хановъ астраханскихъ былъ ханъ крымскій Менгли-Гирей. Сдѣлавшись союзникомъ Москвы, онъ, въ 1508 году, посовѣтовалъ тамъ отправить для укрощенія астраханцевъ судовую рать, но этотъ предполагаемый походъ не состоялся по неизвѣстнымъ причинамъ. Съ своей стороны Менгли-Гирей опасался, чтобы князья и мурзы астраханскіе не избрали себѣ въ ханы кого нибудь изъ казанскихъ царевичей, которыхъ онъ считалъ заклятыми своими врагами,

и заявлялъ, что ему было-бы удобнѣе, еслибы господство государя московскаго утвердилось въ царствѣ астраханскомъ; а преемникъ Менгли-Гирея, Магметъ-Гирей, предлагалъ московскому государю завоевать для него Астрахань, на что великій князь согласился, объявивъ, что и онъ самъ приметъ участіе въ этой войнѣ. Но такое предложеніе было коварствомъ: Магметъ-Гирей не только не думалъ пріобрѣтать Астрахани для великаго князя, но даже самъ пошелъ на Москву, и только извѣстіе о томъ, что астраханцы вторглись въ его владѣнія, принудило его поскорѣе вернуться въ Крымъ.

Позднѣе крымцы отмстили за это астраханцамъ. Магметъ-Гирей и ногайскій ханъ Мамай осадили Астрахань и завоевали ее. Магметъ-Гирей объявилъ себя властителемъ царства астраханскаго и праздновалъ въ Астрахани свою побѣду. Но ногаецъ Мамай посовѣтовалъ хану крымскому выйти изъ города, такъ какъ, по его словамъ, татарамъ свободно дышать только въ полѣ. Магметъ-Гирей послушался такого внушенія, вышелъ изъ Астрахани и разбилъ свою ставку подъ городомъ. Тогда ногайцы напали на крымцевъ, убили Магметъ-Гирея и нанесли его войску такой разгромъ, что остатки его едва могли спастись бѣгствомъ въ Крымъ. Такимъ образомъ, крымская и астраханская орды не успѣли соединиться между собою, и Москвѣ было легко справляться съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности.

Послѣ того, въ Астрахани воцарился новый ханъ Касимъ, предложившій въ 1533 году великому князю Василію Ивановичу тѣсный взаимный союзъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Москву своего нарочнаго посла, но не успѣлъ этотъ послѣдній доѣхать до Москвы, какъ черкесы напали на Астрахань, взяли ее, убили Касима и съ богатою добычею ушли въ горы. Второй изъ преемниковъ убитаго Касима, Абдылъ Рахманъ, далъ на себя великому князю „шертную“ или клятвенную грамоту въ томъ, что будетъ находиться съ нимъ въ истинной пріязни и ненарушимой дружбѣ.

Никоновская лѣтопись передаетъ это событіе такъ: „пріѣхалъ на Москву изъ Асторохани отъ Касима царя человѣкъ его Злоба съ товарищи, съ грамотою, а послѣ того пріѣхали съ Волги казаки городецкіе, да сказывали, что черкесы Асторохань взяли, царя и князей побили, а царемъ учинился Аккубекъ царевичъ“.

Въ 1538 году изъ Москвы послали въ Астрахань одного изъ боярскихъ дѣтей съ предложеніемъ союза Абдылъ-Рахману противъ крымцевъ и ногайцевъ. Царь охотно принялъ это предложеніе, но вслѣдъ затѣмъ ногайцы взяли Астрахань, прогнали Абдылъ-Рахмана и провозгласили царемъ хана Девершерлея. Но въ 1546 году царство астраханское подпало подъ власть крымцевъ, такъ какъ Астраханью овладѣлъ крымскій ханъ Саипъ-Гирей. Казалось, что вслѣдствіе покоренія Саипомъ цѣлаго царства астраханскаго, могущество его военныхъ силъ должно было значительно усилиться, но на дѣлѣ выходило иначе. Населеніе этого царства относительно своего пространства было весьма немногочисленно, и потому оно могло доставить только небольшое войско. Тѣмъ неменѣе, такая добыча была очень заман-

и побили и астраханскіе люди пошли на поле конные и пѣшіе, а воеводы дошли ихъ у Бѣлаго озера и тутъ многихъ побили и полону русскаго много отполонили, и астраханскіе люди почали бить челомъ"...

Захваченныхъ знатныхъ астраханцевъ русскіе приводили къ царю Дербышу; всѣ плѣнные изъявили готовность служить ему и быть въ зависимости отъ государя московскаго, а онъ приказалъ имъ всѣмъ оставаться въ городѣ, а простыхъ татаръ распустить по ихъ улусамъ. Приведенныхъ къ царю князей и мурзъ набралось до пятисотъ человѣкъ, а прочихъ до десяти тысящъ. Всѣ они вмѣстѣ съ ихъ царемъ, поклялись служить вѣрно царю Ивану, повиноваться ему и присылать ежегодно дань въ сорокъ тысячъ алтынъ и три тысячи рыбъ.

Обѣщались они также клятвенно, что въ случаѣ смерти Дербыша, нигдѣ нестанутъ искать себѣ царя, но будутъ ждать и примутъ къ себѣ того, кого назначитъ государь московскій. Въ клятвенной грамотѣ, составленной при этомъ и утвержденной печатями, царь Дербышъ предоставлялъ русскимъ людямъ свободно ловить рыбу отъ Казани до Каспійскаго моря вмѣстѣ съ астраханцами „безданно и безъявочно", т. е. русскіе не только не должны были платить царю ни какой пошлины съ ихъ улова, но даже и не должны были заявлять о немъ. Условіе это для русскихъ было весьма важно, такъ какъ въ прежнее время русскіе рыбопромышленники къ низовьяхъ Волги подвергались частымъ нападеніямъ со стороны астраханцевъ; ихъ или убивали или уводили въ плѣнъ, и изъ этого, какъ мы видѣли, возникали столкновенія между Москвою и Астраханью.

Такимъ образомъ, въ 1554 году, цари астраханскіе стали подручниками государя московскаго, но самое царство продолжало еще пользоваться независимостью. Оно не поступало еще въ подданство Москвы, такъ что русскіе были тамъ только главными распорядителями, а не властвовали еще непосредственно. Царемъ оставался Дербышъ, посаженный на астраханскій престолъ Иваномъ IV Васильевичемъ. Можно было однако предвидѣть, что такая полусамостоятельность царства астраханскаго вскорѣ окончательно прекратится:—для Москвы нуженъ былъ только поводъ, чтобы еще разъ вмѣшаться въ дѣла Астрахани.

Вѣсть о взятіи Астрахани пришла въ Москву 29 Августа, въ день рожденія государя, который по обыкновенію праздновалъ этотъ день въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ у него по этому случаю былъ въ гостяхъ митрополитъ и весь дворъ. Царь былъ чрезвычайно обрадованъ побѣдою своей рати надъ астраханцами, наградилъ воеводъ, благодарилъ войско и приказалъ служить всюду благодарственныя молебствія съ трехъ дневнымъ колокольнымъ звономъ. Съ своей стороны Дербышъ прислалъ въ Москву двухъ князей, чтобы поблагодарить государя за оказанное покровительство и за явленную имъ милость. 18-го Октября привезены были въ Москву взятыя въ плѣнъ астраханскія царицы и царевны. Иванъ принялъ ихъ съ подобающими почестями; за посадомъ ихъ

встрѣтили казначеи, а кушанье приносили имъ изъ царскаго дворца. Будучи пока очень доволенъ Дербышемъ и желая еще болѣе расположить его къ себѣ своими милостями, царь отдалъ ему слѣдовавшую въ Москву за первый годъ дань и приказалъ отпустить съ честью взятыхъ въ плѣнъ астраханскихъ царицъ и царевенъ, но младшая изъ царицъ пожелала креститься, вмѣстѣ со своимъ новорожденнымъ сыномъ. Царицу во святомъ крещеніи нарекли Іуліаніею, и государь выдалъ ее за одного изъ знатныхъ дворянъ, а рожденнаго ею въ дорогѣ сына окрестили именемъ царевича Петра.

Между тѣмъ князь Пронскій-Шемякинъ, занявъ Астрахань, освободилъ множество бывшихъ тамъ въ плѣну русскихъ и учредилъ такіе порядки, которые могли бы поддержать господство русскихъ и обезпечить безопасность царя Дербыша. Хотя Дербышу и покорились знатные князья и мурзы, но покорность ихъ была только притворная. Въ душѣ они таили къ нему непримиримую злобу за покорность его передъ московскимъ государемъ, который собственно и посадилъ его на царство силою своего оружія и подчинилъ его своей волѣ. Для защиты Дербыша, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для присмотра за нимъ, чтобы онъ незаводилъ сношеній съ ногайцами, ханомъ крымскимъ и султаномъ, изъ желанія заискать у нихъ покровительства или помощи противъ государя московскаго, князь Пронскій оставилъ въ Астрахани отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ одного изъ московскихъ дворянъ, и такой присмотръ за царемъ сильно раздражалъ и его, и его мнимыхъ подданныхъ, которые, при такихъ условіяхъ, сдѣлались собственно подданными уже не его, а царя Ивана.

Провѣдавъ, что послѣ ухода князя Пронскаго, въ Астрахани остались незначительныя русскія силы, Ямгурчей, желая свергнуть съ престола Дербыша, подступилъ къ Астрахани, но былъ отбитъ отъ нея стрѣльцами и казаками, а затѣмъ сталъ сноситься съ ханомъ крымскимъ, подбивая его противъ своего соперника Дербыша. Положеніе русскихъ въ Астрахани сдѣлалось опаснымъ, и они нашли нужнымъ выступить оттуда, изъ боязни, что ихъ могутъ истребить астраханцы, начавшіе угрожать имъ возстаніемъ. Отступившій отъ Астрахани русскій отрядъ встрѣтилъ на Волгѣ шедшихъ къ Астрахани казаковъ и стрѣльцовъ, и съ этимъ подкрѣпленіемъ вернулся въ Дербышу. Русскіе однако не нашли въ городѣ ни царя и никого изъ жителей. Всѣ убѣжали изъ города, такъ какъ распространился слухъ, что русскіе идутъ на Астрахань затѣмъ, чтобы, по повелѣнію государя, побить на смерть всѣхъ астраханцевъ. Русскимъ-же татары говорили, чтобъ они не ходили на Астрахань, такъ какъ туда, на помощь Дербышу, прислалъ ханъ крымскій трехъ своихъ царевичей съ пушками. Начальникъ русскаго отряда снесся съ Дербышемъ, и дѣло объяснилось: и тотъ и другой слухъ оказались ложными, и тогда „Дербышъ и вся рать пришли въ Астрахань“.

Вскорѣ однако дошли до Москвы изъ Астрахани новыя тревожныя вѣсти, что Дербышъ „не прямитъ“ государю и замышляетъ измѣну, что

онъ перевезъ къ себѣ знатныхъ мурзъ и укрѣпился съ ними, чтобы стоять противъ Москвы заодно. Чтобы предупредить могущую быть со стороны Дербыша измѣну, сопровождаемую вооруженнымъ возстаніемъ, государь отправилъ въ Астрахань головъ со стрѣльцами, но когда они пришли въ городъ, то застали его пустымъ, такъ какъ Дербышъ убѣжалъ къ морю. Стрѣльцы двинулись туда и нашли тамъ всѣ астраханскія суда; бывшихъ на нихъ людей они посѣкли, а самыя суда сожгли. Затѣмъ, ночью, въ двадцати верстахъ отъ этого мѣста, они разбили и самого царя Дербыша. Онъ, однако, послѣ этого собрался съ силами и, при помощи ногайскихъ и крымскихъ мурзъ, бился съ русскими цѣлый день, идучи по Волгѣ. Неизвѣстно, какой уронъ въ этой продолжительной битвѣ понесли обѣ стороны, но, судя по современнымъ той порѣ извѣстіямъ, надобно полагать, что битва эта не сопровождалась для русскихъ большою потерею, такъ какъ въ извѣстіяхъ этихъ сказано, что „головы отошли здорово“. Упомянутый уходъ астраханцевъ изъ города объясняется не испугомъ ихъ вслѣдствіе приближенія русскихъ, но тѣмъ, что передъ этимъ приходилъ на Астрахань донской атаманъ Ляпунъ, „поимавшій многіе улусы“, и астраханцы, устрашенные его нашествіемъ, убѣжали изъ города, чтобы укрыться въ мѣстахъ менѣе доступныхъ непріятелю.

Русскіе, занявъ теперь Астрахань, укрѣпились въ ней; разставили по Волгѣ казаковъ и стрѣльцовъ и тѣмъ стѣснили ногайцевъ, а у астраханцевъ отняли ихъ рыбныя ловли. Затѣмъ воевода пригласилъ Дербыша пріѣхать въ его столицу, но тотъ, опасаясь, что русскіе, узнавъ его измѣну, захватятъ его, въ Астрахань не поѣхалъ. Оказалось, что такое внушеніе дѣлали ему и такимъ образомъ отводили его отъ государя одинъ изъ донскихъ атамановъ, по имени Дуванъ, и одинъ крымскій мурза, котораго еще съ весны прислалъ къ Дербышу съ пушками ханъ крымскій.

Если въ политикѣ татарскихъ хановъ по отношенію къ Москвѣ постоянно проявлялись и коварство и вѣроломство, то тоже самое слѣдуетъ сказать и о той политикѣ, которой татары держались и во взаимныхъ сношеніяхъ со своими единовѣрцами и единоплеменниками. Такъ, между прочимъ ногайцы то передавались на сторону астраханцевъ, то дѣйствовали противъ нихъ заодно съ русскими. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые татарскіе мурзы неожиданно напали на станъ Дербыша, прогнали его самого, захватили его пушки и прислали ихъ къ русскимъ въ Астрахань. Дербышъ убѣжалъ въ Азовъ, а оттуда отправился въ Мекку, на поклоненіе гробу пророка.

Послѣ бѣгства Дербыша, „черные люди“, т. е. простой народъ сталъ приходить со всѣхъ сторонъ въ Астрахань и бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку, но многіе изъ нихъ были захвачены ногайцами и отведены въ ихъ улусы.

Въ началѣ 1557 года, въ Астрахани царя уже не было. Дербышъ скрылся, а Иванъ IV не желалъ ставить тамъ новаго царя, зная по опыту и въ Казани, и въ Астрахани—что на вѣрность такихъ подручниковъ полагаться нельзя. Въ то же время окрестные татары,—ногаи стали сближаться съ русскими. Они зимою на упомянутый годъ кочевали спокойно подъ самою Астраханью и „торговали всю зиму полюбовно, а изъ многихъ земель присылали, изъ Шевкалъ, изъ Шемахеи, изъ Дербена, изъ Юргенга, о братствѣ и о любви, и на веснѣ хотѣли со многими торги въ Астрахань“—доносилъ въ Москву начальствовавшій въ Астрахани русскій воевода. Такое донесеніе о дружелюбныхъ отношеніяхъ сосѣднихъ съ астраханскими предѣлами магометанскихъ народовъ имѣло двоякую важность: во первыхъ, непроявленіе въ этихъ народахъ вражды къ русскимъ предвѣщало прочность господства послѣднихъ въ этомъ краѣ, и, во вторыхъ, можно было ручаться за то, что, поставленная подъ непосредственную власть Москвы, Астрахань не утратитъ въ будущемъ важнаго торговаго значенія, принадлежавшаго ей искони.

Нѣсколько позднѣе воеводы доносили изъ Астрахани, что бывшіе у астраханцевъ „въ головахъ люди: моллы, хождіи, шихи и шихзады, князья, мурзы и казаки, и вся чернь дали правду (присягу) государю“ и что воеводы „раздавали имъ острови и пашни по старинѣ, и приказали ясаки платить по старинѣ, какъ прежнимъ царямъ платили, а князи отъ собя прислали, чтобъ ихъ государь въ Крымъ и въ Ногаи не выдалъ и въ холопствѣ у себя учинилъ“.

Царство астраханское, какъ мы уже замѣтили, далеко не было такъ могущественно, какъ царство казанское, и обладаніе имъ досталось Москвѣ гораздо легче, нежели обладаніе этимъ послѣднимъ. Съ Астраханью не приходилось Москвѣ вести такую упорную и продолжительную борьбу, какую она вела съ Казанью. Изъ Москвы на нее не посылали такихъ многочисленныхъ и сильныхъ ратей, какъ на Казань, и вообще не приводилось русскимъ испытывать въ этихъ мѣстахъ ни трудныхъ походовъ, ни разныхъ неудачъ. Сами государи не предпринимали на Астрахань лично походовъ, какъ на Казань, изъ которыхъ имъ не разъ случалось возвращаться вспять, возбуждая этимъ въ казанцахъ отвагу и такую дерзость, что казанцы вторгались въ русскіе предѣлы почти по пятамъ отходившихъ отъ Казани московскихъ войскъ. Въ исторіи покоренія Астрахани нѣтъ вовсе такихъ занимательныхъ страницъ, какія встрѣчаются въ описаніи осады Казани.

Не смотря, однако на такое сравненіе, пріобрѣтеніе Астрахани представлялось не только въ торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи чрезвычайно важнымъ, такъ какъ оно произвело сильное впечатлѣніе въ магометанскихъ странахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ предѣловъ бывшаго царства астраханскаго. Тамошніе властители увидѣли въ покорителѣ этого царства могущественнаго государя и начали искать его покровительства и защиты.

Относительно всего этого лучше привести подлинныя слова лѣтописи:

Пришли изъ Асторохани (въ Москву) послы отъ Крымшевкала и отъ всей земли Шевкалскія (въ Дагестанѣ), да отъ Тюменьскаго князя (Тюмень, находившійся близъ Астрахани, а не соименный ему городъ въ Сибири) съ поминки, бити челомъ государю, чтобъ государь всѣмъ имъ быти въ своемъ имени и въ холопствѣ у собѣ учинилъ, и что ся государю у нихъ полюбитъ, ино то все станутъ присылать ежегодъ. Пришли въ Москву послы (въ октябрѣ 1558 года) изъ Юргенга (Хивы) отъ царя Ходчихіа, посолъ Тенишъ Азей съ товарищи, съ поминки и съ великимъ челобитьемъ о любви, чтобъ государь велѣлъ дорогу гостямъ (купцамъ) дати и его бы берегъ... Пошли послы изъ Бухары, изъ Шамархани (Самарканда) отъ царя Бухарскаго и Шамарханскаго, Азаманъ, Азей, да Шихъ, съ любовнымъ челобитьемъ: просятъ дороги. Пришли послы изъ Тюмени отъ князя Тюменскаго, чтобы государь держалъ его въ своемъ имени—и отъ Шавкала, чтобъ государь оборонилъ ихъ отъ своихъ холопей, черкасскихъ князей".

Въ томъ же, т. е. въ 1558 году, въ Астрахань наѣхало множество купцовъ изъ Шемахи, Дербента, Дагестана, Тюмени, Хивы и Сарайчика, съ разными товарами, и это доказывало, что торговля этого города, послѣ утвержденія въ немъ русскаго господства, не пришла ни въ малѣйшій упадокъ.

Заискиваніе милости у государя московскаго со стороны азіатскихъ владѣтелей продолжалось и въ 1559 году. Къ этому году, тюменскій мурза Мамай, Агмѣевъ сынъ, пріѣхалъ въ Астрахань бить челомъ, чтобы государь далъ ему рать на дядю его, тюменскаго князя, и „учинилъ бы его, Мамая, на Тюмени, а онъ холопъ гусударевъ". „Да изъ Щелканъ (Шавкалъ) къ государю приказываютъ—доносилъ въ Москву астраханскій воевода,—чтобы прислалъ рать на Крымшевкала, а имъ бы далъ инаго, а они всею землею холопи государевы".

Въ Москвѣ придавали большое значеніе пріобрѣтенію московскимъ государствомъ ханства астраханскаго. Ханство это подъ названіемъ „царства астраханскаго" было внесено въ полный царскій титулъ. Иванъ IV сталъ именоваться,—въ дополненіе къ прежнимъ своимъ царскимъ титуламъ „Московскій и всѣя Руси" и „Казанскій",—и Астраханскимъ. Въ писанныхъ отъ него грамотахъ къ иностраннымъ государямъ—какъ, напримѣръ, королю шведскому—стали выставлять годы его государствованія не только на Москвѣ, въ Казани, но и въ Астрахани. О присоединеніи къ своей державѣ царства астраханскаго государь извѣстилъ короля польскаго, который съ своей стороны поздравилъ его съ побѣдою надъ невѣрными.

Независимо отъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты для удержанія Астрахани въ подданствѣ Россіи, охрану ея ввѣрилъ царь Иванъ Васильевичъ оставшемуся постоянно ему вѣрнымъ, ногайскому князю Исмаилу, который, усердствуя государю, доносилъ ему о всѣхъ замыслахъ разныхъ ногайскихъ князей на Астрахань и о сношеніяхъ ихъ, съ этою же цѣлью,

съ ханомъ крымскимъ. Между тѣмъ, господству Москвы надъ Астраханью стала грозить опасность съ другой стороны, а именно со стороны Турціи.

Турецкій султанъ Солиманъ, считая себя преемственно верховнымъ новелителемъ и защитникомъ правовѣрныхъ магометанъ во всей вселенной, страшно тревожился тѣмъ, что государь московскій успѣлъ уже покорить своей власти два магометанскихъ царства. Въ это время, въ 1563 году, въ Константинополь пробрался знатный бѣглецъ изъ Астрахани, князь Ярлыгашъ, и началъ внушать Салиману, чтобы онъ отнялъ Астрахань у московскаго царя, увѣряя, что астраханцы будутъ на сторонѣ турокъ, какъ своихъ единовѣрцевъ. Подсказанная Ярлыгашемъ мысль полюбилась султану, и онъ замыслилъ отнять сперва у Москвы Астрахань, а потомъ и Казань. При такомъ замыслѣ, Астрахань представляла то удобство, что походъ на нее не казался такимъ труднымъ, какъ походъ на Казань, да и кромѣ того, еслибы осуществилось предположеніе Солимана, то туркамъ открылся бы на Астрахань чрезвычайно удобный военный путь. Для устройства такого пути султанъ задумалъ соединить Донъ съ Волгою посредствомъ канала, прорытаго на такъ называемомъ переволокѣ—мѣстѣ, гдѣ обѣ эти рѣки всего ближе сходятся одна съ другою, такъ что пространство, раздѣляющее ихъ, значительно сокращается. Чтобы обезпечить этотъ путь, Солиманъ предположилъ выстроить на немъ крѣпость, а двѣ другія крѣпости поставить: одну на Волгѣ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ уѣздный городъ Саратовской губерніи Царицынъ,—а другую близъ Каспійскаго моря. Такимъ способомъ султанъ обезпечивалъ бы за Турціею и приазовскія владѣнія и открывалъ бы для турокъ удобный путь и къ Астрахани, а затѣмъ еще два пути: съ одной стороны въ Каспійское море, а съ другой—вверхъ по Волгѣ, по которому можно было бы подняться до Казани и, отнявъ ее у русскихъ, подчинить себѣ оба татарскія царства, подпавшія, къ крайнему прискорбію правовѣрныхъ, подъ власть нечестивыхъ. Въ такихъ обширныхъ и воинственныхъ своихъ замыслахъ султанъ болѣе всего полагался на своего подручника—хана крымскаго, которому и приказалъ съ его полчищами двинуться на Астрахань, обѣщая прислать ему по Дону пушки и людей способныхъ къ постройкѣ крѣпостей, причемъ имѣлось въ виду вызвать изъ западной Европы искусныхъ инженеровъ.

Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, получивъ такое приказаніе отъ султана, не желалъ выступить въ походъ. Прежде всего онъ послалъ извѣстительныя о томъ грамоты въ Москву, чтобы предварить государя объ опасности, какая грозитъ Астрахани со стороны Турціи, но на пути, близъ Ворсклы, казаки отняли у султанскихъ гонцовъ грамоты, которыя они везли съ собою, такъ что въ Москвѣ они могли только на словахъ, весьма необстоятельно и нетолково передать боярамъ, что хотѣлъ ханъ сообщить государю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отправляя къ Солиману въ подарокъ кречетовъ, ханъ приказалъ доложить падишаху, что пройти къ Астрахани невозможно и удержать ее

за собою онъ не можетъ, такъ какъ нынѣ онъ, ханъ, „съ московскимъ царемъ въ братствѣ учинился и салтанъ тотъ походъ астраханскій оставилъ“.

Встрѣчались еще на первыхъ порахъ владычества русскихъ въ Астрахани и другія затрудненія. Исмаилъ, ногайскій князь, которому—какъ мы уже замѣтили—Иванъ IV поручилъ наблюдать за Астраханью, княжилъ въ Сарайчикѣ, городкѣ, находившемся на берегу Яика, былъ и самъ въ затруднительномъ положеніи. Подданные его, называвшіеся „тумаками“ и занимавшіеся только земледѣліемъ, дѣлали обиды астраханцамъ, считавшимся уже подданными государя московскаго, который, для огражденія ихъ отъ обидъ, требовалъ, чтобы Исмаилъ перевелъ тумаковъ за Яикъ, а Исмаилъ съ своей стороны заявлялъ, что онъ этого сдѣлать не въ силахъ, и требовалъ болѣе тысячи московскихъ стрѣльцовъ для своей защиты отъ ногайскаго князя Казы-мурзы, союзника хана крымскаго, съ которымъ Иванъ хотѣлъ жить въ дружбѣ, а также просилъ о присылкѣ ему съѣстныхъ припасовъ и денегъ. Такъ какъ исполнить его требованія и просьбы было очень затруднительно, то надобно было опасаться, что онъ, недовольный Москвою, перестанетъ служить ей, и что тогда ногаи сдѣлаютъ попытку отнять Астрахань у русскихъ.

Въ 1567 году, русскому господству въ Астрахани стала снова грозить опасность со стороны Турціи. Хотя султанъ Солиманъ Великій, вслѣдствіе сообщеній, сдѣланныхъ ему крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и отказался отъ предполагавшагося похода на Астрахань, но сынъ его, Селимъ, задумалъ исполнить намѣреніе своего отца и возстановить господство магометанъ въ устьяхъ Волги. Къ этому склоняли Селима нѣкоторые ногайскіе князья, а также владѣтели Бухары и Хивы, выставляя султану царя московскаго, какъ противника и искоренителя ислама, и жалуясь на то, что онъ пресѣкъ ихъ подданнымъ путь въ священный для всѣхъ мусульманъ городъ—Мекку; что Астрахань была, есть и должна быть главною пристанью Каспійскаго моря для всѣхъ азіатскихъ торговыхъ судовъ и что съ этой пристани получается такой огромный доходъ, что теперь царь московскій имѣетъ отъ нея ежедневно около тысячи золотыхъ монетъ.

Въ архивныхъ нашихъ дѣлахъ обстоятельства эти излагаются въ такомъ видѣ: „прислалъ-дей (де) Турской (султанъ) сее весны (1567 г.) къ царю Крымскому Чеуша Маалета съ грамотою: были-дей у Турскаго изъ Юргенгъ послы, да изъ Бухаръ, кои шли къ Мекѣ на Асторохань, и тѣдей били челомъ Турскому, что государь Московскій поималъ юрты бусурманскія, взялъ Казань, да Астрахань и разорилъ-дей бусурманство, а учинилъ крестьянство, а ихъ-дей воюетъ, да иныя многія бусурманскія юрты, а въ Асторохань-дей изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, а доходитъ ему-дей въ Астороханѣ тамги на день по тысячѣ золотыхъ. И Турской-дей писалъ къ царю (хану крымскому), чтобы царь и царевичи сее шли къ Асторохани, а язъ-дей отпущаю отъ себя къ Асто-

рохани Крымгирея царевича, да съ нимъ Касыма князя и людей съ нарядомъ (артиллеріею) и ты бы-дей Асторохань взялъ и Крымгирея царевича учинилъ бы на Асторохани царемъ".

Приготовленія турокъ къ походу на Астрахань продолжались почти два года. Бывшіе въ это время въ царьградѣ литовскіе послы подбивали къ этому турокъ, но крымскій ханъ Девлетъ-Гирей,—который опасался и теперь, какъ и прежде, что господство султана въ Астрахани будетъ для него не выгоднѣе, чѣмъ господство государя московскаго,—отклонялъ Селима отъ его намѣренія. Девлетъ-Гирей говорилъ, что туркамъ на Астрахань нельзя идти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою потому, что турки не въ силахъ будутъ переносить господствующихъ въ тамошнихъ мѣстахъ, въ эту пору, холодовъ и сильныхъ вьюгъ, а лѣтомъ погибнутъ отъ безводья, а что если султанъ хочетъ ослабить Москву, то ему гораздо удобнѣе будетъ выжечь московскія украйны. Однако доводы хана были отвергнуты и, весною 1569 г., Селимъ, не слушая повторяемыхъ Девлетъ-Гиреемъ предостереженій противъ похода, отправилъ въ Кафу 15,000 спаговъ и 2,000 янычаръ и, отдавъ ихъ подъ начальство Касимъ пашѣ, приказалъ ему начать походъ на Астрахань. Касимъ прежде всего долженъ былъ остановиться на Переволокѣ и осуществить намѣреніе покойнаго султана Солимана, сдѣлавъ перекопъ между Дономъ и Волгою, и затѣмъ овладѣть Астраханью, а еслибы этого не удалось достигнуть, то основать въ окрестностяхъ Астрахани сильную крѣпость, показавъ тѣмъ, что земля астраханская принадлежитъ падишаху—повелителю всѣхъ правовѣрныхъ—и что султанъ не желаетъ отказываться отъ своихъ на нее правъ.

31-го мая 1569 года, Касимъ паша двинулся въ походъ на Астрахань со своими спагами и янычарами; туда же пошелъ, противъ своей воли, и крымскій ханъ съ пятидесятью тысячами конныхъ татаръ. Турецкое и татарское войска сошлись въ нынѣшной Качалинской станицѣ и остановились здѣсь въ ожиданіи прихода судовъ, которыя съ тяжелыми снарядами и богатою казною поднимались вверхъ по Дону.

На судахъ этихъ, для защиты всей упомянутой клади, было только 500 воиновъ и 2500 гребцовъ изъ христіанъ—невольниковъ. Послѣднимъ, повидимому, представлялся весьма удобный случай для побѣга изъ тяжелаго плѣна отъ нечестивыхъ, но они не могли ничего предпринять, такъ какъ всѣ были скованы цѣпями.

Въ числѣ этихъ невольниковъ были и русскіе, и разсказъ одного изъ нихъ, по прозванію Мальцева, о походѣ турокъ на Астрахань дошелъ до нашего времени.

Мальцевъ,—какъ оказывается изъ его разсказа—былъ посланъ государемъ въ нагайскіе улусы по дѣламъ. Когда онъ эти дѣла покончилъ, нагайцы отпустили его въ Москву съ двумя стами своихъ пословъ, но на переволокѣ напали на нихъ азовскіе казаки и взяли въ плѣнъ, вмѣстѣ съ

другими, и раненаго Мальцова, а затѣмъ отправили ихъ въ Азовъ, откуда Касимъ-паша взялъ плѣнника въ походъ на Астрахань, закованнаго на одну цѣпь съ четырьмя другими невольниками. „Турки—разсказывалъ Мальцевъ пошли подъ Астрахань съ великою похвалою Литвы высокословнѣе“, а рускихъ, въ числѣ 150 человѣкъ, въ томъ числѣ и Мальцева, отдали на „каторгу“, т. е. на судно, какому-то Мисюръ-Каптону (капитану). Всѣхъ „каторгъ“ было со сто. Плыли каторги отъ Азова до Переволоку пять недѣль, да на Переволкѣ пробыли двѣ недѣли.

Турки шли вдоль берега Дона конно, а „нарядъ“ везли на судахъ. Такой походъ не представлялъ особенныхъ трудностей, которыя начались собственно на Переволокѣ. Здѣсь туркамъ пришлось выволочить на берегъ и „нарядъ“ и запасы, и каторги, и суда, дѣлать волоки и колеса подъ нарядъ, суда и каторги, но вся эта тяжелая работа не пошла въ прокъ: колеса и волоки стали портиться, и весь прежній судовой грузъ пришлось вернуть назадъ въ Азовъ, внизъ по Дону, такъ какъ сдѣлать перекопъ нельзя было. Вслѣдствіе этого, при турецкомъ войскѣ осталось только три пушки, да ядра (поменьше головы человѣчьей). Турки, соединившись съ крымцами, шедшими степью, стали добывать языковъ по Дону и по Волгѣ, и узнали отъ нихъ, что государевы воеводы были на Волгѣ, на Царицыномъ островѣ.

Между тѣмъ Мальцова приковали къ пушкѣ, а когда татары, подошедшіе уже къ Астрахани, взяли въ плѣнъ одного монаха, то этого новаго плѣнника сковали вмѣстѣ съ Мальцовымъ, который научилъ его сказать,—чтобы напугать татаръ и турокъ,—будто близъ Астрахани стоитъ государевой судовой рати 30000 человѣкъ, и будто государь, сверхъ того, отпустилъ въ поле 100000 человѣкъ, и вдобавокъ къ тому на русской сторонѣ находятся еще ногаи и въ заключеніе всего этого вымышленнаго извѣстія монахъ долженъ былъ прибавить: „и Божіею милостію, царя нашего великою рукою, единаго надъ солнцемъ „страшила“ бусурмановъ и латыновъ, и всѣ восточныя государьства около Асторохани государьскаго имени съ великимъ страхомъ тренетуютъ“.

Не смотря на трудность сдѣлать перекопъ между Волгою и Дономъ и на возраженія среди самого турецкаго войска, что на такую работу нужно, покрайней мѣрѣ, сто лѣтъ еслибы даже созвать всѣхъ рабочихъ изъ царства оттоманскаго, турки принялись за безполезную работу, но къ нимъ явились послы астраханскихъ татаръ и уговорили Касимъ-пашу отправить снаряды, суда и каторги въ Азовъ, потому что все это дадутъ сами астраханцы, если султанское войско придетъ къ Астрахани, чтобы избавить ее отъ русскихъ. Между тѣмъ въ Астрахани стали готовиться къ торжественной встрѣчѣ избавителей.

Не смотря на все облегченіе отъ отправленнаго въ Азовъ груза, походъ турокъ въ безводныхъ мѣстахъ былъ изнурителенъ. „И сами ся (турки) дивять—сообщалъ Мальцовъ—и царя своего, Селимъ-Салтана, зовутъ не-

счастливымъ какъ сѣлъ на государство, впервые свою рать отпустилъ... Гдѣ намъ—добавляетъ—Мальцовъ—и великіи бои бывали, а столь истомны не прихаживали; и только бы на насъ люди были, и намъ было ни одному назадъ не бывати".

Объ этомъ замѣчательномъ походѣ турокъ и татаръ на Астрахань сохранились извѣстія и у иностранныхъ писателей: Одеборна и Стрыйковскаго. Первый сообщаетъ, что турецко-татарское войско, двинувшееся на Астрахань, простиралось до 300,000 человѣкъ, и разсказываетъ, что оно, прозимовавъ подъ Астраханью, доходило весною 1570 года оттуда до Казани; что между тѣмъ князь Серебряный, выступивъ изъ Астрахани, разбилъ турокъ, которые ожидали прихода судовой рати по Каспійскому морю, но она была задержана бурями. Къ этому Одеборнъ прибавляетъ, что русскіе, жившіе по берегамъ Волги, потопили множество турецкихъ судовъ, что голодъ и болѣзни истребили большую часть турецкаго войска, а остальные утонули въ Азовскомъ морѣ.

Стрыйковскій, въ свою очередь, повѣствуетъ, что конныхъ турокъ въ войскѣ Касима-паши было 25,000, пѣшихъ 50,000, татаръ 80,000 и 150 судовъ; что русскіе, побивъ на Переволокѣ янычаръ, отняли у турокъ суда; что конные турки потерпѣвъ страшный голодъ подъ Астраханью, на возвратномъ пути отчасти умерли, отчасти утонули, отчасти были истреблены русскими, такъ что въ Царьградъ возвратилось ихъ не болѣе двухъ тысячъ.

По извѣстію же англичанъ, находившихся во время описываемаго похода въ Астрахани, число турокъ и крымцевъ, ходившихъ на нее, простиралось въ общей сложности до 70,000 человѣкъ.

Для насъ, однако, важнѣе всего свидѣтельство не только нашего соотечественника, но и очевидца этого похода, даже до нѣкоторой степени и его невольнаго участника, Мальцева. Замѣтимъ, кстати, что послѣ этого похода Семенъ Мальцевъ попалъ въ Крымъ, гдѣ онъ и былъ выкупленъ изъ неволи русскимъ посломъ Аѳанасіемъ Нагимъ и послѣ выкупа возвратился въ Москву, гдѣ и составилъ записку объ упомянутомъ походѣ.

Иванъ IV вовсе не былъ радъ начавшейся войнѣ съ Турціею. Блестящихъ успѣховъ въ этомъ столкновеніи ему ожидать было нельзя, а между тѣмъ оно грозило и неудачами и чрезвычайными расходами. Желая однако въ то же время оградить взятыя имъ у татаръ Казань и Астрахань, Иванъ началъ собирать свою рать въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ въ такомъ мѣстѣ, которое по своему положенію на Волгѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этой двоякой цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отрядилъ съ небольшою дружиною князя Петра Серебрянаго, чтобы онъ занялъ Астрахань и держался въ ней до прихода главныхъ московскихъ силъ, которыя—какъ надобно полагать, судя по ихъ многочисленности—въ состояніи были бы оттѣснить отъ Астрахани и турокъ и татаръ. Послалъ онъ также въ Кафу, къ тамошнему пашѣ, своихъ гонцовъ съ большими дарами, чтобы

склонить пашу хоть временно къ миролюбивому дѣйствію въ отношеніи Россіи, но паша, принявъ царскіе дары и поцѣловавъ его грамоту, чествовалъ русскихъ пословъ только три дня, а на четвертый заключилъ ихъ подъ стражу. Война съ Турціею и съ Крымомъ тревожила Ивана, но онъ успокоился, когда узналъ, что Девлетъ-Гирей былъ противъ похода на Астрахань и принялъ въ немъ участіе только по настоятельному требованію султана. Царь предвидѣлъ, что хитрый ордынецъ, такъ или иначе, съ умѣетъ поставить на своемъ, т. е. не допуститъ султана утвердить свою власть надъ царствомъ астраханскимъ,—и соображенія Ивана вполнѣ оправдались въ недалекомъ будущемъ.

Когда Касимъ-паша и Девлетъ-Гирей приблизились къ Астрахани, то они расположили свой станъ не далеко отъ самого города, на такъ называемомъ городищѣ. Здѣсь ихъ ожидали уже астраханцы съ судами, согласно обѣщанію, данному туркамъ черезъ астраханскихъ пословъ на Переволокѣ. Сюда же явились и ногайцы, увѣрявшіе пашу и хана въ своей преданности и въ своей готовности помогать имъ въ войнѣ противъ русскихъ. Касимъ распорядился, чтобы ногаи прикочевали къ Волгѣ, а самъ началъ строить крѣпость на городищѣ. Турецкое войско поняло, что такая постройка не предвѣщаетъ для него ничего хорошаго и что оно принуждено будетъ, среди трудовъ и разнаго рода лишеній, прозимовать подъ Астраханью. Турецкіе и татарскіе военачальники, понимавшіе лучше, чѣмъ самъ Касимъ-паша, условія успѣшной войны, дивились тому, что ихъ главный начальникъ не идетъ прямо на городъ и не беретъ его приступомъ, такъ какъ всѣмъ была извѣстна немногочисленность русскаго войска, охранявшаго Астрахань. Въ медлинныхъ дѣйствіяхъ Касима-паши представлялась большая невыгода для турокъ и для татаръ и, напротивъ, оказывалось большое удобство для русскихъ. Пользуясь медленностію паши, Иванъ, застигнутый войною врасплохъ, имѣлъ теперь возможность собрать сильное войско и ударить съ нимъ на турокъ и татаръ, въ особенности, когда они будутъ истомлены продолжительною тревожною стоянкою и у нихъ не будетъ достаточнаго продовольствія.

Но еще болѣе взволновалъ турокъ слухъ, что по окончаніи постройки крѣпости оборонять ее должны будутъ одни только турки, такъ какъ крымцы уйдутъ изъ-подъ Астрахани въ свои улусы. Роптавшіе и прежде на Касимъ-пашу турки теперь взбунтовались противъ него явно и объявили ему рѣшительно, что никто изъ нихъ не останется зимовать подъ Астраханью. Касимъ сначала упорствовалъ и грозилъ зачинщикамъ военнаго мятежа жесточайшими казнями, но вдругъ неожиданно велѣлъ зажечь построенныя уже имъ деревянныя укрѣпленія и, вмѣстѣ съ крымцами и ихъ ханомъ, началъ поспѣшное отступленіе отъ Астрахани. Причиною тому былъ слухъ, что князь Серебряный вступилъ со своимъ отрядомъ въ городъ и что слѣдомъ за нимъ идетъ сильная московская рать. Бѣжавшихъ безъ оста-

новки днемъ и ночью турокъ встрѣтили на Бѣломъ озерѣ гонцы султанскіе и литовскіе. Они привезли отъ Селима повелѣніе, чтобы Касимъ-паша во что-бы то ни стало непремѣнно продержался подъ Астраханью до весны, такъ какъ туда, къ этому времени, подойдетъ изъ Царьграда новая сильная турецкая рать, а ханъ крымскій двинется со своею ордою на Москву.

Такое султанское повелѣніе не подѣйствовало однако ни на самого пашу, ни на его соратниковъ: они продолжали бѣжать. Съ своей стороны Девлетъ-Гирей, не желавшій, какъ мы уже говорили, идти въ походъ на Астрахань для подчиненія ея власти падишаха, воспользовался безоглядочнымъ отступленіемъ турокъ и, не смотря на то, что ему самому приходилось губить свое войско, направлялъ турокъ, въ качествѣ путеводителя, въ такія мѣста, гдѣ не было воды и продовольствія ни для людей, ни для коней, и на этомъ пути во множествѣ умирали люди и падали кони, изнуренные жаждою и голодомъ. Между тѣмъ казаки стерегли въ засадахъ отступавшихъ враговъ; они нападали врасплохъ на истомленныхъ турокъ и татаръ, и убивали ихъ или забирали въ полонъ. Съ своей стороны русскіе совершенно бездѣйствовали: они вовсе не преслѣдовали бѣгущихъ, вѣроятно, боясь далеко забраться въ степи и полагая, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ происходило отступленіе врага, онъ будетъ болѣе ослабленъ жаждою и голодомъ, нежели битвою, которая, даже при самомъ вѣрномъ разсчетѣ на побѣду для рускихъ, можетъ, однако, по какой нибудь случайности, кончиться неудачно для нихъ самихъ. Только черезъ мѣсяцъ послѣ отступленія отъ Астрахани, турки, испытывая страшныя лишенія, добрались до Азова. Касимъ-пашѣ, за его неудачный походъ, угрожала присылка шолковой петли изъ Царьграда, но онъ успѣлъ золотомъ, розданнымъ приближеннымъ султана, отвратить угрожавшую ему гибель.

Много было разныхъ причинъ тому, что походъ турокъ на Астрахань былъ крайне неудаченъ. Касимъ-паша съ своей стороны оправдывался тѣмъ, что походъ былъ предпринятъ въ самое неблагопріятное время, когда ручьи стали уже высыхать и трава, палимая въ степяхъ горячими лучами лѣтняго солнца, погорѣла, и говорилъ, что еслибы походъ былъ предпринятъ раньше, то онъ былъ бы удаченъ. Такое оправданіе паши не было лишено основаній, но тѣмъ не менѣе были еще и другія причины неудачи, и одною изъ нихъ слѣдуетъ считать плохой составъ турецкаго войска. Упомянутый выше Семенъ Мальцевъ передаетъ, что литовскій гонецъ въ Царьградѣ дивился „турецкой худобѣ“ и говорилъ, что въ Царьградѣ онъ слышалъ, что изъ всей турецкой земли были выбраны лучшіе люди и посланы подъ Астрахань, „а язъ—разсказывалъ гонецъ—такихъ худыхъ людей нигдѣ не видѣлъ“.

Девлетъ-Гирей теперь торжествовалъ, вспоминая, что онъ отклонялъ Селима отъ похода на отдаленную отъ Турціи Астрахань и заранѣе предсказывалъ султану неудачу такого предпріятія. Между тѣмъ находившемуся

Отд. «Астраханская

у него въ Крыму русскому послу онъ сказалъ, что государю московскому слѣдуетъ благодарить его Девлетъ-Гирея, за то, что онъ погубилъ турецкое войско; что онъ не хотѣлъ ни подступать къ Астрахани въ то время, когда такъ легко было овладѣть ею, ни строить крѣпости на Городищѣ. Такое противодѣйствіе туркамъ ханъ объяснялъ тѣмъ, что, во-первыхъ, онъ участвовалъ въ походѣ на Астрахань противъ своей воли, во-вторыхъ, что онъ желалъ угодить государю московскому, и, въ третьихъ не хотѣлъ видѣть, чтобы возстановленныя царства татарскія находились подъ властью турокъ.

Если Девлетъ-Гирей дѣйствовалъ въ отношеніи султана Селима коварно, то дѣлалъ онъ это не изъ желанія угодить царю Ивану, а намѣревался добыть для себя и Казань и Астрахань. Въ 1572 году онъ объявилъ своимъ князьямъ и вельможамъ, что напрасно тратить время на переписку съ государемъ московскимъ о Казани и Астрахани, но что гораздо лучше рѣшить это дѣло изустно, встрѣтившись съ нимъ лицомъ къ лицу въ Москвѣ. Онъ собралъ громадное войско, въ составѣ котораго были ногаи, султанскіе янычары, и двинулся хорошо знакомымъ путемъ по берегу Дона. Но воевода князь Воротынскій сошелся, 1-го августа 1572 года, со стодвадцати-тысячнымъ ханскимъ войскомъ въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ Молодяхъ. Здѣсь произошла жестокая битва, и московскіе полки разбили на-голову ордынцевъ.

Послѣ этого пораженія, Девлетъ-Гирей увидѣлъ невозможность тягаться съ Москвою за Астрахань, и крымцы при своихъ нападеніяхъ на русскіе предѣлы не думали ее завоевать. Султанъ тоже пересталъ заявлять свои притязанія на царство астраханское, и оно вполнѣ и безспорно вошло въ составъ русскаго государства.

Контарини.

Амброзіо Контарини принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ венеціанскихъ фамилій. Въ 1473—7 г.г. по порученію Венеціанской республики онъ отправился въ Персію, къ могущественному въ то время владѣльцу Узунъ Хасану, съ цѣлію склонить его объявить войну Турецкой имперіи, возраставшее могущество которой становилось грознымъ для Венеціи. Описаніе его путешествія въ первый разъ вышло въ Венеціи въ 1487 г. и переведено на многіе европейскіе языки. У насъ оно переведено съ итальянскаго подлинника В. Семеновымъ и помѣщено вмѣстѣ съ записками другихъ путешественниковъ въ „Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи", изд. 1836 г., подъ заглавіемъ „Путешествіе Амвросія Контарини, посла Свѣтлѣйшей Венеціанской Республики къ знаменитому Персидскому Государю Узунъ Гасану, совершенное въ 1473 г.", откуда и взята помѣщаемая выдержка. Возвращаясь изъ Персіи на родину, онъ посѣтилъ Москву во время княженія Ивана III Васильевича, при чемъ ему пришлось держать путь чрезъ нынѣшнюю Астраханскую губернію. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого пути, и описаны въ приводимой здѣсь 7 главѣ его сочиненія. По словамъ Контарини, упоминаемый спутникъ Маркъ (Маркъ Россо) былъ посломъ Великаго князя Московскаго при дворѣ Узунъ Хасана.

Свѣтлѣйшій Посолъ, переплывъ чрезъ Каспійское море, пріѣзжаетъ въ Цитрахань, гдѣ претерпѣваетъ разныя притѣсненія отъ Татаръ, и потомъ отправляется съ караваномъ въ Московію.

15-го числа утромъ подулъ опять попутный вѣтеръ и мы поплыли далѣе, безпрерывно лавируя между помянутыми камышевыми островами, а 26-го числа вошли въ устье Волги (Volga), величайшей изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣкъ. Она беретъ начало свое въ Россіи, впадаетъ, какъ говорятъ, семидесятью рукавами въ Бакинское море и во многихъ мѣстахъ очень глубока. Отъ устья Волги до Цитрахани считается не болѣе 75-ти миль; но теченіе здѣсь такъ быстро, что мы не прежде, какъ 30-го числа, могли достичъ города, да и то съ пособіемъ бичевы, а кое гдѣ и съ помощію попутнаго вѣтра. Неподалеку отъ Цитрахани, на пути къ морю, находится соленое озеро,—столь обширное, что добываемой изъ него соли достаточно бы было для продовольствія большей части вселенной. Оно снабжаетъ превосходною солью почти всѣ Россійскія владѣнія. Татары (т. е. Государь, господствующій въ Цитрахани) сначала никакъ не позволяли намъ сойти въ тотъ же день на берегъ; но Маркъ, съ помощію нѣкоторыхъ пріятелей, бывшихъ у него въ городѣ, исходатайствовалъ для себя это позволеніе, а къ вечеру и меня съ свитою моею выпустили также изъ

лодки и отвели въ маленькій домикъ, гдѣ находился уже Маркъ. Помѣстившись кое какъ въ небольшой каморкѣ, мы провели тутъ спокойно ночь. На утро же пришли къ намъ трое Татаръ съ лицами узкими и плоскими какъ доски и, потребовавъ меня къ себѣ, объявили, что Марку опасаться нечего; ибо онъ другъ ихъ Государю; но что я, какъ Франкъ и врачъ Хана, долженъ непремѣнно сдѣлаться рабомъ его. Таковый пріемъ крайне поразилъ насъ, но Маркъ взялся отвѣчать за меня, совѣтуя мнѣ молчать и предаться совершенно его покровительству, что я и долженъ былъ исполнить.

1-го Маія 1476 года возвратился я назадъ въ свою каморку, почти полумертвый отъ страха и не зная самъ, чѣмъ все это кончится; а между тѣмъ опасность съ каждымъ днемъ увеличивалась, тѣмъ болѣе, что Ханскіе досмотрщики (Commerchieri) объявили, будто у насъ находится множество драгоцѣнныхъ вещей, тогда какъ я привезъ съ собою изъ Дербента однѣ только бездѣлушки, и то въ намѣреніи промѣнять ихъ потомъ на какую либо лошаденку, для продолженія моего пути. Всѣ эти бездѣлушки были у насъ отняты, а мнѣ объявили чрезъ посредство Марка, что я буду проданъ на рынкѣ. Не смотря однако на таковое рѣшеніе, я успѣлъ кое какъ, съ помощію Марка и нѣсколькихъ купцевъ, отправлявшихся въ Московію, уладить это дѣло за 2,000 алермовъ (alermi), которые долженъ былъ заплатить за выкупъ свой Хану, не считая въ то число разныхъ подарковъ другимъ лицамъ; а какъ у меня не оставалось ни одной копѣйки, то деньги эти я принужденъ былъ занять у Русскихъ и у Татарскихъ купцевъ, отправлявшихся въ Московію, за большіе проценты и неиначе, какъ за поручительствомъ означеннаго Марка. Такимъ образомъ удовлетворили мы Хана; но этимъ дѣло еще не кончилось. Повѣренный его всякій разъ, когда Маркъ выходилъ со двора, являлся къ нашему жилищу и, стуча изо всей силы въ дверь, страшнымъ голосомъ грозилъ посадить меня на колъ, если я не выдамъ ему всѣхъ моихъ драгоцѣнностей. Дѣлать было нечего. Чтобы развязаться съ нимъ, надлежало каждый разъ задобривать его какимъ либо подаркомъ. Часто также хмѣльные Татары, упившіеся напиткомъ, приготовляемымъ у нихъ изъ меда, толпою подходили къ дому нашему и громко требовали Франковъ. Невозможно было безъ страха слышать этихъ ужасныхъ криковъ и мы, чтобы избавиться отъ оныхъ, всякій разъ должны были задаривать ихъ. Въ Цитрахани пробылъ я съ 1-го Маія по день Св. Лаврентія, т. е. по 10 Августа. Городъ этотъ принадлежитъ тремъ племянникамъ нынѣшняго Татарскаго Хана (Imperadore), которые со всѣмъ народомъ своимъ кочуютъ на равнинахъ Черкессіи и около Таны, приближаясь иногда во время жаровъ, для прохлады и свѣжихъ пажитей, къ предѣламъ Россіи; а въ Цитрахани живутъ только зимою, въ продолженіи нѣсколько мѣсяцевъ. Самый городъ, лежащій на берегу Волги не очень обширенъ и окруженъ низкою стѣною; домы же въ немъ почти всѣ мазанные, хотя кое гдѣ видны еще свѣжіе остатки большихъ зданій разрушенныхъ вѣроятно въ не-

давнемъ времени. Говорятъ, что прежде Цитрахань была значительнымъ торговымъ мѣстомъ и что сюда привозились всѣ товары, отправляемые изъ Венеціи чрезъ Тану. Въ обмѣнъ же за оные, сколько могъ я понять и развѣдать, брали разныя пряности, которыя отвозили потомъ въ Тану, отстоящую, какъ говорятъ, отъ Цитрахани не далѣе 8 дней пути.

10-го Августа 1476 года, въ день св. Лаврентія, мы, какъ выше сказано, выѣхали изъ Цитрахани въ слѣдующемъ порядкѣ. Ежегодно Государь Цитраханскій, именуемый Ханомъ Казимомъ (Casimi Can), отправляетъ Посла своего въ Россію, къ Великому Князю, нестолько для дѣлъ, сколько для полученія какого либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ татарскихъ купцевъ съ Джездскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и иныя необходимыя для нихъ вещи; а какъ дорога отъ Цитрахани до Москвы лежитъ почти безпрерывно чрезъ степь, то всякій путешественникъ и долженъ запастись нужными жизненными припасами на все время пути своего.

Впрочемъ сами татары мало объ этомъ заботятся, ибо имѣютъ всегда при караванѣ множество лошадей, которыхъ убиваютъ для своего прокормленія. Они вообще питаются однимъ лошадинымъ мясомъ и молокомъ и даже не ѣдятъ хлѣба, коего употребленіе извѣстно только купцамъ бывшимъ въ Россіи. По этой причинѣ для насъ крайне было затруднительно продовольствовать себя въ дорогѣ пищею. Весь запасъ нашъ состоялъ изъ небольшаго количества сарачинскаго пшена, смѣшаннаго съ кислымъ молокомъ и высушеннаго потомъ на солнцѣ. Это кушанье называется на татарскомъ языкѣ туръ (thur). Оно твердо, нѣсколько кисловато и, по увѣренію татаръ, очень питательно. Сверхъ означеннаго пшена имѣли мы у себя небольшой запасъ чесноку, луку и хорошей пшеничной муки, а также нѣсколько сухарей, которые я добылъ съ большимъ трудомъ, да еще въ самый день нашего отъѣзда удалось мнѣ достать баранью ногу. Прямой путь нашъ лежалъ между двумя рукавами рѣки, но какъ Казимъ Ханъ находился тогда въ войнѣ съ дядею своимъ, Ханомъ татарскимъ, ибо объявилъ притязанія на владѣніе большею ордою, бывшею прежде подъ управленіемъ его отца, то и велѣно было каравану нашему переправиться на другую сторону Волги, дабы поскорѣе достигнутъ узкаго прохода между Волгою и Танаисомъ, отстоящаго на 5 дней пути отъ Цитрахани, и поминованіи коего намъ нечего уже было опасаться. Вслѣдствіе таковаго распоряженія весь караванъ погрузилъ пожитки свои и жизненные припасы на суда, для переправы оныхъ на противоположный берегъ Волги и такъ какъ Маркъ пожелалъ, дабы наши вещи и запасы были также отправлены вмѣстѣ съ прочими, то я и отрядилъ туда служителя своего Венгерца Іоанна и отца Стефана; самъ же остался въ городѣ дожидаться означеннаго посла, называвшагося Анхіоли (Anchioli) и обѣщавшаго въ полдень заѣхать за мною и доставить

благополучно къ мѣсту, куда отправлены были барки. Мѣсто это отстоитъ отъ города не далѣе 12 миль. Въ назначенный часъ сѣлъ я на лошадь и, вмѣстѣ съ посломъ и моимъ переводчикомъ, пустился въ путь. Мы ѣхали съ большою осторожностію и въ ужасномъ страхѣ и за часъ до сумерекъ прибыли къ перевозу, въ намѣреніи, когда стемнѣетъ, переправиться на противуположный берегъ рѣки, гдѣ находились спутники наши. Вдругъ Маркъ позвалъ меня къ себѣ такимъ страшнымъ голосомъ, что я подумалъ: не насталъ ли послѣдній часъ жизни моей,—и велѣлъ мнѣ сѣсть немедленно на коня и вмѣстѣ съ переводчикомъ моимъ и какою то Русскою женщиною, отправиться въ путь, въ сопровожденіи одного татарина, съ самою отвратительною рожею. Болѣе не объяснилъ онъ мнѣ ничего, а только примолвилъ: скачи! скачи скорѣе! Не смѣя противорѣчить, я молча повиновался и тотъ же часъ поскакалъ вслѣдъ за означеннымъ татариномъ. Мы ѣхали безъ отдыха всю ночь и остановились не ранѣе какъ на другой день, около полудня. Нѣсколько разъ спрашивалъ я проводника нашего, куда онъ везетъ меня, но ни какъ не могъ добиться отвѣта. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что Ханъ приказалъ осмотрѣть всѣ лодки, для каравана приготовленныя,—и еслибъ меня нашли тамъ, то я бы навѣрное былъ задержанъ. Вотъ причина, по которой Маркъ съ такою поспѣшностію отправилъ меня.

13-го Августа, въ полдень, какъ выше сказано, прискакали мы къ берегу Волги,—и татаринъ немедленно бросился искать лодки для перевоза насъ на небольшой островокъ, посреди рѣки находящійся, и гдѣ паслись стада означеннаго Анхіоли. Не нашедъ ея, онъ скрутилъ какъ могъ нѣсколько хворосту вмѣстѣ и привязавъ этотъ плотъ веревкою къ хвосту коня своего, положилъ на оный сѣдла наши; а самъ сѣлъ на лошадь и, погнавъ ее въ воду, переѣхалъ такимъ образомъ на островъ, отстоящій отъ берега не далѣе двухъ перелетовъ стрѣлы. Послѣ сего онъ возвратился къ намъ и точно также поревезъ русскую женщину, а потомъ взялъ и меня. Видя всю опасность предстоявшей переправы, я снялъ съ себя платье и, оставшись въ одной рубашкѣ, (что конечно было бы для меня ничтожнымъ пособіемъ въ случаѣ несчастія) взошелъ благословясь на плотъ и, съ помощію Божіею, благополучно переѣхалъ на островъ. Переводчикъ же мой предпочелъ пуститься вплавь, и также, не смотря на всѣ опасности, достигъ берега безъ всякихъ приключеній. Переправивъ такимъ образомъ всѣхъ насъ, татаринъ опять возвратился на прежнее мѣсто и перегналъ нашихъ лошадей, на которыхъ мы немедленно поскакали къ его жилищу, состоявшему изъ шалаша, покрытаго войлокомъ. Такъ какъ я въ продолженіи двухъ дней совершенно ничего не ѣлъ, то, по прибытіи моемъ, хозяинъ нашъ тотъ же часъ принесъ мнѣ немного кислаго молока, которое показалось мнѣ отмѣнно вкуснымъ,—и за которое я былъ ему крайне благодаренъ. Вскорѣ подошло къ намъ еще нѣсколько татаръ, находившихся на островѣ съ стадами своими. Они крайне удивились, увидя меня,

ибо еще никогда не встрѣчали въ этомъ мѣстѣ христіанина. Я боялся вступить съ ними въ разговоръ и притворился больнымъ. Хозяинъ мой также молчалъ, страшась, какъ я полагаю, посла, который считается у нихъ весьма важнымъ человѣкомъ,—и такимъ образомъ пришедшіе ничего обо мнѣ не узнали. 14 числа, наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы, татаринъ нашъ для моего угощенія велѣлъ убить тучнаго баранка и часть онаго сварить, а другую зажарить, не перемывъ его однако прежде, ибо, по мнѣнію ихъ, отъ чищенія мясо теряетъ свой вкусъ. Они даже не даютъ ему вскипѣть надлежащимъ образомъ и пѣну снимаютъ въ небольшомъ количествѣ маленькимъ прутикомъ. Вмѣстѣ съ бараниной принесъ онъ мнѣ кислаго молока и не смотря на то, что это было наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы (у которой я умиленно просилъ прощенія въ грѣхѣ моемъ; ибо не могъ терпѣть долѣе), мы всѣ съ жадностію принялись за поданное намъ кушанье. Послѣ того хозяинъ принесъ еще кобыльяго молока, составляющаго любимую пищу татаръ, и убѣждалъ меня отвѣдать онаго, говоря, что оно очень крѣпительно; но я никакъ не могъ рѣшиться пить его, по причинѣ проклятаго его запаха. Отказъ мой повидимому крайне не понравился татарину.

На островѣ оставались мы до 16 числа, то есть до прибытія каравана. Маркъ, немедленно по пріѣздѣ своемъ, прислалъ за мною одного изъ Русскихъ своихъ служителей, въ сопровожденіи татарина, приказавъ имъ перевезти меня на лодкѣ къ тому мѣсту, гдѣ присталъ караванъ. Отецъ Стефанъ и Венгерецъ Іоаннъ, почитавшіе меня уже совсѣмъ погибшимъ, крайне обрадовались, когда меня увидѣли и съ умиленнымъ сердцемъ благодарили Господа за мое спасеніе. Недовольствуясь симъ, Маркъ снабдилъ еще насъ для дороги потребнымъ количествомъ лошадей.

Пробывъ въ этомъ мѣстѣ для отдохновенія весь день 16 числа, мы на слѣдующее утро пустились въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Московіи. Посолъ начальствовалъ всѣмъ караваномъ, состоявшимъ изъ 300 человѣкъ Русскихъ и Татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, какъ для прокормленія своего въ пути, такъ равно и для продажи въ Россіи. Мы шли въ большемъ порядкѣ, держась все берега рѣки, и останавливались только на ночь, для отдыха, и въ полдень, для привала; черезъ 15 же дней миновали тотъ узкій проходъ, въ которомъ опасались нападенія Хана Большой орды. Не излишнимъ почитаю объяснить здѣсь, что орда эта имѣетъ своего Государя (имени его не припомню), который повелѣваетъ всѣми Татарами, въ сихъ странахъ находящимися.
Татары эти, какъ я уже прежде сказалъ, кочуютъ по мѣстамъ, изобильнымъ тучными пажитями и водою, (никогда не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ) и живутъ мясомъ и молокомъ. У нихъ такіе коровы и быки, какимъ подобныхъ, я думаю, не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ; бараны и овцы также отличной породы; а мясо необыкновенно вкусно, по причинѣ тучныхъ

пажитей, на которыхъ пасется скотъ. Впрочемъ Татары всему предпочитаютъ кобылье молоко. Я самъ не былъ въ ордѣ, а только старался узнать отъ другихъ о ея устройствѣ и могуществѣ,—и всѣ тѣ, кого я ни спрашивалъ, единогласно утверждаютъ, что, хотя народа въ ней много, но большая часть онаго вовсе безполезна, ибо состоитъ изъ женщинъ и дѣтей. Въ цѣлой ордѣ не наберется болѣ 2,000 человѣкъ, вооруженныхъ мечами и луками; остальные совершенно безоружны. Татары считаются народомъ храбрымъ, ибо безпрестанно грабятъ Черкессовъ и Русскихъ; лошади же ихъ по видимому очень дики и пугливы, и не привычны къ ковкѣ. Вообще полагаютъ, что между Татариномъ и животнымъ весьма мало разницы. Это племя кочуетъ постоянно, какъ выше объяснено, между Волгою и Танаисомъ; но есть, говорятъ, еще другое племя, живущее за Волгою, далѣе къ сѣверо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самаго пояса и носитъ названіе дикихъ Татаръ. Племя это переходя, какъ и всѣ другія, съ мѣста на мѣсто и отыскивая свѣжихъ пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозовъ, доходитъ до самой Цитрахани, но не причиняетъ жителямъ ни малѣйшаго вреда; развѣ только кое гдѣ похищаетъ скотъ.

Продолжая въ теченіи 15 дней путь свой около береговъ рѣки, мы наконецъ прибыли къ небольшому лѣску, въ коемъ Русскіе и Татары принялись съ отмѣнною скоростію рубить деревья и дѣлать изъ нихъ плоты, связывая каждыя 40 бревенъ вмѣстѣ веревками, которыя привезли съ собою. Пока они заняты были этою работою, мы отыскали небольшую лодку, довольно впрочемъ ветхую, на коей Маркъ рѣшился переправить пожитки наши на противуположный берегъ. Исполнивъ это, лодка возвратилась назадъ, и онъ приказалъ мнѣ сѣсть въ нее и, забравъ съ собою сѣдла наши и то небольшое количество жизненныхъ припасовъ, которое у насъ находилось, переѣхать также на другой берегъ, для охраненія этихъ пожитковъ, переводчика же моего Димитрія и Венгерца Іоанна оставилъ стеречь лошадей. Сѣвъ въ лодку съ отцемъ Степаномъ и двумя Русскими гребцами, мы, съ помощію весьма плохихъ веселъ, пустились къ противуположному берегу, но долго не могли достичь его, не столько по причинѣ разстоянія, составлявшаго добрую милю, сколько по причинѣ сильнаго теченія, относившаго насъ стремительно внизъ и небольшой течи, въ лодкѣ оказавшейся, отъ которой она постепенно погружалась, такъ, что мы съ отцемъ Стефаномъ принуждены были во все время сидѣть по колѣна въ водѣ и безпрестанно выливать ее. По выходѣ нашемъ на берегъ, Русскіе гребцы хотѣли опять отправиться на ту сторону, гдѣ находился караванъ, но исполненіе сего было рѣшительно невозможно, ибо лодка совсѣмъ развалилась, и, вслѣдствіе того, всѣ они, числомъ шестеро, остались съ нами. Караванъ располагалъ также переправиться на слѣдующее утро, но поднявшійся вдругъ сильный сѣверный вѣтеръ содѣлалъ таковую переправу въ продолженіе двухъ дней невозможною.

Бѣдные служители мои, оставшіеся стеречь лошадей, въ теченіе всего этого времени должны были пробыть безъ пищи и безъ одежды; ибо всѣ пожитки наши отправлены были со мною. Легко представить себѣ, каково было ихъ положеніе. Вздумавъ на свободѣ освидѣтельствовать припасы наши, я нашелъ, что они значительно уменьшились. Это открытіе сильно встревожило меня и заставило, хотя нѣсколько и поздно, взяться самому за распоряженіе столомъ и, умѣривъ ежедневное потребленіе наше, выдавать чашку сарачинскаго пшена на обѣдъ и столько же на ужинъ, прибавляя къ этой порціи то лукъ, то чеснокъ, то сухари, съ небольшимъ количествомъ кислаго молока. Мы всѣ обыкновенно садились въ кружокъ около чашки, и ѣли вмѣстѣ; при чемъ мнѣ на мою часть, доставалось отнюдь не болѣе, какъ и другимъ. Въ тѣ же два дни, которые мы провели порознь съ караваномъ, набравъ нѣсколько дикихъ яблоковъ, я, для сбереженія нашего запаса, велѣлъ сварить ихъ и питался ими въ продолженіе всего этого времени. По истеченіи двухъ дней, какъ выше объяснено, караванъ нашъ, со всѣми пожитками своими, переправился на означенныхъ плотахъ на нашу сторону. Къ каждому плоту привязано было веревками за хвосты отъ 6 до 7 лошадей, управляемыхъ столькими же Татарами, причемъ надлежитъ замѣтить, что всѣ лошади были прежде согнаны въ воду, дабы однимъ разомъ двинуть плоты съ мѣста. Этотъ родъ переправы представляетъ конечно весьма красивый видъ; но очень опасенъ. Отдохнувъ нѣсколько времени, мы взяли пожитки свои и отправились въ дальнѣйшій путь, оставя въ сторонѣ рѣку, коей, по мнѣнію моему нѣтъ подобной въ цѣломъ свѣтѣ. Она имѣетъ около двухъ миль въ ширину, ограждена крутыми берегами и вообще очень глубока.

Рычковъ.

ВВЕДЕНІЕ
КЪ
Астраханской Топографіи
ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЕ
Въ первой части
разныя извѣстія
О
древнемъ состояніи сей
Губерніи,
И
обитавшихъ въ ней народовъ;
А
Во второй
о покореніи сего царства
Подъ Державу
Россійскихъ
Монарховъ.

СОЧИНЕНО

Статскимъ Совѣтникомъ Петромъ
Рычковымъ
Корреспондентомъ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ
Членомъ вольнаго Экономическаго Общества и учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Вольнаго Россійскаго Собранія.

Петръ Ивановичъ Рычковъ родился въ Вологдѣ въ 1712 г., служилъ въ Оренбургскомъ краѣ и умеръ въ Екатеринбургѣ въ 1777 г. въ чинѣ Статскаго Совѣтника, получивъ назначеніе главнаго начальника Екатеринбургскихъ заводовъ. За свои ученыя заслуги избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ и членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, а также Вольнаго Россійскаго Собранія. Важнѣйшія его сочиненія относятся къ Оренбургскому краю. Наибольшую извѣстность автору доставила „Топографія Оренбургская", вышедшая въ 1762 году и переведенная два раза на нѣмецкій языкъ. Сочиненіе Рычкова относящееся къ Казанскому краю „Опытъ Казанской Исторіи" отличается меньшею обстоятельностью и недостаткомъ критики. Что-же касается „Введенія къ Астраханской Топографіи", то по отзыву академика Пекарскаго, въ немъ еще болѣе замѣтны поспѣшность и отсутствіе критики, такъ что авторъ приводитъ сказанія лѣтописцевъ и свидѣтельства позднѣйшихъ источниковъ съ одинаковою вѣрою въ непогрѣшимость тѣхъ и другихъ. Здѣсь помѣщается наиболѣе важная для изслѣдователей Астраханскаго края 2 ч. „Введенія", сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью. О Рычковѣ имѣется монографія Пекарскаго, подъ заглавіемъ: „Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова".

Часть II.

Въ которой описано покореніе царства Астраханскаго Россійскимъ Монархамъ.

Въ первой части сего введенія показано, о разныхъ народахъ принадлежавшихъ къ Славянамъ и Руси, которыми нынѣшнія Астраханской губерніи мѣста въ древнѣйшія времена были наполнены. Тамъ видно и о первыхъ на нихъ нападеніяхъ татаръ, отъ чего многіе принуждены были, для спокойства своего, искать себѣ другихъ мѣстъ, въ не маломъ отъ сихъ отдаленіи. Ища сего, одни другихъ утѣсняли, и выходя отсюда основывали они многія государства; но многіе будучи приведены въ порабощеніе татарамъ, развезены ими въ дальныя Азіатскія владѣнія, и тамъ обращаясь, множество смѣшалось ихъ съ Татарскими народами, о чемъ показано уже напредъ сего. Владѣніе Россійскихъ Государей сими мѣстами, въ разныя времена, хотя и было; но всегда почти краткое и подверженное многимъ премѣнамъ и затрудненіямъ; съ нашествіемъ же Батыя, учиненнымъ въ лѣто 1237 и совсѣмъ уже оно пресѣклось. Порядокъ Ордынскихъ Хановъ, начавъ отъ Батыя, которые близъ 270 лѣтъ, надъ Россійскими Государями, съ великою наглостію и свирѣпствомъ, власть себѣ присвоивали, описанъ уже въ Оренбургской топографіи и въ опытѣ Казанской исторіи; но послѣ Джанибека, который былъ отъ Батыя въ седьмыхъ, и спустя его лѣтъ со сто [а]), отъ раздѣленія ихъ владѣній и отъ междоусобія ихъ, могущество сихъ Хановъ стало знатно умаляться. Они не радѣли уже ни мало и о томъ, когда Россійскіе Государи, посылая на Казань многочисленныя свои войска, сіе царство не однократно отъ Татарскаго владѣнія отрывали, покоряя его себѣ. Не совокупляли уже всѣхъ своихъ силъ, такъ какъ прежде было при первыхъ Ханахъ, оставляя защищаться тому царству собственными своими силами; отъ чего Ордынская власть, время отъ времени получала больше слабости и приходила въ безсиліе: такъ что на конецъ Великому Князю Іоанну Васильевичу, около 1481 году, при владѣніи послѣдняго царя ея Ахмата (которой по порядку отъ Батыя былъ 23) не трудно было со всѣмъ ее опровергнуть, и отъ наглостей сихъ Хановъ, чрезъ 269 лѣтъ продолжавшихся, получить совершенную свободу [б]). Не учиня сего и не овладѣвъ совершенно Казанскимъ царствомъ, не возможно было приступить къ завоеванію Астрахани. Конечное побѣжденіе Казанцовъ, разрушеніе и покореніе сего царства, послѣдовало въ присутствіи Царя Іоанна Васильевича (внука преждереченъ-

а) Опытъ Казанской исторіи, стран. 37 и слѣд.

б) Тутъ же, стран. 60 и сл.

наго Великаго Князя) 2 числа Октября 1552 году [в]), чѣмъ отворенъ былъ путь не только къ Астрахани, но и къ Сибири.

28) Отъ сего великаго Государя порядочныя учрежденія въ Казанскомъ царствѣ, и политичное содержаніе, плѣненнаго при взятьѣ города, тамошняго царя Едигера Казымъ Султанова [г]), (кой былъ отродія Астраханскихъ Царей, сынъ Царя Казыма) и другихъ служивыхъ Царей, такъ же и Казанскихъ Мурзъ, со всѣмъ ихъ народомъ безъ сумнѣнія привлекли, какъ страхъ, такъ и великое къ нему почтеніе; и для того всѣ оставшіе Татарскіе владѣльцы, желали и искали себѣ его благосклонности, и представляли себя готовыми къ его службѣ [д]).

29) Въ опытѣ Казанской исторіи сообщено уже краткое извѣстіе [е]), о завоеваніи Астрахани, слѣдуя описанію Лызлова, вмѣщенному въ Скиескую его исторію. Теперь собирая извѣстія, касающіяся до сей исторіи, внесу я оное здѣсь сколько можно попространнѣе, заимствуя изъ онаго жъ описанія, и дополняя изъ имѣющейся у меня писменной, но весьма, краткой и безпорядочной Астраханской исторіи, которую не давно получилъ я отъ одного моего пріятеля, въ Астрахани и въ Кизлярѣ не малое время бывшаго.

30) Въ началѣ государствованія Царя Ивана Васильевича, и во время покоренія Казанскаго царства, въ Астрахани Царемъ былъ Абдель Рахманъ, (правильнѣе жъ Абдулъ Рахмановъ сынъ). Сей слѣдуя примѣру другихъ, съ имѣвшимися при немъ Царевичами, старался о благосклонности къ нему помянутаго Государя, и посылалъ къ нему своихъ пословъ. А между тѣмъ и изъ Царевичей тамошнихъ одинъ, именемъ Ильдигеръ, выѣхалъ въ Москву, и по просьбѣ его принятъ былъ въ службу Государеву.

31) Послѣ онаго Абдель Рахмана на царство Астраханское вступилъ другой Царь, коего называли Емургѣмъ. Сей также желая имѣть къ себѣ милость Царя Ивана Васильевича, послалъ къ нему отъ себя посланника, именемъ Мурзу Ишима, со многими людьми, и просилъ у Государя о употребленіи его, такъ какъ Касимовской Царь Шигалей и другіе служивые цари ему служатъ, и получаютъ отъ него жалованье. Государь вѣдая не малую отдаленность Астрахани отъ Москвы, и сколь лестны и не постоянны были Казанскіе Ханы въ таковыхъ же прошеніяхъ, съ посланниками его отправилъ своего посла, которой у Лызлова именованъ просто

в) Тамъ же стран. 154 и сл. Во всеобщей Свѣтской Исторіи, Allgemeine Welthistorie, die in Engeland durch eine Gesellschaft von gelehrten ausgefertiget Worden, въ 29 части, § 178 на стран. 185 по нѣмецкому переводу, означено; яко бы Казань взята Іюля 9 дня 1552, а Астраханью завладѣли 1 Августа 1554 году; что съ Россійскими описаніями въ годахъ хотя и сходствуетъ, но въ мѣсяцахъ разность. По опыту Казанской исторіи, Казань взята Октября 2 дня 1552 чему и Ядро Россійской исторіи согласуетъ. Объ Астрахани же ниже сего значитъ, что взята она 1554 году, 2 числа іюня, а не 1 Августа.

г) Можетъ быть, былъ онъ сынъ того Казыма, о коемъ въ первой части въ § 2. упомянуто.

д) Тамъ же стран. 144 и 162.

е) Тутъ же стран 163 и сл.

Севастіаномъ, желая чрезъ него узнать прямыя Хановы намѣренія, и увѣряя его о принятіи со всѣмъ народомъ въ службу, или въ подданство; и указалъ его привесть по ихъ вѣрѣ къ шерти, то есть, къ присягѣ.

32) По прибытіи онаго Севастіана въ Астрахань, что между имъ и Ямургѣемъ происходило, сего во описаніи нѣтъ. А означено только то, что Ямургѣй Ханъ не устоявъ на своемъ прошеніи и обѣщаніи, Государева посла, также и Князя Ишима, кой посланъ былъ отъ него посломъ къ Государю, ограбилъ. Между тѣмъ объявлено, что вышелъ изъ Астрахани служить Государю Царевичъ Камбулъ, сынъ царя Ахкубека, и Государь пожаловалъ ему во обдержаніе городъ Юрьевъ Польской, и позволилъ ему жениться на дочери Царя Аналея брата Шигалеева. Помянутой Ахкубекъ, Астраханской ли Царь, или какого другаго тамошняго владѣнія, сего не показано; но изъ обстоятельствъ видно, что Астраханскимъ царствомъ управлялъ тогда означенной Емургѣй, съ великимъ насиліемъ, обижая тамошнихъ Мурзъ.

33) Изъ описанія усматривается и сіе, что Нагайскіе Мурзы признавали уже надъ собою власть Россійскую, можетъ быть, за вышозначеннымъ къ нимъ отъ Царя Ивана Васильевича отправленіемъ, и считали уже себя ему подданными. Они не терпя обидъ отъ Емургѣя имъ причиняемыхъ, послали на него къ Государю съ жалобой и просили отъ него обороны, обѣщаясь противу онаго Емургѣя ему Государю служить, гдѣ и какъ онъ повелитъ.

34) Въ продолженіи повѣствованія точно написано, что Государь совѣтовавъ о томъ съ Боярами, и желая пріобрѣсти оное отъ Россійской державы отторгнувшееся царство, и насадить тутъ сѣмена Христіанскаго благочестія, рассудилъ онымъ Нагайскимъ Мурзамъ учинить покровительство и подать имъ свою помощь. И для того отправилъ туда, на онаго Емургѣя служиваго своего Царя, Дербыша именемъ, и съ нимъ Воеводъ, Князя Юрья Ивановича Шемякина Пронскаго, кой былъ съ нимъ при взятьѣ Казани, придавъ ему и другаго Воеводу Постельничаго своего Игнатія Вишнякова, мужа храбраго и искуснаго, и прочихъ чиновныхъ людей не мало; войска жъ до тридцати тысячь со многими пушками, и со всякимъ воинскимъ снарядомъ. Сія армія шла судами по рѣкѣ Волгѣ, и безъ великаго урону побила и въ полонъ взяла многихъ Астраханскихъ жителей. И 2 числа Іюня 7062 году (1554) завладѣла городомъ Астраханью, въ небытность тутъ Царя Емургѣя, которой узнавъ приходъ Россійской арміи, съ женами своими и съ нѣкоторыми своими, ушелъ изъ города и устремился на побѣгъ.

35) Сіе взялъ я изъ Скиѳской исторіи Лызлова, пріобща къ тому нѣсколько изъ вышеозначенной сообщенной мнѣ отъ пріятеля моего Астраханской писменной исторіи. Теперь оставя Лызлова буду я слѣдовать послѣдней, потому что въ ней о причинахъ отправленія онаго, и о взятьѣ

сего города писано съ нарочитымъ обстоятельствомъ *). Я внесу ее всю здѣсь точно, и вездѣ почти тѣмъ же самымъ штилемъ, какъ она писана, раздѣляя только статьи инаково, для удобнѣйшаго разумѣнія.

36) Тогожъ 7060 году (въ самой тотъ годъ, какъ оной Ямургѣй измѣнилъ, и пословъ ограбилъ) пришли къ Великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу Всея Россіи самодержцу, изъ Нагай отъ Измаила Мурзы и отъ иныхъ Мурзъ Неотъ Темиръ съ товарищи, и били челомъ Ему Великому Государю, чтобъ ихъ Великій Государь пожаловалъ отъ Астраханскаго Янгурчѣя Царя избавилъ, и повелѣлъ бы Великій Государь отпустить на Астрахань Дербышъ Алея Царя Касимовскаго.

37) И Великій Государь Царь слушавъ то ихъ пословъ Нагайскихъ Мурзъ челобитье, изволилъ указатъ говорить съ ними противъ ихъ челобитья, Окольничему своему царскому Алексѣю Ѳедорову сыну Авдѣеву и Ивану Михайловичу...., да и договорилися они на томъ, чтобъ послать Ему Великому Государю на Астрахань Дербышъ Алея Царя Касимовскаго и воеводъ своихъ царскихъ Волгою рѣкою въ судахъ съ войскомъ и снарядомъ. А ему великому Смаилъ Мурзѣ и дѣтемъ Его и племянникамъ быть въ Астраханѣ, и прислать ихъ отъ всѣхъ ордъ къ Москвѣ къ Великому Государю, какъ Богъ дастъ Астрахань возмутъ, а Великаго Государя Воеводамъ посадить въ Астраханѣ Дербышъ Алея Царя Касимовскаго, а ему Смаилу Мурзѣ тотъ часъ къ Великому Государю къ Москвѣ прислать сына своего, или племянника, а самому итти съ ордою своею на брата своего Изюпа Князя, за то что онъ добра Великому Государю не хочетъ, пословъ его государевыхъ Сундюксу Тулусупова безчеститъ, скована у себя держитъ, такожде и на всѣхъ Его Великаго Государя недруговъ войною ему съ дѣтьми и племянники ходить, когда Онъ Великій Государь на кого укажетъ.

38) И Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, изволилъ договоръ выслушать и повелѣлъ изъ Москвы ихъ отпустить, и посла своего царскаго Микулу Бровцына къ нему Смаилу Мурзѣ о томъ своемъ царскомъ дѣлѣ съ ними послать изволилъ, о чемъ онъ ему Великому Государю къ Москвѣ изъ Нагай Смаилъ Мурза пословъ своихъ присылалъ, и въ томъ во всемъ они Великому Государю правду дали и шерть по ихъ вѣрѣ, передъ Его Государевымъ Бояриномъ, передъ Микулою Бровцынымъ, на томъ словѣ, что ему Смаилу Мурзѣ Великій Государь укажетъ. А къ Астрахани де ему Смаилу Мурзѣ итти нельзя стало, потому что до указу Его Великаго Государя, по своему приговору, съ братомъ своимъ Юсупомъ Княземъ завоевался, и говорилъ онъ Ведикому Государю такую рѣчъ: „Естьли бы Ты Великій Государь рать свою на Астрахань изволилъ от-

*) Вѣроятность его слогомъ тогдашняго времени довольно подтверждается: да и видно по содержанію ея, что она сочинена съ тогдашнихъ приказныхъ дѣлъ.

пустить, то конечно бы тоѣ Астрахань взяли (послѣ сего и объявляется тутъ сіе что)".

39) Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ Всея Россіи Самодержецъ, слышавъ про ту Астраханскаго Царя измѣну, а отъ Нагайскихъ Мурзъ видя себѣ Великій Государь челобитье и правду, „стоя за свою обиду, а къ тому же вспоминая родителей своихъ блаженныя памяти Великаго Князя Владимира, просвѣтившаго Русскую землю святымъ крещеніемъ, и егда область свою дѣтямъ своимъ раздѣлялъ, тогда далъ Астрахань сыну своему ВеликомуКнязю Мстиславу, а названіе ей было тогда не Астрахань, Тмутаракань, ж) и храмъ въ ней былъ каменной Рождества Пресвятыя Богородицы, и отъ тѣхъ мѣстъ отъ Владимира Князя владѣли тѣми мѣстами многое время; но Божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради православныхъ Христіанъ, обладали ими нечестивые Ордынскіе Цари, иже именовашася Большая орда, и много лѣтъ пострадаша отъ нихъ за благочестіе человѣцы и велицы Князи мнози, и яко мученики кровьми своими вѣнчалися; въ нихъ же бѣ и блаженный Великій Князь Михайло Черниговскій, Бояринъ его Ѳедоръ и прочіе, до Великаго Князя Василья Іоановича Всея Россіи Самодержца, Отца бывшаго Великому Государю Царю Іоанну Васильевичу Всея Россіи. И тѣмъ Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ въ началѣ та орда порушилась и запустѣла. Ордынскіе жъ Цари жили въ Астраханѣ, а тоѣ большой Орды мѣсто было выше Астрахани вверхъ, по Волгѣ рѣкѣ день ѣзды".

Нельзя познать откуда и съ чего внесено вышеозначенное сказаніе о Тмутараканѣ и Астраханѣ, принадлежащее больше къ древней исторіи о семъ городѣ, но я находя оное и въ другихъ повѣствованіяхъ, не рассудилъ его выключить, но внесъ его такъ, какъ оно вмѣщено въ вышеозначенную повѣсть, въ кототорой писано за тѣмъ слѣдующее.

40) И то Онъ Великій Государь воспомянувъ нынѣ, не терпя своей обиды, и отъ Нагайскихъ Мурзъ не презрѣвъ къ себѣ челобитья, призвавъ Господа Бога и пречистую его Богоматерь и всѣхъ святыхъ себѣ на помощь, изволилъ указать збирать по разнымъ городамъ ратныхъ людей, и въ лѣто 7063 (отъ Мурзинскаго челобитья на третей, а отъ Казанскаго взятья на другой годъ) изволилъ Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, послать на Астрахань на Янгурчѣя царя, съ орды его, Дербышъ Алея царя Касимовскаго, и съ нимъ Воеводъ своихъ царскихъ, Князя Юрья Ивановича Пронскаго Шемякина съ товарищи, разверставъ ихъ на три полка.

41) И указалъ Великій Государь быть большаго полку Воеводою Князю Юрью Ивановичу Пронскому Шемякину, да Михайлу Головину, да въ томъ же полку приказалъ Великій Государь итти Князю Александру Ивановичу

ж) О Тмутаракани и городѣ Астрахани разныя мнѣнія, въ первой части сего введенія хотя уже и показаны, но и сія вторая часть служитъ къ тому прибавленіемъ и изъясненіемъ.

Вяземскому Святинѣ. Въ среднемъ полку итти постельничему своему Игнат
Михайлову сыну Вишнякову, да Ширяю Кибанову Вяземскому. А въ т
тьемъ полку Степану Григорьевичу Барятинскому, да Андрею Балгано
и съ ними другимъ Воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ, изъ разныхъ городо
Атаманамъ и казакамъ, Ѳедору Павлову съ товарищи, и всякихъ чин
людямъ.

42) Іюня 19 дня, поѣхали воеводы Волгою рѣкою въ большихъ
дахъ, и пріѣхавъ на переволоку, что къ Дону, отпустили на передъ
Князя Александру Вяземскаго, да Данилу Лучкова, и съ ними дѣтей
ярскихъ, Атамановъ и казаковъ. Ѳедора Павлова съ товарищи для языко
которымъ пострѣчались Астраханскіе татары выше Чернаго острова, и
ушли было въ ширяхъ (въ лодкахъ) но ихъ нагнавъ всѣхъ побили, тол
начальнаго ихъ Саимыша съ не большими людьми поимавъ живыхъ,
слали къ Воеводѣ Князю Юрьѣ Ивановичу Пронскому съ товарищи, и
языки въ допросяхъ сказали: Послалъ де насъ изъ Астрахани Янгурч
Царь отъ себя провѣдати отъ Астрахани на пять верстъ, и осмотрѣть люд
а въ городѣ де Астрахани людей не много, всѣ стоятъ по островамъ
по своимъ улусамъ; а Царь де Янгурчей стоитъ на Царевѣ протокѣ.

43) Воеводы, по тѣмъ допроснымъ рѣчамъ, оставя большіе суда, пош
въ малыхъ судахъ, и пріѣхали на черные же острова, а князь Александ
Вяземскій еще поималъ двухъ языковъ, и отослалъ ихъ къ Воеводам
которые въ допросѣ сказали тѣ жъ рѣчи, что и первые языки сказал
Почему воеводы съ того мѣста поѣхали на скоро, и пріѣхавъ противъ бол
шихъ Сараевъ, гдѣ была Большая Орда [3]) получили отъ Князя Александ
Вяземскаго еще третіи языки, и тѣ языки въ допросѣхъ сказали тѣ жъ од
рѣчи, какъ и первые и другіе языки сказали.

44) Воеводы по тѣмъ рѣчамъ выбравъ Князя Данилу Кандаурова
Князя Тимоѳея Кропоткина, да Григорія Жолобова и Данилу Сулкова,
съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей, послали
прибавку ко Князю Александру Вяземскому, и велѣли имъ итти на ста
царевъ, гдѣ стоялъ Янгурчѣй Царь, а сами Воеводы пошли ко град
Астрахани. Того жъ году, Маія въ 29 день [i]) прошли Воеводы съ сило
ниже города Астрахани, и призвавъ Господа Бога и Пречистую его Матер
и всѣхъ Святыхъ, вышедъ изъ судовъ пошли къ городу Астрахани. И Ас
раханцы Татара увидя ихъ, побѣжали всѣ изъ города, потому что ихъ в
городѣ не многолюдно было. И въ то время, помощію Божіею, пречисты

3) О Большой Ордѣ есть у насъ нынѣ пословица: гдѣ Царь тутъ и Орда; то есть, г
главные Ханы находились, то мѣсто почиталося и Ордой. Сказуется жъ, что пребывали о
иногда на Волгѣ, иногда жъ на Яикѣ и на Дону; а временно и между Волги и Дона.

i) Здѣсь примѣчается въ спискѣ пропускъ или описка. Ибо выше означенъ 7063 год
а потомъ говорится: Того жъ году Іюня 19 дня поѣхали Воеводы Волгою въ судахъ больших
И такъ въ семъ мѣстѣ нельзя уже быть Маію мѣсяцу того году, которой прежде Іюня был
развѣ то на другой 7064 годъ.

Богоматери и святыхъ Отецъ молитвами, а Великаго Государя щастіемъ, они Воеводы Астраханское царство взяли, а Татаровей, которые побѣжали изъ города, нагнавъ всѣхъ порубили, а иныхъ многихъ въ полонъ побрали и).

45) Князь же Александръ Вяземской съ товарищи, въ тѣ же поры пришелъ на царевъ станъ гдѣ стоялъ Царь Янгурчѣй, но онъ увѣдавъ про взятье Астрахани помѣтался на своихъ коней, и не задолго предъ ними утекъ не сомногими людьми, а женъ и дѣтей и людей своихъ всѣхъ напередъ себя отпустилъ къ морю въ ширяхъ (лодками); которыхъ же на стану застали Татаръ тѣхъ порубили, а иныхъ живыхъ побрали. Пушки и пищали к) и всякую рухлядь поимали; а за бѣглыми Татары съ того стану ходилъ Атаманъ казачій Ѳедоръ Павловъ съ товарищи, и догнавъ ихъ въ ширягѣ (судномъ) за царевыми деревнями, съ набатами и съ пищали, многихъ людей тутъ порубили, а иныхъ многихъ живыхъ взяли, и тѣ языки про Царя Янгурчѣя, куда онъ на утекъ пошелъ, не сказали.

46) И по указу Великаго Государя, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Его Великаго Государя Воеводы, Князь Юрей Ивановичъ Шемякинъ Пронской съ товарищи посадя во градѣ Астрахани Дербышъ Алея Царя Касимовскаго на царство, приведши всѣхъ Астраханскихъ татаръ, которые побраны, къ правдѣ и шерти по ихъ вѣрѣ, чтобъ имъ служить Ему Великому Государю не измѣнно, отпустили гонца съ вѣстьми къ Москвѣ, къ Великому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу Всея Россіи (съ которымъ писано было очень кратко и только сіе, что), „Господь Богъ подаровалъ, Астраханское царство взяли безъ кровопролитія, Твоимъ Государевымъ щастіемъ, и Дербышъ Алея Царя Касимовскаго на царство въ Астрахани посадили. А Янгурчѣя Царя самого не нашли, утекъ, и послали искати его къ морю Атамановъ, казаковъ, Ѳедора Павлова съ товарищи, и Воеводъ съ разными людьми. А какъ найдутъ, или нѣтъ его, *о томъ будемъ къ Тебѣ Великому Государю обо всемъ писати*“.

47) Послѣ того времени отпустили посла въ Нагай, къ Измайлу Великому Мурзѣ съ вѣстьми жъ, что Астраханское царство взяли, и Дербышъ Алея Царя Касимовскаго на царство въ Астраханѣ посадили. И чтобъ онъ Великій Мурза Смаилъ Нагайцамъ своимъ къ Астрахани быть велѣлъ безъ всякаго опасенія, по указу Великаго Государя, Его Царскаго Величества. А посланникомъ послали Дербышъ Алея Царя служилаго его татарина Елбулатку.

48) Потомъ оставя Воеводы въ Астраханѣ, у Дербышъ Алея Царя, Князя Андрея Барятинскаго, да Петра Тургенева, и выборомъ дѣтей боярскихъ стрѣльцовъ и казаковъ, сами Воеводы пошли за Янгурчѣемъ Царемъ; а напередъ себя послали къ морю Князя Александра Вяземскаго, и

и) Лызловъ означиваетъ, что взятье Астрахани учинено 7062 году Іюня во 2 день. И такъ между вышеписаннымъ и Лызлова сказаніемъ примѣчается здѣсь не большая разнь.

к) Лызловъ въ своемъ описаніи объявляетъ (часть 3 глава 5) что пушки и пищали многія завезены были туда отъ Россійскихъ странъ.

съ нимъ Нижегородцовъ дѣтей боярскихъ, Атамановъ и казаковъ, Ѳедора Карпова съ товарищи на Абалду рѣку, *) выбравъ Головъ стрѣлецкихъ Кузму Масальскаго да Дьяка Козмина. На Кизань рѣку **) послали передоваго полку Воеводъ Постельничаго Игнатья Михайлова сына Вишнякова, да Ширяя Кабанова съ товарищи. А въ Еванчугъ рѣку ***) Головъ стрелѣцкихъ Полутка Тимоѳеева да Князя Давыда Кандаурова.

49) И тѣ Воеводы нашедъ на Астраханскихъ татаръ, ихъ порубили, а иныхъ живыхъ побрали, и полонъ Русской отъ нихъ отполонили. И тѣ языки сказали, что Янгурчѣй Царь съ людьми своими пошелъ въ Мочагъ; по которымъ вѣстямъ Воеводы пошли за нимъ Янгурчѣемъ въ Мочагъ къ морю, и пришедъ на бѣло озеро взяли языковъ, кои сказали, что Янгурчѣй Царь утекать будетъ совсѣми своими людьми въ Тюмень ****). И по тѣмъ вѣстямъ Воеводы возвратилися въ спять, а дороги, куда ему Янгурчѣю ѣхать, объѣхали, и послали искать его на море и по островамъ; но самого ни гдѣ не нашли, только людей его, Астраханскихъ татаръ, много порубили, а много и живыхъ побрали; да взяли жъ Богатыря Кіяза съ товарищи, кои языки сказали, Царицы де со многими людьми пошли въ Батышъ Мочагъ, а про Царя вѣдомости не сказали.

50) Въ томъ урочищѣ напали на Царицъ, Атаманъ казакъ Ѳедоръ Павловъ съ товарищи, толмачъ Ѳедоръ Шишковъ, да Данило Шадринской, и порубили у нихъ многихъ татаръ, а иныхъ живыхъ побрали. Тутъ же взяли и трехъ Царицъ, большую Царицу Тевкелю Гутюеву Мурзину дочь, другую Царицу Крымшалкову дочь Кулдусову, третью Ягнурчѣеву дочь Ерпегену, да Царевичеву жену, Ягнурчѣеву жъ дочь меньшую, Ульясивити-Марію, коя по взятьѣ родила сына; Царевичеву жъ Ембумаметеву жену Мергивавину, да Царевичеву жъ дочь Банбичеву Царевну; и тѣ языки сказали, что Ягнурчѣй Царь, Князи, и Мурзы, и Улановѣ и всѣ Астраханскіе татара, пошли узкимъ Мочагомъ къ Карабулатову озеру; по которымъ словамъ пошли Воеводы вверхъ узкаго Мочага на Карабулатъ озеро, и дошедъ ихъ, порубили изъ нихъ многихъ, а Янгурчѣй Царь, и съ нимъ не многіе люди, ушли, иныхъ же догнавъ у бѣлаго озера многихъ живыхъ побрали, другихъ же порубили и полону Русскаго отполонили много *****).

51) Въ тѣ жъ поры отъ Князей и отъ Мурзъ и Улановъ, и отъ всѣхъ Астраханскихъ людей, пріѣхалъ Иваклитъ (а въ другомъ мѣстѣ имяованъ

*) Абалда рѣка, по объявленію Сибирскаго купца Ивана Маленькова, называется нынѣ Балдинской протокъ, и есть выше Астрахани верстахъ въ четырехъ.

**) Кизань рѣка называется нынѣ Бузанской протокъ, и на ходится выше Астрахани верстахъ въ 15. Оба оные протока на луговой сторонѣ.

***) Еванчугъ рѣка нынѣ называется протокъ Еванчугъ.

****) Лызловъ въ 3 части глава 5 точно объявляетъ, что Ягнурчѣй Царь ушелъ въ Тюмень Сибирской; но по описанію Василья Никитича, да и по обстоятельствамъ значится, что онъ ушелъ на Терку, гдѣ у Татаръ городъ или жительство Тюмень былъ.

*****) Лызловъ въ своемъ описаніи сказуетъ, что возвращено тогда множество Русскихъ плѣнныхъ людей отъ древнихъ лѣтъ въ Татарахъ находившихся.

онъ Ираклитомъ) Князь, и билъ челомъ Великому Государю, Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, чтобъ Государь пожаловалъ ихъ, казнить и развозить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить Себѣ Великому Государю, и служилому, Его Государеву Дербышъ Алею Царю Касимовскому, а они бы на томъ дали правду. И Воеводы взяли у нихъ Ираклита Князя правду и шерть, и отпустя его, велѣли ему, его Княземъ и Мурзамъ и Улановямъ, а потомъ и къ Астраханскимъ жильцамъ Татарамъ и чернымъ людямъ, и по всѣмъ улусамъ грамоты разослать, что они ѣхали въ Астрахань, и Великому бъ Государю, Его Царскому Величеству, и Его Царскимъ людямъ, и служилому Его Дербышъ Алею Царю, правду дали и шерть, чтобъ служить Ему Великому Государю не измѣнно. И потому онъ Иваклитъ послалъ Пословъ своихъ къ чернымъ людямъ, и разослалъ грамоты по всѣмъ улусамъ. А самъ онъ Иваклитъ Князь съ товарищи своими, по указу Великаго Государя, и по грамотамъ, а по своему челобитью, пришли къ служилому Его Великаго Государя къ Дербышъ Алею Царю Касимовскому, и къ Воеводамъ Его Царскимъ; къ Князю Юрьѣ Ивановичу Пронскому съ товарищи въ Астрахань, со Княземъ Ишимомъ да съ Княземъ Алеемъ, и съ ними многіе люди. Да послѣ ихъ пришли Енватъ-Азей, и съ нимъ Татаръ три тысячи человѣкъ. Мурзъ и Улановей, и Князей изо всѣхъ улусовъ, пришло пятьсотъ, да черныхъ людей семь тысячь человѣкъ. И всѣ они Князи, Мурзы и Уланове, и всякіе Астраханскіе улусные люди, и за всю Астраханскую землю и за людей, что ихъ есть за всѣхъ дали правду и шерть (присягали по ихъ закону). А про Царя Янгурчѣя сказали, что побѣжалъ въ Асовъ (видно въ Азовъ), а людей съ нимъ всего пятнадцать человѣкъ.

52) Присяга жъ ихъ состояла въ сихъ краткихъ условіяхъ: Служить ему Великому Государю, Его Царскому Пресвѣтлому Величеству и дѣтямъ Его Царскимъ, и служилому Его Царскому Дербышъ Алею Царю Касимовскому, да по всякой годъ давать Ему Великому Государю и Его Царскимъ дѣтямъ по тысячѣ рублевъ денегъ, да по три рыбы матерыя, и сбирая имъ тое дань межъ себя самихъ, на всякой годъ посылать къ нему Великому Государю и къ Его Царскимъ дѣтямъ со своими послы. А полонъ Русской, что у нихъ ни есть, купленной, или взятой, безъ похоронно (безъ утайки) отдать имъ весь; а ловцамъ Его Великаго Государя ловить рыбу въ Волгѣ рѣкѣ, отъ Казани по Астрахань и до моря безъ пошлинъ, не явясь въ Астрахани, и не съ ихъ Астраханскими ловцами, безъ Кривды.

53) И по указу Великаго Государя, Его Царскаго Величества Воеводы, Князья Юрья Ивановичъ Пронской съ товарищи, приведъ тѣхъ Астраханскія земли жильцовъ, и кочевныхъ улусовъ людей къ правдѣ и шертѣ по ихъ вѣрѣ, Астраханское царство взяли, и Дербышъ Алея Царя въ Астраханѣ на царство по указу Великаго Государя посадили, и полонъ Руской отъ Татаръ, у кого что ни было, купленой или взятой, весь безъ остатку выбрали, а ихъ Татарской полонъ собравъ къ нимъ отпустили;

Княземъ и Мурзамъ и Улановямъ, лучшимъ людямъ, велѣли быть въ городѣ Астраханѣ, а черныхъ людей всѣхъ распустили по ихъ улусамъ.

54) Дербышъ Алей Царь принявъ царство Астраханское, отрядилъ къ Москвѣ къ Великому Государю гонцовъ, Ираклита Князя съ грамотою, на Его Великаго Государя жалованьѣ, за пріимство Астраханскаго царства бить челомъ, съ Астраханскими Татары, и Астраханскіе люди Татарове всѣ отъ себя къ Нему Великому Государю къ Москвѣ гонца жъ отряжали, на Его Великаго Государя жалованьѣ съ челобитьемъ за то, что ихъ Великій Государь, Его Царское Величество, пожаловалъ бы, казнить и развозить ихъ не велѣлъ, и давъ имъ Царя, повелѣлъ бы служить Себѣ Великому Государю. А потомъ и Воеводы Царскіе грамоту жъ послали Великому Государю (сего содержанія).

55) Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Воеводы Твои, Князь Юрья Ивановъ сынъ Пронской Шемякинъ съ товарищи, граду Астрахани исполненіе получили; а до указу Твоего Великаго Государя ѣхать къ Москвѣ не смѣемъ; стоимъ въ Астраханѣ четыре недѣли, и оставили въ Астраханѣ, у Дербышъ Алея Царя Касимовскаго, Воеводу Петра Тургенѣева, и Атамановъ, казаковъ, Ѳедора Павлова съ товарищи; да отпустили къ Тебѣ Великому Государю Астраханскихъ Царицъ Янгурчѣя Царя, которыхъ взяли на побѣгѣ; и собравъ Руской полонъ весь, которой взятъ у Астраханскихъ Татаръ, послали изъ Астрахани къ Тебѣ жъ Великому Государю къ Москвѣ Іюля въ 29 день, въ недѣлю. А Дербышъ Алея Царя гонцовъ же взявъ съ собою, напередъ сего къ Тебѣ Великому Государю послали Сеюнча Князя, да Князя Василья Иванова сына Бабарышина, съ тѣмъ, что Астраханское царство взяли помощію Божіею, а Твоимъ Великаго Государя щастіемъ.

56) Августа 29 дня (помянутые) Сеюнчь Князь, да Василей Бабарышинъ, пріѣхали къ Москвѣ и говорили передъ Великимъ Государемъ, что ихъ послали Воеводы Царскіе, Князь Юрья Ивановъ сынъ Пронской Шемякинъ съ товарищи, донесть Ему Великому Государю о величіи Божіи, како сотворилъ Богъ милосердіемъ своимъ, прославилъ имя Его, и возвеличилъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, Всея Россіи Самодержца, силою честнаго и животворящаго Креста Господня низложа бусурманскую вѣру, Астраханское царство взяли, и плѣнныхъ Русскихъ людей отъ бусурманской работы свободили Божіимъ милосердіемъ.

57) Въ лѣто 7064 въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, по указу Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, пріѣхали изъ Астрахани къ Москвѣ, къ Великому Государю, Его Великаго Государя Воеводы Юрей Ивановичъ Пронской Шемякинъ съ товарищи, и все войско и повѣдаша ему подробно, какъ Господь Богъ прославилъ имя свое, и возвеличилъ Его Царское Величество своею милостію; какъ взяли они Астраханское царство, и Дербышъ Алея

Царя по Его Великаго Государя указу посадили на царство Астраханское, а Царя Янгурчѣя не нашли, утекъ въ Азовъ (здѣсь точно Азовъ именованъ), токмо Царицъ его на пути взяли, и всякой Руской полонъ у тѣхъ Татаръ взялижъ.

58) Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ Всея Россіи Самодержецъ, Воеводъ своихъ Царскихъ, Князя Юрья Иванова сына Пронскаго Шемякина съ товарищи, такожде и дворянъ и Головъ и Полковниковъ и дѣтей боярскихъ, и разныхъ людей, за ту ихъ службу, что они Астраханское царство взяли, и по Его Великаго Государя указу въ Астраханѣ служилого Его Дербышъ Алея Царя Касимовскаго посадили, и всѣхъ Астраханскихъ Татаръ къ ихъ правдѣ и шертѣ (къ присягѣ) привели, чтобъ имъ Ему Великому Государю, тако жъ и дѣтемъ Его Царскимъ, служить вѣрою и правдою, жаловалъ своимъ Царскимъ жалованьемъ.

59) Здѣсь окончалось все повѣствованіе, сообщенное мнѣ подъ именемъ Астраханской исторіи. Признаюсь, что по неисправности письма, весьма не мало имѣлъ я затрудненія, сдѣлать его, сколько можно, по исправнѣе и понятнѣе: ибо во многихъ мѣстахъ такія находятся въ немъ рѣчи, что прямой смыслъ понять не возможно. Однакъ поправляя, наблюдалъ я вездѣ, чтобъ сохранить штиль тогдашняго времени, коимъ оное повѣствованіе писано; дабы большею переправкою, въ достовѣрности его не навесть сумнительства. При сочиненіи настоящей Астраханской исторіи, можетъ оно лучше исправлено быть.

60) За симъ сказаніемъ безпосредственно описано кровопролитное разореніе города Астрахани, отъ извѣстнаго бунтовщика Стеньки Разина; и вмѣсто того, что вышеозначенное состоитъ только изъ 24 страницъ, сіе продолжается на 90 страницахъ въ четверть листа. Начато оно съ 7165 году, Маія съ 7 числа приходомъ онаго злодѣя съ Дону къ Волгѣ рѣкѣ на Камышенку. И такъ отъ взятья Астрахани, то есть отъ 7064 по то время, какъ появился на Волгѣ тотъ измѣнникъ, то есть, по 7165 годъ, прошло болѣе ста лѣтъ безъ всякаго описанія. А хотя во описаніи томъ и есть обстоятельства, слѣдующія ко вмѣщенію въ сей промежутокъ; но ихъ очень мало, и весьма кратки. Я не сумнѣваюсь, что любители Исторіи, а особливо нынѣшніе сей губерніи правители, желая видѣть исторію сего царства полною и совершенною, постараются не только промежутокъ сей наполнить, но и далѣе ея продолжить, справливаясь съ тамошними архивными дѣлами и съ записками, гдѣ какія найдутся, сличая одно съ другимъ для лучшей достовѣрности*). Я жъ окончу теперь сію вторую часть вмѣщеніемъ въ нее еще не многихъ обстоятельствъ, принадлежащихъ къ вышеозначенному времени, изъ описанія Лызлова. Сей (могу сказать) порядочной писатель, окан-

*) Здѣсь пришло мнѣ въ память изрядное разсужденіе въ Опытахъ г. Монтанья, (книга 2 часть 9 о книгахъ) Тѣ одни исторіи (говоритъ онъ) прямо добрыми назвать можно, которыя отъ такихъ людей писаны, кои сами въ правленіи дѣлъ были, или знатное имѣли въ нихъ участіе. Римскія Исторіи всѣ почти такія.

чиваетъ повѣсть свою объ Астраханѣ слѣдующимъ: „И тако Царь Дербышъ и Воеводы укрѣпиша градъ. Потомъ поидоша къ царствующему граду, съ пресвѣтлою побѣдою, имуще съ собою множество плѣнниковъ. Во градѣ же Астраханѣ, по повелѣнію Государеву, оставленъ бысть Царь Дербышъ, съ Воеводами, и съ частію войска. Протчіи же пріидоша къ Москвѣ во всякомъ благополучіи, украшени пресвѣтлымъ одолѣніемъ. Съ ними же тогда идоша многи Мурзы и Татарове, иже поддашася самовольно Благочестивому Царю, желающе милости и жалованья отъ него Государя“. А къ тому прибавилъ еще, что въ лѣто 7074 (и такъ послѣ взятья Астрахани съ небольшимъ чрезъ 10 лѣтъ) Селимъ Турецкой Султанъ защищая магометанство, паче же завиствуя Россіи въ завоеваніи Астраханскаго царства, (а можетъ быть, и по происками ушедшаго изъ Астрахани въ Азовъ Царя Янгурчѣя, о коемъ выше говорено); послалъ подъ Астрахань многочисленное свое войско, а именно: конныхъ Турковъ дватцать тысячь, надъ коими Командиромъ былъ Беклербегъ Кафійской, и шесть сенжаковъ, въ коихъ было три тысячи Янчаръ, коими командовалъ начальной Паша именемъ Валега. Моремъ же къ Азову послалъ сто пятьдесятъ большихъ галеръ, на которыя посажено было Янычаровъ съ пять тысячь, да три тысячи работниковъ, подъ командою знатнаго Паши, именемъ Мирзерлета. На тѣ жъ галеры погружены были запасы для всего войска, и всякія военныя орудія. Къ тому жъ въ прибавокъ послано было не мало Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ: такъ что всего войска счислялось до осьмидесяти тысячь *).

61) Оное войско, по многомъ затрудненіи въ пути его, напередъ пришло къ Азову, гдѣ присовокупились и Татара: тутже былъ и Крымской Ханъ Андигирей съ тремя сыновьями. Въ Азовѣ побывъ десять дней, все войско пошло къ Астраханѣ, чрезъ Орды Нагайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесъ, и пришло подъ Астрахань Августа въ 5 день. Отправленныя жъ водою войска, по приходѣ къ Азову, пошли вверьхъ Дономъ къ Переволокѣ (гдѣ рѣка Донъ отъ Волги теченіе свое имѣетъ разстояніемъ около 30 верстъ) имѣя съ собою множество орудей къ копанію земли; въ томъ намѣреніи, чтобъ имѣющееся тутъ, между Волги и Дону разстояніе перекопать, и стругами бъ войтить изъ Дону въ Волгу, а Волгою подъ Астрахань. Но тутъ подоспѣло къ нимъ Московскаго войска тысячь съ пятнатцать, подъ командою Воеводы Князь Петра Семеновича Серебрянова. Сей нечаянно напавъ на нихъ съ своимъ войскомъ, какъ янычаровъ, такъ и работниковъ почти всѣхъ побилъ. Осталось изъ нихъ малое число; но и тѣ ничего не учиня побѣжали назадъ къ Азову. Конное жъ Турецкое войско пришедъ подъ Астрахань, и не зная о разбитіи отправленнаго водою войска, близъ города расположились безъ всякой опасности. И такъ 12 дня Сен-

*) Лызловъ объявляетъ, что о семъ Турецкомъ приходѣ на Астрахань въ Россійскихъ исторіяхъ хотя и не находится; но Польской де Историкъ Александръ Гвагнинъ, описуя земли Татарскія объявляетъ объ ономъ.

тября, учиненною на нихъ изъ города нечаянною имъ вылазкою, побили ихъ тутъ множество; остальныежъ принуждены были отступить отъ города. Потомъ узнавъ о пораженіи бывшаго на водѣ войска, и оскудѣвая потребными припасами, постоявъ недѣлю, хотѣли итти прочь; но по совѣту Татаръ удержались, и атаку свою претворили въ осаду, и начали дѣлать городокъ, или шанецъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ была старая Астрахань. А между тѣмъ Татара обѣщали имъ промыслить и привести провіантъ и всякія потребности: чего ради и пошли они въ Россійскую сторону. Однакъ никакой не имѣли въ томъ удачи; всѣ почти сами погибли, и едва могли подать о томъ вѣсть въ войско.

62) Турки бывъ въ крайней нуждѣ, ждали Татаръ тѣхъ, дней съ десять и болѣе: и наконецъ видя свою погибель, принуждены были построенной ими городокъ сжечь, и не сдѣлавъ болѣе вреда городу, какъ токмо что пожгли онаго слободы, 27 числа Сентября пошли со стыдомъ своимъ обратно. Татара жъ опасаясь, чтобъ Турки не покорили ихъ подъ власть свою совершенно, повели ихъ умышленно трудными и непроходными Можарскими степями, въ которыхъ Турецкое войско и съ коньми, отъ гладу и безводія, и отъ стужи, до конца погибло. Малое число пришло ихъ въ Азовъ. Октября въ 24 день, гдѣ сѣдши на галеры пустились въ море; но въ бытность ихъ на морѣ сдѣлался великой штурмъ, отъ котораго галеры и люди почти всѣ потонули. И такъ изъ онаго многочисленнаго Турецкаго войска, едва съ семь тысячь Турокъ въ Константинополь возвратилось. И по сей де причинѣ, Турецкой Султанъ зарекся въ тѣ Астраханскія степи посылать свои войска *). Здѣсь въ разсужденіи Крымской орды, коя наконецъ называлась и Золотою Ордою, включена Казанскихъ татаръ пословица: Когда де были Золотая Орда ордою, а Казань царствомъ, тогда Крымъ былъ ихъ деревнею.

---

*) О семъ тщетномъ походѣ Турецкихъ войскъ на Астрахань, объявляется и въ собраніяхъ къ Россійской исторіи на стран. 102 гдѣ упомянутъ Астраханской Комендатъ Черебринской, и приписуется храбрости его, что Турки ничего не учиня, съ урономъ принуждены были итти назадъ. Но Черебринской, можетъ быть, вмѣсто вышепомянутаго Воеводы Князя Серебреного написанъ. Во всеобщемъ историческомъ Лексиконѣ, подъ словомъ Астрахань, объявляется изъ путешественныхъ описаній Олеарія и Страузена, что въ лѣто 1566 Турецкой Султанъ Селимъ II посылалъ для взятья Астрахани, войска своего 25000 конныхъ, и 30000 янычаръ, къ коимъ присовокуплено было еще 80000 конницы; но и сія великая армія, не имѣвъ ни какого успѣху противу Рускихъ, погибла. Потомъ въ лѣто 1574 было на Астрахань другое отъ Турокъ нападеніе. Армія ихъ состояла въ числѣ 70000. Турокъ и Татаръ. Городъ Астрахань содержали они въ осадѣ шесть мѣсяцовъ; но наконецъ отбиты прочь. Крымскіе Татара хотя и взяли было Астрахань въ 1661 году; но въ 1662 году принуждены были ее оставить. Послѣ чего 1669 году, городъ и замокъ и обнесены весьма крѣпкими каменными стѣнами, снабдѣны великимъ числомъ пушекъ, множествомъ амуниціи, и довольнымъ гарнизономъ. Въ лѣто 1670 чрезъ измѣну взята была Астрахань извѣстнымъ бунтовщикомъ Стенькою Разинымъ; но въ 1671 году паки въ покореніе приведена. Я сіе нарочно сюда внесъ, дабы впредь выправясь, оныя приключенія обстоятельнѣе описать.

Рукопись Никифора Туркина.

Эта рукопись заключаетъ въ себѣ историческія выписки изъ записей находившихся въ книгахъ Астраханскаго Троицкаго монастыря и принесена въ даръ Петровскому Обществу дѣйствительнымъ членомъ, священникомъ Я. В. Крастелевскимъ; см. протоколы Петровскаго Общества 1875 г. № 2. Кто былъ Никифоръ Туркинъ и съ какою цѣлью имъ составлена эта рукопись, неизвѣстно. Извлеченіе изъ нея было напечатано въ „Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1851 г. № 42-й. При печатаніи этой рукописи сохранены внѣшній видъ и и орфографія подлинника. Она содержитъ свѣдѣнія: а) о покорѣніи Астрахани, б) о посылкѣ игумена Кирилла, в) о построеніи Троицкаго монастыря и замѣчательныхъ происшествіяхъ въ немъ, г) о моровомъ повѣтріи 1692—3 г.г. и д) списокъ Астраханскихъ іерарховъ съ 1602 по 1805 годъ.

О построеніи въ Астраханѣ Троицкаго монастыря Преподобнымъ отцѣмъ Игуменомъ Кирилломъ, которой былъ подъ ведѣніемъ Троицкой Лавры отъ Москвы 60 верстъ, въ которомъ опочиваетъ Преподобный съвятый чудотворецъ Сергій Радонежскій списано съ кѣтрати мною Никифоромъ Туркинымъ Апрѣля 15го дня 1790го года.

Сіе описаніе Астраханскаго Троицкаго манастыря значитъ выписано а именно Ізъ книгъ находящихся онаго монастыря именуемыхъ Синодика, Іизоктоиха четвертаго гласа на 16мъ листѣ всочиненныхъ книгахъ бывшеми властьми по благословенію Преосвященнаго Савъватія Митрополита Астраханскаго и Терскаго, (при архимандритѣ Рафаилѣ зъ братіею!.—,-).

Никифоръ Туркинъ списалъ точно.

Въ Астрахани кафедральный соборъ, перьвоначально построенъ въ 1602мъ году, а по перестройкѣ вновь освященъ 1710го года.

Отъ Адама лѣтъ.	Отъ Христа лѣтъ.	Отъ сотворенія мира и отъ рождества Христова.	№ №
7061—	1553го—	Всесильный Господь богъ покорилъ Астрахань отъ варваръ великому царю І великому князю Іоанну Васильевичу Московскому и всея Россіи— —	1-
7076—	1568го—	Царь І великій князь Іоаннъ Васильевичь для утвержденія Православной веры посла съ Москвы в Астрахань преподобнаго мужа Ігумена Кирилла І велѣлъ ему в Астрахани построить объще жительской манастырь во имя чудотворца Николая;—І онъ	3

От Адама лѣтъ.	От Христа лѣтъ.	От сотворенія мира и отъ рождества Христова.	№ №
		Ігуменъ Кириллъ по Ево Государеву указу приехавъ въ Астрахань І тотъ Николаевскій манастырь построилъ, уже нынѣ зовется троицкой манастырь.	
7081го—	1573го—	Маия въ 5-тый день І на оной монастырь пожалована ему Кириллу Ігумену грамота отъ Его царскаго Пресъветлаго Величества Государя царя І великаго князя Іоанна Васильевича въ царствующемъ градѣ Москве.	4
7075—	1567го—	Февраля 12-го дня даемужъ Ігумену Кириллу зъ братіею ктому манастырю напропитаніе данъ учукъ Іваньчукъ І на оный учугъ пожалована грамота отъ Его царскаго пресветлаго Величества Государя царя І великаго князя Іоанна Васильевича.	2
7084го—	1576го—	Іюля 25-го дня напаметь успенія съветые Анны матерѣ пресвятыя богородицы во ономже Троицкомъ манастыре построена была Троицкая деревянная церковь перьвая, І осъвещена та церковь вышеозначеннаго числа приігуменѣ Кириллѣ — — — —	5
О преставленіи игумѣ Кирилла значитъ		Тогожъ,—1576-го года, оной преподобный отѣцъ Ігуменъ Кириллъ прейде отъ сея временныя жизни къ вечнымъ обитѣлемъ. І былъ Ігумномъ въ томъ монастыре невъступна девить лѣтъ; ——————— 9лѣтъ	6
	чудо—	По преставленіиже ево нѣколикимъ лѣтамъ минувшимъ быстъ вАстрахани пожаръ великъ,—І въ то время видела воеводская жена Ісхоромъ съвоихъ преподобнаго Кирилла на гробѣ съ воемъ	

Отъ Адама лѣтъ.	Отъ Христа лѣтъ.	Отъ сотворенія мира І отъ рождѣства Христова.	№ №
	чудо—	стоящa І десницою огнь крестовидно осеняюща, І абіе пламень угасе І пожаръ предъста; она, яже видяще сіе, поведа мужу своему и протчимъ людямъ и того ради наднимъ Начальникомъ Кирилломъ построили часовню дверьми навостокъ, — — — — — — — —	7
въ 7110м	1602:м году	— Построенная каменная Троицкая цѣрьковь, Ісъкирпича привозимаго для оной цѣркви съ Ахтубы Ізъразломанной Ахтубинской зелѣной бывшей татарской мечети, — — — — —	8
7111м	1603:м году	— Сенътября въ 13й день освещена оная церьковь прицарѣ борисѣ феодоровиче Годунове, І приігумнѣ феодосіи,—въ техъ годехъ еще Архиерея вАстрахани небыло,—а была Астрахань подъ ведѣніемъ Казанской Епархіи; І писали митрополиту Казанскому І Астраханскому а какъ Ігуменъ феодосій осъвети оную цѣрьковь;—поехалъ къ Москве со святынею,—Івъ Москве посвященъ вАрѣхиепископы перьвы Астраханской І Терской; Інынѣ мощи Его почиваютъ въ Астраханѣ всоборной цѣркви, — — — — — — —	9
7114м	1606м году	Зачата делать каменная цѣрьковь тѣплая съ трапезою въведѣнія пресвятыя богородицы, подъ нею хлѣпня, и теплой погребъ, — — — — —	10
7127 =	1619м году	Построены пріигумнѣ рафаилѣ камѣнные святые вороты І навратѣхъ церьковь въхода Іерусалима.	11
7128—	1620м году	Совершена пріигумнѣ рафаилѣ вышеозначенная тѣплая цѣрьковь въведѣнія,	

От Адама лѣтъ,	От Христа лѣтъ.	От сотворенія мира I отъ рождества Христова.	№ №
		и оное цѣрковное строеніе продлилось что въ тѣ годы была вАстрахани великая смута отъ Заруцкаго съ Маринкою Мнишекъ.	12
7128м	1620м году	I довершены тѣ вороты I цѣрьковь входа Іерусалима и продлились еще I въ 7198м—1690м году, — —	13
7185м	1677м году	Замного прошедшими лѣты та старая часовня объветшала I построили вновь во означенномъ году, I оную дверьми уже назападъ которая Іонынѣ въ томже мѣстѣ обретаетца;—гдѣ погребенъ преподобный Кирилль.	14
Тогожъ	года — чудо	— Некій человекъ купецкага града Юрьевца поволскаго Емельянъ Перьфентьевъ сынъ,—ехалъ изАстрахани вверхъ по волгѣ судномъ стоваромъ своимъ будѣтъ выше чернаго яру, абіе воста буря зѣльна I водное естѣство великими ряшеся волнами и отъ таковые презельные погоды вышепомянутой мужъ I вси иже снимъ бяху всудне начаша утопати и волны уже всудно вливахуся онъже видя себя въ таковой бедѣ суща начать сослѣзами и конечнымъ воздыханіемъ молить всемилостивѣйшаго бога и пречистую Его матѣрь да избавитъ его отъ толикія беды,—и се явѣ зритъ некоего старца по водамъ ходяща I пріиде всудно его I абіе преста буря I волны въ тишину приложишася, мужъ же той глагола кто еси ты господине Іже отъ толикіямя нечаянные беды Ізъбави: явлейся же отъвѣща ему азъ есмь Астраханскаго Троицкаго манастыря начальникъ Ігуменъ Кириллъ и сия рекъ невидимъ бысть	15

Отъ Адама лѣтъ.	Отъ Христа лѣтъ.	Отъ сотворенія мира и отъ рождества Христова.	
	въ 1678м	— боголюбивы той мужъ въ предыдущее лѣто паки приплывъ вАстрахань купли ради и затоликія преподобнаго отъца еже кнему добродѣянія создавъ надгробомъ преподобнаго гробницу І образъ вновь переписати повелѣ яже и до нынѣ всемъ зрится, и вышепомянутое наднимъ— — — —	16
		— Бывшее чудо всемъ людѣмъ подробно возвести яко преподобны Кириллъ избавилъ его отъ таковаго потоплѣнія и всемъ сущимъ снимъ Іже бяху всудне его; І донынѣ многія мужы и жены счады съвоими верою еже ко пресвятой Троицѣ І кпреподобному Кириллу Ігумѣну одержими притѣкающѣ и угроба его поютъ панихиды І персть отъ гроба его взѣмлющѣ несумненною вѣрою въ домы съвоя отъносятъ и божіею благодатиею І молитвами преподобнаго Кирилла отъ различныхъ болѣзней исцѣленіе пріемлютъ, — — — — — — —	17
		— Оныхже чудесъ его въ писаніяхъ неявляется.	
		во ономже году ему преподобному отцу Ігумѣну Кириллу написалъ тропарь, І кондакъ,— — — — — — —	18
		Тропарь гласъ 8:=	
		Въ тебѣ отъче Кириллѣ богъ почилъ есть и сълавна тя показа и чудотворца всемъ приходящимъ ко гробу твоему цельбоносному и отъ души вопіющимъ и молящихъся сице, взывающѣ, о преблаженне отъче избави насъ чадъ своихъ отъ междусобные брани	

От Адама лѣтъ.	От Хриэта лѣтъ.	От сотворенія мира и отъ рождества Христова.		
		І отъ нашествія поганскаго и отъ всякаго зла да вси вопіемъ радуйся утвержденіе граду нашему, — — — —		19
		Кондакъ.		
		Покаяніе основаніе умилѣніе образъ утѣшеніе духовнаго священіе равно ангеломъ бысть житие твое преподобне въ молитвахъ убо І пощеніехъ І въ слѣзахъ пребывая отче Кириллѣ моли Христа бога о душахъ нашихъ— —		20
		О поветріи моровомъ въ Астрахане было.		
7200 =	1692 года	Іюля 20го начался моръ,—І поветріе моровое = представльшихся; Ігуменъ Сергия; и протчихъ Іеромонаховъ І монаховъ І схимниковъ, — — —		
		А самой больши повальной моръ былъ передъ покровомъ за пять дней, — —		
		Да послѣ Покрова дней здесять всего помѣрло. Аименно Астраханскихъ житѣлѣй которые съ своими домами жили — — — — —	9093	21 Человѣкъ
		Да гулящихъ людей бурлаковъ всего — — — — —	7290	Человѣкъ
		Всего померло въ вышеозначенномъ году — — — —	16383	Человѣкъ
7201м	1693 года	Декабря 11го дня моровое поветріе кончилась по 12е число перестало совсѣмъ;—І въ тотъ день всесильнаго бога, І молитвами пресвятыя богородицы, І съПиридона чудотворца избавлѣніи остались; и болѣе неумирало вышеозначенное число народа— — — — —		22

От Адама лѣтъ.	От Христа лѣтъ.	От сотворенія мира и от рождества Христова.	
		Во время жъ мороваго поветрия находяся тогда бывшия вАстраханѣ начальные люди;—бояринъ Петръ Ивановичь Хованской; со служивами людьми;—во оное время выежъжалъ на болдинскую косу и продолжали время жизни; тогожъ 1693 года съ Генваря по 15^{е} число,— — — — — — —	23
		А товарищъ ево думной дворянинъ Іванъ Григорьевичъ волковъ; со служивами людьми, жилъ заморемъ внизовой,—а пришелъ на паметь святителя I чудотворца Николая декабря 6го дня обратно вАстрахань, — —	24
7201^{м}	1693^{м} году	А другой товарищъ думной дьякъ любимъ Альферьевичь думникъ згосударскимъ промышлѣникомъ сываномъ Епаньчинымъ жилъ на учугѣ Увары обратно пришли 1693го года Генваря 15го дня,—наономже учугѣ уваре богъ сохранилъ отъ моровой язвы совсѣмъ небыло — — — — — — — —	25
		— На учугахъ же Камызякѣ I рустове, бассарѣ и начуркѣ человекъ по 10 и по 15 во время поветрія померло,	26
		— Преосвященный Савъватій митрополитъ Астраханскій I Терскій—во время мороваго поветрія отъ церькви божія Матѣре неотъступалъ, молитвами и постомъ себя охранялъ — — —	27
		— ИзАстрахани неотлучался никогда I жилъ въ своемъ Архиерейскомъ домѣ увещевая народъ неотъчаятися своего спасенія постомъ молитвами I милостынею I исповеданіемъ приемлюща	

Отъ Адама лѣтъ.	Отъ Христа лѣтъ.	Отъ сотворенія мира и отъ рождества Христова.	
		спутника Тѣло Христово, вечнаго ради живота,— — — — — — — —	28
		всегдаже поставляюще въ приходскіе церькви Іереи; въ мѣсто умершихъ приходскихъ священниковъ, иныхже Ізманастырей посылаше въ слободы Іеромонаховъ сѣкудости ради сѣвященниковъ яко не отъидѣтъ ниедина душа безысповеди І причастія, — — —	29
		— А которыя были соборныя церькви причетники протопопъ, ключари, протодіаконы, священники, диаконы все померли,—только осталось въ соборной цѣрькви священниковъ два человѣка,—приказной дьякъ,—казначей, служебны старцы, — — — — —	30
		ВАрхиерейскомъ домѣ прикѣльи остались еще только живы одинъ кѣлѣйникъ монахъ Гавріилъ, дакрестовой священникъ Іеромонахъ Варсанофій былъ въ язвѣ и ожилъ, — —	31
		— При духовной Канисторіи подъячіе все померли — — — — —	32
		Вышеписанное — выписано вАстраханскомъ Троицкомъ манастырѣ всочиненныхъ книгахъ бывшеми властьми,— по благословенію Преосвященнаго Савъватія Митрополита Асътраханскаго и Терскаго,—при Архимандритѣ Рафаилѣ зъ братіею, а именно,—Ісъ книгъ Імянуемыхъ Синодика, Ізоктоиха четвертаго гласа на 16: листѣ, — —	33

Тѣмъ Іконьчено,—

От Адама лѣтъ.	От Христа лѣтъ.	От сотворенія мира и отъ рождества Христова.	
въ 7061м	1553м году	Астрахань взята составляетъ созначеннаго сего показаннаго года всего по 1801й годъ— — — — — —	лѣта 247
7076м	1568м году	Царь Іоаннъ Васильевичь посла съ Москвы преподобнаго мужа Кирилла Ігумѣна построить манастырь во имя чудотворца Николая; всего составила по 1801 годъ— — — — — —	239
7081м	1573м году	Маія: 5:го дня пожалована грамата отъ Его Царскаго Величества ему Ігумену на оной манастырь всего составила по 1801й годъ— — — —	227
7075м	1567м году	Февраля 12:го дня отъ негожъ Царскаго Величества дана грамата на учугъ Іванчугъ на пропитаніе Ігумену Кириллу зъ братіею всего составила по 1801й годъ, — — — — — —	233
7084м	1576м году	Іюля 25го дня освѣщена деревянная церковь Троицкая перьвая построена воономіже Троицкомъ манастыре Ігуменомъ Кириллою всего составила по 1801й годъ, — — — — —	224
		Въ семъ году преподобный Кириллъ игуменъ преставился.	
7110м	1602м году	Построенная камѣнная Троицкая цѣрьковь вновь наместо деревянной всего составила по 1801й годъ — —	летъ 198
7111м	1603м году	Сенътября въ 13й день осьвещена оная церьковь при царѣ борисе Годунове, I пріигуменѣ феодосіи всего составила по 1801й годъ — — —	лѣтъ 197
7114м	1606м году	Вновь зачата делать камѣнная цѣрьковь теплая страпезою въведенія богородицы всего составила по 1801й годъ	лѣта 194

От Адама лѣта	От Христа лѣта	От сотворенія мира и отъ рождества Христова	
		: 3 :	
7191м году	1682м году	Никифоръ преставился Октября 28го дня	
		: 4 :	
7204м году	1696м году	Савъватій преставился Іюля 1го дня	
		: 5 :	
7222м году	1714м году	Самсонъ преставился Апреля 3го дня	
		Епископы	
		: 1 :	
	1723	Іоакимъ выехалъ вМоскву по указу и где померъ, неизвѣстно.	
		: 2 :	
	1726	Лаврентій Горка выехалъ въ Петербургъ по указу — — — — —	
		: 3 :	
	1727	Варлаамъ выехалъ, а въ какое мѣсто неизвестно	
		итого 13 человѣкъ.	
		: 4 :	
7263м году	1755м году	Іларіонъ преставился Іюня 9го дня произведенъ въ 1731м году правилъ престолъ — — — — —	года 24
		: 5 :	
7265м	1757м году	Мефодій посвещенъ въ Казанѣ Маія 10го дня, — — — — — —	
7284м	1776 году	преставился 29го дня Маія за Кизляромъ въ Червленной станицѣ находился на горячихъ водахъ привезенъ вАстрахань іюня 14го дня погребенъ іюля 30го дня внижнемъ соборѣ правилъ престолъ —	лѣтъ 19 и 19 дней
		Архіепископы	
		: 1 :	
7284м году	1776м году	Антоній прибылъ Епископомъ вАстра-	

От Адама лѣтъ	От Христа лѣтъ	От сотворенія мира и отъ рождества Христова	
		хань декабря 14го дня въ воскресенской манастырь — — — —	
7294м	1786м году	преставился Ноября на 10е число полуночи въ 2м часу правилъ престолъ — — — — — — — — —	10 лѣтъ невступно
		: 2 :	
7295м	1787м году	Никифоръ изъ Грековъ прибылъ Архіепископомъ Маія 5го дня въ 9 часовъ поутру ктаможнѣ I встреченъ со крестами всоборъ и совершалъ святую литоргію въ принятіи престола — — — — — — — —	(Другимъ почеркомъ прописано сбоку). Преставился въ Москвѣ въ Даниловѣ монастырѣ 1800 года Маія 31 дня, погребенъ Іюня 2 дня.
7300м	1792м году	выѣхалъ ІзАстрахани іюля 15го дня отъ Епархіи уволенъ совсемъ, по прозбѣ его на упокой Святѣйшимъ Синодомъ и пребываніе имѣетъ въ Москвѣ въ Даниловѣ манастыре правилъ престолъ всего — — — — — — —	лѣтъ 5 и 2 мѣсяц и 12 дней
		: 3 :	
7300м	1792м году	Тихонъ Аръхіепископъ прибылъ сентября на 22е число вночи въ воскресенской манастырь бывши 3:и воронѣжскій I члѣнъ святѣйшаго синода, — — — — — — — —	
7301м	1793м году	преставился Ноября 14го дня поутру въ 9 часовъ въ Покровскомъ манастыре въ которомъ имѣлъ частое пребываніе, 17го дня въ 11м часу Іспокровскаго принесенъ сцѣремоніею всоборъ погребенъ 19го дня житіе было ево въ Епарьхіи своей...	1 годъ и 1 мѣсяц и 22 дни.
		: 4 :	
7302м	1794м году	Платонъ Епископъ послѣ Архіепископомъ прибылъ Апреля 27го дня поутру въ началѣ 10го часу ввоскресенскій манастырь;—30го дня Іспа-	

От Адама лѣта	От Христа лѣта	От сотворенія мира и от рождества Христова	
		скаго манастыря шелъ скрестами въ соборъ принять престолъ и совершилъ святую литоргію изАрхимандритовъ находясь въ Москвѣ вдонскомъ манастыре въ 1800м году получилъ отъ Государя кавалерію Александра Невскаго и звезду жалованная Императоромъ Павломъ Петровичемъ прислана Февраля 14го дня вАстрахань.	

Для памети записано, живши мною на квартирѣ..... *(одно слово выцвѣло, а потому и не разобрано).*

Во 1797м году Выюне проданы послѣ покойнаго Протопопа Іякова Іванова Николы Гостинаго женою ево протопопицею Іриною две книги столярю въ Кананерску важныя сочиненныя Іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ =1=я называетця вечери душевны 2: вечерижъ забылъ какъ записать, вторую только вечерюжь точно а объяснить немогу, оные продала цѣною за 6 ру жалелъ весьма оныхъ книгъ что денегъ на тотъ разъ неслучилось, неростался бы сними

Две книги | Перьвая вечери душевныя
Вторая вечеряжь, только забылъ оную именовать

Никифоръ Туркинъ подписалъ.

Дженкинсонъ.

Дженкинсонъ Антонъ, англійскій посланникъ, четыре раза (между 1557—1571 гг.) посѣтилъ Россію въ царствованіе Іоанна Грознаго, для заключенія торговыхъ договоровъ и разрѣшенія англійскимъ купцамъ торговли съ Персіею чрезъ русскія владѣнія. Въ первую свою поѣздку въ Бухару онъ дважды посѣтилъ Астраханъ, а также проѣзжалъ чрезъ нее и при путешествіи въ Персію. Описанія путешествій Дженкинсона и другихъ англичанъ напечатаны въ сборникѣ Гаклюйта, вторымъ дополненнымъ изданіемъ, которымъ воспользовался С. М. Середонинъ для перевода. См. кн. 4 за 1884 г. „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ“, откуда и взяты помѣщаемыя здѣсь извлеченія.

1. Путешествіе Антона Дженкинсона отъ гор. Москвы въ Россіи до гор. Бухары въ Бактріи.

23 Апр. 1558, получивши грамоты отъ Русскаго Царя къ различнымъ царямъ и государямъ, чрезъ владѣніе которыхъ мнѣ должно было проѣзжать, я выѣхалъ водой изъ Москвы; съ собою я взялъ двухъ изъ вашихъ подчиненныхъ, именно Ричарда и Роберта Джонсоновъ, татарина-переводчика, много тюковъ товаровъ, какъ это видно изъ описи. 28 ч. мы пріѣхали къ городу Коломнѣ, въ 20 лье отъ Москвы; проѣхавъ еще лье за Коломну, мы вошли въ р. Оку, въ которую впадаетъ р. Москва и теряетъ свое имя. Проплывши внизъ по Окѣ 8 лье, мы подошли къ городку Перевитиску (Terrevetisko), по правую руку; слѣдуя дальше, 2 Мая мы подошли къ другому городу Переяславлю, въ 8 лье, тоже по правую руку. 3 числа мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ была старая Рязань; теперь здѣсь развалины, поросшія травой; разстояніе отъ Переяславля 6 лье. 4 ч. мы проѣхали мимо Терехова монастыря (Terrecobia), отъ Рязани 12 лье; 6 ч. подъѣхали къ гор. Касимову, находящемуся подъ управленіемъ татарскаго князя Шигъ-Алея (Zegoline) бывшаго царемъ славной Казани, нынѣ же подданнаго русскаго царя. Оставивъ Касимовъ по лѣвой рукѣ, мы прибыли 8 ч. въ красивый городъ Муромъ, отъ Касимова 20 лье; здѣсь мы измѣрили высоту солнца и опредѣлили широту — 56°; продолжая путь, 11 числа мы пріѣхали въ значительный городъ и крѣпость Нижній-Новгородъ, расположенный при впаденіи р. Оки въ славную Волгу, въ 25 лье отъ Мурома, подъ 56° 18′ шир. Отъ Рязани до Ниж.-Новгорода по обоимъ берегамъ р. Оки добывается больше, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, воску и меду. Мы прождали въ Ниж.-Новгородѣ до 19 ч. пріѣзда начальника, назначеннаго царемъ управлять Астраханью; онъ пріѣхалъ съ 500 большими судами, съ солдатами, провіантомъ и аммуниціей и товарами: 19 ч. мы вмѣстѣ и отправились изъ Ниж.-Новгорода, а 22 пріѣхали къ Васильгороду, въ 25 лье съ правой, стороны. Этотъ городъ получилъ свое названіе отъ имени отца нынѣшняго Царя, который назывался Василіемъ, а

городъ по русски тоже, что наше Castle, т. ч. Василь-городъ—Vasilij castle; это былъ отдаленнѣйшій пунктъ завоеваній покойнаго царя отъ татаръ. Нынѣшній же царь, сынъ его Иванъ Васильевичъ, очень счастливъ въ своихъ войнахъ съ христіанами, магометанами и язычниками; особенно же большіе успѣхи дались ему въ войнѣ противъ татаръ: онъ расширилъ свое царство до Каспійскаго моря, завоевалъ все теченіе славной рѣки Волги со всѣми прилежащими къ ней областями. Продолжая наше путешествіе, 25 Мая мы подъѣхали къ городу Чебоксары (Sabonschare), на правомъ берегу, въ 16 лье отъ Василь-города. Окрестная страна называется *Мордва;* жители ея были язычниками, а теперь, по покореніи ихъ Русскимъ царемъ, большая часть крестилась, живутъ они въ лѣсахъ и пустынныхъ мѣстахъ, нѣтъ у нихъ ни городовъ ни жилищъ. 27 Мая мы проѣхали мимо Свіяжска, въ 25 лье отъ Чебоксаръ, тоже на правомъ берегу. 29 Мая мы подъѣхали къ острову, отстоящему на лье отъ Казани, отъ которой въ Волгу впадаетъ р. Казанка. Казань красивый городъ на русскій или татарскій образецъ, съ сильною крѣпостью, расположенною на высокомъ холмѣ; крѣпость эта была обнесена деревянною и земляною стѣной; теперь Русскій Царь приказалъ уничтожить старыя стѣны и построить новыя изъ плитняка. Это былъ значительный и богатый городъ, составлявшій самостоятельное татарское государство, причинявшее Русскимъ больше безпокойствъ, чѣмъ какой-либо другой народъ; но 9 лѣтъ тому назадъ Русскій Царь завоевалъ Казань, взялъ въ плѣнъ царя, еще юношей его крестилъ и воспитываетъ его при своемъ дворѣ съ двумя другими князьям, также бывшими Казанскими царями; оба они, видя жизнь въ опасности отъ гражданскихъ междоусобій во время своихъ царствованій, передавались Русскому Царю, такъ что теперь при Русскомъ дворѣ 3 князя, бывшихъ Казанскими царями. Царь обращается съ ними очень почтительно.

До 13 Іюня мы оставались въ Казани; выѣхавъ оттуда, мы въ тотъ же день миновали островъ, называемый островомъ купцевъ, потому что здѣсь обыкновенно съѣзжались купцы: Русскіе, Казанскіе, Ногайскіе, Крымскіе и др. и держали здѣсь торгъ, теперь же это мѣсто оставлено, и не бываетъ такого съѣзда ни здѣсь, ни въ Казани и ни въ какомъ другомъ городѣ отъ Москвы до Каспійскаго моря.

14 Іюня мы миновали съ лѣвой стороны большую рѣку Каму. Эта рѣка течетъ въ Волгу изъ Пермской области, устье ее отъ Казани въ 15 лье. Земля между Казанью и Камой на лѣвомъ берегу Волги называется Вяткой (Vachen), населеніе языческое, живетъ въ пустынныхъ мѣстахъ, безъ домовъ и жилищъ; страна же на противоположномъ берегу Волги называется землей Черемисовъ, на половину язычниковъ, на половину татаръ. Вся земля на лѣвомъ берегу Волги отъ Камы до Астрахани и далѣе по Сѣверному и Сѣв.-Восточному берегу Каспійскаго моря, граничащая съ землей татаръ-туркменовъ, называется землей Мангатовъ (Mangat) или Ногайцевъ.

Населеніе ея магометанское; во время моей бытности въ Астрахани въ 1558 г. оно совершенно было разстроено гражданскими усобицами, голодомъ, моромъ и т. под. бѣдствіями, до такой степени, что въ этомъ году померло до 100 тыс. чел.; подобнаго бѣдствія здѣсь не запомнятъ, такъ что Ногайская земля, изобилующая пастбищами, остается теперь не населенной, къ великому удовольствію Русскихъ, издавна ведущихъ съ Ногайцами жестокія войны.

Ногайцы во время своего процвѣтанія жили такъ; они дѣлились на нѣсколько обществъ, называемыхъ ордами. Всякая орда имѣетъ своего правителя, которому повинуются, какъ королю; правитель называется Мурза У ногайцевъ нѣтъ ни городовъ, ни домомъ, а живутъ они въ открытыхъ поляхъ; всякій Мурза или король имѣетъ около себя свою орду, съ женами, дѣтьми, скотомъ. Когда скотъ съѣстъ всю траву, они перекочевываютъ въ другое мѣсто. Во время кочевокъ ихъ жилища палатки—ставятся на повозки или телѣги, перевозимыя съ мѣста на мѣсто верблюдами; въ этихъ повозкахъ они возятъ своихъ женъ, дѣтей и все богатство, котораго у нихъ очень не много. У каждаго мужчины, по меньшей мѣрѣ, 4 или 5 женъ, не считая наложницъ. Монеты они вовсе не употребляютъ, но обмѣниваютъ скотъ на платья и прочія необходимыя вещи. Они не занимаются никакими ни ремеслами, ни искусствами, за исключеніемъ военнаго, въ которомъ они очень опытны. По преимуществу, это народъ пастушескій, владѣющій множествомъ скота, составляющаго все его богатство. Они ѣдятъ много мяса, главнымъ образомъ конину, пьютъ кумысъ, которымъ часто напиваются до пьяна; народъ это мятежный, склонный къ убійствамъ и грабежу. Зеренъ они не сѣютъ и вовсе не употребляютъ хлѣба; смѣются за это надъ христіанами; презирая нашу крѣпость, они говорятъ, что мы живемъ ѣдой верхушекъ травъ и пьемъ изъ иихъ же выдѣланные нанитки; чтобъ достичь ихъ силы и крѣпости рекомендуютъ ѣсть много мяса и пить молоко.

Но возвратимся къ моему путешествію.

Вся страна на правомъ берегу Волги отъ Камы до гор. Астрахани принадлежитъ Крымскимъ татарамъ, тоже магометанамъ, которые живутъ почти также какъ Ногайцы и ведутъ постоянныя войны съ Русскимъ царемъ, они въ полѣ очень храбры и получаютъ помощь и поддержку отъ Великаго Турка.

16 Іюня мы проѣхали мимо жилищъ рыболовъ Petovse, въ 20 лье отъ Камы; здѣсь ловится много осетровъ. 22 Іюня мы миновали большую р. Самару, текущую чрезъ Ногайскую землю въ Волгу. 28 Іюня мы проѣхали высокій холмъ, на которомъ нѣкогда крымцы построили крѣпость, теперь уже разрушившуюся. Этотъ холмъ находится на половинѣ пути отъ Казани до Астрахани (весь путь 200 лье), подъ $51^{\circ}47'$ шир. Здѣсь на берегу ростетъ солодковый корень, вьющійся по землѣ какъ виноградъ.

6 Іюля мы подплыли къ мѣсту, называемому „переволокъ“ (Perovolog); называется оно такъ потому, что въ минувшія времена татары здѣсь перетаскивали свои суда изъ Волги въ Танашъ, иначе Донъ, когда собирались грабить плывущихъ какъ внизъ по Волгѣ въ Астрахань, такъ и плывущихъ по Танашу въ Азовъ, Каффу и др. города, расположенные на Эвксинскомъ морѣ, въ которое впадаетъ Танашъ, берущій свое начало на равнинѣ, въ Рязанской области. Разстояніе отъ одной рѣки до другой по переволоку—2 лье; это опасное мѣсто, такъ какъ здѣсь водятся воры и разбойники; впрочемъ теперь не такъ опасно, потому что это мѣсто завоевано Русскимъ царемъ. По дорогѣ отъ переволока нашимъ глазамъ представилась пустырь на обоихъ берегахъ, видѣли мы здѣсь большую толпу Ногайцевъ со стадами, какъ уже было описано; по счету до 1000 верблюдовъ везли повозки съ палатками на нихъ, странной формы; казалось, что везутъ городъ. Эта орда принадлежала Великому Мурзѣ Смиллу (Smills), главнѣйшему Ногайскому князю; онъ убилъ или изгналъ всѣхъ прочихъ Мурзъ, не пощадивъ при этомъ ни своихъ братьевъ, ни дѣтей; сохраняя миръ съ Русскимъ царемъ, онъ имѣетъ что нужно и правитъ одинъ, такъ что теперь Русскіе живутъ въ мирѣ съ Ногайцами, съ которыми обыкновенно у нихъ были кровавыя войны.

14 Іюля, пройдя древнюю крѣпость, гдѣ была старая Астрахань, съ правой стороны, мы пріѣхали въ Новую Астрахань, завоеванную нынѣшнимъ Русскимъ царемъ 6 лѣтъ тому назадъ, въ 1552 г. Отъ Москвы до Астрахани 600 лье или около этого. Городъ Астрахань расположенъ на островѣ, на высокомъ берегу, внутри города кремль, обнесенный деревянною и земляною стѣной, и некрасивою и непрочною. Строеніе и дома въ городѣ (за исключеніемъ помѣщеній главныхъ начальниковъ и нѣкоторыхъ дворянъ) очень низки и просты. Островъ очень неплодороденъ, безъ лѣсу и пастбищъ, земля не родитъ хлѣба. Воздухъ въ высшей степени зараженъ, я думаю, массой рыбы, преимущественно осетровъ, которой только и живутъ обитатели; въ мясѣ и хлѣбѣ здѣсь большой недостатокъ. Жители развѣшиваютъ для сушки рыбу на улицахъ и въ домахъ, чтобы запастить ею, отчего здѣсь къ ихъ же мученію такая масса мухъ, какой я никогда нигдѣ не видалъ. Во время моего пребыванія въ Астрахани здѣсь былъ великій голодъ и моръ между населеніемъ, особенно среди Татаръ-Ногайцевъ, которые пришли тогда сюда отдаться въ руки Русскихъ, своихъ враговъ, и искать у нихъ помощи, такъ какъ ихъ страна, какъ я сказалъ, была разорена. Но имъ плохо помогали, массами они помирали отъ голода, такъ что по всему острову лежали кучи умершихъ, непогребенныхъ, точно звѣрей; жаль было смотрѣть. Много ихъ было продано русскимъ, а остальные прогнаны съ острова. Въ это время очень легко было бы обратить этотъ злой народъ въ христіанскую вѣру, если бы русскіе были добрыми христіанами; но какъ они могли оказать состраданіе чужому племени,

когда они такъ безпощадны къ своимъ бѣднымъ. Я бы могъ въ это время накупить здѣсь много красивыхъ дѣтей татарскихъ, хоть тысячу, отъ отцовъ и матерей, мѣльчика или дѣвочку за кусокъ хлѣба, стоющій въ Англіи 6 пенсовъ; но мы сами болѣе нуждались въ провизіи чѣмъ въ такомъ товарѣ, Астрахань отдаленнѣйшій пунктъ Царскихъ завоеваній отъ Татаръ по направленію къ Каспійскому морю. Царь охраняетъ Астрахань очень строго; ежегодно посылаетъ сюда людей, припасы и дерево для постройки Кремля.

Ведется здѣсь торговля, но въ такихъ малыхъ и ничтожныхъ размѣрахъ, *что не стоитъ и упоминать; все-таки, впрочемъ, сюда съѣзжаются* купцы изъ разныхъ мѣстностей. Главнѣйшіе товары, привозимые сюда Русскими; красныя кожи, бараньи шкуры, деревянная посуда; уздѣчки, сѣдла, ножи, и т. п. бездѣлушки, хлѣбъ, свинина и пр. припасы. Татары привозятъ сюда различные товары, выдѣланные изъ хлопка, шерсти и шелка; изъ Персіи, именно изъ Шемахи, привозятъ шелковыя нитки, употребительнѣйшія въ Россіи, краски, пестрыя шелка для поясовъ, кольчуги, луки, мечи и т. п.; иногда хлѣбъ, грѣцкіе орѣхи; но все это въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что торговля здѣшняя ничтожна и бѣдна; нечего и писать объ ней, равно какъ и надѣяться завести здѣсь торговыя сношенія, достойныя продолженія.

Островъ на которомъ расположена Астрахань, 12 лье длины и 3 ширины, лежитъ съ Вост. на Зап., подъ $47^{0}9'$ шир. Мы пробыли здѣсь до 6 Авг.; вмѣстѣ съ Татарами и Персами купили и снарядили судно, нагрузили своими товарами и 6 Авг. выѣхали изъ Астрахани (я и оба Джонсоны); пришлось самимъ наблюдать за плаваніемъ внизъ по Волгѣ; такъ какъ къ устью она очень извилиста, и встрѣчается много мелей. Мы вошли въ Каспійское море 10 Авг. у Восточнаго берега Волги. въ 20 лье отъ Астрахани, подъ $46^{0}27'$ шир. При впаденіи Волга имѣетъ до 70 устьевъ; былъ сильный вѣтеръ, и мы, держась Сѣв.-Вост. берега, плыли 11 числа къ С.-Вост. и приплыли къ острову, на которомъ стоитъ высокая гора Accurgar, далеко замѣтная въ морѣ. Въ 10 лье отсюда къ Вост. мы проѣхали мимо другаго острова Bawhiata, который значительно выше перваго. Къ Сѣв., между двумя этими островами лежитъ большой заливъ, называемый голубымъ моремъ. Отсюда мы проплыли къ Сѣв.-Вост. 10 лье, но, встрѣтивши противный вѣтеръ, стали на якорь (глубина воды — сажень). 15 числа мы выдержали сильный штормъ, съ Ю.-Вост., при этомъ противномъ вѣтрѣ мы не плыли. Затѣмъ при перемѣнѣ вѣтра на Сѣверный — мы снялись съ якоря и продолжали свой путь на Ю.-Вост.; въ этотъ день мы проплыли 8 лье.

Затѣмъ послѣ плаванія по Каспійскому морю, Дженкинсонъ и его спутники высадились на берегу залива Мертваго Култука и, нанявъ у мангышлакскихъ татаръ проводниковъ, направились чрезъ крѣпость Селлизуръ и г. Ургенчъ въ Бухару. куда и прибыли 23 декабря. Пробывъ тамъ до 8 марта 1559 г. путешественники выѣхали обратно и, держась берега Каспійскаго моря, вернулись въ Астрахань.

28 Мая мы благополучно прибыли въ Астрахань, гдѣ и оставались до 10 Іюня, какъ для того, чтобы приготовить небольшія судна для проѣзда съ товарами вверхъ по Волгѣ, такъ и для сопровожденія Татарскихъ посланниковъ, довѣренныхъ мнѣ, къ Русскому Царю. Каспійское море имѣетъ въ длину около 200 лье, въ ширину 150; сообщеніе съ другимъ моремъ нѣтъ. На Вост. лежитъ большая пустынная страна Татаръ-Туркменовъ, на на Зап. земли Черкассовъ, Кавказскіе горы и Евксинское море, отстоящее отъ Каспійскаго на 100 лье; къ Сѣв. р. Волга, земля Нагайцевъ, къ Югу— земли, Мидія и Персія. Во многихъ мѣстахъ этого моря вода свѣжая, въ другихъ соленая, какъ въ нашемъ Океанѣ. Много большихъ рѣкъ впадаетъ въ него, но само оно не имѣетъ теченій, развѣ подъ водой. Вотъ главнѣйшія, впадающія сюда рѣки: великая рѣка Волга, по татарски Едель, берущая начало въ болотахъ или равнинахъ, не далеко отъ Новгорода, въ Россіи; отъ истока до моря больше 2000 Англ. миль; затѣмъ другіе рѣки, напр. изъ Сибири Яикъ, р. Гемъ, съ Кавказскихъ горъ: Кура, Аракъ и друг.

Что касается до Шемахинской (въ Мидіи) и Персидской торговли, я развѣдывалъ объ ней и узналъ, что она подобна татарской, т.-е небольшой сбытъ и незначительная выгода, а главная Персидская торговля идетъ въ Сирію, къ Ливанскому морю. Малое число кораблей на Каспійскомъ морѣ, недостатокъ въ рынкахъ и портахъ, бѣдность народовъ, ледъ, вотъ что дѣлаетъ здѣсь торговлю бѣдной. Въ Астрахани были купцы изъ Шемахи, которымъ я предлагалъ на обмѣнъ за ихъ товары кирасею, но они не согласились: въ ихъ странѣ ее можно купить также дешево (я просилъ 6 руб. за кусокъ кирасеи); во время моего пребыванія въ Бухарѣ, туда привезли изъ Персіи сукно и другіе наши товары, которые продавались по той же цѣнѣ, по какой и я могъ ихъ продавать.

10 Іюня мы отправились изъ Астрахани въ сопровожденіи, по приказанію Царя, 100 стрѣльцовъ для безопаснаго проѣзда моего и татарскихъ пословъ. 28 Іюля мы пріѣхали въ Казань, пробывъ въ дорогѣ болѣе 6 недѣль, безъ остановокъ, по всей дорогѣ нѣтъ жилищъ. 7 Авг. мы выѣхали изъ Казани и везли товары водой до Мурома, а затѣмъ сушей. 2 Сентября мы прибыли въ Москву.

Прозимовавъ въ Москвѣ, Дженкинсонъ отправился чрезъ Вологду въ Холмогоры, куда и прибылъ 9 мая 1560 г. Въ этой части описанія своего путешествія онъ приводитъ широты различныхъ мѣстностей. Между прочимъ имъ опредѣляются: Казань 55°33′, Oweke (развалины древняго города на Волгѣ Увека) 51°40, Астрахань 47°9′, Устье Волги 46°72′, Мангышлакъ 45° и Бухара 39°10′.

2. Путешествіе Антона Дженкинсона въ Персію.

Дженкинсонъ, выѣхавъ 14 мая 1561 г. изъ Граузенда, 14 іюля прибылъ въ заливъ св. Николая, а 20 августа въ Москву, гдѣ и провелъ зиму.

Приготовивъ все для путешествія, я выѣхалъ изъ Москвы 27 Апр. 1562 г., внизъ по великой рѣкѣ Волгѣ, въ обществѣ съ Персидскимъ посланникомъ, съ которымъ я сильно подружился во время проѣзда по Волгѣ до Астрахани, куда мы благополучно пріѣхали 10 іюня.

Что касается до положенія городовъ, городковъ, крѣпостей и странъ, Магометанскихъ и языческихъ прилежащихъ къ дорогѣ, по которой я ѣхалъ изъ Москвы въ Астрахань, то все это я опускаю, потому что описывалъ вамъ это при разсказѣ о своемъ путешествіи въ Бухару. По пріѣздѣ въ Астрахань мнѣ помогалъ въ моихъ сборахъ начальникъ, которому это было поручено царемъ; онъ не только очень заботливо помогалъ и снабжалъ меня всѣмъ необходимымъ во время моего пребыванія тамъ, но отрядилъ 50 стрѣльцовъ для сопровожденія меня на 2 стругахъ или маленькихъ судахъ до Каспійскаго моря, пока я не миновалъ опасныхъ мѣстъ, пристанищъ пиратовъ и разбойниковъ; онъ же (т.-е. начальникъ) приготовилъ мнѣ судно для морскаго плаванія (Персидскій посланникъ выѣхалъ раньше на собственномъ суднѣ). 15 іюля я съ товарищами выѣхали изъ Астрахани, на слѣдующій день вышли изъ Юг.-Вост. устья рѣки, въ 20 миляхъ отъ Астрахани. Взявъ курсъ на Юг.-Зап., мы 18 Іюля миновали 3 острова, отстоящіе отъ устья на 9 миль, отсюда плыли на Юг. Юг.-Зап., на слѣдующій день (солнце на Сѣв.-Зап.) подплыли къ землѣ, называемой Challika Ostrow, состоящей изъ 4 круглыхъ острововъ; разстояніе отъ упомянутыхъ 3-хъ—40 миль. Держась этого же направленія и на слѣдующій день, мы увидѣли землю Гике въ странѣ Гикеѣ, гдѣ обыкновенно стоятъ пираты. Опасаясь ихъ мы выплыли къ море къ Вост. на 40 миль, наткнулись на отмели, едва не погибли и съ большимъ трудомъ выбрались. 22 ч. мы увидѣли большой островъ Chatalet, въ 100 миляхъ отъ Callike, но по причинѣ свѣжаго противнаго вѣтра мы не могли подойти къ нему, но должны были стать на якорь, подъ вѣтромъ въ 6 миляхъ отъ него, на глубинѣ 3 или 4 саженей; и разстояніе отъ насъ до материка (къ Западу), называемаго Skafθoyl или Connix, Магометанской земли на [1] мили. Мы стояли на 2 якоряхъ, но когда поднялась буря, мы потеряли одинъ; судно наше такъ наполнилось водой, что мы съ трудомъ удерживали судно надъ водой, постоянно выкачивая воду; выбросили за бортъ много вещей, въ томъ числѣ и ботъ; мы были тогда въ большой опасности или погибнуть въ морѣ или попасть на берегъ, въ руки злыхъ невѣрныхъ, поджидавшихъ нашего кораблекрушенія; чудесно, какъ это мы избѣгли обѣихъ этихъ опасностей, единственно благодаря могуществу и милости Божьей. Буря продолжалась 7 дней, т. е. до 30 чи-

[1] Не разобрать числа.

сла. Затѣмъ подулъ вѣтеръ на Зап., и мы при прекрасной погодѣ снялис съ якоря и распустивъ паруса, поплыли къ берегу и при закатѣ был близко отъ земли, называемой жителями Ширванъ; тогда опять стали н якорь, потому что подулъ противный вѣтеръ, 150 мил. отъ Гаталета; отсюд мы плыли при хорошей погодѣ и Юг. Юг.-Вост. вѣтрѣ до 3 Авг.; и про плывъ до 60 миль, предъ вечеромъ пристали предъ гор. Дербентомъ.

Отъ Дербента Дженкинсонъ съ товарищами отправился далѣе моремъ и высадился в Шабранѣ. Разгрузивъ здѣсь судно и навьючивъ товары на верблюдовъ, они направились чрез Шемаху, Яватъ и Ардебиль въ г. Казбинъ, гдѣ въ то время находился персидскій шах Томасъ, сынъ Измаила. Но Дженкинсону не удалось достигнуть главной цѣли своей поѣздки— заключенія торговыхъ договоровъ—такъ какъ турецкій посолъ, находившійся въ то время в Казбинѣ, противодѣйствовалъ этому, а шахъ, который только что окончилъ неудачную дл себя войну съ турками, боялся чѣмъ либо ихъ раздражать. Но на возвратномъ пути въ Мо сковское государство Дженкинсонъ успѣлъ получить отъ владѣльца Ширвана торговыя пр виллегіи для англійскихъ купцовъ.

30 Мая прибыли въ Астрахань, испытавъ на возвратномъ пути п морю не меньше опасностей, чѣмъ на переднемъ. Въ Астрахани мы про жили до 10 іюня; 100 стрѣльцовъ было назначено проводить насъ вверх по Волгѣ. 15 Іюля я пріѣхалъ въ Казань, гдѣ былъ хорошо принятъ начальникомъ; отсюда меня сопровождали отъ города до города и так до Москвы, куда я пріѣхалъ 20 Авг. 1563 г., благодаря Бога, благопо лучно со всѣмъ имуществомъ, товарами, драгоцѣнными камнями, которые я накупилъ на счетъ Царя и вашъ.

Далѣе Дженкинсонъ разсказываетъ о благосклонномъ пріемѣ, который ему оказал Иванъ Васильевичъ и о предоставленіи новыхъ льготъ его соотечественникамъ. Въ Лондон Дженкинсонъ вернулся только 28 сентября 1564 г.

Антонъ Дженкинсонъ посѣтилъ Россію четыре раза; но первое путешествіе (1557 г.), въ которомъ онъ доѣхалъ до Москвы, не имѣетъ значенія для исторіи астраханскаго края. Что же касается его послѣдней поѣздки 1571—1572 г., которую онъ предпринялъ съ тѣм чтобы смягчить гнѣвъ царя Іоанна на англійскихъ купцовъ, имущества и товары которых конфисковались, а сами они подвергались притѣсненіямъ, то ее нельзя пройти молчаніем такъ какъ тутъ мы можемъ встрѣтить подробности для характеристики торговли того времени. Выслушавъ словесный докладъ Дженкинсона, Іоаннъ велѣлъ ему изложить письменно сво претензіи, что имъ и было сдѣлано. Изъ 16 пунктовъ доклада Дженкинсона для нашей цѣл важны слѣдующіе:

6) Чтобъ угодно было Его Высочеству приказать заплатить компаніи всѣ деньги, к торыя ей должны; и долгъ Его Величества за Англійскіе и Шемахинскіе товары, взятые в казну Е. Высочества приставами въ разныхъ мѣстахъ; общество уже долго терпѣло, это со ставляетъ для него большую помѣху.

7) Чтобы угодно было Его Величеству узнать, что теперь находятся въ Персіи из Англійскихъ купцовъ Том. Банистеръ и Джеф. Дьюкетъ съ товарищами и товарами, готовя возвратиться въ Астрахань, и что они пріѣхали бы еще прошлый годъ, но что корабль, н значенный идти за ними съ матросами, былъ остановленъ въ Астрахани тамошнимъ На мѣстникомъ Его Высочества, къ большому затрудненію для этихъ купцовъ. Поэтому, чтоб угодно было Его Величеству отправить свои царскія граматы къ начальникамъ и правителям въ Астрахани и Казани, не только позволить нашимъ людямъ, купцамъ и морякамъ спокойн и свободно плыть на корабляхъ, баркахъ и др. судахъ по Волгѣ и Каспійскому морю дл привоза означенныхъ Англійскихъ торговцевъ изъ Персіи въ его владѣнія съ товарищам и товарами, но также, чтобъ его Высочеству угодно было строго приказать, чтобъ, когд Т. Банистеръ и Дж. Дьюкетъ прибудутъ съ грузомъ въ Астрахань, тамошній Намѣстник Его Величества, равно какъ и въ другихъ городахъ по Волгѣ, помогли этимъ купцамъ про ѣхать благополучно, не подвергаясь опасности отъ Крымцевъ и отъ другихъ непріятелей.

8) Чтобъ угодно было Его Высочеству узнать, что прошлымъ годомъ наши купцы, возвращавшіеся изъ Шемахи были обижены таможенниками Его Величества въ Астрахани и Казани. Въ обоихъ мѣстахъ ихъ заставили заплатить пошлины за товары, хотя они не продали ничего изъ нихъ, а привезли все въ казну Его Высочества въ Слободѣ; эти сборщики не только потребовали и взяли пошлины больше чѣмъ слѣдуетъ по законамъ Его Величества, но даже за недостаткомъ у купцовъ наличныхъ денегъ забрали товары, стоющіе гораздо больше требуемой пошлины и держутъ ихъ, какъ залогъ. Угодно будетъ, по этому, Его Высочеству отправить свою царскую грамату къ этимъ таможенникамъ для увѣдомленія ихъ, что онъ возстановилъ свою великую доброту къ Англійскимъ купцамъ, и приказать имъ отправить задержанные товары Англійскихъ купцовъ въ Москву, гдѣ они заплатятъ такую пошлину, какую укажетъ Его Величество.

10) Если Его Величеству покажется полезнымъ, чтобы вся торговля Персіи, Бухары и другихъ странъ, прилежащихъ къ Каспійскому морю была сосредоточена въ Астрахани, старинномъ торговомъ городѣ, то это послужило бы къ великой чести и выгодѣ Его Величества и его подданныхъ, какъ я могу это доказать, если Его Величеству угодно будетъ назначить для переговоровъ со мной по этому дѣлу, кого-либо изъ своихъ совѣтниковъ.

Вотъ послѣдовавшіе на нихъ отвѣты:

На 6-й: Его Величество приказалъ сыскать, сколько должны денегъ за товары, взятые въ его казну, какъ это значится въ пунктѣ (большая часть счетныхъ книгъ сгорѣла въ Москвѣ); то, что найдено будетъ нужнымъ заплатить, будетъ выплачено купцамъ, или ихъ факторамъ, или прикащикамъ, которыя явятся за деньгами. Что же касается до платежа остальныхъ денегъ, то дальнѣйшая воля Е. Величества будетъ объявлена послѣ.

На 7-й: Будутъ написаны грамоты къ начальникамъ въ Астрахани, Казани и другихъ городахъ по Волгѣ, до кого это принадлежитъ, не только позволить вашимъ купцамъ и морякамъ выйдти на своихъ судахъ или корабляхъ изъ Астрахани въ Каспійское море для привоза Т. Банистера и Дж. Дьюкета съ ихъ товарищами и имуществомъ изъ Персіи, но также будетъ приказано помочь имъ, когда они прибудутъ во владѣнія Его Величества, и проводить ихъ вверхъ по Волгѣ, во избѣжаніе опасности отъ враговъ.

На 8-й: Его Величество приказалъ написать грамоты къ Астраханскимъ и Казанскимъ таможенникамъ — возвратить Англійскимъ купцамъ ихъ товары, задержанные вмѣсто пошлины, а пошлину взять по привиллегіямъ Его Величества.

На 10-й: Его Величество подумаетъ объ этихъ вещахъ и впослѣдствіи объявитъ свою царскую на это волю.

Олеарій.

Авторъ „Подробнаго описанія путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ“ изданнаго въ 1-й разъ въ 1647 г. въ Шлезвигѣ и вышедшаго 3-мъ изданіемъ тамъ же въ 1663 году, подъ заглавіемъ: „Adam Olearii Aussfürliche Beschreibung der Kundbaren Reise nach Muscow und Persien, so dureh gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaft von Gottorff auss an Michael Fedorowitz, den grossen Zaar in Muscow und Schach Sefi, König in Persien, geschehen“,—Адамъ Олеарій родился въ Саксонскомъ городкѣ Ашерлебенѣ въ 1559 г. и умеръ въ Шлезвигѣ въ 1671 г. Съ раннихъ лѣтъ онъ предался научнымъ занятіямъ, скоро достигъ ученыхъ степеней и жилъ въ Лейпцигѣ, ведя жизнь кабинетнаго ученаго до 1633 г., когда тридцатилѣтняя война заставила его покинуть отечество и переселиться въ Шлезвигъ-Голштинію, гдѣ въ то время былъ герцогомъ Фридрихъ, извѣстный покровитель наукъ и искусствъ.—Этотъ герцогъ снаряжалъ посольство къ московскому царю Михаилу Федоровичу и персидскому шаху. Цѣль посольства главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы завести непосредственныя торговыя сношенія съ Московскимъ государствомъ и въ особенности съ Персіей. Торговля изъ первыхъ рукъ шелкомъ, вывозимымъ изъ персидской области Шемахи, считалась тогда весьма прибыльною, а такъ какъ морская торговля имъ находилась исключительно въ рукахъ англичанъ и голландцевъ, то Фридрихъ предполагалъ сдѣлаться обладателемъ сухопутной торговли чрезъ московское государство. Кромѣ того онъ хотѣлъ собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о Московіи и Персіи, тогда еще мало извѣстныхъ Европѣ. Онъ искалъ ученаго секретаря, который бы могъ выполнить эту задачу и ему указали на Олеарія. Послами были Филиппъ Крузе и Отто Бругманъ. Посольство это отбыло изъ Готторпа 22 октября 1633 г. и прибыло въ Москву 14 Августа 1634 г. Получивъ отъ царя Михаила Федоровича согласіе на свободный проѣздъ въ Персію, оно вернулось въ Готторпъ. Тогда герцогъ Фридрихъ снарядилъ второе посольство, въ которомъ Олеарій былъ уже не только секретаремъ, но и совѣтникомъ. Посольство отправилось 24 октября 1635 г. изъ Любека моремъ въ Ревель, гдѣ перезимовало и только 29 марта 1636 г. прибыло въ Москву. Пробывъ тамъ три мѣсяца, посольство отправилось далѣе по р.р. Москвѣ, Окѣ и Волгѣ и 15 сентября достигло Астрахани. Изъ Астрахани 10 октября оно направилось въ Персію по Волгѣ и Каспійскому морю на Дербентъ; куда прибыло 14 ноября; 22 декабря оно было въ Шемахѣ, гдѣ прожило 4 мѣсяца, ожидая разрѣшенія шаха продолжать путь, и затѣмъ чрезъ Ардебиль, Султанію, Казбинъ, Камъ и Кашанъ прибыло 3 августа 1637 г. въ столицу Персіи Испагань. 20 декабря посланники пустились въ обратный путь на Дербентъ, откуда отправились по берегу моря чрезъ Тарки и пріѣхали въ Астрахань въ августѣ мѣсяцѣ 1638 г., гдѣ пробыли до 7 сентября. Въ Москву они вернулись 2 января 1639 г.

Голштинское посольство возвратилось къ Фридриху, не достигнувъ своей главной цѣли. Торговыя сношенія съ Персіей не завязались частью по дальности и опасности пути, частію же по неудовольствію персидскаго шаха на голштинцевъ, возбужденному предосудительными и преступными дѣйствіями посла Бругмана. Что касается до другой научной цѣли, то она вполнѣ была достигнута, благодаря ученому ея секретарю, который, кромѣ научной подготовки и знанія русскаго и арабскаго языковъ, обладалъ пытливымъ умомъ, отъ котораго не ускользало ничего, что могло заинтересовать любознательнаго иностранца. Поэтому въ сочиненіи его, кромѣ неизвѣстныхъ дотолѣ географическихъ свѣдѣній, мы находимъ и вѣрное изображеніе политическтао и общественнаго состоянія московскаго и персидскаго государствъ. Встрѣчаемыя ошибки неизбѣжныя въ иностранцѣ, не умаляютъ достоинствъ его труда. Сочиненіе Олеарія выдержало множество изданій почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. У насъ лучшій переводъ сдѣланъ П. П. Барсовымъ, изд. Имп. Общ. ист. и др. Рос. въ 1870 году. Переводъ этотъ сдѣланъ съ 3-го изданія сочиненія Олеарія, полное заглавіе котораго приведено выше. Настоящее извлеченіе сдѣлано изъ перевода Барсова; при чемъ изъ 4 книги взяты главы 9, 10, 11 и 12, и изъ 6 книги—21, 22 и часть 23.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава IX.

Отъ Царицына до Астрахани.

Отсюда до Астрахани и вплоть до Каспійскаго моря идетъ страна пустынная, песчаная и для земледѣлія неспособная, о потому города въ этой мѣстности, равно какъ и самая Астрахань, получаютъ весь хлѣбъ, по Волгѣ, изъ мѣстъ плодородныхъ, большею частію изъ Казани и по обилію привозимаго туда хлѣба, онъ тамъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Москвѣ и даже чѣмъ въ Голландіи иногда.

Вскорѣ за Царицынымъ лежитъ островъ Сарпинскій (Serpinske), имѣющій 12 верстъ протяженія [1]). На этомъ островѣ стрѣльцы пасутъ коровъ своихъ и вообще скотъ. Не задолго до нашего прибытія сюда Казаки, замѣтивъ, что жены и дочери стрѣльцовъ ежедневно отправляются на островъ доить коровъ, и часто безъ охраны, подстерегли ихъ, поймали, сдѣлали съ ними то, что хотѣли, и за тѣмъ невредимыми отослали домой къ стрѣльцамъ.

Позади этого острова течетъ небольшая рѣчка, вытекающая изъ Дона и впадающая сдѣсь въ Волгу; по ней могутъ ходить только челны и вообще легкія суда, какъ сообщали намъ это не только лоцманъ нашъ, но и нѣсколько рабочихъ людей, которые не задолго до этого плавали тамъ съ казаками. Рѣчка эта на обыкновенныхъ картахъ не обозначена ни у кого, кромѣ у Исаака Массы (Massa), и называется у него Камоусъ (Kamous) [2]).

Этотъ день, равно какъ и нѣсколько слѣдующихъ, стоялъ сильный жаръ, какой бываетъ у насъ только во время собачьихъ дней, т. е. когда бѣсятся собаки, и въ это время сдѣсь бываетъ ежегодно такая же жара, какъ разсказывали намъ Русскіе.

7-го Сентября погода была пасмурная и бурная, такъ что скоро плыть было нельзя. Проплывъ 10 верстъ, мы увидали на правомъ берегу, на высокой краснопесчаной горѣ висѣлицу, первую, какую только мы видѣли въ этихъ странахъ, и на ней то Воевода ближайшаго городка вѣшаетъ пойманныхъ разбойниковъ Казаковъ. Тѣло повѣшеннаго не оставляютъ висѣть долѣе 8-ми дней: ибо иначе товарищи Казаки непремѣнно утащатъ его.

Сдѣсь Посланникъ Бругманъ потребовалъ къ себѣ Посольскую прислугу и объявилъ имъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ имѣетъ сильное подозрѣніе въ томъ, что они тайно составляютъ противъ него заговоръ,

[1]) Между Царицынымъ и Сарептой, такъ названной по рѣкѣ Сарпѣ, впадающей тутъ въ Волгу ниже Сарепты. О. Б.

[2]) Что это такое теперь? Не смѣшалъ ли Масса съ рѣкой Калаусомъ, впадающей въ Манычъ? О. Б.

по чему онъ не можетъ ожидать отъ нихъ ничего добраго, въ случаѣ какой ни будь бѣды, или нужды; а этого онъ не ожидалъ отъ нихъ, но, напротивъ, надѣялся, что заслужилъ личное ихъ расположеніе къ нему, хотя бы за его тяжкую обязанность управленія и заботы о нихъ, которыя онъ несетъ ежедневно. Въ слѣдствіе этого, онъ изъявилъ желаніе, чтобы музыканты, тѣлохранители и застольные слуги дали клятву въ вѣрности (juramentum fidelitatis, которую эти люди охотно и дали, объяснивъ, впрочемъ, что они отнюдь не считаютъ себя заслужившими такое обвиненіе, и что безъ клятвы, уже по самымъ должностямъ своимъ, они обязаны быть, и были всегда, достаточно вѣрны. Но давъ клятву, они, въ свою очередь, просили Бругмана, чтобы онъ не кричалъ на нихъ, безъ всякого къ тому повода и безъ различія, на всякаго, и не обзывалъ бы ихъ разными оскорбительными для чести и унижающими ихъ достоинство, словами, какъ это случалось часто до сихъ поръ; что если же они увидятъ отъ него доброе обращеніе съ ними, то не только пребудутъ вѣрны ему и покорны, но изъ любви къ нему, буде нужно будетъ, положатъ жизнь свою. Обѣщаніе исполнить просьбу эту было также дано, но исполнено не было.

Въ этотъ день мы встрѣтили большое гребное плоскодонное судно (барку, шюту), съ которой нѣсколько человѣкъ, на небольшой лодкѣ, подплыли къ намъ и, взошедши на корабль, объявили, что они отправились изъ Астрахани назадъ тому три недѣли и на пути встрѣтили 30 Казаковъ, которые напали на нихъ и отняли у нихъ всѣ ихъ продовольственные припасы, такъ что теперь они уже 4 дня какъ ничего не ѣли. Они просили у насъ хоть немного хлѣба, чтобъ утолить голодъ до той поры, когда встрѣтятъ кого либо изъ своихъ, или доѣдутъ до города. Мы дали имъ мѣшокъ сухарей. за которые они кланялись намъ въ ноги и очень благодарили.

Въ 40-ка верстахъ за Царицынымъ, на правомъ берегу, идетъ ровная гора, а противъ нея, на Волгѣ, островъ, который такъ же какъ и гора, называется Насоновскимъ (Nassonoffsko). Между горой и островомъ идетъ узкій и кривой водоворотъ, въ который, не много лѣтъ тому назадъ, Казаки заманили нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ, разыскивавшихъ и преслѣдовавшихъ ихъ, и тамъ всѣхъ ихъ перебили.

Вечеромъ одинъ рыбакъ принесъ на корабль неизвѣстную рыбу, которую они называютъ Чиберика (Tziberika, [3]) величиною болѣе $2^1/_2$ локтей, съ широкимъ и длиннымъ, какъ у утки, носомъ, съ черными и бѣлыми пятнами на спинѣ и бокахъ, какъ у Польской пестрой собачки, но расположенными въ извѣстномъ порядкѣ. Брюхо у ней совершенно бѣлое. Вкусомъ она сладковатая и пріятная, также почти, какъ и семга. Рыбаки принесли намъ еще рыбу въ родѣ осетра, которую они называютъ стерлядью, величиною съ локоть, не болѣе, и на вкусъ чрезвычайно нѣжную. Рыбы этой бездна вездѣ въ Волгѣ, и она сдѣсь *) очень дешева.

[3]) Чабань? О. Б. *) Своеобразное правописаніе Барсова сохранено.

8-го числа догналъ насъ, оставленный нами въ Царицынѣ, караванъ у мыса праваго берега Поповича Юрка (Popowitzka Iurka [4]). Называется такъ мысъ этотъ по тому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сынъ одного Русскаго Священника, сдѣлавшійся начальникомъ и вождемъ Казаковъ, собиралъ обыкновенно въ этомъ мѣстѣ свою шайку. Мысъ этотъ находится отъ послѣдняго города въ 70 верстахъ. Отъ этого мѣста, на протяженіи 40 верстъ, до горы Каменный Яръ (Kamna-gar п., [5]), встрѣчается нѣсколько острововъ и мелей, на которыхъ мы иногда застрѣвали, также какъ и нѣкоторыя суда Персовъ. Въ 20-ти верстахъ далѣе лежитъ высокій островъ Вязовой (Wesowoi п., [6]) длиною въ 4 версты, а за нимъ рѣка того же имени. Еще далѣе, черезъ 30 верстъ, вѣтеръ загналъ насъ въ уголъ, на правомъ берегу, въ который впадаетъ рѣка Володимирское Устье (Wolodimerski Ustga [7]). Такъ какъ въ это время дулъ весьмо благопріятный для дальнѣйшаго плаванія вѣтеръ, то мы не медля принялись всѣ за работу, и съ помощію 2-хъ якорей скоро таки выбрались изъ залива. Затѣмъ на всѣхъ парусахъ мы быстро пронеслись мимо мѣста Ступина (Stupin, [8]) лежащаго въ 30 верстахъ отъ слѣдующаго впереди города Чернояра (Tzornogar [9]). Въ 12-ти верстахъ отъ этого Чернояра, не доѣзжая его, вытекаетъ изъ Волги другая рѣка, Ахтубенично Устье (Achtobenisna Ustga), соединяющаяся съ помянутой выше Ахтубской (Achtobska). За этой рѣкой мы стали на якорь, вмѣстѣ съ караваномъ у острова Осина (Ossino) за 7 верстъ до города, сдѣлавши въ этотъ день 135 верстъ или 27 миль.

Въ этой странѣ, почти до самой Астрахани, по обоимъ берегамъ Волги, въ кустарникѣ растетъ въ изобиліи солодковый корень (Glycyrrhiza [10]) или сладкое дерево, которое здѣсь особенно рослое, даетъ стволъ вышиною въ полъ человѣка; сѣмена ея лежатъ въ чашечкѣ, въ родѣ чернаго журавлинаго боба. Такой же кустарникъ видѣли мы потомъ въ Мидіи, гдѣ она растетъ вездѣ на лугахъ, особенно же при рѣкѣ Араксѣ (Araxe). Корни ея, толщиною въ руку, даютъ болѣе нѣжный сокъ, чѣмъ у насъ.

9-го Сентября, въ полдень, сильная буря пригнала насъ къ городку Черноярy, у котораго мы и стали на якорь. Городъ этотъ, отстоящій въ 300 верстахъ отъ Царицына, 9 лѣтъ тому назадъ Великій Князь велѣлъ было построить прежде на полъ мили дальше; но недавно еще высокій берегъ у этого мѣста обвалился, и рѣка Волга уклонилась нѣсколько въ

[4]) Гдѣ нынѣ селеніе Поповицкое или Райгородокъ, при рѣчкѣ Малой Воложкѣ (боковомъ протокѣ или рукавѣ Волги), прежде Поповицкая подстава или форпостъ, гдѣ жили Донскіе Казаки и содержали попеременно караулы по Царицынской линіи, для безопасности проѣзжающихъ изъ Царицына въ Черный-Яръ. О. Б.

[5]) Каменноярское село при Волгѣ. О. Б.

[6]) Противъ Вязовки или Вязовскаго села при рѣчкѣ Вязовкѣ, вытекающей изъ Волги. О. Б.

[7]) Или Володимировка. О. Б.

[8]) Ступино или Ступинъ-Яръ, при ерикѣ (боковомъ протокѣ Волги), прежде Мазанская крѣпостца, на правомъ берегу, тоже Казацкая подстава. О. Б.

[9]) Черный-Яръ, городъ на протокѣ большой Волги. О. Б.

[10]) Солодика. солодка или лакрица. О. Б.

своемъ теченіи отъ города, въ слѣдствіи чего, 2 мѣсяца тому назадъ, городокъ былъ перенесенъ сюда, и лежитъ онъ теперь на правомъ, высокомъ берегу, окруженный 8-ю башнями и крѣпкимъ досчатымъ заборомъ. Заселенъ онъ одними стрѣльцами, для охраны отъ рышущихъ кругомъ Татаръ и Казаковъ. Противъ каждаго угла городка, въ четверть мили отъ него, стоятъ на 4-хъ высокихъ столбахъ караульни, изъ которыхъ стрѣльцы, какъ изъ сторожекъ, могутъ далеко обозрѣвать окрестную страну, которая здѣсь совершенно ровная и безъ кустарника. Поводомъ къ постройкѣ этого городка послужило страшное убійство и грабежъ, причиненные здѣсь тогда Казаками. 400 Казаковъ хитростію напали на Русскій караванъ въ 1500 человѣкъ, и перебили въ немъ половину народа. Для этого они прибѣгли къ такой уловкѣ: увидавши что суда каравана идутъ не всѣ вмѣстѣ, но нѣкоторыя, и именно съ стрѣльцами, плыли на ружейный выстрѣлъ впереди, Казаки спрятались и, карауля на высокомъ берегу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга имѣетъ самое стремительное теченіе, и давъ свободно проплыть передней лодкѣ съ стрѣльцами, на остальные за тѣмъ напали и перебили въ нихъ людей. Стрѣльцы же хотя и вернулись и всѣми силами спѣшили назадъ, но быстрое теченіе Волги задержало ихъ, и они поспѣли на помощь уже тогда, когда большая часть убійства и грабежа совершилась, и Казаки, достигши берега, ускакали на лошадяхъ своихъ. Сдѣсь за берегомъ, особенно по правой сторонѣ, не видать уже ни одного деревца, и вездѣ только сухая, погорѣлая почва и степь.

10-го Сентября, только что миновали мы городъ, какъ поднялся сильный, противный вѣтеръ, и во весь этотъ день, не смотря на всѣ наши усилія, мы не могли сдѣлать болѣе 10 верстъ. Вечеромъ нѣсколько рыбаковъ принесли намъ на корабль одного громаднаго, жирнаго карпа, вѣсомъ въ 30 фунтовъ, и 8 большихъ пѣскороевъ (Sandaten), какихъ во все путешествіе мы не видали, и за всю рыбу эту они не хотѣли взять съ насъ денегъ, говоря, что они посланы сюда для рыболовства извѣстнымъ Московскимъ купцомъ, держащимъ на откупѣ эту часть Волги, и если бы онъ узналъ, что они продали хоть малѣйшую рыбушку, то подвергъ бы ихъ тяжкому взысканію. По этому вмѣсто денегъ, имъ предложена была водка, которой они получили полъ кружки и отплыли отъ насъ съ большой благодарностью и веселые.

11-го Сентября, съ благопріятнымъ вѣтромъ и постоянно на парусахъ, мы сдѣлали 120 верстъ всего дневного пути. Въ полдень миновали гору Половина (Polowon). Имя свое получила гора эта отъ того, что стоитъ на полупути отъ Царицы до Астрахани, именно въ 250 верстахъ. Ночлегъ нашъ въ этотъ день былъ позади острова Кисяра (Kisiar).

Ночью, въ очередь управленія стражей Посланника Бругмана, посреди рѣки явилось большое судно, тихо плывшее мимо нашего корабля. Когда на окликъ нашъ никто не отвѣчалъ и не пришелъ, по требованію нашему,

къ намъ на корабль, то по плывшимъ выстрѣлили изъ 15-ти ружей и пушкарю дано уже было приказаніе выстрѣлить по нимъ изъ одной пушки. В это время на небольшой лодочкѣ подъѣхалъ къ намъ одинъ изъ плывшихъ людей и объяснилъ, что они вовсе не враги, но Русскіе, числомъ 7 человѣкъ, ѣдущіе на баркѣ съ солью; что ихъ всѣхъ угостилъ водкою караванъ, стоящій позади насъ на ружейный выстрѣлъ, и что онъ и его товарищи, напившись, замедлили и пустили барку плыть саму по себѣ. Человѣка, сообщившаго намъ это свѣдѣніе, призналъ за знакомаго нашъ лоцманъ, такъ какъ оба они были изъ Нижняго; по этому давши ему нѣсколько чарокъ водки, мы отпустили его. На слѣдующее утро, въ благодарность за это угощеніе, человѣкъ этотъ принесъ намъ въ подарокъ нѣсколько стерлядей. Удивительно было, что выстрѣлами нашими никто изъ бывшихъ на баркѣ раненъ не былъ.

Такъ какъ всю ночь дулъ самый благопріятный вѣтеръ, то мы не хотѣли упустить случая воспользоваться и раннимъ утромъ въ 3 часа снялись съ якоря, пустились далѣе , и миновали, на лѣвой рукѣ (Backbort), еще новый отпрыскъ (выходъ) Волги, рѣку Бухвостову (Buchwostowa), которая изливается въ прежніе ея рукава. За тѣмъ достигли до острова Копанова (Koponо), противъ котораго, на правомъ берегу, возвышается гора Копонова гора (Koponо gar), отстоящая отъ Астрахани въ 150 верстахъ. Черезъ 20 верстъ далѣе Волга даетъ четвертый отпрыскъ или рукавъ, выпуская изъ себя рѣку Даниловское Устье (Danilofsko Ustga) л., которая течетъ отдѣльно отъ прежнихъ рукавовъ и отдѣльно же впадаетъ въ Каспійское море. 15 верстъ ниже этого, почти середи Волги, лежитъ небольшой, красиво округлый и поросшій прекрасными деревьями и кустарникомъ, островъ Катеринскій (Katarinski).

За тѣмъ мы увидали издали, на песчаномъ бугрѣ, большой затопленный стругъ, и какъ наши приняли его за укрѣпленіе, нарочно накиданное Казаками, которыхъ нѣсколько человѣкъ замѣтили мы въ кустарникѣ, то всѣ люди наши вооружились, и дано было приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ кустарникъ. При этомъ у поварскаго прислужника нашего, Якова Ганзена, разорвало ружье, заряженное двойнымъ зарядомъ, и оторвало большой палецъ на лѣвой рукѣ, которой онъ придерживалъ стволъ и, кромѣ того, поранило ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову, грудь и руки.

Сдѣлавши въ этотъ день 100 верстъ, мы стали на якорѣ позади острова Пирушки (Pyruski), въ 80-ти верстахъ отъ Астрахани [11]).

13-го Сентября, рано утромъ, въ одно время съ тѣмъ, когда въ нашихъ молитвенныхъ часахъ дошли мы по порядку до 13-й главы 4-й книги Моисея, въ которой говорится объ обѣтованной землѣ Ханаанской, объ ея прекрасныхъ плодахъ и громадныхъ гроздіяхъ винограда, мы и на пути своемъ увидѣли первые плоды. Изъ Астрахани въ это время плыли двѣ

[11]) Гдѣ нынѣ казенное село Пироговское при Ахтубѣ? О. Б.

барки, съ которыхъ продали намъ прекрасный крупный виноградъ, ягоды котораго были съ Грецкій орѣхъ, большіе, превкусные персики и дыни.

Замѣчательныя мѣстности, которыя мы въ этотъ день миновали, были: рѣка Митуска (Mituske), тоже отдѣлившаяся отъ Волги, которая изливается частію во вчерашній рукавъ, частію же, черезъ нѣсколько верстъ далѣе, опять въ Волгу. Сдѣсь должно быть настоящее разбойничье гнѣздо. Такъ какъ мы видѣли на 2-хъ островахъ, лежавшихъ передъ сказанной рѣкой, нѣсколькихъ Казаковъ, то Посланникъ приказалъ выстрѣлить по нимъ изъ большой пушки. Черезъ 5 верстъ далѣе находится послѣдняя до Астрахани мель, Кабанья мель (Kabanga meel), въ 70 верстахъ отъ этого города; еще черезъ 5 верстъ мысъ Кабанья гора (Kabangen gar); наконецъ, черезъ слѣдующія за тѣмъ 5 верстъ, достигли мы острова Ицибурскаго (Itziburski), въ 50 верстахъ отъ Астрахани. За тѣмъ островомъ мы стали на якорь на ночлегъ.

Въ этой странѣ, равно какъ ниже до самаго Каспійскаго моря, мы видѣли большихъ птицъ, называемыхъ Русскими бабами, иногда цѣлыми стаями, штукъ во 100, сидѣли онѣ у береговъ; ниже я скажу о нихъ подробнѣе.

14-го Сентября, только что проплыли мы двѣ версты, какъ поднялась сильная буря напротивъ насъ съ юго-востока, въ слѣдствіи чего мы должны были простоять сдѣсь до слѣдующаго утра. Глубина Волги въ этомъ мѣстѣ была 80 футовъ. Сдѣсь Князь Мусалъ подарилъ Посламъ разные напитки, пиво, медъ, водку, съ предложеніемъ, если понравятся какіе изъ этихъ напитковъ, получить ихъ отъ него еще сколько угодно.

15-го Сентября утромъ, именно въ 4 часа, съ начавшимся попутнымъ вѣтромъ, пустились мы въ путь, и плыли на помянутой сейчасъ глубинѣ и все на югъ такъ счастливо, что еще утромъ же достигли острова Бузана (Busana [12]), въ 25 верстахъ отъ Астрахани; за тѣмъ миновали рѣку или опять рукавъ Волги Бальчикъ (Baltzik), отстоявшій въ 15 верстахъ отъ города, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, увидѣли за 12 верстъ, давно желанную Астрахань (Astrachan), которая была видна отсюда вся, по причинѣ ровной кругомъ мѣстности и безъ кустарниковъ. Сдѣсь начинается рукавъ Гнилуша (Knilusse), который, отдѣлившись отъ Волги, идетъ и позади Астрахани и изливается въ Каспійское море нѣсколькими отдѣльными устьями.

Въ полдень, съ попутнымъ же вѣтромъ и благопріятной погодой, мы достигли наконецъ до славнаго города Астрахани, и, при милостивой помощи Бога, сдѣлали первый шагъ изъ Европы, первой части свѣта, въ Азію; ибо Астрахань лежитъ по ту сторону Волги, рѣки, которая отдѣляетъ Европу отъ Азіи.

[12]) Извѣстный островъ, образуемый Волгой и рѣкою Бузаномъ, при которой находится рыболовный заводъ. О. .Б

Мы остановились передъ городомъ, посреди рѣки, и въ привѣтствіе дали залпъ съ нашего корабля изо всѣхъ пушекъ; такое привѣтствіе очень удивило жителей, высыпавшихъ на берегъ передъ городомъ, въ числѣ болѣе 100 человѣкъ.

Глава X.

О странѣ Нагаевъ и Астрахани, и о жителяхъ ихъ.

При первомъ вступленіи въ эту страну, я желаю прежде чѣмъ идти далѣе, сдѣлать небольшой обзоръ ея, равно какъ и главнаго ея города, нравовъ и свойствъ ея обитателей.

Древніе міро- и землеописатели, каковы Птоломей, Страбонъ и другіе, слѣдовавшіе за ними, о нагайскихъ, а равно и о сосѣднихъ съ ними, татарахъ частію вовсе не упоминаютъ, частію же говорятъ о нихъ мало, и сообщаютъ неточныя свѣдѣнія, включая ихъ большею частію въ общія имена Скиѳовъ, Сарматовъ и Татаръ. Между тѣмъ они во многомъ различны другъ отъ друга, какъ по жизни своей, правамъ и обычіямъ, такъ и по мѣсту ихъ нахожденія и по имени. Матѳей Мѣховскій (Matthias a Michow), Полякъ писавшій полтора вѣка назадъ говоритъ, in praefatione libri de duobus Sarmatis, что древніе писатели по тому не могли сказать о нихъ ни чего вѣрнаго, что въ древнія времена они не были тамъ исконными обитателями (какъ думаютъ также и нѣкоторые новые бытописатели), но новый народъ, пришедшій туда съ востока не много болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Когда, въ Маѣ, 1211-го года по Р. Хр. (говоритъ тотъ же Матѳей въ другой главѣ) появилась большая комета, обращенная къ Дону и Россіи, съ хвостомъ, простиравшимся на западъ, то она предвѣщала прибытіе этѣхъ Татаръ. Ибо, спустя годъ послѣ того, этѣ хищническіе народы, убивъ своего собственнаго Царя, удалились изъ Индіи, соединились съ нѣкоторыми, подобными имъ Сѣверными обитателями и расположились на житье у Понта, гдѣ жили Геты, а потомъ по Дону и Волгѣ, откуда дѣлали частыя вторженія въ землю Русскихъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ настоящіе дни нѣкоторые Татары, живущіе разбоемъ.

Въ 8-й главѣ онъ говоритъ о нихъ уже нѣсколько опредѣленнѣе, раздѣляетъ ихъ на 4 орды или толпы и называетъ ихъ: Заволжскими (Zawolhenses), Перекопскими (Precopenses), Казанскими (Cosanenses) и Нагайскими (Nohacenses), въ этомъ Матѳею слѣдуетъ Гваньинъ, а Гваньину Іоаннъ Raw, въ своей „Cosmographia“. Гваньинъ, впрочемъ, считаетъ 16 ордъ Татаръ. Татары, которыхъ писатели этѣ называютъ Volhacenses (Волжскими), суть не что иное, какъ живущіе при Волгѣ; ибо рѣку эту они называютъ Wolha. Это могутъ быть Черемисы, Казанскіе и другіе

Татары. Подъ именемъ же Nohaycenses должно разумѣть Нагаевъ. Я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ помянутые и другіе писатели называютъ этихъ Татаръ, какъ они раздѣляютъ ихъ и какія мѣста присвояютъ имъ. Ограничусь повѣствованіемъ только того, что и какъ видѣлъ и узналъ я самъ на мѣстѣ.

Ногаи, называемые также Ногайскими Татарами, суть народы, обладающіе полосою земли между двумя рѣками, Волгою и Яикомъ, простирающеюся до Каспійскаго моря, и главный городъ въ этой странѣ Астрахань, по которой нѣкоторые писатели называютъ и всю эту страну. Полагаютъ, что названіе Астрахани произошло отъ того, что Князь, построившій этотъ городъ и первый обладавшій имъ, назывался Астра-Ханъ (Astra-Chan). Городъ лежитъ не въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Волги, внутри страны, какъ говоритъ Герберштейнъ и какъ думаютъ нѣкоторые, но при самомъ главномъ теченіи Волги, на островѣ Долгомъ (Dolgoi), образуемомъ, тамъ рукавомъ этой рѣки.

Высоту полюса въ Астрахани, по неоднократно повтореннымъ наблюденіямъ, я нашелъ въ 46° 222′. Климатъ въ ней довольно теплый. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ тамъ была такая теплая погода, какая бываетъ у насъ въ жаркое лѣто, особенно когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-востока и съ Волги; Южный же вѣтеръ и дующій съ моря приноситъ обыкновенно холодъ, а иногда насыщенный запахомъ моря воздухъ. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, время, которое мы на обратномъ пути простояли въ Астрахани, былъ хотя и сильный жаръ, но, по причинѣ дувшаго тогда постоянно вѣтра, онъ не былъ для насъ тягостенъ. Зима хотя и не продолжается тамъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но бываетъ такая холодная, что Волга, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, совершенно замерзаетъ, такъ что по ней ѣздятъ на саняхъ.

Островъ Долгой (Dolgoi), равно какъ и материкъ на правомъ берегу Волги, песчаны и безплодны; на лѣвомъ же берегу, на востокъ, до Яика лежатъ хорошія пастьбища. По сю сторону Волги, на западъ, идетъ ровная, сухая степь, простирающаяся до Понта или до Чернаго моря на 70, а на югъ до Каспійскаго моря на 80 Нѣмецкихъ миль, какъ мы измѣрили это достаточно вѣрно девятью тягостными днями пути, о чемъ подробнѣе скажу ниже. Пустыня эта даетъ превосходнѣйшую соль, добываемую изъ множества ямъ, колодцевъ или стоячихъ озеръ, изъ которыхъ важнѣйшія: Мочаковское (Mozakoffske [1]), въ 10-ти верстахъ; Каинково (Kainkowa), въ 15-ти, и Гвоздовское (Cwostoffski), въ 30-ти верстахъ отъ Астрахани. Озера или соленые колодцы, лужи, имѣютъ соленыя жилы, черезъ которыя разсолъ поднимается вверхъ и дѣйствіемъ солнечнаго жара выдѣляется въ чистый, какъ кристаллъ, толщиною въ палецъ, слой, подобно льду; онъ имѣетъ при этомъ весьма при-

[1]) Собственно озеръ три: первое въ длину 750, въ ширину 300 сажень; второе въ длину 525, въ ширину 40 сажень; а третье, по причинѣ ила и песка, остается безъ употребленія. О. Б.

ятный запахъ фіалки. Всякій, кто только хочетъ, можетъ добывать там соль заплативши только Великому Князю пошлину по 1-й копѣйкѣ или по 1-му шиллингу за каждые 2 пуда. Русскіе ведутъ громадную торговлю солью, свозятъ ее на берега Волги, ссыпаютъ въ большія кучи, развозятъ потомъ по всей Россіи, но отнюдь не въ Мидію, Персію и Арменію, какъ разсказываетъ Петрей, въ своей Московской Лѣтописи; ибо въ этихъ странахъ имѣются свои превосходнѣйшія соленыя ямы и горы, о чемъ скажу я еще въ своемъ мѣстѣ. Несправедливо также и то, что говоритъ онъ на 103 страницѣ, будто въ 2 миляхъ отъ Астрахани находятся двѣ соляныя горы, называемыя Бузинъ, которыя неистощимы, и если бы 20, или 30 тысячъ человѣкъ ежедневно рубили и кололи эти горы столько, сколько хотѣли и могли, то все таки у нихъ была бы работа, и они никогда не увидали, чтобы горы тѣ хоть бы на малость отъ того уменьшились; ибо чѣмъ болѣе бы кололи и обрубали ихъ, тѣмъ болѣе бы онѣ росли и дѣлались такими твердыми, какъ скала. Такихъ горъ нѣтъ въ этой странѣ, и разсказъ о нихъ можно отнести къ утопіямъ. Что касается до соляныхъ ямъ или колодцевъ, то справедливо, что чѣмъ болѣе снимать съ нихъ соляныхъ слоевъ, тѣмъ болѣе ихъ будетъ снова выдѣляться; ибо въ богатыхъ источникахъ разсола недостатка нѣтъ.

Волга въ этомъ мѣстѣ и до Каспійскаго моря, лежащаго отъ Астрахани въ 12-ти миляхъ, доставляетъ чрезвычайно богатый ловъ всякаго рода рыбы, которая здѣсь весьма дешева, такъ что за 1 грошъ можно купить 12 большихъ карповъ, а 200 стерлядей, или небольшихъ осетровъ (рыба чрезвычайно нѣжная на вкусъ), за 15 грошей. Водится здѣсь и бездна раковъ; но какъ ни Татары, ни Русскіе не ѣдятъ ихъ, то ихъ ни во что ставятъ и выбрасываютъ.

Въ этой же странѣ, по близости моря и по множеству лежащихъ подъ Астраханью острововъ, поросшихъ тростникомъ и кустарниками, водится множество всякаго рода дичи, особенно дикихъ гусей и большихъ красныхъ утокъ, которыхъ Татары мастерски скоро ловятъ съ помощію пріученыхъ къ тому соколовъ и ястребовъ, водящихся тамъ тоже въ большомъ количествѣ. Есть также здѣсь и бездна кабановъ, за которыми Татары охотятся; но такъ какъ по закону ихъ они въ пищу ихъ не употребляютъ, то продаютъ, Русскимъ за ничтожныя деньги.

Что касается до садовыхъ плодовъ, то они здѣсь такъ хороши, что и въ Персіи мы не находили почти лучшихъ. А именно: яблоки, айва, Грецкіе орѣхи, большія желтыя дыни, также водянистыя дыни, которыя Русскіе называютъ арбузами, Татары и Турки карпусами (Karpus), по причинѣ ихъ свѣжести, Персы Гиндуанами (Hinduanae), по тому что въ Персію привезены они впервые Индѣйцами. Видомъ они походятъ на дыню или скорѣе еще на тыкву, имѣютъ зеленоватую кожицу и тѣлеснаго цвѣта и весьма сочное и сладко сахарное мясо и черныя сѣмена. Такихъ арбузовъ

и дынь Татары еженедѣльно привозятъ на базаръ въ Астрахань по 10 и по 20 возовъ, и продаютъ ихъ весьма дешево.

Недавно еще сдѣсь не было ни одного виноградnаго растенія. Персидскіе купцы привезли какъ то первыя виноградныя лозы въ Астрахань, которыя одинъ монахъ и посадилъ у себя въ монастырѣ, находящемся подъ городомъ. Когда же увидали, что лозы принялись и пошли расти хорошо, то въ 1613 году, по приказанію Великаго Князя, тѣмъ же монахомъ разведенъ былъ настоящій виноградный садъ, который годъ отъ году расширяется и приноситъ превосходный крупный и сладкій виноградъ, который, какъ и другіе, разведенные тамъ, древесные плоды, частію посылаются въ Москву къ Великому Князю, частію же продаются на мѣстѣ Воеводамъ и другимъ знатнымъ господамъ. Теперь и нѣкоторые граждане Астраханскіе развели при своихъ домахъ виноградные сады, и хозяинъ нашъ говорилъ намъ, что его виноградный садъ въ тотъ годъ доставилъ ему до 100 талеровъ. Въ нынѣшнемъ году меня извѣщали за вѣрное, что теперь въ Астрахани выдѣлывается уже столько вина, что его ежегодно вывозится оттуда въ Москву отъ 50 до 60 пипъ или большихъ бочекъ, и Астраханцы имѣютъ у себя теперь садовника виноградnаго, Якова Ботмана (Iakob Bothman), который обучался въ Готторфѣ у Придворнаго садовника Его Княжеской свѣтлости, завѣдывающаго и увеселительнымъ садомъ.

Помянутый сейчасъ монахъ, въ нашу бытность, былъ уже 105 лѣтъ, родомъ Австріецъ, во время войны плѣннымъ мальчикомъ былъ вывезенъ въ Россію, перекрещенъ въ Русскую Вѣру и присланъ сюда на житье въ монастырь. Тогда онъ управлялъ цѣлымъ монастыремъ, могъ еще говорить кой-что по Нѣмецки, дѣлалъ разныя одолженія тѣмъ изъ насъ, которые его посѣщали, самъ также посѣщалъ Пословъ и приносилъ имъ въ даръ плоды, насажденные его собственною рукою, и вообще былъ нрава общительнаго и веселаго. Когда онъ выпилъ двѣ чарки водки, то началъ показывать свою бодрость и плясать безъ палки, хотя уже и дрожащими ногами. Онъ говорилъ что страна эта здорова и въ ней много старыхъ людей.

Обитатели этой страны Нагаи (Nagaiae), или Астраханцы, были, какъ уже сказано, нѣкогда чистые Татары, имѣли собственныхъ своихъ Царей и состояли въ такой дружбѣ и союзѣ съ Казанскими и Крымскими Татарами, что кто имѣлъ непріятелемъ какой ни будь одинъ изъ сихъ народовъ, тотъ долженъ былъ воевать со всѣми ими. Но Великій Князь Иванъ Васильевичъ, черезъ два года послѣ завоеванія Казани, пошелъ войной и на царство Нагайское и покорилъ его своей власти. Такъ 1-го Августа, 1554 года [2]) и главный городъ Астрахань взятъ былъ приступомъ. Татары изгнаны изъ него и заселенъ съ той поры Русскими.

Послѣ этого Грозный укрѣпилъ городъ крѣпкой каменной стѣной, а нынѣшній Великій Князь расширилъ его, приказалъ пристроить къ нему

[2]) Собственно 2-го Іюля, 1554 г., а окончательно въ 1557 г. О. Б.

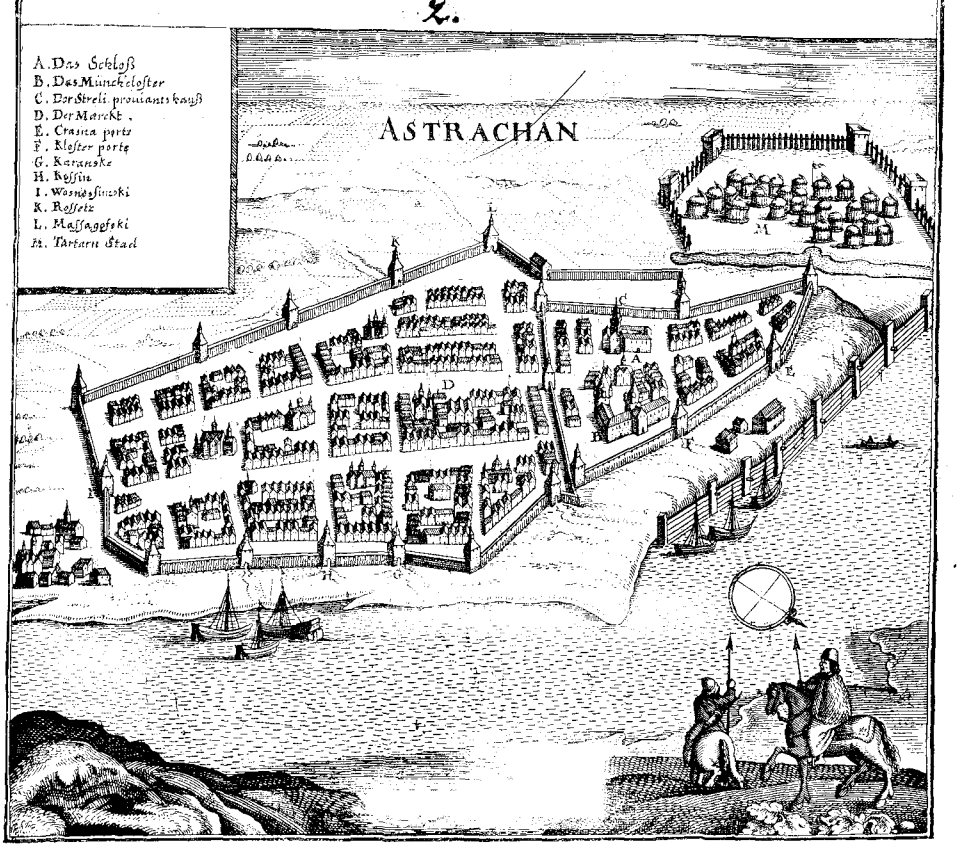
стрѣлецкій городъ (Strelitza gorod) или часть города, въ которой живутъ теперь стрѣльцы. Городъ снаружи, съ Волги (которая сдѣсь шириною въ 2,260 футовъ), имѣетъ довольно красивый видъ по множеству башенъ и колоколенъ; внутри же большею частію состоитъ изъ деревянныхъ строеній. Онъ снабженъ довольно сильной стражей и, какъ говорятъ Астраханцы, 500-ми металлическими пушками, между коими есть нѣсколько полныхъ и полуосадныхъ короткихъ пушекъ (Cartaunen), которыя мы сами видѣли. Теперь тамъ 9 Приказовъ, и къ каждому изъ нихъ принадлежатъ по 500 стрѣльцовъ, которые состоятъ подъ начальствомъ двухъ воеводъ, одного Писаря и нѣсколькихъ Капитановъ, и которые всегда должны быть на службѣ и сторожѣ и, такимъ образомъ, обуздывать Татаръ. Въ городѣ проживаютъ, впрочемъ, не одни только Русскіе, но и Персіяне и Индѣйцы, и всѣ они имѣютъ тамъ свои собственныя торговыя площади. Также Бухарцы, Крымскіе и Нагайскіе Татары, Армяне Христіяне, и всѣ этѣ народы ведутъ всякаго рода товарами значительную торовлю и промышленность, такъ что городъ этотъ доставляетъ Его Царскому Величеству ежегодно громадныя суммы, принося одними пошлинами 12 тысячъ рублей или 24 тысячи рейхсталеровъ.

Сдѣшнимъ Татарамъ, которые частію Ногайскіе, а частію Крымскіе, не дозволяется жить въ самомъ городѣ, а внѣ города, на извѣстныхъ мѣстахъ, которые они могутъ обносить только плетнями; и вообще по всей этой области Татары живутъ не въ укрѣпленныхъ городахъ и селеніяхъ а въ круглыхъ, имѣющихъ въ разрѣзѣ обыкновенно 10 футовъ, шалашахъ, сплетенныхъ изъ камыша или тростника, на подобіе нашихъ плетушекъ для птицъ. Сверху они покрываются войлоками, по срединѣ которыхъ дѣлается отверстіе для дыму, а надъ отверстіемъ опять кусокъ войлока, который можно произвольно приподнимать и направлять, смотря по вѣтру. Когда топливо ихъ, состоящее обыкновенно изъ соломы и сушенаго коровьяго помету, все прогоритъ, и дыма уже не будетъ, этотъ кусокъ войлока опускаютъ, прикрывая отверстіе и, если погода хорошая, то шалашъ окутывается войлокомъ или камышемъ, и тогда жены и дѣти сидятъ себѣ вокругъ углей и тепла, и тепло въ шалашѣ можетъ сохраниться долгое время.

Лѣтомъ они не имѣютъ опредѣленныхъ мѣстъ для своихъ постоянныхъ жилищъ, но перемѣняютъ мѣста и переносятъ свои шалаши съ мѣста на мѣсто такъ часто, какъ только оказывается это нужнымъ для пріисканія своему скоту свѣжаго и хорошаго пастьбища. При такихъ переходахъ они ставятъ свои лачужки на высокія телѣги, которыя всегда бываютъ при нихъ у жилья, и перетаскиваются такимъ образомъ съ женами, дѣтьми а всей домашней утварью, которыхъ разсаживаютъ и размѣщаютъ на коровахъ, быкахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Русскіе называютъ ихъ по этому Половцами (Polowtzki); ибо они бродятъ съ мѣста на мѣсто. Зимою же опять собираются къ Астрахани и размѣщаются на отдѣльныя орды (какъ въ Германіи гарды или станы) или роты, на такомъ разстояніи другъ отъ

1.

2.



1. Видъ г. Астрахани, 2. Планъ г. Астрахани.

(Изъ описаній путешествія **А. Олеарія.**)

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

друга, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было прійти и тѣмъ и другимъ на помогу; ибо они часто подвергаются нападеніямъ и грабежу отъ постоянныхъ враговъ своихъ, Калмыковъ, не только тѣхъ, которые разсѣяны вездѣ отсюда до Саратова и называются Булгарскими Татарами (Bulgarischе Tatłerп), но также и тѣхъ (Калмыковъ же), которые живутъ за рѣкою Яикомъ и перебираются сюда въ зимнее время вездѣ по замерзшей рѣкѣ. Для того же, чтобы они получше встрѣтили этѣхъ враговъ и могли защищаться противъ нихъ, на это время имъ выдаются изъ Русской оружейной палаты орудія и вооруженія, которыя, съ наступленіемъ лѣта, они возвращаютъ назадъ, и болѣе этого они уже не смѣютъ имѣть при себѣ ни какого вооруженія.

Хотя они не платятъ Великому Князю ни какихъ податей, но если онъ пожелаетъ поставить ихъ въ поле противъ какого ни есть непріятеля, то они обязаны явиться, и дѣлаютъ это охотно, въ надеждѣ на добычу, въ которой состоитъ главное ихъ богатство, какъ у Дагестанскихъ Татаръ, о которыхъ буду говорить еще на возвратномъ пути. Они наскоро могутъ собрать и поставить изъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ и храбро дерутся съ непріятелемъ.

Хотя имъ дозволяется имѣть собственныхъ своихъ Князей, Начальниковъ и судей, но, чтобы вѣрнѣе обезпечить себя отъ возможности возмущенія съ ихъ стороны, нѣсколько Мирзъ ихъ или Князей должны постоянно находиться поочередно въ Астраханской крѣпости, и содержаться тамъ въ качествѣ заложниковъ.

Нагайскіе, равно какъ и Крымскіе, Татары тѣломъ тучны, коренасты, широколицы, имѣютъ маленькіе глаза и цвѣтъ кожи темножелтоватый. У мужчинъ лице морщинистое, какъ у старыхъ, волосы на бородѣ рѣдкіе, а на головѣ низко и гладко остриженные.

Всѣ они носятъ длинные кафтаны, иные изъ сѣраго сукна, другіе, особенно Нагайцы, овчинные тулупы и шапки, мѣхомъ наружу. Женщины, обыкновенно непротивныя лицомъ, носятъ кафтаны изъ бѣлаго полотна и круглыя шапочки со складками, которыя вверху сходятся въ острый конецъ, на подобіе шлема, и выложены и увѣшаны Русскими копейками, какъ бы пуговицами, или застежками. Перворожденныя, равно какъ и тѣ изъ дочерей ихъ, которыхъ родители посвятили Богу, или какому нибудь Имаму и Святому, во время нахожденія ихъ еще въ утробѣ матери, носятъ, въ знакъ того, что онѣ рабы ихъ преданы имъ, въ правой ноздрѣ кольцо съ бирюзой, рубиномъ или кораломи, точно также какъ мальчики носятъ такія кольца въ ушахъ. Подробнѣе я буду говорить объ этомъ при описаніи Персовъ, у которыхъ существуетъ подобный же обычай. Дѣти ходятъ голыя, безъ рубашекъ и всѣ съ претолстыми животами.

Пищу сихъ Татаръ составляетъ все то, что доставляетъ имъ скотоводство, рыболовство и птицеводство. Быки и коровы ихъ очень крупны и сильны, подобно Польскимъ; овцы ихъ, также какъ и Персидскія, имѣ-

ютъ толстые, большіе хвосты, состоящіе изъ одного жиру и вѣсящіе иногда отъ 20 до 30 фунтовъ, висячія, какъ у лягавыхъ собакъ, уши, и не прямые, съ горбиной, носы. Лошади ихъ не видныя, но сильныя и выносливыя. У нихъ есть также и верблюды, но больше двугорбые, чѣмъ одногорбые, и первыхъ называютъ они Боггуръ (Boggur), а вторыхъ Тове (Towaѳ).

Обыкновенныя кушанья Татаръ составляютъ высушенная на солнцѣ рыба, употребляемая ими вмѣсто хлѣба, молотый рисъ и просо, изъ муки которыхъ они дѣлаютъ родъ лепешекъ, и обмакиваютъ ихъ въ маслѣ, или въ меду. Кромѣ прочихъ мясъ они ѣдятъ верблюжину, конину, пьютъ воду, молоко и особенно кобылье, которое считается лакомымъ и здоровымъ напиткомъ. По этому, когда однажды Посланники отправились къ Татарамъ посмотрѣть на ихъ орды и палатки, то Татары нацѣдили имъ кобыльяго молока изъ особаго кожаннаго мѣшка и предложили имъ выпить его.

Вѣра ихъ—Магометанская, но обрядность религіозная не Персидская а Турецкая. Нѣкоторые Татары приняли Русскую Вѣру и перекрестились Съ ними они были чрезвычайно дружелюбны. Одинъ Мирза или Князь ихъ желая доставить удовольствіе Посламъ нашимъ, хотѣлъ было позабавить ихъ соколиною охотою, и сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для ней, но Воевода не позволилъ ему.

Глава XI.

Что далѣе было съ нами въ Астрахани, какъ посѣщали насъ нѣкоторыя лица и какъ угощали насъ въ гостяхъ.

Во все время стоянки нашей у Астрахани, когда случалось, что намъ нужно было что ни будь сварить, спечь, убить скотъ, и добыть что либо изъ продовольствія для опустѣлой стряпни и погреба нашего, все нужно для этого намъ присылали Персидскіе и Татарскіе купцы, а также и другія лица, въ подарокъ съ кѣмъ ни есть, иногда же сами лично посѣщали Пословъ, а также и Послы, въ свою очередь посѣщали ихъ.

Такъ, когда мы только что стали у Астрахани, какъ сказано выше съ нашимъ кораблемъ, и сдѣлали привѣтствіе выстрѣлами, купецъ Персидскаго Царя, а также и другіе Персидскіе купцы, только что пріѣхавшіе туда же изъ Персіи, прислали, въ привѣтъ Посламъ нашимъ, нѣсколько прекрасныхъ большихъ арбузовъ, дынь, яблокъ, персиковъ, абрикосовъ и кисти крупнаго винограда, съ просьбою, чтобы Послы благосклонно приняли пока подарокъ этотъ отъ нихъ, также чужестранцевъ въ этомъ мѣстѣ если же Богъ поможетъ прибыть въ Персію, то тамъ все, принадлежащее имъ, Персамъ, готово будетъ къ услугамъ Г.г. Пословъ. Въ свою очередь и Послы наши снарядили нѣсколько человѣкъ, и послали ихъ къ Персид

На другой день нашего прибытія нѣсколько партій Персидскихъ купцевъ пришли на нашъ корабль, осмотрѣть его и посѣтитьОсловъ, при чемъ каждый принесъ съ собою какихъ ни будь плодовъ; ибо въ Персіи уже такой обычай, что никто не является къ какому либо знатному Господину безъ подарка, хотя бы самаго ничтожнаго. Гости этѣ, по обычаю своей страны, обращались очень любезно и общительно, что показалось намъ весьма страннымъ, послѣ грубости Русскихъ, и такъ какъ для насъ они были люди новые и давно желанные, съ которыми намъ предстояло еще имѣть ближайшее сношеніе, то тѣмъ болѣе мы предоставили имъ свободы у насъ; отъ того всѣ они такъ подпили, что когда сходили съ корабля, то нѣкоторые изъ нихъ попадали въ воду, а одинъ пожилой почетный купецъ заснулъ и цѣлую ночь пробылъ у насъ на кораблѣ. Этотъ старикъ во время попойки еще былъ такъ любезенъ, что когда Послы, предлагая ему стаканъ Французскаго вина, сказали: „Можетъ вино нашей страны, послѣ крѣпкихъ напитковъ Персидскихъ, не понравится вамъ и будетъ непріятно“, онъ тотчасъ же взялъ стаканъ и отвѣчалъ, что если бъ то былъ и ядъ, то изъ рукъОсловъ онъ выпилъ бы и его.

17-го Сентября купецъ Персидскаго Царя вторично прислалъ въ подарокъ посламъ 2 мѣшка рису, не похожаго на обыкновенный, прекраснаго, бѣлаго, крупнозернистаго и кружку развареннаго Персидскаго чесноку, на вкусъ весьма пріятнаго; какъ изготовляется онъ, скажу ниже.

Съ прислугою купца пришли къ намъ и другіе Персы, мореходцы, осматривали нашъ корабль, удивлялись его громадности и говорили, что онъ не можетъ служить для плаванія на Каспійскомъ морѣ, на которомъ обыкновенно бываютъ весьма высокія и обрывистыя волны; или же по крайней мѣрѣ, надо будетъ укоротить мачту на нашемъ кораблѣ, чтобы можно было плыть въ немъ. Что Külsûm (такъ называли они Каспійское море) съ тѣхъ поръ, какъ по немъ плаваютъ суда, никогда еще не видалъ такого громаднаго корабля; ибо ихъ корабли такіе, какъ наши маленькія шюты (плоскодонныя судна) и видомъ похожи на ванну для купанья, очень высоко стоятъ надъ водою, скрѣпляются множествомъ балокъ или перекладинъ, выходящихъ на обѣ стороны и сколачиваемыхъ клиньями и этѣми-то балками все судно сдерживается снизу до верху; въ серединѣ онѣ совершенно открыты, не имѣютъ насосовъ и накопившуюся воду просто вычерпываютъ. Плаваютъ они на этѣхъ судахъ обыкновенно съ однимъ большимъ парусомъ и рѣяться (laviren) не умѣютъ. По этому во время бури они или отдаются на произволъ вѣтра, хотя съ великою опасностію, или же бросаютъ якорь. Вообще же никто охотно не отваживается плыть въ этомъ морѣ на глубинѣ болѣе 10 саженъ.

По отъѣздѣ Персовъ съ корабля Посланники наши послали, съ своимъ Секретаремъ, большой бокалъ къ главнѣйшему Воеводѣ, Ѳедору Васильевичу (Fedor Vasiliwitz), въ подарокъ, съ порученіемъ при этомъ узнать его мнѣніе

и совѣтъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ: не удобнѣе ли будетъ ѣхать далѣе сухимъ путемъ, чѣмъ моремъ? Для отвѣта Воевода просилъ отсрочки на нѣсколько дней, чтобы справится и переговорить съ другими мореходцами. По многимъ причинамъ потомъ принято за разумнѣйшее ѣхать водою, а не сухимъ путемъ.

19 Числа Татарскій Князь Мусалъ извѣстилъ насъ, что онъ хочетъ пріѣхать къ намъ на корабль посѣтить Пословъ; по тому, на встрѣчу ему къ берегу послана была наша шлюбка, обложенная ковромъ, съ нѣсколькими людьми изъ сопровождающихъ Пословъ. Онъ пріѣхалъ тоже въ сопровожденіи 40 человѣкъ и, кромѣ того, при немъ находился другой Мирза и Великокняжескій Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ (Poslanik Alexei Sawinowitz). Самъ Мусалъ былъ одѣтъ въ дорогое Русское платье, шитое золотомъ и жемчугомъ; съ виду онъ былъ высокій, крѣпкій и внушающій почтеніе человѣкъ, съ бѣлымъ, пріятнымъ лицемъ, съ длинными и черными какъ уголь волосами; лѣтъ около 28-ми, веселый и разговорчивый. Когда онъ вошелъ на корабль, то сперва привѣтствовали его на трубахъ, потомъ, выстрѣлили изъ 3-хъ большихъ пушекъ, и за тѣмъ, во время угощенія въ каютѣ Посланниковъ, постоянно играла музыка. Тѣлохранители, слуги и солдаты выстроились въ своемъ порядкѣ и вооруженіи, что очень понравилось татарину и весьма лестно было ему. Послѣ двухчасоваго пріятнаго пребыванія въ каютѣ и вездѣ на кораблѣ, который водили его осматривать по его желанію, пригласили его внизъ, въ столовую, гдѣ просили его къ столу, уставленному всякаго рода конфектами, но онъ не сѣлъ и поспѣшилъ отправиться домой. При отъѣздѣ его опять стрѣляли изъ пушекъ и ружей.

20-го Сентября Послы наши отправили нашего Маршала ко куцу Персидскаго Шаха, поклониться ему отъ нихъ и просить, чтобы онъ сдѣлалъ имъ честь и пожаловалъ бы къ нимъ на корабль, что и было на слѣдующій же день. Купецъ этотъ, по имени Наурусъ (Naurus), прибылъ съ другимъ знатнымъ Персидскимъ купцомъ, называвшимся Нуреддинъ Магумедъ (Naureddin Mahummed), и съ Приставомъ, приставленнымъ къ нему Воеводою. Этѣ господа были приняты и угощены также какъ и Татарскій Князь. Когда они, между разными пріятными разговорами и весельемъ, послушали немного нашу музыку, то попросили и имъ дозволить принести ихъ музыкальные инструменты, которые состояли изъ свирѣлей (дудокъ) и барабановъ. Барабаны ихъ сдѣланы были изъ обожженой горшечной глины, въ видѣ продолговатаго горшка; на этѣхъ барабанахъ Персы выбивали хотя и странные звуки, но довольно искусно и быстро выигрывали разныя штуки. Подъ такую музыку отправились Персы и отъ насъ на берегъ, гдѣ въ разбитыхъ палаткахъ ихъ, еще долго слышалась она намъ, на кораблѣ нашемъ.

22-го числа, рано утромъ, Воевода, въ благодарность за подарки, прислалъ Посламъ: 20 окороковъ, 12 большихъ копченыхъ рыбъ, кадочку икры (Cavijar), 1 боченокъ пива и 1 боченокъ меду.

Въ полдень Польскій Посолъ, о которомъ сообщалъ намъ купецъ (Cuptzi) Персидскаго Шаха еще 3-го Сентября, прислалъ, вмѣстѣ съ Посломъ Персидскаго Шаха къ Королю Польскому, двухъ своихъ служителей къ нашимъ Посланникамъ, на поклонъ, съ подаркомъ фляги шараба (Scharab) или Персидскаго вина. Польскій посолъ былъ монахъ и подписывался такъ: „Fr. Johannem de Lucca indignum sacri ordinis praedicatorum“. Посолъ же Персидскій былъ Архіепископъ изъ Арменіи, Августинъ Базецкій (Augustinus Basecius). Двое прислужниковъ присланныхъ къ намъ, были одинъ Итальянскій Капуцинъ, а другой Французъ. Этѣ послѣдніе жаловались намъ, что вотъ уже 5 мѣсяцевъ, какъ они сидятъ, словно плѣнные, въ Астрахани, и далѣе ихъ не пускаютъ.

Въ этотъ же день Посланники наши отправили къ Воеводѣ сказать, что завтра они желали бы посѣтить Князя Мусала, по чему и просили Воеводу прислать верховыхъ для поѣздки этой лошадей имъ и ихъ прислугѣ. Намъ съ готовностію обѣщали, и на слѣдующій же день Воеводскій конюшій привелъ просимыхъ лошадей на берегъ. Посланники поѣхали верхомъ съ важнѣйшими чинами изъ своихъ, сперва въ домъ, отведенный для помѣщенія ихъ за городомъ, откуда послали доложить надлежащимъ порядкомъ Князю Мусалу о своемъ прибытіи; и когда насъ извѣстили, что Мусалъ давно ждетъ и желаетъ насъ видѣть, то мы поѣхали къ нему на квартиру, которая была въ городѣ. Князь, богато одѣтый, вышелъ на встрѣчу Посламъ въ дворѣ на лѣстницу, радушно принялъ насъ и повелъ вверхъ въ покой, увѣшанный коврами. У него былъ и Посланникъ Алексѣй, а потомъ пришелъ и Татарскій Посолъ изъ Крыма, находившійся тоже въ караванѣ, надменный и суровый нравомъ человѣкъ. Мусалъ выставилъ для угошенія въ изобиліи всякаго рода садовые плоды, вмѣстѣ съ виномъ, пивомъ, медомъ и водкой. Приказалъ заиграть на регаліи [1]), и нѣсколько русскихъ трубачей, состоявшихъ при Воеводѣ, просилъ поиграть веселыя пѣсни, самъ же поднесъ намъ въ большихъ бокалахъ и серебряныхъ чашахъ вина, предлагая его выпить, за доброе здоровье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго и проч. и проч. Во все это время онъ стоялъ, со всѣми своими, и самъ собственною рукою подавалъ чашу съ виномъ каждому изъ насъ, даже нашимъ пажамъ и прислужникамъ и вообще со всѣми былъ весьма любезенъ. За тѣмъ Алексѣй тоже началъ торжественно и многорѣчиво восхвалять родъ, храбрость и прочія заслуги Мусала, говоря, что онъ не простой какой ни будь Мирза, какихъ много у Татаръ, но сынъ брата великаго и, пожалуй, важнѣйшаго при дворѣ Великаго Князя Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкасскаго (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); что теперь, въ знакъ великой къ нему милости, онъ получилъ отъ Его Царскаго Величества помѣстье (die Lehn), дорогія одежды и много другихъ подарковъ; что въ настоящее время одинъ изъ его братьевъ состоитъ

[1]) Большая труба, звуки которой похожи на голосъ человѣка. Перевод.

при Дворѣ Его Царскаго Величества и получаетъ тамъ превосходное содержаніе; что наконецъ, сестра его за мужемъ за Персидскимъ Шахомъ и проч. и проч.

На этой пирушкѣ мы съ высокороднымъ Іоанномъ Альбрехтомъ Фонъ-Мандельсло условились, что кто изъ насъ переживетъ другого, тотъ, въ память объ умершемъ, долженъ написать похвальное слово, что я, переживши его, и исполнилъ, какъ могъ, и написанное слово мое можно видѣть въ его описаніи путешествія въ Восточныя Страны, которое я издаю особо.

Повеселившись нѣсколько часовъ у Мусала всякаго рода его любезностями и добрымъ расположеніемъ, и разставшись съ нимъ, Посланники наши пожелали проѣхать въ мѣста жительства Татаръ, посмотрѣть ихъ. По этому мы направились къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя шла ближайшая туда дорога. Но ворота этѣ по приказанію Воеводы, не извѣстно въ слѣдствіе какихъ причинъ, заперли передъ нами, по чему мы и отправились на корабль свой.

24-го числа прибылъ на корабль Посланникъ Алексѣй посѣтить нашихъ Пословъ, и онъ былъ нами принятъ и угощенъ, какъ слѣдуетъ, хорошо. Онъ былъ веселъ и предлагалъ намъ свою заботливость о насъ и дружбу въ то время, когда мы будемъ съ нимъ въ Персіи. Наши Посольскіе чины и прислуга, проводившіе его обратно на его корабль, въ числѣ 12 человѣкъ, всѣ получили отъ него, въ благодарность, подарки, по одному соболю.

Этотъ Русскій, посланный Великимъ Княземъ Московскимъ къ Персидскому Шаху въ качествѣ малаго Посла болѣе для того, чтобы блюсти за нашимъ дѣломъ и нашими отношеніями, былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ здравымъ умомъ и весьма ловкій, зналъ нѣсколько Латинскихъ изреченій, противъ обыкновенія Русскихъ имѣлъ большую охоту къ свободнымъ искусствамъ, особенно же къ нѣкоторымъ математическимъ наукамъ и къ Латинскому языку; онъ просилъ, чтобы мы помогли ему въ изученіи этѣхъ предметовъ, и въ Персіи, гдѣ мы были вмѣстѣ, а особенно на обратномъ пути, онъ прилежными занятіями, постоянными разговорами, и упражненіемъ въ продолженіи 5-ти мѣсяцевъ, сдѣлалъ такіе успѣхи въ Латинскомъ языкѣ, что могъ передавать на немъ, хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но весьма понятно для другихъ, свои задушевныя мысли. Онъ также быстро и съ охотою уразумѣлъ употребленіе астролябіи и все то, что относится до высоты солнца, часовъ и геометріи. Нашему часовщику онъ заказалъ сдѣлать астролябію, и когда бывало останавливались мы на ночлегъ въ какомъ ни будь городѣ, или селеніи особенно же въ Астрахани, онъ выходилъ съ этой астролябіей для упражненія на улицу, и разсказывалъ людямъ высоту домовъ и другихъ зданій, что чрезвычайно удивляло Русскихъ, не привыкшихъ видѣть своихъ соотечественниковъ за подобными занятіями.

25-го числа Шаховъ купецъ (Cyrtzi) прислалъ съ приглашеніемъ Г.г. Пословъ, съ ихъ свитою, въ слѣдующій день на пиръ къ нему, при чемъ

просилъ сообщить имя и титулъ милостивѣйшаго нашего Князя и Государя, а равно и имена самихъ пословъ, объясняя, что онъ пошлетъ впередъ гонца въ Шамаху и Мидію къ тамошнимъ Хану и Губернатору, для того, чтобы, достигши Персидскихъ границъ, мы тѣмъ скорѣе могли быть отправлены далѣе.

26-го Сентября сказанный купецъ (Cyrtzi) прислалъ на берегъ 7 осѣдланныхъ и прекрасно убранныхъ верховыхъ лошадей для Посланниковъ и сопровождающихъ ихъ.

Купецъ Наурусъ (Naurus) устроилъ и приготовилъ все великолѣпно и роскошно въ отведенномъ ему Воеводою домѣ, въ городѣ; на другомъ домѣ, бывшемъ напротивъ, снята была крыша, устроенъ театръ, увѣшанный ниспадающими въ низъ Персидскими пестрыми покрывалами и украшенный двумя водруженными знаменами. На этомъ театрѣ стояло 3 барабанщика и нѣсколько человѣкъ дудочниковъ, которые играли вмѣстѣ, когда прибыли Посланники, а также и во все время пира.

Домъ, въ которомъ купецъ принималъ гостей, внутри по всѣмъ стѣнамъ былъ увѣшанъ Персидскими и Турецкими коврами. Купецъ Наурусъ вышелъ на встрѣчу Посланникамъ еще на дворѣ, принялъ ихъ весьма дружески и повелъ, ихъ на верхъ, черезъ двѣ великолѣпныя комнаты, обтянутыя на потолкѣ, на полу и по стѣнамъ дорогими коврами, въ покой, увѣшанный золотою парчею. Въ каждой комнатѣ, для большаго удобства для насъ и въ противность даже обычаю Персовъ, которые обыкновенно всѣ сидятъ и ѣдятъ на полу, разставлены были столы и лавки, также покрытые дорогими коврами. Всѣ столы были уставлены садовыми плодами и конфектами: виноградомъ, яблоками, дынями, персиками, черешней, миндалемъ, изюмомъ двоякаго рода, изъ которыхъ одинъ составлялъ маленькія, бѣлыя и весьма сладкія ягоды безъ зеренъ, лущеными большими Грецкими орѣхами, фисташками и всякаго вида иностранными Индѣйскими плодами, вареными въ сахарѣ и меду; всѣ этѣ угощенія покрыты были шелковыми платками.

Только что мы усѣлись, явились и духовныя особы, а именно: Послы Шаха Персидскаго и Короля Польскаго; поверхъ духовной одежды на нихъ были еще кафтаны изъ золотой парчи, подаренные имъ Персидскимъ Шахомъ и, кромѣ того, у каждаго на груди висѣло по золотому кресту. Они знали Латинскій, Испанскій, Итальянскій и Французскій языки, на которыхъ и разговаривали съ нашими Посланниками, Какъ только они усѣлись, тотчасъ конфекты открыли и начали подчивать ими, а также и напитками крѣпкими, водкой, медомъ и пивомъ. Послѣ двухчасоваго такого угощенья, по обыкновенію Персовъ, конфекты были убраны, накрыли столъ для обѣда, и уставили его всевозможными кушаньями на серебряныхъ и мѣдныхъ вылуженныхъ блюдахъ. На всѣхъ блюдахъ, впрочемъ, сперва наложенъ былъ вареный рисъ различныхъ цвѣтовъ, и за тѣмъ на этомъ рисѣ лежали уже

вареныя и жареныя куры, утки, говядина, баранина, рыба, и всѣ этѣ кушанья изготовлены были хорошо и были довольно вкусны.

За столомъ Персы не употребляли ножа, учили насъ разнимать (рушить) говядину руками и вообще ѣсть ихнимъ способомъ. Впрочемъ, куры и другія мяса разрѣзываются на удобные для ѣды куски еще поваромъ, при изготовленіи имъ кушанья. Рисъ, который они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, берутъ они большими пальцами, иногда же и всею рукой съ блюда, кладутъ на него кусочки мяса и затѣмъ все вмѣстѣ несутъ въ ротъ. У каждаго стола стояло по одному suffretzi или раздавателю, который беретъ кушанья маленькой серебряной лопаточкой и съ помощью руки изъ большихъ сосудовъ, въ которыхъ кушанья приносятся, и кладетъ ихъ на маленькія блюда; бываетъ, что на одно такое блюдо, на рисъ, кладется 4 или 5 кушаній; изготовляемое такимъ образомъ блюдо подается одно на двоихъ, а иногда и на трехъ человѣкъ. Въ продолженіе пирушки пили мало, но потомъ пили довольно крѣпкую круговую, наконецъ, каждому подана была съ предложеніемъ выпить, особая фарфоровая чаша полная горячаго черноватаго напитка, который Персы называютъ Kahave и о которомъ въ другомъ мѣстѣ я скажу подробнѣе. Вообще, Персы были къ намъ такъ дружелюбны и услужливы, что ихъ любезность и доброе расположеніе къ Нѣмецкому народу мы видѣли не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

При прощаніи, которое со стороны всѣхъ, какъ монаховъ, такъ и Персовъ, сопровождалось изъявленіями дружбы и глубокаго уваженія, барабаны и дудки весело забили и заиграли какую-то особую пѣсню. Двое изъ важнѣйшихъ Персовъ провожали посланниковъ до городскихъ воротъ, гдѣ и разстались съ нами съ выраженіемъ глубокой благодарности Посламъ за ихъ радушіе и оказанную ими Персамъ честь и съ предложеніемъ имъ еще большихъ услугъ. Когда Посланники взошли на шлюбку, то сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ каменныхъ орудій, точно также, какъ это было и при высадкѣ ихъ изъ шлюбки. Такимъ образомъ день этотъ проведенъ былъ въ стараніяхъ завязать дружественныя отношенія съ чуждыми народами, и мы пріобрѣли себѣ друзей между этѣми народами.

27-го числа Послы съ немногими изъ насъ поѣхали верхами за милю отъ города Астрахани, посмотрѣть на жилища Татаръ. На дорогѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, мы видѣли, какимъ образомъ быки и лошади, привязанные къ колу, бѣгали вокругъ этого кола, и этѣмъ круговымъ бѣганьемъ своимъ выбивали и молотили просо. У каждой лачужки Татарской видѣли мы либо сокола, либо орла, которыхъ они употребляютъ для охоты. На возвратномъ пути мы встрѣтили одного изъ князей ихъ, который ѣхалъ верхомъ въ простомъ овчинномъ тулупѣ и со соколомъ. Онъ очень жалѣлъ, что не былъ дома, въ своей ордѣ, и потому не могъ угостить Пословъ нашихъ.

Того же числа Великокняжескій Посланникъ или малый Посланникъ, Алексѣй Савиновичъ, отправился впередъ въ Персію, Каспійскимъ моремъ.

28-го Сентября другой знатный купецъ, Нуреддинъ Магуммедъ давалъ въ честь нашихъ Посланниковъ пиръ, который былъ также великолѣпенъ и обставленъ такими же обрядностями, какъ у Науруса. Театръ для барабанщиковъ и дудочниковъ на дворѣ, противъ стола, устроенъ былъ едва ли еще не богаче Наурусова. На пиръ этотъ приглашены были опять и монахи. Тутъ же находились и нѣсколько Индѣйцевъ изъ Восточной Индіи и двое Русскихъ, отряженныхъ сюда Воеводой и знавшихъ Персидскій языкъ; Этѣ послѣдніе были сдѣсь для того, чтобы Воевода могъ знать, какой разговоръ будетъ на пирѣ. По этому, когда Посланникъ Бругманъ въ разговорѣ своемъ, направленномъ противъ Турокъ, которые были въ то время непріятелями Персовъ, но съ Русскими находились въ мирѣ, зашелъ уже далеко въ своихъ оскорбительныхъ отзывахъ о Туркахъ, то Персы, видя такой разговоръ неловкимъ и непріятнымъ для себя, просили его оставить оный и говорить о чемъ ни будь повеселѣе. Изъ этого обстоятельства и просьбы прекратить такой разговоръ можно было заключить только о добромъ расположеніи Персовъ къ намъ, которое они оказываютъ обыкновенно всякому, присланному Высокими Государями къ ихъ Шаху. Это было съ ихъ стороны только малымъ свидѣтельствомъ или знакомъ того благорасположенія, которое позднѣе мы нашли въ ихъ странѣ. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію Воеводы, монахи должны были удалиться съ пиршества.

29-го числа къ намъ прибылъ тотъ Нагайскій Мирза, котораго мы встрѣтили третьяго дня, осмотрѣть нашъ корабль. Онъ принесъ намъ нѣсколько дикихъ гусей, которыхъ онъ наловилъ соколомъ, и приглашалъ Посланниковъ на помянутую выше соколиную охоту, которой, однако же, Воевода не дозволилъ.

30-го Сентября Воевода прислалъ, въ подарокъ Посланникамъ, нѣсколько Русскихъ лакомствъ (конфектъ), а именно: большіе и толстые пряники, сухое варенье изъ выжатой смородины и другихъ ягодъ, похожее видомъ на большой Чешскій сыръ, частію же свернутое въ куски или свертки на подобіе нашего фунта, или свернутой подошвенной кожи. Такіе свертки присылали намъ еще въ Москвѣ Великій Князь и другіе Бояре; на вкусъ они кисловатые, довольно пріятные, и Русскіе употребляютъ это варенье большею частію въ другихъ кушаньяхъ.

1-го Октября я былъ посланъ, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашихъ, въ Канцелярію, къ Воеводѣ, для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ; но хотя я принятъ былъ въ Канцеляріи дружески и даже приглашенъ былъ сѣсть въ присутствіи Князя Мусала, который находился тоже тамъ, тѣмъ не менѣе мнѣ не дали ни какого рѣшенія по нашему дѣлу, прежде чѣмъ я не выслушалъ жалобы бывшаго Пристава нашего, Родіона (Rodivan), на Послан-

ника Бругмана и послѣдовавшаго по этой жалобѣ замѣчанія. Жалоба заключалась въ томъ, что Посланникъ Бругманъ, будучи на Волгѣ еще весьма дурно обращался съ нимъ, Приставомъ, часто обзывалъ его блядинымъ сыномъ (Bleadin sin), собакой (Sabak), или сукинымъ сыномъ, и подобною бранью; а этого не слѣдовало; ибо Приставъ былъ Царскій чиновникъ и данъ былъ намъ для почета. Въ случаѣ, если бъ онъ въ чемъ провинился, то посланникъ не долженъ былъ самъ, и при томъ такимъ образомъ, распоряжаться и ругаться, но обязанъ былъ принести на Пристава жалобу Начальству, вездѣ поставленному Его Царскимъ Величествомъ, и въ особенности Начальству въ Астрахани, которое съумѣло бы найти и учинить достойное за преступленіе и удовлетворительное для Пословъ наказаніе. Воевода полагалъ при этомъ, что если бъ такъ поступилъ кто съ чиновникомъ Его Княжеской милости, Герцога Голштинскаго, въ его земляхъ, то, вѣроятно, это ему также мало было бы пріятно, какъ это будетъ непріятно и Его Царскому Величеству, когда только онъ узнаетъ объ этомъ. Онъ заключилъ, что все это долженъ былъ высказать намъ по долгу службы своей; послѣ того, по нашему дѣлу онъ далъ уже намъ желанное рѣшеніе.

Глава XII.

О путешествіи изъ Астрахани до города Терки.

Въ тотъ же день приказано было перенести пиво и хлѣбъ, которые наварили и напекли тамъ наши люди, а равно и другіе припасы. Купили у Татаръ 20 очень крупныхъ и жирныхъ быковъ, отъ 8 до 14 талеровъ за каждый. Также нѣсколько бочекъ соленой рыбы и между прочимъ 200 судаковъ, величиною всѣ почти въ локоть, за три гривны и 15 грошей, и такимъ образомъ приготовились къ отправленію по Каспійскому морю. Но такъ какъ море это было намъ не извѣстно, и мы слышали, что при входѣ его очень мелкое дно, простирающееся на нѣсколько миль, то кромѣ Русскаго лоцмана, мы взяли къ себѣ еще нѣсколько Нагайскихъ Татаръ съ баркою (шютою), для облегченія нашего корабля на мелководьи и для удобнѣйшей переправы черезъ нее, и 10 Октября снялись мы у Астрахани, а въ полдень, въ 12 часовъ, отправились въ путь, при чудесной тихой погодѣ. Направленіе отъ Астрахани до моря большею частію было на югъ и юго-западъ. Но едва проплыли мы милю, какъ поднялся такой сильный, противный намъ вѣтеръ, что мы должны были подойти къ правому берегу и стать на якорь подъ берегомъ. По той же причинѣ мы простояли и слѣдующій день.

Въ это время прибылъ къ намъ рослый, почтенный на видъ одинъ Нагайскій Мирза, бывшій начальникомъ нѣсколькихъ ордъ, находящихся

въ томъ мѣстѣ, посѣтить насъ, и въ подарокъ принесъ намъ овцу и боченокъ молока.

Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ при Волгѣ за Астраханью мы находили травы необыкновенной величины, каковы: Esula или волчье молоко, въ ростъ человѣка и выше; Angelica, коровникъ, купырь, у которой стебель толщиною съ руку, но не въ толщину человѣка, какъ выдавалъ это въ Голштиніи одинъ господинъ, встрѣтившійся намъ въ Астрахани и уѣхавшій отъ насъ впередъ. Господинъ этотъ такъ далеко зашелъ въ этомъ, что разсказывалъ, будьто самъ видѣлъ тамъ Ангелику толщиною въ человѣка.

12-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, потащили мы корабль впередъ якорями, но ни какимъ способомъ въ цѣлый день не могли сдѣлать болѣе мили. Такое же плаваніе было и 13-го числа, и мы стали на якорь у круглой сухой горы, лежащей на лѣвой сторонѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Астрахани. Гора эта Русскими называется Темная гора (Tomani gor), мы же назвали ее, по множеству змѣй на ней, Змѣиной горой. Мы нашли сдѣсь много каперсовъ (Caperstauden., Capparis) и различные виды дикаго чесноку или подснѣжнику (Sempervivi). Съ вершины горы можно обозрѣвать на цѣлую милю вокругъ страну, которая сдѣсь вездѣ представляетъ равнину. Вечеромъ мы встрѣтили стрѣльцовъ, отвезшихъ Русскаго Посланника, Алексѣя, въ Терки, и они сообщили намъ, что дорога туда безопасна, и они день и ночь проплыли свой путь съ попутнымъ вѣтромъ.

14-го числа начался попутный вѣтеръ, именно сѣверо-восточный, который погналъ насъ впередъ довольно быстро. Послѣ обѣда достигли мы часовни Иванчукъ (Ivantzuk), въ 30 верстахъ отъ Астрахани. За этой часовней находится главное мѣсто рыболовства, называемое Учугъ, (Utschu) и принадлежащее Троицкому монастырю въ Астрахани. Сдѣсь Волга раздѣляется на множество рукавовъ, и образуетъ нѣсколько острововъ, которые всѣ, равно какъ и правый берегъ Каспійскаго моря, до рѣки Койсу (Koisu), покрыты высокимъ тростникомъ или камышемъ и низкимъ кустарникомъ. Между островами этѣми есть одинъ, называемый Перулъ (Perul) и лежащій въ 15-ти верстахъ за Учугомъ. На немъ стоялъ высокій деревянный домъ, надъ которымъ на длинномъ шестѣ насажена была баранья голова. Намъ разсказывали, что тамъ погребенъ одинъ Татарскій святой, на могилѣ котораго Татары и многіе Персы, отправляющіеся въ море, или счастливо уже переплывшіе его, убиваютъ овцу, часть ея приносятъ въ жертву, а другую ѣдятъ на жертвенной пирушкѣ и съ особенными обряда ми при этомъ отправляютъ свои молитвы. Голова овцы остается воткнутою на шестѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принесена кѣмъ ни будь новая жертва, или пока не свалится съ шеста сама собою. По этому мѣсто это Русскіе называютъ Татарской молельней (Tatarski molobitza), т. е., Татарскимъ жертвенникомъ.

За этѣмъ островомъ, по лѣвой сторонѣ, простирается на твердой землѣ, въ глубь страны, длинный голый холмъ, на которомъ мы видѣли множество Татарскихъ жилищъ.

Къ вечеру мы пріѣхали къ другому мѣсту рыбной ловли, считающемуся въ 15 верстахъ отъ моря, гдѣ Волга заперта частоколомъ или тыномъ отъ вторженія рыщущихъ по морю Казаковъ и охраняется постоянно сотнею стрѣльцовъ. За этѣмъ мѣстомъ мы имѣли свой ночлегъ, въ проливѣ, между двумя островами. Въ этой мѣстности мы видѣли бездну тюленей, колпицъ, у которыхъ носъ похожъ на плоскую ложку, также множество зобовыхъ гусей, которыхъ русскіе называютъ бабами (Baba), Персы кутанами Kuthan), Мавры въ Гвинеѣ бумбу (Bumbu), Плиній Альбертъ и Альдровандъ Onocrotalus (потому что птица эта иногда, запустивъ носъ въ воду, издаетъ крикъ, подобный крику осла), а также пеликаномъ. Но это не тотъ Пеликанъ, какого изображаютъ живописцы и на какого указываютъ нѣкоторые древніе, а такъ же и изъ теперешнихъ нѣкоторые духовные писатели, ради уподобленія пролитію крови Христа; такихъ сдѣсь нѣтъ; да Альдровандъ полагаетъ, что такого пеликана и на свѣтѣ нѣтъ.

Три года тому назадъ подобнаго зобоваго гуся въ Голландіи показывали за деньги и выдавали за настоящаго пеликана. Птица эта во многомъ похожа на обыкновеннаго гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и перомъ, но величиною она превосходитъ лебедя, имѣетъ длинный, въ $^3/_4$ локтя и широкій, въ 2 пальца, красивый клювъ, съ загнутымъ крючкомъ на переди. На нижней половинѣ клюва и у горла виситъ большой, изъ тонкой, вмѣстѣ съежившейся, кожи мѣшокъ, который такъ широко растягивается, что въ него можно упрятать обутую въ сапогъ ногу, или влить 5 штофовъ воды. Въ мѣшокъ этотъ птица собираетъ себѣ рыбу; горло у птицы широкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ птицу эту приручаютъ и употребляютъ для ловли рыбы, но въ такомъ случаѣ вокругъ шеи птицы завязываютъ особый узелъ, чтобы пойманную рыбу она не въ состояніи была проглотить, но такъ бы принесла ее въ мѣшкѣ хозяину. Персы мѣшокъ этотъ употребляютъ на бубны и въ Гилянѣ имъ же обтягиваютъ и особый родъ гудковъ; растянутый мѣшокъ этотъ также прозраченъ, какъ бычачій пузырь. Удивительно, что пишетъ Францискъ Санкцій (Franciscus Sanctius), какъ говоритъ Альдрованъ, будьто одна такая птица, когда онъ охотился за нею, но тяжести своей не могла подняться была поймана и въ ней найдено было дитя изъ Мавровъ, которое она якобы проглотила. Птица эта водится на Африканскомъ морскомъ берегу, особенно часто попадается въ Гвинеѣ, и тамъ туземцы ѣдятъ ее. Посланникъ Бругманъ убилъ изъ ружья одну такую птицу на берегу Каспійскаго моря и концы распростертыхъ крыльевъ ея имѣли 5 локтей одинъ отъ другаго, а сама она отъ шеи до подошвы ногъ была величиною съ человѣка. Голову этой птицы я сохранилъ и передалъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Кто пожелаетъ

больше узнать объ этой птицѣ, пусть прочтетъ недавно вышедшую въ Римѣ „Исторію plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum, francisci Hernandez“, Индійскаго Врача, страница 672 и слѣдующія, гдѣ сказано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Мексикѣ, у птицы этой клювъ снабженъ многими зубами, а также, что, какъ она находится во многихъ мѣстахъ земли, то потому можетъ быть названа Мировой (Cosmopolitanus). Въ этой же книгѣ встрѣтите довольно пространное разсужденіе о томъ, дѣйствительно ли, какъ думаетъ Альдровандъ, Аристотель, въ 9-й книгѣ своей „Hist. anim“, описывая пеликана, разумѣлъ и имѣлъ въ виду именно этого зобоваго гуся? При этомъ оспаривается мнѣніе Альдрованда.

Кромѣ описанной, мы видѣли еще другой, не извѣстный намъ, родъ птицы, похожей на утку, но нѣсколько больше ея, съ длинной шеей, съ круглымъ, жесткимъ клювомъ, также съ крючкомъ на концѣ: перомъ она вся черная, какъ воронъ; перья, выдернутыя нами изъ крыльевъ, были весьма жестки, больше, чѣмъ такія же перья у ворона, и чрезвычайно удобны для черченія и рисованія, Русскіе называли эту птицу бакланомъ (Baklan). Она появляется большею частью по ночамъ и на водѣ. Кажется, что это та самая птица, которую Альдровандъ, въ своей „Ornothologia“, lib. 91, pag. 58, называетъ Avem Diomedeam; ибо ей приписывается много свойствъ, находящихся въ этой птицѣ, кромѣ только того, что она, какъ уголь черная, тогда какъ по Альдровану она сѣрая, или цвѣта пепельнаго.

15-го Октября прибыли мы къ устью или входу въ Каспійское море, въ 12 миляхъ отъ Астрахани, и сдѣсь тамъ и сямъ встрѣчается множество маленькихъ, тростникомъ поросшихъ, холмовъ и острововъ, обтекая которыхъ Волга впадаетъ въ море; по этому нѣкоторые полагаютъ, что Волга вливается въ море такимъ множествомъ отдѣльныхъ рѣкъ, или рукавовъ. Цѣлыя шесть миль идетъ сдѣсь чистая тина, на которой вода была вездѣ не выше 4-хъ, 5-ти и самое большее $5^1/_2$ футовъ въ слѣдствіе чего мы часто садились на мель и вязли въ тинѣ такъ, что въ 7 дней, весьма утомительными туда и сюда поворотами корабля, гонимаго вѣтромъ къ морю, едва успѣли проплыть немного болѣе 4-хъ миль

Самые тяжелые дни для насъ были 18-е 19-е Октября. 18-го мы наѣхали на мель, на которой было только 5 футовъ воды. Провозившись цѣлыхъ 5 часовъ въ неустанной работѣ и сдвинувшись съ мѣста, мы добились только того, что выбрались было на глубину 6 футовъ; но тутъ же сейчасъ оказалось, что это была только небольшая яма, за которой вездѣ далѣе было едва 4 и самое большее $4^1/_2$ фута глубины; по этому мы должны были снова съ такимъ же трудомъ тащить корабль назадъ, на прежнее мѣсто. Когда ночью сталъ дуть сѣверно-западный вѣтеръ, то вода видимо упала, и мы очутились на глубинѣ только 3-хъ футовъ и засѣвъ глубоко въ илъ. И хотя мы при помощи Татарскаго судна (шюты) и нашей шлюбки, облегчили корабль отъ тяжелой клади и якорей; а за тѣмъ хотя

и весь экипажъ не съ человѣческой, но съ лошадиной, тяжкой работой трудился, не пивши и не ѣвши цѣлый день, усиливаясь сдвинуть корабль съ мѣста, однако онъ рѣшительно не трогался и мы терпѣливо должны были поджидать счастія и благопріятнаго вѣтра, который бы подулъ съ моря и поднялъ воду, что все навело на нѣкоторыхъ изъ насъ не мало тревоги и страха со стороны Казаковъ, которые сдѣсь могли считать насъ плѣнниками своими. Въ добавокъ къ тому спустился такой густой туманъ, что мы едва могли видѣть что либо на разстояніи длины корабля. Въ такую то пасмурную погоду со стороны моря выплыла на встрѣчу намъ какая то Русская барка, и какъ мы не знали, что за народъ былъ на ней, то по приказанію Бругмана, выстрѣлили по нимъ изъ пушки. Это взбѣсило Русскихъ и они бранью встрѣтили насъ, говоря, что вода эта принадлежитъ Его Царскому Величеству, и что они могутъ плавать по ней также вольно, какъ и мы; а что если уже намъ припала такая охота стрѣлять, то стрѣляли бы ужъ по Казакамъ, которые поджидаютъ насъ въ морѣ. Послѣ этого намъ попались еще 2 Русскія барки, которыя, когда мы ихъ дружески окликнули, переслали Посламъ нашимъ въ подарокъ нѣсколько прекрасныхъ Черкаскихъ плодовъ, а именно: весьма крупныхъ ягодъ, Грѣцкихъ орѣховъ и ирги или кизильнику (Mispeln).

21-го Октября, къ вечеру, при тихой погодѣ, вода начала прибывать, такъ что мы опять имѣли глубину воды въ 5 футовъ, и казалось, что скоро можно будетъ хоть нѣсколько продвинуться въ море. Но 22-го числа съ моря поднялась буря, именно съ юго-юго-востока, нагнавшая воду на 9 четвертей выше, и такъ какъ буря эта продолжалась цѣлые 5 дней, то все это время мы и должны были простоять на якорѣ, въ одномъ мѣстѣ.

23-го числа, при ясномъ небѣ, во время солнечнаго восхожденія, я нашелъ, что солнце взошло по компасу на 22 градуса на югъ болѣе, чѣмъ какъ обыкновенно предполагали это. По этому слѣдуетъ заключить, что уклоненіе магнитной стрѣлки въ этомъ мѣстѣ составляетъ 22 градуса отъ сѣвера на западъ.

27-го числа, когда вѣтеръ нѣсколько унялся, перетащили мы опять нашу кладь на корабль, разсчитали Татарскую барку и поплыли на парусахъ; но едва успѣли сдѣлать не болѣе одной мили, какъ опять завязли въ тинѣ, по чему тотчасъ же послали нашу шлюбку назадъ нанять опять Татаръ. Рано утромъ 28 числа мы высвободили снова корабль и, увидѣвши 13 парусныхъ судовъ, плывшихъ съ Волги по направленію къ намъ, мы догадались, что то былъ Татарскій и Персидскій караванъ, по чему отпустили опять Татаръ и стали поджидать приближавшіяся къ намъ суда. оказалось, что это были Князь Мусалъ, два Персидскіе купца и 500 стрѣльцовъ съ однимъ начальникомъ, на нѣсколькихъ судахъ, которыхъ Царь посылалъ крѣпостной стражей въ городъ Терки. Такъ какъ мы видѣли, что Русскій лоцманъ нашъ не зналъ дороги и не смыслилъ вообще въ море-

плаваніи, сами же мы, по обыкновеннымъ картамъ суши и морей, оказавшимся совершено невѣрными (какъ явствуетъ это изъ тщательно составленной нами и ниже прилагаемой карты [1]) управлять своимъ плаваніемъ не могли, то мы и рѣшили попытаться, между нагнавшими насъ Русскими, поискать надежнаго себѣ проводника. По этому вечеромъ, когда сказанныя суда нагнали уже насъ и остановились, мы послали къ начальнику стрѣльцовъ съ поклономъ и съ просьбою, чтобы онъ пожаловалъ къ намъ на корабль. Принятый сдѣсь нами отлично и угощенный разными дорогими напитками, начальникъ этотъ сталъ многорѣчиво и съ живыми тѣлодвиженіями высказывать намъ свое доброе къ намъ расположеніе и любовь, и между прочимъ говорилъ, что у него изныло сердце и онъ не могъ спокойно спать, пока не увидалъ насъ теперь совершенно здоровыми, о каковомъ благополучномъ состояніи Г.г. Пословъ онъ немедленно и пошлетъ къ Астраханскому Воеводѣ донесеніе. При этомъ онъ выражалъ радость, что ему представился теперь случай служить намъ; говорилъ, что весь народъ его готовъ будетъ къ услугамъ нашимъ, и обѣщалъ сей же часъ прислать намъ съ своего судна лучшаго лоцмана и проч. и проч. любезности, каковымъ обѣщаніямъ его и готовности мы были очень рады; ибо видѣли, что дѣло казалось устроится. Но только что воротился онъ на свой корабль, какъ приказалъ натянуть паруса и уплылъ отъ насъ, можетъ быть по тому, что при пріемѣ его онъ не получилъ отъ насъ порядочнаго посула (Poschul) или подарка, на которые вообще Русскіе очень падки.

Этотъ солдатъ былъ до такой степени безстыденъ, что позднѣе, у г. Терки, какъ ни въ чемъ ни бывало, опять явился къ намъ на корабль, вмѣстѣ съ другими почетными особами, посѣтить Пословъ, и когда этѣ послѣдніе упрекнули его за такой поступокъ съ ними, онъ отвѣчалъ только: „Я виноватъ“ (Ia winowat), и тѣмъ покончилъ.

Когда описаннымъ образомъ мы были обмануты, то послали на иностранный Персидскій корабль, съ просьбою дать намъ совѣтъ и помощь. Персіянинъ, бывшій начальникомъ своего корабля, и въ то же время хозяиномъ всего находящагося на немъ имущества, предложилъ намъ свою готовность быть нашимъ лоцманомъ, поручилъ своимъ слугамъ свой корабль и добро, а самъ перешелъ къ намъ на корабль,—услуга, какой не легко найти и въ любомъ Христіанинѣ. Этотъ Персіянинъ зналъ хорошо море, разумѣлъ употребленіе компаса, хотя большинство Персовъ по компасу не плаваютъ, но ходятъ или у берега, отъ котораго далѣе 3 или 4 миль не удаляются, или же управляютъ и сообразуютъ свое плаваніе по сѣверной звѣздѣ. Когда онъ пришелъ къ намъ на корабль, въ 11 часовъ ночи, и увидалъ, что погода была благопріятная и ночь мѣсячная, то сейчасъ же велѣлъ поднять якорь, направилъ ходъ корабля къ югу, и мы довольно бойко пустились далѣе при тихомъ восточномъ вѣтрѣ. Годъ тому назадъ, въ этотъ же

[1]) Къ Нѣмецкому подлиннику. О. Б.

самый день, мы также пустились на парусахъ изъ Травемюнда, по Балтійскому морю, и также благополучно. Въ эту ночь мы имѣли воду не глубже 10 футовъ, но позднѣе пошло глубже до 3-хъ саженъ и даже больше. Съ правой стороны у насъ былъ материкъ, называвшійся Сухатеръ (Suchater), съ 4-ми холмами; отъ этого материка выдавался глубоко въ море уголъ или мысъ, конецъ котораго считается въ 100 верстахъ отъ Астрахани и въ 200 отъ города Терки, но версты эти невѣрны и невелики.

29-го числа, въ прекрасную солнечную погоду, до обѣда мы плыли съ юго-восточнымъ вѣтромъ, направляясь къ югу, а послѣ обѣда къ юго-западу, и постоянно имѣли глубину въ $3^1/_2$ сажени и дно изъ раковинъ, перемѣшанныхъ съ крупнымъ пескомъ; въ этотъ день мы уже не видали земли, по причинѣ залива, слѣдовавшаго за сказаннымъ выше мысомъ, и вечеромъ, въ 8 часовъ, стали на якорь, на упомянутой же сейчасъ глубинѣ. Сдѣсь магнитная стрѣлка показывала уклоненіе на 20 градусовъ отъ сѣвера къ западу.

30-го Октября, съ появленіемъ утренней зари, мы опять пустились на парусахъ. Съ восходомъ солнца мы увидали материкъ Черкасію (Cyrcassia), который изгибомъ, на подобіе полумѣсяца, отъ юго-запада къ сѣвѣро-востоку, далеко выдается въ море, въ которомъ и образуетъ большую котловину или заливъ. Мы хотѣли направить путь нашъ къ мысу, но какъ дулъ юго-восточный вѣтеръ, который началъ гнать насъ въ котловину, то мы и стали въ полдень на якорь, на глубинѣ $3^1/_2$ саженъ и на глинистомъ днѣ. Мысъ этотъ считается въ 6 миляхъ отъ Терки (Terki). Въ заливѣ или котловинѣ увидали мы 20 судовъ, и сначала подумали, что то были Казаки, по чему и выстрѣлили изъ одной пушки, чтобы дать имъ свое слово оклика (лозунгъ), но оказалось, что это были рыбаки изъ Черкаскихъ Татаръ, изъ города Терки. Они принесли къ намъ на корабль нѣсколько штукъ бѣлуги, по 15 коп. за штуку. Желудки этихъ рыбъ полны были раковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были даже еще живые.

Этотъ день начали мы торжественно, благодарственнымъ молебномъ, такъ какъ годъ тому назадъ, въ самый этотъ день, многомилостивый Богъ спасъ насъ отъ погибели у Эландскихъ скалъ. Въ это же время нашъ Персидскій лоцманъ отправился на лодкѣ къ своему кораблю, стоявшему около полумили, позади насъ, чтобы дать своему народу дальнѣйшія приказанія; мы подумали было, что онъ также сдержитъ свое слово, какъ и начальникъ Русскихъ стрѣльцовъ, но на слѣдующее утро, еще рано, онъ явился опять къ намъ на корабль, а своему судну приказалъ идти впереди насъ.

Послѣдняго Октября, рано утромъ, при густомъ туманѣ, была совершенно тихая погода. Къ полудню небо прояснилось, подулъ слабый сѣверный вѣтеръ, и мы, рѣяся парусами и при помощи веселъ, выдвинулись изъ котловины и стали прямо противъ мыса или выдавшагося круто ма-

терика. Въ полночь пустились мы снова на парусахъ и съ попутнымъ вѣтромъ, рано утромъ 1-го Ноября, прибыли къ городу Терки, гдѣ и стали на якорь, въ разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ берега, у котораго было большое мелководье.

Въ эту ночь нѣсколько сотенъ Казаковъ на судахъ хотѣли было сдѣлать на насъ нападеніе, но, не попавъ на насъ, натолкнулись на Князя Мусала и стрѣльцовъ; когда же они, по множеству окликовъ и криковъ стрѣльцовъ, увидали, что найдутъ достаточное сопротивленіе себѣ, то отплыли назадъ, извиняясь, что искали Нѣмцевъ. Когда слухъ объ этомъ черезъ нѣсколькихъ, впередъ уплывшихъ, Казаковъ, утромъ достигъ до города, то произвелъ тамъ большое смятеніе. Горожане думали, что Мусалъ, Князь ихъ, находится еще въ схваткѣ съ Казаками, и предположеніе это еще болѣе усилилось въ нихъ отъ непривычныхъ для нихъ нашихъ залповъ изъ пушекъ, въ слѣдствіе которыхъ и мы сдѣлались для нихъ подозрительными; по этому, множество Русскихъ и Татаръ, вооруженныхъ—конныхъ, пѣшихъ и на лодкахъ высыпало на берегъ. Когда же они увидѣли, что Князь Мусалъ съ стрѣльцами приплылъ въ слѣдъ за нами и, проходя мимо нашего корабля, снялъ шапку, дружески раскланялся съ нами, прося навѣстить его въ домѣ его матери, и что, слѣдовательно, мы были пріятели съ нимъ, то между горожанами тотчасъ же настало великое ликованіе.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Глава XXI.

Путешествіе отъ Терки чрезъ великую степь до Астрахани.

2-го Іюня стали мы готовиться къ дальнѣйшему путешествію, и такъ какъ намъ предстояло проѣхать 70 миль, по пустынной, не населенной, степи, а безъ огромныхъ издержекъ нельзя было найти для этого верховыхъ лошадей столько, сколько намъ было нужно, то мы договорили Черкаскихъ возчиковъ, чтобы они везли и прислугу и кладь на повозкахъ; по 3 и по 4 человѣка на повозкѣ. За каждую такую повозку въ двѣ лошади, или съ однимъ верблюдомъ, отъ Терки до Астрахани, мы дали по 9 рейхсталлеровъ.

Въ наше сообщество присоединился караванъ купцовъ разныхъ народовъ: Персіянъ, Турокъ, Грековъ, Армянъ и Русскихъ, такъ что всѣхъ вмѣстѣ отправилось до 200 подводъ. По дальней дорогѣ насъ надѣлили продовольствіемъ весьма скуднымъ, именно: каждому дали черствыхъ черныхъ сухарей и другого заплесневѣлаго хлѣба и по половинѣ небольшаго, вяленаго и протухлаго, леща, безъ напитковъ; ибо Татары противились брать

наполненые боченки, кромѣ людей, для которыхъ они только и были наняты; Посланникъ же Бругманъ не хотѣлъ нанимать для этого ни одной особой подводы, такъ что мы не могли взять съ собою ни глотка воды. Но себя и нѣкоторыхъ приближенныхъ своихъ онъ достаточно снабдилъ на дорогу, какъ съѣстнымъ, такъ и добрыми напитками. Сначала мы не очень огорчались этѣмъ, полагая что какъ прежде, мы будемъ ежедневно находить по дорогѣ свѣжую воду; но оказалось, что мы очень ошиблись, какъ это далѣе увидимъ.

И такъ, 4 Іюня, послѣ обѣда, мы тронулись изъ Терки и вступили въ помянутую выше великую степь. Дорога шла не далеко отъ моря, и на ней, въ теченіи 11 дней, мы не видали ни города, ни селенія, ни дерева, ни холма, ни рѣки, кромѣ Кизляра, ни единой птицы, но вездѣ ровная настоящая степь, сухая, песчаная, тонкой травой поросшая почва, съ солеными морскими лужами. Мы проѣхали въ этотъ день только 4 мили. 5-го числа достигли до помянутой сейчасъ рѣки Кизляра, 6 Іюня 6 миль до одной лужи, выступившей изъ моря, этѣ первые три дня мы ѣхали большею частію на западъ-сѣверо-западъ, а слѣдующіе за тѣмъ три дня на сѣверъ; потомъ уже мы направлялись на сѣверо-востокъ и на востокъ-сѣверо-востокъ до Волги. 7 числа сдѣлали мы шесть миль по огромному болоту, по которому лошади везли съ великимъ трудомъ. Въ этотъ день, по причинѣ сильнаго зноя, мы терпѣли великую тягость; къ жару явилось еще множество комаровъ, мухъ и оводовъ, такъ что ни человѣкъ, ни животныя наши ни какъ почти не могли отъ нихъ отдѣлаться. Верблюды, не обладающіе такимъ удобствомъ, какъ лошади, отмахиваться отъ этѣхъ насѣкомыхъ, къ вечеру казались полуободранными отъ безчисленнаго множества шишекъ или опухолей, изъ которыхъ лилась кровь.

8-го Іюня, съ восходомъ солнца, отправились мы дальше, проѣхали до обѣда 4 мили, до одного песчанаго мѣста. Послѣ обѣда опять сдѣлали 4 мили, до одной соленой лужи. На дорогѣ одна изъ лошадей, принадлежавшихъ Татарамъ, истомилась; опасаясь, что она занеможетъ, Татары прирѣзали ее, раздѣлили между собою, и каждый повѣсилъ на задкѣ у своей повозки кусокъ этой конины; когда же мы остановились ночевать, то они разложили изъ хворосту и сухаго тростнику огонь, поджарили на немъ свою конину, и съѣли ее съ великимъ наслажденіемъ. Мнѣ они дали отвѣдать конины: на вкусъ она точно сухое жесткое мясо быка.

9-го числа сдѣлали мы 7 миль; до обѣда прибыли къ заливу, или къ выступу моря, а вечеромъ; остановились ночевать у гнилой, соленой лужи. Лужа эта доставила намъ отвратительное питье. Изъ такихъ лужъ вообще, а изъ этой въ особенности, воду пить иначе нельзя, какъ заткнувъ носъ, чтобы зловоніе ея не сдѣлало ее отвратительною для питья.

10-го числа опять проѣхали 7 миль до одного залива, поросшаго тростникомъ и вода въ которомъ, по близости отъ Волги нѣсколько слаще.

11-го числа сдѣлали опять 7 миль, до одной, хотя не соленой, но гнилой, лужи, образовавшейся отъ разлива Волги. Въ этотъ день, во время пути, мы увидѣли, съ западной отъ насъ стороны, 12 дикихъ свиней: нѣсколько Татарскихъ всадниковъ, ради потѣхи, погнались за ними, поворотили ихъ на насъ, ѣхавшихъ длиннымъ гусемъ одинъ за другимъ, и дикое стадо пробѣжало прямо передъ моей повозкой и исчезло въ сторону къ морю. Лошади наши испугались, понесли что есть мочи поперекъ поля, такъ что Врачъ и Гофмейстеръ, со всею ихъ кладью, вывалились изъ повозки въ разныхъ мѣстахъ; я же и Фонъ Ухтерицъ, сидѣвши въ передней части повозки, и видя, что безопасно выпрыгнуть было нельзя, удержались, хоть и не безъ немалаго страху, въ повозкѣ, пока лошади сами не остановились отъ изнеможенія, заѣхавши къ болоту.

12-го числа сдѣлали мы 8 миль и на дорогѣ нашли двухъ еще не оперившихся птицъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ близъ пути нашего; нѣкоторые изъ нашихъ полагали, что то были орлята. Видѣли также два озера, приближаясь къ которымъ мы ощущали пріятный запахъ фіялки.

13-го проѣхали далѣе 8 же миль, такъ что вечеромъ мы увидѣли уже городъ Астрахань.

14-го Іюня, сдѣлавъ 3 мили, радостные, что снова прибыли къ Астрахани, мы подъѣхали къ рѣкѣ Волгѣ. Сдѣсь всѣ люди наши, жаждавшіе давно желанной прѣсной воды, побѣжали къ рѣкѣ, припали къ водѣ и пили ее съ жадностію. Такимъ образомъ съ Божіею помощію, мы совершили это чрезвычайно тяжкое путешествіе черезъ степь. Тягость этого путешествія и слѣдовавшій за тѣмъ восторгъ при рѣкѣ Волгѣ, Павелъ Флемингъ описалъ въ слѣдующей своей одѣ, обращенной къ нашему Гартману Граману [1]).

Какъ только прибытіе наше сдѣлалось извѣстнымъ въ Астрахани, къ намъ тотчасъ же приплыло нѣсколько лодокъ, и съ ними нашъ управляющій продовольствіемъ, Іоаннъ Шумахеръ, который доставилъ намъ на берегъ два мѣшка хлѣба, конченаго мяса и языковъ, тонну пива и боченокъ водки: мы подкрѣпились и насладились всѣмъ этѣмъ вдоволь.

Мы оставались на берегу въ этотъ день, пока Воевода Астраханскій пріискалъ намъ удобныя помѣщенія.

На слѣдующій день насъ перевезли и помѣстили въ просторномъ новомъ амбарѣ (Ambara), или пакгаузѣ, лежавшемъ передъ городомъ на другомъ берегу. Хотя покои наши были удобны, но ночью мы страшно терпѣли отъ множества блохъ и комаровъ. Въ особомъ амбарѣ мы нашли вдоволь всякаго продовольствія, которое нашъ Повѣренный въ Москвѣ Давидъ Рюцъ (Rutz), полгода назадъ доставилъ намъ сюда.

---

[1]) Подлин. ст. 747. Перев.

Не за долго до отъѣзда нашего пришли къ намъ стрѣльцы и привели на продажу десятилѣтнюю дѣвочку, которую увели они у одного учителя изъ Перекопскихъ Татаръ, изъ подъ Азова (городъ этотъ лежитъ у устья Дона), при Азовскомъ морѣ, и 1-го Августа того года взятъ былъ Казаками у Турокъ, послѣ жестокаго кровопролитія [3]). Вскорѣ за тѣмъ пришли еще два стрѣльца, и привели другую дѣвочку 7-ми лѣтъ, которую они украли изъ стоявшей подъ Астраханью Нагайской Орды, ночью, когда она спала возлѣ своей бабушки. Этого ребенка они принесли въ мѣшкѣ совершенно голаго, по тому что она передъ похищеніемъ только что вышла изъ купанья, и стрѣльцы вытряхнули дѣвочку изъ мѣшка передъ покупщиками, словно поросенка. Родители этой дѣвочки, по обычаю Татаръ, замѣтили ее, именно двумя синими точками, величиною съ мышиный горошекъ, сдѣланныхъ на щекахъ, для того, чтобы, въ случаѣ похищенія ея и продажи, если бъ она отыскивалась, можно было признать ее. Посланникъ Бругманъ заявилъ себя при этомъ похвально; ибо видя, что покупкою дѣтей выкупались и дѣтскія души, и имъ открывался путь ко спасенію наставленіемъ ихъ въ Христіанской Вѣрѣ и крещеніемъ во Христа, онъ охотно взялъ дѣвочекъ, заплативъ за Перекопскую дѣвочку 25, а за Нагайскую 15 рейхсталеровъ, вывезъ ихъ потихоньку изъ Астрахани и вручилъ ихъ Ея Княжеской Свѣтлости, супругѣ милостивѣйшаго Князя нашего и Государя, которая поручила тѣхъ дѣвочекъ, для наставленія ихъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, Богопочтеніи, добродѣтели и искуствѣ разныхъ ручныхъ работъ, своей любимой придворной, у которой онѣ въ короткое время успѣли такъ много, что при крещеніи, 19-го Мая, 1642 года, совершенномъ торжественно, въ присутствіи многихъ Княжескихъ особъ и другихъ знатныхъ лицъ, и при высокихъ воспріемникахъ ихъ, не только показали знаніе Лютерова Катихизиса, но къ удивленію многихъ, могли давать отчетливые отвѣты и на многіе другіе вопросы, касавшіеся Христіанства. Перекопская дѣвица, называвшаяся прежде Танной (Tanna), переименована въ крещеніи Анной-Маріей, а Нагайская, бывшая по имени Тауби (Taubi), наречена Софіей-Елисаветой, обѣ по именамъ Ея Княжеской Свѣтлости, Маріи Елисаветы.

Замѣчательно также, что бывшій въ это время въ Астрахани, нашъ Татарскій и Турецкій переводчикъ, Мартынъ Альбрехтъ, который родомъ былъ изъ Татаръ и въ дѣтствѣ также былъ увезенъ, проданъ въ Москву и окрещенъ тамъ, узнанъ былъ сдѣсь своимъ отцомъ и пріятелями, которые хотѣли его выкупить, но онъ не захотѣлъ уже вернуться къ нимъ, говоря: „Принявъ однажды истинную, Христіанскую Вѣру, онъ хочетъ и далѣе жить и умереть въ ней, а по тому добровольно отказывается отъ своихъ родителей, хотя онъ и любитъ ихъ. Послѣ этого онъ даже и не отлучался далеко отъ Посольства, изъ опасенія, чтобы родители насильно

[3]) Азовъ взятъ былъ Донцами во второй половинѣ Іюня, 1637 года, а возвращенъ, по именному Указу Царя, въ Апрѣлѣ, 1642 года. О. Б.

не похитили его. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 26, кроткій и весьма услужливый для всѣхъ.

Персидскій Посолъ также купилъ сдѣсь въ жены себѣ дѣвицу изъ Нагайскихъ Татарокъ, и у ея собственнаго же брата, у одного, находившагося въ плѣну, Мирзы. Посолъ далъ за нее 120 талеровъ чистыми деньгами и лошадь, стоившую 10 талеровъ, хотя посолъ имѣлъ около 70 лѣтъ, но былъ еще довольно крѣпокъ и въ силахъ.

Глава XXIII.

Путешествіе отъ Астрахани до Москвы и что въ немъ случилось.

7-го Сентября мы поднялись изъ Астрахани и пустились опять по Волгѣ. Посланники раздѣлили между собою сопутствовавшихъ и взяли себѣ каждый по баркѣ. Въ тотъ день мы пріостановились въ полумили отъ города и ожидали тамъ Султана. Когда на слѣдующій день онъ прибылъ къ намъ съ тремя барками, мы привѣтствовали его выстрѣлами и поплыли далѣе вмѣстѣ съ нимъ. 10-го числа мы миновали островъ Бузанъ (Busan), около котораго Крымскіе и Перекопскіе Татары переплываютъ Волгу вплавь, такъ какъ сдѣсь она очень узка. Чтобъ воспрепятствовать такому легкому сообщенію ихъ, Русскіе держатъ сдѣсь, на восточной сторонѣ рѣки караулъ или стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Нѣсколько изъ этѣхъ стрѣльцовъ явились къ намъ и просили хлѣба: имъ дали мѣшокъ сухарей.

15-го Сентября мы прибыли къ Черноярy (Tzornogar [1]) и такъ какъ городокъ этотъ построенъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ, то его называютъ также Михайловъ Новгородъ; онъ отстоитъ въ 300 верстахъ или 60 миляхъ отъ Астрахани. Воевода этого городка прислалъ Посланникамъ письмо на Латинскомъ языкѣ, оставленное ему Алексѣемъ Савиновичемъ; въ письмѣ этомъ Воевода просилъ выйти на берегъ и посѣтить его; онъ же по лестному заявленію Алексѣя, готовъ доставить намъ возможныя удовольствія. Не желая терять времени, мы отклонили это приглашеніе и не вышли на берегъ.

24-го Сентября мы достигли города Царицы (Sariza [2]), отстоящаго въ 200 верстахъ отъ предыдущаго. 29-го Сентября, въ день Св. Михаила, мы имѣли добрый вѣтеръ и проплыли противъ теченія 40 верстъ. Нѣкоторые Русскіе приписывали это дню именинъ Великаго Князя Михаила [3]).

[1]) Черному Яру. [2]) Царицына. [3]) По Католическому и Протестантскому Календарямъ въ сей день Архангела Михаила. О. Б.

Стрюйсъ.

Біографическія свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашей литературѣ о голландцѣ Іоганѣ Стрюйсѣ, посѣтившемъ въ XVII в., между прочимъ, и астраханскій край, очень ограничены. Jans Janszoon (Иванъ Ивановичъ) Strauss, по профессіи парусный мастеръ, родился въ Амстердамѣ въ бѣдной семьѣ; былъ женатъ, умеръ въ Даніи въ 1694 г.—вотъ тѣ немногія данныя, которыя мы находимъ у П. О. Юрченко въ предисловіи къ его статьѣ „Путешествіе по Россіи голландца Стрюйса“, помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1880 г. т. I. Знаніе корабельнаго дѣла дало Стрюйсу возможность удовлетворить свою страсть къ путешествіямъ и посѣтить многія отдаленныя и малоизвѣстныя страны. Стрюйсъ совершилъ такимъ образомъ три путешествія. Въ первое (1647—1651) онъ побывалъ въ Индіи и другихъ странахъ Азіи, а также на островѣ Мадагаскарѣ, во второе (1655—1657) въ Италіи и на Архипелагѣ и наконецъ въ 1668 г. отправился въ Московское государство и въ эту поѣздку ему пришлось посѣтить Астрахань, гдѣ онъ прожилъ съ 1 сентября 1669 г. по 9 или 12 іюня 1670 г. Обстоятельства, вызвавшія его поѣздку въ Россію, были слѣдующія. Московское правительство желало завязать непосредственныя торговыя сношенія съ Средней Азіей и Персіею, а также воспользоваться всѣми выгодами транзитной торговли, находившейся въ рукахъ иноземцевъ. Въ этихъ видахъ, въ 1667 году, при посредствѣ армянина Григорія Усикова, былъ заключенъ договоръ съ Персіею, по которому персидскіе купцы обязались доставлять шелкъ только въ Россію съ платежемъ пошлины по пяти денегъ съ рубля, получивъ право торговать въ Астрахани, Москвѣ, Архангельскѣ и ѣздить за границу. А чтобы обезопасить торговый путь по р. Волгѣ и Каспійскому морю отъ „воровства“ казаковъ и разныхъ инородцевъ, рѣшено было построить пригодныя для морскаго плаванія суда и послать въ Каспійское море пробную экспедицію, для чего были приглашены изъ Голландіи капитанъ, штурманы и другіе спеціалисты морскаго дѣла. Въ числѣ приглашенныхъ для этой цѣли 11 голландцевъ находились капитанъ Давидъ Бутлеръ и парусный мастеръ Іоганъ Стрюйсъ. За отсутствіемъ опытныхъ русскихъ рабочихъ былъ выстроенъ пока только одинъ корабль (въ с. Дѣдиновѣ), названный по приказанію царя Алексѣя Михайловича „Орломъ“, который весною 1669 г. и тронулся въ путь по р.р. Окѣ и Волгѣ къ Астрахани. Записки, составленныя Стрюйсомъ, впервые были изданы на голландскомъ языкѣ въ Амстердамѣ въ 1676 г. подъ заглавіемъ „Drie aanmerkelyke en seer rampspoedige Reizen door Italien, Grieckenlandt, Moscovien, Tartaryen, Meden, Persien etc.-Aangevangen, anno 1647 t' Haus gekommen 1673 an. Iohan Struys“. Выдержавъ много изданій на иностранныхъ языкахъ, на русскій языкъ записки эти были переведены впервые по порученію Петра I, но не вполнѣ. Сохранившійся отрывокъ помѣщенъ въ „Др. Рос. Виѳліоѳикѣ“ изд. 2, ч. 3. Переводъ П. О. Юрченки, сдѣланъ съ ліонскаго изданія путешествій Стрюйса: „Les voyages de Jean Struis, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs pais étrangers..... Lyon 1682 г. и заключаетъ въ себѣ только части, касающіяся Россіи. Въ ниже помѣщаемыхъ выдержкахъ взяты части главъ 9-й и 11-й и главы 12, 13, 14, 15 и 16-я, копія съ письма неизвѣстнаго лица съ корабля „Орелъ“ и копія письма Давида Бутлера; словомъ все, что имѣетъ то или другое отношеніе къ астраханскому краю.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РОССІИ ГОЛЛАНДЦА СТРЮЙСА.

Глава IX.

. . . . . .

21-го Іюня 1669 г. мы спустились по рѣкѣ Волгѣ, которая беретъ начало въ Тверской области; пройдя черезъ нее съ Запада на Востокъ до самаго Казанскаго царства, она заворачиваетъ на Югъ и, пройдя черезъ царства Болгарское и Астраханское, раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ самый западный орошаетъ столицу Астраханскаго царства, образуя нѣсколько острововъ предъ впаденіемъ нѣсколькими рукавами въ

Каспійское море. Малыя рѣки и ручьи, которые она принимаетъ въ себя, протекая съ Сѣвера, поднимаютъ уровень воды въ ней, или понижаютъ пропорціонально числу ихъ. Впрочемъ обыкновенно въ Іюнѣ вода замѣтно прибываетъ, а къ концу Іюля вдругъ понижается во многихъ мѣстахъ до весьма незначительной глубины. Въ мѣстѣ своего впаденія она вездѣ имѣетъ достаточно глубины, такъ что можно подплыть ко многимъ островамъ, которые она омываетъ. Ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе полумили. Въ двухъ мѣстахъ на ней есть водовороты, проѣзжать которые небезопасно. Въ ней ловится всякаго рода рыба, берега же покрыты многими селами и городами. Но плавать по ней можно не вездѣ и не во всякое время, такъ какъ Донскіе казаки обыкновенно разъѣзжаютъ по ней въ мирное время и грабятъ попадающіяся имъ на встрѣчу суда [99]).

Глава XI.

Отъѣздъ изъ Казани.—О способѣ Москвитянъ удить рыбу.—Городъ, разрушенный Тамерланомъ.—Судно, выброшенное на мель. Скучное плаваніе.—Городъ, выстроенный противъ воровъ. Развалины послѣ опустошенія, произведеннаго Тамерланомъ.—Большое количество локрицы въ окрестностяхъ Астрахани.—Начало страны Калмыковъ.

. . . . . .

14-го Августа 1669 года бросили якорь въ Саратовѣ. Это небольшой городъ, расположенный въ равнинѣ, орошаемой однимъ изъ рукавовъ рѣки Волги. Сосѣдство казаковъ, Татаръ, именно Калмыковъ заставляетъ содержать въ немъ сильной гарнизонъ. Въ этомъ мѣстѣ начинаютъ встрѣчаться Калмыки, которые, на мой взглядъ, безобразнѣе и страшнѣе всѣхъ людей. Почти, у всѣхъ лицо въ квадратный футъ, носъ пропорціонально лицу широкій, но такъ мало выдается и выдѣляется среди щекъ, что въ десяти

[99]) Если только въ описаніи Волги, приводимомъ по Нѣмецкому переводу г. А. Поповымъ, не вкрались случайныя ошибки, то въ промежутокъ времени, отъ 1678 года (когда былъ изданъ Нѣмецкій переводъ) до 1682 года, много сдѣлано было для ближайшаго знакомства съ восточной Россіей; это же различіе подаетъ поводъ судить о томъ, что въ XVII вѣкѣ Французы знали Волгу лучше, нежели Голландцы (переводъ Нѣмецкій былъ изданъ въ Амстердамѣ) или Нѣмцы. Г. А. Поповъ сообщаетъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ Стрюйсъ разказываетъ о томъ, что Волга вытекаетъ у Новой земли, близъ Вюйгача, проходитъ мимо Ярославля и Твери. Предлагаемъ для сравненія съ нашимъ переводомъ съ Французскаго переводъ г. А. Попова съ Нѣмецкаго (о построеніи к. О. с. 14): „Въ Волгѣ вода повышается съ Мая и въ Іюнѣ, и быстро падаетъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, такъ что образуются острова и отмели, чрезъ которыя въ послѣдствіи смѣло могутъ проходить суда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волга имѣетъ до полумили широты (ширины) и два водоворота, весьма опасныхъ по быстрому паденію воды. Съ Нижняго до Казани она течетъ на Юговостокъ; отъ Казани до Астрахани болѣе къ Югу. По берегамъ находятся хорошія деревни и пажити и нѣсколько городовъ. Въ мирное время даже не всегда безопасенъ проѣздъ по Волгѣ отъ Донскихъ казаковъ, которые часто нападаютъ на проходящія по Волгѣ суда“.

шагахъ можно побожиться, что у нихъ нѣтъ его вовсе. Ротъ и глаза чрезвычайно велики, а всѣ черты необыкновенно безобразны. Волосы у нихъ выбриты, кромѣ одной космы, которая развѣвается на головѣ. Что касается ихъ одежды, то она такова, какъ на картинкѣ, гдѣ изображенъ Татаринъ изъ страны Черкесовъ Circassie, что увидимъ на своемъ мѣстѣ. Они почти всегда верхомъ, а другаго оружія, кромѣ луку съ стрѣлами, не употребляютъ. Калмыки съ Ногайцами почти всегда ведутъ войну и занимаются почти тѣмъ, что крадутъ другъ у друга не только скотъ, но и людей, которыхъ еженедѣльно отправляютъ продавать на рынкахъ въ Астрахани. Хотя оба эти племени подчинены Московскому царю, но исповѣдуютъ Исламъ и не могутъ собираться съ Русскими въ одномъ и томъ же мѣстѣ для отправленія своего богослуженія. У нихъ нѣтъ постояннаго мѣстопребыванія, а постоявъ (какъ бы) лагеремъ на одномъ мѣстѣ, они отправляются на другое, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока удобства мѣста дозволяютъ имъ это. У нихъ водятся лошади, верблюды, дромадеры, волы, коровы и прочій скотъ, но они предпочитаютъ лошадиное мясо (всякому другому). Все приготовленіе послѣдняго состоитъ въ томъ, что кладутъ его подъ сѣдло. Здѣсь, смягчивъ его посредствомъ теплоты лошади, снимаютъ и ѣдятъ, какъ лучшее кушанье.

15-го прошли межъ двухъ острововъ: Кріусны, Kriusua, и Сапуновки [144]) Sapounofca [145]), близь золотой горы, которую мѣстные жители называютъ Золотогоры [146]), Salottogori [147]). Татары назвали ее такъ съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтили здѣсь караванъ, богатства котораго были такъ велики, что получившій самую малую часть добычи принесъ оттуда полную шапку золота.

16-го оставили мы съ лѣвой стороны рѣку Ерусланъ [148]), Ruslan [149]), а на правой гору Ураковскую [150]), Uracofscarul [151]), названную по имени царевича, prince, Урака, Urac. Рѣка эта впадаетъ въ Донъ или Танаисъ, вытекающій изъ большаго озера Иванова, въ Епифановскомъ лѣсу, близъ Рязани, и течетъ весьма извилисто съ Востока на Западъ, потомъ поворачиваетъ отъ мѣста своего источника, течетъ все извилинами и впадаетъ въ Азовское море или море Сивашъ [152]), mer de Zabacffe. Здѣсь-то и получили начало казаки, среди которыхъ родился Стенька Разинъ, прославившійся своими жестокостями.

[144]) Село Сосновка? Оно лежитъ на 842 версты отъ Астрахани. Судоход. дорожникъ, 1854, с. 57.

[145]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Sapoanafka. Г. А. Поповъ, О н. к. О.; с. 18.

[146]) Село Золотое въ 774 в. отъ Астрахани. Тамъ-же.

[147]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Solottogori.

[148]) Стрюйсъ смѣшалъ двѣ рѣки Камышину и Ерусланъ, недалеко впрочемъ текущія одна отъ другой. А. Поповъ, с. 18.

[149]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Ruslanes.

[150]) Въ 686 верстахъ отъ Астрахани (сѣвернѣе Камышина) впадаетъ въ Волгу Ураковка.

[151]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Urakofs Karal.

[152]) Извѣстный заливъ Азовскаго моря, который и Татарами называется Сивашъ, т. е. Гнилое море.

При устьѣ рѣки Еруслана видѣлъ городъ Камышинъ [153]). Москвитяне построили его въ 1668 году [154]) для того, чтобы пресѣчь путь казакамъ, которые проходя по Еруслану (т. е. Камышинкѣ) для того чтобы попасть на Волгу, грабили все, что попадалось тамъ. Но, не смотря на эту предосторожность, хотя они не входятъ въ эту рѣку такъ легко, какъ прежде, все-таки продолжаютъ плавать, переправляя лодки на четырехколесныхъ повозкахъ чрезъ пространство отъ шести до семи миль. Въ концѣ этого разстоянія находятъ возможность объѣзжать вокругъ острововъ, лежащихъ вдоль Волги.

17-го дурная погода принудила насъ простоять на якорѣ до слѣдующаго дня. Въ этотъ день мы отправились въ Царицынъ, Szaritza, или Царицу, Impératrice, который расположенъ на правой сторонѣ одного холма. Этотъ городъ не великъ, но хорошо укрѣпленъ; обнесенъ крѣпкими стѣнами съ башнями и бастіонами; въ немъ сдѣлано все, чтобы мѣшать нападенію Татаръ и казаковъ.

19-го прошли возлѣ развалинъ города Царева, Czarefgorod [155]) или царскаго города, разрушеннаго Тамерланомъ во время войны, о которой говорено выше. Онъ былъ выстроенъ изъ твердаго камня, остатки котораго встрѣчаются до сихъ поръ, но большая часть его была перевезена въ Астрахань и послужила для ее построекъ.

20-го, пройдя благополучно нѣсколько камней, мы сѣли на мель, на которой, казалось, останемся, но сошли съ нея благодаря трехъ-часовой работѣ. Отсюда до Астрахани мы видѣли (на берегахъ) только локрицу, такъ какъ прилегающее къ Каспійскому морю пространство, les environs, покрыто только безплоднымъ пескомъ, на которомъ было бы безполезно что нибудь сѣять.

21-го мы были на островѣ Везовой [156]) Vvesauvoy [157]). Онъ прилегаетъ къ правому берегу Волги и выше другихъ. Отсюда достигли Чернаго Яра или Черноярa, Tzornogar ou Tzornojar, маленькаго городка, стѣны котораго выстроены по здѣшнему обычаю, т. е., изъ толстыхъ досокъ. Въ длину имѣетъ онъ съ четверть мили, а гарнизонъ въ немъ такъ силенъ, что воины составляютъ половину населенія. Окрестности его ровныя, и на далекомъ пространствѣ не видно ни лѣса, ни горъ. Дерзость казаковъ грабившихъ и убивавшихъ всѣхъ, кто проплывалъ здѣсь, побудила Царя построить этотъ городъ. Самое смѣлое нападеніе было произведено ими на хорошо прикрытый караванъ Москвитянъ. Замѣтивъ его, четыреста каза-

[153]) Къ сѣверу отъ города протекаетъ рѣка Камышинка.

[154]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ прибавлено, судя по передачѣ А. Попова, „и укрѣпленъ Англичаниномъ Томасомъ Белли“. Ср. с. 17.

[155]) Т. е. Сарая.

[156]) А. Поповъ спрашиваетъ: не тотъ ли, который извѣстенъ теперь подъ именемъ Ветлянскаго (ветла, вязь). С. 18.

[157]) Въ Нѣмецкомъ переводѣ—Wesawoy. А. Поповъ, с. 18.

ковъ, въ засадѣ скрывшись, сидѣли, пока проходили лодки съ конвоемъ, потомъ бросились (на караванъ), ограбили и побили большую часть людей. Крики несчастныхъ достигли до лодокъ съ конвоемъ, и сіи послѣднія повернули къ нимъ; но такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ очень быстра, то казаки успѣли нагрузить добычу и вскочить опять на коней, прежде нежели тѣ въ состояніи были помѣшать имъ. Немного дальше встрѣтили мы Персидскаго посланника, ѣхавшаго въ Москву.

Мы привѣтствовали его нѣсколькими пушечными выстрѣлами, а самъ онъ всходилъ на наше судно поблагодарить насъ.

22-го мы оставили на лѣвой сторонѣ гору Полувнъ [158]), Polouvn, и бросили якорь въ Киціарѣ [159]), Kitziar.

23-го очень рано были въ виду Астрахани.

24-го привѣтствовали ее изъ всѣхъ орудій и до конца мѣсяца оставались нѣсколько вдали.

1-го Сентября мы приблизились къ ней и сошли на берегъ съ тою радостью, которую испытываешь, прибывъ въ желанный портъ.

Глава XII.

Описаніе города Астрахани, его жителей и управленія. Описаніе Ногайскихъ Татаръ, ихъ нравовъ и обычаевъ.

(Сентябрь 1669 г.).

Городъ Астрахань расположенъ на островѣ Долгомъ [160]) Delgoi, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи и составляющемъ часть области Ногайскихъ Татаръ. Городъ лежитъ подъ 46° и 22ı и на разстояніи около 50 миль отъ Каспійскаго моря. Стѣны его построены изъ хорошаго камня; на нихъ стоитъ постоянно около 500 чугунныхъ орудій, а въ городѣ помѣщается очень сильный гарнизонъ, безъ чего трудно было бы обуздать Татаръ и казаковъ. Издали онъ красивѣе, нежели вблизи, потому что въ немъ много башенъ и колоколенъ. Объ его торговлѣ можно сказать, что она очень велика: не только Бухарцы, Черемисы, Ногайцы, Калмыки и другіе Татары, но даже Персіяне, Армяне и Индусы способствуютъ ея процвѣтанію. Индусы прибываютъ сюда по Каспійскому морю, на грузовыхъ судахъ въ 80 тоннъ. У нихъ нѣтъ большихъ кораблей, потому что они не обладаютъ искусствомъ Европейцевъ плавать при боковомъ и даже подъ четырьмя румбами, à demi, et même à un quart de vent. При неблагопріятномъ вѣтрѣ они сбиваются

[158]) Въ описаніи плаванія корабля Орла, составленномъ г. А. Поповымъ на основаніи Нѣмецкаго перевода, названія этой горы не встрѣчается.

[159]) По предложенію г. А. Попова Чичаръ. См. с. 18, пр. 2.

[160]) Болдинскій протокъ и рѣка Кривуша окружали Астрахань (Костомаровъ, въ Истор. М., II., 301).

съ пути. Главную отрасль торговли въ Астрахани составляетъ шелкъ изъ Персіи и другихъ мѣстъ.

Этотъ городъ принадлежалъ прежде Ногайскимъ Татарамъ, которые подчинялись хану. Послѣдній съ Черемисами и Казанскими Татарами заключилъ оборонительный и наступательный союзъ, который погубилъ и тѣхъ и другихъ. Въ договорѣ было сказано, что ни какой доводъ не могъ освободить союзниковъ отъ участія со всѣми силами въ случаѣ нападенія на нихъ какого нибудь иностраннаго государства. Жители-казаки, стѣсненные войсками (Московскаго) царя (Іоанна) Васильевича, прибѣгли къ Ногайцамъ, которые чистосердечно помогли имъ, но помощь ихъ не помѣшала Москвитянамъ овладѣть ихъ страною. Такъ какъ взятіе Казани открыло путь, то побѣдитель подступилъ къ Астрахани, которою овладѣлъ также легко, и выгналъ изъ нея Татаръ. Тогда городъ не былъ такъ красивъ и великъ, какъ въ настоящее время; на цѣлую треть онъ былъ разширенъ покойнымъ царемъ [161]), который назначилъ эту часть города для гарнизона, почему она и называется Стрѣлецкимъ городомъ, Streletzki gorod, или городомъ воиновъ. Послѣ его смерти онъ еще увеличился, такъ что въ настоящее время какъ по величинѣ такъ и по красотѣ онъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ въ Московіи. Государь получаетъ съ него большіе доходы, вслѣдствіе постояннаго ввоза и вывоза различныхъ товаровъ, обложенныхъ большою пошлиною. Климатъ (здѣсь) умѣренный, а почва довольно плодородная; она производитъ: лимоны, яблоки, груши, вишни и другіе вкусные плоды. Въ 1613 году нѣкій Персидскій купецъ вздумалъ привезти туда нѣсколько кустовъ винограду, которые подарилъ одному Нѣмецкому монаху, постоянно жившему въ Московскомъ Государствѣ. Послѣдній, владѣя за городомъ обширнымъ огороженнымъ мѣстомъ, посадилъ ихъ съ такимъ успѣхомъ, что нѣсколько лѣтъ спустя получалъ столько вина, что ежегодно посылалъ царю 200 бочекъ вина и болѣе 50 водки.

Ногайскіе Татары хотя туземные жители страны, не имѣютъ права жить въ чертѣ города; имъ позволяютъ только строить жалкія хижины въ окрестностяхъ, гдѣ они очень долго подвергались обидамъ воровъ. Большіе убытки, которые причиняли имъ сіи послѣдніе, заставили ихъ подать челобитную царю, отъ котораго получили позволеніе огораживать кольями свои хижины, вслѣдствіе чего они подвергаются нынѣ меньшей опасности, нежелипрежде. Хижины ихъ круглыя и имѣютъ обыкновенно десять футовъ въ поперечникѣ; онѣ построены изъ одной древесной коры, или ихъ переплетаютъ камышемъ и покрываютъ грубымъ войлокомъ. Крыша имѣетъ отверстіе въ родѣ отдушника, замѣняющаго печную трубу; когда имъ холодно, они разводятъ подъ

[161]) Т. е. Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго въ другомъ мѣстѣ Стрюйсъ называетъ недавно умершимъ потому, что сочиненіе его было написано вскорѣ послѣ смерти царя (1676 г.), и издано въ первый разъ въ 1677 году подъ заглавіемъ: Vogagien door Moscovien, Tartarien, Oost-Indien Amserdam.

нимъ огонь собраннымъ хворостомъ и высушеннымъ воловьимъ пометомъ [162]). Когда же дымъ разсѣется, закрываютъ отверстіе кускомъ войлока, чтобы помѣшать теплотѣ уходить; потомъ располагаются вокругъ пепла, какъ ни попало, и часто въ немъ самомъ, не заботясь ни объ удобствѣ, ни о чистотѣ. Когда же холодъ черезъ чуръ силенъ, они обкладываютъ войлокомъ свои жалкія жилища, въ которыхъ образъ жизни и привычки ихъ ничѣмъ не отличаются отъ образа жизни и привычекъ животныхъ. Плодородная почва производитъ замѣчательную дешевизну всѣхъ съѣстныхъ припасовъ: можно за копѣйку купить двѣнадцать прекрасныхъ дынь. Другія произведенія дешевы въ томъ же размѣрѣ. За такую же цѣну вы имѣете карпа вѣсомъ въ 30 фунтовъ и 25 сельдей жирнѣе и лучше, нежели, въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ. Окуни, лини, щуки и судакъ, sandia, рыба въ родѣ мерлана, ловится здѣсь тоже въ большомъ изобиліи. Говядина и баранина здѣсь превосходныя, между тѣмъ стоятъ ліардъ [163]) за фунтъ. Что касается дичи, то она здѣсь очень дешева, въ особенности извѣстные дикіе гуси и большія красныя утки, которыми кишатъ сосѣдніе острова и которыхъ ловятъ посредствомъ соколовъ и голубятниковъ, такъ хорошо выученныхъ этому, что ежедневно добывается очень много дичи. Такъ какъ въ лѣсахъ много кабановъ, которыхъ Татары, убивающіе ихъ, не ѣдятъ, по магометанству, то можно купить ихъ тоже очень дешево, какъ вообще всѣ съѣстные припасы. Не смотря на все это, Москвитяне не охотно живутъ въ Астрахани. Какъ бы ни были хороши кушанья, которыя имъ даешь, хотя бы они получали ихъ за даромъ, но если при этомъ нѣтъ водки, то имъ постоянно кажется, что съ ними дурно обращаются. Напитокъ же этотъ такъ рѣдокъ въ этомъ городѣ, что почти вовсе нѣтъ его, а потому онъ очень дорогъ, между тѣмъ какъ онъ нуженъ былъ Москвитянамъ нашего экипажа, которые постоянно жалѣли о Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ они покупали водки на 25 су гораздо болѣе, нежели въ Астрахани на 25 франковъ. На западномъ берегу Волги простирается степь очень обширная, но невоздѣланная и необитаемая.

Эта степь производитъ большое количество соли, которая скопляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ слоевъ хрусталя. Каждому дозволяется брать ее, уплачивая царю $2^1/_2$ копѣйки за 80 фунтовъ. Эта степь снабжаетъ солью все протяженіе береговъ Волги. Тамъ же растетъ баранецъ, boranez ou bornitsch [164]), о которомъ мы уже говорили. Этотъ превосходный плодъ похожъ на ягненка, съ ногами, головою и хвостомъ, ясно обо-

[162]) Точнѣе кизякомъ, какъ называютъ и теперь еще это топливо въ степной части Крыма. Лучшее описаніе кибитокъ представлено Бопланомъ въ его сочиненіи Descriptien d'Ukranie Lyon. 1660.

[1631]) Маленькая мѣдная монета равная 3 динаріямъ, а послѣдній равенъ $^1/_{12}$ су, слѣдовательно ліардъ соотвѣтствуетъ $^1/_4$ су

[164]) Въ другомъ мѣстѣ Стрюйсъ пишетъ, если только это не ошибка переводчика, bonazet. О баранцѣ писали Гербершейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Рейтенфельсъ, а раньше Барберини. Ср. др. и Нов. Россія, 1875 г., № 12, с. 331—332.

значенными, почему и получилъ названіе барашка, что по-русски: значитъ маленькій ягненокъ. Его кожа покрыта пухомъ очень бѣлымъ и такимъ тонкимъ, какъ шелкъ. Татары и Русскіе очень любятъ ее, и въ большинствѣ заботливо сохраняютъ его въ домахъ, гдѣ я много ея видѣлъ. Я невольно обратилъ особенное вниманіе на то, что этотъ плодъ я видѣлъ среди рѣдкостей знаменитаго Сваммердама [165]), кабинетъ котораго изобилуетъ всѣмъ, что есть рѣдкаго въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; въ немъ каждый иностранецъ, пріѣзжающій въ Амстердамъ, какъ бы ни былъ взыскателенъ, находитъ чѣмъ полюбоваться. Это растеніе далъ ему матросъ, который, найдя его въ лѣсу, снялъ съ него кожу, изъ которой сшилъ себѣ камзолъ. Въ Астрахани я узналъ отъ тѣхъ, которые знали его лучше, что онъ растетъ на стволѣ, вышиною около трехъ футовъ [166]). Мѣсто, гдѣ онъ прикрѣпляется, представляетъ родъ гузки,de nombril; (утверждаютъ), будто бы онъ поворачивается и нагибается къ травамъ, служащимъ ему пищей, засыхаетъ, вянетъ какъ только недостаетъ ему этихъ травъ. На это я возразилъ, что хилость его могла происходить отъ того, что растеніямъ въ извѣстное время свойственно увядать. Мнѣ возразили, что прежде чѣмъ произвести нѣсколько опытовъ, доказавшихъ противное, думали подобно мнѣ. Такъ напримѣръ, срѣзывали, или портили вокругъ него траву, послѣ чего увѣряли меня, что оно чахло и мало-по-малу погибало. При этомъ прибавляли, что волки любятъ его и съ жадностію глотаютъ, потому что оно походитъ на ягненка; что оно дѣйствительно имѣетъ кости, кровь и мясо, почему и называютъ его зоофитомъ, zoophite, животно-растительнымъ, да и еще много другаго разсказывали), что кажется мало вѣроятнымъ тому, кто его не видѣлъ.

Ногайскіе Татары и Черемисы обладаютъ сильнымъ тѣлосложеніемъ и хорошимъ здоровьемъ. У мужчинъ глаза впалые и очень малые, лицо чрезвычайно широкое и смуглое; голову брѣютъ; на бородѣ растутъ весьма рѣдкіе волосы, отчего лицо у нихъ непріятное. Но какъ они ни отвратительны, все таки они ангелы въ сравненіи съ калмыками, въ наружности которыхъ что-то страшное. Одежда первыхъ состоитъ изъ полукафтанья и грубой сѣрой ткани, подъ которую они надѣваютъ полушубокъ, изъ бараньей шкуры, шерстью наружу; шапки шьются изъ того же. Женщины одѣваются въ длинныя платья изъ толстаго полотна, а на головѣ носятъ шапку, очень похожую на каску. Вмѣсто серегъ носятъ копейки, мелкія монеты, ходящія только въ Московскомъ государствѣ. У этихъ народовъ существуетъ обычай посвящать Богу нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей еще до рожденія. Мальчики

[165]) Suvammerdam, правильнѣе Swammerdam, Голландскій естествоиспытатель (1637—1680). занимался преимущественно анатоміей; изобрѣлъ термометръ для измѣренія теплоты крови у животныхъ и пр. Д. Enc. par Grégoire P. 1871.

[166]) Нужно замѣтить, что Стрюйсъ видѣлъ только шкурки фантастическаго животнаго. П. Ю.

Должно быть надъ Стрюйсомъ кто либо пошутилъ, на что Русскіе большіе мастера. Ред.

семи или восьми лѣтъ посвященные такимъ образомъ, носятъ серьги съ рубинами или бирюзою, а дѣвочки носятъ ихъ въ правой ноздрѣ. Въ продолженіи лѣта Ногайскіе Татары, какъ и калмыки, стоятъ (какъ бы) лагеремъ и снимаются (съ него) по мѣрѣ надобности въ съѣстныхъ припасахъ и подножномъ кормѣ. Для переноски домашней утвари они употребляютъ верблюдовъ, а кибитки, huts, ставятъ на большія повозки, нарочно для этого устроенныя. Такъ переходятъ они всю жизнь съ мѣста на мѣсто, ни когда не имѣя постояннаго жилища. Зимою приближаются они къ Астрахани, вокругъ которой каждое семейство располагается на извѣстномъ разстояніи, такъ чтобы, въ случаѣ тревоги, быть въ состояніи помогать другъ другу. Калмыки, ихъ непримиримые враги, не оставляютъ ихъ въ покоѣ, въ особенности когда Волга замерзаетъ и представляетъ удобный входъ въ ихъ станъ. Чтобы отражать обиды, наносимыя имъ, Астраханское управленіе, покровительствующее имъ даетъ имъ на каждую зиму оружіе, которое лѣтомъ отбираетъ, опасаясь оставлять его у нихъ, чтобы они невоспользовались случаемъ и не употребили бы его противъ своихъ благодѣтелей. Имъ такъ мало довѣряютъ, что даже пока у нихъ есть оружіе, одинъ изъ мурзъ или князей, которые отъ времени до времени смѣняютъ другъ друга, долженъ оставаться заложникомъ во дворцѣ. Охота, рыбная ловля и присмотръ за скотомъ составляютъ обыкновенныя ихъ занятія. Волы и коровы у нихъ почти такіе же, какъ въ Голландіи, но овцы гораздо жирнѣе. У этихъ животныхъ носъ кривой и высокій, уши длинныя и висячія, какъ у болонки, а хвостъ такой тяжелый, что по большей части вѣситъ не менѣе 20 фунтовъ. Лошади ихъ съ виду некрасивы, но очень сильны и выносливы. Верблюдовъ у нихъ очень мало. Пища состоитъ изъ сухой рыбы, которую они употребляютъ такъ, какъ мы хлѣбъ. Ѣдятъ еще пироги съ рисомъ и медомъ, которые они жарятъ на маслѣ или на меду. Они любятъ всякое мясо, но въ особенности лошадиное. Пьютъ воду и молоко и преимущественно кобылье. Вѣру они исповѣдываютъ Магометанскую и слѣдуютъ ученію Персовъ. У нихъ есть князья и начальники изъ своего племени, которымъ только они и повинуются; они не платятъ даже дани царю, который уволилъ ихъ (отъ нея) съ условіемъ являться на службу по первому его указу. Они сами весьма готовы къ этому и, можетъ быть, не столько изъ признательности, какъ по склонности: война доставляетъ имъ возможность безнаказанно воровать, что составляетъ ихъ преобладающую страсть. Такимъ путемъ они получаютъ вознагражденіе и охотнѣе служатъ царю.

Глава XIII.

Два рода казаковъ: Запорожскіе и Донскіе.—Стенька Разинъ, его происхожденіе, бунтъ и хитрость.—Онъ обращенъ въ бѣгство Астраханскимъ воеводою и призванъ царемъ.—Его хорошія и дурныя качества.—Какъ онъ принялъ посѣтившаго его автора.

(Сентябрь 1669 г.).

23 Сентября мы принимали нѣсколькихъ Нѣмецкихъ офицеровъ, которые, поздравивъ насъ съ счастливымъ прибытіемъ, просили насъ навѣстить ихъ. Они дѣлали это такъ радушно, что мы не могли отказаться. На другой же день отправились къ нимъ и были очень хорошо приняты. Съ своей стороны мы старались отблагодарить ихъ за вѣжливость, когда они приходили на наше судно. Такъ какъ въ то время только и рѣчи было что о бунтѣ казаковъ, противъ которыхъ воевода, за нѣсколько дней до нашего прихода, послалъ суда, то здѣсь будетъ кстати сказать объ этомъ. Но прежде нежели говорнть о томъ, каковъ былъ успѣхъ этого бунта, необходимо сообщить читателю о томъ, что послужило поводомъ къ нему. А такъ какъ произвелъ бунтъ казакъ, то мы прежде скажемъ, изъ какихъ народовъ составилась ихъ община.

Есть два рода казаковъ: Запорожскіе и Донскіе. Первые нѣкогда зависѣли отъ Польши. Они живутъ обыкновенно на островахъ Борисѳена или Днѣпра, Nieper, который, пройдя Смоленскъ, пересѣкаетъ Литву; потомъ, принявъ на Волыни Припеть, течетъ черезъ Кіевъ, въ окрестностяхъ котораго они тоже иногда живутъ. Эта рѣка наполнена множествомъ скалъ называемыхъ порогами, что на мѣстномъ языкѣ значитъ лѣстнички или ступени, которыя раздѣляютъ воду, montées ou degrez, и образуютъ болѣе 50 небольшихъ острововъ. Отсюда и жители названы Запорожцами т. е. за уступами, derrière les montées. Эти казаки обязаны были охранять Польшу и препятствовать всѣми силами нападеніе враговъ, преимущественно Татаръ. Они получили названіе казаковъ отъ того, что легко бѣгаютъ, такъ какъ коза; cosa на ихъ языкѣ значитъ коза или духъ, esprit, и они полагаютъ, что и тотъ и другая чрезвычайно легки, sans se mettre en peine du plus ou du moins.

Донскіе казаки живутъ по Дону или Танаису и находятся подъ властью Московскаго царя, впрочемъ не по принужденію, а добровольно: они подчинились его царскому величеству съ условіемъ управляться собственными законами, своимъ народнымъ вождемъ, котораго сами выбираютъ. Они пользуются и многими другими правами, которыхъ не имѣютъ сами Москвитяне Между прочимъ замѣчательно то, что холопъ знатнаго Москвитянина, укрывшійся между ними, становится на столько свободнымъ, что его господинъ теряетъ на него право и не можетъ употребить насилія для поимки

Изъ этихъ-то казаковъ произошелъ знаменитый Стенька Разинъ, который дерзнулъ напасть на войско царствующаго государя Алексѣя Михайловича.

Предлогомъ къ возмущенію этого храбраго казака послужило неудовольствіе за то, что Московскій воевода Юрій Алексѣевичъ Долгорукій приговорилъ къ смерти его брата, по слѣдующему поводу. Въ 1665 году Московія вела войну въ Польшей; братъ Стеньки Разина привелъ въ царское войско подъ своей камандой казацкій отрядъ. По окончаніи похода этотъ казацкій начальникъ просилъ у воеводы позволенія увести обратно свой отрядъ; но потому ли, что Москвитяне еще не могли обойтись безъ казаковъ, была ли у нихъ къ тому другая причина, только воевода отказалъ ему въ просьбѣ. Нетерпѣливые казаки посмѣялись надъ этимъ распоряженіемъ и немедленно ушли подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ безъ вѣдома брата Разина. Воевода, обиженный оскорбительнымъ для его власти поступкомъ, который причинялъ вредъ дисциплинѣ, обвинилъ начальника преступниковъ и приговорилъ его къ висѣлицѣ. Разина возмутило это до глубины души и онъ обѣщалъ отомстить за брата, если бы даже это стоило ему жизни. Нѣкоторые утверждаютъ, будто Разинъ этимъ удачнымъ предлогомъ прикрылъ намѣреніе произвести бунтъ, для того чтобы безнаказанно воровать. Это предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ онъ учинилъ такую же дерзость въ отношеніи Персидскаго шаха, который не сдѣлалъ ему ни какого вреда, какъ то было по отношенію къ Московскому царю.

Какъ-бы то ни было, въ 1667 году онъ обнаружилъ свою злобу на Волгѣ, захватывая и грабя всѣ насады, nassades, или барки, которыя встрѣчались ему на пути. На берегу онъ совершалъ такія же насилія во многихъ монастыряхъ, разоряя алтари и не щадя ни мірянъ, ни монаховъ. Изъ Ярославля (?) и Вологоды (?), которые первые испытали его ярость, онъ отправился съ тѣмъ, чтобы овладѣть Яикомъ, гдѣ оставилъ сильный гарнизонъ. Онъ укрѣпилъ этотъ городъ, какъ мѣсто, которое хотѣлъ удержать. Потомъ возвратился на Волгу, доплылъ до Каспійскаго моря и распространилъ вездѣ страхъ и трепетъ. Разоривъ города и села, лежащіе по этой рѣкѣ, онъ поплылъ къ Таркамъ, Terki, пограничному городу въ Персіи и поступилъ съ нимъ также, какъ съ Московскими городами. Онъ навелъ такой страхъ, что когда приближался къ какому нибудь мѣсту, населеніе бѣжало, что лишало его случая проявлять жестокость. Вотъ почему, чтобы удержать жителей, онъ употреблялъ хитрость, которая удалась ему во многихъ городахъ Московскихъ, Мидійскихъ и Персидскихъ. Когда онъ приближался къ какому нибудь городу, то посылалъ сказать жителямъ, чтобъ они не боялись, такъ какъ онъ идетъ не обижать ихъ, а купить необходимое для войска. Его посланцы, казалось, говорили такъ чистосердечно, что вѣрили ихъ добросовѣстности. Такимъ образомъ бѣжавшіе въ горы, или въ другія мѣста, возвращались въ города, а не успѣвшіе уйти оставались,

полагаясь на его слово. Обольстивъ ихъ, онъ ходилъ между ними, любезно разговаривалъ, а для того, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе, покупалъ и заставлялъ своихъ покупать различные товары, за которые приказывалъ хорошо платить. Успокоивъ такимъ образомъ умы мнимою безопасностью, онъ повертывалъ шапку извѣстнымъ образомъ, что служило знакомъ для его шайки къ истребленію жителей, которыхъ принимались тотчасъ же сѣчь, имущество грабить и уносить.

Когда слухъ объ этихъ безпорядкахъ распространился въ Астрахани воевода счелъ себя обязаннымъ пріостановить ихъ, и съ этой цѣлью онъ снарядилъ 36 судовъ [167]), на которые посадилъ болѣе 4,000 человѣкъ. Начальство надъ ними онъ поручилъ третьему лицу Совѣта (управленія въ Астрахани), Симеону Ивановичу Львову [168]), Geboof, съ приказаніемъ отыскать Разина, гдѣ бы то ни было и съ нимъ сразиться. Непріятельскій флотъ состоялъ изъ 22 судовъ, съ шестью почти сотнями человѣкъ, мѣсто стоянки его было возлѣ Четырехъ-Бугровъ, Satiere-Boggere, маленькаго острова въ устьѣ рѣки. Здѣсь, на одномъ возвышеніи казаки разставили для безопасности стражу. Кромѣ того самое положеніе острова дѣлало его неприступнымъ, такъ какъ подойти къ нему можно было только съ одной стороны, съ которой не росъ камышъ. Не смотря на великое преимущество и предосторожность, казаки испугались и побѣжали, какъ только замѣтили нашедшій ихъ флотъ. Ихъ стараніе избѣжать сего послѣдняго удалось имъ такъ, что ихъ долго преслѣдовали напрасно. Между тѣмъ воевода получилъ помилованіе мятежника и передалъ ему объ этомъ отъ имени царя, который прощалъ ему прошлое съ тѣмъ, чтобъ онъ принесъ повинную и возвратился къ своимъ обязанностямъ. Разинъ не ожидавшій такого счастья, тогда когда у него не было больше чѣмъ существовать, принялъ предложеніе [169]) и исполнилъ то, чего желали. Въ то время, когда онъ получилъ прощеніе, шайка его дошла до такой крайности, что не знали, что станется съ ними, когда они съѣдятъ лошадей, которыхъ Персидскій шахъ посылалъ его царскому величеству и которыхъ они захватили [170]) не заботясь о томъ, откуда они и кому ихъ посылали. Такимъ образомъ, никогда ни для кого помилованіе не приходило болѣе кстати. Какъ только они получили прощеніе, то расположились станомъ подъ Астраханью, откуда толпами отправлялись въ городъ, одѣтые всѣ до того роскошно, что одежда самыхъ бѣдныхъ была сшита изъ золотой парчи, или шелка. Большая часть носила даже вѣнки, courrones, осыпанные крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Разина можно было узнать только по почету, который ему ока-

[167]) Н. И. Костомаровъ, ссылаясь на Стрюйса (Бунтъ С. Р., И. М. и И., II, 264) употребляетъ здѣсь слово стругъ, вмѣсто котораго во Французскомъ переводѣ (II, 44) поставлено vaisseaux.

[168]) Онъ былъ вторымъ воеводою.

[169]) Для переговоровъ съ Разинымъ С. И. Львовъ послалъ Никиту Скрипицина.

[170]) Ограбивъ бузу.

зывали, потому что не иначе какъ на колѣняхъ и падая ницъ, приближались къ нему. Когда къ нему обращались, то запрещалось называть иначе, какъ батько, batske, что на ихъ языкѣ значитъ отецъ. Это прозвище присвоилъ онъ себѣ съ цѣлью запечатлѣть въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ болѣе любви и уваженія.

Видъ его величественный, осанка благородная, а выраженіе лица гордое; росту высокаго, лицо рябоватое. Онъ обладалъ способностью внушать страхъ и вмѣстѣ любовь. Что бы ни приказалъ онъ, исполнялось безпрекословно и безропотно.

Люди его мало-по-малу стали продавать городскимъ купцамъ то, что они награбили въ продолженіи четырехъ лѣтъ у Москвитянъ, Персіянъ и Татаръ. Они уступали вещи такъ дешево, что можно было имѣть очень большую прибыль. Фунтъ шелку продавали по три копѣйки [171]), а прочіе товары соразмѣрно этому. За золотую цѣпь, длиною въ сажень, заплатилъ я имъ только 40 рублей, что составляетъ на наши деньги около 70 флориновъ. Можно судить по этому, какую выгоду получили Персіяне и Армяне, которые купили почти всю ихъ добычу. Только и говорили о Разинѣ, прославившемся своей смѣлостью, и смотрѣли на него, какъ на необыкновеннаго человѣка; по этому, нашъ капитанъ пожелалъ видѣть его вблизи, и я былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ себѣ въ спутники. Мы застали его въ шатрѣ, съ нимъ былъ его наперсникъ, по имени Чортовъ Усъ, Moustaches de Diable, и нѣсколько человѣкъ другихъ старшинъ. Прежде всего, онъ приказалъ спросить насъ, что мы за люди. Удовлетворивъ его любопытству, капитанъ подарилъ ему двѣ бутылки водки, которую онъ принялъ съ радостью, такъ какъ давно ея не пилъ. Когда же онъ узналъ, кто мы такіе и что совершаемъ путь (находясь) въ службѣ его величества, онъ сдѣлалъ намъ знакъ садиться и выпилъ за наше здоровье. Мы отвѣчали на его тостъ и ждали, что онъ спроситъ насъ еще о чемъ нибудь и доставитъ намъ возможность поговорить съ нимъ. Но такъ какъ онъ почти ничего не говорилъ и не изъявилъ ни какого желанія узнать точнѣе о томъ, что привело насъ въ этотъ край и по какому случаю царь принялъ насъ въ службу, то мы простились съ нимъ, а онъ передалъ намъ, что ему будетъ очень пріятно, если мы еще навѣстимъ его. Дѣйствительно, мы еще разъ посѣтили его и застали на рѣкѣ въ лодкѣ, выкрашенной и вызолоченной. Здѣсь онъ пилъ и веселился съ нѣкоторыми изъ старшинъ. Около него сидѣла Персидская княжна, которую онъ увезъ съ ея братомъ [172]) во время послѣднихъ набѣговъ. Брата ея подарилъ онъ Астраханскому воеводѣ, а любимую имъ княжну оставилъ у себя. Пируя цѣлый день онъ напился до пьяна; вотъ эта то невоздержность стоила жизни не-

[171]) С. М. Соловьевъ говоритъ (Ист. Россіи, XI, 414), что фунтъ шелка продавали за 18 денегъ.

[172]) Сына Шебынь-Дебея подонили у Свинаго острова, гдѣ произошла битва съ Персами. Ср. Костомарова, Истор. моногр. и изслѣд., с. 259.

счастной Персіянкѣ. Будучи сильно пьянъ, онъ облокотился о край лодки и, смотря задумчиво на Волгу, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, вскричалъ: „Нужно признаться, ни одна рѣка не можетъ сравниться съ тобою, и нѣтъ славнѣе тебя. Чѣмъ только я ни обязанъ тебѣ за то, что ты доставляла мнѣ столько случаевъ отличиться и за то, что дала средства скопить столько сокровищъ? Я обязанъ тебѣ всѣмъ, что имѣю и даже тѣмъ, чѣмъ я сталъ. Но въ то время, какъ ты составляешь мое богатство и оснпаешь меня благодѣяніями, я испытываю непріятное чувство неблагодарности. Хотя бы это и произошло отъ безсилія, она все таки не оправдываетъ меня и не лишаетъ тебя права жаловаться на меня. Ты, можетъ быть, поступаешь такъ даже теперь, когда я говорю, и мнѣ кажется, что я слышу твои жалобы и упреки за то, что я не позаботился предложить тебѣ что нибудь. Ахъ, прости любезная рѣка! Я признаюсь, что обидѣлъ тебя и, если этого признанія недостаточно для того, чтобы успокоить твой справедливый гнѣвъ, я предлагаю тебѣ отъ чистаго сердца то, что мнѣ дороже всего на свѣтѣ; нѣтъ болѣе достойнаго изъявленія моей благодарности и ничто не можетъ доказать лучше мое почтеніе за милости, которыми ты осыпала меня“ [173]). Съ этими словами онъ подбѣгаетъ къ княжнѣ, (хватаетъ) ее и одѣтую въ золотую парчу и разукрашенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями бросаетъ въ рѣку. Бѣдная эта княжна заслуживала, безъ сомнѣнія, лучшей участи, и всѣ пожалѣли о ней. Несмотря на благородное происхожденіе и печаль отъ того, что была во власти человѣка жестокаго и грубаго, она, тѣмъ не менѣе, была безконечно снисходительна къ нему и никогда не роптала на него за свою неволю. Какъ бы ни былъ Разинъ грубъ, нужно полагать, что только въ припадкѣ сумашествія, онъ могъ совершить подобную жестокость: до этого случая онъ казался болѣе справедливымъ, нежели безчеловѣчнымъ [174]).

Во время пребыванія моего въ Астрахани я видѣлъ примѣръ его гнѣва противъ нарушителя супружеской вѣрности. Нѣкто соблазнилъ чужую жену; оскорбленный мужъ пожаловался. Чтобы отомстить за него, Разинъ приказалъ привести виновныхъ и, узнавши въ чемъ дѣло, велѣлъ бросить мужчину въ рѣку, а женщину повѣсить за ноги [175]). Она, бѣдная, жила въ такомъ состояніи двое сутокъ и, не смотря на то, что голова ея распухла, какъ подушка, не сильно кричала и (вообще) не показывала, что испытываетъ невыносимыя страданія.

Такъ какъ людей его можно было встрѣтить всюду, то я не упускалъ случая поговорить съ ними, чтобы разузнать объ ихъ дѣйствіяхъ. Не бу-

[173]) Эта рѣчь, дѣйствительно странная въ устахъ казака, вслѣдствіе искаженія иностранцевъ, передѣлана г. Костомаровымъ И. м. и из., т. II; 273—274, которому слѣдовали Аѳанасьевъ и другіе.

[174]) Н. И. Костомаровъ объясняетъ этотъ фактъ ропотомъ товарищей-казаковъ противъ увлеченія женщиною (И. м. и из., II, 273).

[175]) Н. И. Костомаровъ прибавляетъ: за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ; тамъ же, с. 274.

дучи въ состояніи понять, какъ 300 или 400 человѣкъ наводили на всѣхъ ужасъ, я распрашивалъ нѣкоторыхъ, какъ это могло случиться. Они отвѣчали мнѣ, что дѣйствительно, при возвращеніи въ Астрахань, ихъ было 300 или 400 человѣкъ, а нѣсколько раньше они составляли войско въ 6000 человѣкъ, когда же были всѣ въ сборѣ, то завладѣли Низабатомъ, Скабараномъ, Мордувомъ, Mordouvi, и Такузомъ, Tachusi, приморскими Персидскими городами, которые лежали недалеко отъ горы Бармака, Barmach. Оттуда направились они въ Астрабадъ и Баку, гдѣ все предали огню и мечу.

Въ семъ послѣднемъ городѣ они нашли очень хорошее вино, которымъ и упились; а жители воспользовались этимъ случаемъ и изрубили всѣхъ, исключая 400 или 500 человѣкъ, спасшихся въ лодкахъ. Еслибы тѣлохранители Разина не употребили необыкновенныхъ усилій для его обороны, то онъ не миновалъ бы смерти или плѣна [176]). Этотъ роковой день ослабилъ ихъ до такой степени, что они не рѣшались больше на важныя предпріятія. Къ тому же, Персіяне, казаки и Дагестанскіе Татары такъ хорошо охраняли свои берега и горы, что они не знали, куда направиться; въ такой-то нерѣшительности они удалились на островъ Четырехъ бугровъ, гдѣ выжидали времени, чтобы оправиться отъ этого страшнаго пораженія.

Глава XIV.

Возвращеніе Разина на родину, куда слѣдуютъ за нимъ Москвитяне. При требованіи возвратить послѣднихъ, онъ издѣвается (надъ воеводами), увлекаетъ матросовъ флота, посланнаго для его поимки.— Его гордость и наглость.—Послы его къ Персидскому двору брошены собакамъ. — Счастливый исходъ его военной хитрости. — О городѣ, переданномъ ему посредствомъ измѣны.

Разинъ и его шайка, оправившись отъ перенесенныхъ во время бунта бѣдствій, томились столь долгимъ отдыхомъ и вздумали возвратиться на берега Дона, гдѣ Разинъ, пользуясь большимъ вліяніемъ, долженъ былъ собрать новыя силы. Во время пребыванія въ Астрахани, онъ жилъ такъ, что расположилъ въ свою пользу самыхъ безучастныхъ. Такъ какъ у него не было недостатка въ деньгахъ, то онъ употребилъ ихъ для того, чтобы привлечь на свою сторону многихъ старшинъ, officiers, которые послѣдовали за нимъ на родину, retraite. Большая часть простаго народа и солдатъ, тѣснившихся толпами вокругъ него, когда онъ показывался на улицахъ и нерѣдко бросалъ горстями червонцы, питала къ нему сильную любовь, а многіе перешли къ нему, поклявшись въ вѣрности и въ томъ, что не

[176]) Н. И. Костомаровъ полагаетъ (Истор. моногр. и изсл., II, 256), что это произошло въ Рашѣ, а не въ Баку.

покинутъ его никогда. И вотъ, безвѣдома воеводы, подъ сильнымъ прикрытіемъ, выѣхалъ онъ изъ Астрахани. Это удаленіе поразило вѣрныхъ подданныхъ царя, такъ какъ для нихъ не оставалось сомнѣнія, что онъ ушелъ съ цѣлью производить новыя опустошенія и кровопролитія. Зло было слишкомъ велико, и воевода счелъ нужнымъ предупредить его, запугавъ главу мятежниковъ. Онъ отправилъ къ нему капитана Ведероса, Vvederos [177]). Сей послѣдній, представивъ ему прежде всего великую опасность, которой онъ подвергалъ собя безъ причины, такъ какъ, послѣ помилованія, избавился отъ всякой непріятности; что по дружбѣ совѣтуетъ ему возвратиться; если же оставитъ (увѣщаніе) въ пренебреженіи и послѣдуетъ своему замыслу, то отъ него потребуютъ возврата подданныхъ царя, а въ случаѣ сопротивленія, онъ лишится милости, и пусть не надѣется больше пощады. Послѣ этихъ словъ Разинъ, страшно взбѣшенный, спросилъ капитана, какъ онъ дерзнулъ принять такое порученіе; подумалъ ли онъ объ опасности, которой подвергается, да извѣстенъ ли ему характеръ Разина? По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все сильнѣе распалялся гнѣвомъ и чуть было не изрубилъ капитана, но къ счастью сего послѣдняго, излилъ свой гнѣвъ въ проклятіяхъ. Да смѣешь ли ты, продолжалъ онъ, дѣлать мнѣ такое для моей славы позорное и для друзей пагубное предложеніе? Думаешь ли ты, что я такъ подлъ, что пожертвую ими гнѣву того, кто тебя послалъ? Если ты такъ думаешь, то на чемъ основываешь свое низкое мнѣніе? Что я сдѣлалъ недостойнаго своему званію и достоинству? Ты не отвѣчаешь? Молчишь? Что? Хватило наглости явиться ко мнѣ съ твоими странными совѣтами, а нѣтъ духу отвѣчать мнѣ? Ступай несчастный, я милую тебя изъ жалости. Возвратись къ своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о немъ, ни о царѣ. Онъ совѣтуетъ мнѣ отослать къ нему моихъ друзей! Скажи ему, что вотъ мой замыселъ: онъ увидитъ меня раньше, нежели думаетъ, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочемъ, ты можешь ему дать слѣдующій отвѣтъ, который лучше, нежели его предложеніе: „Я князь рожденный свободнымъ и независимымъ; власть воеводы слабѣе моей. Навѣрное онъ не знаетъ объ этомъ, а для того, чтобъ повѣдать ему о томъ, я и приготовлюсь навѣстить его“ [178]). Говорилъ онъ при этомъ еще много, но окончанія рѣчи капитанъ ждалъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, каждую минуту опасаясь, что Разинъ перемѣнитъ мнѣніе и не дастъ ему возможности возвратиться восвояси. Набравшись смертнаго страха, онъ получилъ, наконецъ позволеніе возвратиться, которымъ онъ немедленно воспользовался съ поспѣшностью, на какую лишь способенъ испуганный человѣкъ.

[177]) Въ сочиненіи Костомарова—Видероса. И. м. и. и., II, 278.

[178]) Эта рѣчь передана С. М. Соловьевымъ такъ: (Ист. Р., XI, 417): „Какъ ты смѣлъ прійти ко мнѣ съ такими рѣчами? Чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ Воеводою. Онъ дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мной какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ, я сильнѣе его, я расплачусь съ этими негодями“.

Послѣ отвѣта Разина воевода былъ насторожѣ и придумывалъ средства обуздывать его наглость. Едва успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ явился флотъ, состоящій изъ 80 судовъ. Сначала не вѣрили, чтобы это былъ флотъ Разина, такъ какъ у него было мало времени снарядить его; но скоро убѣдились, что это былъ именно онъ и, судя по виду (флота), можно было думать, что у него нѣтъ намѣренія возвратиться, ничего не совершивъ. Весь экипажъ былъ въ полномъ порядкѣ, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и съ нетерпѣніемъ ищущими удобнаго случая для выполненія своего замысла. Между тѣмъ начальникъ ихъ не позволилъ имъ сдѣлать ни одного нападенія на непріятеля съ единственной цѣлью узнать положеніе дѣлъ въ Астрахани. Съ своей стороны, воевода ожидалъ судовъ, посланныхъ ему царемъ, безъ чего не рѣшался что либо предпринять. Между тѣмъ, Разинъ чрезъ своихъ шпіоновъ узналъ обо всемъ, что дѣлалось, и такъ расположилъ умы въ свою пользу, что нисколько не боялся приготовленій, предпринимаемыхъ противъ него. Когда ожидаемыя суда приплыли, воевода съ полной увѣренностью послалъ ихъ противъ непріятеля, который вовсе не испугался ихъ, а выразилъ удовольствіе. Въ Астрахани воображали, что одной тѣни этого флота было достаточно обратить его въ бѣгство, или тотчасъ же погубить, еслибъ онъ дерзнулъ выждать его. Въ самомъ дѣлѣ, царскій флотъ состоялъ изъ гораздо большаго числа судовъ, нежели у Разина, да на нихъ было 6000 хорошихъ воиновъ, которые безъ сомнѣнія, разбили бы его, еслибы дѣло дошло до боя; но находчивый Разинъ прибѣгнулъ къ хитрости, которая удалась ему. Въ его шайкѣ было множество преданныхъ ему Москвитянъ, которымъ онъ предложилъ пробраться къ врагамъ и обѣщать имъ все, чего они пожелаютъ, лишь-бы они приняли его сторону. Такъ какъ тѣ искали только случая оказать ему одолженіе, то бросились туда, куда онъ посылалъ ихъ, и подкупили воиновъ, которые изрубили старшихъ начальниковъ и предали ему остальныхъ вмѣстѣ съ судами. Новый властелинъ принялъ ихъ необыкновенно ласково; велѣлъ имъ выдать жалованье за два мѣсяца впередъ и произнесъ предъ ними такую рѣчь: „Наконецъ, друзья, вы свободны, а вашъ поступокъ избавляетъ васъ отъ притѣсненій господъ, du joug des tyrans. Ихъ мученія такъ жестоки и тяжки, что нужно удивляться, какъ вы столь долго переносили и не тяготились ими. Но правосудіе Господне избавило васъ отъ нихъ: Его тронули ваши слезы. Онъ послалъ вамъ освободителя, избавившаго васъ отъ гнета, подъ которымъ вы стонали; онъ будетъ любить васъ, какъ дѣтей своихъ, и заботиться о васъ, какъ отецъ. Въ благодарность за это я прошу у васъ только искренней любви, непреклонной вѣрности и непоколебимой твердости противъ коварства вашихъ враговъ. Богъ отдалъ васъ подъ мое покровительство для того, чтобъ уничтожить ихъ. Помогите моимъ усиліямъ и вѣрьте въ (счастливое) окончаніе начатаго. Послѣ этихъ словъ Москвитяне,

тронутые его щедростью, поклялись ему въ томъ, что готовы слѣдовать за нимъ всюду, что усердно и вѣчно будутъ служить и на самомъ дѣлѣ докажутъ ему, какихъ слугъ онъ пріобрѣлъ. Слова эти сопровождались одобреніемъ, applaudissmens, всего войска и общимъ крикомъ: Да здравствуетъ князь, да здравствуетъ нашъ отецъ! Да поможетъ ему Богъ уничтожить всѣхъ мучителей".

Въ то время, когда Разинъ торжествовалъ, печаль господствовала въ Астрахани, гдѣ воевода, пораженный низостью посланныхъ имъ людей, напрасно придумывалъ средства возвратить его. Въ довершеніе горя, онъ узналъ, что народъ презиралъ его, что онъ хвалилъ только Разина и что въ сосѣднихъ городахъ только и говорили о бунтѣ и возмущеніи. Вездѣ воины роптали и говорили открыто, что они покинутъ службу, потому что нечѣмъ было имъ больше платить; такъ какъ деньги, назначенныя для нихъ, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать, по прежнему, опасности свою жизнь, о которой такъ мало заботились. Нѣкоторые говорили, будто они увѣрены, что имъ не заплатятъ за годъ; что злоупотребляли ихъ довѣріемъ и что они были сумасшедшими, что позволили съ собой обращаться такимъ образомъ. Всѣ эти рѣчи клонились къ явному возмущенію; но ничего не дѣлалось изъ опасенія безпокоить умы.

Между тѣмъ Разинъ, имѣя отъ 15,000 до 16000 человѣкъ, послалъ одну часть въ Царицынъ, другую въ Черный Яръ, а самъ выжидалъ съ остальными, которые отдавали ему такія же почести, какъ царю. Потому ли что онъ былъ ослѣпленъ удачею, или отъ природы былъ тщеславенъ, только онъ уснулъ среди наслажденій; но прежде всего совершилъ злодѣянія, за которыя его возненавидѣли бы, еслибъ онъ не позаботился предупредить это. Онъ находилъ удовольствіе, во время попоекъ, умерщвлять тѣхъ, кого обвиняли въ малѣйшей ошибкѣ; часто даже собственноручно рубилъ ихъ, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что щадилъ всегда воиновъ и приносилъ въ жертву своему (гнѣву) только дворянъ, officiers, казавшихся ему подозрительными.

Онъ позволилъ даже воинамъ жаловаться на своихъ начальниковъ, которыхъ строго наказывалъ, не разслѣдуя ихъ вины. Такимъ способомъ привлекая при всякомъ случаѣ простыхъ воиновъ, онъ былъ такъ любимъ ими, что они исполняли любое приказаніе его съ радостію, да еще разглашали вездѣ, что онъ былъ единственный въ мірѣ человѣкъ, который достоинъ такого повиновенія. Слухъ объ его снисходительности къ нимъ такъ распространился, что менѣе нежели въ пять дней онъ пріобрѣлъ войско въ 27,000 человѣкъ. По дорогамъ только и встрѣчались толпы холоповъ и крестьянъ, шедшихъ къ нему. Только и рѣчи было, что объ истребленіи дворянъ: каждый крестьянинъ, каждый холопъ умерщвлялъ своего господина и приносилъ его голову Разину, который хвалилъ и награждалъ ихъ съ цѣлью поощрять очищеніе земли отъ подобныхъ чудовищъ (такъ называлъ

онъ дворянъ) и не допускать ихъ до самовластія. Такимъ образомъ, помѣстья пустѣли. Такъ какъ благородное происхожденіе считалось главнымъ преступленіемъ, то дворяне должны были для сохраненія жизни спасаться въ городахъ, въ холопскомъ платьѣ.

Скопища Разина росли съ каждымъ днемъ, и онъ сталъ такъ заносчивъ, что все считалъ ниже себя и не сомнѣвался, что скоро будетъ на престолѣ. Какъ онъ ни былъ скрытенъ, легко было замѣтить, что этого именно онъ и добивался; но народъ, мало проницательный, не могъ себѣ представить, чтобы человѣкъ, отказывающійся отъ титула князя, царя, повелителя и называющій себя братомъ, ровнею и таварищемъ, осмѣлился бы искать престола. Онъ привлекалъ простаковъ этою ложною скромностью и презрѣніемъ, какъ онъ выражался, къ скипетру и къ тѣмъ, кто обладалъ имъ. Въ его душѣ, полной тайной гордости, зародилась мысль сравняться съ вѣнценосцами, повидимому для того, чтобъ обезчестить ихъ, а въ сущности для того, чтобы пріучить своихъ подчиненныхъ отдавать ему такія же почести. Когда онъ считалъ себя уже въ силахъ оскорблять ихъ, то началъ съ Персидскаго шаха, къ которому послалъ письмо слѣдующаго содержанія: „Братъ! Богъ, управляющій государями иначе, нежели обыкновенными людьми, нынѣ внушилъ мнѣ любовь къ тебѣ и искать союза съ тобою для того, чтобы соединиться противъ притѣснителей, tyrans. Я окинулъ взоромъ сосѣдей и не нашелъ никого, кто былъ бы достойнѣе тебя моей дружбы. Съ цѣлью предложить тебѣ ее, я и посылаю пословъ; я думаю, что у тебя слишкомъ много здраваго смысла, и ты не откажешься отъ такого выгоднаго предложенія. Поэтому, не ожидая твоего отвѣта, я считаю тебя другомъ, на котораго полагаюсь. У меня безчисленное войско и столько же богатствъ, но нуждаюсь въ боевыхъ запасахъ и жизненныхъ припасахъ. Если у тебя ихъ больше, нежели сколько тебѣ нужно, удѣли часть своему союзнику, я же заплачу тебѣ за нихъ наличными деньгами. Я не думаю, чтобы тебѣ отсовѣтовали прислать это мнѣ; но если такъ случится, то будь увѣренъ, скоро увидишь меня во главѣ 200,000 человѣкъ за тѣмъ, чтобы взять открытою силою то, что можешь дать добровольно. Если этого будетъ мало для того, чтобы научить тебя своимъ обязанностямъ, то я хочу, чтобы ты узналъ мое рѣшеніе—заплатить твоею кровью за то, что я побезпоюсь насильно явиться къ тебѣ“.

Персидскій шахъ назначилъ аудіенцію посламъ, которые осмѣлились поддерживать содержаніе письма. Вмѣсто отвѣта шахъ велѣлъ умертвить ихъ, кромѣ одного, что тотчасъ же и было исполнено, а тѣла ихъ брошены собакамъ. Послѣ казни, шахъ велѣлъ привести пощаженнаго и сказалъ ему: „Я дарую тебѣ жизнь для того, чтобы отослать тебя къ своему повелителю. Скажи ему, что я не буду ждать его къ себѣ, а самъ пошлю къ нему навстрѣчу такихъ хорошихъ конейщиковъ, что онъ лучше поступитъ, если уйдетъ отъ нихъ и избѣгнетъ смерти, какая постигла твоихъ товарищей“. Этотъ не-

счастный посланецъ былъ такъ близокъ къ смерти, что съ трудомъ вѣрилъ спасенію, хотя и далеко уже былъ отъ Персидскаго двора. Когда онъ передалъ о своемъ посольствѣ, то повелитель его пришелъ въ ярость и не зная, кого винить за презрѣніе, которое ему оказалъ (шахъ), излилъ свое бѣшенство на несчастномъ посланцѣ, котораго изрубилъ саблею. Его люди изрѣзали его на куски и бросили на живодерню, voirie.

Нѣсколько дней спустя, Разинъ узналъ, что нѣсколько полчищъ идутъ на соединеніе съ нимъ. Но такъ какъ, этого не переволакивая судовъ [179]), нельзя было сдѣлать, то онъ придумалъ средство избавить ихъ отъ такого труда и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Зная, что Камышинъ расположенъ при устьѣ Еруслана, который впадаетъ въ Донъ, а сей послѣдній соединяется (?) съ Волгой, онъ разсчелъ, что этотъ городъ былъ бы очень удобнымъ для него и что необходимо овладѣть имъ. Планъ былъ хорошо составленъ; но его трудно было выполнить, такъ какъ городъ былъ очень укрѣпленъ, постоянно хорошо снабженъ и усердно защищаемъ. Чтобы избѣжать медленной и правильной осады, онъ прибѣгнулъ къ военной хитрости, которая удалась. Изъ перешедшихъ къ нему Москвитянъ онъ выбралъ часть и послалъ ихъ въ городъ. Сіи послѣдніе, хорошо наученные, ловко притворились ревнителями отечества и предложили свои услуги такъ чистосердечно, что ихъ сочли за благонамѣренныхъ. Будучи съ большею частію гарнизона, они обезпечили себѣ его помощь, и всѣ вмѣстѣ въ полночь овладѣли всѣми воротами и сторожевыми постами, зарѣзали воеводу и начальниковъ; всѣ же остальные послѣдовали ихъ примѣру. Затѣмъ, измѣнники выстрѣлили изъ пушки, чтобы дать знать объ успѣхѣ, послѣ чего Разинъ послалъ войско, которое овладѣло городомъ и берегло оный для него.

Глава XV.

Великій ужасъ въ Астрахани.—Казаки овладѣваютъ Царицынымъ и Черными-Яромъ.—Новый, посланный противъ мятежниковъ, флотъ захваченъ ими подобно первому.—Твердость воеводы.—Авторъ съ товарищами спасаются ночью отъ грозящей городу опасности.

(Сентябрь 1669 г.).

Когда узнали въ Астрахани, что бунтующіе Москвитяне предали Камышинъ Разину, то считали себя безнадежно погибшими. Не знали уже, кому и довѣриться и почти не сомнѣвались, что скоро будетъ другой повелитель. Воевода, видя общее смятеніе, собралъ совѣтъ, на которомъ представилъ положеніе дѣлъ и напомнилъ объ обязанности каждаго указать ему

[179]) На Дону Стенька Разинъ поселился между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами. (Тамъ же, с. 279).

средства, прямо ведущія къ цѣли и наиболѣе вѣрныя для обращенія (измѣнниковъ къ своему долгу). Многіе говорили, что зло достигло высшей степени и что такъ какъ начальникъ бунтовщиковъ не въ силахъ держаться, то власть его будетъ непродолжительна, что онъ тѣмъ менѣе будетъ въ силѣ, что за нимъ слѣдуетъ только простой народъ, легкомысленно довѣрчивый и непостоянный, поэтому-то достаточно быть насторожѣ и препятствовать народному волненію. Большая часть была противнаго мнѣнія. Они утверждали, что поступать такимъ образомъ значитъ оказывать милость бунтовщикамъ и поощрять колеблющихся слѣдовать ихъ примѣру. Отсюда выводили заключеніе, что надо напасть на нихъ въ ихъ собственномъ станѣ и что вслѣдствіе этого, по меньшей мѣрѣ, одни разсѣятся, а другіе, напуганные останутся на своихъ мѣстахъ. Такъ какъ вѣрность простыхъ воиновъ была подозрительна, потому что ихъ прельщало своеволіе, которымъ пользовались ихъ товарищи у Разина, то многіе дворяне предложили занять ихъ мѣста и были приняты съ похвалою.

Такимъ образомъ думали объ исполненіи принятаго плана. Такъ какъ слѣдовало опасаться, что прежде всего осадятъ Царицынъ, то начали съ того что послали туда, подъ надзоромъ дворянина Леонтія Богданова, 800 человѣкъ, изъ которыхъ половина были Москвитяне а другая—Ногайскіе Татары, которые должны были охранять обозъ съ боевыми снарядами и съѣстными припасами, въ коихъ нуждался этотъ городъ. Онъ лежитъ отъ Астрахани въ какихъ нибудь 80 миляхъ и простирается (?) до Дона, на берегахъ котораго, какъ мы уже сказали, живутъ казаки. Многіе думали, что эта рѣка непосредственно впадаетъ въ Волгу, но я убѣдился въ противномъ и со всѣмъ нашимъ экипажемъ могу увѣрить, что эти двѣ рѣки не имѣютъ ни какого сообщенія и что казаки должны идти сухопутно цѣлый день для того, чтобы переволочить свои лодки изъ одной рѣки въ другую, чего бы они не сдѣлали, если бы вѣрно было, что соединеніе этихъ двухъ рѣкъ могло бы избавить ихъ отъ этого труда.

Послѣ выступленія 800 дворянъ, maîtres, Богдановъ увѣдомилъ воеводу о томъ, что онъ узналъ отъ одного казака, взятаго въ плѣнъ Москвитянами, будто мятежники вступили въ Царицынъ, гдѣ умертвили болѣе 1200 человѣкъ гарнизона. Онъ прибавлялъ, что Татары раздѣлились и бьютъ безпощадно другъ друга. Такъ какъ его помощь опоздала, то онъ удалился въ Черный Яръ, гдѣ разсчитываетъ простоять до прихода непріятеля; узналъ еще, что Москвитяне, такъ жестоко измучили этого несчастнаго казака, что самые грубые изъ его враговъ выразили къ нему сожалѣніе.

Мятежъ все усиливался; вооружили всѣ лодки, взятыя изъ ближнихъ мѣстъ, а нѣсколько дней спустя ихъ было около 40, изъ которыхъ каждая была снабжена маленькой чугунной пушкой. Собралось болѣе 2600 Москвитянъ и 500 Астраханцевъ, d' Astrarataі, надъ которыми принялъ началь-

ство князь Семенъ Ивановичъ Львовъ, knées Simeon Ivanovits Elbof [180]). Этотъ отрядъ былъ взятъ изъ Астраханскаго гарнизона; Полковникомъ въ немъ былъ Полякъ, по фамиліи Рожинскій [181]) Rusinski; а помощникъ Виндронгъ, Windrong, Шотландецъ. Другіе иностранные офицеры были: Павелъ Рудольфъ, Нѣмецкій капитанъ, Робертъ Гейтъ, Англійскій капитанъ, и Николай Скакъ, Nikolas Scaac, который былъ произведенъ Русскими изъ лейтенантовъ нашего корабля въ капитаны. Было еще два поручика и нѣсколько прапорщиковъ—Нѣмцы. Остальные были Русскіе или Поляки. Флотъ этотъ вышелъ изъ Астрахани 25-го Мая, въ Троицынъ день. Чтобы настращать воиновъ и заставить ихъ исполнять свои обязанности, во время салютовъ передъ отплытіемъ, въ виду всего флота, повѣсили бѣднаго полуживаго казака.

Какъ только флотъ отплылъ, Астраханская чернь, до тѣхъ поръ только роптавшая, нахально излила свою злобу на дѣйствія воеводы, офицеровъ и даже пригрозила имъ. Но что она ни дѣлала, воевода не показалъ даже вида, что слышитъ ихъ, откладывая наказаніе ихъ до возвращенія флота, въ желанномъ успѣхѣ котораго не сомнѣвались. Къ тому же, такъ какъ гарнизонъ былъ слабѣе обыкновеннаго, то опасались, чтобы, въ случаѣ возмущенія, народъ не превозмогъ. Между тѣмъ, узнали отъ одного бѣжавшаго дворянина, что враги завладѣли Чернымъ Яромъ, Tzornojar, который взяли приступомъ въ тотъ самый день, когда къ нему подошелъ флотъ, что изрубили всѣхъ, не пощадивъ никого; а солдаты Московскаго флота, умертвивъ всѣхъ своихъ офицеровъ, сдались побѣдителю, не смотря на то, что за четверть часа до этого присягнули въ томъ, что положатъ жизнь свою за дѣло государя.

Этою новостью, встревожившею начальство усилилась дерзость народа; уже раздавались глухія и скрытыя жалобы; злобу на воеводу выражали нагло, его поносили и оскорбляли при всякой встрѣчѣ. Нашлись даже смѣльчаки, которые сказали ему, что онъ довольно хозяйничалъ, что теперь настала очередь управлять властелину, болѣе свѣдущему и достойному. Богачи и дворяне не смѣли показываться въ народѣ и ежеминутно опасались, чтобы народъ не перебилъ ихъ.

Это буйство, котораго большая часть дворянъ испугалась, не помѣшало воеводѣ водворять повсюду порядокъ. Онъ положился на бывшихъ въ городѣ Нѣмцевъ и, въ ожиданіи помощи, которую слали ему изъ Московскаго государства, ввѣрилъ имъ первыя должности, поручилъ охранять артиллерію и приблизилъ ихъ къ себѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ полагалъ, что иностранцы будутъ вѣрнѣе жителей и безопаснѣе ввѣрить охрану города имъ, нежели злонамѣренному народу, который искалъ только

[180]) Второй послѣ князя Прозоровскаго воевода въ Астрахани.

[181]) Или Ружинскій. Н. И. Костомаровъ (Бунтъ С. Разина, и м. и из., II, 290) называетъ отрядъ, посланный на помощь Богданову, „полкомъ“, а во Французскомъ переводѣ стоитъ (II, 77) détachement.

случая, чтобы заявить преданность врагу государя. Не смотря на всѣ эти предосторожности, мы думали, что воевода не будетъ въ состояніи разсѣять грозу, готовую разразиться надъ городомъ. Полчища Разина росли съ каждымъ днемъ, онъ одерживалъ большія побѣды, и счастье всюду сопровождало его. Каково же было сопротивляться ему? Такъ какъ мы полагали, что это невозможно, то умоляли воеводу, желавшаго удержать насъ, возвратить намъ свободу, которою мы пользовались, когда пристали къ берегамъ Астрахани, и принять во вниманіе то, что мы должны были исполнить другія приказанія по службѣ Его Царскому величеству. Если бы мы не имѣли намѣренія продолжать наше путешествіе, то не боялись бы вмѣшиваться, не сомнѣвалсь въ томъ, что Разинъ, знавшій насъ и нашу преданность государю, поступилъ бы съ нами жесточе, нежели съ другими. Вотъ почему мы рѣшили не только оставаться свободными, но даже искать случая удалиться. Хотя въ городѣ было достаточно военныхъ запасовъ для того, чтобы сопротивляться стотысячному войску, и, какъ бы ни былъ силенъ непріятель, съ его стороны было бы безразсудно осаждать его: тѣмъ не менѣе пронесся слухъ, что онъ съ безчисленными полчищами приближается очень быстро. По мѣрѣ того, какъ слухъ этотъ росъ, наглость черни усиливалась, что заставляло подозрѣвать тайныя сношенія одной стороны съ другой. Такъ какъ воевода и мы были здѣсь не въ безопасности, ибо намъ угрожали тѣмъ, что мятежники насъ первыхъ принесутъ въ жертву своей жестокости: то капитанъ [182]) собралъ насъ и объяснивъ, что мы, вмѣсто того чтобы покинуть городъ, подвергаемся опасности быть въ немъ запертыми, распорядился наконецъ, чтобы каждый сегодня же, захвативъ свои лучшіе пожитки, возвратился на корабль и былъ готовъ къ отплытію въ Персію. Къ этому онъ присовокупилъ, чтобы мы не замедлили явиться на корабль прежде, нежели запрутъ городскія ворота, такъ какъ было рѣшено не ожидать никого, изъ опасенія, чтобы, узнавъ объ этомъ, не помѣшали бы нашему отплытію. Хотя времени было мало, но мы съ такою радостью уходили изъ этого города, что успѣли въ точности исполнить распоряженія. Въ назначенный часъ было готово, и наши вещи были сданы на руки штурману, pilote. Въ нашемъ экипажѣ были женатые съ дѣтьми. Одного звали Корнелій Бракъ, а другаго Яковъ Траненъ, Iacob Trappen. Впрочемъ, капитанъ запретилъ увѣдомлять ихъ объ этомъ (отъѣздѣ), не желая брать ихъ на свое попеченіе во время такого продолжительнаго плаванія. Но такъ какъ я находилъ, что это запрещеніе противно чувству любви къ ближнему и было бы жестоко предавать своихъ соотечественниковъ ярости черни, которая не пощадитъ ихъ, то и увѣдомилъ ихъ о полученномъ приказаніи и устроилъ такъ, что первый изъ нихъ явился на корабль съ женою и ребенкомъ. Что же касается Якова Трапена, то онъ сказалъ, что нѣтъ у него денегъ и онъ не знаетъ, откуда ихъ достать, а потому и не осмѣлится покуситься на такое предпріятіе.

[182]) Давидъ Бутлеръ, который впослѣдствіи раздумалъ и рѣшилъ остаться въ городѣ

Съ выраженіемъ такого горя описалъ онъ мнѣ свое затруднительное положеніе, что я весьма пожалѣлъ, что не могу дать ему въ займы денегъ и тѣмъ извлечь его изъ мѣста, въ которомъ онъ долженъ былъ подвергаться величайшему бѣдствію и ежеминутной опасности погибнуть подъ развалинами города, или быть убитымъ чернью, которая со дня на день разъярялась сильнѣе на воеводу, безнаказанно угрожая ему и даже начиная оскорблять его. Къ спасенію не было никакого средства, въ особенности, еслибы Разинъ осадилъ городъ, въ чемъ почти уже не сомнѣвались, такъ какъ увѣряли, что онъ недалеко, и силы его превосходятъ всякое вѣроятіе. Такимъ образомъ, этотъ бѣдный человѣкъ подвергался ярости бунтовщиковъ наглости жителей и ужасамъ нищеты. Не смотря на все это, надобно было уступить необходимости и положиться на святое Провидѣніе, которому мы и предали его. Оставивъ его, мы, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, сѣли въ шлюбку. Такъ какъ не являлись нашъ капитанъ и двое изъ экипажа, Брандъ и Термундъ, то мы ждали ихъ до того, что боялись очутиться въ бѣдѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало опасаться, чтобы насъ не открыли; въ этомъ случаѣ съ нами навѣрное обошлись бы дурно, такъ какъ воевода далъ понять что онъ не желаетъ, чтобы мы возвращались на свой корабль, прежде нежели утихнетъ волненіе. Эти и нѣкоторыя другія причины смутили духъ и пробудили нетерпѣніе нѣкоторыхъ боявшихся дурныхъ послѣдствій отъ дальнѣйшаго промедленія и хотѣвшихъ сейчасъ же ѣхать. Начальникъ корабля напомнилъ, что по совѣсти они не могли этого сдѣлать и, если изъ трусости покинутъ они своего капитана, которому обязаны многимъ, то ихъ всякій осудитъ. Эти слова успокоили ихъ. Прождали до полуночи, но затѣмъ согласились, что долѣе ожидать нѣтъ возможности, такъ какъ опасность была неминуема. Кромѣ того, можно было думать, что онъ, или избралъ для бѣгства другой корабль, или попался въ плѣнъ. Замѣтьте при этомъ, что нужно было опасаться, какъ бы жена бѣднаго Трапена, о которомъ мы выше упомянули, будучи не въ состояніи молчать, не открыла нашего мѣстопребыванія. И такъ, отчалили мы отъ берега смѣло, ибо стоявшій между нами и городомъ нашъ корабль скрывалъ отъ жителей шлюбку, что способствовало нашему побѣгу. Къ тому же Астраханцы далеки были отъ мысли, что мы отважимся пуститься въ море на такомъ непрочномъ суднѣ. Такъ какъ терпѣніе наше истощилось, а надежда оказалась тщетною, то мы, наконецъ, рѣшили направить свой путь въ Персію, хотя несомнѣвались въ томъ, что предпріятіе это было сопряжено съ многими неизбѣжными опасностями и тяжкими бѣдствіями.

Глава XVI.

Отъѣздъ автора.—Штурманъ прокладываетъ невѣрный путь.—Безпокойство экипажа по этому поводу.—Онъ плыветъ прямо и счастливо отправляется.—Описаніе Четырехъ-Бугровъ.—Необыкновенно высокій тростникъ на этомъ островѣ.—Блестящій песокъ.—Татарская барка на мели.—О странѣ черкесовъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ.

12-го Іюня мы отчалили, но, къ несчастью, наше судно тотчасъ же уклонилось отъ своего пути, слѣдуя не кстати по одному изъ рукавовъ рѣки. Мы встрѣчали кое-гдѣ хижины Татаръ, которые могли бы указать намъ настоящій путь; но мы не осмѣливались довѣриться имъ, такъ какъ у нихъ существуетъ обычай хватать иностранцевъ и продавать ихъ въ рабство. Край этотъ не изъ лучшихъ, но почва хороша. Верблюды, дромадеры, лошади, овцы и тому подобныя животныя находятъ здѣсь изобильную пищу. Мы видѣли здѣсь нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, наполненныхъ кабанами и поросятами; но все это не могло уменьшить нашего безпокойства о томъ, что мы не могли плыть по прямому направленію. Въ теченіи двухъ дней мы переходили только съ одного мѣста на другое, не зная, подвигаемся ли впередъ, или назадъ, что причиняло намъ чрезвычайное безпокойство и огорченіе. Наше горе довела до крайности неслыханная до селѣ гроза; удары грома и молніи были такъ часты и сильны, что считали этотъ день послѣднимъ въ своей жизни. Не будучи въ состояніи устоять противъ стольких бѣдъ въ одно и то же время, мы искали убѣжища на сосѣднихъ островахъ, гдѣ ожидали окончанія грозы. Затѣмъ, направились къ Югу и черезъ нѣсколько часовъ встрѣтили Татаръ, которые спросили насъ, куда мы ѣдемъ. Мы отвѣчали по русски, такъ какъ этотъ языкъ употребляется ими, что ищемъ прохода къ морю. На это они возразили, что мы идемъ не потому пути, и тотъ котораго мы держимся, приведетъ насъ къ Татарамъ Черемисамъ. Мы поблагодарили Татаръ за добрый совѣтъ и просили ихъ направить насъ туда, куда намъ должно плыть, обѣщая заплатить имъ за трудъ. Мы сторговались за червонецъ. Во время пути они сообщили намъ, что на той сторонѣ, на которой они встрѣтили насъ, мы непремѣнно попались бы въ руки Татаръ, которые обратили бы насъ въ рабство и обходились бы съ нами безчеловѣчно. Мы сомнѣвались въ справедливости ихъ словъ. Впрочемъ, хотя они казались человѣколюбивѣе тѣхъ, о комъ говорили, мы остерегались и недовѣряли имъ. Поэтому-то, прежде чѣмъ слѣдовать за ними, мы заставили перейти на наше судно одного изъ нихъ. Сей послѣдній долженъ былъ отвѣчать за искренность прочихъ. Они проводили насъ къ устью рѣки, гдѣ ловится осетръ, éturgeon [183]), называе-

[183]) Вмѣсто esturgeon Tursio.

мый на туземномъ языкѣ учугъ, outsiougue [184]) и другая рыба, называемая бѣлугой, bielogue. Изъ яицъ сей послѣдней приготовляется икра, извѣстная въ Европѣ и Азіи.

Для удобства въ ловлѣ рыбы вколачиваютъ на рѣкѣ множество кольевъ, которые образуютъ весьма большой треугольникъ, въ которомъ рыба, разъ попавши, не можетъ двинуться ни назадъ ни впередъ, ни даже повернуться на такомъ маленькомъ пространствѣ, длиною обыкновенно отъ двадцати пяти до двадцати шести футъ. Когда она попадется, рыболовы убиваютъ ее острогою, à coubs de javelots, и приготовляютъ икру изъ вынутыхъ яичекъ. Рыболовы цѣнятъ только эти яйца, вѣсящія иногда триста или четыреста фунтовъ. Что касается рыбы, то до того не дорожатъ ею, что только изрѣдка солятъ ее. Да если и дѣлаютъ это, то лишь для отправки въ Московію, гдѣ ее покупаетъ простой народъ. Торговля здѣсь икрою не уступаетъ торговлѣ масломъ въ Голландіи. Масла Москвитяне не ѣдятъ въ теченіи поста, когда употребляютъ икру на всевозможныя приправы, почему ея съѣдается въ страшномъ количествѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Татары остановили насъ, говоря, будто не смѣютъ провожать далѣе, опасаясь встрѣчи съ своими единоплеменниками, которые не простили-бы имъ оказанной намъ услуги. Они увѣрили, что плывя по прямому направленію отъ этихъ кольевъ, не крейсируя, мы непремѣнно найдемъ устье рѣки. Когда мы дали имъ условленную плату, они при этомъ выразили опасеніе, чтобы стрѣльцы въ караульнѣ, les soldats d'un corps de garde нарочно поставленной на этомъ мѣстѣ, не помѣшали намъ пройти. Сіе послѣднее извѣстіе причинило намъ крайнее безпокойство, такъ какъ мы не предвидѣли этого препятствія; но какая бы опасность насъ ни ждала, мы рѣшили пройти или, защищаясь, погибнуть.

Съ такою рѣшимостью мы продолжали нашъ путь по очень узкому пространству, такъ какъ теченіе рѣки у обоихъ ея береговъ было занято вышеупомянутыми кольями. Въ концѣ пути (по рѣкѣ) мы увидѣли небольшое укрѣпленіе, о которомъ говорили Татары, но къ счастью, въ немъ не было тогда стрѣльцовъ, soldats. Такимъ образомъ, прошли мы благополучнѣе, нежели думали. За опасностью слѣдовали хлопоты объ отысканіи хлѣба, котораго каждый изъ насъ ѣлъ не болѣе двухъ унцій въ день: такъ его немного было у насъ. Съ этой цѣлью мы направили судно къ рыболовамъ, жившимъ вблизи и передали имъ, въ какой были крайности. Но это такъ мало тронуло ихъ, что мы, послѣ неоднократныхъ настоятельныхъ просьбъ, возвратились съ такимъ успѣхомъ, какъ будто и не говорили имъ объ этомъ.

14-го вышли въ море въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга впадаетъ въ него нѣсколькими рукавами, образующими множество острововъ, окруженныхъ тростникомъ, исключая Четырехъ-Бугровъ, который окруженъ цѣпью скалъ.

[184]) Учугомъ называется группа рыбачьихъ хижинъ, какъ бы рыбный заводъ. Тутъ у Стрюйса (II, 91) очевидная ошибка.

На одномъ утесѣ мы увидѣли хижинку, которую Разинъ приказалъ выстроить для того, чтобы подстерегать проѣзжихъ. И вотъ, какъ только его соумышленники замѣчали (на морѣ) какія нибудь суда, то гнались за ними и грабили. Отсюда до горъ Черкесовъ мы плыли на глубинѣ двухъ или трехъ саженъ [185]). У однихъ птицъ на этомъ берегу длинный клювъ, напоминающій ложку, у другихъ онъ похожъ на пеликаній. На нѣкоторомъ разстояніи отъ берега мы встрѣчали тростникъ вышиною съ самыя большія деревья. Между нимъ и берегомъ глубина была такая, какъ въ открытомъ морѣ: вотъ почему это мѣсто защищено отъ вѣтра, сила котораго ослабляется тростникомъ. Это служитъ для путешественниковъ спасеніемъ во время бури, такъ какъ, останавливаясь немного выше этого мѣста, они могутъ быть въ безопасности, а по окончаніи грозы выйти оттуда, двигаясь съ съ помощью каната, къ которому привязанъ ихъ якорь. По крайней мѣрѣ мы были весьма довольны, поступивъ такимъ образомъ, когда близъ этого мѣста были застигнуты бурею, отъ которой безъ сомнѣнія погибли бы, если бы не прибѣгли къ этому средству. До входа на это мѣсто двое человѣкъ не успѣвали ведрами выкачивать воду, заливавшую судно. Эта непогода продолжалась до пяти часовъ утра. Лишь только она миновала, мы направились къ Югу-четверть-Юго-Западу, au Sud quart à l' Ouest, а вѣтеръ дулъ юговосточный. Я попробовалъ въ этомъ мѣстѣ воду, полагая, что она солона, какою въ сущности и должна быть; а между тѣмъ она была прѣсная и очень хорошая для питья не только на мой вкусъ, но и на вкусъ всего экипажа, который пилъ ее нѣсколько разъ, при чемъ каждый находилъ, что нисколько не солона. Мы измѣрили также высоту и нашли, что были подъ $22^0\ 4'$ сѣверной широты, de la bande du Sud.

15-го направились въ открытое море и отошли такъ далеко, что съ самаго входа въ заливъ Кизиларкъ, Kisilarque, ширина котораго равняется почти 40 милямъ, потеряли изъ виду берегъ. Около острововъ этого залива есть песокъ, похожій на золотой, который свѣтитъ въ темнотѣ подобно пламени отъ большаго огня. За этотъ цвѣтъ жители назвали его кизиларкъ-ольтъ-кбекъ, Kisilarke-olt-kbeek, то есть золотымъ заливомъ. Отъ времени до времени я пробовалъ воду и находилъ, что она имѣла то вкусъ селитры, то горькій, иногда сѣрный и, наконецъ, опять прѣсный. Отсюда я вывелъ заключеніе, что эти измѣненія зависятъ почти только отъ дна, свойства котораго сообщались находившейся надъ нимъ водѣ. Рѣка Кизиларкъ есть рукавъ рѣки Бустро, Bustro, берущей начало въ восьми миляхъ выше Тарковъ, Terki, откуда течетъ на разстояніи болѣе 65 миль параллельно Волгѣ. Между тѣмъ съ каждою минутою опасеніе наше увеличивалось и довольно основательно: наша шлюбка такъ погрузилась, что не доставало только фута, чтобы опуститься совсѣмъ въ воду. Изо всѣхъ жизненныхъ припасовъ у насъ осталось только пять или шесть фунтовъ хлѣба;

[185]) Во Французскомъ текстѣ brasse, что составляетъ 6 Англійскихъ футовъ.

а къ довершенію бѣдствій, шквалъ, продолжавшійся всю ночь, вздымалъ на морѣ такія волны, что мы отчаявались въ возможности подойти къ берегу. Къ тому же нужно было всю ночь выкачивать и вычерпывать воду, и то насъ чуть было не затопило, такъ какъ волны безпрестанно заливали нашу лодку. На другой день, такъ какъ вѣтеръ продолжалъ дуть, а берега не было видно, то мы потеряли всякую надежду и ограничились тѣмъ, что предоставили Небу вести насъ, не будучи сами въ состояніи что нибудь сдѣлать. На слѣдующій день дулъ благопріятный вѣтеръ, который помогъ намъ въ короткое время пройти большое пространство. На Югѣ мы увидѣли берегъ, и вскорѣ, замѣтивъ лодку, направились въ ту сторону. Эта лодка стояла на мели, а Дагестанскіе Татары, которымъ она принадлежала, бросились въ воду, когда замѣтили, что мы приближаемся. Мы закричали имъ, чтобъ они не пугались, что мы не враги имъ. Эти слова успокоили ихъ и побудили снова войти въ лодку. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, предложенныхъ съ цѣлью привлечь ихъ, мы попросили у нихъ хлѣба, за который обѣщали заплатить, что они пожелаютъ. Прежде они сказали, что у нихъ нѣтъ его; но весьма жалобный тонъ голоса, нѣсколько вздоховъ и взглядовъ на небо, показали имъ, что мы крайне нуждались, что побудило ихъ предложить намъ шесть маленькихъ хлѣбовъ и нѣсколько сушеныхъ сливъ и грушъ, за что мы весьма чувствительно благодарили ихъ. Эта лодка была нагружена тюками шелку, который Татары должны были продать въ Астрахани. Когда же мы сообщили имъ, въ какомъ плачевномъ состояніи оставили городъ, которымъ, безъ сомнѣнія, завладѣлъ уже Разинъ, то они измѣнили намѣреніе и рѣшили везти его въ Тарки, гдѣ ничемъ не рисковали, хотя здѣсь прибыль должна быть меньше. Мы же, лишенные всего, не зная, куда идти за покупкою того, что намъ было необходимо, полагали, что поступимъ лучше всего, если поплывемъ вмѣстѣ съ ними. Провидѣніе помогло намъ прибыть туда очень скоро и безпрепятственно. Когда мы пристали къ берегу, то десять или двѣнадцать солдатъ подошли къ намъ, неизвѣстно, съ какою цѣлью, но долго наблюдали за нами, не говоря ни слова. На всякій случай мы приготовили свое оружіе и, должно быть, выказали рѣшительность даже большую, нежели какою обладали. Солдаты, судя по наружности о внутреннихъ достоинствахъ, ограничились тѣмъ, что спросили, кто мы такіе и откуда пришли. Мы отвѣчали имъ такъ, какъ поступали въ другихъ мѣстахъ, что мы Голландцы и по приказанію его царскаго величества отправляемся моремъ въ Персію: цѣль наша высмотрѣть съ этого суденышка мѣста для того, чтобы обходить ихъ на обратномъ пути съ кораблями, назначенными для этого предпріятія и что эта была единственная цѣль нашего путешествія. Они отвѣчали, что если это дѣйствительно такъ, то намъ слѣдуетъ явиться къ правителю. Мы возразили, что не преминемъ сдѣлать это, но такъ какъ уже очень поздно, то отложимъ посѣщеніе на слѣдующій день. При этомъ отвѣтѣ они удалились и оставили насъ въ покоѣ. Но мы не долго наслаж-

дались имъ, боясь каждую минуту, чтобы не хватились насъ. Бывъ на столько просты, что признались Татарамъ, что мы искали дорогу, что вышли изъ Астрахани безъ вѣдѣнія воеводы, мы боялись и не безъ основанія, чтобъ они не обнаружили нашей тайны и чтобъ не воспользовались этимъ предлогомъ съ цѣлью задержать насъ: вотъ почему съ восходомъ солнца, мы подняли якорь, распустили паруса и поплыли въ море [186]).

. . . . . .

Дальнѣйшая судьба Стрюйса полна приключеній. Судно, на которомъ онъ съ товарищами бѣжалъ изъ Астрахани, было выброшено на Дагестанскій берегъ. Всѣхъ, плывшихъ на немъ, взяли въ плѣнъ. Стрюйса отвели къ хану или шамхалу Байянскому на югъ отъ Тарковъ; потомъ продали одному Персу; затѣмъ онъ перемѣнилъ хозяина и послѣ различныхъ переѣздовъ былъ опять купленъ въ Шемахѣ однимъ грузиномъ, посланникомъ польскаго короля. Годъ спустя Стрюйсъ заплатилъ за себя выкупныя деньги и 30 октября 1671 года присоединился къ каравану, отправлявшемуся въ Испагань. Отсюда пробрался онъ въ Ширазъ, Ларъ и Гамролъ, отплылъ въ Батавію, и послѣ безчисленныхъ приключеній, возвратился въ третій разъ, 7 октября 1673 года въ Голландію. Нѣсколько времени спустя, онъ уѣхалъ въ Дитмаршъ, гдѣ умеръ въ 1694 году.

[186]) Затѣмъ авторъ, описавъ Тарки, перешелъ 18-го Іюля за границу Московскаго царства, которое отдѣлялось, по его словамъ, отъ земелъ Черкесовъ рѣкою Тименки Timenki, или, Тарки, Terki, рукавомъ рѣки Бастро, Bastro, которую выше называлъ Быстро, Bustro, т. е. Быстрая, упоминаемая Де-Лукомъ, Ламберти и др.

Копія съ письма, писаннаго неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ „Орлѣ", стоящемъ на якорѣ подъ г. Астраханью *).

24 Сентября (стараго стиля) 1669 г.

28-го Мая мы изъ Москвы отправились въ путь въ маленкой лодкѣ, въ которой спустились по рѣкѣ Окѣ до села, называемаго Дѣдновымъ. Въ этомъ селѣ мы увидѣли яхту и корабль [1]), которые были тамъ выстроены по приказанію Московскаго царя. 6-го Іюня сѣли на эти два судна и 7-го прибыли въ Нижній Новгородъ, гдѣ Ока впадаетъ въ Волгу. Первая всюду глубока, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, въ которыхъ мы натолкнулись на грунтъ. Оба ея берега покрыты деревьями, которыя до такой степени мѣшали нашему бугсприту, что пришлось покинуть его здѣсь. Новгородскій воевода Максимъ Ивановичъ Нащокинъ, Maxim Ivanovvitz Nachokkin [2]) оченъ хорошо принялъ Бутлера, командира этихъ двухъ судовъ. Онъ былъ два или три раза на его суднѣ и ежедневно присылалъ ему свѣжіе съѣстные припасы.

1-го мы вошли въ рѣку Казанку, протекающую въ пяти верстахъ, changerons, отъ Казани. Воевода въ этомъ городѣ, Юрій Петровичъ Трубецкой, былъ добръ и учтивъ. Онъ радушно принялъ капитана Бутлера и снабдилъ его нѣкоторыми съѣстными припасами, въ которыхъ онъ нуждался. 16-го снялись мы съ якоря, проплыли мимо нѣсколькихъ городовъ и между прочими мимо Камышино, Camuschinka. Этотъ городъ очень малъ и былъ выстроенъ съ годъ тому назадъ. Онъ расположенъ на берегу рѣки, отъ которой получилъ свое названіе и которая впадаетъ въ Донъ, Tanaïs, берега котораго составляютъ обыкновенное мѣстопребываніе казаковъ, живущихъ исключительно грабежомъ.

13-го мы были въ виду Астрахани, которую салютовали на слѣдующій день одиннадцатью пушечными выстрѣлами и тремя залпами изъ ружей, послѣ чего снялись съ якоря и вышли въ морѣ, (ставши) недалеко отъ города, donnâmes fond proche de la ville. На пути насъ увѣдомили, что казаки рыскаютъ по Волгѣ; а въ Астрахани узнали, что 3000 Москвитянъ преслѣдуютъ ихъ (и всѣ) ждутъ извѣстія объ успѣхѣ ихъ предпріятія. Три года тому назадъ эти казаки причиняли много вреда на Каспійскомъ морѣ и годъ тому назадъ отняли у царя городъ Яикъ, гдѣ умертвили болѣе 8000 человѣкъ и совершили великія злодѣйства. Изъ этого города

*) Это письмо и нижеслѣдующее составляютъ приложенія къ сочиненію Стрюйса. П. Б.

[1]) Въ Дѣдновѣ построены были: корабль, яхта, два шнека и ботъ. Ср. Соловьева, Исторія Россіи, т. XII, с. 286.

[2]) Straussens merkw. Reisen, 206: Maxim Iwanowitz Nachokin, какъ пишетъ г. А. Поповъ (О построеніи, с. 13). Воеводою въ Нижнемъ былъ въ это время Максимъ Ивановичъ Ордынъ-Нащокинъ. Д. къ А. И., V, № 47, с. 280.

они отправились въ Персію, въ которой овладѣли тремя городами, а съ жителями поступили такъ, какъ въ Яикѣ; будто ихъ предводитель, по имени Стенька или Стефанъ Разинъ не болѣе 15 дней тому назадъ захватилъ Персидское судно (бусу), нагруженное драгоцѣнными товарами и нѣсколькими лошадьми, которыхъ Персидскій шахъ посылалъ царю.

17-го воевода прибылъ на нашъ корабль, гдѣ получилъ извѣстіе, что казаки раскаялись въ своей винѣ и предаютъ себя во власть его величества и уже возвратили вышеупомянутыхъ лошадей. Новость эта была принята съ такою радостью, что воевода приказалъ намъ выстрѣлить изъ всѣхъ нашихъ пушекъ. Мы дали нѣсколько залповъ.

19-го явились три казака и, въ качествѣ пословъ, просили у воеводы позволенія видѣться. Они были одѣты великолѣпно, шапки же были украшены множествомъ жемчугу и бриліантовъ. Обращаясь къ самому молодому изъ нихъ, говорившему отъ имени казаковъ, воевода сказалъ, что царь милуетъ ихъ предводителя и забылъ прошедшее. Посланные осмѣлились просить, чтобы ихъ предводитель былъ принятъ съ почестами; но воевода отвѣчалъ, что это невозможно по причинѣ имъ небезъизвѣстной, да ему и самому, куда онъ не являлся въ качествѣ воеводы, нигдѣ не отдавали особенныхъ почестей. Затѣмъ онъ повелъ ихъ къ себѣ. Здѣсь посланные роптали на то, что имъ слишкомъ долго, по ихъ мнѣнію, не даютъ водки.

21-го, съ утра, показался Московскій флотъ, состоявшій изъ 50 судовъ, на которыхъ было болѣе 3000 человѣкъ и на каждомъ по одному или по два литыхъ орудія. Въ два часа появился казачій флотъ, состоящій изъ 23 парусныхъ судовъ. Вечеромъ воевода прислалъ на нашъ корабль 200 Москвитянъ. Подойдя къ городу, флотъ далъ залпъ изъ всѣхъ орудій, на что казаки, которыхъ было не болѣе 1000 человѣкъ, отвѣчали всеобщей пальбой изъ своихъ орудій. Когда Москвитяне удвоили пальбу, казаки сдѣлали тоже. Затѣмъ мы дали залпъ изъ 200 ружей и 13 пушекъ. Спустя нѣкоторое время, Москвитяне, проходя вблизи нашего корабля, дали третій залпъ, на который мы отвѣчали по прежнему. Когда же они удалились, казаки заняли покинутый ими постъ.

22-го казаки опять поднялись по рѣкѣ и отошли на столько, что мы потеряли ихъ изъ виду. Съ этого времени было запрещено посѣщать ихъ. Въ тотъ же день нѣкоторые изъ нихъ, богато одѣтые, отправились въ Астрахань, куда на слѣдующій день явился ихъ предводитель. Тогда же рѣшено было удержать въ городѣ его оружіе и знамя. Человѣкъ этотъ жестокъ и грубъ, въ особенности въ пьяномъ видѣ: тогда величайшее удовольствіе находитъ онъ въ мученіи своихъ подчиненныхъ, которымъ приказываетъ связывать руки надъ головою, наполнять желудокъ пескомъ и затѣмъ бросаетъ ихъ въ рѣку.

Ему сорокъ лѣтъ. До сихъ поръ онъ производилъ однѣ жестокости, заставляющія ненавидѣть его. Говорятъ, будто онъ лишилъ жизни нѣсколько

тысячъ Москвитянъ и болѣе сорока тысячъ Персіянъ, съ которыми живетъ въ согласіи.

Копія съ письма Давида Бутлера, писаннаго въ Испагани, 6-го Марта 1671, съ описаніемъ взятія Астрахани.

1-го Марта 1670 года присланъ царскій указъ всѣмъ морякамъ явиться въ Москву подъ страхомъ великаго наказанія. Нашъ экипажъ повиновался весьма охотно. Мнѣ же передъ отъѣздомъ поручили снабдить нашъ корабль всѣмъ необходимымъ, такъ чтобы онъ не нуждался ни въ снастяхъ, ни въ парусахъ, ни въ съѣстныхъ припасахъ; а главное, выстроить лодку, на которой можно было бы идти противъ казаковъ, если представится къ тому случай. Эта лодка была готова и спущена на воду въ Апрѣлѣ.

2-го числа этого мѣсяца составленъ былъ отрядъ въ 800 человѣкъ, частью Татаръ, частью Москвитянъ, который былъ отправленъ въ Царицынъ подъ предводительствомъ господина Леонтія Богданова. Этотъ городъ, расположенный на берегу Дона или Танаиса, находится въ 80 миляхъ отъ Астрахани. Нѣкоторые думаютъ, что эта рѣка впадаетъ въ Волгу, но ихъ мнѣніе неосновательно, и казаки употребляютъ цѣлый день для перенесенія изъ одной рѣки въ другую своихъ лодокъ, которыя выдолблены изъ толстаго дерева. Казаки говорятъ по-русски и весьма мало отличаются отъ подданныхъ царя.

28-го узнали отъ плѣнника противной стороны, что казаки завладѣли Царицынымъ, Tzaniza, гдѣ изрубили гарнизонъ, состоявшій изъ 1000 или 1,200 человѣкъ. Въ то же время получено было извѣстіе о томъ, что Татары, поссорившись, били другъ друга, при чемъ Богдановъ удалился въ Черный Яръ, Chornojar, городъ средней величины, (лежащій) въ 50 миляхъ отъ Астрахани. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ, воевода велѣлъ снарядить всѣ, находящіяся въ окрестностяхъ суда и отправилъ ихъ на помощь подъ начальствомъ Ивана Рожинскаго, Ivan Rusinski, Польскаго полковника, помощникъ котораго также получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію во главѣ 500 человѣкъ, все почти поляковъ или Русскихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ, Англійскаго капитана Роберта Гейна, Robert Hein, и Николая Шака, Nikolas Schak, моего помощника, котораго произвели въ капитаны.

Въ Понедѣльникъ 25 Мая отправили сорокъ лодокъ, barques, съ 2105 человѣками, взятыми большею частію изъ гарнизона, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ 500 человѣкъ. Въ этотъ день въ виду всей арміи повѣсили плѣннаго казака, о которомъ мы говорили выше (?), подвергнувъ его страшнымъ мученіямъ. Съ этого времени въ городѣ слышался ропотъ

только и говорили о бунтахъ, мятежахъ и возмущеніяхъ. Во время этихъ смутъ возвратился гонецъ, посланный царемъ къ Персидскому шаху, и я купилъ у его хирурга шелковыхъ тканей и 480 кожъ.

4-го (Іюня) узнали отъ нѣкоего дворянина, что Москвитяне, предводительствуемые полковникомъ Семеномъ Ивановичемъ, Simeun Ivanowitz (Львовымъ?), подошедъ къ Черному Яру, Chornojaar, взбунтовались въ тотъ же день подъ предлогомъ, будто непріятель былъ сильнѣе и многочисленнѣе, нежели имъ сказали. Дворяне были всѣ перерѣзаны за то, что хотѣли объяснить имъ, какъ важно для нихъ оставаться въ должномъ повиновеніи. Эта новость испугала всѣхъ жителей, а воевода (Астраханскій) далъ мнѣ приказаніе позаботиться о пушкахъ на столько, чтобы ни въ чемъ не было недостатка.

5-го возмущеніе усилилось; перенесли въ крѣпость все, находящееся на нашемъ кораблѣ; зарядили пушки и приготовились противо стоять черни (canaille—сволачь), которая искала только случая снять личину и нанести оскорбленіе воеводѣ. Хирургъ, о которомъ я уже упоминалъ, зная нравъ и наклонности Русскихъ, увѣрялъ меня въ томъ, что если неудовольствіе ихъ продолжится еще нѣсколько дней, то оно неминуемо разразится, а въ такомъ случаѣ мы будемъ не въ безопасности, такъ какъ при такихъ столкновеніяхъ иностранцевъ убиваютъ прежде всѣхъ. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ намъ больше не платили жалованья, то мы не обязаны дольше служить и сдѣлаемъ лучше всего, если уйдемъ во время отъ опасности; если же будемъ медлить, то гибель наша не сомнѣнна. Хотя я не предвидѣлъ бѣдствій, о которыхъ говорилъ мнѣ этотъ человѣкъ, однакожъ подумалъ, въ виду грозившей Астрахани осады, о нашемъ удаленіи и запасѣ съѣстными припасами свыше, чѣмъ на годъ. Выслушавъ же его совѣтъ, я купилъ ихъ еще болѣе и спросилъ своихъ офицеровъ, какъ по ихъ мнѣнію слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ. Всѣ были того мнѣнія, что, ничего не говоря, слѣдуетъ удалиться, а чтобы сдѣлать это съ большою безопасностью, они согласились взять съ собою только свое платье; что же касается многихъ моихъ очень дорогихъ вещей, то они рѣшили уложить ихъ въ мой большой чемоданъ, а маленкій сундукъ и два большіе сундука, окованные желѣзомъ, наполнить множествомъ прекрасныхъ тканей, которыхъ мнѣ не хотѣлось терять. Послѣ того я отдалъ приказъ перенести съѣстные припасы такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ. На слѣдующій день, согласно моему распоряженію, все было готово. Но на суднѣ находились, не смотря на мое нежеланіе, жены двухъ матросовъ, изъ которыхъ у каждой было по ребенку, что разстроило наши планы, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы судно, длиною всего въ 26 футовъ, было бы достаточно для 23 душъ. Такимъ образомъ, боясь, избѣгнувъ одной опасности, попасть въ другую, я измѣнилъ рѣшеніе и рѣшилъ, что достойнѣе будетъ выждать окончанія этихъ смутъ и, если нужно будетъ, мужественно умереть, нежели погибнут

во время путешествія, успѣхъ котораго былъ сомнителенъ, а гибель неизбѣжна. Командиръ судна и хирургъ раздѣляли мое мнѣніе, и я послалъ одного изъ нихъ передать мое рѣшеніе штурману, pilote, бывшему на суднѣ съ остальными людьми нашего экипажа; но онъ не могъ этого исполнить, найдя ворота запертыми раньше обыкновеннаго. Я провелъ ночь въ безпокойствѣ, и хотя мои товарищи старались увѣрить меня въ томъ, что они не уѣдутъ безъ меня, я сомнѣвался въ этомъ и не ошибся. На другой день, какъ только отворили ворота, я послалъ матроса на судно, но нетерпѣніе помѣшало мнѣ дождаться его возвращенія: спустя минуту, я послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ, что они уплыли. Всѣ, оставшіеся со мной, такъ испугались, какъ будто наступилъ для нихъ смертный часъ. Я, вѣроятно, испугался не болѣе ихъ, но подавилъ свое чувство и утѣшалъ ихъ, какъ только могъ. Оттуда я отправился къ воеводѣ и увѣдомилъ объ ихъ бѣгствѣ; я объяснилъ ему причины, побудившія ихъ къ этому и увѣрялъ, что они поступили такъ не съ цѣлью соединиться съ казаками. Удовлетворился ли онъ этимъ, или остался равнодушнымъ, но показалъ, что это не безпокоитъ его. Въ тотъ же день дворянинъ, доставившій извѣстіе о возмущеніи Русскихъ противъ своихъ начальниковъ, былъ посланъ въ Москву съ извѣстіемъ о положеніи дѣлъ. Этотъ дворянинъ, пріѣхавшій со мной изъ Казани въ Астрахань, сказалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, что онъ не видѣлъ ничего, подобнаго ярости казаковъ противъ Русскихъ, что первые навѣрное дѣйствуютъ за одно съ народомъ и, безъ сомнѣнія, городъ будетъ преданъ.

9-го Іюня я осмотрѣлъ городскія укрѣпленія вмѣстѣ съ отставнымъ Англійскимъ полковникомъ, пріѣхавшимъ изъ Терскаго, Terki, города, лежащаго въ землѣ Черкесовъ, въ двухъ миляхъ отъ Каспійскаго моря съ крѣпостью, построенною однимъ Голландцемъ. Когда мы возвратились, воевода спросилъ, какого мы мнѣнія на счетъ укрѣпленій и что необходимо было сдѣлать для обороны города. На это полковникъ отвѣчалъ, что слѣдуетъ построить внѣшнія укрѣпленія, чтобы остановить первый приступъ непріятеля. Я же сказалъ, что вмѣсто того чтобы заниматься вещами, ни къ чему не ведущими, слѣдовало бы лучше объявить амнистію перешедшимъ на сторону бунтовщикамъ, если они возвратятся къ своимъ занятіямъ; что между прочимъ слѣдуетъ склонять недовольныхъ, а съ предводителями ихъ быть щедрыми, чтобы заставить ихъ отстать отъ шайки. Моему совѣту не послѣдовали. Между тѣмъ городъ охранялся исправно со всѣхъ сторонъ: Персіяне, Черкесы и Калмыки ходили безпрестанно дозоромъ при звукахъ гобоевъ, hautbois, и литавровъ, маршируя въ тактъ по укрѣпленіямъ съ необыкновенною радостью, которая была, можетъ быть, и неумѣстна.

15-го я обѣдалъ у воеводы. Послѣ обѣда онъ подарилъ мнѣ прекрасное атласное платье, двѣ пары штановъ, двѣ рубахи, весьма вѣжливо угощалъ, m'offrit sa table fort civilement, и поблагодарилъ за порядокъ,

который я поддерживаю между сотнею людей, довѣренныхъ мнѣ, и за усердіе къ службѣ царской.

19-го было получено извѣстіе о томъ, что казаки быстро, à grandes journées, приближаются. Это подтвердили рыбаки и крестьяне, стекавшіеся со всѣхъ сторонъ въ городъ. Во время этой тревоги вообразили, будто бѣжавшіе люди, вмѣсто того чтобы, согласно данному имъ приказанію, зарядить пушки, положили только послѣ пороха простой пыжъ, bouchon, или будто положили пыжъ прежде, чѣмъ насыпать порохъ, а затѣмъ ядро, что было все равно. Довѣряя подобнымъ неосновательнымъ предположеніямъ, воевода приказалъ позвать меня и велѣлъ разрядить въ моемъ присутствіи пушки; я нашелъ ихъ въ порядкѣ. Въ тотъ же день начальникъ нашего корабля подалъ странное мнѣніе на счетъ защиты города, послѣ чего ему велѣно было стоять у Вознесенскихъ воротъ, Uvolnofenske, мѣсто, на которомъ находился братъ воеводы Михайло Семеновичъ Прозоровскій, Prisorofski.

20-го воевода произвелъ меня въ подполковники полка, въ который я не хотѣлъ поступить. Тѣмъ не менѣе я вступилъ въ должность противъ желанія полковника, который, воображая, что я сильно добивался этого мѣста, сказалъ мнѣ однажды, что теперь не время происковъ, а время думать о защитѣ отечества. Но воевода былъ такъ добръ, что вывелъ его изъ заблужденія; тогда онъ вызвался хлопотать объ утвержденіи меня въ этой должности, за что я поблагодарилъ его и просилъ не безпокоиться объ этомъ. На другой день мнѣ назначили постъ близъ мѣста стоянки этого полковника, въ наименѣе защищенной части крѣпости.

22-го стали появляться казаки и въ тотъ же день послали одного изъ своихъ людей вмѣстѣ съ Московскимъ *) священникомъ съ требованіемъ сдачи города. Кромѣ письма къ воеводѣ, было письмо на Нѣмецкомъ языкѣ ко мнѣ, въ которомъ совѣтовали мнѣ, чтобы я, если хочу остаться въ живыхъ, воспрепятствовалъ своимъ людямъ сражаться, и ни во что бы не вмѣшивался. Воевода разорвалъ письмо, не дочитавъ его и тотчасъ же приказалъ обезглавить обоихъ депутатовъ. На другой день около 300 непріятельскихъ лодокъ подошли къ городу и расположились вдоль виноградника, лежащаго всего въ полумили; въ тоже время подожгли Татарскій кварталъ. Стоя съ воеводою на крышѣ его дома и замѣтивъ, что нѣсколько рыбачьихъ лодокъ сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ, я сказалъ ему, что это не можетъ быть терпимо, такъ какъ эти люди, не смотря на свою бѣдность, могли быть въ сообщничествѣ съ непріятелемъ. Найдя это мнѣніе весьма основательнымъ, воевода приказалъ разрушить всѣ лодки, а изъ четырехъ пойманныхъ мятежниковъ двухъ велѣлъ повѣсить, а двухъ другихъ обезглавить.

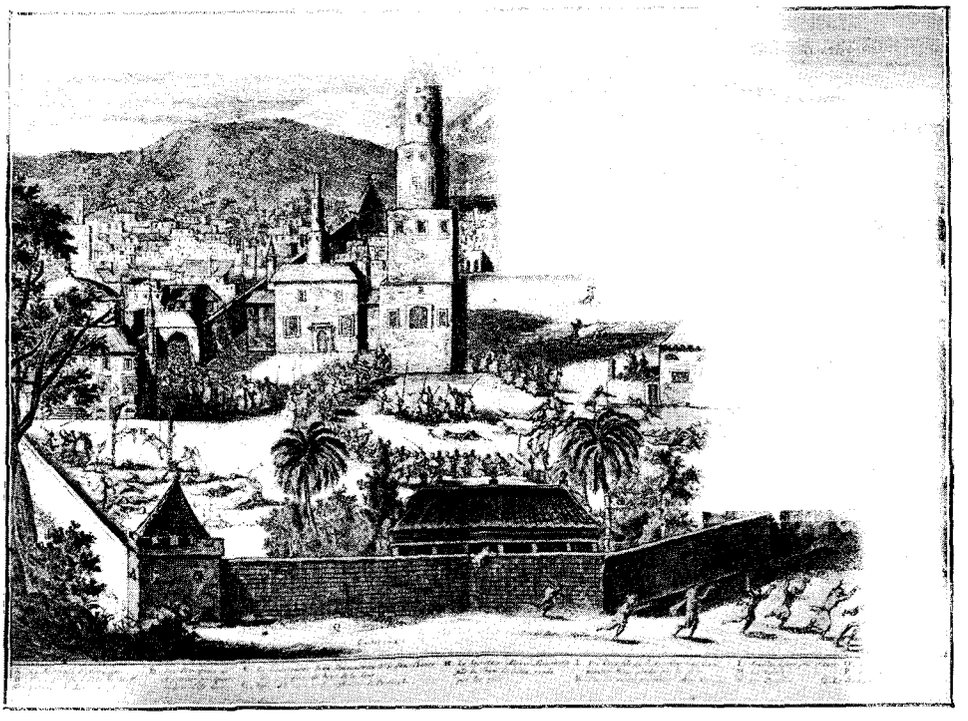
*) Т. е. не принадлежавшимъ къ шайкѣ Разина.

23-го мой полковникъ предложилъ опять очень обязательно утвердить меня въ моей должности, я же отвѣчалъ ему по прежнему. Въ тотъ же день мы приказали раздать солдатамъ бочьку крѣпкаго пива и табакъ, подаренный намъ однимъ изъ вѣрноподданныхъ, agents, царя. Въ слѣдующую ночь, обойдя укрѣпленія, я бросился на матрацъ, чтобы заснуть часъ или два, но не успѣлъ, такъ какъ пришли мнѣ доложить, что мятежники шли штурмовать, venaient á l'assaut и были у Вознесенскихъ воротъ, porte Vvosnasinske. Между тѣмъ, замѣтивъ приближающуюся шайку, un escadron, я приказалъ стрѣлять изъ нашей пушки; въ это время Ѳома Бальи, Bailli, Англійскій полковникъ, вооруженный латами, пришелъ ко мнѣ съ нѣсколькими Нѣмецкими офицерами и сказалъ, что имъ измѣнили и что его стрѣльцы ранили его въ ноги и лице за то, что онъ убѣждалъ ихъ поступить честно, a bien faire, и мужественно отражать смертельнаго врага.

Ужасная рѣзня въ городѣ Астрахани.

Хотя измѣна была явна, и я не сомнѣвался въ ней, но сдѣлалъ видъ, что вѣрю, будто зло на самомъ дѣлѣ не такъ велико, и посовѣтовалъ ему возвратиться къ своему посту, гдѣ, какъ я надѣялся, найдетъ (подчиненныхъ ему) стрѣльцовъ сговорчивѣе. Онъ и его спутники послушали меня и отправились туда. Стрѣльцы сначала выказали готовность слушаться его приказаній, что, впрочемъ, продолжалось недолго, и полчаса спустя пришли мнѣ сказать, что всѣхъ ихъ заковали. Въ то самое время, когда мнѣ говорили объ этомъ, одинъ Нѣмецкій капитанъ *), стоявшій подлѣ меня, былъ схваченъ, связанъ и умерщвленъ своими слугами. Это кровавое зрѣлищѣ напугало бывшаго при мнѣ хирурга, который, чтобы спастись отъ измѣнниковъ, хотѣлъ, противно моему желанію, броситься со стѣны; но я не допустилъ его до этого, предлагая болѣе вѣрное средство къ нашему спасенію. Я замѣтилъ внизу башни отверстіе, весьма способное для бѣгства, и повелъ туда его съ его слугою и двумя матросами изъ нашего экипажа. Когда мы спустились, то сторожа, узнавшіе меня, пропустили насъ, сначала хирурга, потомъ меня, но мы не видѣли больше ни слуги, ни матросовъ. Какъ только мы прошли (отверстіе), то влѣзли по шею въ воду для того, чтобы пройти къ Татарскому кварталу, мѣсту, наиболѣе безопасному для насъ. Во время (этого) перехода мы подверглись множеству ружейныхъ выстрѣловъ. Мы шли не болѣе получасу, когда встрѣтили двухъ человѣкъ, которыхъ приняли за казаковъ. При видѣ ихъ хирургъ испугался и, не думая о томъ, что дѣлаетъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ пистолета и, растерявшись, бросились въ рѣку. Между тѣмъ это были двое дворянъ изъ города, бѣжавшихъ, подобно намъ, отъ ярости стрѣльцовъ. Какъ только я

*) Бидеросъ.



Взятіе г. Астрахани Стенкою Разинымъ.

(По изображенію, находящемуся въ описаніи путешествія **I. Стрюйса.**)

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

узналъ ихъ, то сказалъ хирургу, что ему нечего ихъ бояться и что можемъ выйти безпрепятственно. Но я напрасно говорилъ, мой хирургъ ничего не отвѣчалъ, а потому я самъ вошелъ въ воду и вытащилъ его оттуда полумертваго отъ страха. Когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, мы продолжали путь и четверть часа спустя увидѣли лодку и спавшаго въ ней человѣка, котораго мы принудили переправить насъ на другую сторону. Этотъ человѣкъ привезъ насъ въ деревушку; въ ней не было никого, кромѣ рыбаковъ, которымъ мы разсказали о случившемся. Затѣмъ, видя, что въ этомъ мѣстѣ мы не въ безопасности, такъ какъ оно было слишкомъ близко отъ города, я предложилъ хирургу и Русскимъ (дворянамъ) просить, чтобы насъ проводили дальше. Они не хотѣли и слышать объ этомъ; но наконецъ, первый не безъ труда согласился. Я имѣлъ при себѣ около 35 Голандскихъ франковъ, на которые купилъ палатку, десять фунтовъ хлѣба и топоръ, съ чѣмъ отправились искать болѣе безопаснаго убѣжища. На разстояніи двухъ или трехъ часовъ встрѣтили рыбаковъ, которымъ разсказали о своемъ несчастіи и разорѣніи Астрахани. Они выказали намъ сочувствіе и обѣщали по возможности помочь намъ. Они проводили насъ къ своимъ хижинамъ, гдѣ мы встрѣтили одного полковника, двухъ Московскихъ капитановъ и 46 солдатъ. Эти люди отправились изъ Терскаго города, Terki, въ Астрахань, не зная, что казаки завладѣли ею. Когда полковникъ узналъ объ этомъ, то рѣшилъ возвратиться съ своими капитанами, а стрѣльцовъ оставить тамъ.

И такъ мы всѣ пятеро сѣли въ одну лодку и приказали везти себя къ морю, не удаляясь отъ берега изъ опасенія встретить то, отъ чего бѣжали. Въ концѣ дня мы замѣтили лодку, старавшуюся приблизиться къ намъ. Но чѣмъ болѣе усилія употребляла она для этого, тѣмъ усерднѣе мы старались на веслахъ уйти отъ нея. Однакожъ это было безполѣзно, и вскорѣ мы попали въ руки нашихъ враговъ. Это были вышеупомянутые 46 стрѣльцовъ, которые разсердившись за то, что полковникъ покинулъ ихъ, рѣшили отомстить за себя. Насъ было такъ мало, и мы были такъ плохо вооружены, что не могли противустоять имъ и помѣшать ограбить насъ почти до нага. Послѣ этого связали намъ ноги и привезли къ рыбакамъ, у которыхъ мы оставили ихъ утромъ. Тамъ они заперли полковника въ церковь и позволили молиться, сколько ему угодно; насъ же покрѣпче связали и охраняли всю ночь. На другой день они направились съ нами къ Астрахани, которую чрезъ два часа и увидѣли. Когда же мы были отъ нея на разстояніи ружейнаго выстрѣла, то они отошли въ сторону для того, чтобы подѣлиться награбленнымъ у своихъ офицеровъ и у насъ. Въ это время я думалъ, что, будучи свободны, мы могли бы побѣжать къ лодкѣ, броситься въ нее и пуститься въ открытое море. Я повѣрилъ это хирургу, который, думая принести пользу, передалъ наше намѣреніе полковнику. Этотъ трусъ, надѣясь измѣною намъ умилостивить своихъ мучителей, посовѣтовалъ имъ наблюдать за нами; тѣ

послѣдовали его совѣту. Не взирая на это, я стоялъ на своемъ рѣшеніи и сказалъ хирургу, что если мнѣ не удастся занять лодку, то у меня есть руки для того, чтобы переплыть на другой берегъ рѣки, откуда пойду къ Татарамъ, которые, какъ я надѣялся, хорошо примутъ меня. Минуту спустя я отдѣлился и побѣжалъ изо всѣхъ силъ къ неглубокому мѣсту рѣки. Недалеко однакожъ я ушелъ незамѣченнымъ: за мной (вскорѣ) погнались и, когда я готовъ былъ броситься въ рѣку, камень, сбившій меня съ ногъ, далъ врагамъ время настигнуть меня. Они всѣ бросились на меня съ такимъ бѣшенствомъ и такъ били, что я не думалъ уже оправиться. Въ такомъ состояніи они связали мнѣ руки и ноги и бросили, какъ животное, въ лодку, куда черезъ минуту вошли сами и повезли насъ въ Астрахань. До пріѣзда туда хирургъ предложилъ имъ за меня выкупъ въ 500 флориновъ, а за себя 250. Они отвѣчали, что не могутъ не свести насъ въ Астрахань, но сдѣлаютъ все, чтобы спасти намъ жизнь. Было около шести или семи часовъ вечера, когда мы вошли въ городъ, въ которомъ прежде всего привели насъ къ Разину, предводителю казаковъ, сидѣвшему на улицѣ около архіерейскихъ палатъ и пившему съ своими старшинами, которые, подобно ему, были совершенно или почти пьяны. Этотъ предводитель спросилъ хирурга, кто онъ таковъ, и когда узналъ объ его спеціальности, то даровалъ ему жизнь и послалъ перевязывать раненыхъ изъ своей шайки. Мнѣ предложилъ онъ тотъ же вопросъ, а хирургъ отвѣчалъ, что я его товарищъ.

— Что умѣешь ты дѣлать? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Я ничего не отвѣчалъ, разсчитывая на хирурга, который такъ удачно началъ, а затѣмъ покинулъ меня. Такимъ образомъ я остался одинъ, готовый къ смерти, которую считалъ неизбѣжною. Въ то время, когда я старался мужаться, чтобы съ твердостью встрѣтить смерть, допросили полковника и приговорили его сбросить съ высоты башни, называемой Роскатъ, Rooscat, откуда былъ сброшенъ воевода и служившій у него подъячій, chancelier, вытерпѣвъ всѣ жестокости, которыя только могъ придумать варваръ. Что же касается остальныхъ дворянъ, то одни были изрублены на части, а другіе потоплены.

Въ теченіи короткаго моего пребыванія предъ Разинымъ, я только и слышалъ, какъ говорили о жестокости и мученіяхъ, съ которыми такъ свыкся, что ничѣмъ нельзя было поколебать моей рѣшимости. Тогда какъ я ежеминутно ждалъ своего приговора къ смерти, Стенька пристально посмотрѣлъ на меня и приказалъ дать мнѣ водки. Приказаніе отдано было очень кстати, такъ какъ я чуть не упалъ въ обморокъ, а двѣ большія чарки этого напитка доставили удовольствіе и не допустили до этого, а помогли мнѣ дойти до (мѣсторасположенія его) войска, куда онъ приказалъ отвести меня. Входя въ лодку, находившуюся вблизи предводительской (лодки), я былъ узнанъ стрѣльцомъ, который сказалъ вдовѣ нѣкоего дворянина, что я счастливѣе ея мужа, потому что остался еще въ живыхъ.

Стрѣлецъ сказалъ это нѣкоторымъ другимъ, а тѣ одному Нѣмцу, который, видя, какъ рубили иностранцевъ, перешелъ къ казакамъ въ качествѣ друга, хотя въ сущности презиралъ ихъ. Какъ только этотъ молодой человѣкъ узналъ о моемъ мѣстопребываніи, то навѣстилъ меня, очень обласкалъ и, уходя, заявилъ, что если найдетъ возможность услужить мнѣ, то сдѣлаетъ это ото всего сердца.

Я принялъ его увѣренія въ дружбѣ такъ, какъ слѣдовало, но полагалъ, что жизнь моя коротка, такъ какъ находился въ мѣстѣ, гдѣ каждый часъ топили кого-нибудь изъ несчастныхъ, въ число которыхъ я, безъ сомнѣнія, скоро долженъ былъ попасть. Продержавъ въ теченіи двухъ дней въ такомъ смертельномъ страхѣ, меня заперли въ башню, гдѣ связывали мнѣ руки то за спиною, то къ ногамъ, такимъ жестокимъ образомъ, что смерть была бы пріятнѣе для меня. Хирургъ и Нѣмецъ, о которомъ я упоминалъ, узнавъ въ какомъ печальномъ состояніи находился я, навѣстили меня, утѣшали и увѣряли, будто это тяжелое время не долго продолжится.— Ахъ! сказалъ я имъ, какъ легко утѣшать, когда самъ не страдаешь и какъ неправы здоровые, удивляясь нетерпѣнію страждущаго. Нѣсколько минутъ я ничего не говорилъ, такъ какъ сильныя страданія лишали меня по временамъ голоса и языка. Какъ только я въ состояніи былъ говорить, я просилъ ихъ постараться о томъ, чтобы они прекратили мои мученія и поскорѣе лишили бы меня жизни, потому что смерть была единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Тщетно они убѣждали меня ждать безропотно, пока Небо рѣшитъ мою участь: я умолялъ ихъ понять, что терпѣніе мое изсякло, и я непремѣнно хочу умереть. У казаковъ запрещалось просить о заключенныхъ, и никто не смѣлъ этого сдѣлать, не рискуя при этомъ жизнью. Между тѣмъ молодой человѣкъ, сопровождавшій хирурга, вышелъ съ рѣшимостью пренебречь этимъ приказаніемъ и попросить о томъ, чтобы положили конецъ моимъ мученіямъ.

Черезъ часъ послѣ того, какъ они оставили меня, вошли казаки и связали мнѣ еще сильнѣе руки и ноги вмѣстѣ. Въ такомъ положеніи они бросили меня совершенно нагаго въ яму, гдѣ жабы и многія подобныя имъ животныя ползали по мнѣ всю ночь, которую я провелъ, моля Бога принять мою душу какъ для того, чтобы покончить мои настоящія страданія, такъ и во избѣжаніе еще угрожавшихъ мнѣ мукъ.

На другой день мои друзья пришли сказать мнѣ, что предводитель требуетъ меня; сняли съ меня оковы и подвели къ нему. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за Фаберомъ (такъ звали молодаго Нѣмца, о которомъ я такъ много говорилъ) и жить съ нимъ до новаго распоряженія. Я прожилъ у него три или четыре дня. Въ теченіе этого времени не проходило минуты, въ которую бы кого нибудь не лишили жизни, изрубивъ на части или повѣсивъ за ноги.

3-го Іюля первые мои мучители вытащили меня изъ дома Фабера и привели на берегъ рѣки, угрожая бросить въ нее, если я не заплачу имъ 500 франковъ выкупа, обѣщанныхъ за меня хирургомъ. Великодушный Фаберъ сказалъ, что у меня все отняли, и я не въ состояніи дать имъ то, чего они требуютъ, но онъ имъ заплатитъ. „Дѣти, сказалъ онъ, отсчитывая деньги, вотъ выкупныя деньги за моего друга, часть которыхъ принадлежитъ и мнѣ, такъ какъ я служу тому же господину, но я уступаю вамъ свою долю; раздѣлите все между собою и оставьте въ покоѣ моего друга". Затѣмъ онъ повелъ меня съ собою и продолжалъ заботиться обо мнѣ, какъ объ отцѣ. Три дня спустя повели меня къ предводителю, который пилъ съ своими друзьями въ погребѣ воеводы. Здѣсь я увидѣлъ трехъ казаковъ, нарядившихся въ лучшія мои одежды. Тамъ оставался я съ четверть часа, въ теченіе которой предводитель нѣсколько разъ пилъ за мое здоровье, чему я вовсе не радовался, опасаясь каждый часъ того, что будучи пьянъ и привыкши къ жестокостямъ, онъ прикажетъ умертвить меня. Въ такомъ страхѣ я думалъ только о томъ, какъ бы удалиться, и сдѣлалъ это безъ шуму, какъ только представилась возможность.

9-го воткнули крюкъ въ бокъ секретарю Алексѣю Алексѣевичу и повѣсили его съ сыномъ Гилянскаго хана на столбѣ, на которомъ они черезъ нѣсколько дней умерли.

Послѣ того на стѣнѣ кремля, château, повѣсили за ноги двухъ сыновей воеводы, изъ которыхъ одному было всего 8 лѣтъ, а другому 16. Такъ какъ оба они были еще живы, то на слѣдующій день младшаго отвязали, а старшаго сбросили съ башни, съ которой за нѣсколько дней до этого, сброшенъ былъ отецъ.

21-го предводитель, въ сопровожденіи 1200 человѣкъ, вышелъ изъ Астрахани и приказалъ взять съ собой множество маленькихъ лодокъ. Въ городѣ онъ оставилъ по 20 человѣкъ изъ каждой сотни подъ предводительствомъ двухъ правителей, бывшихъ одного съ нимъ происхожденія, а также изъ одного и того же города.

Въ его отсутствіе, какъ и при немъ, рѣзня продолжалась, и не проходило дня, въ который бы не было умерщвлено болѣе 150 душъ. Жестокости, учиняемыя безъ разбору, заставили меня опасаться, чтобы не дошла очередь и до меня. Въ страхѣ я выкопалъ яму, изъ которой, скрываясь большую часть времени, слышалъ день и ночь жалобные крики казненныхъ.

22-го жестокости усилились: стали мучить большее противъ обыкновенія число людей. Эта перемѣна заставила меня содрогнуться, и я положительно началъ отчаяваться въ своемъ спасеніи, когда хирургъ пришелъ сказать мнѣ, что онъ получилъ позволеніе совершить путешествіе и паспортъ для себя и одного слуги за порукою моего благодѣтеля, отвѣчавшаго за его возвращеніе. Мы условились, что я буду считаться его лакеемъ. Я тотчасъ

же началъ собираться идти съ нимъ въ лодку двухъ Баньяновъ, Banianes, которые получили свободный проѣздъ, будучи предварительно ограблены.

24-го я обрилъ бороду и волоса, а на другой день мы уѣхали. На слѣдующій день вышли въ море и замѣтили вдали три лодки, слѣдовавшія по тому же пути. По направленію къ Югу вѣтеръ поворотилъ къ Сѣверо-западу и къ вечеру стихъ.

. . . . . .

Далѣе Бутлеръ описываетъ плаваніе по Каспійскому морю, гдѣ ихъ ограбили разбойники, высадку на берегъ, на которомъ татары отобрали у нихъ послѣдніе пожитки, и путь пѣшкомъ въ Тарки. Оттуда онъ съ караваномъ пробрался въ Шемаху и встрѣтилъ тамъ Ивана Стрюйса. Затѣмъ Бутлеръ отправился въ Таврисъ и Испагань, гдѣ въ устройствѣ его судьбы приняли участіе проживавшіе тамъ управляющій конторою Восточно-Индѣйской компаніи Бентъ и его помощникъ Кассенбрутъ, которые обѣщали сдѣлать все возможное, чтобы выкупить попавшихъ въ рабство вмѣстѣ со Стрюйсомъ соотечественниковъ Бутлера, письмо котораго на этомъ и кончается.

Рукопись Петра Золотарева.

Рукопись эта, хранившаяся въ библіотекѣ Астраханской Семинаріи, въ настоящее время затеряна, большая часть ея была напечатана въ 28, 30, 34 и 40 номерахъ Астраханской газеты „Волга“ за 1864 годъ по оригиналу, доставленному учителемъ мѣстной Семинаріи В. Н. Сахаровымъ; но по неизвѣстнымъ причинамъ, печатаніе ея не было окончено. Въ виду того, что изданіе Бенземана составляло библіографическую рѣдкость, редакція „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, желая ознакомить читателей съ рукописью въ полномъ объемѣ, напечатала ее цѣликомъ въ 1878 году въ №№ 1, 2, 3, 11, 13 и 18 Вѣдомостей. Сравнивая оба текста, нельзя не придти къ заключенію, что редакція Вѣд. имѣла въ своемъ распоряженіи рукопись, подвергшуюся значительной литературной обработкѣ (въ общемъ оглавленіи указано, что эта рукопись изъ библіотеки покойнаго Высокопреосвященнаго Афанасія). Простой, безъискуственный слогъ оригинала пріобрѣлъ витіеватость, многія слова и выраженія замѣнены современными—напр. встрѣчаются слова въ родѣ „прикомандировать“; заглавія рукописи и отдѣльныхъ главъ совершенно измѣнены: такъ рукопись озаглавлена сказаніемъ „о Астраханскомъ бунтѣ и выѣздѣ съ рѣки Дону бунтовщика и разбойника Стеньки Разина“, а разсказы о знаменіяхъ раздѣлены только цифрами: „1-е знаменіе“, „2-е знаменіе“ и т. д.; въ текстѣ допущены значительныя перестановки, повидимому, въ интересахъ послѣдовательности разсказа, которую не всегда имѣлъ въ виду лѣтописецъ. Тѣмъ не менѣе мы принуждены воспользоваться частью текста, напечатаннаго въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, чтобы закончить лѣтопись Золотарева, находившуюся въ распоряженіи г. Сахарова. Такимъ образомъ, перепечатываемая нами со страницъ „Волги“ рукопись въ большей части вѣрна оригиналу, послѣдній же эпизодъ—разсказъ о смерти Преосвященнаго Іосифа, заимствованный изъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ вышеописанныя отступленія отъ текста, но фактически вѣренъ. Печатанію рукописи въ газетѣ „Волга“ предшествовала статья В. Н. Сахарова, о значеніи и особенностяхъ подлиннаго списка Золотарева; эта статья помѣщается здѣсь въ концѣ рукописи.

Із помянутой же келейной книжицы.

О взятіи Астрахани воромъ і измѣнникомъ Стенкой Разинымъ и о убіеніі преосвященнаго Иосифа, Митрополита Астраханскаго и Терскаго, и господъ знатныхъ, такожъ головъ стрелецкихъ и прочихъ жителей астраханскихъ.

Влето отъ созданія мира 7175 году, отъ воплощенія Бога Слова 1667 году Маіа в 7 день, пришедъ с реки Дону, где казацкія жилища, к Волге реке на Камышенку реку перешедъ степной воръ і измѣнникъ Стенка Разинъ с донскими казаками в реку Волгу, и которые суда плыли въ Астрахань тою Волгою рекою все ограбилъ—насадъ, гребныя или небольшія струга, лодки, суда болшія, на которыхъ изъ Камы вверхъ по Волге до Нижняго плыли, и всякія суда остановилъ противъ урочища Шишкина бугра. В тожъ время плылъ насадъ святѣйшаго Иосифа (по „Сказанію лѣтописи о градѣ Астрахани„, Іоасафа), Патріарха Московскаго и всеа Россіи, онже злый и лукавый Стенка Разинъ с товарищи ограбя тотъ патріаршій на-

садъ и дворянъ его Семена Афанасьева сына Шарапова да Алексея Золотова с товарищи велелъ повесити на райне да с нимиже повесилъ прикащика гостя Василия Шорина, Ѳедора Черемисова, а насады все повелелъ пограбити, и снасти и струги и завозни порубить, чтобъ напередъ ево на низъ и впредь утеклецевъ не было.

А после того какъ пограби весь караванъ, и поѣхалъ онъ воръ Стенка Разинъ с товарищи на низъ Волгою рекою, напередъ к Царицыну и приехавъ, сталъ на Сарпинскомъ острове и почалъ всякие пожитки дѣлить. Вто время в Царицыне былъ воевода (имя его, совершенно вытертое въ рукописи, возстановляемъ на основаніи „сказанія лѣтописи о градѣ Астрахани") Андрей Унковской, которой, видя ихъ многолюдство, не могъ имъ противитися, и для того запершись в городе, в осаде пребылъ. И видя онъ воръ Стенка неудобность ко взятию города Царицына поплылъ Волгою рекою внизъ к Черному Яру, а караванъ ево в то время за нимъ плылъ; потому что напередъ себя никому (онъ иль воръ—вытерто) Стенка Разинъ проезду не давалъ. И недоехавъ Астрахани верстъ за 30, поехалъ въ Бузанъ реку, мимо Красноярскаго города, а оной городъ отъ Астрахани весма блиско. Что услыша бояринъ и астраханской воевода, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ с товарищи послалъ за нимъ воромъ стрелцовъ вначале Богдана Северова с товарищи, с подчиненными его, да с ними же пешихъ стрелцовъ и салдатъ, кои ево вора Стенку нагнали в Яике реке и с нимъ учинили великое сражение, при чемъ головъ стрелецкихъ—и сотниковъ и салдатъ на бою многихъ побили, и струга и оружія отняли. И взявъ Яицкой Гурьевъ городъ самыхъ лутчихъ людей, астраханскихъ жителей, головъ и сотниковъ стрелецкихъ и начальниковъ салдатскаго строя, и стрелцовъ и салдатъ, Яицкихъ жителей, и всякаго чина людей, которые съ ними ворами в согласіи быть не хотели, надъ ямою более тысячи человѣкъ порубили, а ту яму они воры принудили самихъ выкопать. А за темъ оставшияся не многія служивыя люди стрелцы и салдаты ушли моремъ в лоткахъ в нощное время, а иные пеши степью бежали. Ис техъ пешихъ в пути многія с голоду померли, а иныя в полонъ взяты от татаръ и от калмыкъ, кочующихъ в кибиткахъ в степе яицкой. И от того времяни стало быть въ Астрахани оскуденіе въ лутчихъ людяхъ, а прочимъ молодимъ и старымъ, не имѣющимъ смысла, весма то приятно было. Посланный же изъ Астрахани стрелецкой голова Богданъ Северовъ одинъ уехалъ въ есаулномъ стругу со стрелцами. И в то время астраханскихъ жителей и служилыхъ и всякихъ чиновъ людей много пропало.

І во 176 году тотъ воръ і изменникъ Стенка Разинъ с товарищи презимовалъ въ Яике, а весною ізъ Яицкаго городка уехалъ за море в казылбацкую землю, и в казылбацкой земле, подле моря многія городы и деревни пленилъ. И послѣ того на другой годъ вышелъ с Дону такойже воръ и изменникъ съ донскими казаками, Серешка Кривой, на Волгу, в

урочище Мечетной речки, со многими людми, и на Волге всякия суда пограбилъ, и пошелъ на низъ Волгою, и приехалъ выше Астрахани в Бузанъ реку.

Бояринъ же и воевода князь Иоаннъ Андрѣевичь Хилковъ с товарищи послалъ за ними в Бузанъ реку, чтобъ ихъ не пропустить за море, четыре приказа стрелцовъ в морскихъ стругахъ. Той же воръ злый Серешка с товарищи в Бузане, въ ускомъ месте, не допустя до берега многихъ служилыхъ людей побили, струга, и пушки, и порохъ, и свинецъ и людей всѣхъ побрали с собою в море, и к томужъ вору Стенке Разину онъ Серешка с таварищи ушли. И будучи за моремъ уведалъ о нихъ ворахъ Казылбацкой ханъ и послалъ на бой с ними ворами Стенкою Разинымъ с таварищи нарядчики многія суда съ людми, а самъ тут же сяде и с сыномъ своимъ. И съѣхались с нимъ воромъ Стенкою с товарищи на море, учинили бой великъ, и многихъ людей Казылбацкихъ они воры побили и ханова сына взяли жива, а отъ нихъ воровъ такожде побито много, едваль не до половины.

О знаменіяхъ, кои были при боярине и воеводе князь Иване Семеновиче Прозоровскомъ.

В Астрахани от сотворения мира въ 7176 году, а от рождества Спасителя мира 1668 году Генваря въ 4 день в Субботу за часъ до свету было трясение земли, все строение потряслося во всемъ граде и в то время куры с нашестей попадали. И после того спустя недель с пять получены писма въ татарские юрты около Астрахани із персидской земли, кои принесены въ Астрахань в приказную палату, къ боярину Князь Ивану Семеновичу Прозоровскому с товарищи. А по переводе написано в нихъ— в первомъ: Въ Астрахань, в юрты к Делабердею Аджию с товарищи, в нынешнемъ во 176 году Февраля въ 12 день. Честному и благодатному майстеру Делабердею Аджию с молитвою поклонъ. Слава Богу вы тамъ здоровы ли? А я здесь здоровъ. Да названнымъ братьямъ моимъ Тлебукалфею, да Курмалею мулле, да Иммамбетю Теспетю по поклону. Божіимъ ізволениемъ въ Шемахѣ три гостинова двора сквозь землю прошли, а в нихъ Шабкаловыхъ Суракай 40 человѣкъ погибло. Да еще в Казылбашахъ и в Турской земле было трясеніе земли и ушли в землю 70 городовъ. *А в Шамахе осталось треть людей. А на Терике в пятничной день* трижды было трясение земли и никакой человѣкъ не могъ на месте устоять и все бывъ вне ума, попадали на землю. Да еще в Казылбашахъ, и в горахъ и в Таркахъ Ушебскихъ (по „сказанію лѣтописи о граде Астрахани“—и у Чепалова) что имъ было дурно,—неспокойство и худыя поступки,—все то оставили, и заповедь учинена накрепко была: чихиря не

пить и табаку не употреблять; а кто станетъ вино курить, или чихирь и табакъ держать и тотъ будетъ казненъ смертию, понеже сей светъ переменяется неложно, говорятъ, ибо въ одномъ месте 12 трясеній было. Во второмъ писме индейскомъ, которое подалъ индеецъ Булакій Ругаевъ, а сказывалъ онъ Булакій, что къ нему то писмо прислалъ із Дербента братъ его индеецъ Угей Карамиевъ съ юртовскимъ татариномъ Антамаемъ.

В нынешнемъ во 176 году Февраля въ 13 день Булакию Булрмису, да Алдигирею, да Янаю, да Арлейтунею с молитвами поклонъ. В нынешнемъ во 176 году в Сентябре мѣсяце вамъ было ведомо, тому ныне семь недель, в день субботный за часъ до свету в Шамахе было такое дело: учинилось трясение земли и восемь тысящъ человекъ Шемахинцевъ всякихъ чиновъ людей, да индейцевъ 30 человѣкъ померло. Свету преставление чинится. Городъ Шемаха и люди, и татары все погибло. А которые остались ныне в Шемахи, и техъ людей грабятъ своижъ братья иноземцы. А в Дербенте по сие время здорово, а дербенцы всякихъ чиновъ люди із дворовъ своихъ вышли, с женами и с детми, и живутъ, за городомъ на поле. А из Пагани і из Редивиля і из Тервиса вестей никакихъ нѣтъ. Да подъ Шемахою была деревня Лыча, и та деревня с людми и со дворы и с пожитками все прошли сквозь землю.

О знамениахъ, бывшихъ въ Астрахани.

Генваря въ 27 день 7176 году, отъ воплощения Божия Слова 1668, в Конной слободе въ Астрахани, в церкви Рождества Богородицы былъ шумъ великъ, яко звукъ колоколной с полунощи до седмаго часа втораго дни.

Тогожъ году Апреля въ 27 день бысть шумъ великъ в церкви Воздвиженія честнаго креста с полуночи и до седмаго часа.

Тогоже 7176 году Іюня въ 19 день бысть другое трясение земли, паче и перваго, по утру на исходе перваго часа дня. Бояринъ же, князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій с товарищи пришелъ къ митрополиту на дворъ и другъ другу сказоваху и дивляхуся, что сие будетъ.

Тогожъ лѣта Астраханцы, которыя поехали на годовую на Яикъ, в Гурьевъ-городокъ стрелца с головою с Богданомъ Камышевымъ, пошли казаки и онаго Богдана убили. Реченные воры із Яику, взявъ пушки, порохъ и свинецъ, побежали въ море на Куллинской островъ, а изъ Астрахани за ними была высылка—столникъ Иванъ Семеновичъ Львовъ, да Московской голова Козьма Хомутовъ, которой приехалъ въ Астрахань и от воровъ раненъ и от того преставися. И в то время столникъ Семенъ Львовъ оныхъ воровъ побилъ, а иныхъ живыхъ поимали, и по указу великаго Государя те воры із Астрахани сосланы на Колмогоры в поморье, къ городу Архангелску. И в томъ же году, в осень, по указу великаго Государя и

по грамоте тотъ воръ Стенка Разинъ с товарищи із за моря призванъ въ Астрахань, при боярине и воеводе князь Иване Семеновиче Прозоровскомъ с товарищи, и по указу великаго Государя онъ воръ Стенка Разинъ с товариши ізъ Астрахани отпущенъ на Донъ по прежнему. А въ осень от него Стенки Разина с товарищи посланы были станичники к Москве, к великому Государю с повинною 7 человекъ—Лазарко Ивановъ с товарищы, а изъ Москвы они были посланы в Астрахань с Самарскимъ сотникомъ Аникою Хамутскимъ, и они того сотника, связавъ, на дорогѣ покинувъ, ушли на Донъ къ вору Стенке Разину с товарищи (начиная отъ слова: въ поморье, въ лѣтописи о градѣ Астрахани вовсе нѣтъ этой тирады).

И во 178 году Апреля 13 дня тотже воръ Стенка Разинъ с товарищи, перезимовъ на Дону и пришедъ к Волге реке, около Царицына многие Калмыцкіе и Татарскіе улусы порубили и животину отгнали. И пришедъ к Царицыну, совещався с царицынскими стрелцами, в городъ вошли и воеводу Царицынскаго Петра Терентьева і иныхъ жителей, которые с ними не похотѣли, всехъ порубили.

Маиа въ 24 день тогоже году в Царицыне городе казну великаго Государя и караванъ, весь насадъ и лодьи, струга и пауски и людей купеческихъ пограбили и побили.

В тожъ время посланной с москвы голова стрелецкой Иванъ Лапатинъ с московскими стрелцами приехалъ в Царицынъ, умедля двумя днями, котораго подъ Царицыномъ побили и всего разграбили. А которые стрелцы живы, и техъ онъ воръ Стенка Разинъ поневолилъ с собою итти подъ Астрахань.

О первыхъ вестяхъ въ Астрахань.

Дойде первая весть в Астрахань от Татаръ к боярину Ивану Семеновичу Прозоровскому с товарищи о взятіи града Царицына от воровскихъ казаковъ, от Стенки Разина стоварищи, и оной бояринъ велми опечалися и пріиде къ Преосвященному Иосифу Митрополиту, и совѣтоваху, какъ бы послать противъ воровъ высылку на скоро, чтобъ ево не пропустить на низъ, и в то число послали воеводу, столника Князь Семена Ивановича Львова, да головъ московскихъ стрелцовъ Дмитрія Поліектова с приказомъ, да астраханскихъ головъ стрелецкихъ, конныхъ и пешихъ со стрелцами, да салдатъ; сверху же внизъ Волгою никого сздоковъ в Астрахань не было до взятья Астрахани.

О вторыхъ вестяхъ в Астрахань.

Тогожъ 178 году ехалъ із Нижняго Нова-города в легкомъ стружку великаго Государя промышленникъ учуга Урустова Павелъ Дубенской и

не доехалъ до города Царицына 17 верстъ выше Денежнаго острова, и взявъ отъ утеклецовъ прямую ведомость, что воры Стенка Разинъ с товарищи голову Ивана Лапатина с стрелцами побили, и проехалъ онъ Павелъ луговою стороною в Ахтубу реку и приехалъ в Астрахань. И напередъ первая прямая весть от него Павла, и бояринъ наипаче печаленъ бысть и почалъ крепитися в городе, и межъ себя совѣтоваху с митрополитомъ, чтобъ высылку назадъ поворотить, токмо не ведомо для чего не возвращалъ.

О третій вести в Астрахань.

Іюня въ 8 день тогожъ 178 году, на память святаго вѣликомученика Ѳеодора Стратилата прибежали в Астрахань конми с Чернаго Яру конной сотникъ Данила Тарлыковъ с Черибарекомъ (по сказ. лѣтоп. о гр. Астрах.— Черноярскимъ) стрелцомъ и объявили, что астраханские жители, конныя и пешия стрелцы и солдаты ізменники с черноярския стрѣлцы передалися к вору Стенке Разину с товарищи, а головъ, дворянъ и сотниковъ побили всехъ до смерти, толко оставили жива столника князь Семена Ивановича Львова, и того покинули в Черномъ Яру, а сами де хотятъ итти къ Астрахани. Бояринъ же князь Иванъ Семеновичъ Прозоровской с товарищи приходитъ к Преосвященному Митрополиту, потомъ советуя, како бы послать вести к великому Государю к Москве наскоро конми сотника чрезъ Терикъ. Но в то время на степи у черныхъ калмыкъ с Волскими учинилось междусобіе велико, а у Етсанскихъ мурзъ и у Татаръ междусобіе Болшаго и Малаго Нагая, с мурзами и татарами бой великъ, а Исмаилъ-башевъ съ Енбулаками междоусобиежъ, и тако проехать степью никакъ было не можно. И посылаютъ къ Москве сотника с отписками тогожъ преждереченнаго Данила Тарлыкова, а с нимъ двухъ стрелцовъ Ивана Караулова съ товарищемъ, да татаръ юртовскихъ пять человѣкъ на Терикъ, а с Терика велели ехать Дономъ рекою. Сотникъ же Данила Тарлыковъ с Терика не поехалъ ради воровъ степныхъ Татаръ, понеже много ихъ на степе, а онъ Данила на реке Терике утонулъ, а стрелецъ Иванъ Карауловъ приехалъ въ Астрахань, и ево воры казаки въ Астрахани убили за то, что де онъ от боярина посланъ былъ к Москве с Сотникомъ Данилою Тарлыковымъ.

О знамени в Астрахани.

Іюля въ 13 день 178 году в кремле городе в пречистенскихъ воротахъ были на карауле московскіе стрелцы Алексиева приказу Соловцова, которые были оставлены от высылки для карауловъ, і за три часа до свету видели знаменіе таковое, что надвсею Астраханью отворилося небо и просыпалось із него на весь градъ подобно печнымъ искрамъ. И то видение, пришедъ московскіе стрелцы с караула в соборную церковь, поведали Иосифу

митрополиту, а в то время в соборе утреню пели. Митрополитъ же услыша отъ нихъ слезенъ бысть на долгъ часъ, и пришедъ в келью глаголаше, что де изліяся с небеси фіалъ гнева Божія, и поутру поведаетъ Митрополитъ боярину с товарищи, бояринъ же наипаче печаленъ бысть.

Еще о знамени видимомъ въ Астрахани.

Въ томъ же карауле въ пречистенскихъ воротахъ стоящимъ прежде реченнымъ Московскимъ стрелцамъ, и на послѣднемъ утреннемъ часе видели отъ воздуха стояху три столпы различными цвѣты, какъ после дождя радуга, и поверхъ ихъ яко венцы украшены, которое видѣние и Митрополитъ самъ виделъ. Втожъ время прилучися постъ Петра и Павла и никто, никакой человѣкъ безъ шубы не ходилъ; ибо холодъ былъ великъ, дожди с ледовымъ градомъ частые днемъ и ночью, тучи великие с полосою подважды и потрижды в день.

Астраханские жители, пришедъ к митрополиту и к боярину, просятъ денежнаго жалованья *).

Прежде взятья астраханскаго конные и пешие стрелцы, пришедъ к боярину, просили за прошлый годъ денежнаго жалованья. Бояринъ отвеща к нимъ, что де казны великаго Государя к нему в Астрахань не прислано, толко дастли взаймы Митрополитъ или в Ттоицкомъ монастыре дадутъ, и я де вамъ велю выдать, по чему доведется. Толко вы стрелцы, за веру и за великаго Государя противъ вора і изменника стояли и билися до кровопролития, а великій Государь за то ваше терпеніе пожалуетъ. И приходитъ онъ, бояринъ, к Митрополиту и советуетъ о томъ ихъ жалованье. Митрополитже далъ келейныхъ своихъ денегъ шесть тысящъ **) рублей, и тако темъ астраханскимъ стрельцамъ те деньги до взятья Астрахани за четыре дни розданы, они же обѣщалися: пострадати за Бога і за великаго Государя готовы.

Тотъ же воръ и богоотступникъ, а великаго Государя изменникъ Стенка Разинъ с товарищи своими приехалъ подъ Астрахань и сталъ у Жаренова бугра в двухъ стругахъ. И в лотке посланы от нихъ Воздвиженской попъ Василій Милославской ***), что былъ в ссылке, да Князь Семена Ивановича Львова человѣка, а какъ его звали и что с ними было речей, того не ведомо. Бояринже, князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій с товарыщи распрашивали ихъ на крепко и пытали, а Князя Львова человѣка велелъ у Николскихъ воротъ за городомъ противъ струговъ отсечъ голову, а попу Василью клятъ

*) Слова эти хотя и написаны не тѣмъ шрифтомъ, какимъ пишутся другія заглавія въ рукописи, служатъ, кажется заглавіемъ для слѣдующей за ними статьи. Въ „сказ. Лѣтоп. о гр. Астрах.“ они стоятъ, правда въ текстѣ, но за то мѣсто ихъ тамъ совершенно другое.

**) Сверху двухъ послѣднихъ словъ чьею то рукою надписано: шесть сотъ.

***) По „сказанію Лѣт. о гр. Астрах.“ Маленкій. Матер. стр. 249.

в ротъ вложить и посадить в Троицкомъ монастыре въ каменную тюрьму до указу. Преосвященный же Иосифъ Митрополитъ советовавъ съ бояриномъ, и пойде въ Беломъ городе со кресты и со иконою Божия Матере и со всемъ освященнымъ соборомъ по всемъ воротамъ соверши молебное пение, глагола молитвы со слезами. Бояринже в то время укрепляюще градные ворота кирпичемъ, а по стенамъ и по башнямъ разставляша пушки, и людей всѣхъ разводя по бойницамъ и по стрелницамъ, для осады иноземцовъ всякихъ земель на стены поставилъ. Июня въ 19 день воръ и богоотступникъ Стенка Разинъ, с товарыщи, по наученію астраханскихъ изменниковъ Андрюшки Лебедева да Сенки Курятникова с товарыщи, приехали Волгою в протокъ Черепаху, а Черепахо ю в Кривушу со зади града Астрахани от поля,—в тожъ время вода въ Астрахани бываетъ болшая, — и к приступу готовяху лесницы. Митрополитже, съ бояриномъ переговоря, із своего огорода прокопавъ (по сказ. лѣт. о гр. Астр. прокопати повелѣ. Матеріалы, стр. 249) із прудовъ пустить воду на солончакъ кругомъ Белаго города, и бе вода около города велика. Тогожь дни ізъ Астрахани двое нищихъ ушли к вору Стенке Разину с товарыщи, одного зовутъ Тимошкою Безногой *) с товарыщемъ, и онъ Стенка увѣщалъ ихъ, чтобъ они во время приступа Бѣлой городъ зажгли. И оттоле шли в городъ, ихъ же, киняся на конехъ, Казылбашские Персианя ухватили и привели в приказную палату. Бояринъ же повелелъ ихъ пытати накрепко. Они же повинилися, что обещали вору Стенке в приступное время Белой городъ ночью зажечъ. Бояринже, видя ихъ воровство, повелелъ ихъ казнити обоихъ. Послежъ того Митрополитъ и бояринъ с товарыщи, межъ себя посовѣтовавъ, созываютъ к себе на Митрополичъ дворъ астраханскихъ пятидесятниковъ и десятниковъ, и старыхъ лутчихъ людей, Ивашку Красулю с товарыщи и много ихъ наказоваху, чтобы они за Бога и за великаго Государя постояли верою и правдою, и во всемъ ихъ обнадеживали, что имъ за то великаго Государя милость будетъ. Они же речью обещаются служить великому Государю верою и правдою, последи же учинилися первыя ізменники и волки хищныя паче и молодыхъ. В тожъ время нужное Малаго Нагая Янгурчей Мурза здетми своими и съ улусными людми, взявъ силою юртовскихъ татаръ Мурзу Мурзабека Аллашева с сыномъ и с племянники и улусными людми, и отъиде от Астрахани в степь подъ Терикъ.

Іюня противъ 22 числа в вечеру во Вторникъ бояринъ и воевода, князь Иванъ Семеновичь Прозоровской с товарыши и с сыномъ своимъ болшимъ, Князь Борисомъ Ивановичемъ, да дьяки Романъ Табунцовъ, Евстратъ Фроловъ, и головы стрелецкия пріидоша к митрополиту и взяша от него благословеніе. И убрався с своими держалники и с своими дворовыми людми в ратную збрую, и велелъ бояринъ пред собою вести простыхъ коней под покровами и бить едучи в тулунбасы и в трубы трубити

*) Это слово вытерто на половину и возстановлено кѣмъ то, какъ всякій замѣтитъ изъ граматической разладицы между именемъ и фамиліей, неудачно.

походъ; поеде с головами стрелецкими із (и съ) дворяны із детми боярскими и сотники стрелецкими и с подьячими в Белой-городъ к Вознесенскимъ воротамъ, где быть воровскому приступу, ничтоже убоявся, яко добръ воинъ Христовъ, и глаголаше от Писания: дерзайте, братия и чада, ныне намъ приспе время за Бога и за великаго Государя умрети, упование бо наше безсмертия исполнено и в маломъ терпени великая воспріимемъ. Аще теперь за великаго государя не умремъ, всяко безвремянно смерть пріиметъ *). И рекъ: аще кто хощетъ, да постраждетъ с нами в сию нощъ. В туже нощъ воръ и богоотступникъ Стенка Разинъ со астраханскими изменники пришли отъ Вознесенскаго монастыря к Вознесенскимъ воротамъ и поставили по городскимъ стенамъ лесницы. Астраханскіе же проклятые изменники техъ воровъ на городскую стену принимать стали, толко із башенъ и с подошевыхъ боевъ одни пушкари ис пушекъ билися, въ городе же иные кричаху имъ казачьимъ ясакомъ, и дворянъ, и сотниковъ, и людей боярскихъ, и пушкарей начаша рубити в городе, прежде казаковъ, потомъ добляго боярина, Князь Ивана Семеновича Прозоровскаго із Воздвиженскихъ воротъ в нощи, за полтретья часа до свету ранили, копьемъ прокололи ему чрево, людіе-жъ ево едва унесоша на ковре в Кремль-городъ и принесоша в соборную церковь. За нимиже пріиде пятдесятникъ конныхъ стрелцовъ Фролъ, прозвищемъ Дура, который поборая по истиннѣ,а к нимъ ворамъ не приставалъ, о немъ-же последи писано будетъ. Пробрата же столника князя Михаила Семеновича Прозоровскаго говорятъ, что тамо у Вознесенскихъ воротъ они воры і изменники убили із санапала (самопала) поставленной в городовой стене, что онъ крепко былъ раненъ. Преосвященный же Иосифъ Митрополитъ прибеже в соборную церковь и виде боярина, князь Ивана Семеновича Прозоровскаго ранена, припаде к нему и вельми плакаше, бе бо между ими любовь была нелицемерная; исповедавъ, причастилъ ево святыхъ Божіихъ таинъ, якоже обычай есть. Последи же прибегоша в соборную церковь дьяки и головы стрелецкия и дворяня и сотники и подьячия, и соборныя двери церковныя затвориша и запроша, чтобъ ихъ воровъ і изменниковъ не пустить въ церковъ Божію. И светающу дню оныя же воры у Пречистенскихъ воротъ калитку вырубили и в городъ-Кремль вошли, а иные воры чрезъ житной дворъ прошли и стали в соборную церковь ломится.

Преждереченный же пятдесятникъ Фролъ многихъ ихъ воровъ заразалъ ножемъ. Онижъ воры въ соборную церковь, в железныя двери стрелиша ис пищали и хотели того Фрола убить, і за архиерейскимъ мѣстомъ у некоей жены убили на рукахъ девочку по третьему году, и помостъ церковный младенческою кровию обліяся. Таже пищаль пробила киворъ, въ которомъ стояла икона Казанския Богородицы в чудесехъ, и ныне та икона

*) Въ „ска. лѣтоп. о градѣ Астр.“ правильнѣе сказано вмѣсто всяко всякаго. Матер. стр. 251.

в кивоте стоитъ в соборной церкви за архиерейскимъ местомъ. А пятидесятника Фрора із церкви подхватиша и у соборныя церкви у паперти всего ізсекоша на части.

Добляго же боярина и страдалца, князь Ивана Семеновича, и дьяковъ и головъ стрелецкихъ, и дворянъ и детей боярскихъ, и сотниковъ и подъячихъ и иныхъ, кои прилучились, всехъ посажаху подъ раскатъ и связавше яко злодѣевъ опасно *) руки на крепко. Онже воръ злый, ізменникъ великаго Государя Стенка Разинъ, съ товарищи своими и со астраханскими жители ізменники, боярина князь Ивана Семеновича Прозоровскаго, связавше, велелъ із соборныя церкви нести на раскатъ и с раскату бросить на землю на зимней востокъ, іюня въ 22 день в начале третияго часа дне в лето 7178, в среду, и тако онъ доблественный и приснопамятный предаде духъ свой в руце Господеви. Дьяковже Романа Табунцова, Евстрата Фролова и с ними голову стрелецкаго Алексия Соловцова, и астраханскихъ головъ, и дворянъ приезжихъ и сотниковъ астраханскихъ, і иныхъ всякихъ чиновъ людей, и подъячихъ и дворовыхъ людей, кои тутъ прилучились, всехъ присекоша саблями и бердышами предъ соборною церковию, межъ раскату; земля же обагрилася кровию, и мимо церкви до приказной палаты течаше кровь человеческая, аки река. Тело же новаго страдалца мученика, князь Ивана Семеновича Прозоровскаго и с нимъ замученныхъ онъ злый песъ і изменникъ отдалъ въ троицкой монастырь, в братскую ископанную могилу, и велелъ безъ разбору ихъ кидать. Бе же число с нимъ бояриномъ положенныхъ в ту могилу 441 **) человекъ. О семъ поведа старецъ, которой у оной могилы поставленъ бысть. Столника же, князь Михаила Семеновича Прозоровскаго погребли въ Спаскомъ монастыре. По убиени же боярина, князь Ивана Семеновича Прозоровскаго с товарищи, которая казна великаго государя была в приказной палатѣ и что взято у астраханскаго воротника Михаила Лаузина золотыя деньги, и соболи и котлы, и всякой товаръ после ево Милославской смерти, и которыя многия денги по приводнымъ дѣламъ, і ихъ боярскіе пожитки и дворы, и головъ стрелецкихъ, и сотниковъ, и подъяческіе дворыжъ и животы, и гостиныя дворы,— руской, гилянской і индейской и бухарской, животы и тавары, такожъ и в рядахъ и в лавкахъ тавары безъ остатка пограбили и возили въ Енгурчевъ-городокъ для разделу своего.

О неистовствѣ воровъ, паче безсурмановъ.

Втожъ время, какъ они воры вошли в городъ, за неделю до Петрова дни, и в тотъ постъ стали мясо, яицы и сыры ясти паче татаръ. А чтобъ

*) Въ рукописи собственно читается или опако или опассо, потому что буква к пишется обыкновенно въ видѣ двухъ черточекъ, а каждая изъ этихъ черточекъ отдѣльно есть буква с. Но это, по всей вѣроятности описка. Въ „сказ. лѣтоп. о гр. Астрах.“, читается: опоесо (стр. 253 Матер. для Ис. возм. Ст. Раз.).

**) Сверхъ этой цифры въ рукописи кѣмъ-то надписано: 448.

по истинне обратится, или у кого услышать слово доброе, и они того человѣка тотже часъ срубятъ. Да онъ же воръ и богоотступникъ Стенка Разинъ, ездя на коне по городу, за малое нечто овы закалая саблею, овы секая, а иныхъ в воду сажая, иныхъ руки и ноги отсекая. Расправу добрую астраханскіе жители себе нажили. На то смотря астраханскихъ жителей ізменниковъ дети ихъ тому подобно делали: собираютъ круги и кто ихъ не послушаетъ, бьютъ палками и вешаютъ за ноги, одново повесили и вправду за шею и тотъ у нихъ вовсе уходился. Жены же ихъ казачьи дворянъ и сотниковъ стрелецкихъ и подъяческихъ женъ бранятъ и называютъ ихъ ізменниковыми женами. И места они, где случится в беседе, никому не даютъ, в церковь же Божию оные ізменники и жены ихъ и дети не ходили, но отлучилися от Бога и от великаго государя вовсе. Втожъ время, какъ они воры вошли во городъ кремль, и впытную ізбу вели на смерть князя Каспулата Мусаловича, люди черкасы, да немцы, да рускихъ два человѣка пушкарей, а всего ихъ было сказываютъ девять человѣкъ, и бились с ними ворами до полудня, толко не достало у нихъ свинцу, и вмѣсто того денгами по нихъ стреляли, а потомъ и пороху у нихъ не стало. Онижъ черкасы покидались за городъ и тако (т. е. прыгая со стѣны) прибились не до смерти же, а иныхъ живыхъ поимали и прирубили всехъ. А они воры били по башне ис пушекъ стрехъ сторонъ по зубцамъ чтобъ они ихъ сдѣлалися *). Они же крѣпко сидели, и еслибъ у нихъ былъ порохъ и свинецъ, не далися бы долго. Послѣ же того три дни спустя, пріиде с Терика голова астраханскихъ пешихъ стрелцовъ Матвей Лапатинъ. Онжо злый еретикъ велелъ его взвести на раскатъ и кинуть с раскату на зимней западъ, они же злыя воры тако над нимъ и учинили. Послежъ боярина князь Ивана Семеновича Прозоровскаго осталися два сына—князь Борисъ Болшей, да князь **) меншей Ивановичи Прозоровскіе. Они в то время уцелели, да с ними боярские держалники Леонтій Плоховъ да Юрья Усовъ, да великаго Государя промышленники Иванъ Турченинъ да Павелъ Дубенской, который про нихъ воровъ напередъ въ Астрахань вести подалъ. Последижъ того въ Іюне мѣсяцѣ, тотъ Павелъ Дубенской съ Леонтьемъ Плохимъ, дней с пять спустя позже Петрова дни, нанявъ татаръ с собою провожатыхъ, ізъ Астрахани убежали к Москве, а поехали отъ юртовскаго татарина Шемика Арисланова,—ныне же онъ в табунныхъ головахъ. Послежъ того, іюня въ 13 день онъ злый воръ и Богоотступникъ Стенка Розинъ с товарищи напився пьянъ, у кабака стоя, послалъ есаула своего к митрополиту, велелъ взять боярскаго сына, князь Бориса Ивановича болшаго Прозоровскаго, и велелъ предъ себя привести. И какъ привели ево, и онъ еретикъ спрашивалъ его о таможенныхъ денгахъ, что де отецъ твой теми денгами завла-

*) Въ „сказ. лѣт. о град. Астрахани“ вѣрнѣе и опредѣленнѣе говорится: „чтобъ они (защитники) имъ (изменникамъ) предалися“. Матер. стр. 254.

**) Въ настоящемъ мѣстѣ рукописи имя его очевидно пропущено, а ниже, какъ и „Сказаніи“, онъ называется такъ же Борисомъ. Тамъ же.

делъ. И онъ ему Стенке Разину говорилъ, что де таможенныя пошлинныя денги относили головы таможенныя в приказную палату служивымъ людямъ на жалованье, а принимали де у нихъ те денги подъячие в денежномъ столе Алексiй Алексиевичъ с товарищи, а отецъ де мой теми денгами не покористовался, то де и подьячiе скажутъ. И посылаетъ онъ воръ по подьячаго Алексия Алексиева. Алексiй же говоритъ ему вору, что де бояринъ Иванъ Семеновичъ темъ денгамъ и iнымъ никакимъ некосенъ. Онъ же злый еретикъ и богоотступникъ говоритъ князь Борису Ивановичу: гдѣ де ваши животы? Онже ему дерзновенно говоритъ: животы батюшкины вы же пограбили, отдалъ те животы казначей нашъ, а возилъ ихъ есаулъ Андрюшка Хохлачь. Онже злый еретикъ тому не веритъ и велелъ князь Бориса Ивановича повесить за ноги на городовой стене, а подьячаго Алексия велелъ проколоть ребра и, крюкомъ захватя за ребро, невесить. В то время былъ часъ 7 дня. Принесли же къ нему вору і измѣнникy от княгини Прасковьи Ѳедоровой князь Бориса меншаго и онъ злый еретикъ и того велелъ повесить за ноги подле брата ево, на городовой стене. Висели же они новые страдалцы, от седмаго часа чрезъ всю нощъ, на утрие же онъ, проклятый еретикъ, часу въ шестомъ въ исходе приехалъ и повеле снять князь Бориса Ивановича болшаго и кинуть съ раскату на другую сторону, на полночь, противъ троицкаго монастыря; меншаго же Князь Бориса Ивановича велелъ отнести ко княгине Прасковье Ѳедоровне, а подьячего Алексия велелъ снятже и отдать матери его погребсти, а на ево мѣсто велелъ повесить ханова сына, что онъ воръ взялъ за моремъ на бою. Тѣло же князь Бориса Ивановича погребено въ троицкомъ монастыре, а послѣ оное тело взято в Москву. Когда городъ Астрахань взялъ бояринъ и воевода Иванъ Богдановичь Милославской, тогда княгиня Прасковья Ѳедоровна поехала к Москве. И тако новыя страдалцы замучены были от воровъ і изменниковъ за Бога и за великаго государя. По убиени же князь Бориса болшаго Прозоровскаго, тотъ проклятый еретикъ и богоотступникъ Стенка Разинъ с товарищи со всеми своими, злыми богоотступники донскими казаками и со астраханскими отшелъ вверхъ Волгою рекою, къ городу Синбирску, а в Астрахани оставилъ ворамъ всемъ атамана Ваську Уса да Ѳетку Шелудяка.

Августа въ 3 день, минувшу послѣ убиения боярина князь Ивана Семеновича Прозоровскаго и с нимъ побиенныхъ 6 недель спустя, в таковъ же день, какъ воры въ Астрахань вошли,—прилучися въ то время среда,—учини астраханскiе воры другой бунтъ, во своемъ бесоугодномъ кругу подьячихъ астраханскихъ Якова Перфильева да Ивана Бесчаснова с товарищи всехъ порубили бердышами, иныхъ всугонъ, а иныхъ въ домахъ, другихъ в тюрме убили. И послѣ того сами окаянные воры и богоотступники побежали на дворъ к митрополиту искать великаго Государя дворцоваго промысла промышленника Ивана Турченина, чтобъ онъ выдалъ ево убить. Иванже Турченинъ на дворе ево архирейскомъ ухоронился. Они же воры

ево Митрополита самаго и людей ево хотели убить до смерти. И тако Господу Богу ізволившу в то время своею милостию самаго митрополита и людей его отъ того побиения соблюсти. Толко ево Митрополита они воры бранили матерно и поносили всякими безчестными словами, что-де онъ, Митрополитъ, угождалъ боярамъ, а не намъ, толко-де тебе, Митрополитъ не уцелеть. И сошли все здвора, ибо Ивана Тученина в то время они воры, будучи на дворе, не нашли. После же того воровскаго ихъ умыслу поведаетъ онъ Преосвященны Митрополитъ видение, что пред темъ в нощи виделъ, приказнымъ своимъ и детямъ боярскимъ, которыя пред нимъ стояли.

А видение бысть сицево: стоит-де палата велми чудна и украшена, убиенныя же предоблій бояринъ Иванъ Семеновичь и братъ его Михайла Семеновичъ и сынъ ево Борисъ Ивановичъ Болшой, князья Прозоровские сидятъ в той палате трое вместе и пьютъ питие сладкое паче меда; над ними же венцы златые з драгимъ камениемъ. Онъ же митрополитъ обретеся в тойже палате, подалее от нихъ седитъ, а не вместе с ними, и пития того ему не даютъ пити и говорятъ; он де к намъ не поспелъ. І сказалъ (слѣдовало-бы сказавъ) онъ Преосвящены Митрополитъ то видение, сталъ плакать на многъ часъ и глагола, что не пришелъ еще часъ мой смертный.

Да 179 году зимою от калмыцкихъ улусовъ ушли съ етсанскими мурзами с кочевьевъ мурза Абдаловъ с детми и с племянники и с улусными своими людми, и пришли к Астрахане кочевать за Цареву протоку тысящъ с пятнадцать трехъ калмыкъ для того утекли *) около себя земляной валъ для приходу степныхъ татаръ болшаго и малаго нагая, чтобъ ихъ они не раззорили. О семъ писано к Москве к великому Государю тогожъ 179 году Ноября во 2 день.

Преосвященному Иосифу, митрополиту Астараханскому и Терскому, принесли юртовския татары и мурзы Емаметъ Енаевъ с товарыщы и с табунными головами и сотниками татарскими грамоту великаго Государя, Царя и великаго князя Алексия Михаіловича, всеа Россіи самодержца. А сказывалъ онъ Емаметъ мурза, далъ-де мне ту государеву грамоту салдатъ и чтобъ вамъ, святителю, вручить. И на утрие после утрени, за полтора часа до свету, онъ великій господинъ призвалъ к себе в келію сына боярскаго Петра Золотарева и прочетъ ему государеву грамоту, плакалъ долгое время. И говорилъ онъ: таковъ онъ, велики Государь, милостивъ, яко отецъ чадолюбивый, ожидаетъ окаянныхъ сихъ злотворцевъ і изменниковъ обращения. И велелъ ему Петру стое грамоты списать три списка: ежели оныя воры подлинную государеву грамоту у него отъ имутъ, то-де останутся списки; одинъ списокъ положу в соборной церкви в ол-

*) Здѣсь рѣчь рѣшительно запутана, вѣроятно, вслѣдствіе недосмотра Золотарева, и вовсе неудобопонятна. Вотъ какъ читается это мѣсто въ сказаніи: „.....тысящъ съ пятнадцать, и отъ тѣхъ калмыковъ ради того утекли, помеже у нихъ между собою съ черными калмыками междоусобіе учинилося, и устроиша около себе земляной валъ, и пр. Матер. стр. 256.

таре, другой-де списокъ положу в домовой церкви у Спаса, а третій списокъ оставлю у себя. А списана та государева грамота всего на одной столпце мелкимъ писмомъ, із приказу Казанскаго дворца, чтобъ они воры и крестопреступники, астраханскіе жители вины свои принесли Богу и великому Государю и о всемъ бы били челомъ, а которые донские казаки есть въ Астрахани и онебъ такожъ вины свои принесли ему, великому Государю. И тогожъ утра онъ великій господинъ митрополитъ призвалъ къ себе ключаря Федора Негодяева и велелъ ему сходить съ однимъ писмомъ к вознесенскому игумену Силверсту, чтобъ онъ с нимъ ключаремъ призвалъ ихъ тогожъ воровскаго качества есаула Андрюшку Лебедева и товарыща ево Серешку Гаврилова, прозвищемъ Баранова, онъ же и Чепкинъ, и дабы ихъ уговаривали, чтобъ они великому Государю вины свои принесли и своей братье о томъ бы говорили. И тотъ Андрюшка Лебедевъ учинился непослушенъ, сталъ поутру всемъ говорить такимъ же ворамъ своей братье, что-де митрополитъ со властми із дворовыми детми боярскими складоваетъ у себя грамоты и хочетъ насъ всехъ отдать боярамъ руками. И тогожъ утра, на первомъ часу в субботной день, Ноября въ 3 числе тогожъ 179 году онъ великій господинъ Митрополитъ, видя ихъ неистовство, повелелъ благовѣстить въ болшой колоколъ; чтобъ всякихъ чиновъ люди сходилися к соборной апостолстей церкви. И послыша благовесть, не многие астраханскіе жители к собору пришли; а те воры все собралися к тому начальнику своему, атаману Ивашке *) Усу на дворъ. А великій святитель велелъ ключарю Федору Негодяеву облачитца в священническую одежду и, вышед предъ соборную церковь, велелъ тому ключарю прочесть великаго Государя грамоту подлинную всемъ вслухъ. Да тутже пришли от нихъ воровъ съ атаманскаго двора казаки Самаренинъ Ивашко, да астраханцы Ѳедка Паповъ, Ермолка Власовъ, Ивашка Ярило, Куска Челобитчикъ с товарыщи. И ту государеву грамоту отдалъ митрополиту в руки и они воры кинулись къ святителю и тое государеву грамоту із рукъ у него отняли, а онъ великій господинъ Митрополитъ сталъ имъ говорить со обличеніемъ многимъ, называлъ ихъ еретиками і изменниками, а они воры называли его чернецомъ и бранили позорною бранью, знай-де ты свою келью. Что тебе до насъ дела? Знаешъ ли ты раскатъ? Иные кричали, что-де его митрополита посадимъ въ воду, а другие говорили: пошлемъ его въ заточение, и отошлис тою грамотою государевою, к воровскому своему атаману Васке Усу. И на другой день после того взяли они воры того ключаря Ѳедора Негодяева и, связавъ, били палками и спрашивали: скажи-де, кто тое грамоту писалъ? Вы-де с митрополитомъ и с попами і з детми боярскими ту грамоту здесь сложили. И онъ говорилъ имъ, что та грамата государева подлинная, присланная с Москвы.

*) Ясно что переписчикъ былъ не совсѣмъ внимателенъ къ своему дѣлу. Того же самаго атамана Уса, котораго выше онъ называетъ, согласно и съ другими документами, Ваською, здѣсь, въ разсѣянности, именуетъ Ивашкою.

И они воры говорили ему ключарю: если противъ той грамоты у митрополита списокъ? И онъ не с терпя сказалъ имъ, что у него митрополита есть три списка, и прислали они воры есаула и те списки у него святителя с нечестіемъ отнели.

О татарскомъ междусобіи Болшаго и Малаго Ногаю съ Етсанскими татараии.

А во 179 году, Февраля 12 числа зимою пріиде болшаго и малаго Нагаю Енгурчей мурза Кейкуватовъ с детми и с племянниками своими под Астрахань, которой прежде сего отшелъ от Астрахани, предъ воровскими казаками, на етсанскихъ татаръ Суенчеева улуса Абдулова, которыя ушли от калмыкъ къ Астрахани, и всехъ попленили и животину всю у нихъ и животы побрали, и всехъ ихъ въ горы и въ Крымъ отвели. Боюжъ у нихъ было чрезъ весь день. Сию ночь же мурза и юртовской Еммаметъ мурза Женлеевъ *) в то время засажены были в городе у нихъ воровскихъ казаковъ вместо аманатовъ, и сидѣли до прибытія боярина Ивана Богдановича Милославскаго. В то время промежъ того татарскаго бою много пропало юртовскихъ татаръ самыхъ лутчихъ, и скота и рухляди всякой, и женъ и детей побрали въ полонъ.

О птичьемъ бою.

Послѣ же того на степи за деревяннымъ городомъ учинился бой у птицъ воронъ, которыя кормятся около города и в городе, и с прилетными воронами промежъ себя много побилися до смерти. Сказывали люди, что-де былъ у нихъ бой кроме того въ иномъ мѣсте за Волгою.

Тогожъ 179 году, Апреля въ 21 день, в великую Пятницу приходили к митрополиту астраханской стрелецъ Гаврило Ларионовъ Шелудякъ съ юртовскими татарами, Ксулаковыми детми, і исвещали про граматы великаго Государя, что де привезли с Москвы грамоты юртовскіе татары и стоятъ-де за Волгою. Великій же святитель, услышавъ таковое великое дело, возрадова и пославъ соборнаго попа Петра с темъ Гаврилою Шелудякомъ к воровскимъ старшинамъ—астраханскимъ жителямъ, къ Ивашкѣ Красулину да къ Абакумке Андрѣеву с товарищи, чтобъ они къ нему святителю пришли и с нимъ бы переговорили. И те старшины остановились на базаре, а к нему святителю не пошли. И пришедъ попъ Петръ и Гаврило Шелудякъ ему святителю такъ и сказали и онъ великій господинъ после вечерняго пения вышелъ самъ за пречистенския ворота въ белой-городъ, на базаръ, и сталъ имъ говорить: „Православные християна! ведомо мне учинилось, что есть к вамъ великаго Государя милость и его Государева

*) Выше въ одномъ мѣстѣ онъ называется не Женлеевымъ, а Енсаевымъ.

призывная грамота; привезли татары и стоятъ они за Волгою. А я техъ грамотъ принять не смею, потому что вы меня и первою грамотою поклепали, будто я со властми и попами складывалъ оную въ доме. И вы сами возмите государеву грамоту и принесите ко мне.Государь милостивъ, вины ваши отпуститъ". И в то время на базаре воровские ихъ старшины астраханцы Ивашка Караулкинъ *) да Абакумка Андреевъ, Стенка Трофимовъ и со иными товарищи, астраханскими жители, учинились ему святителю не послушны и говорили: „мы-де не смѣемъ учинить безъ атамана", и пошли к нему атаману. И атаманъ Васка Усъ пришелъ къ соборной церкви с товарищи своими и стали его митрополита укорять, и бранилъ его есаулъ Топорокъ прозвищемъ, а онъ святитель, киняся, хотелъ его своимъ посохомъ поколотить, говоря: „врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ! Что вы не повинуетесь великому Государю?" И они воры от собора пошли все прочь и стали ево архиереа бранить матерно, и у той соборной церкви былъ великій шумъ. И того атамана Ваську Уса онъ святитель укорялъ и называлъ воромъ і изменникомъ. И на утре в великую субботу к великому господину митрополиту оные воры казаки присылали не по одно время на дворъ есауловъ своихъ, с темъ чтобъ онъ митрополитъ отдалъ граматы, что къ нему присланы, и говорили ему с прещеніемъ и бранию: коли-де не отдастъ те грамоты, мы всехъ людей твоихъ побъемъ до смерти, да и самому тебе отъ насъ достанется". И онъ имъ ворамъ говорилъ, что-де те грамоты за Волгою у татаръ, пошлите по нихъ вы кого ни есть сами и возмите. И ездилъ по те грамоты Государевы Ивашка Овошниковъ к реченнымъ татарамъ, и те грамоты у нихъ взялъ и принесъ в тотже день въ 6-мъ часу дни в соборную церковь и подалъ оныя митрополиту. А какъ онъ святитель распечаталъ и хотелъ чести, и они воры, атаманъ Васка Усъ с товарищи, техъ государевыхъ грамотъ не слушали, и пошли із церкви вонъ, в свой богомерзской кругъ. А онъ великій господинъ, взявъ те грамоты, с великимъ дерзновеніемъ пошелъ самъ к нимъ в кругъ со священниками и домовыми людми и детми боярскими, и велелъ прежде читать грамоту великаго государя, которая к нимъ ворамъ прислана, протопопу Иоанну, да после читать и ту, кая к нему святителю пришла. И какъ грамоты вычли, и оные воры закричали все: „волно-де писать имъ боярамъ. Коли бы-де государева была грамота, та бы была за красною печатью. Можетъ быть и онъ митрополитъ самъ сложилъ со властми и с попами". И стали его бранить всячески и говорили они воры: „Тужитъ по тебе раскатъ! Еще того раскату осталось, толко-де теперь не те дни захватили, то бы ты митрополитъ насъ узналъ, атамановъ молотцовъ, какъ чинить смуту. Вся-де смута и беда чинится от него митрополита; онъ-де переписывается к Москве с боярами и с Терикомъ и с Дономъ, и по ево-де писмамъ Терикъ и Донъ

*) Караулкинъ, вмѣсто Красулкинъ—новое доказательство или большой поспѣшности, или малой внимательности переписчика.

отъ насъ отложились". Онже велилій господинъ митрополитъ не убоялся смерти, говорилъ имъ ворамъ всемъ в томъ бесовскомъ кругу: „Астраханские жители! велено по грамоте великаго Государя воровъ донскихъ казаковъ всехъ перехватать и посадить в тюрму до указу великаго Государя, а вамъ велено во всемъ ему великому Государю вины свои принести. Государь милостивъ, все ваши вины отпустить. Вы на меня положитесь, что-де онъ великій Государь васъ окаянныхъ ничемъ не велитъ тронуть". А оне воры ему святителю говорили: „ково-де намъ хватать и в тюрму сажать? Мы-де и все воры",—и стали бранить ево митрополита матерно: „возмите-де ево самаго в тюрму, или в каменную бутку посадить. Толко теперь пристигла святая неделя, мы бы ему дали память." И пошли все розно, а государеву грамоту, кая к нимъ астраханцамъ прислана, они воры, Ивашко Красулинъ взялъ к себе. А что к митрополиту писана грамота, и они воры хотели у него отнять, и онъ святитель говорилъ имъ: „хотя-де умереть, а грамоту государеву не отдамъ. У васъ есть таковая же грамота". И пришедъ в соборную церковь, онъ святитель грамоту оную повелелъ сохранить, которая и поныне лежитъ въ соборной церкви. И после светлыя недели, въ Ѳомину неделю они воры и богоотступники до убиенія святительскаго за десять дней, после соборной обедни взяли ключаря Ѳедора Негодяева в свой богомерзской кругъ, а онъ ключарь того дни служилъ въ соборной церкви божественную литургію, и в кругу ево распрашивали: кто складывалъ те грамоты и кто ихъ писалъ! И онъ ихъ воровъ обличилъ и укорилъ і за то ево они воры із круга вывели и велели взять казаку прозвищемъ Чаусу и выведчи за городомъ срубить. А после того онижъ воры втожъ время прислали к нему святителю в соборную церковь, чтобъ онъ отдалъ имъ своихъ дѣтей боярскихъ Семена Трофимова да Ѳедора Владыкина, и взяли ихъ нечестно, повели в кругъ свой и распрашивали: кто-де у васъ с митрополитомъ грамоты составлялъ на насъ в Москву боярамъ? Какъ списывались? С Терика всякия писма к вамъ приходятъ, а извещалъ насъ о томъ казакъ Оска Серебреникъ. И втоежъ пору они воры того Оску въ кругу поставили, и онъ те рѣчи почалъ во весь кричать, что-де они с митрополитомъ ложные писма воровски и грамоты составляютъ у него митрополита в келье, и провскіе писмы митрополичьи они ведаютъ. И те воры, взявъ ихъ детей боярскихъ, повелели пытать—жечь огнемъ, а иные кричали: что-де ихъ пытать, или рубать, или в воду сажать? И после того, помолчавъ они воры і изменники стали в кругу говорить, что-де ихъ пытать и умерщвлять не надобно, ибо у него митрополита будутъ и другія писцы. Время намъ приниматца и за самаго митрополита. Убиемъ его, то и смутъ у насъ в городѣ не будетъ. И посажали тѣхъ митрополичьихъ людей за караулы по воротамъ, и после того дни с четыре спустя свободили ихъ із под караула, до убиения святительскаго за шесть дней.

О Астраханскомъ бунтѣ и выѣздѣ съ рѣки Дону бунтовщика и разбойника Стеньки Разина.

(Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1878 г. № 18).

По прошествіи же сихъ дней, мая въ 11 день, взошедъ въ церковь соборную къ отправляющему Божественную литургію преосвященному митрополиту Іосифу изъ разбойническаго собраннаго круга Астраханскіе жители Ванька Севринъ и Стенька Севринъ, конный стрѣлецъ Ванька Горшокъ и съ ними есаулъ Васька Кабановъ, принуждаху преосвященнаго идти въ то ихъ воровское собраніе, но онъ хотя и отрицался, однако оніе злодѣи съ невѣжествомъ начали приступать къ нему. Испрося-же у нихъ время на облаченіе во святительскую свою одежду, симъ довольное время занялся, и они злодѣи и подумавъ, что заперся онъ въ церкви, сами же ждуще на паперти. А какъ онъ великій господинъ въ одежду Архіерейскую и во весь свой санъ облачился, то и приказалъ благовѣстить въ большой колоколъ; почему снидошася священницы и діаконы съ коими и пошелъ онъ въ злодѣйское оное воровское сонмище и съ нимъ протопопъ и соборные попы и діаконы, крестовой священникъ Ефремъ, учужный священникъ Іосифъ Оселка, прихода Рождества Христова попы Іоаннъ и Козьма и Даніилъ, Никольскіе священники Іоаннъ и Василій. Самъ преосвященный держалъ въ рукѣ крестъ. Спасскій же архимандритъ Антоній не былъ, на монастырскомъ своемъ учугѣ, а оставленный Троицкій архимандритъ Никифоръ и Вознесенскій игуменъ Селиверстъ западоша въ тайныхъ мѣстахъ.

При вступленіи въ богомерзскій ихъ кругъ, митрополитъ началъ съ жаромъ обличати ихъ злодѣйскіе поступки и рече атаману Васькѣ Усу: почто вы меня воры и клятвопреступники призвали? А онъ злодѣй сказалъ Кочемовскому: что-де ты сталъ, выступай изъ круга и съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войсковаго, говори? и Кочемовскій выступая, отверзъ злодѣйскій свой языкъ, что-де присланъ отъ войсковаго съ извѣстіемъ: ты митрополитъ переписывался съ Терскими казаками и съ Донскими, и по твоему письму тѣ народы отъ насъ отложилися. На сіе отвѣтствовалъ преосвященный: я съ ними не переписывался, а хотя-бы и переписывался, то не съ Крымомъ и не съ Литвою. Я вамъ говорю, чтобъ вы обратились къ Великому Государю и вины свои принесли. Они же между себя изрекаху на святителя: вотъ правый человѣкъ, чтобъ онъ не переписывался, и пришелъ съ крестомъ, яко къ иновѣрнымъ. И начали выступать изъ круга онаго, чтобъ снять святительскую одежду, тутъ одинъ изъ нихъ Донскій казакъ по именя Миронъ, вступясь, началъ имъ такое богомерзское начинаніе воспрещать, что не достояше таковому великому сану простымъ и не священнымъ людямъ прикасатися; то казакъ Олешка Грузиновъ схватя того Мирона за волосы и прочіе злодѣи вынявши сабли всего его изрубили въ глазахъ Архіерейскихъ. И приступиша къ протопопу Іоанну и священникамъ начали ихъ пытать и

ругать матерно, и принуждали ихъ снять съ митрополита санъ. Онъ-де и самъ съ Никона патріарха снималъ же. Митрополитъ же видя воровское ихъ умышленіе, отдалъ изъ своихъ святительскихъ рукъ Крестовому попу Ефрему крестъ, а шапку и панагію съ себя снялъ самъ и отдалъ Учужному попу Іосифу и тотъ священникъ началъ помогать ему святителю разоблачаться, а какъ онъ былъ необыкновененъ, то святитель возрѣвъ на сторону призываше протодіакона Ѳеодора, рече недостоитъ тебѣ стояти праздно, а должно разоблачати, уже бо пріиде часъ мой! Тогда приступни со слезами протодіаконъ и снялъ омофоръ и саккосъ, и всю одежду святительскую и отдаде священникамъ и остался митрополитъ въ единой рясѣ бархатной безъ камилавки, и взялъ оную у Учужнаго попа Іосифа, а святительская осталась въ соборѣ съ рясою. И повелѣша всему освященному причту изъ круга идти вонъ, рекоша до васъ-де попы дѣла нѣтъ. А его святителя подхватя повели на зеленый дворъ пытать. И Ларка палачь снялъ съ него двѣ ряски и повалилъ его на возгнѣщенный огонь въ одной суконной свиткѣ, которая возгорѣся на немъ, то и разорвана тѣмъ палачемъ Ларкою. И началъ производити тотъ адскій сынъ діаволовъ надъ святителемъ тиранское свое мучительство. Наступивъ ему на брюхо и на горло, спрашивалъ: скажи митрополитъ свое воровство, какъ ты переписывался съ Терекомъ и съ Дономъ; онъ же отвѣту не даде ему, творяше молитву, лежа на огнѣ въ мученіи. Помощникомъ палачу въ проклятомъ дѣйствіи былъ злодей отъ нихъ же, прозваніемъ Ветчина, а имя его не вѣдомо. Потомъ когда умучиша страдальца на огнѣ, поведоша его съ пытки на раскатъ, и онъ идучи хромалъ, ибо повредиша ему тіи окаяннїи злодѣи ногу. Поверставшись противу тѣла убіеннаго казака Мирона, осѣнилъ его руками и поклонился ему. Велъ же его на раскатъ Олешка Грузиновъ; а какъ поверстался онъ противъ соборныя церкви, тутъ стояху вси священницы и плакаху горестно, лишающеся яко овцы своего пастыря, сокрушающеся сердцами болѣзненно, припадаше вси къ ногамъ его и простишася. Даша послѣднее цѣлованіе Архіерею Божію съ нимъ-же Господу Богу служаху и безкровныя жертвы причащахуся, плачуще и рыдающе провождаху его жива на очевидную смерть. Тіи же клятвопреступніи людіе стрѣльцы Астраханскіе и бунтовщики донскіе, аки два народа—фарисеи и саддукеи ожесточишася на святителя, и толику обуя ихъ злость и окаменѣ сердца ихъ, что и помолитися Господу Богу, ниже поклонитися на всѣ страны ему не дадоша. Онъ же возведъ на небо очи свои рекъ: Господи не помяни имъ грѣха сего! Тогда возведоша его на раскатъ и посадиша вскраи высоты къ востоку противъ собора и хотѣли его низринути; онъ же устрашась, схватился за единаго изъ нихъ и едва съ собою не стащилъ его; они же удержаше ихъ. И положили его святителя на землю вскраи раскату и покатиша сверху внизъ, и паде неповинный той страдалецъ къ востоку передъ раскатными дверями къ собору, и только сшибена у него явилась правая щека и изъ носу вытекло

крови съ полгорсти. И вдругъ начался нѣкій необыкновенный шумъ, стукъ и трескъ. И смятошася злодѣи всѣ въ разбойническомъ своемъ кругѣ и молчаша; пока сіе происходило время съ полчаса, ни единъ другу слова не отверзаху; вси онѣмѣша, аки изумленіи. И бысть страхъ великъ на нихъ, и убояшася и оторопѣша невѣдяху, что творити. Тогда жъ священницы соборніи притекаша къ его святительскому тѣлу и священникъ Кирилъ и Козьма съ кадилами и упадоша страдальцу—первый на перси, а другій—на ноги слезно плакаху и просяху прощенія. Узрѣша сіе злодѣи послаху съ палкою есаула астраханца Афоньку Воронова, который и отогналъ ихъ отъ тѣла святительскаго, и гналъ до самыя соборныя церкви. Пройде же время не многое послѣ свершенія тираническаго и клятвопреступнаго сего убійства, протопопъ со священницы на коврѣ подъемше страдальческое тѣло, внесоша въ соборную церковь въ одной его холодной рясѣ, въ которой онъ низверженъ на землю и осмотрѣша его тѣло соборне причтъ церковный: спина и около чрева все сожжено и черно и даже волдыри наліяшася отъ жженія огненнаго, на главѣ и брадѣ власы подпалены, и въ той же рясѣ его святителя облачили по чину и отпѣвши надгробная, положили его въ уготованномъ гробѣ. Стоялъ же онъ святитель въ соборной церкви сутки одни, и на утріе въ шестомъ часу начался благовѣстъ въ большой колоколъ рѣдко и томно; и собрашася священницы вси пѣвше большую панихиду; потомъ понесоша гробъ со святыми его мощами поставили его въ уготованномъ ископанномъ гробѣ подъ соборнымъ придѣломъ подъ олтаремъ Афанасія и Кирилла Александрійскихъ чудотворцевъ съ правую сторону архіерейскаго двора и стоялъ не покрытъ девять дней, а въ десятый заградиша досками и заклаша камнемъ гробницу, отъидоша плачуще и рыдающе.

Крамольницы-же—злочестивые бунтовщики и отступники—казаки со астраханцами написаша обязательную запись и принуждаху священниковъ къ ней подписываться, изъявляюще въ ней хулы на святителя; но никто изъ нихъ не подписалъ ее, кромѣ что отъ страха и боязни—очевидной смерти подписали, архимандритъ спасскій и игуменъ и Троицкій ключарь Авраамій, у коего они тое злодѣйскую свою запись и положили.

Пріиде же вѣсть въ Астрахань, что идетъ съ Москвы отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича посланный бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій съ воинствомъ. Тогда смятошася вси разбойницы и бунтовщики и богомерзкій ихъ Атаманъ Васька Усъ, послалъ къ протопопу Ѳедьку есаула, Алешку Кочемовскаго, Ермолку Власова и велѣлъ у келаря Авраамія тое запись обратно взять, которую и взяша и отнесоша атаману, и ее онъ при всѣхъ разорвалъ, но лоскутъ заглавія принесенъ въ соборъ и читано по раздирку, что они воры другъ за друга подписывахуся умирать и стоять крѣпко.

Про сію запись по вступленіи Милославскаго въ Астрахань великій былъ сыскъ, ибо тѣ отступники вживѣ сущу бывши митрополиту ее при-

носили, чтобъ онъ подписалъ ее, но онъ не токмо сему ихъ злодѣйскому совѣту сопротивляшеся, но и обличалъ ихъ въ буйствѣ, и увѣщевалъ обратитися на путь истины. Они же его святителя ругающе. Но страха ради Тихонъ попъ, который пріѣхалъ въ Астрахань къ московскимъ головамъ съ Дмитріемъ Полуехтовымъ, приложилъ руку и отнесоша ее, какъ уже выше писано, къ келарю Авраамію Троицкому, а наконецъ и изодраша. И оный Тихонъ попъ съ семействомъ отдался вѣчно въ холопство къ тому Милославскому, который изъ Астрахани его въ отчину свою и отослалъ.

И въ 180 году сентября 2 дня приступилъ подъ градъ Астрахань боляринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій съ ратными людьми; но тѣ бунтовщики Астраханцы и Донскіе казаки выступили на стругахъ водою хотяху пришествію его сдѣлать препятствіе; но Московскія войска сухой берегъ занявши и на устьѣ Болды рѣки сдѣлали тотчасъ земляную крѣпость и вскатили пушки; учредили все какъ слѣдуетъ ко взятію града и поѣхавшихъ на судахъ воровъ разбили и живыхъ перехватили, и тутъ боляринъ Милославскій, увѣщевая ихъ тишайшимъ и снисходительнѣйшимъ образомъ отдатися безъ кровопролитія законному своему государю, кормяше ихъ довольною пищею, бѣ-бо въ то время въ Астрахани гладъ великъ, и отпущаше ихъ во градъ, что-бы они братію свою бунтовщиковъ уговаривали сдатися и принести вины свои; но градскіе злодѣи ни мало тому не внимаху. Но боляринъ призываетъ изъ нихъ—кто по умнѣе, не въ большемъ количествѣ людей, объявляя имъ Царскую милость и прощеніе; но они обуяша аки звѣри дивіи ничесо же внимающе. Тогда повелѣно сдѣлать другой земляной городокъ близь полку на Соленой рѣкѣ; они же крамольницы собрашася въѣхали въ стругахъ, чтобы разорить его; но сами отъ Московскихъ побиты аки свиніи, и перетоплено въ водѣ ихъ многое число; и съ сего времени найде на нихъ скорбь велія и печаль, незнаяху, что имъ подобаетъ творити, и многіе начаша помышляти о покорности и перебѣгаху въ полки Московскіе отдавахуся.

Въ то время пріиде изъ горъ подъ Астрахань князь Черкасскій и призвалъ видомъ дружбы втораго атамана Ѳедьку Шелудякова къ себѣ въ станъ для переговоровъ о союзѣ якобы съ черкесами, и удержалъ у себя до указу. Тутъ наипаче мятежъ воспослѣдовалъ во градѣ великій.

Болярину-же Ивану Богдановичу Милославскому дана отъ Великаго Государя въ сохраненіе и защищеніе ратныхъ войскъ икона Пресвятыя Богородицы глаголемая Живоносный Источникъ въ чудесѣхъ; онъ же боголюбивъ непрестанно взираше на икону и моляшеся Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ со слезами о дарованіи града безъ кровополитной брани; мятежницы же градстіи часто въ полки его пріѣзжаху и напившись пьяніи, пелѣная глаголаху; но Милославскій всегда за правило имѣяше тихость, ласковость и увѣщаше ихъ явленіемъ милости Царской и о обращеніи по прежнему въ покорность къ Великому Государю, чтобъ они вины свои при-

несли и раскаялись добровольно и непринужденно. То многіе видя болярина къ нимъ благосклонна и милостива ухождаху изъ града и предавахуся въ полки Царевы и повѣлено всѣхъ ихъ довольствовать пищею. И бысть паки отъ бунтовщиковъ смятеніе во градѣ поелику извѣстясь они о уходѣ своихъ многихъ сообщниковъ и о предательствѣ ихъ Великому Государю, озлобясь на сіе, собраша женъ ихъ и дѣтей, дворянскихъ, сотническихъ, головинскихъ, подъяческихъ и достальныхъ митрополичьихъ людей, привезоша ихъ на площадь въ богомерзскій кругъ свой и начаша неповинныхъ тѣхъ людей убивати; овыхъ саблями, овыхъ копіями прободающе, другихъ стрѣлами уязвляюще; и тако всѣхъ ихъ предаша смерти до единаго.

Но Человѣколюбецъ Господь Царь Небесный умилосердися надъ погибающимъ христіанствомъ , видя нещадно проливаемую кровь отъ единовѣрныхъ, но злобою исполненныхъ бунтовщиковъ, клятвопреступниковъ обрати сердца къ познанію власти предержащей астраханскихъ жителей, кои познавъ свое согрѣшеніе раскаялись, и собрашася во множествѣ ово отъ увѣщанія болярина Милославскаго, ово уже скучаху растройствами, бунтами и убійствомъ, учиниша приговоръ захватить главныхъ бунтовщиковъ Донскихъ казаковъ, а сами написаша извинительное прошеніе къ Великому Государю Великому Князю Алексѣю Михаиловичу просяще помилованія въ винахъ своихъ, которое и послали съ приказнымъ человѣкомъ и съ нѣсколькими старшинами, и просяху, чтобы боляринъ и воевода со всѣмъ воинствомъ ничтоже сумняся взошелъ въ городъ. Тогда собрашася въ шатеръ боярскій вси полковники и головы и всѣ ратные люди, падоша на землю предъ иконою Пречистыя Богородицы Живоноснаго Источника молебное пѣніе совершающе и благодаряще крѣпкую Помощницу возбранную Воеводу, что предаетъ имъ градъ безъ брани и кровопролитія, и за умягченіе сердецъ звѣрскихъ отступниковъ Астраханцевъ.

Въ утріе-же отдаде боляринъ приказъ, чтобы чрезъ кутумовъ рѣку сдѣлать на стругахъ мостъ ко граду; и вскорѣ уготовану бывше сему. Тогда собрашася священницы, ови отъ полковъ, а другіе пріидоша изъ града подъемши образъ Владычицы Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Боляринъ же и все воинство облекошася въ ратныя одѣянія возблеснуша предъ очами бунтовщиковъ, аки прекрасная заря; бѣ-бо день тогда свѣтлый и доспѣхи и латы и щитъ на всехъ блещахуся и сіяху отъ лучей солнечныхъ, яко едва оку человѣческому глядѣти удобѣе. И самъ князь со священники несяше той чуденъ Пресвятыя Дѣвы образъ и устроишася во весь порядокъ военный двинушася, и поидоша чинно во градъ съ молебнымъ пѣніемъ, яко предаде его Господь православному Царю безъ кровопролитія, слезы отъ радости испускаху. Тогда видѣвша Астраханскіе бунтовщики икону Божіей Матери и яко дивіи человѣцы недоумѣвахуся что творити; вси бяху въ ужасѣ и аки отъ сна пробудишася, падоша вси на землю рыдающе, слезы неутолимыя точаху, раскаявахуся о злыхъ своихъ содеянныхъ согрѣшеніяхъ.

(Статья В. Н. Сахарова изъ «Волги» за 1864 г. № 27-й).

ПАМЯТНИКЪ МѢСТНОЙ СТАРИНЫ
хранящійся въ библіотекѣ астраханской духовной семинаріи.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
(„Борисъ Годуновъ“ Пушкина).

Гг. Рыбушкинъ въ своихъ „Запискахъ объ Астрахани“ стр. 84 и 95) и Писемскій въ своихъ „Путевыхъ очеркахъ“, помѣщенныхъ въ Февральской книжкѣ „Морскаго Сборника“ за 1857 годъ, упоминаютъ о запискахъ здѣшней духовной семинаріи. Подъ этими записками они разумѣютъ любопытную рукопись, хранящуюся въ семинарской библіотекѣ и написанную, какъ видно изъ самой же рукописи, во второй половинѣ XVII столѣтія. „Сие Астраханское сказание, говорится въ самомъ концѣ ея, и мучение Преосвященнаго Иосифа Митрополита и убиение боярина князь Ивана Семеновича Прозоровскаго с товарищи и протчихъ всехъ православныхъ христианъ, замученныхъ по благословению Парфениа, Митрополита и повеленіемъ боярина и воеводы Петра Михайловича Салтыкова писалъ Преосвященнаго Иосифа Митрополита убиеннаго сынъ боярской Петръ Золотаревъ въ 187 (т. е. въ 1679) году Іюля въ 7 день“. Такимъ образомъ рукопись эта написана не болѣе какъ чрезъ 11 лѣтъ послѣ перваго появленія Стеньки Разина на Волгѣ, считая, на основаніи рукописи съ 1667 года и чрезъ 7 лѣтъ по убіеніи Преосвященнаго Іосифа, написана лицомъ весьма близкимъ къ мученику святителю и пользовавшимся его полнымъ довѣріемъ *). Золотаревъ, вѣроятно, списывалъ ее съ какой нибудь еще ранѣе составленной рукописи, веденной въ видѣ домашней записи или дневника. Это предположеніе основано на указаніи, стоящемъ въ главѣ руковиси. На первомъ листѣ ея, надъ заглавіемъ, читаемъ слѣдующую надпись: „Із помянутой же келейной книжицы“. Ясно, что рукопись во первыхъ списана съ какой то домашней записи, а во вторыхъ составляетъ только отрывокъ, продолженіе этихъ выписокъ. Подтвержденіе этой мысли находимъ и въ дальнѣйшемъ содержаніи рукописи. На 13 полулистѣ, въ небольшой статьѣ: „Въ Астрахане в приходъ донскихъ казаковъ воровъ Стенки Разина с товарищи побито“ между прочимъ значится: „дьякъ (т. е. убитъ), имя и фамилія не показано“. Гдѣ не показано? Очевидно тамъ, откуда рукопись списана. Если такимъ образомъ рукопись эта дѣйствительно служитъ только продолженіемъ выписокъ Золотарева, то какъ жаль, что всѣ онѣ не сохранились до насъ въ своей цѣлости и полнотѣ.

Непосредственно подъ приведенною надписью читаемъ слѣдующее заглавіе рукописи: „О взятіи Астрахани воромъ і изменникомъ Стенкой Разинымъ и о убіеніи Преосвященнаго Иосифа, Митрополита Астраханскаго

*) Не кому нибудь другому, а именно Петру Золотареву прочелъ преосвященный прежде царскую грамоту, принесенную Емометомъ мурзою, и ему именно поручено скопировать ее. (Рукопись о взятіи Астрахани, полулистъ 9-й).

и Терскаго, и господъ знатныхъ, такожъ головъ Стрѣлецкихъ и прочихъ жителей астраханскихъ". Въ рукописи мы найдемъ даже болѣе того, сколько обѣщаетъ это заглавіе. Здѣсь мы встрѣтимъ много обстоятельствъ, касающихся не столько Астрахани, сколько другихъ мѣстностей приволжскаго, прикаспійскаго и Уральскаго краевъ. Съ другой стороны, авторъ помѣстилъ сюда и такія случайности тогдашняго времени, которыя сами по себѣ къ дѣйствіямъ Стеньки Разина не имѣютъ никакого отношенія, но на которыя народная фантазія, всегда робкая и суевѣрная смотрѣла какъ на грозныя предвѣстія. При такомъ разнообразіи своего содержанія, рукопись распадается на нѣсколько отдѣловъ не равной величины, имѣющихъ свои частныя названія, наприм. „О знаменняхъ, кои были при боярине и воеводе князь Иване Семеновиче Прозоровскомъ". „О первыхъ вестяхъ въ Астрахань" (именно о взятіи Стенькою Разинымъ Царицына), „О неистовстве воровъ, паче безсурмановъ", „О татарскомъ междособіи болшаго и малаго Ногая съ Етсанскими татарами", и проч. и проч. Въ расположеніи предметовъ, входящихъ въ составъ рукописи, не видно стремленія къ строгой группировѣ фактовъ. Однородныя событія не сводятся здѣсь вмѣстѣ въ одномъ какомъ нибудь отдѣлѣ, а излагаются отрывочно въ различныхъ частяхъ рукописи. Сказавъ, напримѣръ, нѣсколько словъ о знаменіяхъ, бывшихъ въ Астрахани при князѣ Прозоровскомъ, списатель рукописи, слѣдуя, конечно, порядку оригинала, переходитъ къ „вѣстямъ о злодѣйствахъ измѣнника и богоотступника Разина", а отъ нихъ снова возвращается къ знаменіямъ. Во всѣхъ подобныхъ переходахъ разказчикъ, какъ и всѣ лѣтописцы, руководится не логикой, а исключительно хронологіей: мѣсто того или другаго событія въ его повѣствованіи опредѣляется неоднородностью его съ другими, а порядкомъ совершенія его во времени. Объемъ рукописи не великъ: она равняется 8-ми листамъ обыкновенной писчей бумаги и сохранилась очень хорошо, за исключеніемъ впрочемъ первой страницы, на которой нѣсколько словъ къ сожалѣнію на половину изгладились, такъ что разбирать ихъ чрезвычайно трудно. Рукопись написана почеркомъ совершенно прямымъ иногда довольно вычурнымъ и вездѣ очень сжатымъ. По мѣстамъ и очень нерѣдко допускаются титла, во многихъ случаяхъ отдѣльныя буквы и даже слоги какъ въ срединѣ, такъ и на концѣ словъ совершенно опускаются, или же пишутся надъ строкою, или же наконецъ на нихъ только намекаетъ какой нибудь значокъ.

Не знаемъ навѣрное, являлась-ли когда нибудь эта рукописись въ печати въ томъ видѣ, какъ она хранится въ семинарской библіотекѣ. Въ историческихъ актахъ, собранныхъ и изданныхъ археографической комисіею, мы не нашли ея, сколько ни рылись. Разсказывая исторію возмущенія Стеньки Разина, професоръ с.-петербургскаго университета Костомаровъ, кажется, имѣлъ подъ руками или эту именно рукопись, такъ какъ она путешествовала нѣкогда въ Петербургъ, или же другую совершенно

сходную съ нею по содержанію. Впрочемъ, много обстоятельствъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ рукописи, г. професоръ могъ заимствовать и изъ IV тома актовъ историческихъ, гдѣ помѣщены многія рукописи астраханскаго успенскаго собора и астраханскаго губернскаго правленія. (Смотр. его историческія монографія часть 2. Бунтъ Стеньки Разина). Послѣднее предположеніе точно такъ же вѣроятно, какъ и первое. „А бояринъ и воевода Петръ Михаиловичъ Салтыковъ, с сей книги списавъ списокъ, взялъ к себѣ тогожъ (т. е. 187) году," такъ оканчивается рукопись хранящаяся въ здѣшней семинарской библіотекѣ. Такимъ образомъ вотъ уже два экземпляра одной и той же рукописи въ одномъ году. Сколько же копій съ этихъ экземпляровъ могло еще появиться въ теченіи почти двухъ столѣтій, протекшихъ съ того времени? Г. Професоръ очень часто ссылается въ своей монографіи на „матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина". Если онъ разумѣетъ не какіе нибудь другіе матеріалы, а именно собранные Поповымъ, то здѣсь дѣйствительно помѣщено „Сказаніе лѣтописи о градѣ Астрахани, и страданіи преосвященнаго Іосифа, митрополита Астраханскаго и терскаго и боярина и воеводы князья Іоанна Семеновича Прозоровскаго с товарищи и московскихъ головъ стрѣлецкихъ.... чтобы впредь тѣхъ новыхъ страдальцевъ мученіе ихъ не забвенно было во вся роды." (стр. 241). Самое заглавіе показываетъ, что документъ этотъ по содержанію своему весьма близокъ къ рукописи, написанной Золотаревымъ. Но изъ того же самаго заглавія читатель ясно усмотритъ уже, что эти два документа нельзя назвать совершенно тождественными. Сходство и различіе ихъ со всею очевидностію обнаруживаются при сличеніи обоихъ памятниковъ. Сходство ихъ не ограничивается только тождествомъ предмета повѣствованія: многія событія излагаются какъ въ сказаніи лѣтописи о граде Астрахани, такъ и въ рукописи Золотарева одними и тѣми же словами: „Тогожъ (1668) году апрѣля въ 27 день бысть шумъ великъ въ церкви воздвиженія честнаго креста с полуночи и до седмаго часа", такъ слово въ слово разсказывается объ одномъ и томъ же предзнаменованіи въ обоихъ документахъ. Если не принимать въ соображеніе нѣкоторой разницы въ словахъ и выраженіяхъ, то такихъ сходныхъ мѣстъ въ сказаніи и рукописи найдется очень много. Для примѣра приведемъ повѣствованіе той и другой еще объ одномъ предзнаменованіи, которымъ грозила нѣкогда Астрахани природа. „Іюля [1]) въ 13 день 178 году, говорится въ рукописи,—в кремле городе въ Пречистенскихъ воротахъ были на карауле Московскіе стрельцы Алексиева приказу Соловцова [2]), которые были оставлены от высылки для карауловъ. І за три часа до свету видѣли знамение таковое, что надъ всею

[1]) Замѣчательно, что въ монографіи Костомарова „это чудо отнесено вопреки обоимъ памятникамъ къ 13 не июля, а июня.

[2]) Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ рукописи это мѣсто чьею-то рукою испорчено. Въ настоящее время въ ней читается не Соловцова, а да Ловцова, но разность чернилъ и не близкое къ подлинному письму очертаніе буквы д обличаютъ поправку позднѣйшую.

Астраханью отворилося небо и просыпалось із него на весь градъ подобно печнымъ искрамъ, и то видение, пришедъ Московские стрельцы съ караула въ соборную церковь поведали Иосифу Митрополиту, а в то время в соборе утреню пели. Митрополитъ же услыша отъ нихъ слезенъ бысть на долгъ часъ, и пришедъ в келью глаголаше, что-де излияся с небеси фіалъ гнева Божія. И по утру поведаетъ Митрополитъ боярину с товарищи, бояринъ же наипаче печаленъ бысть" (поллисты 4 и 5). Тоже самое, съ небольшими только измѣненіями, читаемъ и въ сказаніи. Чтобы яснѣе видѣть разницы, приводимъ здѣсь же подлинный разсказъ его о томъ же чудѣ. Іюля въ 13 день, въ кремлѣ городѣ поставлены были на караулѣ въ Пречистенскихъ вратѣхъ Московскія стрѣльцы Алексіева приказу Соловцова, которыя были оставлены отъ высылки ради карауловъ, и за три часа до свѣта видѣша знаменіе, что надо всею Астраханію отворилося небо и просыпалося изъ неба на весь градъ, подобно печнымъ искрамъ, и то видѣніе пришедъ Московскіе стрѣлцы съ караула въ соборную церковь и преосвященному Іосифу Митрополиту повѣдаютъ, а въ то время въ Соборѣ пѣли утреннюю. Митрополитъ же сіе услышавъ прослезился на долгъ часъ, и въ келію пришедъ, глаголаше къ сущимъ съ нимъ: сіе видѣніе таково, изліяся съ небеси фіалъ гнѣва Божія, и утріе повѣдаетъ Болярину и воеводамъ, князю Іоанну Семеоновичу Прозоровскому; онъ же великій новый страстотерпецъ, боляринъ Іоаннъ Семеоновичъ, слыша таковое великое и страшное явленіе, воздохнувъ отъ сердца и восплакася, прося у Господа Бога милости, укрѣпляетъ градъ". Но имѣя такимъ образомъ очень много общаго, документы эти представляютъ и значительныя разницы, если даже на варьянты и не будемъ обращать вниманія. Такъ ни въ началѣ, ни въ концѣ сказанія лѣтописи о градѣ Астрахани не видимъ тѣхъ приписокъ, указывающихъ источникъ его, писателя и время написанія, которыя находимъ въ рукописи. Порядокъ и расположеніе статей не вездѣ въ обоихъ документахъ одинаковъ, хотя собиратель „Матеріаловъ" и говоритъ, что онъ предлагаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ему удалось собрать ихъ. (Смот. предисловіе). Такъ напр. вслѣдъ за статьею—„О неистовстве воровъ, паче безсурмановъ", въ рукописи помѣщонъ небольшой разсказъ „О татарскомъ междусобіи большаго и малаго Ногая съ Етсанскими татарами", тогда какъ въ сказаніи послѣ той же статьи говорится прямо о приходѣ въ Астрахань Боярина Милославскаго. Но что важнѣе всего въ рукописи часто идетъ рѣчь о такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ въ сказаніи нѣтъ и помину. Таковъ напр. курьезный разсказъ „О птичьемъ бою". Особенно же замѣчательно то, что въ сказаніи лѣтописи о градѣ Астрахани вовсе нѣтъ рѣчи о томъ, какъ преосвященный митрополитъ Іосифъ получалъ и объявлялъ царскія грамоты, какъ онъ не хотѣлъ скрѣпить составленнаго бунтовщиками приговора, и какъ все это было причиною его мученической смерти, между тѣмъ какъ въ рукописи эта ужасная драма борьбы вѣрнаго своему долгу архипастыря съ ослѣп-

ленною и озлобленною паствою разыгрывается предъ нашими глазами во всемъ своемъ мрачномъ и потрясающемъ величіи.

Усмотрѣвъ такія значительныя разности между извѣстными намъ печатнымъ и рукописнымъ памятниками, мы рѣшились опубликовать послѣдній, тѣмъ болѣе, что собиратель „Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина", въ предисловіи къ изданію ихъ, прямо вызываетъ на это дѣло, говоря: „порадуемся если кто успѣетъ дополнить ихъ (матеріалы) или исправить по другимъ, не извѣстнымъ намъ рукописямъ". Независимо отъ этихъ побужденій, рукопись о взятіи Астрахани, кромѣ всеобщаго историческаго интереса, имѣетъ огромный чисто мѣстный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, для кого не поучительны, кому не дороги всѣ даже самыя грустныя воспоминанія его родины? Кто изъ жителей Астрахани и вообще всего приволжья не полюбопытствуетъ послушать разсказы о событіяхъ, совершившихся въ его родномъ краѣ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ, послушать отъ современника и очевидца всѣхъ этихъ событій? Смотря на рукопись о взятіи Астрахани съ этой точки зрѣнія мы находимъ, что напечатать ее не излишне даже и послѣ того, какъ содержаніе ее превосходно передано въ монографіи Костомарова „Бунтъ Стеньки Разина". Слышать разсказъ современника и очевидца, со всѣми особенностями его рѣчи,—все же можно только отъ самого самовидца. По этому же самому мы думаемъ, что никакая другая газета неимѣетъ столько права помѣстить на своихъ столбцахъ рукопись, о которой идетъ рѣчь, какъ „Волга". За „Волгою" неотъемлемо остается это право даже и въ томъ случаѣ, если „сие астраханское сказаніе" и было уже гдѣ нибудь напечатано[1]). Этотъ памятникъ печальной и еще столь не давней старины, по содержанію своему, гораздо ближе къ „Волгѣ", нежели ко всякой другой газетѣ или журналу. Ближе онъ къ „Волгѣ" потому, что касается кровавыхъ событій нашей отечественной исторіи, которыхъ театромъ были тѣже мѣстности, гдѣ и сама она въ первые узрѣла свѣтъ Божій, гдѣ доселѣ средоточіе ея жизни и дѣятельности. Въ Астрахани написанный, въ Астрахани онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть и напечатанъ, коль скоро здѣсь есть типографскій станокъ.

[1]) Замѣчательно, что г. Костомаровъ, разсказывая въ своей монографіи то или другое событіе, постоянно указываетъ и на источники, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ: акты историческіе, матеріалы для исторіи зозмущенія Стеньки Разина, Sentence de mort contre Stenko Razin, Reise Strauss, и множество другихъ. Только о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ онъ просто замѣчаетъ: современное сказаніе, говоритъ современный лѣтописецъ. Гдѣ говоритъ? Цитата нѣтъ, а по справкѣ оказывается, что именно въ рукописи, составляющей предметъ настоящей статьи. Изъ этой же рукописи цѣликомъ взятъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ преосвященнаго Іосифа, и тоже безъ указанія на нее. Незначитъ ли это, что ученый професоръ не хотѣлъ ссылаться на эту рукопись, какъ на памятникъ, именно не напечатанный и слѣдовательно не всѣмъ, желающимъ повѣрить ссылки, доступный?

Въ заключеніе намъ остается только сказать, что если редакція „Волги“ не противъ нашей мысли [2]), то мы незамедлимъ доставить ей копію съ рукописи о взятіи Астрахани, не иначе впрочемъ, какъ по частямъ.

[2]) Редакція не только не противъ этой мысли, но съ особенною признательностію приметъ подобный трудъ для напечатанія въ „Волгѣ“. При томъ долгомъ считаетъ просить автора, не найдетъ ли онъ возможнымъ впослѣдствіи подробно познакомить читателей „Волги“ съ семинарскою библіотекою. Ред.

Такъ какъ мысль наша о напечатаніи рукописи „о взятіи Астрахани„ хранящейся въ здѣшней семинарской библіотекѣ, принята редакціею мѣстной газеты „Волга“ съ сочувствіемъ, то въ настоящее время мы и представляемъ ей согласно съ своимъ обѣщаніемъ, часть этаго документа для опубликованія. Нѣкоторыя разницы болѣе или менѣе значительныя, отличающія рукопись отъ „сказанія лѣтописи о градѣ Астрахани“ указаны нами, какъ въ самомъ помѣщаемомъ здѣсь оригинальномъ текстѣ, такъ и въ предварительной статьѣ (см. предъидущій № газеты „Волга). Желающіе сличить эти два документа во всѣхъ подробностяхъ могутъ найти сказаніе въ „Матеріалахъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина“, собранныхъ Поповымъ. В. Сахаровъ.

Де Бруинъ.

Корнилій де Бруинъ по профессіи живописецъ, извѣстный своими путешествіями на Востокъ, родился въ Гагѣ, въ 1652 году. Еще во время своего художественнаго образованія, онъ объѣздилъ всѣ важнѣйшіе города Италіи, а затѣмъ, подъ вліяніемъ неудержимой склонности къ путешествіямъ, посѣтилъ Малую Азію, острова Митилене, Хіосъ, Родосъ, Кипръ и друг., былъ въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, записывалъ и снималъ на пути все, что казалось ему занимательнымъ и живописнымъ. Вскорѣ овладѣло имъ страстное желаніе посѣтить дальній Востокъ—Персію, Индію, и по пути—Россію, которая его, между прочимъ, привлекала кипучей дѣятельностью въ ней прославившагося уже въ Европѣ молодаго монарха-реформатора. Отплывъ изъ родной своей Гаги 28 Іюля 1701 года, де Бруинъ прибылъ въ Архангельскъ 3-го Сентября, а 4-го Января 1702 года явился въ Москву, гдѣ прожилъ, экскурсируя въ недалекіе отъ нея города, до 15 Апрѣля 1703 года; въ томъ же году онъ тронулся, рѣками Москвой, Окой и Волгой въ дальнѣйшее свое путешествіе, на Астрахань, куда вернулся, посѣтивъ Персію, Восточную Индію, Цейлонъ и Яву, черезъ 4 года 11 Іюля 1707 г. Домой вернулся де Бруинъ прежнимъ путемъ на Москву, Архангельскъ и Амстердамъ въ Октябрѣ 1708 г. Черезъ 2 года по возвращеніи своемъ на родину, де Бруинъ издалъ описаніе своего 2-го путешествія. Переведенное почти на всѣ европейскіе языки, сочиненіе де Бруина не было извѣстно до 1872 г., т. е. до перевода П. П. Барсова, только на русскомъ за исключеніемъ отрывка трактующаго о Москвѣ, помѣщеннаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, редакціи П. П. Свиньина (1829—1830). Достоинство сообщаемыхъ де Бруиномъ свѣдѣній о Россіи, по словамъ Барсова, заключается въ томъ, что, не смотря на близкое его знакомство со всѣми авторами, писавшими о Россіи до него (Герберштейнъ, Олеарій, Карлиль, Аллисонъ и друг.), онъ ничего у нихъ не заимствовалъ, но является вездѣ самостоятельнымъ и вѣрнымъ принятому имъ правилу „строго держаться истины и описывать только то, что онъ самъ видѣлъ и дозналъ на мѣстѣ“. Переводъ П. П. Барсова сдѣланъ съ полнаго французскаго текста, изданнаго въ Амстердамѣ въ 1718 г., братьями Ветштейнами и провѣренъ О. М. Бодянскимъ по голландскому изданію 1714 г., сдѣланному въ Амстердамѣ; ему-же О. М. Бодянскому, принадлежатъ всѣ подстрочныя примѣчанія подписанныя буквами: О. Б. Годъ кончины де Бруина неизвѣстенъ; послѣ второго своего путешествія, онъ не оставлялъ уже Европы, жилъ въ Утрехтѣ, гдѣ и умеръ.

Изъ упомянутаго перевода г. Барсова, помѣщеннаго въ журналѣ „Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ за 1872 г. ниже перепечатаны только отрывки касающіеся Астраханской губерніи. Переводъ г. Барсова повидимому сдѣланъ слишкомъ близко къ подлиннику, и въ литературномъ отношеніи оставляетъ желать очень многаго; встрѣчаются странныя выраженія въ родѣ „дождь осушилъ мое намѣреніе“ или „мы увидали въ глазахъ у себя четыре горы“ и проч.; своеобразная орфографія переводчика оставлена безъ измѣненій.

ПУТЕШЕСТВІЕ КОРНИЛІЯ ДЕ БРУИНА ЧЕРЕЗЪ МОСКОВІЮ.

Глава XV.

Отъѣздъ изъ Москвы. Теченіе Волги, города и мѣста лежащіе на ней. Прибытіе въ Астрахань.

. . . . . .

Шестнадцатаго числа намъ представились опять скалистыя горы, во многихъ мѣстахъ обвалившіяся и усѣянныя гнѣздами ласточекъ, которыя

ежеминутно вылетали изъ гнѣздъ и снова прятались въ нихъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ также полна была островами, и мы увидали издалека еще Золотую гору (Solofto gori), а въ 3 часа другія горы, которыя больше покрыты были зеленью и деревьями, между же двумя горами протекала небольшая рѣчка Дубовка (Doesinke), которая направляется къ сѣверо-западу въ 25 верстахъ отъ Камышина (Saroegamis). Тутъ пошелъ дождь, но не на долго, и солнце опять показалось. За тѣмъ мы увидали, спустя нѣсколько часовъ, лѣсъ впереди горъ, стоявшій отчасти въ водѣ, куда занесены были бурею два струга, въ то время еще, когда была полая вода въ рѣкѣ; струги этѣ были совершенно цѣлы еще. Мы видѣли здѣсь также рыбачьи шалаши, а до захожденія солнца проплыли мимо города Камышина, начатаго постройкой всего 4 года тому назадъ и уже значительно обстроеннаго. Городъ этотъ довольно обширенъ, окруженъ земляным валомъ, надъ которымъ и тогда безпрестанно работали. На житье сюда прибыли уже изъ Москвы до 4000 семей. Гора, на которой построенъ городъ, особенно возвышена къ сторонѣ рѣки, обрывиста и чрезвычайно скалиста. По близости города, слѣва бѣжитъ рѣка Камышинка (Kamuschinka), текущая къ западу. Говорятъ, что она беретъ начало свое изъ родника у Иловли (Ilova), которая впадаетъ въ рѣку Донъ, изливающуюся въ Понтъ (Pont) и отдѣляющую Европу отъ Азіи. Казаки, живущіе на берегу Дона, переплывали какъ разсказывали намъ, на лодкахъ изъ этой рѣки въ Волгу и дѣлали въ этѣхъ мѣстностяхъ много безпорядковъ, не смотря на то, что сюда часто присылались войска для обузданія ихъ. Такъ какъ мѣры этѣ оказались недостаточны для достиженія сказанной цѣли, то и рѣшено было выстроить здѣсь городъ, чтобы держать Казаковъ въ страхѣ. На другой сторонѣ Камышинки сооружали и крѣпость, окруженную земляным валомъ, надъ коимъ и теперь работали, но сооруженіе это плохо подвигалось впередъ, по тому что рабочіе не выносили тягости работъ по причинѣ дурного здѣшняго климата. Если бъ не это обстоятельство, то Его Величество приказалъ бы прорыть тутъ каналъ, для проѣзда въ Черное море. Я выходилъ на берегъ взглянуть на сказанное сооруженіе, и мнѣ сказали тамъ, что хотѣли было построить и городъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ начата была эта крѣпость, но что не сдѣлали этого по тому, что воздухъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень нездоровъ. Намѣревались также устроить здѣсь плотину между двумя горами, чтобы задержать теченіе Камышинки и не давать ей выхода въ Волгу; но оказалось, что это предпріятіе также надо было оставить,

по тому что затворы шлюзъ не въ состояніи были выдерживать напора воды, которая иногда стекаетъ въ Камышинку съ сосѣднихъ горъ. Кромѣ того, грунтъ земли, находящійся тутъ подъ верхнимъ слоемъ, такой каменистый и скалистый во многихъ мѣстахъ, что не было возможности ломать его и сладить съ нимъ. Все это вмѣстѣ заставило подрядчика отказаться отъ его намѣренія, во избѣжаніе тѣхъ неудачъ и убытковъ, которые онъ могъ бы при этомъ понести.

До сихъ поръ мы рѣдко плыли на парусахъ, а пользовались только быстротой теченія рѣки и веслами, дѣлая около 120 верстъ въ сутки, т. е., въ продолженіи 24-хъ часовъ. 17-го числа утромъ мы миновали рѣку Балыклею (Bobloclea), въ 90 верстахъ отъ послѣдняго города, который мы проѣхали, и здѣсь мы встрѣтили большой стругъ Его Величества, шедшій изъ Астрахани. Я снялъ тутъ одинъ видъ, который см. подъ ч. 30.

Въ одиннадцать часовъ поднялась жестокая буря со стороны горъ, и мы принуждены были за каждое весло посадить по два человѣка, которые приложили всѣ свои силы, чтобы не дать баркѣ удариться о другой берегъ, именно о лѣвый. Мы даже привязали барку нашу къ деревьямъ, стоявшимъ въ водѣ у подошвы горъ; но часъ спустя погода прояснилась, мы продолжали нашъ путь и вскорѣ достигли до острова, на лѣвой сторонѣ рѣки, называемаго Алинда Лука (Alinda Loeka). Гора здѣсь своею вершиною придвигается къ сказанному острову такъ близко, что оставляла намъ для проѣзда чрезвычайно узкое пространство. Мѣсто это находится въ 60-ти верстахъ отъ Царицына (Zaritza). Нѣсколько спустя внезапный порывъ вѣтра бросилъ насъ на мель, и барка наша долго не могла опять выйти на воду. Буря снова усилилась съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, полилъ сильный дождь, и мы стали подъ защиту горъ, вторично привязавши нашу барку къ деревьямъ. Послѣ этого мы вышли на берегъ на шлюпкахъ, по тому что барка не могла подойти къ берегу по мелководью. Тамъ мы разложили порядочный огонь, чтобъ изготовить ужинъ. Въ то время, какъ другіе занимались этѣмъ, я пошелъ на гору поискать тамъ цвѣтовъ и растеній, но всѣ они погорѣли отъ зноя и позавяли. Кромѣ того, вѣтеръ дулъ чрезвычайно сильный, такъ что съ трудомъ можно было держаться на ногахъ, что и заставило меня поскорѣе возвратиться къ своимъ. Возвращаясь вдоль берега, я встрѣтилъ нѣчто въ родѣ небольшой часовни, далѣе по дорогѣ растенія, росшія на берегу, сверху голубыя, снизу сѣроватыя, либо синеватыя. Я взялъ нѣсколько ихъ съ собою по ихъ красотѣ.

Погода продолжала быть дурной и холодной до 8-ми часовъ вечера, когда вѣтеръ стихъ и измѣнился въ благопріятный для насъ. Мы тотчасъ подняли парусъ, и въ 2 часа ночи прибыли къ Царицыну (Zaritsa), гдѣ стояли до утра 18-го числа, когда, съ восходомъ солнца, пустились продолжать путь нашъ. Городъ Царицынъ построенъ на невысокой горѣ, объемомъ невеликъ и, какъ мнѣ показалось, расположенъ четырехъугольникомъ и обнесенъ деревянною стѣной, снабженной башнями. Предмѣстье его раскинуто по берегу рѣки и частію вокругъ города. Главная церковь каменная, но недостроенная еще; остальныя церкви деревянныя и едва видны. Я снялъ видъ города съ рѣчной стороны, который и можно видѣть подъ ч. 31. Лежитъ городъ подъ 48°, 23′, въ 350 верстахъ отъ Саратова. Отсюда вплоть до Астрахани въ лѣсахъ ростетъ солодковый корень, стволъ котораго бываетъ вышиною отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ. Продвинувшись нѣсколько впередъ, встрѣтили мы островъ Сарпинскій (Serpinske), имѣющій въ длину 12 верстъ и находящійся съ правой стороны, по близости къ намъ. *) Позади этого острова идетъ рѣчка отъ Дона и впадаетъ въ Волгу, которая, какъ говорятъ, не въ состояніи, впрочемъ, поднять барки. Русскіе называютъ ее, подобно острову, Сарпинкой (Сарпой). За тѣмъ горы стали уходить изъ нашихъ глазъ, а равнина показываться съ деревьями то же и съ лѣвой стороны. Въ 10 часовъ мы были уже въ 60 верстахъ за Царицынымъ, и тутъ повѣяло съ сѣвера пріятнымъ вѣтромъ, мы же подавались болѣе и болѣе къ сѣверу, черезъ часъ встрѣтили опять два острова съ правой стороны, а за тѣмъ миновали еще множество острововъ. Горы же все болѣе и болѣе удалялись отъ насъ, простираясь, однако, по направленію къ Черноярy (Tzernogar), отъ котораго мы были находились въ 40 верстахъ. Здѣсь рѣка Волга шириной отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ. Около 5 часовъ поднялся съ сѣверо-запада вѣтеръ, дувшій въ корму, но до того сильный, что мы едва могли удержать нашу барку отъ того, чтобы она не разбилась. Одна изъ шлюпокъ нашихъ разбилась таки у руля, и такъ значительно, что принуждены были обрѣзать канатъ и пустить ее на произволъ вѣтра. Между прочимъ можно было предвидѣть и отвратить эту потерю, по тому что за минуту передъ тѣмъ я сходилъ въ сказанную шлюпку, видя что въ нее вошла вода, и успѣлъ еще взять съ нея охотничью собаку, которую и перевелъ на другую шлюпку, большаго размѣра и лучшую.

*) Между Царицынымъ и Сарептой, такъ названный по р. Сарпѣ, впадающей въ Волгу ниже Сарепты. О. Б.

Ночью, на эту послѣднюю шлюпку перешли и нѣсколько путниковъ, такъ какъ большая барка наша не могла помѣщать всѣхъ насъ. Къ закату солнца мы прибыли въ Чернояръ, отстоящій на 200 верстъ отъ Царицына; мы проплыли разстояніе это такъ скоро по тому, что вѣтеръ въ этотъ день былъ намъ попутный. Городъ Чернояръ лежитъ въ 300 верстахъ отъ Астрахани, на горѣ, на правомъ берегу рѣки. Первое, что представляется здѣсь глазамъ, это сторожевой домъ, котораго видна, впрочемъ, только крыша. Есть въ городѣ и другая, подобная же караульня, деревянная, въ видѣ фонаря. Самый городъ невеликъ и окруженъ деревянною стѣной съ башнями. Внутри его замѣчательнаго ничего нѣтъ, и только виднѣлись 7 или 8 горестныхъ домовъ внизу, на берегу.' Русскіе захотѣли сойти въ городъ, какъ полагаю я, для того, чтобъ раздать бѣднымъ горожанамъ деньги, собранныя ими въ пути во время дурной погоды. Такъ какъ вѣтеръ былъ довольно силенъ и быстрое теченіе рѣки отнесло насъ на довольно далекое разстояніе отъ города, то мы принуждены были стать на якорь, но не крѣпкій канатъ вдругъ порвался. Я предвидѣлъ это, и совѣтовалъ было гребцамъ спустить парусъ прежде, чѣмъ подвигаться къ городу, чтобы подплыть къ нему на веслахъ. Берегъ здѣсь былъ довольно крутъ, и гребцамъ слѣдовало только сойти въ воду и притянуть барку къ берегу веревками. Но Русскіе все таки отправились въ городъ на шлюпкѣ, а другіе путники остались между тѣмъ на баркѣ, подъ защитою горъ. Я также было отправился въ городъ, но ни меня и никого изъ насъ не впустили туда, по тому что было уже поздно, и стрѣльцы, съ помощію крестьянъ, затворили городскія ворота передъ нашими глазами. Правда, они принесли намъ на продажу хлѣба, пива, молока, яицъ и проч. Когда всѣ возвратились на барку, то стали искать якорь, но напрасно, по причинѣ ночной темноты, и отыскали его уже послѣ, когда показался день. Городъ Чернояръ заселенъ только одними солдатами, которые помѣщены здѣсь для отраженія и защиты отъ набѣговъ Калмыцкихъ Татаръ, часто захватывающихъ стада туземцевъ и удаляющихся съ ними къ самой Самарѣ. 19-го числа, въ 6 часовъ утра, мы пустились въ путь нашъ на веслахъ, по тому что вѣтеръ былъ противный намъ. Плывя здѣсь, мы видѣли обрывистыя горы, съ зеленѣющими вершинами и пѣсчаными боками: то же самое и на лѣвой сторонѣ. Въ этѣхъ мѣстахъ рѣка была шириною не болѣе версты. Около полудня прослѣдовали мы мимо горы Половинной (Plowony), показавшейся на нѣкоторое время на берегу рѣки и вдававшейся въ глубь

материка, въ сорока верстахъ отъ послѣдняго города. За тѣмъ, около 5 часовъ, снова показалась небольшая возвышенность, но безъ деревьевъ, съ утесами, покрытая красноватымъ пескомъ, а рыболовныя снасти, устроенныя въ 40-ти верстахъ за Половинной горой: онѣ называются Каслярски (Kaslarskie) (?): тутъ мы получили рыбу также прекрасную, какъ и выше; здѣсь же мы видѣли заливъ Волги, уходящій далеко въ материкъ. Проплывъ еще далѣе 125 верстъ, мы стали на якорь, на время ночи, и 20-го числа, съ разсвѣтомъ, продолжали опять путь нашъ. Вѣтеръ былъ благопріятный и къ 8-ми часамъ увидали гору Енотаескую (Jenoarskie), на берегу рѣки, передъ глазами. Тутъ была половина пути между Черноярмъ и Астраханью. Проплывъ нѣсколько верстъ, опять распустили парусъ подъ восточно-южный вѣтеръ. Въ 10 часовъ показался большой островъ на лѣвой сторонѣ рѣки, а на немъ равнина чрезвычайно зеленая и усѣянная небольшими деревьями съ обѣихъ сторонъ. Тогда поплыли мы далѣе, большею частію на югъ, и къ полудню встрѣтили слѣва небольшую мель, въ 100 верстахъ отъ Астрахани. Здѣсь мы обогнули одинъ довольно острый мысъ, около котораго рѣка стремится съ такою быстротою, отъ которой нерѣдко разбиваются барки; а рѣка между тѣмъ имѣетъ здѣсь болѣе 40 саженъ глубины. Часъ спустя повѣялъ западный вѣтеръ, и мы пустились къ югу. Въ 4 часа встрѣтился большой островъ, длиною въ 10 верстъ, гдѣ рѣка, съ лѣвой стороны, была опять весьма широка. На одномъ концѣ этого острова находится стража изъ 30 солдатъ, помѣщающихся тамъ въ 3-хъ, или 4-хъ, хижинахъ или шалашахъ, и всѣ барки, проѣзжающія мимо, обязаны останавливаться здѣсь и приставать къ берегу острова. Въ то время, когда мы стояли у острова, съ другой стороны рѣки, которая очень широка, проплыли двѣ барки, шедшія изъ Астрахани. Увидѣвши ихъ, солдаты погнались за ними на парусной шлюпкѣ. Тутъ нашли мы также на якорѣ еще два большіе струга, плывшіе въ Казань. Въ 5 часовъ отплыли мы съ тѣмъ же самымъ вѣтромъ далѣе, и черезъ полчаса миновали опять островъ. Волга здѣсь то съ той, то съ другой, стороны становится шире, а материкъ то и дѣло переходитъ въ холмы, либо въ равнины, съ деревьями, и безъ деревьевъ, возвышенность же, которая позади лежитъ, простирается до самой Астрахани. На лѣвомъ берегу видны одни кустарники вдоль берега. Въ 7 часовъ мы прошли мимо горы Плосконной (Pleckona gora), въ 22-хъ верстахъ отъ Астрахани, а часъ спустя увидѣли сѣвшій здѣсь на мель и разбившійся большой стругъ, на которомъ, впрочемъ, видны были люди. Въ 15-ти верстахъ отъ города

мы увидѣли Соборную церковь, чрезвычайно большую и высокую. Въ это время вѣтеръ стихъ, и мы, продолжая свой путь при такой тиши, прибыли, наконецъ, за часъ до полуночи, въ Астрахань (Astrakan). Этотъ городъ находится въ 2000 верстахъ или въ 400 Нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы, считая по милѣ на добрый часъ, отъ Казани же на половинѣ этого разстоянія.

Глава XVI.

Описаніе Астрахани. Разведеніе садовъ. Изобиліе рыбы. Образъ жизни Татаръ.

Когда мы вышли на землю, то подверглись осмотру всего, что только было у насъ на стругѣ, за исключеніемъ однихъ моихъ пожитковъ и вещей. Я тотчасъ же послалъ отыскивать Губернатора, Тимоѳея Ивановича Ржевскаго (Timase Ivanewits Urssofskie), которому и предъявилъ два мои вида и письмо Князя Бориса Алексѣевича. Онъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо и, прочитавъ письмо Князя, предложилъ мнѣ свой домъ и все, что будетъ мнѣ нужно, на все время прибыванія моего въ этомъ городѣ. Я отблагодарилъ его и объяснилъ, что я долженъ оставаться съ моими товарищами, Армянами, языкъ которыхъ мнѣ былъ извѣстенъ и съ которыми я буду совершать и дальнѣйшее мое путешествіе. Онъ нашелъ объясненіе мое основательнымъ и тотчасъ послалъ за моими пожитками на берегъ, которые, не осматривая, приказалъ отнести въ Армянскій караванъ-сарай, гдѣ Армяне обыкновенно останавливаются и гдѣ помѣстился и я, вмѣстѣ съ Яковомъ Давыдовымъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Только что отобѣдали мы, какъ пришли къ намъ 8, или 10 человѣкъ отъ Губернатора, съ разными приношеніями. Это были: небольшой боченокъ водки, двѣ фляги съ лучшей водкой, большой мѣдной сосудъ съ краснымъ отличнымъ виномъ, и два другіе такіе же, одинъ съ медомъ, а другой съ пивомъ, четыре большихъ хлѣба, два гуся и разныя кури. Когда посланцы Губернатора ушли, получивъ отъ меня по небольшому подарку (по моему обыкновенію), ко мнѣ присланы были два солдата съ ружьями стеречь двери моей комнаты, и солдаты эти мѣнялись каждую недѣлю. Прислали ко мнѣ и одного Русскаго, знавшаго Голландскій языкъ, для сопровожденія меня всюду, куда я пожелаю и для служенія мнѣ въ качествѣ переводчика. Около этого времени Губернаторъ получилъ извѣстіе о покореніи крѣпости Нійенъ (Niyen), *) которую Его

*) Гдѣ нынѣ Петербургъ. О. Б.

Величество взялъ приступомъ 1-го Мая и въ которой онъ захватилъ 80 пушекъ, 8 мортиръ, 3500 человѣкъ Шведскаго войска, которому, впрочемъ, какъ разсказывали, онъ даровалъ свободу.

Обезпеченный столько Губернаторомъ, я пошелъ пройтись по городу, описаніе котораго здѣсь представляю. Онъ лежитъ на восточномъ берегу Волги, извѣстномъ подъ именемъ Скиѳіи, но теперь ее называютъ Нагаей (Nagaja), то есть всю мѣстность, находящуюся между Волгой, Яикомъ и Каспійскимъ моремъ, равно какъ Астраханью, по имени главнаго ея города въ прежнемъ Астраханскомъ Царствѣ. Городъ этотъ находится уже въ Азіятской Татаріи, граничащей съ Россіей, и стоитъ на главномъ рукавѣ Волги, впадающей въ нѣсколькихъ часахъ отсюда въ Каспійское море. Объ этомъ морѣ дальше скажу подробнѣе. Что до самаго города, то онъ лежитъ подъ 46° 22′ сѣверной широты, на одномъ островѣ Долгомъ (Dolgoi), отдѣленномъ небольшою рѣчкою отъ материка. Его можно обойти кругомъ въ нѣсколько часовъ и видѣть выходъ изъ города съ высокаго зданія. Лучшая почва земли здѣсь идетъ къ востоку до р. Яика; на западъ простирается обширная равнина на 70 миль или часовъ до самаго Чернаго моря, и нѣсколько миль на югъ до моря Каспійскаго. Въ этой части страны находится превосходная соль, развозимая по всей Россіи.

Этотъ городъ окруженъ прекрасною каменною стѣною, въ окружности доброй часъ времени. Онъ имѣетъ 10-ть воротъ. Я отправился изъ Никольскихъ Воротъ (Nikoolske warate), вдоль рѣки, оттуда къ Краснымъ воротамъ (Krasnie warate), мѣстности болѣе возвышенной, лежащей на крайнемъ концѣ. Отсюда же, продвигаясь впередъ, въ поле, я достигъ Житныхъ воротъ (Gietnie warate), у хлѣбнаго магазина, которые были заперты; но тутъ же не вдалекѣ есть другія ворота въ кремль, въ которыя входятъ и выходятъ. Сказанный хлѣбный магазинъ находится внѣ городскихъ стѣнъ и также окруженъ особою каменною стѣною. Далѣе идутъ Мочаговскіе ворота (Motsagostkie warate), близъ которыхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, есть еще другія деревянныя ворота, не входящія въ число городскихъ. Это Татарскіе ворота (Tartarische warate), т. е., со стороны Татаръ, гдѣ по тому постоянно находится Русская стража. Отъ нихъ приходите къ воротамъ Рѣшеточнымъ (Resoltisnie) и Вознесенскимъ (Visnesenskie), между которыми воротами на стѣнахъ есть двѣ башни, отстоящія одна отъ другой на 300 шаговъ. Отъ послѣднихъ воротъ нужно воротиться опять къ рѣкѣ, чтобъ дойти до Спаскихъ воротъ (Spaskie),

стоящихъ вплоть у Волги, а отъ этѣхъ до Исадныхъ воротъ (Isadnie), за которыми находится рыбный, хлѣбный, зеленной или овощной торгъ и проч. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда видна другая башня, а на стѣнѣ Гарянскіе (Garenskie) ворота, за коими лѣсной рынокъ и жилище хлѣбниковъ, которымъ не дозволяется жить въ городѣ. Далѣе за послѣдними воротами идутъ ворота Кабацкіе (Kabatskie) не доходя до другой башни, такъ что ворота приходятся между этой и предшествовавшей башнями. Изъ этѣхъ 10-ти воротъ шесть находятся у рѣки, а двое воротъ въ кремлѣ, которой лежитъ передъ городской стѣной. Есть въ ней еще третьи ворота, называемые Пречистенскими (Priestmiskinskie), выходящіе въ городъ, напротивъ базара или большой улицы (Bolsja ulits), на которой находятся главныя лавки Русскихъ и Армянъ. Приходя этѣми послѣдними по пути въ кремль, на лѣвой рукѣ видна Соборная церковь (Saboor), которую начали постройкой пять лѣтъ тому назадъ, на иждевеніи Митрополита, по имени Самсонія *). Этому Митрополиту присвоены особыя права надъ духовенствомъ, и для управленія имъ онъ имѣетъ у себя свой собственный Приказъ или Канцелярію. Онъ состоитъ въ то же время Митрополитомъ Терки (Tirk), города, находящагося подъ властію Его Царскаго Величества по сю сторону Каспійскаго моря, на Черкаскихъ (Serkasse) горахъ, въ 700 верстахъ отъ Астрахани. Когда въ прошломъ году, работали на верху надъ куполомъ сказанной церкви, то часть купола обрушилась, по непрочности поддерживавшаго фундамента. По этому принуждены это дѣло иначе повести, именно: въ настоящее время возводятъ тамъ пять небольшихъ башень съ куполами, на которыхъ водрузятъ кресты. Помянутая церковь видомъ четырехъугольная, имѣетъ въ окружности двѣсти шаговъ; лицевая сторона шириной 65 шаговъ, а стороны длиной по 47 шаговъ; задняя сторона этого зданія примыкаетъ отчасти къ стѣнѣ Митрополичьихъ палатъ, которыя составляютъ главное зданіе въ городѣ, чрезвычайно обширное, длинное и все каменное. Въ очень близкомъ разстояніи отъ этого зданія, на прекрасномъ ровномъ мѣстѣ кремля, находится дворецъ Губернатора, большое деревянное строеніе, окруженное особою деревянною же стѣною, снабженною двумя воротами, передними и задними. Дворцовая церковь или часовня находится внѣ сказаннаго двора. Между передними воротами, у которыхъ всегда находится стража, и домомъ Губернатора, есть прекрасная

*) Митрополитомъ, съ 5 Февраля, 1697 г., прежде Архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря, скончался въ Маѣ 1714 года. О. Б.

площадка. Вся совокупность двора называется Иваномъ Богословомъ (Iwan Bogasloof). Самый дворецъ содержитъ большое количество комнатъ, прекрасно освѣщенныхъ и чрезвычайно пріятныхъ, въ особенности тамъ хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, видъ изъ которой очарователенъ со всѣхъ сторонъ. У воротъ кремля, достаточно снабженнаго артиллеріей, стоитъ всегда стража. При входѣ въ кремль, передъ воротами, имѣется стража съ ея сторожевымъ домомъ; тутъ видите много орудій, а съ правой руки находится Канцелярія, каменное зданіе въ нѣсколько покоевъ, гдѣ, въ покоѣ Губернатора, стоитъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

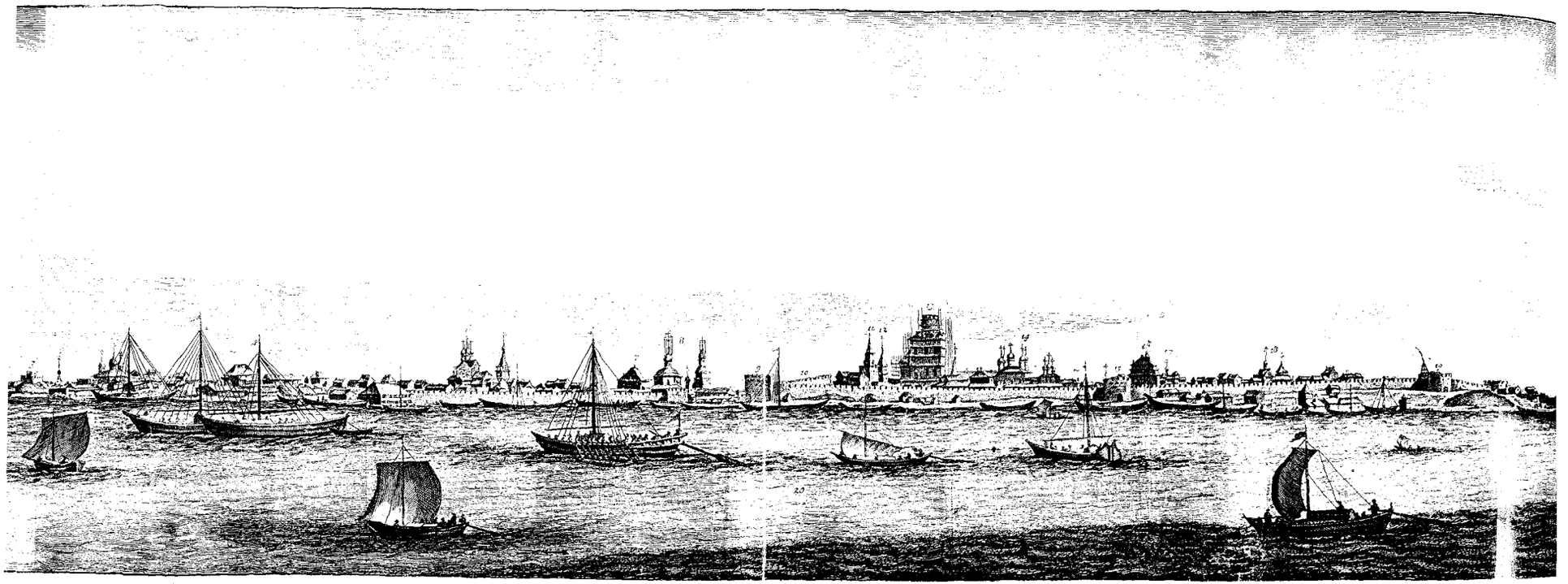
Главная послѣ Соборной церкви есть Воздвиженская (Isdwiesinje), изъ штукатуреннаго кирпича. Куполъ на ней позолоченный, также какъ и крестъ, величиной въ 3 сажени. Куполъ внизу окрашенъ зеленою краскою, равно такъ и куполъ колокольни. Всѣ остальныя церкви деревянныя, точно также какъ и монастыри: Троицкій (Troytsche Monastir) и Пятницкій (Pettenske), изъ которыхъ послѣдній дѣвичій.

Всякаго рода товары продаются по утрамъ на базарѣ или торжищѣ Татарскомъ, гдѣ Русскіе и Армяне также могутъ выставлять на продажу свои произведенія, но послѣ обѣда Татарамъ торговать не дозволяется, такъ какъ время это предоставлено для торгу только Русскимъ, къ чему, впрочемъ, допускаются и Армяне. Но Индійцы совершаютъ свои торговыя сдѣлки въ помѣщеніяхъ своего караванъ-сарая.

Что до города, то большая часть улицъ въ немъ довольно тѣсны, хотя и удобны для сообщенія въ сухую погоду, но онѣ совершенно непроходимы въ дождливое время, по тому что почва земли тамъ чрезвычайно жирная и пропитана солью, отъ чего она становится даже бѣловатою во время засухи.

Городомъ завѣдываютъ Губернаторъ и три Бургомистра, изъ которыхъ одинъ присутствуетъ въ Думѣ, которые живутъ не въ кремлѣ, но въ городѣ, а другой вѣдаетъ кабаки, въ которыхъ продаются водка, пиво и медъ, третій же управляетъ рыбною ловлей Его Величества.

За городомъ, со стороны рѣки, видны: Ивановъ монастырь (Iwanske Monastir), красивое каменное зданіе; за нимъ два другихъ монастыря и нѣсколько слободъ или предмѣстій, изъ коихъ главная и самая большая Солдатская, лежащая на востокъ отъ города, вдоль рѣчки Кутума (Koetoeme), впадающей въ Волгу. Корабли Его Величества находятся подлѣ Слободы Болда (Balda), насупротивъ города. Слободы Казанская (Casause)



Видъ г. Астрахани.

(Изъ описанія путешествія **К. Де-Бруина.**)

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

и Шепелевская (Siepielewe) служатъ мѣстопребываніемъ для всякаго рода людей. Татарская Слобода отдѣлена ото всѣхъ другихъ и вся почти построена изъ земли и глины, которыя сушатъ на солнцѣ и дѣлаютъ изъ нихъ камни или кирпичи. Въ этѣхъ постройкахъ Татары живутъ зимою, лѣтомъ же въ полѣ, на открытомъ воздухѣ. Въ прошломъ году почти половина города Астрахани выгорѣла отъ пожара, именно внутри каменной стѣны; и теперь еще въ ней видно много развалинъ и погорѣлыхъ мѣстъ, но уже тамъ сильно работаютъ и обстроиваются вновь.

Удовлетворивъ отчасти любопытству своихъ глазъ, я испросилъ у Губернатора дозволеніе снимать что мнѣ за благо разсудится, на что тотчасъ же и получилъ его согласіе. Для приведенія этого желанія моего въ исполненіе, я отправился на рѣку въ небольшой весельной, но нашелъ, что теченіе и волненіе рѣки было до того сильно, что я ничего не могъ сдѣлать; по этому Губернаторъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ мнѣ большую барку, снабженную якоремъ; но пошедшій въ это время дождь осуетилъ мое намѣреніе; а когда погода прояснилась послѣ полудня, я принялся за работу, которую и кончилъ на другой день. Видъ города показался мнѣ чрезвычайно красивъ со стороны, площади и я снялъ его въ этомъ положеніи, какъ можно видѣть то на изображеніи подъ ч. 32, на которомъ всѣ мѣста и зданія обозначены числами. Такъ 1. Ивановскій монастырь (Iwaniske Monastir) или Св. Іоанна; 2. Вознесенскій монастырь (Wiesnissentke) или Вознесенія Господа нашего І. Хр. Оба этѣ монастыря внѣ города; 3. Вознесенскія ворота (Wiesnissentke warate); 4. Церковь Смоленской Божіей Матери (Smolenske kerk); 5. Спаскій монастырь (Spaske Monastir) или Преображеніе Спаса; 6. Церковь Рождества Богородицы (Aresjetwa); [1]) 7. Дума (Amoosna); [2]) 8. Воздвиженская царковь (Dwiesiinie 't sirko), или Благовѣщенія (Bootschap aen Maria); [3]) 9. Кабацкія ворота (Kabakspoort); 10. Кремль (Kreml) или крѣпость, стѣна которой начи-

[1]) Нижняя, во имя Рождества Богородицы, съ придѣломъ Димитрія Ростовскаго, а верхняя Вознесенія Господня. О. Б.

[2]) Судя по слову „Amoosna“ должна быть Таможня, а судя по переводу на Голландскій языкъ „Raethuis“ — Дума или Ратуша. О. Б.

[3]) Это двѣ разныя церкви, по крайней мѣрѣ нынѣ: первая къ востоку отъ женскаго (Предтеченскаго) монастыря, съ 3-мя придѣлами: Іоакима и Анны, Іакова Персянина, и Великомученицы Варвары, а вторая за Бѣлымъ Городомъ, къ востоку же, съ придѣломъ Великомученицы Параскевы; тутъ же и особая церковь Живоначальнаго Источника, съ предѣломъ Іоанна Богослова О. Б.

нается еще въ городѣ; 11. Колокольня (Klocknitsė); 12. Часовыя солнечныя башни ('t siasloeni), принадлежащія къ Собору; 13. Соборъ (Saboor) или главная церковь; [1]) 14. Троицкій монастырь (Troytse Klooster); [2]) 15. Никольскіе ворота (Nikooske); 16. Губернаторскій домъ; 17. Иванъ Богословъ (Iwan Bogasloef), церковь, называемая такъ по имени одного Святаго; 18. Воскресенская церковь (Woskrissinje 't sirko) или церковь Христа, изображеннаго на полотнѣ; [3]) 19 Красные ворота (De roode poort), самые ближайшіе къ рѣкѣ, со стороны Каспійскаго моря; 20. Волга, съ другой стороны которой корабли, насупротивъ города. Въ числѣ этѣхъ кораблей два сѣли на мель и совершенно сгнили, отъ недосмотра нѣкоего Гамбургскаго уроженца, по имени Мейера (Meier), Капитана корабля. Нѣсколько выше есть еще 15 другихъ кораблей, прибывшихъ въ нынѣшнемъ году изъ Казани. Въ этой мѣстности стоитъ множество висѣлицъ, а также и по другой сторонѣ города, и на каждой изъ нихъ по полдюжинѣ совершенно обнаженныхъ Казаковъ, одежды съ которыхъ распроданы были на торгѣ Русскими, которые стащили оныя съ повѣшенныхъ. Трупы висѣвшихъ отъ солнечнаго зноя почернѣли, какъ смоль, и отвратительны были на видъ. Тѣхъ, которые повѣшены были ближе къ городу, друзья ихъ большею частью сняли съ висѣлицъ. Это были люди, къ которымъ присоединилось нѣсколько бунтовщиковъ и бѣглыхъ Русскихъ изъ Астрахани, и которые засѣли въ одной мѣстности, называемой Грачанъ (Gragan), на рѣкѣ того же имени, [4]) съ 3-мъ пушками и 2-мъ знаменами; тамъ-то осадили и окружили ихъ, и они принуждены были сдаться на произволъ побѣдителей, послѣ 16-ти дней осады и 8 храброй защиты и сопротивленія; случилось это 10-го Августа прошлаго года. Большая часть побѣжденныхъ были повѣшены на границахъ Россіи, гдѣ они главнымъ образомъ разбой-

[1]) Въ два яруса: въ верхнемъ во имя Успенія Божіей Матери, построенный Митрополитомъ Самсоніемъ и освященный 1710 года, и въ нижнемъ во имя Владимирской иконы, освященный, какъ полагаютъ, 1705 г. О. Б.

[2]) Упраздненъ 1764 г., построенъ же при Царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Зданія его взяты были въ свѣтское вѣдомство, но въ 1806 г. причисленны къ Собору. Въ немъ два придѣла: Срѣтенія и Введенія. Онъ принадлежалъ нѣкогда къ дому Владыки Московской Троицко-Сергіевой Лавры. О. Б.

[3]) Вѣроятно, Де Бруинъ хотѣлъ сказать: „церковь Воскресенія Христова изъ гроба", или: „церковь Спаса на холстѣ (убрусѣ)". Въ нынѣшнее время церковь Нерукотвореннаго Образа находится при Архіерейскомъ домѣ, крестовая. О. Б.

[4]) Вѣроятно, тамъ, гдѣ Грачовская станица и бывшая крѣпостца въ Енотаевскомъ Уѣздѣ при рѣчкѣ Грачевкѣ, на правомъ берегу Волги. О. Б.

ничали; многіе подверглись той же казни въ Астрахани, кромѣ 30-ти главныхъ вожаковъ, которые отосланы были въ Москву и тамъ частію обезглавлены, частію тоже повѣшены, женъ же и дѣтей ихъ сослали въ Казань. Черкаскій Князь Альдриджъ-Ханъ Болатовичь (Knees Aldrige Chan Bolatuwits) участвовалъ въ этомъ походѣ во главѣ 400 Татаръ своихъ съ Г-номъ Подполковникомъ Лаврентіемъ де Винемъ (Laurens de Wigne), Швейцарцемъ, съ 1000 человѣкъ Русскаго войска, подъ начальствомъ 4-хъ *Оберъ-Офицеровъ 500 стрѣльцовъ. Полкъ де Виня имѣлъ 4 пушки и* 2 мортиры, а стрѣльцы 8 пушекъ, но этѣ послѣдніе прибыли уже тогда, когда мѣстомъ завладѣли. Г-нъ де Винь, сказывалъ мнѣ, что во все время осады этого мѣста, въ полночь слышался вой 400—500 шакаловъ или дикихъ собакъ, невыразимо непріятный, и что послѣ сдачи осажденныхъ ни одного шакала уже не было ни видно, ни слышно.

Войска, стоявшія въ настоящее время въ Астрахани, состояли: изъ одного полка де Виня, въ 1000 человѣкъ, не считая Офицеровъ, т. е., Полковника, 2 Маіоровъ, 5 Капитановъ, 10 Поручиковъ, 10 Прапорщиковъ. Сержанты и Капралы считались въ числѣ солдатъ; шесть сотъ стрѣльцовъ Московскихъ подъ начальствомъ 6-ти Капитановъ и 12 Сержантовъ; еще три другихъ полка стрѣльцовъ изъ мѣстныхъ жителей, каждый полкъ въ 300 человѣкъ, подъ начальствомъ одного Полковника, 3 Стольниковъ (Stolnicken), какъ Капитановъ; изъ 2-хъ полковъ конныхъ каждый въ 500 человѣкъ здѣшнихъ Русскихъ, всего около 3500 человѣкъ. Полкъ де Виня имѣлъ 13 пушекъ, остальные полки болѣе или менѣе, по соразмѣрности.

Въ съѣстныхъ припасахъ въ этой странѣ изобиліе, за исключеніемъ ржи, привозимой изъ Казани и другихъ мѣстъ, но въ особенности мясо и рыба. Самая лучшая здѣсь рыба бѣлуга (Baloege), которая попадается иногда сажени въ двѣ длиной; стерлядь (Sterletten) бываетъ величиной въ аршинъ и можно сказать, что эта лучшая рыба во всей Россіи. Въ Москвѣ ее продаютъ живую, по 5, 6 и даже 7 рублей за одну, тогда какъ здѣсь по два и по три штивера. Ее готовятъ и жарятъ почти также, какъ и семгу, и это по истинѣ самая вкусная изъ рыбъ. Есть два вида этой рыбы, одинъ съ болѣе длиннымъ носомъ, чѣмъ другой, и вообще походитъ на осетра, какъ это видно на изображеніи ч. 33. Я поручилъ засушить двѣ такихъ рыбы, чтобъ сохранить ихъ. Севрюга (Sevroeken) ни чѣмъ не отличается отъ осетра или, какъ Русскіе называютъ ее, осетрины (Assettrine). Икру (Kavejaer) извлекаютъ изъ бѣлуги, осетрины и севрюги, и

развозятъ ее всюду. Здѣсь есть еще очень хорошая рыба, называемая судакъ (Soedak), которую приготовляютъ такимъ же образомъ, какъ и треску (Kabeljaue); потомъ множество щукъ, окуней и рыбы похожей на сельди, или небольшихъ лещей. Самыя грубыя и дешевыя суть Modiene, съ большими головами. Рыбный рядъ дважды въ день наполняется рыбой, утромъ и вечеромъ, и Волга доставляетъ ее въ такомъ огромномъ количествѣ, что часть ея, оставшуюся непроданной, отдаютъ свиньямъ и другимъ животнымъ. Простому народу даютъ ее по три и четыре, величиной по футу, за кусокъ хлѣба, который тоже вовсе не дорогъ. Вълещахъ и карпахъ недостатка тоже нѣтъ. Наконецъ прямо у рыбаковъ, за городомъ, можно купить севрюгу, величиной съ треску, недороже, какъ за 5, за 6 штиверовъ; изъ чего также можно судить о цѣнѣ здѣсь на рыбу вообще. Есть еще тутъ у Русскихъ небольшая, круглая, рыба, въ три дюйма толщины и соразмѣрной длины, которую они называютъ вьюнъ (Vioenie) и которая ловится въ одномъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ небольшая рѣчка, какъ бы въ яму. Увѣряютъ, что вьюны бываютъ и больше. Я самъ наловилъ ихъ множество разнаго роду въ решето, и сохранилъ многихъ изъ нихъ въ спирту, вмѣстѣ съ маленькими судаками. Я набралъ бы и сохранилъ бы и многія другія породы рыбъ, если бъ только они были не такъ велики.

Въ окрестностяхъ этого города (Астрахани) проживаютъ около 40 семействъ Армянъ, которые имѣютъ здѣсь свои лавки, какъ я уже замѣтилъ объ этомъ выше. Индѣйцы живутъ тамъ въ своемъ караванъ-сараѣ, гдѣ и совершаютъ свои торговыя дѣла. Число ихъ не меньше Армянъ, но женъ или женщинъ у нихъ нѣтъ.

Это мѣсто довольно обширно, обнесено четырехъугольною каменною стѣной, въ которой есть нѣсколько воротъ. У двухъ главныхъ воротъ находится постоянная стража, и вечеромъ этѣ ворота запираютъ въ извѣстные часы. Армянскіе купцы, пріѣзжающіе и отъѣзжающіе, берутъ себѣ здѣсь помѣщеніе, и я также остановился здѣсь съ своими Армянами. Есть и такіе Армяне, которые постоянно живутъ тутъ и имѣютъ свои лавки. Они имѣютъ тамъ свои Ханы (Chan) или особыя отдѣленія. Отдѣленіе на время пріѣзжающихъ въ два яруса, съ галереями, а отдѣленіе Индѣйцевъ, находящееся совсѣмъ у другихъ воротъ, все деревянное. Недавно Индѣйцы выстроили, впрочемъ, одинъ каменный магазинъ, изъ опасенія огня, которому найболѣе подвержены деревянныя строенія. Это новое строеніе довольно обширно и помѣстительно, въ 40 квадратныхъ футовъ. Армяне, слѣдуя ихъ

примѣру, также начали возводить себѣ подобное строеніе, и вывели уже основаніе въ вышину человѣка.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ городъ Астрахань, Товарищъ Губернатора Никита Ивановичъ Апухтинъ (Mekiete Iwanits Apochtim), прислалъ ко мнѣ нарочнаго просить меня пожаловать къ нему. На другой же день я отправился къ нему, и имѣлъ честь увидѣть тамъ и Г. Губернатора, со всѣмъ его семействомъ и съ нѣсколькими Госпожами, одѣтыми и причесанными по Нѣмецки: всѣ они собирались уже уѣхать и коляски ихъ дожидались ихъ на дворѣ. Меня приняли чрезвычайно вѣжливо и попотчивали виномъ и пивомъ, послѣ чего Губернаторъ объявилъ мнѣ, что Князь Борисъ (Knees Bories) и самъ Его Царское Величество писали обо мнѣ къ нему. За тѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбою „посѣщать его ежедневно и сказать ему, чѣмъ онъ можетъ служить мнѣ". Я поблагодарилъ его, и онъ тотчасъ же распростился и уѣхалъ съ своимъ обществомъ. Когда онъ ушелъ изъ комнаты, помощникъ его (т. е. Губернатора) пригласилъ меня съ однимъ товарищемъ по путешествію, Яковомъ Давыдовымъ, въ другую комнату, гдѣ угощалъ насъ разными Персидскими лакомствами, бесѣдовалъ со мною чрезвычайно любезно и ласково, что казалось въ немъ весьма естественнымъ и свойственнымъ его природѣ.

Въ слѣдующіе дни я рѣшился обозрѣть окрестности, и нашелъ, что большая часть садовъ состоитъ изъ виноградниковъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, преимущественно изъ яблонь, грушъ, сливъ и абрикосовъ, плоды которыхъ не изъ лучшихъ родовъ. Но тамъ есть дыни вкуса удивительнаго, лучше Персидскихъ и всякихъ другихъ. Виноградники свои Русскіе ростятъ до высоты человѣка, за тѣмъ подрѣзываютъ ихъ такъ, чтобы выше они уже не росли, и привязываютъ ихъ къ жердямъ. Виноградныя ягоды на этѣхъ кустахъ были черныя, или темно-синія и довольно мясистыя, крупныя, какъ это говорили мнѣ, по тому что я былъ тамъ въ такое время, когда ягодъ этѣхъ на деревѣ видѣть самъ не могъ. Виноградъ, произрастающій въ частныхъ садахъ, у Армянъ и другихъ жителей, собирается и продается большею частью на торгу; но вино выдѣлывается изъ того винограда, который растетъ въ садахъ, или въ упомянутыхъ выше виноградникахъ, исключительно принадлежащихъ Царю, который получаетъ отъ этого значительный доходъ. Вина этѣ красныя и на вкусъ довольно пріятныя. Почва земли здѣсь чрезвычайно пѣсчаная, и такъ какъ въ ней находится много источниковъ, то жители дѣлаютъ изъ нихъ большіе колодцы въ своихъ

(Lepelaer), а Русскіе колпицей (Colpitje); говорятъ, въ Персіи водятся такія же птицы, и тамъ называютъ ихъ Goli. Я отрубилъ голову этой птицы, и взялъ съ собой; она изображена подъ ч. 34. Въ этой странѣ водятся и цапли, которыхъ называютъ по Русски Seроегe. Онѣ бываютъ разныхъ цвѣтовъ: бѣлыя и фіолетовыя, какъ павлины, сѣрыя и черныя. Я представилъ цаплю, изобразивъ ее съ сжатой шеей, что можно видѣть подъ ч. 35.

Въ продолженіе моего здѣсь пребыванія я имѣлъ случай ознакомиться хорошо съ бытомъ Татаръ, посѣщая жилища ихъ въ сопровожденіи Капитана Вагенера, лежащія въ 3-хъ, или 4-хъ, верстахъ отъ города. Они живутъ кучками, каждая семья отдѣльно отъ другой и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Палатки ихъ сдѣланы на подобіе попугаевыхъ клѣтокъ; сплетены онѣ изъ решетинокъ или планокъ, шириной въ 3, или 4, дюйма и покрыты войлокомъ изъ верблюжьей шерсти, или изъ конскаго волоса; нѣкоторыя на футъ, или два, отъ земли и плотно покрыты тростникомъ; болѣе зажиточные, или знатные, изъ Татаръ имѣютъ, кромѣ того, полотняный навѣсъ или покрышку; но во всѣхъ палаткахъ вообще имѣется на верху отверстіе для выхода дыму. Въ палаткѣ находится тоже шестъ, выходящій на 4, или 5, футовъ вонъ, выше ея. На вершинѣ этого шеста Татары привязываютъ нѣчто въ родѣ паруса разныхъ цвѣтовъ, который спускается вплоть до земли и виситъ, а держится на довольно широкомъ ремнѣ, привязанномъ снаружи палатки къ одной изъ ея сторонъ: съ помощію этого ремня они поворачиваютъ этотъ парусъ по произволу своему, для защиты себя отъ вѣтру, или солнечнаго зноя. По выходѣ дыма изъ палатки, когда пожелаютъ сдѣлать у себя потеплѣе, Татары закрываютъ отверстіе, и въ палаткѣ дѣлается также тепло, какъ въ печкѣ. Внутренность и полъ палатки покрыты у зажиточныхъ людей прекрасными тканями и коврами, съ софой на Турецкій образецъ, представляющей нѣкоторое возвышеніе и занимающей третью часть всей палатки. Тутъ же стоятъ чрезвычайно красивые чемоданы и сундуки, въ которыхъ Татары хранятъ все самое цѣнное и дорогое у нихъ, и вообще все въ палаткѣ очень чисто и въ совершенномъ порядкѣ. Когда они перемѣняютъ мѣста стоянки, то складываютъ палатки на телѣги и снимаютъ съ нихъ верхніе покровы. Жены и дѣти тогда помѣщаются внутри палатокъ, а мужья сопутствуютъ имъ верхомъ на лошадяхъ. Этѣ люди увидавъ, что я пришелъ къ нимъ изъ одной только любознательности, стали показывать мнѣ все, что мнѣ было угодно;

но въ началѣ они представили было нѣкоторыя затрудненія для этого, по тому что вообще не дозволяютъ никому приближаться къ палаткамъ, въ которыхъ живутъ ихъ жены. Я видѣлъ тамъ одну молодую чрезвычайно красивую смуглянку, богато разодѣтую. Головной уборъ ея былъ весьма странный, и сдѣланъ былъ изъ серебра или золоченной мѣди, покрытый весь золотыми червонцами, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Мнѣ такъ понравился этотъ уборъ, что я рѣшился снять съ Татарки портретъ, что и сдѣлалъ послѣ. Между тѣмъ я снялъ нѣсколько палатокъ въ томъ видѣ, какъ они раскинуты были одна подлѣ другой, и какъ онѣ представлены на изображеніи подъ ч. 36, и одну отдѣльную палатку подъ ч. 37-мъ, подъ буквой А. На этомъ же послѣднемъ снимкѣ видите и ихъ телѣги подъ буквой Б., на двухъ большихъ колесахъ; телѣга сдѣлана изъ дерева, окрашена и покрыта тканью; она на двухъ шестахъ, крестообразно поставленныхъ подъ передокъ и имѣющихъ съ обѣихъ сторонъ по большой переводинѣ. Когда Татары раскидываютъ этѣ свои палатки, то колеса телѣги закрываются палатками. Ихъ молельня представлена на томъ же изображеніи въ сторонѣ, подъ буквой В. Болѣе простыя палатки покрываются только войлокомъ, равно какъ и самый парусъ, прикрѣпленный на верху, тоже войлочный, и палатки этѣ внутри тоже весьма посредственны. Такъ какъ народы этѣ живутъ только своими стадами, то для кочевокъ своихъ они всегда пріискиваютъ пастбища получше. Женщины ихъ занимаются, подобно Русскимъ, шитьемъ одежды и другихъ подобныхъ вещей, которыя они носятъ продавать въ городъ. Другія женщины прядутъ, какъ у насъ, вертящимся веретеномъ, и наконецъ расчесываютъ шерсть для войлоковъ на свои палатки и прочее также старательно, какъ и для пряжи на ткань. Топливо ихъ составляетъ коровій пометъ, который они обдѣлываютъ въ круглые куски и сушатъ почти также, какъ у насъ торфъ, складывая его въ кучи подлѣ своихъ палатокъ, а когда онъ высохъ, берутъ его съ собою. Въ то время, какъ я снималъ палатки, Татары собрались вокругъ меня, смотрѣли на меня довольно дружелюбно и, казалось, дивились моей одеждѣ, точно также, какъ и я удивлялся ихъ одеждѣ: все это доставило мнѣ возможность чувствовать себя свободнымъ между ними. Образъ ихъ жизни довольно сходенъ съ образомъ жизни Арабовъ, и они, казалось, были такъ довольны своими жилищами, какъ и мы своими роскошными дворцами и самыми лучшими домами. Все это навело меня на мысль о древнемъ образѣ жизни Восточныхъ народовъ, и я воображаю себѣ, что точно также жили

Авраамъ и другіе Патріархи, и если кто привыкнетъ къ нему, то чувствуетъ себя хорошо и ничего лучшаго не желаетъ.

Что касается до одежды женщинъ, то я снялъ портретъ съ одной молодой женщины этого народа, бывши во дворцѣ Губернатора и при содѣйствіи его, слѣдовательно, съ большимъ удобствомъ, чѣмъ это могъ бы сдѣлать я въ палаткахъ ихъ. На ней была красивая верхняя одежда, покрытая бѣлымъ покрываломъ, скрывавшимъ ея лицо; по просьбѣ моей она сняла покрывало, и такимъ образомъ показала голову, покрытую другимъ бѣлымъ покрываломъ, чрезвычайно тонкимъ и прозрачнымъ, повязаннымъ вокругъ шеи довольно изящно, сквозь который видѣнъ былъ головной ея уборъ. Я попросилъ ее снять и этотъ второй покровъ, по тому что онъ закрывалъ лучшее ея украшеніе, которое я желалъ снять, и она явилась мнѣ такою, какими Татарки бываютъ въ своемъ кафтанѣ и въ своихъ палаткахъ. Головной уборъ ея весь покрытъ былъ золотыми червонцами, какъ уже выше сказано, формы остроконечной, на подобіе митры, и обшитъ множествомъ жемчугу, который нанизанъ былъ и на нѣсколькихъ ниткахъ, висѣвшихъ отъ убора внизъ, вмѣсто косъ. Родъ цвѣтнаго шарфа, прикрѣпленнаго назади къ этому головному убору, обмотанъ былъ у нея вокругъ шеи и частію спускался напереди. Кромѣ того на плечахъ у ней были серебряныя цѣпи, и такія же цѣпи около тѣла, вмѣсто пояса, и на одной изъ нихъ висѣли серебряные же ящички, въ которыхъ Татарки кладутъ обыкновенно маленькіе молитвенники и другія цѣнныя вещицы. Волосы ея перевязаны были большой черной лентой, съ двумя пышными шелковыми пучками на концѣ, какъ это видно на прилагаемомъ снимкѣ. Госпожа эта, съ которой я рисовалъ одежду, принадлежала къ знатной Татарской семьѣ; ее сопровождали 3 женщины, бывшія въ ея распоряженіи, а привелъ одинъ Татаринъ, знакомый Губернатора.

Русскіе называютъ Татаръ, живущихъ въ этѣхъ мѣстахъ, Юртовскими Татарами (Jurtsge Tartaren), по тому что они здѣсь туземцы. Такимъ образомъ они не платятъ никакой подати Его Величеству и обязаны только поставлять нѣсколько сотенъ своихъ людей на войну, когда онъ того потребуетъ. Но въ случаѣ надобности они могутъ выставить въ поле до 20,000 войска. Тѣ Татары, которыхъ въ Астрахани называютъ Индѣйцами, брѣютъ себѣ голову довольно страннымъ образомъ, въ одно извѣстное время въ году; они приказываютъ вырывать волосы съ корнемъ кончикомъ неточиннаго ножа, такъ что кровь при этомъ течетъ у нихъ ручьями по лицу.

Жрецъ ихъ, или тотъ, кому поручаютъ производить это бритье, совершаетъ первый пріемъ, и если онъ сдѣлаетъ это не совсѣмъ удачно, то присутствующіе сами начинаютъ это бритье, при чемъ кричатъ: „Suksemakse, Suksemakse, или Bassou, Baksou!“ приплясывая и подпригавая. Они считаютъ это родомъ жертвы ихъ идолу „Suksemakse“. Такова обрядность совершена была внѣ города, подлѣ хлѣбнаго магазина, за нѣсколько времени до моего прибытія. Совершающіе эту обрядность суть Индѣйцы (Indiaenen), изъ коихъ нѣкоторые живутъ также въ Татарской слободѣ. Нагайскіе (Nagayse) Татары живутъ въ палаткахъ, въ окрестностяхъ города Терки (Tirsk); но Крымскіе (Crimische) Татары постоянно здѣсь никогда не живутъ, а пріѣзжаютъ только по временамъ, для продажи своихъ лошадей и рогатаго скота.

20-го числа Іюня Губернаторъ давалъ большой пиръ, на который приглашенъ былъ и я, гдѣ собрались также всѣ главные Русскіе Офицеры и знатные купцы изъ Армянъ. Передъ обѣдомъ насъ ввели въ одну комнату, въ которой мы нашли супругу Губернатора и супругу сына его, находившахся на лѣвой сторонѣ, окруженныхъ множествомъ прислужницъ. На правой сторонѣ этой комнаты стоялъ столъ со всякаго рода лакомствами и ликерами, свойственными утреннему времени. Немедленно Госпожи этѣ подали каждому изъ насъ по маленькой рюмкѣ водки, какъ знакъ почета гостямъ въ этой странѣ. Изъ сказанной комнаты прошли мы потомъ въ залу, гдѣ былъ уже готовъ обѣденный рыбный столъ, такъ какъ былъ постъ; послѣ обѣда, вечеромъ, насъ развезли по домамъ въ каретѣ. 29-го числа, въ день *Св. Петра, въ тезоименитство Его Царскаго Величества, Губернаторъ давалъ* другой большой обѣдъ, на которомъ присутствовали вся городская знать и Патріархъ. *) Я не могъ, по нездоровью, ни присутствовать на этомъ праздникѣ, ни находиться на торжественной Губернатора службѣ въ Соборѣ, какъ приглашали меня за нѣсколько дней передъ тѣмъ. На этомъ праздникѣ очень веселились, подъ громъ пушекъ на валу, изъ которыхъ палили нѣсколько разъ, и подъ выстрѣлы еще одной пушки, выставленной передъ дворцомъ. Госпожи находились въ другомъ покоѣ, по своему обычаю, а на слѣдующій день угощали субалтерныхъ Офицеровъ и другихъ, которыхъ, впрочемъ, скоро и отпустили по домамъ.

2-го Іюля получено было извѣстіе, что Его Царское Величество съ

*) То есть, Митрополитъ. О. Б.

своимъ войскомъ находился уже въ 15-ти верстахъ отъ Нарвы (Nerwa), взявши и овладѣвъ всѣмъ, что только встрѣчалось ему на пути.

Въ этотъ же день я отправился въ степную сторону, вмѣстѣ съ сыномъ Губернатора и нѣсколькими Русскими Офицерами, которые имѣли при себѣ сокола. Въ 20-ти верстахъ отъ города мы видѣли много дичи; но мы не могли подойти къ ней за водой, которой была покрыта вся здѣшняя почва. Я выстрѣлилъ, впрочемъ, по одной уткѣ, летѣвшей около меня. За тѣмъ мы забавлялись ловлей сѣтью рыбы въ небольшой рѣчкѣ, и наловили множество окуней и щукъ, которыхъ приказали изготовить себѣ и съѣли. На этомъ пути мы видѣли много Татаръ, стоявшихъ здѣсь въ своихъ палаткахъ, и пастбища лошадей, принадлежащихъ Астраханскимъ Господамъ. Изъ этѣхъ лошадей многія были очень хороши, и мы запрягли нѣсколько ихъ въ наши коляски, но животныя оказались чрезвычайно дикими, оставаясь лѣтомъ на травѣ въ прекрасныхъ лугахъ, которыми изобилуетъ здѣшняя мѣстность. Замѣчательно, что всѣ извощики этого города имѣютъ прекрасныхъ лошадей: у нихъ не найдешь даже ни плохой, ни исхудалой лошади, чего я никогда не видывалъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ время отъѣзда моего приближалось, то я попросилъ, и получилъ, дозволеніе на столько мѣстъ, сколько мнѣ было ихъ нужно въ одномъ изъ струговъ, который мнѣ приглянется. Я избралъ самой большой и самой приспособленной для удобнаго помѣщенія всѣхъ моихъ вещей. Большинство Армянъ также приготовлялось къ отъѣзду, равно какъ и нѣсколько Персіянъ, возвращавшихся изъ Москвы въ Шемаху. Ханскій Сокольничій тоже былъ въ числѣ отъѣзжающихъ, съ 5-ю, или 6-ю, соколами, которыхъ онъ везъ въ Персію. Сокольничій этотъ приводилъ Московскому Царю слона, котораго и передалъ Астраханскому Губернатору, отправившему его подъ надзоромъ нѣсколькихъ Русскихъ и одного Грузина, но слонъ этотъ околѣлъ на дорогѣ отъ усталости подъ г. Царицынымъ. Этотъ Сокольничій просилъ меня, отъ имени Губернатора, дозволить и ему помѣститься на избранномъ мною стругѣ. Чтобы доставить и этому мѣсто, я отправился утромъ на мѣсто, и нашелъ, что Армяне такъ загрузили тотъ стругъ, что не оставили въ немъ никакого мѣста. Я пошелъ къ Губернатору, и просилъ его распорядиться снятіемъ нѣкоторой части клади Армянъ съ струга, чтобъ очистить въ ней мѣсто для насъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ стругахъ недостатка нѣтъ, и что я могу съ избраннаго мною струга приказать снести всякую кладь, какую только пожелаю, для того, чтобы

юмѣстить свои вещи по моему желанію. Я воспользовался его обязательнымъ рѣшеніемъ и взялъ себѣ все то помѣщеніе, которое было мнѣ нужно, такъ какъ я испыталъ уже много неудобствъ, плывши по Волгѣ, до прибытія моего въ этотъ городъ.

Г-нъ Де Винь получилъ въ этотъ день увѣдомленіе о томъ, что Его Царское Величество пожаловалъ его въ Полковники, и 11-го числа онъ задалъ по этому случаю пиръ Губернатору и главнымъ Офицерамъ. Я былъ также на этомъ пиршествѣ, и онъ угостилъ насъ блестящимъ образомъ, при громѣ пушекъ и подъ звуки трубъ и барабановъ. По выходѣ отъ него, я отправился, съ нѣсколькими Армянами, за городъ, подышать чистымъ воздухомъ, на одну дачу, лежащую на рѣкѣ. Виноградъ былъ уже довольно зрѣлъ; но большая часть другихъ плодовъ уничтожены были насѣкомыми.

Когда уже я изготовился совсѣмъ къ отъѣзду, запасшись всѣмъ необходимымъ для меня, даже до сѣтки отъ мухъ, которыя невыносимы въ этѣхъ странахъ, Губернаторъ прислалъ мнѣ два небольшихъ боченка водки, одинъ съ лучшею, а другой съ простою, водкой, небольшой же боченокъ уксусу, 4 боченка пива, одинъ вина, три полости копченой свинины, порядочное количество сушеной рыбы, мѣшокъ печенья и другіе припасы. Онъ дозволилъ также мнѣ взять и небольшое судно,ославъ его впередъ для того, чтобы можно было сложить на него часть груза съ большаго струга, во время приближенія этого послѣдняго къ Каспійскому морю: распоряженіе необходимое, по причинѣ большой засухи, наступившей въ это время въ тѣхъ мѣстахъ. Я простился съ Губернаторомъ въ 4 часа послѣ обѣда, поблагодаривъ его за всѣ его одолженія и доброту ко мнѣ въ мое тутъ пребываніе. Когда же я вернулся домой, то получилъ отъ него еще три запечатанныя бутылки съ очищенными водками. Наконецъ, я сѣлъ на маленькое судно, въ сопровожденіи 5 солдатъ, которые даны были мнѣ для перевозки вещей моихъ на корабль. Три Армянина, товарищи мои по путешествію, также отправились каждый на такомъ же особомъ суднѣ.

Глава XVII.

Отъѣздъ сочинителя изъ Астрахани. Состояніе Волги и описаніе Каспійскаго моря. Мѣстоположеніе Дербента. Прибытіе въ Персію.

12-го Іюля, утромъ, мы сѣли у Астрахани на судно, чтобъ продолжать наше путешествіе, и къ обѣду прибыли къ мѣсту, въ 3-хъ верстахъ

отъ города, гдѣ Армянскіе купцы приказали изготовить намъ добрый обѣдъ и гдѣ пропировали съ часъ времени, при звукѣ нѣсколькихъ инструментовъ; за тѣмъ мы распростились съ нашими друзьями и пустились дальше. Спускаясь въ низъ по рѣкѣ, мы видѣли на берегу дюжины Татарскихъ палатокъ, которыя разбросаны были довольно далеко во внутрь страны. Вечеромъ мы вышли на берегъ, въ 8 верстахъ отъ города, для ночлега, подъ охраной двухъ данныхъ мнѣ солдатъ. Я заснулъ, не запасшись своей сѣткой отъ мухъ, полагая, что не буду еще имѣть въ ней надобности въ первую ночь. Но скоро этѣ насѣкомыя разбудили меня своимъ жаленьемъ и не дали уже мнѣ ни на минуту покоя, и я съ нетерпеніемъ ожидалъ разсвѣта. Съ началомъ дня мы продолжали наше плаваніе, берегъ былъ здѣсь ровный и покрытъ кое-гдѣ деревьями, появлявшимися все болѣе и болѣе. Въ семь часовъ мы увидѣли, съ лѣвой отъ насъ стороны монастырь Св. Іоанна, а немного далѣе островъ на рѣкѣ и много большихъ какихъ-то птицъ, Въ 11 часовъ мы прослѣдовали мимо рыболовли, съ обѣихъ сторонъ омываемой рѣкой, словно какой островъ, а на противъ этой рыбной заимки возвышается сторожка, съ солдатами, для наблюденія за суднами, плывущими вверхъ по рѣкѣ. Отсюда до Астрахани считается 45 верстъ. Что до рыболовли, то ее содержатъ на откупѣ нѣсколько купцевъ Нижней (Niesna), которые наловленную рыбу солятъ и отправляютъ далѣе. Для этого употребляется ими большой стругъ, который и нагружается рыбой. Рѣка здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно узка, по причинѣ острововъ, около которыхъ она раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Часъ спустя отсюда мы нашли другую рыболовлю, кругомъ которой все зеленѣло, покрытое множествомъ высокаго тростника, но на самой землѣ ничего не было особеннаго: тамъ цвѣли только цвѣты, была ежевика и большею частью дикія деревья. Въ часъ по полудни пристали мы къ сторожкѣ, называемой Четыре Бугры (Satiere Boegro), около которыхъ возвышается четыре холма. Это было въ 60-ти верстахъ отъ Астрахани. Къ начальнику этого мѣста я имѣлъ письмо отъ Губернатора, въ которомъ приказывалось доставить мнѣ, буде нужно, льду, для охлажденія моихъ напитковъ, что я и получилъ, благодаря его вниманію. Тутъ рѣка заперта плотиной (перегородкой), съ проходами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на подобіе шлюза, для пропуска судовъ. Въ два часа мы продолжали нашъ путь, направляясь къ югу, такъ какъ до этого мѣста теченіе рѣки было, по большей части, на востокъ, при помощи сильнаго южнаго вѣтра. Это мѣсто совершенно поросло высокимъ тростникомъ, но съ

лѣвой стороны виднѣлось нѣсколько небольшихъ деревьевъ. Около 6 часовъ мы были уже въ 4 верстахъ отъ Каспійскаго моря. Замѣтивъ, что мы проѣхали отъ Астрахани отъ 80 до 90 верстъ, что составляетъ 17 часовъ пути, я отпустилъ солдатъ, сопровождавшихъ меня, снабдивъ ихъ письмомъ къ Губернатору этой области, въ коемъ писалъ, что они хорошо прислуживали мнѣ. Мы легли спать въ эту ночь въ первый разъ на нашемъ суднѣ, и теперь уже я не забылъ прикрыться моею сѣткой отъ мошекъ, которые не дали бы мнѣ уснуть. Случалось, что люди умирали даже иногда отъ ужаленія этѣхъ насѣкомыхъ. Бывшую при мнѣ охотничью собаку, которую получилъ я въ Москвѣ въ даръ отъ молодаго Лефорта (la Fort), онѣ такъ крѣпко кусали, что наконецъ довели до того, что она бросилась въ рѣку, изъ которой на силу ее вытащили, и по тому я принужденъ былъ послѣ этого взять и ее подъ свою сѣтку, гдѣ она и заснула спокойно.

Утромъ 14-го числа мы продолжали путь нашъ въ шлюпкѣ, и проѣхавъ двѣ версты, рѣка пошла уже и берега ея покрылись тростникомъ. Проплывъ еще съ версту, мы нашли наше грузовое судно не въ далекѣ отъ Каспійскаго моря, гдѣ мы и остановились. Кормчій нашъ, впрочемъ, отправился къ самому морю, для измѣренія мелей, на которыхъ онъ нашелъ воду высотой только на пять ладоней. Такъ какъ вѣтеръ былъ въ это время южный и прямо въ рѣку, то вода и не могла прибыть на тѣ мели въ скоромъ времени. Кормчій поплылъ туда вторично, въ пять часовъ, и нашелъ, что вода прибавилась еще на двѣ ладони. А какъ нашъ стругъ сидѣлъ на 8 ладоней въ водѣ, то мы и надѣялись, что можемъ проплыть по тѣмъ песчанымъ мелямъ черезъ два, или три, часа времени. Въ ожиданіи этого срока мы забросили сѣти, и наловили довольно таки окуней и нѣсколько раковъ. За тѣмъ я вышелъ на берегъ съ тремя, или четырьмя, особами, въ надеждѣ, продвигаясь къ морю, найти тамъ дичь, но скоро принуждены были воротиться на стругъ, по тому что мѣстность берега оказалась чрезвычайно болотистой и затопленной. Съ правой стороны нельзя было достигнуть земли, тоже покрытой высокимъ тростникомъ, бывшимъ въ водѣ. Глаза мои напрасно искали здѣсь, на чемъ бы можно было остановиться, *такъ какъ, кромѣ травы и цвѣтовъ, ничего не было. Я нашелъ тутъ лишь* мотельковъ чудной красоты, сверху красныхъ, а снизу бѣлыхъ съ крапинками. Въ 9 часовъ вечера снесли на берегъ все, что только было легкаго у путешественниковъ, да и сами сошли, кромѣ 2—3, оставшихся на стругѣ. За тѣмъ, когда мы прибыли къ устью рѣки, то нашли его чрезвычайно

узкимъ, во многихъ мѣстахъ берега вдавались въ рѣку и съ права и съ лѣва, и, сверхъ того, у самаго входа въ море оказались песчаныя мели, обозначенныя воткнутыми древесными вѣтками. Настала ночь, и мы должны были пріостановиться до разсвѣта. 15-го числа мы подняли якорь и хотѣли было проплыть черезъ мели, но сѣли на нихъ; скоро, впрочемъ, мы выбрались на чистую воду, перенесши нѣсколько тюковъ на грузовое судно. За тѣмъ мы и въ другой разъ сѣли на мель, и по тому принуждены были бросить якорь около вечера и опять воспользоваться грузовымъ судномъ для того, чтобы отправить на берегъ товары и всѣхъ сѣдоковъ. Между тѣмъ подулъ сѣверный, весьма благопріятный намъ вѣтеръ, и по тому мы скоро очутились въ морѣ и увидѣли землю, съ обѣихъ сторонъ окруженную какъ бы вѣнкомъ, но съ правой стороны холмистую. Сколько ни искалъ я глазами берега, или мѣста, куда бы можно было сойти, ничего не находилъ: все было въ водѣ, со множествомъ бухтъ, поросшихъ тростникомъ. 16-го утромъ насъ догнало грузовое судно съ нашими товарами и сѣдоками. Впереди между нами и открытымъ уже моремъ былъ еще съ лѣвой стороны одинъ большой островъ. Миновавъ этотъ послѣдній островъ, мы наѣхали тоже на послѣднюю мель, и еще разъ имѣли несчастіе засѣсть на ней; впрочемъ, мы скоро опять выбрались на воду. Достигнувъ здѣсь уже до полуторы сажени глубины, мы позабрали съ грузоваго судна всю нашу кладь и сѣдоковъ, а самое судно отправили обратно въ Астрахань, съ письмомъ, которое я тутъ же написалъ къ Губернатору.

Около полудня мы увидали въ глазахъ у себя четыре горы, которые Русскіе зовутъ Четыре Красные Бугры (Krasna sattier boegre); мы подошли къ найболѣе выдавшейся части ихъ, называемой Красной Землей (Krasna Simble), во ста верстахъ отъ Астрахани. Скоро мы потеряли землю изъ виду, и съ вѣтромъ, подувшимъ на югъ, тихо продолжали нашъ путь на юго-западъ, при отличной погодѣ; но немного спустя, мы бросили якорь на глубинѣ полутора сажени, такъ какъ вѣтеръ поворотилъ на востокъ. Утромъ 17-го мы продолжами наше плаваніе подъ сѣвернымъ вѣтромъ, на двойныхъ парусахъ, погнавшимъ насъ къ южной сторонѣ. Поливший за тѣмъ дождь измѣнилъ было погоду, но вскорѣ солнце разогнало тучи, начался довольно свѣжій вѣтеръ, который продолжался до вечера и поднялъ морскія волны. Нашъ кормчій утомившись, захотѣлъ было нѣсколько отдохнуть, и по тому поручилъ руль другому, который скорехонько привезъ бы насъ обратно въ Астрахань, если бъ я не замѣтилъ его ошибки, бла-

годаря моему компасу, которымъ я постоянно руководствовался какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Въ продолженіи ночи вѣтеръ измѣнился и мгновенно стихъ, такъ что мы принуждены были стать на якорь на восьмисаженной глубинѣ. Утромъ 18-го числа мы снова пустились въ путь на парусахъ, при дождливой погодѣ; за тѣмъ настала тишь, но, немного спустя, поднялся съ сѣверо-запада вѣтеръ, и мы поплыли съ нимъ по направленію къ югу. Съ начала солнце сіяло, но вскорѣ вѣтеръ обратился въ бурю, отъ чего всѣ путники чувствовали себя нехорошо, не исключается и матросовъ, работавшихъ, какъ и прошлый день, при управленіи стругомъ; кромѣ ихъ было у насъ и нѣсколько солдатъ, именно стрѣльцовъ 21 человѣкъ, да путешественниковъ около 50, большею частію Армянъ. Нашъ стругъ, о двухъ небольшихъ бронзовыхъ пушкахъ, могъ очень удобно вмѣщать въ себѣ 250 тюковъ, которые я уменьшилъ до 180, для того, чтобы имѣть побольше мѣста, какъ я уже сказалъ выше. Онъ былъ о трехъ рулякъ: одинъ назади и по одному на каждомъ изъ боковъ. Подобнаго рода судна снабжаются обыкновенно однимъ только большимъ парусомъ, которой удвоиваютъ еще при хорошемъ вѣтрѣ, отъ чего они неспособны дѣлать разные повороты, если не помогать имъ при этомъ веслами. Въ этотъ день кормчій нашъ снова принялся за руль послѣ обѣда, но взявши направленіе черезъ чуръ высоко на востокъ, онъ не смогъ достаточно наполнять вѣтромъ паруса, и такъ какъ въ тоже время стругъ не слушалъ и руля, то нужно было спустить парусъ. За тѣмъ прибѣгнули къ помощи другого руля, чтобъ поворотить надлежащимъ образомъ стругъ, и подняли опять парусъ, что и дало мнѣ понять, что люди эти не лучше и не болѣе Грековъ смыслятъ въ мореплаваніи. Вѣтеръ постоянно дулъ сѣверный, мы продолжали съ нимъ нашъ путь, и хотя значительно уже продвинулись впередъ въ открытое море, но я нашелъ еще въ немъ воду пріятную и годную для питья, но не много спустя она стала солоновата, цвѣта болѣе зеленаго, а волны морскія очень короткія.

Проплывъ въ этомъ направленіи всю ночь, при ясномъ освѣщеніи луны, 19-го числа, утромъ, мы увидали, съ правой стороны, на западѣ, одну изъ Персидскихъ горъ, называемую Самгаалъ (Samgael), и, подаваясь далѣе на югъ, вдоль берега, на добрый часъ пути отъ земли, мы удвоили нашъ парусъ къ 9-ти часамъ, имѣя все таки по одной сторонѣ отъ насъ горы съ лѣсами и песчаный берегъ. Послѣ небольшаго затишья поднялся вѣтеръ съ сѣверо-востока, и мы продолжали нашъ путь на юго-востокъ, идя по-

стоянно вдоль берега, чтобъ обогнуть выдавшійся мысъ остроконечной горы, обозначенной на изображеніи буквой А. Эта часть берега чрезвычайно опасна до самаго Дербента, по тому что Самгалы (Samgalen), живущіе на сказанныхъ горахъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, такъ что въ сихъ мѣстахъ никто не осмѣливается приставать къ берегу. Самгалы этѣ Магометане, и они расхищаютъ всѣ товары съ кораблей, имѣвшихъ несчастіе быть выброшенными на ихъ берегъ, не отвѣчая ни въ чемъ ни передъ кѣмъ, кромѣ своего Князя. Въ три часа вѣтеръ подулъ на востокъ, когда мы были у конца горы, въ виду и на разстояніи часа отъ Дербента. Мы бросили здѣсь якорь, и на этомъ разстояніи я, не имѣя возможности познакомиться съ городомъ, снялъ видъ его, значащійся подъ буквою Б.

Затѣмъ де Бруинъ описываетъ Дербентъ, границы Дагестана и оканчиваетъ эту главу слѣдующимъ описаніемъ Каспійскаго моря:

Что до величины этого моря, то оно имѣетъ въ длину отъ 14 до 15 дней плаванія при безвѣтріи, въ ширину же отъ 7 до 8 дней. Оно большею частью простирается съ сѣвера на югъ, а въ ширь съ востока на западъ. Полагаютъ, что отъ Астрахани до Ферабата 100 часовъ пути, а поперекъ отъ Хуареса или Карагана до Черкасіи или Ширвана около 90 часовъ. Море это не имѣетъ ни прилива, ни отлива, и если когда выступаетъ изъ береговъ, то единственно въ слѣдствіе волненія отъ сильнаго вѣтра. Говорятъ, что оно по срединѣ бездонно, равно какъ и около города Дербента; тѣмъ не менѣе дно оказывается, и его находятъ на глубинѣ 30, или 40, саженъ. Вода въ немъ соленая, какъ уже сказано выше, и прѣсность ея у береговъ происходитъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ него. Наконецъ море это не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ другимъ моремъ, будучи окружено со всѣхъ сторонъ материкомъ и высокими горами. Едва можно представить себѣ число рѣкъ, впадающихъ въ него; ихъ насчитываютъ до ста. Главнѣйшія изъ нихъ суть: Волга, Куръ (Cirus) и Араксъ. Двѣ послѣднія соединяются, принявъ въ себя множество другихъ рѣкъ, каковы: Быстрая (Bustrouw), Аксай, Койсу, Кизиль-Озенъ (Kisilosein), Лаикъ (Laik), Семсъ (Sems), Ніосъ (Nois), Оксусъ (Oxus, Гигонъ, Аму-Дарья), Арксантесъ (Arxantes, Jaxartes, Сигонъ, Сырь-Дарья) или Танаисъ (Tanais) и проч., исчислять которыя было бы безполезно. Самое море въ древности называлось Гирканскимъ (Hyrkanische zee), также моремъ Баху (Mare de Bachu), у Персіянъ Кульзумъ (Kulsum), и Астраханскимъ моремъ (Astrakan Dongies), Русскіе же зовутъ его Хвалынскимъ (Mare Gualenskoi, Mare

Gevalienske). Грузины называютъ его Sgwa, а Армяне Soof. Болѣе всего плаваютъ по немъ Русскіе и Моры или Магометане (Moren of Mahometanen). Хотя Царь Московскій прислалъ для этого въ Астрахань нѣсколько кораблей, подъ начальствомъ Капитана Мейера (Meyer), о которомъ говорено было выше, но купцы предпочитаютъ плавать на простыхъ Русскихъ судахъ для перевозки своихъ товаровъ, по тому что они не менѣе подвержены течи и, слѣдовательно, товары на нихъ безопаснѣе отъ порчи, безъ этого же первые были бы здѣсь болѣе удобны и на нихъ вдвое скорѣе можно было бы совершать плаваніе, если только постараться объ этомъ. Впрочемъ, они имѣютъ и другой недостатокъ, а именно: не будучи также плоскодонными, какъ простыя Русскія суда, они не могутъ плотно подойти къ берегамъ Низовой (Nisawey) и Персіи, гдѣ купеческіе корабли проводятъ иногда и самую зиму.

Глава XIX *).

Отъѣздъ изъ Шемахи. Прибытіе въ Низовую. Отъѣздъ изъ Низовой и прибытіе въ Астрахань.

8-го Іюня все было перегружено на суда, и самое малое судно отправилось въ Астрахань, откуда въ то же самое время прибыло два другихъ судна, и еще одно изъ Тирка или Тарка. Вечеромъ того же дня я сѣлъ на самое большое судно съ Консуломъ, нѣсколькими Русскими и съ 3-мя, или 4-мя, Армянами. Утромъ я снялъ и другой видъ съ Низовой, со стороны сѣверо-восточной, съ ея высокими горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. См. ч. 241. Къ полудню прибыло одно изъ упомянутыхъ двухъ суденъ изъ Астрахани, сдѣлало три выстрѣла и бросило якорь. Въ два часа прибылъ Консулъ съ своими, и мы, съ тремя другими суднами, распустили парусъ. Мы имѣли на стругѣ 80 человѣкъ, считая и 30 матросовъ, прочіе же были путешественники. Вечеромъ бросили якорь, по причинѣ наступившаго затишья. На другой день мы по тому не трогались, а только вечеромъ достигли Дербента, въ 5-ти часахъ отъ Низовой, но по причинѣ темноты не въ состояніи были уже видѣть самый городъ. Въ продолженіе ночи мы плыли все на сѣверъ и къ разсвѣту дня потеряли изъ виду землю; когда же въ полдень сѣверный вѣтеръ поднялся, мы очутились передъ Тиркомъ (Tirck), и 14-го числа стали на якорь у берега, на 30-ти

*) Въ подлинникѣ это LXXII глава и т. д. О. Б.

саженной глубинѣ. Далѣе мы продолжали наше плаваніе съ восточнымъ вѣтромъ, который, впрочемъ, дулъ только до вечера, когда онъ стихъ, и мы принуждены были въ другой разъ бросить якорь. 16 числа и слѣдующій день подавались мы впередъ при холодномъ западномъ вѣтрѣ. Тутъ противный вѣтръ принудилъ насъ простоять на якорѣ на 24 саженной глубинѣ. 18-го числа вѣтеръ подулъ къ востоку сѣверо-востоку, мы поплыли далѣе, и вечеромъ были на глубинѣ 10-ти 9-ти и 8-ми саженъ, къ утру, на другой день, на глубинѣ 7-ми и 8-ми саженъ, а въ полдень на глубинѣ 4-хъ саженъ, при чемъ вода была болѣе бѣловатая и не столь соленая, какъ до этого мѣста. Мимо насъ здѣсь прошла одна барка изъ Астрахани, плывшая въ Низовую, и Консулъ приказалъ выпалить изъ пушки, чтобы заставить хозяина ея явиться къ нему на стругъ. Въ 4 часа мы нашли воду до такой степени уже прѣсной, что ее можно было пить, что намъ было весьма пріятно, по тому что наша вода начинала уже портиться и дѣлаться негодной къ употребленію. Къ вечеру оказалось въ этой мѣстности всего только $3^1/_2$ сажени глубины. Съ захожденіемъ солнца перемѣнявшійся часто вѣтеръ принудилъ насъ еще разъ стать на якорь на глубинѣ десяти пядей, а такъ какъ стругъ нашъ сидѣлъ 8 пядей въ водѣ, то мы частенько садились на мель. Въ такомъ положеніи находились мы до 21-го числа, когда вѣтеръ, въ 3 часа по полудни, повернулъ на востокъ сѣверо-востокъ; но къ вечеру того же дня онъ опять измѣнился и наконецъ совсѣмъ стихъ; за тѣмъ онъ сталъ дуть на сѣверъ и продолжалъ такъ цѣлыхъ два, три, дня, въ слѣдствіе чего Консулъ послалъ приказъ не оставлявшей насъ другой баркѣ, возможно скорѣе плыть въ Астрахань и выслать оттуда къ намъ другія барки, въ случаѣ, если погода не измѣнится. Однако жь, вѣтеръ сталъ дуть на западъ, а съ нимъ грянулъ громъ и пошелъ дождь; море же въ этомъ мѣстѣ имѣло всего 8 пядей глубины.

27-го числа, въ 3 часа послѣ обѣда, мы примѣтили три судна, которыя приняли за принадлежащія морскимъ разбойникамъ, что и заставило насъ быть на сторожѣ, хотя опасность и не казалась намъ особенно значительной, по тому что у насъ были двѣ металическихъ пушки и нѣсколько другихъ огнестрѣльныхъ оружій. Такъ какъ судна эти плыли на веслахъ, то они скоро приблизились къ намъ, по чему мы пустили въ одно изъ нихъ ядро, и они удалились отъ насъ; за тѣмъ они опять появились и подплыли къ намъ; тутъ только мы увидали, что это были тѣ самыя, которыя мы требовали изъ Астрахани, чему мы очень обрадовались, по тому что они при-

везли намъ продовольствіе, въ которомъ мы сильно нуждались. Тѣмъ не менѣе, прежнее опасеніе наше не было совершенно безъосновательнымъ, по тому что въ этомъ морѣ часто встрѣчаются морскіе разбойники, которые не щадятъ никого изъ имѣющихъ несчастіе попасть въ ихъ руки. Они являются сюда со стороны горъ и состоятъ большею частію изъ Самгаловъ (Samgales), съ примѣсью Русскихъ бѣглыхъ бунтовщиковъ.

30-го числа мы подняли якорь при юго-западномъ вѣтрѣ и направились къ югу, плывъ на глубинѣ 8 пядей, но измѣнчивость вѣтра заставила насъ еще разъ стать на якорь. Тутъ во время ночи страдали мы по прежнему сильно отъ мошекъ, по чему я принужденъ былъ и на этотъ разъ прибѣгнуть къ своей сѣткѣ.

2-го Іюля я, въ 8 часовъ, пересѣлъ одинъ на небольшую барку, нанятую только для себя, чтобы свободнѣе располагать собой и, кромѣ того, по тому, что съѣстные запасы мои истощились, и я не желалъ долѣе отдаваться на волю вѣтра. Мы поплыли на веслахъ съ помощію паруса, направлялись къ сѣверу-сѣверо-югу, на глубинѣ 7-ми, 6-ти и 5-ти пядей воды. Въ часъ по полудни увидали землю на сѣверо-сѣверо-западѣ, съ 3-мя красными горами, о которыхъ я говорилъ выше и которыя отстоятъ одна отъ другой почти на одинаковомъ разстояніи, но четвертая далѣе прочихъ. Въ заключеніе замѣчу, что берегъ здѣсь не такъ возвышенъ, какъ въ Персіи.

По мѣрѣ приближенія нашего къ лиману или заливу, мы встрѣчали барки, осматривающія товары, находящіяся на пріѣзжихъ судахъ, а на берегу въ этѣхъ мѣстахъ видѣли мы сплошной тростникъ. Мы оставались здѣсь часть ночи на якорѣ, по причинѣ затишья.

3-го Іюля, 1707 года, мы прибыли, въ восемь часовъ, къ одной рыболовной плотинѣ, гдѣ у насъ вторично осматривали имущество, а въ полдень достигли до другой рыболовни, при которой было такъ мало земли, что къ ней съ трудомъ пристаютъ; тѣмъ не менѣе я не пропустилъ случая съѣсть здѣсь отличное рыбное блюдо. Въ 4 часа по полудни прибыли мы къ третьей плотинѣ, при которой и бросили якорь на ночь, такъ какъ вѣтеръ былъ противный намъ и морской приливъ очень высокъ. 4-го числа, *утромъ рано, когда берегъ залитъ былъ еще водой, мы пустились далѣе*, посверхъ многихъ Татарскихъ палатокъ, стоявшихъ отчасти въ оной, и въ 10 часовъ наконецъ прибыли въ Астрахань (Astrakan). Прежде всего я отправился съ привѣтствіемъ къ Г. Губернатору, которымъ былъ теперь Князь Петръ Ивановичъ Хованскій (Knees Peter Iwanits Gawanske), человѣкъ

простой и умный, бывшій и прежде уже здѣсь Губернаторомъ, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. [1]) Прочитавъ письма, которыя были у меня къ нему, онъ оказалъ мнѣ большое вниманіе, предлагая, съ своей стороны, все, зависящее отъ него, на все время пребыванія моего въ этомъ городѣ. Я поблагодарилъ его и просилъ только доставить мнѣ помѣщеніе въ какомъ нибудь частномъ домѣ, въ которомъ бы я могъ расположиться удобнѣе, чѣмъ въ караванъ-сараѣ. Онъ немедленно же далъ мнѣ переводчика и одного изъ своихъ слугъ, приказавъ имъ отправиться со мной въ городъ и отыскать для меня помѣщеніе.

11-го числа прибылъ въ городъ и стругъ нашъ. Губернаторъ приказалъ перенести съ него всѣ пожитки мои прямо ко мнѣ на домъ, не подвергая ихъ осмотру. Въ то же время я узналъ, что всѣ мои прежніе добрые знакомые въ Астрахани, вмѣстѣ и съ прежнимъ Губернаторомъ, Тимоѳемъ Ивановичемъ Ржевскимъ (Timafe Ivanewits Ursowskie), и Полковникомъ де Винемъ, были убиты во время возмущенія Стрѣльцовъ, въ Августѣ 1705 года; что изъ всѣхъ тѣхъ знакомыхъ спаслось только 3, или 4, человѣка, которые дня за три до возстанія уѣхали въ Москву, а именно: сынъ Губернатора и супруга его, Консулъ, о которомъ говорено было выше, Капитанъ Вагенеръ и еще одинъ Хирургъ; что въ то же время умерщвлены были и всѣ Нѣмцы, съ ихъ женами и дѣтьми; что, въ слѣдствіе такого возмущенія, Его Царское Величество прислалъ въ Астрахань войско и приказалъ казнить смертію большую часть Стрѣльцовъ и всѣхъ сообщниковъ ихъ въ этой рѣзнѣ. [2])

[1]) Сынъ извѣстнаго Боярина Князя Ивана Андреевича, начальника Стрѣлецкаго Приказа и предводителя Старообрядцевъ въ ихъ возмущеніи, за что ему съ сыномъ его, Андреемъ, отрублены были головы въ Сентябрѣ 1682 г., въ селѣ Воздвиженскомъ? О. Б.

[2]) Какъ извѣстно, возмущеніе началось уже съ половины 1705 года, недовольными разныхъ городовъ, сбѣжавшимися въ Астрахань. Говорилось: „Въ мірѣ стали тягости, пришли службы, ввели брадобритіе, да Нѣмецкое платье, да табакъ, въ Русскомъ платьѣ уже и въ церковь не пущаютъ, а которые ходили, и у тѣхъ полы обрѣзывали не по подобію, и обнажали передъ народомъ, и усы и бороды обрѣзывали съ мясомъ, и начальные люди Нѣмцы безвинно били и на службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, отъ Воеводы Ржевскаго и начальныхъ людей для взятковъ налоги и обиды, и все по тому, что на Москвѣ перемѣнный Государь: Царица Наталья, де, родила Царевну, и въ то жь время Боярыня родила сына, и того сына взяли къ Царицѣ, и нареченный, обмѣнный Царь Христіянскую Вѣру порудилъ, обругалъ и облатинилъ, онъ уже умеръ душою и тѣломъ; по тому ити намъ до самой столицы, до родни его, до Нѣмецкой Слободы, и корень бы весь вывести“, и т. п. Во второй половинѣ Іюля разнесся слухъ, что семь лѣтъ свадебъ не будетъ, а дочерей и сестеръ велятъ выдавать за Нѣмцевъ. Астраханцы ужаснулись, и въ одинъ день, 29-го Іюля, сыграли свадебъ сто, и, разгоряченные виномъ, ночью, въ 4-мъ часу, собрались 300 человѣкъ у Никольской церкви, пошли въ кремль, ударили въ набатъ, стрѣльцы и солдаты сбѣжались, убили Полковника Де

Что до меня, то благодарю Бога за то, что я находился уже въ Персіи въ то время, когда произошло это событіе. Супруга Губернатора, избѣгнувшая рукъ возмутившихся злодѣевъ, имѣла несчастіе лишиться всего, что было у ней, на пути въ Москву, когда сгорѣлъ стругъ, на которомъ она плыла; прибывши въ Москву она, отъ постигшихъ ее несчастій, скончалась вскорѣ.

Когда я возвратился теперь въ Астрахань, то нашелъ тамъ 14 стуговъ, затопленныхъ нерадѣніемъ Капитана Мейера (Meier), о которомъ выше упоминалось уже не разъ и который также погибъ въ помянутомъ сейчасъ возмущеніи. Но мѣсяца 3 тому назадъ сюда прибыло 5 другихъ стуговъ, подъ начальствомъ Командора Лаврентія Ванъ деръ Бурга (Commandeur Laurens van der Burgh), который вступилъ въ службу Его Царскаго Величества. Онъ старался поднять затопленные струги и сдѣлать ихъ годными для плаванія по Каспійскому морю, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, построенными его рабочими, изъ коихъ теперь было больныхъ на половину. Передъ городомъ лежало еще три такихъ судна, а пять подальше отъ него точно также.

Между тѣмъ въ Астрахань ежедневно подъѣзжали и другіе Голландцы, поступившіе на службу Его Величества. Здѣсь я узналъ съ прискорбіемъ, что Г. Мейнардъ (Maeynard), Англійскій Дворянинъ, котораго я встрѣтилъ въ Ширасѣ (Zjie-raes), потерялъ зрѣніе и способность двигаться нѣкоторыми членами до того, что едва ходитъ на костыляхъ, и въ такомъ положеніи онъ отправился въ свое отечество.

Однажды вечеромъ у меня сидѣли гости, а жена хозяина, у котораго я жилъ, родила въ это время сына, такъ что я ничего о томъ и не зналъ, не смотря на то, что комната ея находилась надъ моею комнатою. Мы видѣли, впрочемъ, что къ хозяйкѣ прошло много женщинъ съ водкой; но такъ какъ

Виня и Капитана Мейера, а на другой день, утромъ, сыскали Воеводу Ржевскаго, привели въ кругъ, гдѣ одинъ стрѣлецъ коннаго полка (Уткинъ) скололъ его копьемъ. За тѣмъ выбрали начальныхъ себѣ, разослали грамоты къ окрестнымъ Казакамъ, приглашая встать за старину; но Казаки на Терекѣ и на Дону отказались, и возстаніе не пошло далѣе Чернаго Яра; между тѣмъ Государь послалъ Шереметева, черезъ Москву и Казань, къ Саратову, Царицыну и далѣе; кромѣ того послана была также грамота къ возставшимъ, съ увѣщаніемъ перехватать заводчиковъ и прислать ихъ на Москву. Астраханцы прислали было повинную, получили прощеніе, и Государь приказывалъ Шереметеву только въ случаѣ упорства дѣйствовать строго; но Стрѣльцы волновались по прежнему, перебрались изъ слободъ въ городъ, принялись защищаться крѣпко, но къ вечеру 12-го Марта, 1706 г., явились Пятидесятники и Десятники съ повинною, а 13-го и Старшины. Виновные отправлены въ Москву, гдѣ ихъ казнено и умерло отъ розыска 365 человѣкъ. Воевода Ржевскій въ званіи Стольника помогалъ до того въ 1698 г. Боярину А.С.Шеину усмирять Стрѣльцовъ, и за это въ награду посланъ Губернаторомъ въ Астрахань. О. Б.

это случалось часто и прежде, то не обратили на это никакого вниманія, такъ что я былъ очень удивленъ, узнавши о новорожденномъ послѣ того, когда гости уже разошлись. Когда мужъ хозяйки, служившій писцомъ въ Канцеляріи, возвратился домой, то я подарилъ ему нѣсколько Персидскихъ плодовъ, т. е., фисташекъ, фиников и миндалю, для угощенія его гостей. Вечеромъ всѣ этѣ женщины затянули пѣсни передъ постелью родильницы въ одинъ голосъ, показавшійся мнѣ церковнымъ, и такъ какъ я ничего подобнаго до того времени не слыхивалъ, то я спросилъ у своего слуги, понимавшаго по Русски: „За чѣмъ этѣ женщины поютъ?“ Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Omdat ze dronken zy“ (по тому что они пьяны, и что это уже такой обычай у Русскихъ при подобныхъ случаяхъ). Но я былъ еще болѣе удивленъ на слѣдующій день, увидѣвши подъ вечеръ родильницу сидящею подъ открытымъ небомъ за воротами съ своимъ новорожденнымъ сыномъ, котораго люляла въ колыбели. На другой же день она уже угощала водкой женщинъ, навѣщавшихъ ее на канунѣ, да и сама пила ея порядочно. Объ этомъ я слышалъ отъ многихъ, но увидѣлъ только самъ теперь.

Бывши однажды на торговой площади, я купилъ тамъ птицу, которую зовутъ Русскіе бабой (Babbe), а мы водоносомъ (Waterhaler), и которую я тщетно искалъ и въ Астрахани и въ Испагани; я давалъ ей рыбу, но она не стала ее ѣсть, равно какъ не ѣла и ничего другого. Я не смогъ также вытянуть у нея шеи, которую она постоянно держала съёженною, и сама казалась какъ бы полусонною. Въ этомъ положеніи она и представлена мной на изображеніи. Она была еще молода и, однако жь, казалась совершенно плотной, а величиной вчетверо, втрое, или больше, гуся, на котораго она отчасти походила и видомъ и перомъ; клювъ у нея былъ длиной въ футъ и три дюйма и шириной въ полтора, съ небольшимъ желтымъ пятномъ на концѣ, какъ у попугая. На концѣ клюва начинается водяной мѣшокъ, который продолжается до самой шеи. Онъ такъ великъ, что вмѣщаетъ въ себѣ болѣе двухъ кружекъ воды. Ноги у нея короткія, внизу же широкія, на концѣ коихъ четыре небольшихъ ланъ. Я отрубилъ ей голову, съ шеей и мѣшкомъ, какъ это представлено на прилагаемомъ изображеніи.

Во время настоящаго моего пребыванія въ Астрахани было много пожаровъ, большею частію за городомъ, у Татаръ, которые и хлопотали за тушеніемъ ихъ. Такъ какъ я подробно говорилъ уже о Татарахъ, то здѣсь прибавлю только одно еще извѣстіе о нихъ, котораго я прежде не зналъ.

Въ 1246 году они избрали въ начальники всѣхъ Татаръ одного

Куйна (Kuyne), котораго наименовали Гогъ-Ханомъ (Gog-Cham), т. е., Королемъ или Императоромъ, себя же самихъ Моуглами или Монголами (Mougles, Mongolen). Этотъ Императоръ и преемники его именовали себя постоянно въ своихъ письмахъ „Силой Божіей", повелителями вселенной. Они приказали вычеканить вокругъ своей печати слѣдующія слова: „Одинъ Богъ на небѣ, одинъ Куйне Ханъ на землѣ, сила Божія и повелитель рода человѣческаго". У нихъ постоянно было пять армій, чтобы держать въ повиновеніи своихъ подданныхъ. Этотъ же первый Императоръ ихъ побѣдилъ, на границахъ Персіи, Князя Баіотноя (Bajothnoi) (Баязида?), который владѣлъ всѣми землями Христіянъ и Сарацынъ до самаго Средиземнаго моря, Антіохіи, и на два дня пути еще далѣе послѣдней, и отнялъ у него 14 Царствъ, которыми онъ повелѣвалъ отъ Персіи до сихъ мѣстъ. Князь этотъ назывался собственно Баіотъ (Bojot), а ной (Noy) означаетъ его достоинство.

Въ послѣдствіи Татары не имѣли никогда болѣе великаго Государя, каковымъ былъ у нихъ Батый (Bothii). Армія ихъ состояла изъ 600 тысячъ человѣкъ, а именно: 160 Татаръ и 450 тысячъ Христіянъ, не считая Невѣрныхъ. Войско это составляло 5 становъ.

Страна эта, лежащая на востокъ, называется Монголія (Mongal) и заселена 4-мя разными народами, а именно: Великіе Монголы или Моалы (Mongalen, Moals), Саніонгалы (Saniongal) или Монголы морскіе, которыхъ называютъ также Татары (Tartaren), по имени рѣки Татаръ (Tartar), которая протекаетъ ихъ страну; Меркаты и Метриты (Merkat, Metrit). Этѣ четыре народа были сходны между собою, жили почти одинаковымъ образомъ и говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ. Между тѣмъ они были раздѣлены другъ отъ друга и имѣли разныхъ Князей, начальниковъ области. Говорятъ еще о нѣкоторыхъ Гингисахъ (Gingis), которые живутъ въ странѣ Ека (Jeka), въ Монголіи.

Глава XX.

Отъѣздъ изъ Астрахани. Крушеніе на Волгѣ. Татарскіе разбойники. Прибытіе въ Черноярь, Царицынъ и Саратовъ. Случай съ Астраханскимъ Губернаторомъ.

Время отъѣзда моего изъ Астрахани приближалось, и такъ какъ я хотѣлъ ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ однимъ Грузинскимъ господиномъ

(Georgiaensch Heer), отправлявшимся въ качествѣ Посланника къ Поль скому Королю, то мы съ нимъ просили Губернатора, чтобы онъ приказал дать намъ стругъ, для доставленія насъ въ Саратовъ, и снабдилъ бы нас надлежащими пашпортами и предписаніями о дачѣ намъ отъ послѣдняг города новозокъ и лошадей, для продолженія нашего путешествія. Мнѣ дал подорожную на три подводы, а Посланнику на столько, сколько ему потре буется. Мы получили наши бумаги 19-го этого мѣсяца и нашли наше суди готовымъ къ отплытію, съ надлежащей прислугой. На слѣдующій день простившись съ Губернаторомъ, мы сѣли, по полудни, на стругъ, и начал наше путешествіе, сперва подъ парусомъ и пристали къ другому берегу рѣки гдѣ повыше города бросили якорь, чтобъ взять еще къ себѣ двухъ, и трехъ матросовъ, оставшихся позади, которые подоспѣли къ вечеру. Далѣе продолжали нѣсколько путь при помощи каната, и остановились на ночь. На другой день плыли тоже на канатѣ, и боролись 8 часовъ съ сильнымъ восточнымъ вѣтромъ, неодолимо качавшимъ и бросавшимъ наше судно изъ стороны въ сторону, такъ что мы начали было опасаться, чтобы съ нами не случилось какого ни будь несчастія. Одни хотѣли послать за другимъ стругомъ, другіе совѣтовали, чтобы держаться на прежнемъ, только ближе на востокъ, но въ то же время не предпринимали никакого рѣшенія. Что до меня, то видя, что все зло происходитъ отъ плохо устроеннаго струга, я настаивалъ на томъ, чтобы приблизиться къ берегу, опасаясь, что мы скоро пойдемъ ко дну. Насъ было на суднѣ около 30 человѣкъ и, сверхъ того, у Посланника еще двѣ лошади, стругъ же былъ очень небольшой, отъ чего онъ скоро наполнился водой, близъ пороховыхъ заводовъ, въ 7, или 8, верстахъ отъ Астрахани, у того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Старый городъ (Seliter Gorod), къ коему мы пристали около полудня. Такимъ образомъ мы съ трудомъ успѣли спастись съ пожитками нашими, уже бывшими подъ водой, благодаря нѣсколькимъ матросамъ, бросавшимся, для спасенія насъ, въ оную, и употребленію двухъ нашихъ небольшихъ лодокъ. Первой заботой моей было спасать мои бумаги и болѣе замѣчательныя предметы изъ собраннаго мною въ путешествіи, все же остальное, съѣстные припасы и напитки, я предоставилъ произволу волнъ. Судно наше, спустя два часа, опрокинулось на бокъ, и лошади, по собственному побужденію, скочили изъ него въ воду и достигли берега. Мы также, хотя и не такъ скоро, добрались до берега, и только что взошли на него, какъ возблагодарили Бога за наше избавленіе, по тому что, если бъ стругъ опрокинулся

посреди рѣки, то мы непремѣнно погибли бы всѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ очень широка и теченіе ея весьма быстро. Грузинскій Посланникъ приказалъ было, по нашей просьбѣ, своему толмачу немедленно отправиться на лодкѣ въ Астрахань, для увѣдомленія Губернатора о случившемся съ нами и для испрошенія у него другого судна, но вѣтеръ не унимался, и толмачъ могъ отправиться не ближе, какъ только на слѣдующій день. Вмѣстѣ съ этимъ толмачомъ я послалъ, въ шесть часовъ, своего слугу за покупкой кой-какихъ съѣстныхъ припасовъ и для доставленія отъ меня Командору Ванъ деръ Бургу письма, въ которомъ я поручалъ ему просить Губернатора выслать возможно скорѣе намъ другой стругъ или, въ крайности, хотя лодку, на которой бы я могъ возвратиться въ Астрахань и ждать тамъ новаго благопріятнаго случая продолжать свое путешествіе. Въ ожиданіи отвѣта на мое письмо, я снялъ мѣсто, съ обоими берегами рѣки, гдѣ мы потерпѣли крушеніе, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ изображеніи.

Вечеромъ, около десяти часовъ, Командоръ Ванъ деръ Бургъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ на шлюпкѣ, прочелъ свое письмо къ Губернатору, и отвѣтъ его на оное, въ которомъ тотъ писалъ, что онъ крайне огорченъ случившимся съ нами происшествіемъ, и что не замедлитъ прислать намъ непремѣнно новое судно, лучше прежняго. Онъ желалъ, впрочемъ, чтобы прежнее судно постарались пустить опять на воду, для возвращенія его въ Астрахань. Это послѣднее желаніе исполнено было къ утру слѣдующаго дня, но пущенное въ ходъ судно вторично и скоро дало новую сильную течь, а въ другомъ, уже болѣе глубокомъ, мѣстѣ пошло ко дну; все же, что только могли сдѣлать при этомъ, состояло въ томъ, что успѣли выбросить изъ него и спасти спасти да веревки. Командоръ пріѣхалъ къ намъ и на слѣдующій день около вечера, увѣряя, что поджидаемое нами судно лучшее и гораздо больше прежняго, что его онъ самъ осматривалъ, и что оно находится уже на пути къ намъ. При этомъ онъ сказалъ намъ, что стругъ, отправленный Губернаторомъ за день до нашего выѣзда изъ Астрахани, съ плодами и другими лакомствами для Его Царскаго Величества, также потерпѣлъ крушеніе, но что всѣ люди его спаслися, онъ возвратился уже въ Астрахань, ограбленный, впрочемъ, на дорогѣ Татарами. Какъ мы счастливы были, что потерпѣли крушеніе съ другой стороны города. Утромъ слѣдующаго дня прибыло наконецъ наше новое судно, и мы нашли его лучше и удобнѣе прежняго. Тотчасъ же принялись всѣ за переноску вещей на него, желая завтра же пуститься далѣе въ путь. Замѣчу въ заключеніе, что на поро-

ховомъ заводѣ, у котораго мы высадились и о которомъ выше упомянули почти уже не работаютъ, и мы нашли на немъ только 7, 8, рабочихъ.

Грузинскій Посланникъ, пользуясь остановкой, пошелъ прогуляться нѣсколько въ сторону, въ 8, или 9, часовъ вечера; гуляя же онъ увидѣлъ, что къ нему приближаются 8, или 10, неизвѣстныхъ ему людей, но люди эти тотчасъ же разбѣжались, когда услыхали, что Посланникъ сталъ звать къ себѣ своихъ людей, которые явясь не могли догнать убѣжавшихъ. На новое наше судно намъ дали 15 человѣкъ солдатъ, которые должны были помогать при управленіи стругомъ, и по двое изъ нихъ обязаны были стоять на часахъ, въ продолженіи ночи. Такимъ образомъ мы начали снова наше путешествіе на этомъ стругѣ, помѣстивъ въ немъ нашу кладь, самихъ себя и двухъ лошадей, и остановились, по причинѣ противнаго вѣтра, около двухъ часовъ по полудни. По этому десять солдатъ взялись за канатъ тянуть оный. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была на полъ часа шириной, и за тѣмъ за двѣ мили далѣе еще на половину уже. Тутъ вѣтеръ перемѣнился и рѣка стала спокойна. Тутъ же мы узнали, что еще одно судно, отправившееся прежде насъ, тоже потерпѣло крушеніе. Это послѣднее разукрашено было флагами и принадлежало одному изъ Астраханскихъ Бургомистровъ. Мы также имѣли двѣ небольшія пушки, два флага, спереди и сзади судна, четыре копья, изъ коихъ два съ значками, нѣсколько другого огнестрѣльнаго оружія, луковъ и стрѣлъ, а у солдатъ по четыре пищали, не считая моихъ двухъ большихъ и двухъ же малыхъ пистолетовъ. Такимъ образомъ мы были довольно хорошо вооружены, а стругъ чрезвычайно удобенъ для плаванія. Такъ какъ я много говорилъ уже о рѣкѣ Волгѣ, и даже замѣчательнѣйшія мѣстности на ней снялъ, то безполезно было бы прибавлять еще что либо къ сказанному. Замѣчу только, что, плывя верхъ противъ теченія, намъ часто приходилось тянуть стругъ канатомъ, тѣмъ болѣе, что когда вѣтеръ бывалъ не совсѣмъ благопріятный, то теченіе рѣки было весьма быстро. Также приходилось становиться часто на якорь, когда поднимался суровый и противный вѣтеръ, а время отъ времени на берегу появлялись и Калмыки.

28-го числа мы проплыли мимо одного сторожеваго мѣста, расположеннаго на одномъ мысу рѣки праваго берега, гдѣ идетъ рукавъ, которымъ Волга впадаетъ въ Каспійское море. Волга здѣсь представляется большимъ озеромъ. Стража находится тутъ и на одномъ суднѣ посреди рѣки, въ особенности на время ночи, для осмотра проходящихъ мимо судовъ. Страж-

ники подъѣхали къ намъ въ гребной лодкѣ, но тотчасъ удалились прочь. Подаваясь далѣе, мы видѣли много Калмыковъ, ловившихъ удочками рыбу, и мы кидали имъ въ воду хлѣба, за которымъ они бросались вплавь. Около нихъ паслось много ихъ двугорбыхъ верблюдовъ. Мѣстность эта богата водоносами или птицей бабой, о которой говорено было выше. Такъ какъ мы плыли постоянно на канатѣ, то и подходили то къ одному, то къ другому берегу, смотря по удобности, во избѣжаніе Татаръ, которые держатся постоянно въ этой мѣстности. Чрезъ два дня за тѣмъ мы проплыли другой заливъ, образуемый Волгой къ востоку и, вышедши здѣсь на берегъ, нашли тамъ много Калмыковъ, мужчинъ и женщинъ, которые съ удивленіемъ глядѣли на мое платье, такъ какъ оно казалось имъ необыкновеннымъ, и подобнаго ему они никогда еще не видывали. Они осмотрѣли меня съ головы до пятокъ, касаясь платья. Такъ какъ они ходятъ босикомъ и ноги у нихъ очень малы, то они мѣряли ихъ съ моими, также какъ и голени, которыя у нихъ очень коротки. Женщины у нихъ также малорослы и дородны, какъ и мужчины. Чтобы удовлетворить ихъ любопытству, я долженъ былъ обнажать для нихъ свою грудь, которую женщины съ большимъ любопытствомъ разсматривали, и даже ощупывали, послѣ чего я объяснилъ имъ, что желаю взглянуть и на ихъ груди; они засмѣялись, но ни сколько незатруднились исполнить и мое желаніе. Вся одежда этѣхъ людей состоитъ изъ чего-то въ родѣ кафтана и овечьей шкуры, которую они мѣняютъ смотря по времени года, а всѣ остальныя части тѣла лѣтомъ ни чѣмъ не покрываютъ, оставляя ихъ голыми. Большая часть мальчиковъ были совершенно голые, и волосы у нихъ также хорошо заплетены, какъ и у женщинъ, въ двѣ плетенки. Впрочемъ, были между ними и такіе, на которыхъ имѣлись особаго рода шапки, камзолы и кафтаны изъ простой матеріи, подъ коими виднѣлись порты, но безъ рубахъ. У всѣхъ ихъ лица большею частью плоскія и широкія, щеки одутлыя и глаза продолговатые. Видя, что я курю табакъ, они выпросили у меня его, который запыхивали въ носъ, и жевали одинаково какъ мужчины такъ и женщины.

Дальнѣйшее путешествіе наше продолжали мы по направленію къ восточной сторонѣ рѣки, для избѣжанія Татаръ, которые держались у другого берега. Мы часто должны были переѣзжать небольшіе заливы, въ которыхъ находили рыбаковъ и прекрасную рыбу.

2-го Сентября мы причалили у одного мѣста, гдѣ живетъ Глава или Правитель Калмыцкій, который недавно перешелъ на западную сторону рѣки,

запасшись огнестрѣльнымъ оружіемъ для охраненія этаго края отъ нападеній Татаръ, которые нѣсколько дней тому назадъ угнали у него большой табунъ лошадей и кой-кого изъ его подданныхъ. Мы видѣли, какъ многіе изъ его подданыхъ разъѣзжали на судахъ по рѣкѣ вверхъ и внизъ, но преслѣдователи не имѣли счастья догнать и розыскать похитителей. Насъ предостерегали также, что эта мѣстность изобилуетъ ворами Казаками, и извѣстіе это заставило насъ быть на сторожѣ.

7-го числа мы прибыли къ Черноярy (Tzenogar) и остановились здѣсь, по причинѣ жестокаго противнаго вѣтра. Стоя на мѣстѣ, мы посылали туда закупить кой какіе припасы. Въ продолженіе ночи поднялась сильнѣйшая буря, и канатъ нашъ натянуло до того, что стремленіемъ рѣки значительно отнесло насъ назадъ, прежде чѣмъ можно было притянуть стругъ къ берегу и привязать его здѣсь двумя канатами. За тѣмъ всѣ улеглись спать, но я не могъ сомкнуть глазъ, помня свѣжо еще наше недавнее крушеніе. Это несчастіе заставило насъ оставить нашихъ долѣе въ городѣ для подкрѣпленія себя, по тому что мы принуждены были пробыть тутъ болѣе, чѣмъ полчаса.

Я имѣлъ обыкновеніе давать ежедневно по стакану водки каждому матросу, за что спутникъ мой, Г. Посланникъ, чрезъ переводчика своего, упрекалъ меня, говоря, что матросы этѣ были плуты, не заслуживавшіе такой внимательности, да они и безъ того бѣгаютъ въ городъ довольно часто. Я отвѣчалъ, что имѣю для этого большой запасъ водки; что можетъ случиться, что мы будемъ имѣть надобность въ сихъ людяхъ, и что я знаю по опыту, что съ ними ничего не выиграешь иначе, какъ только ласковымъ обращеніемъ, и что нужно дѣлать добро иногда по необходимости. Пословица говоритъ: „Die met den drommel gescheept is, moet mede een' riem in de hant nemen, om wet hem over te komen" (Кто на одномъ суднѣ плыветъ съ толпой, долженъ запастись весломъ, чтобъ съ нимъ доплыть до берега). Когда мы приблизились къ городу, то выстрѣлили разъ изъ ружей, и увидѣли тамъ множество кораблей.

Мы продолжали наше путешествіе, простоявъ два дня у города, и на пути сдѣлалось такъ холодно, что мы должны были надѣть шубы: обстоятельство весьма необыкновенное въ это время года, тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ были большіе жары. Такъ какъ Русскіе плохіе матросы, то мы часто садились на мель и даже потеряли одинъ якорь отъ нерадѣнія ихъ. У нихъ нѣтъ никакого порядка, и послѣдній солдатъ былъ то же и кормчій, что

приводило меня въ отчаяніе, видя при томъ, что всякій день приходилось по 10, 12, разъ звать матросовъ, чтобы заставить ихъ подняться съ мѣста; кромѣ того, я часто заставалъ часовыхъ сонными, и вообще нужно было чрезвычайно заботиться, чтобы заставить ихъ трудиться и управлять судномъ во время дурной погоды. Такимъ образомъ я всякій день благодарилъ Бога за то, что онъ сохранялъ насъ ночью, въ особенности же избавлялъ отъ разбойниковъ. Здѣсь мы замѣтили одно большое судно на берегу рѣки, въ кустарникѣ, потерпѣвшее крушеніе во время половодія.

16-го числа прибыли мы въ городъ Царицынъ (Zaritsa), гдѣ вновь воздвигнута церковь изъ бѣлаго камня, равно какъ построенъ вновь, хотя не вполнѣ, и самый городъ, сгорѣвшій до тла въ прошломъ году. Мы простояли у Царицына и слѣдующій день, для перемѣны матросовъ. На канунѣ туда прибылъ изъ Саратова (Saratof) одинъ стругъ ограбленный Русскими Казаками, и люди, бывшіе на немъ, сообщили намъ, что вся рѣка была полна этѣми разбойниками, которые сотнями разъѣжали на маленькихъ лодкахъ. По этому случаю я предложилъ Г. Посланнику попросить у Губернатора провожатыхъ, въ которыхъ онъ, конечно, не откажетъ, если только сдѣлать ему какой ни будь подарокъ, по тому что безъ денегъ въ этой странѣ не получишь ничего. Но онъ не обратилъ вниманія на совѣтъ мой, не смотря на то, что я предложилъ ему и самъ участвовать въ сказанномъ подаркѣ. Между тѣмъ хозяева двухъ сторонніхъ струговъ, плывшіе также, какъ и мы, въ Саратовъ, пришли и заявили намъ, что, для большей безопасности, они желали бы плыть вмѣстѣ съ нами, имѣя на то дозволеніе Губернатора. Третій такой же стругъ, уже отплывшій было впередъ, сѣлъ на мель, но скоро его сдвинули опять на воду, и когда просушили бывшіе на немъ товары, то стругъ присоединился къ намъ и пошелъ далѣе съ нами, какъ и два первые струга.

19-го числа мы проплыли мимо рыболововъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка была очень узка. Это заставило насъ быть на сторожѣ ночью, такъ какъ солдаты, тянувшіе цѣлый день стругъ на канатѣ, нуждались въ отдохновеніи. Этѣ люди были получше прежнихъ, и мы съ ними скорѣе плыли. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣли ружей, и я имъ ссудилъ свои. Къ утру мы встрѣтили одинъ стругъ, ограбленный 14-ью разбойниками, а за тѣмъ увидѣли еще 3 судна, которыя встревожили было насъ: но когда этѣ послѣднія приблизились къ намъ, то мы узнали, что то были барки изъ Саратова и Казани, везшія солдатъ въ Астрахань. Послѣ этого мы

переплыли небольшой заливъ, служившій убѣжищемъ разбойникамъ, коихъ небольшія лодки прятались за деревьями, покрывавшими оный, что еще разъ заставило насъ пробыть и другую ночь на сторожѣ, и за тѣмъ мы продолжали нашъ путь по прежнему, волокомъ на канатѣ, три часа до разсвѣта, и все по западной сторонѣ, такъ какъ по близости восточнаго берега было небезопасно.

Вскорѣ потомъ мы сѣли на мель, на которой и оставались нѣсколько часовъ, но поднявшійся къ востоку вѣтеръ загналъ насъ въ какой-то заливъ недалеко отъ другого берега, гдѣ мы бросили якорь и оставались тамъ до 8 часовъ утра, такъ какъ къ противоположному берегу нельзя было пробраться, по причинѣ огромныхъ песчаныхъ мелей, посрединѣ рѣки лежавшихъ. За тѣмъ поплыли на парусахъ съ благопріятнымъ вѣтромъ, въ сопровожденіи одного изъ плывшихъ съ нами струговъ: два другіе уѣхали прежде впередъ.

Въ полдень мы достигли до другого залива, на западной сторонѣ рѣки, и на берегу увидѣли кучу товара, расхищеннаго разбойниками съ того струга, о которомъ мы выше говорили; товаръ этотъ разбойники, по видимому, не успѣли унести съ собою. За тѣмъ мы увидѣли двѣ весельныя лодки, которыя приняли было за разбойничьи, но то были рыбачьи суда.

Вечеромъ намъ попалась еще одна барка, плывшая изъ Саратова и выѣхавшая еще прежде насъ изъ Астрахани, въ которую теперь она возвращалась назадъ. Тутъ мы встрѣтили новаго Астраханскаго Губернатора, Петра Матвѣевича Апраксина. *) (Peter Matfewits Apraxim). Этотъ вельможа плылъ въ сопровожденіи 30-ти барокъ, изъ которыхъ 7 были большія. Собственно Губернаторская барка обита была краснымъ сукномъ, украшена флагами, 2-мя бѣлыми палатками, на кормѣ и на марсѣ; нѣкоторыя обиты синимъ, другія краснымъ и бѣлымъ, какъ и наши струги, а нѣкоторыя

*) Это старшій (р. 1659) братъ извѣстнаго Генералъ-Адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина (р. 1661, у. 1728, Ноября 10), съ 1709 Графа, а сынъ Матвѣя Апраксина, который, на пути изъ Астрахани, гдѣ служилъ, въ Москву убитъ Калмыками и Башкирами между Саратовымъ и Пензой, по сю сторону р. Медвѣдицы, съ 40 человѣками дворовыхъ. Петръ Матвѣевичъ былъ Губернаторомъ Казанскимъ и Д. Т. С., пожалованный въ Графы въ одно время съ братомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ (1709, Февр. 23), ум. 29 Мая, 1729. Съ внукомъ его, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, Ст. Сов. (1733—1789) прекратилось его потомство 29-го Сентября, а Ѳедоръ Матвѣевичъ, не имѣя дѣтей, передалъ свое Графство брату младшему, Андрею, 22-го Февраля, 1722 г., который былъ сперва Кравчимъ, потомъ Оберъ-Шенкомъ при Петрѣ I-мъ, а при Петрѣ II-мъ Генералъ-Маіоромъ. Отъ него-то всѣ нынѣшніе Апраксины ведутъ свое происхожденіе. Сестра Петра и Ѳедора Матвѣевичей, какъ извѣстно, Марѳа Матвѣевна (р. 1664, у. 1715, была второй супругой Царя Ѳедора Алексѣевича (1661—1682). О. Б.

украшены двумя орлами, служащими гербомъ Его Царскаго Величества. Мы продвинулись къ берегу, чтобы дать пройти этому небольшому флоту, который представлялъ довольно пріятное зрѣлище, и на которомъ находилось много и женщинъ, смотрѣвшихъ изъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Посланникъ отправилъ нѣсколько арбузовъ Г-ну Губернатору, который прислалъ поблагодарить за нихъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ съ однимъ Грузинцемъ: они приплыли на нашъ стругъ въ шлюпкѣ, устроенной по Голландскому образцу, и имъ поднесли по чаркѣ водки, послѣ чего и они отправились туда, откуда пришли. На изображеніи, подъ ч. 242, представленъ Губернаторскій флотъ.

Въ этой мѣстности на берегу есть гора съ плоскою вершиной, соединенная съ другой: ее зовутъ Воровской горой, по тому что служитъ убѣжищемъ для воровъ. Наконецъ, нѣкоторое время началъ дуть благопріятный намъ вѣтеръ, и 28-го числа передъ вечеромъ мы прибыли въ Саратовъ (Saratof), въ которой немедленно и высадились съ удовольствіемъ, по тому что чрезвычайно утомились отъ нашего путешествія; мы размѣстились по домамъ, которые назначены были намъ мѣстнымъ Губернаторомъ.

Глава XXI.

Любезность Саратовскаго Губернатора. Образъ жизни Калмыковъ. Отъѣздъ изъ Саратова. Прибытіе въ Петровскъ, Пензу, Инсаръ, Троицкъ, Касимовъ, Володимеръ и въ Москву.

На другой день по прибытіи моемъ въ Саратовъ, я отправился съ привѣтствіемъ, какъ требовалъ долгъ, къ Г. Губернатору, отнесъ въ подарокъ ему нѣсколько арбузовъ и другихъ Персидскихъ диковинокъ, привезенныхъ мною изъ Астрахани, и вручилъ ему бывшія у меня на его имя письма, попросивъ его въ то же время снабдить меня всѣмъ необходимымъ для отъѣзда въ Москву, на что онъ тотчасъ же согласился самымъ обязательнѣйшимъ образомъ, присовокупивъ къ тому тысячи любезностей; онъ сказалъ, что къ услугамъ моимъ готовы тройка, повозки и все нужное для меня. На слѣдующій день онъ прислалъ ко мнѣ своего переводчика, съ просьбою пожаловать къ нему, что я и исполнилъ, и на этотъ разъ попросилъ у него дозволенія проѣхать на другой берегъ рѣки къ Калмыкамъ (Kalmukke): онъ тотчасъ же дозволилъ мнѣ это, приказавъ дать мнѣ барку

для переѣзда на другой берегъ, по моему желанію. Я нашелъ тотъ берегъ покрытымъ Калмыками, мужчинами и женщинами, а городской берегъ Русскими, тоже мужчинами и женщинами, съ разнаго рода припасами и товаромъ, рисомъ, хлѣбомъ и проч., съ полотномъ, маленькими сундучками, ящичками и другими вещами, которыми они торговали съ Калмыками, вымѣнивая свои товары на лошадей, рогатый скотъ, масло и другіе припасы изъ произведеній ихъ страны. Я сдѣлалъ изображеніе съ этого зрѣлища, которое и можно видѣть подъ ч. 243, и на которомъ представлены Калмыки на одномъ, а городъ на другомъ противуположномъ берегу рѣки. Я прошелъ на томъ берегу на полъ часа во внутренность края, взглянуть на ихъ палатки, которыя я нашелъ весьма плохими, равно какъ и мужчины, и вообще я не видѣлъ тамъ ничего особеннаго; впрочемъ, надо замѣтить при этомъ, что самые зажиточные изъ Калмыковъ удалились отсюда, дня за три до нашего посѣщенія. Калмыки располагаются отдѣльными кучами, почти также, какъ и Татары въ окрестностяхъ Астрахани, но только живутъ они гораздо бѣднѣе, чѣмъ эти послѣдніе, а палатки ихъ всѣ открыты сверху. Когда я возвратился въ городъ, Губернаторъ прислалъ за мною просить къ нему на вечеръ: я нашелъ у него Грузинскаго Посланника, и насъ съ нимъ угостили здѣсь отлично. Мы оставались въ этомъ городѣ гораздо долѣе, чѣмъ предполагали, по тому что Губернаторъ большую часть людей своихъ разослалъ для преслѣдованія воровъ, рыщущихъ въ этой мѣстности, и бѣглецовъ изъ остроговъ, такъ что мы должны были ждать до 6-го Октября. Между тѣмъ мы занялись изготовленіемъ потребныхъ для насъ повозокъ, которыя приказали покрыть кузовомъ, въ родѣ нашихъ колясокъ, для защиты себя отъ холода, снѣга, дождя и вѣтра, такъ какъ всѣ повозки Саратовцевъ обыкновенно открытыя. При чемъ кузова этѣ нужно было устроить такъ, чтобы ихъ легко можно было снимать съ повозки, съ цѣлію переносить и придѣлывать ихъ на другія повозки, такъ какъ съ каждой перемѣной лошадей на станціяхъ мѣняются и повозки. Такимъ образомъ съ 23-мя повозками, изъ которыхъ 20 назначались для одного Грузинскаго Посланника, мы отправились въ путь, въ три часа утра, простившись съ Губернаторомъ и поблагодаривъ его за всѣ его любезности и одолженія.

Затѣмъ авторъ описываетъ дальнѣйшее путешествіе и пріѣздъ въ Москву.

Глава XXII.

Казнь бунтовщиковъ. Великолѣпное празднество дня рожденія. Прибытіе Царя въ Москву и т. д.

Изъ этой главы, наполненной описаніемъ пребыванія въ Москвѣ, заимствованы только двѣ небольшихъ замѣтки автора о казни Астраханскихъ бунтовщиковъ.

1-го Декабря казнили отрубленіемъ головы 30 человѣкъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ и убійствѣ Нѣмцевъ и другихъ въ Астрахани, о чемъ я говорилъ уже выше. Казнь эта была въ полдень: осужденные стояли въ кругу, гдѣ на пяти брусьяхъ, треугольникомъ положенныхъ на землѣ, на кои клали по шести человѣкъ, и тутъ же палачъ отрубливалъ имъ головы топоромъ. Казнь началась около полудня, а черезъ полчаса все было уже кончено. Нельзя не удивляться, съ какой ничтожной обстановкой происходитъ здѣсь казнь, а и того болѣе, съ какой покорностью люди, будучи даже несвязанные, словно барашки, подвергаютъ себя этому наказанію, на что въ другихъ краяхъ потребно столько приготовленія, чтобъ избавить общество отъ одного какого нибудь негодяя.

6-го Февраля казнили смертію еще 70 человѣкъ изъ главныхъ бунтовщиковъ въ Астрахани, изъ коихъ 6 человѣкъ колесовали, а 45 повѣшены спустя нѣсколько дней потомъ за городскими воротами.

Въ слѣдующихъ главахъ де Бруинъ описываетъ неудавшуюся попытку вернуться въ Голландію, черезъ Кенигсбергъ, обратное путешествіе въ Москву и затѣмъ возвращеніе на родину черезъ Архангельскъ.

БЕЛЕВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ
ЧРЕЗЪ РОССІЮ
ВЪ РАЗНЫЯ АСІЯТСКІЯ ЗЕМЛИ.

Джонъ Беллъ (1691†1780) былъ шотландскимъ врачемъ и прибылъ въ Россію въ 1714 г. по своему желанію, съ цѣлью удовлетворенія своей страсти къ путешествіямъ. Запасшись рекомендательными письмами къ придворному врачу Петра Великаго доктору Орѣшкину, онъ сообщилъ ему о причинѣ пріѣзда въ Россію и при его посредствѣ скоро получилъ возможность отправиться въ 1715 г. въ Персію въ качествѣ врача при посольствѣ Артемія Петровича Волынскаго, бывшаго тогда капитаномъ гвардіи. Второе путешествіе въ Персію Беллъ совершилъ въ 1722 г. при главной квартирѣ Петра, во время похода его на Дербентъ. Кромѣ того онъ сдѣлалъ еще два путешествія: одно въ Пекинъ, а другое въ Константинополь. Описаніе своихъ путешествій въ видѣ дневныхъ записокъ Беллъ издалъ въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: „Travels from st. Petersbourgh to diverse parts of Asia“. Сочиненіе это переведено М. Поповымъ на русскій языкъ въ 1776 г. подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Здѣсь помѣщаются выдержки, касающіяся Астрахани и взятыя изъ 1-й и 3-й частей Белевыхъ путешествій.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ИЗЪ САНКТПЕТЕРБУРГА ВЪ ИСПАГАНЪ,
при отправленномъ Посольствѣ отъ Его Императорскаго Величества, ПЕТРА I. къ Шаху Гуссейну, Персидскому Софи, въ 1715 годѣ.

Джонъ Беллъ выѣхалъ изъ Петербурга 15 Іюля 1715 г. Въ первой главѣ онъ описываетъ въ краткихъ выраженіяхъ свой путь черезъ Москву до Казани, въ которой ему пришлось зазимовать; во второй главѣ содержится описаніе этого города и окрестныхъ инородцевъ. 4 Іюля 1716 года посольство выѣхало изъ Казани внизъ по Волгѣ, останавливаясь въ приволжскихъ городахъ на самое короткое время для перемѣны гребцовъ.

Мы проплыли многіе города и многія деревни, лежавшія у насъ въ правѣ, и пристали въ Саратовѣ, городѣ великомъ и лежащемъ на той же сторонѣ около 850 верстъ отъ Казани. Онъ просто окруженъ рвомъ и деревянною стѣною съ башнями, снабдѣнными пушками, и защищаемъ гарнизономъ изъ Козаковъ, изъ которыхъ составлены разные полки.

На завтрѣе обѣдали мы у Губернатора, который представилъ намъ изобильный столъ, и у коего мы ѣли наилучшую говядину и баранину.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ нѣкоторыми изъ нашихъ людей за рѣку, чтобъ посмотрѣть ярмонку, на которую съѣзжаются туда Калмыки для продажи своихъ лошадей. Было ихъ тутъ отъ пяти до шести сотъ человѣкъ, и стояли они станомъ со множествомъ лошадей, которыя паслися по волѣ, выключая тѣхъ, на коихъ они сами сидѣли. Кибитки ихъ расположены были вдоль рѣки. Онѣ имѣютъ коническую фигуру. Построены онѣ изъ шестовъ наклоненныхъ одинъ ко другому, у коихъ въ верху оставлено отверстіе для принятія свѣта и для выпущенія дыма. Сіи шесты укрѣплены поперегъ пробоинами, длиною отъ четырехъ до шести футовъ, кои приколочены гвоздями; а все сіе прикрыто толстыми войлоками и сукнами. Онѣ мнѣ показались лучше всѣхъ, сколько мнѣ ни случалось видывать, ибо способны ко скорому поставленію, и столь легки, что одинъ верблюдъ можетъ ихъ свесть пять или шесть. Сіи Калмыки собою коренасты, и чрезвычайно сильны. Лице имѣютъ широкое, носъ плоскій, глаза маленькіе черные, но весьма острые. Одежда ихъ очень проста; она состоитъ въ кафтанѣ изъ бараньи кожи, который подпоясываютъ они кушакомъ; въ малой круглой шапкѣ, подбитой мѣхомъ, съ шелковою красною кистью; въ кожаныхъ либо въ холщовыхъ портахъ, и въ сапогахъ. Всѣ они брѣютъ голову, выключая одну прядь волосовъ, которую заплетаютъ, и носятъ назади.

Они вооружены стрѣлами, саблями и копьями, коими дѣйствуютъ съ великимъ проворствомъ. Они храбры и отважны, но боятся пушки, ибо она пужаетъ у нихъ лошадей, и приводитъ ихъ въ безпорядокъ. Какъ они съ утра до вечера на лошади, то и неудивительно имъ быть хорошими ѣздоками.

Женская ихъ одежда мало различествуетъ отъ мужскія. Кафтаны ихъ нѣсколько токмо подлиннѣе, и опушены лоскутками разныхъ цвѣтовъ. Онѣ носятъ серги, и волосы заплетаютъ. Знатнѣйшія ихъ женщины носятъ лѣтомъ шелковое платье. Онѣ чрезвычайно цѣломудренны, не способны къ вѣтреничеству, и не знаютъ что такое есть прелюбодѣйство. Изъ Калмыковъ бываютъ весьма хорошіе служители, и нѣтъ такихъ трудовъ, коихъ бы они не снесли, лишъ толькобъ поступали съ ними ласково. Жизнь вольная и странственная, каковую они ведутъ, вселяетъ въ нихъ отвращеніе ко всему тому, въ чемъ хотя малый есть знакъ принужденія и неволи. Нѣтъ у нихъ другихъ богатствъ кромѣ стадъ, чѣмъ они уподобляются первымъ Праотцамъ. Стада ихъ состоятъ въ верблюдахъ, коняхъ, и овцахъ. Лошади

ихъ хорошаго роста, и очень сильны. Какъ начинаютъ они ихъ обучать на шестомъ годѣ, то бываютъ онѣ чрезвычайно упрямы и бѣшены. Продаются онѣ на сей ярмонкѣ по шеснадцати рублей и больше, ежели они высоки ростомъ и ходятъ иноходью. Обыкновенныхъ верблюдовъ у нихъ мало, а великое множество такъ называемыхъ Дромадеровъ (*), которые имѣютъ два горба на спинѣ. Коровы ихъ средняго роста; овцы ихъ очень велики, и вмѣсто хвостовъ имѣютъ курдюки, такъ какъ и Турецкія; но шерсть ихъ хуже бараньи.

Повѣствуютъ, что въ прошедшій вѣкъ нѣкоторый Калмыцкій Владѣлецъ, именуемый Торгоутъ Орлюкъ, пришелъ отъ Аларкъ-Уллы, что знаменуетъ Пеструю гору, лежащую между Сибирью и Индіею, на Россійскія границы, и привелъ съ собою около 50000 семей или кибитокъ, какъ они ихъ называютъ. Во время пути своего въ Западную сторону Волги, разбилъ онъ нарядною битвою нѣкотораго Татарскаго Владѣльца, называемаго Ейбалъ-Учика, который кочевалъ на другой сторонѣ рѣки Ембы. Подалѣе того нашелъ онъ еще трехъ Татарскихъ Владѣльцовъ; а именно, Китта-Гапсая, Малебаша и Ечана, которыхъ онъ также разбилъ; послѣ чего расположился на Восточной сторонѣ Волги, подъ покровительствомъ Россіи. Орлюкъ имѣлъ шесть сыновей, но правленіе досталося старшему, который назывался Данчинъ.

Нынѣ владѣющій Ханъ называется Аюка. Онъ считается четвертымъ Владѣтелемъ по Орлюкѣ, и во всемъ Востокѣ похваляютъ способность его и любовь ко правосудію. Я увѣдомился, что причиною, для коея Орлюкъ оставилъ свою Землю, была распря, возставшая при избраніи ему преемника. Нашедъ себя слабѣйшимъ, и проигравъ по несчастію битву, не хотѣлъ онъ болѣе извѣдывать счастія, и оставилъ по своей волѣ ту страну. Вообще называютъ сей народъ Черными Татарами, хотя они только что смуглы.

Нѣтъ у нихъ другихъ денегъ кромѣ тѣхъ, кои получаютъ они отъ Россіянъ и ихъ сосѣдей, въ промѣнъ за великое число рогатаго скота, который имъ продаютъ. Сіи деньги употребляютъ они на покупку хлѣба; а наиболѣе всего суконъ и шелковыхъ матерій для одеванія своихъ женъ. Нѣтъ у нихъ другихъ ремесленниковъ, кромѣ дѣлающихъ оружіе ихъ; ибо работу почитаютъ они наилютѣйшимъ невольничествомъ. Все ихъ упражненіе

(*) Родъ верблюдовъ, которымъ я не знаю особливаго имени на Россійскомъ языкѣ; однакожъ заподлинно увѣдомился я, что Дромадеровъ совсемъ у нихъ нѣтъ, а есть три рода верблюдовъ, изъ коихъ одинъ другаго по меньше.

состоитъ въ пасеніи стадъ, въ обученіи лошадей, и во звѣриной ловлѣ. Когда они хотятъ пожелать кому зла, то посылаютъ такого жить инуду, и чтобъ онъ работалъ какъ Россіянинъ. Нѣтъ у нихъ въ языкѣ ни одной изъ тѣхъ ужасныхъ клятвъ, каковыя весьма обыкновенны между просвѣщенными Народами. Они вѣрятъ, что добродѣтель дѣлаетъ человѣка счастливымъ, а порокъ бѣднымъ; и когда кто станетъ ихъ побуждать на какую нибудь несправедливость, то отвѣтствуютъ они такому пословицею, „что и острый ножъ не можетъ рѣзать безъ черена".

Сколь долгія ни предпринимаютъ они путешествія, однакожъ не возятъ съ собою другихъ припасовъ кромѣ сыра, или скиснувшагося и высушеннаго молока, изъ коего дѣлаютъ они небольшіе катышки, кои распускаютъ въ водѣ и пьютъ оную. Когда изойдетъ у нихъ сей припасъ, тогда находящихся у нихъ въ запасѣ лошадей убиваютъ и ѣдятъ. Мясо ихъ жарятъ на рештеткѣ, или взоткнувъ на стрѣлы: никогда не ѣдятъ они его сырого, такъ какъ думаютъ многіе, развѣ принуждены бываютъ къ сему крайнею нуждою. Правда, что они возятъ съ собою большія части лошадинаго мяса, которое сушатъ они на солнцѣ, или коптятъ въ дымѣ; но сего не можно называть сырымъ мясомъ. Я его отвѣдывалъ, и оно не столь непріятно, какъ о томъ думаютъ.

Не могу я много сказать объ ихъ Законѣ. Сей Народъ погруженъ во мракъ идолослуженія. Находится у нихъ множество Ламовъ, или поповъ, которыхъ все знаніе состоитъ во чтеніи и писмѣ, и различаются они отъ прочихъ желтою своею одеждою. Первосвященникъ ихъ называется Далай-Лама, и живетъ далѣе на Востокъ.

Изъ Саратова выѣхали мы 1 Юлія 1716 г., и проѣхали 2, 7, и 9 чиселъ города Камышенку или Дмитріевскъ, Царицынъ и Черный-Яръ; всѣ три лежатъ на западномъ берегѣ, и также укрѣплены какъ Саратовъ. Въ первомъ нашли мы Капитана Перри, родомъ Англичанина, со множествомъ работниковъ, прокапывающихъ ровъ между Волгою и Дономъ, чрезъ что учинилося бы сообщеніе съ Чернымъ моремъ; но какъ земля была очень жестка и неровна, то оставили сію работу, хотя разстояніе не болѣе какъ на пятьдесятъ верстъ простиралось.

Дорога отъ Чернаго Яра до Астрахани, по западному берегу Волги, обитаема Кубанскими Татарами, явными врагами Россіянъ, такъ что сіи не могутъ тамо ѣздить съ безопасностію. Но совсемъ инакова она на другомъ берегѣ, на коемъ кочуютъ Калмыки, и съ которыми живутъ

они въ мирѣ. На островахъ рѣки Волги нашелъ я множество дикаго солодковаго корня.

13 числа прибыли мы живы и здоровы въ Астрахань, и стали въ Крѣпости. Сей городъ завоеванъ у Татаръ въ 1554 годѣ, Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который утвердилъ симъ всѣ свои завоеванія на Волгѣ, и отворилъ Россіянамъ путь распространять свою Державу на Полдень и Востокъ; что они и учинили по томъ со многимъ успѣхомъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

1716 года.

Пребываніе наше въ Астраханѣ; оттуду пріѣздъ нашъ въ Шамахію.

Астрахань лежитъ около шестидесяти верстъ отъ Каспійскаго моря, на островѣ рѣки Волги, коея главнѣйшій рукавъ течетъ на Западъ. Сей городъ укрѣпленъ кирпичною стѣною съ бойницами, и четвероугольными башнями по нѣкоторымъ разстояніямъ. Соборная церковь, Губернаторскій домъ и Магистратъ заключаются во крѣпостѣ. Находится тамо небольшій заливъ для судовъ, плавающихъ по сей рѣкѣ и по Каспійскому морю. Домы тамъ почти всѣ деревянные. Лѣсъ, употребляемый для строенія въ Астраханѣ, сплавливается туда по рѣкѣ; ибо окрестная ея страна не иное что есть, какъ пространная степь, необработанная и безплодная. Надлежитъ проѣхать многія мили на Западъ, чтобъ сыскать воду. Однакожъ ближніе острова къ городу чрезвычайно плодоносны, и раждаютъ преизрядный виноградъ, который туда привезенъ для разсаживанія изъ Персіи и отъ инуду. Также растутъ тамъ арбузы, которые почитаются наилучшими во свѣтѣ; также мскусовые дыни, персики, вишни, груши, яблока и априкозы.

Въ окрестностяхъ тамошнихъ находятся многіе изрядные виноградные сады; изъ которыхъ иные принадлежатъ Императору, а другіе разнымъ частнымъ людямъ; оные взяты на откупъ нѣкоторымъ Французомъ. Виноградныя тамошнія вина очень хороши на мѣстѣ; но нельзя ихъ такъ перевесть, чтобъ они не смутились; и если бы не сіе обстоятельство, то могла бы Россія ими снабжать всю достальную часть Европы: Сіе худое свойство приписываютъ селитрянымъ частицамъ, которыми та земля наполнена; а наиболѣе побудило меня сему вѣрить то, что я самъ видѣлъ въ одномъ колобѣ, каковые употребляются для орошенія земли, что его подернуло

солью. Впрочемъ тамошній виноградъ очень сладокъ, и не имѣетъ никакого знака кислоты.

Около мили пониже города великое множество добываютъ обыкновенныя соли: вырываютъ большія ямы, кои наполняютъ водою, и когда она отъ солнечнаго жара высохнетъ, то остается на днѣ соль; сбираютъ ее такимъ образомъ, и отправляютъ водянымъ путемъ въ Лодьяхъ отъ пяти до шести сотъ бочекъ.

Пороховая мѣльница находится не много повыше города; и сей заводъ, присоединенный къ селитряному, близъ онаго стоящему, упражняетъ множество работниковъ, кои получаютъ себѣ плату отъ Правительства.

Климатъ тамъ очень жарокъ, но чрезвычайно здоровъ: Погода тамъ бываетъ обыкновенно тихая, что и производитъ сіе множество комаровъ и мошекъ, наполняющихъ страну. Сія гадина прогоняется однакожъ иногда сѣвернымъ вѣтромъ, возстающимъ съ моря, и который мѣсто сіе дѣлаетъ весьма пріятнымъ. Сіи насѣкомыя раждаются на мѣляхъ находящихся подлѣ моря, и по которымъ нѣтъ проѣзда, по причинѣ множества растущаго тамъ камыша.

Татара Мухамеданцы живутъ внѣ города, и пользуются такими же вольностями, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Я видалъ многихъ Татарокъ на улицѣ съ кольцами въ носу, различныя цѣны по состоянію и знатности тѣхъ, которыя ихъ носятъ. У иныхъ были золотые, а у другихъ осыпаны дорогими камнями. Мнѣ захотѣлось узнать причину толь отмѣннаго обыкновенія, и мнѣ сказано, что носящія сіи кольца были посвящены Богу; что родители ихъ обрекали иногда оныхъ на то еще во чревѣ ихъ матерей, и коль скоро онѣ раждалися, то и вздевали имъ во правую ноздрю такое кольцо, и что онѣ носили его до самыя смерти. Я видалъ, что иныя изъ нихъ носили по два кольца.

Астрахань производитъ знатную торговлю съ Персіею, Хивою, Бухаріею и Индіею. Купцы сихъ различныхъ Народовъ имѣютъ тамъ общій Караванъ-Сарай, или, гостиный дворъ, гдѣ они живутъ и продаютъ свои товары.

Армяне производятъ величайшую часть Персидскія торговли; ибо Перы весьма рѣдко выѣзжаютъ изъ своея земли. Въ Астраханѣ находится нѣсколько Индіянъ или Баніанъ, которые красятъ себѣ лобъ шафраномъ, либо сокомъ другаго какого растѣнія. Они весьма добрые люди, просты и человѣколюбивы, и питаются одними почти плодами.

Городскій рынокъ чрезвычайно изобиленъ съѣстнымъ, и въ немъ рыбы гораздо болѣе находится, нежели въ какомъ иномъ городѣ, гдѣ бы ето ни было. Коль скоро продажа кончится, что обыкновенно случается въ десять часовъ по утру, то всю оставшую рыбу кидаютъ въ удаленное мѣсто, въ пищу свиньямъ и птицамъ, что придаетъ ихъ мясу рыбный запахъ. Я бы не дошелъ до конца, если бы вздумалъ исчислять всю находящуюся здѣсь рыбу; но не могу не упомянуть о карпахъ (сазаны), которыхъ величина превышаетъ все то, что я ни слыхалъ объ оныхъ. Мнѣ случалось видѣть, что иные изъ нихъ тянули до тридцати фунтовъ, и были чрезвычайно жирны и сочны. Которые изъ нихъ ловятся осенью, тѣхъ отправляютъ заморозя въ Москву, и гдѣ ихъ расходится, такъ какъ и въ окрестностяхъ, превеликое множество.

Также видѣлъ я тамо разнаго рода гусей весьма рѣдкихъ, изъ коихъ опишу я наидостойнѣйшихъ примѣчанія.

Первый коего Россіяне именуютъ баба птица, перьемъ сѣръ (*), и больше гораздо лѣбедя. Носъ имѣетъ очень широкій, а подъ нимъ подзобокъ, въ который уляжется съ пинту и больше (**): сія птица держится при берегахъ, и когда усмотритъ она мѣлузгу рыбу, то распространивъ свои крылья гонитъ ее ко травѣ, и хапаетъ ее столько, сколько ей угодно; и послѣ какъ наполнитъ свой зобъ, выходитъ на берегъ оную ѣсть, или относитъ ко своимъ птенцамъ. Я думаю, что ета самая птица есть пеликанъ.

Другій весь бѣлъ кромѣ лапъ, кои у него чернаго цвѣта. Онъ поменьше нѣсколько цапли, и носъ имѣетъ очень долгій и широкій. Нѣмцы называютъ его Löffel-gans; а Россіяне Колпикомъ.

Третій такія же почти величины и такого же цвѣта, выключая лапъ, кои у него долгія и красныя: носъ имѣетъ круглый и крюковатый, и столь красный какъ коралъ; на крыльяхъ есть у него нѣсколько красныхъ перьевъ такого же яркаго цвѣта.

Я видѣлъ также нѣкотораго рода утку называемую Турпанъ, которая нѣсколько поболѣе обыкновенныя. Ловить ее легко, и не менѣе она удивительна красотою своего перья, какъ и нѣкоторымъ родомъ пѣнія, кое отмѣнно у нее отъ прочихъ. Всѣхъ сихъ птицъ я ѣлъ; но всѣ они имѣютъ рыбный запахъ, что мнѣ всегда не нравилось.

(*) Баба птица не сѣра перьемъ, но бѣла; развѣ Авторъ видѣлъ сѣрыхъ.

(**) Пинта есть мѣра французская, которая содержитъ въ себѣ столько, сколько бутылка Шампанскаго вина.

Также находится тамъ множество куропатокъ и драхвъ; но сіи птицы столько уже извѣстны, что безполезно будетъ ихъ описывать. Калмыки весьма искусны во птицеловствѣ, а особливо въ ловлѣ соколовъ, что они знаютъ въ совершенствѣ. Драхвъ убиваютъ они стрѣлами, улучая то время, когда сіи птицы ѣдятъ, и скачутъ къ нимъ во всю прыть. Какъ онѣ очень тяжелы, и не скоро поднимаются, то сіи охотники имѣютъ время приближиться къ нимъ и застрѣлить ихъ.

На берегахъ Волги водится нѣкоторый родъ дикихъ козъ, которыя нѣсколько не больше серны, и шерстью рыжеватѣе; рога имѣютъ зеленые, ровные, длиною около девяти дюймовъ, и покрыты они множествомъ круговъ, которые идутъ умаляяся до самаго конца, который чрезвычайно остръ. Сей звѣрь очень быстро бѣгаетъ, и мясо имѣетъ презрядное. Рыло у него хрящеватое, и простирается почти до самыхъ глазъ, чего я не примѣтилъ еще ни въ какомъ другомъ звѣрѣ.

Еще видѣлъ я малаго звѣрка весьма быстраго, величиною подобнаго почти бѣлкѣ, и цвѣта рыжаго, которому Астраханскіе жители даютъ имя зайца. Переднія его ноги гораздо короче заднихъ; хвостъ у него длинный, и оканчивается кисточкою изъ волосовъ. Живетъ онъ въ землѣ, и я видалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ клеткѣ. Калмыки великіе охотники ихъ ѣсть.

Во время пребыванія нашего въ Астрахани, прибылъ туда отъ Хивинскаго Хана Посолъ, который ѣхалъ черезъ сіе мѣсто въ Петербургъ. Прислалъ онъ нѣсколько малыхъ подарковъ къ нашему Посланнику, которые состояли въ одной парѣ перчатокъ для ловли соколовъ, въ небольшомъ ножѣ, въ вышитомъ кошелькѣ, и нѣкоторыхъ плодахъ.

Хива есть весьма пространная Земля, лежащая на два или на три дня ѣзды на Востокъ отъ Каспійскаго моря. На Полдень граничитъ она съ Персіею, а на Востокъ съ Бухаріею. Столица ея, имѣющая то же имя, очень велика и многолюдна, и управляется Ханомъ, котораго избираетъ народъ. Сей народъ столько же опасенъ для путешествователей, какъ и для сосѣдовъ своихъ; ибо питается однимъ воровствомъ и грабежами. Хива весьма укрѣплена; но когдабъ и укрѣпленія не имѣла, то песчаная и безплодная степь, въ каковой она лежитъ, защитила бы оную сама собою отъ нападеній ея сосѣдовъ.

Нѣкогда прогуливаяся въ Астраханѣ по улицѣ, увидѣлъ я весьма пригожую Татарку, ѣдущую на волѣ. Въ носу у нее было кольцо; вола своего управляла она веревкою, коя служила вмѣсто узды. Она была лучше

одета, нежели обыкновенныя женщины, и была послѣдуема служителемъ. Не меньше пораженъ я былъ ея красотою, какъ и отмѣнностію ея екипажа. Не должно смѣшивать Мухамеданскихъ Татаръ съ Калмыками; первые гораздо просвѣщеннѣе послѣднихъ.

Нахожу я за пристойное, прежде оставленія Астрахани, открыть здѣсь нѣкоторое заблужденіе, которое почасту примѣчалъ я въ Описателяхъ сего народа, повѣствующихъ о рѣдкостяхъ сея страны. Объявляютъ они между прочимъ, что растетъ подлѣ Астрахани нѣкоторое деревцо называемое отъ Россіянъ Татарскій барашекъ, съ коего кожа употребляется отъ Армянъ, Персіянъ, Татаръ, и проч. вмѣсто мѣха. Они присовокупляютъ, что сіе растѣніе частію есть животное и частію быліе, и что оно ѣстъ растущую около его траву. Сіе мнѣніе, сколь оно ни безразсудно, вселило вѣроятность во многіе разумы особъ разсудительныхъ, и я зналъ нѣкоторыхъ, кои ни мало не сомнѣвалися объ истиннѣ сего обстоятельства.

Я ѣздилъ на нѣсколько миль отъ города съ нѣкоторыми Татарами, чтобъ увидѣть сіе чудесное растѣніе; но не сыскалъ я ничего въ сихъ степяхъ, кромѣ нѣсколькихъ сухихъ кустовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по полю, коихъ верхушка, которая собою густа и темнаго цвѣта, стоитъ на простомъ стеблѣ. Вышиною сіи кусты около осми дюймовъ, и кончатся верхушкою, коея кисти ограждены иголками. Ето правда, что не растетъ травы въ томъ мѣстѣ, гдѣ простирается тѣнь сего прозябенія; но сіе свойство есть общее ему со многими другими. Я навѣдывался о семъ у многихъ смысленныхъ Татаръ, и всѣ они насмѣхалися надъ сею толь вздорною баснею.

Въ Астраханѣ находится множество ягнячьихъ овчинъ сѣрыхъ и черныхъ; иныя изъ нихъ волнистыя, другія курчавыя, и такій имѣютъ глянецъ, что никакій Табинъ (*) не можетъ съ ними сравниться. Онѣ въ великомъ употребленіи: Персы и Россіяне покупаютъ ихъ на опушку шубъ и шапокъ. Наилучшія изъ сихъ овчинокъ выходятъ изъ Бухаріи, изъ Хивы, и сосѣдственныхъ Земель. Достаютъ сіи мѣхи такимъ образомъ: прежде нежели объягнится овца, закалаютъ ее, и вынарываютъ изъ нее ягнятъ; или убиваютъ ихъ тотчасъ по ихъ рожденіи. Такая кожа столькожъ стоитъ какъ и цѣлая овца.

Калмыки и другіе Татара, обитающіе въ находящихся вкругъ Астрахани степяхъ, имѣютъ также ягнячьи овчинки, и употребляютъ ихъ

(*) Нѣкоторый родъ волнистыя тафты.

на такое же дѣло; но только оныя гораздо ниже Бухарскихъ и Хивинскихъ. Шерсть на нихъ жестче, не столько имѣетъ глянца, а при томъ и выдѣлка ихъ не такъ хороша; чего ради и не столь они цѣнны. Я видалъ, что одну такую Бухарскую овчину продавали отъ 25 до 30 рублей, а Калмыцкія покупаются около пятидесяти копѣекъ.

Изъ Астрахани отправилися мы 5 числа Августа, на пяти судахъ, изъ которыхъ три были плоскодонные, и груза имѣли сто пятьдесятъ бочекъ, каждое о трехъ мачтахъ и о десяти пушкахъ; прочія два судна были простыя барки. Выѣхали мы около полудня, и подъ вечеръ прибыли къ рыбному заколу, называемому Учугъ, гдѣ мы кинули якорь. Рѣчные берега чрезвычайно тутъ пологи; на Западъ лежатъ песчаныя и безплодныя долины; а на Востокъ отмѣли, покрытыя камышомъ, кои производятъ множество насѣкомыхъ; такъ что, какія ни взяли мы предосторожности, не возможно намъ было ни ѣсть ни спать спокойно. Признаюсь, что сіе мѣсто вселило въ меня ужасъ, да и не станетъ никто удивляться сему, если приметъ въ разсужденіе, что не включая печальный и страшный видъ, каковый представляютъ окрестности, увлекается тамъ судно быстриною теченія въ большій заливъ, на которомъ плаваніе чрезвычайно опасно на многихъ мѣстахъ, и коего берега населены народами жестокосердыми и варварскими, ежели исключить изъ сего числа Россіянъ и Персовъ.

На другій день рано отправились мы опять на разсвѣтѣ, и въ десятомъ часѣ вошли мы въ Каспійское море, въ которое вливается Волга седмью или осмью великими устьями, не включая множество небольшихъ. Но изъ нихъ только два, по коимъ могутъ ходить корабли всякія величины. Подъ вечеръ остановилися мы у трехъ песчаныхъ насыпей, произведенныхъ моремъ, и называемыхъ Четыре бугра, которые отстоятъ верстъ на тридцать отъ устья Волги. Нѣтъ болѣе какъ отъ шести до седми футовъ глубины во всемъ семъ разстояніи, и то въ нѣкоторыхъ токмо мѣстахъ; и сіе то дѣлаетъ сей проходъ чрезвычайно опаснымъ во время непогоды.

7 числа пустилися мы очень рано при помощи хорошаго съ берега вѣтра, который отдалилъ насъ на такое разстояніе, гдѣ вода была глубиною сажени на три, и земля пропала у насъ изъ вида. Погода была не менѣе холодна какъ и прежде. Къ половинѣ дня вѣтеръ обратясь на Югъ, принудилъ насъ остановиться, и мы простояли въ семъ мѣстѣ недѣли съ три, по причинѣ тишины и противныхъ вѣтровъ.

Никакихъ не видали мы судовъ во все сіе время, выключая одного

Россійскаго корабля, ѣхавшаго изъ Гилани въ Персію съ нѣкоторыми Арменскими купцами. Съ корабля сего подарили нашему Посланнику корзинку апельцыновъ, дынь, и другихъ плодовъ, что было намъ тѣмъ пріятнѣе, что мы ихъ болѣе уже не имѣли. Мореплаваніе наше начинали мы снова всякій разъ, когда только позволяло время, дабы достигнуть въ Терки, небольшій укрѣпленный городъ, принадлежащій Россіянамъ, и лежащій въ Сѣверо-западѣ на берегу (*) Каспійскаго моря, гдѣ мы имѣли намѣреніе запастися съѣстными припасами; но тишина воспрепятствовала намъ въ томъ.

Августа 26 числа подъ вечеръ вѣтеръ подулъ на Сѣверозападъ; мы распустили всѣ наши паруса, и склонили нашъ путь на Югъ-юговостокъ, и до наступленія ночи проѣхали мы Тюленій островъ, прозванный такъ по тому, что водится вкругъ онаго великое множество тюленей. Вѣтръ продолжался во всю ночь съ такою же силою, и назавтрѣе рано поровнялися мы съ Шафкальскими горами, которыя отстоятъ на пятнадцать миль отсюду. Мы продолжали нашъ путь весь сей день, приближаяся помаленьку къ берегу.

Подъ вечеръ 28 числа погода совсемъ утихла, такъ что мы принуждены были остановиться за шесть миль отъ берега. На другій день, когда вѣтеръ сдѣлался намъ способенъ, прибыли мы послѣ полудня передъ Дербентъ.

Изъ Дербента посольство проплыло въ Низабатъ, гдѣ встрѣтило двухъ іезуитовъ, возвращавшихся изъ Индіи черезъ Персію въ Римъ. Они испросили позволеніе у Волынскаго проѣхать въ Астрахань на возвращавшемся суднѣ, что имъ и было разрѣшено. Изъ Низабата посольство отправилось уже сухимъ путемъ въ Шамахію, Таврисъ и Испаганъ, куда и прибыли 14 Марта 1717 г. Отсюда они выѣхали 1 Сентября черезъ Касбинъ и Гиланъ. Въ Рящѣ (Рештѣ) Белль встрѣтилъ двухъ „Посланцовъ ѣхавшихъ въ Испаганъ; посланы они были отъ Аюки Хана, Калмыцкаго владѣльца“. 15 Января 1718 г. посольство прибыло въ Шамахію, гдѣ оставалось до весны. Въ 8 главѣ Белль разсказываетъ о встрѣчѣ въ Низабатѣ солдатъ, оставшихся отъ гибели несчастной экспедиціи Бековича, и о возвращеніи посольства въ Москву, куда они прибыли 30 Ноября.

(*) Между протоками рѣки Терека на небольшомъ островѣ.

ИЗВѢСТІЕ

о путешествіи въ Персію, въ городъ Дербентъ, при Россійской арміѣ, подъ предводительствомъ Его Величества Императора ПЕТРА I, въ 1722 годѣ.

По возвращеніи изъ Пекинскаго путешествія Белль, при посредствѣ перваго врача Царя Блументроста, получивъ возможность отправиться въ Дербентъ. Путешествіе его началось изъ Москвы.

Іюнія 5 дня 1722 г. поѣхали мы изъ Нижняго Новагорода, и плыли по Волгѣ. Въ Казань прибыли мы 8 числа, откуду Его Величество выѣхалъ на канунѣ.

Мы продолжали путь 9 числа, и прибыли 20 въ Саратовъ. Часто были мы останавливаемы въ нашемъ пути южными вѣтрами, и тишиною, и обеспокоиваемы несказаннымъ множествомъ комаровъ. Въ сей городъ пріѣхали мы вмѣстѣ съ Императоромъ, которому надобно было здѣсь переговорить съ Аюкою Ханомъ, Калмыцкимъ Владѣльцомъ. Кочевалъ оный тогда на восточномъ берегѣ Волги, въ недалекомъ разстояніи отъ сея рѣки.

На другій день Его Величество изволилъ звать Аюку Хана, и его Супругу, къ себѣ откушать на Галеру (*), которую для ради сего подвели къ берегу какъ возможно ближе: при чемъ слѣланъ былъ съ оныя на землю сходъ, для спокойнѣшаго, имъ на оную всхода.

Аюка Ханъ пріѣхалъ на лошади верхомъ, послѣдуемъ двумя своими сынами, и многими Офицерами и Вельможами своего Двора, которые также ѣхали на изрядно убранныхъ лошадяхъ. Ханъ сошелъ съ лошади въ разстояніи около шестидесяти футовъ отъ берега, и встрѣченъ былъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Гвардіи Офицеромъ. Императоръ, увидя его приближеніе, сошелъ на землю, поздравилъ его, и взявъ за руку повелъ на галеру, и представилъ его Императрицѣ, которая сидѣла на верхнемъ помостѣ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ.

(*) Въ Описаніи Каспійскаго моря, на стран. 57, случай сей описанъ просто во слѣдующихъ словахъ: Въ Саратовѣ пришелъ старый Ханъ Аюка къ Государю Императору на Аудіенцію. Оказанное ему милостивое принятіе обрадовало сего 83 лѣтняго старика такимъ образомъ, что онъ сказалъ: „Теперь охотно умру, удостоившись у Великаго Императора толь любезнаго его разговора“. Къ тому же долженъ я замѣтить и то, что Г. Белль Антермони не сходствуетъ съ вышеобъявленною книгою и въ разсужденіи чиселъ во многихъ мѣстахъ.

Вскорѣ по прибытіи Аюки Хана на галеру, пріѣхала на берегъ и Ханша, въ закрытой колискѣ, со своею дочерью и двумя Госпожами, сопровождаема будучи стаею всадниковъ, Императоръ ее встрѣтилъ, и представилъ Императрицѣ.

Аюкѣ Хану было около седмисяти лѣтъ, но однакожъ былъ онъ еще крѣпокъ и веселаго нрава. Сей Владѣлецъ былъ весьма благоразуменъ и смышленъ, и умѣлъ заставить себя почитать сосѣдей своихъ откровенностію и честностію своею; и я помню, что въ бытность мою въ Пекинѣ, Богдыханъ отзывался объ немъ съ великою ему похвалою. При томъ же имѣлъ онъ совершенное свѣденіе о восточныхъ дѣлахъ.

Ханшѣ было около пятидесяти лѣтъ; видъ она имѣла благопристойный и кроткій. Пріѣхавшія съ нею Госпожи были молоды. Ханская дочь цвѣтъ въ лицѣ имѣла весьма изрядный, а волосы такъ черны какъ агатъ. Оные были у нее связаны назади, и лежали по плечамъ. У Калмыковъ почиталася она совершенною красавицею. И мать и дочь одеты были въ долгія платья изъ Персидскія дорогія матеріи, и въ круглыхъ опушенныхъ соболями шапочкахъ, по ихъ обычаю.

Императоръ просилъ (*) Аюку Хана, что бы далъ ему десять тысячъ человѣкъ войска для Персидскаго похода. Калмыцкій Ханъ отвѣтствовалъ ему, что они къ его услугамъ, но думаетъ, что и половины сего числа для него довольно будетъ; и тотчасъ далъ приказъ, чтобъ пять тысячъ Калмыковъ соединилися съ Царемъ въ Теркахъ.

Императоръ и Императрица были очень довольны своими гостями, и отпустили ихъ въ вечеру, учинивъ имъ пристойные подарки.

Императрица подарила Ханшѣ золотые часы съ репетиціею, осыпанные алмазами, и нѣсколько кусковъ парчей и другихъ дорогихъ матерій.

Потребно замѣтить здѣсь, что сіи два сильные Государя заключили сей Договоръ гораздо въ меньшее время, нежели наши Европейскіе Полномочные употребляютъ на обѣдъ.

22 числа поѣхали мы изъ Саратова, и плыли по Волгѣ благополучнымъ вѣтромъ.

(*) Г. Бель Антермони говоритъ здѣсь объ Аюкѣ какъ бы о сильномъ и ровномъ Государѣ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, и называетъ его не вѣдаю по чему Королемъ, позабывъ то, или можетъ быть и не зная, что былъ оный только что малый Владѣлецъ и подданный Россійскаго Императора, который не проситъ а приказать могъ оному исполнить свою волю, что и предъидущее примѣчаніе подтверждаетъ.

23 числа на вечеръ прибыли мы въ Камышенку, гдѣ и простояли до другаго дня.

28 числа пріѣхали мы въ Царицынъ, 30 въ Черный-Яръ, и 4 Юлія въ Астрахань. Ни чего не произошло достопримѣчаемаго во продолженіе нашего пути кромѣ сего, что останавливаемы бывали мы въ дорогѣ противными вѣтрами, и обезпокоиваемы комарами, которые тревожили насъ во весь день, и прерывали нашъ сонъ во время ночи.

5 числа столь было жарко, что Императоръ оставя городъ уѣхалъ въ увеселительный домъ, находящійся тамъ въ окрестности.

6 числа увѣдомились мы, что конница, состоящая въ пяти тысячахъ человѣкахъ, прибывъ расположилась на западномъ берегѣ рѣки Волги. Повелѣно ей отправиться въ Терки, и остаться тамо до Императорскаго прибытія.

Адмиралъ Апраксинъ прибылъ 8 числа, и на другій день повелѣно ему высадить войска на находящійся по близости его островъ.

Ни чего не случилося достопримѣчаемаго во время бытія нашего въ Астраханѣ.

Войска сѣли опять на суда 16 числа, и ночевали на оныхъ.

Императоръ и Императрица (*) отправилися 17 числа, и плыли по рѣкѣ при звукѣ музыки и барабановъ. Флотъ раздѣленъ былъ на многіе участки, и надъ каждымъ особливый былъ Начальникъ; присоединялося еще къ нему множество грузовыхъ судовъ, что составляло такое позорище, каковаго ни когда не видывано въ сей части свѣта, и каковыя рѣдко бываютъ видимы и въ другихъ.

Путь нашъ задержанъ былъ 18 числа противными вѣтрами. Подъ вечеръ, когда погода утихла, изъ низкихъ мѣстъ, покрытыхъ камышомъ, налетѣло на насъ несмѣтное множество комаровъ.

19 числа вышли въ Каспійское море, и какъ вѣтръ былъ намъ противенъ, то грузовыя суда вытянули на глубину, чтобъ освободиться отъ сихъ безпокойныхъ насѣкомыхъ. Ночь простояли мы на якорѣ, на осмифутовой глубинѣ воды, подлѣ низкаго острова называемаго Тюленья Лопатка.

20 числа продолжали тянуть суда, и стали на якоряхъ подъ вечеръ подлѣ четырехъ насыпей, называемыхъ Четыре бугра.

(*) Въ Описаніи Каспійскаго моря, на страницѣ 67, сказано точно, что Государыня Императрица осталася въ Астрахани, со всѣми бывшими съ нею дамскими особами.

21 числа, при наступленіи дня, Адмиралъ учинилъ знакъ къ отъѣзду; флотъ приготовился, и пошелъ въ море благополучнымъ вѣтромъ.

Императоръ, послѣдуемый полугалерами, на которыхъ были войска, держалъ путь въ Западъ, плывя сколько возможно ближе къ берегу. А какъ наше судно, на которомъ я сидѣлъ, было велико, то держалися мы глубины, и правили путь къ Теркамъ. Императоръ и галеры избрали объявленный путь единственно для закрытія себя отъ вѣтра, подымающагося на семъ морѣ, и который бы могъ причинить печальныя слѣдствія.

22 числа вступили мы въ соленую воду; мы имѣли четыре сажени глубины, и потеряли изъ вида землю и галеры.

23 числа была тихая погода, и вѣтеръ былъ сѣверозападный.

24 числа кинули мы якорь близь устья Терека.

Императоръ и галеры прибыли 25 числа благополучно.

26 числа сошелъ Государь на землю, осмотрѣлъ городъ и укрѣпленія, и паки возвратился на судно вечеромъ.

Терки есть городъ пограничный, который сама Природа имѣла попеченіе укрѣпить. Окруженъ онъ глубокими топями, и не можно въ оный проѣхать сухимъ путемъ кромѣ одного мѣста, котораго входъ защищается многими бойницами. Имя свое получилъ онъ отъ текущія подлѣ него рѣчки Терека. Въ немъ находится Комендантъ, и съ тысячу человѣкъ гарнизона, состоящаго изъ обученныхъ войскъ и Козаковъ, и снабдѣнъ множествомъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Сія Крѣпость очень полезна для воздержанія на горахъ живущихъ Черкешанъ, кои суть Народъ мятежный и безпокойный.

Далѣе Беллъ описываетъ движеніе арміи сухимъ путемъ въ Дербентъ, даетъ краткія свѣдѣнія о встрѣчавшихся кавказскихъ племенахъ и довольно подробную характеристику царя Петра I, къ которому онъ относится восторженно, считая его государемъ необыкновеннымъ и выдающимся во всей Европѣ. Въ описаніи обратнаго путешествія Беллъ весьма кратокъ.

Я возвращаюся къ 5 числу Октября, 1722 года, въ которое время Императоръ и Императрица отправилися на своей галерѣ, вмѣстѣ съ своимъ флотомъ, въ Астрахань, въ которую и прибыли мы 14 числа.

По окончаніи въ семъ городѣ нѣкоторыхъ моихъ дѣлъ, возвратился я въ Москву съ Семеномъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ, Генералъ-Адъютантомъ Его Величества, и Начальникомъ Кизлярскія Ескадры, командующимъ всегда на томъ суднѣ, которое имѣло на себѣ Императорскій флагъ, когда флотъ находился въ морѣ.

Изъ Астрахани отправилися мы въ небольшой шлюнкѣ, и прибыли въ Царицынъ. Какъ наступала уже зима, то сѣли мы на сани, и продолжали нашъ путь по линіи до Дона. Линія сія состояла во рвѣ около тридцати футовъ шириною, съ тыномъ, съ деревянными башнями по разстояніямъ, въ которыхъ за всегда находилося по нѣскольку войскъ. Его Величество приказалъ оную провесть для пресѣченія набѣговъ отъ Кубанскихъ Татаръ, а она и произвела ожидаемое имъ дѣйствіе.

Мы пріѣхали 25 Ноября въ Москву, въ которую Ихъ Величества прибыли около половины Декабря, 1722 года.

Росписаніе мѣстамъ и разстояніямъ между Москвою и Астраханью.

Отъ Москвы	версты.
До деревни Островцовъ	25
— Села Ульянина	38
— Города Коломны	32
— — Зарайска	39
— Села Прудовъ	37
— — Подосинокъ	35
— — Богоявленскаго	35
— — Горлова	25
— Города Скопина	30
— — Ряжска	40
— Деревни Благой	37
— — Оловаевъ	35
— Города Козлова	32
— Рѣчки Ярославки	25
— Села Лысыхъ Горъ	22
— Города Танбова	22

	ВЕРСТЫ.
До села Кузминой Гати	21
— Рѣчки Цны	27
— Пановыхъ Кустовъ	24
— Рѣчки Саваллы	20
— — Шинкосы	20
— — Тагайки	26
— — Таволжонки	20
— Хоперскія Крѣпости	22
— Михайловскаго городка	27
— Юрецинскаго стана	17
— Тепинскаго Юрта	20
— Правоторжскаго Юрта	20
— Калиновскаго Кустика	24
— Зотовскаго Юрта	21
— Кулмышскаго Юрта	24
— Устьхоперскаго Колодезя	21
— Разлива, что весною бываетъ отъ Хоперскаго Колодезя	12
— Устьмедвѣдскаго городка	13
— Клецкаго Чеганака	18
— Кременскія станціи	23
— Новогригорьевскаго	20
— Сиропенскія станціи	23
— Рѣчки Сокоран	30
— Грачевскія станціи	12
— Города Царицына	28
— Рѣчки Ахтубы	26
— Царева-Пуда	31
— Урочища Царева	30
— Таюная	26
— Кулавы	30
— Ашлагатки	30
— Сакуля	30
— Окоребы	25
— Бещары	26
— Каравола	30

	ВЕРСТЫ.
До Аксаравы . . . . . (20) . .	27
— Рѣчки Большой Берекеты	20
— Астрахани	39
Всего отъ *Москвы* до *Астрахани* по почтѣ	1412

Донесеніе Волынскаго взято изъ № 47 Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 872 г., въ которыхъ оно напечатано Н. Ф. Леонтьевымъ, снабдившимъ его пояснительнымъ римѣчаніемъ. Вмѣсто обычнаго предварительнаго объясненія, мы помѣщаемъ статью В. Рудакова о Волынскомъ изъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза (полут. 13, стр. 125—127).

АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Донесеніе въ Сенатъ въ 1719 г. А. П. Волынскаго (*).

Сіятельнѣйшимъ и Превосходительнѣйшимъ Высокоправительствующимъ господамъ Сенату доношеніе.

Хотя я еще о состояніи губерніи Астраханской подлиннаго извѣстія и не имѣю, однакожъ, что и выразумѣть могу, усмотря тамо нужды, о томъ долженствую доносить.

1) Понеже губернія Астраханская опредѣляется вновь, къ тому жъ какъ извѣстно, что оная пограничная какъ къ Персіи, такъ и къ степнымъ народамъ, отъ которыхъ всегда набѣги бываютъ, того ради прошу, дабы изволили приказать инструкцію мнѣ дать для лучшаго порядка, чтобы я могъ должность мою знать, какъ въ Правленіи, такъ и въ протчемъ, и потому поступать.

(*) Донесеніе это, взятое изъ № 13 „Москвитянина“ за 1854 г., представляетъ довольно немаловажный историческій документъ, знакомящій насъ съ состояніемъ Астраханской губерніи во время нашего Великаго Преобразователя и со взглядами на нужды Астраханскія новоопредѣленнаго губернатора А. П. Волынскаго, замѣчательнаго по тому времени администратора. Для поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ предлагаемаго документа необходимо сказать, что Астраханская губернія образована была Петромъ въ 1719 г., когда онъ замыслилъ сдѣлать Астрахань исходнымъ пунктомъ своихъ торговопромышленныхъ и военнополитическихъ предпріятій на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ. До этого же времени Астрахань принадлежала къ Казанской губерніи. По свидѣтельству перваго нашего статистика И. Кирилова (1727 г.) въ его сочиненіи „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства“ въ составъ Астраханской губерніи во время Петра входили слѣдующіе города: Симбирскъ, Самара, Сызрань, Саратовъ, Дмитріевскъ (Камышинъ), Царицынъ, Черный Яръ, Красный Яръ, Селитряный городокъ, на Ахтубѣ, Тарки и городокъ Гурьевъ-Яицкъ. Помѣщаемъ донесеніе Волынскаго въ нашемъ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ съ одной стороны изъ желанія познакомить читателей съ состояніемъ Астраханской губерніи во время Петра Великаго 200-лѣтній юбилей котораго мы не давно праздновали, и съ другой желая дать возможность будущимъ мѣстнымъ изслѣдователямъ исторіи астраханскаго края имѣть этотъ историческій документъ подъ руками, такъ какъ „Москвитянина“ за означенный годъ въ Астрахани не находится, и намъ самимъ приходилось обращаться за донесеніемъ Волынскаго въ Казанскую Академическую Библіотеку, откуда обязательно и прислали намъ копію съ него. *П. Леонтьевъ.*

2) Какъ въ Астрахани, такъ и въ другихъ мѣстахъ пограничныхъ потребно имѣть добрыхъ комендантовъ и протчихъ управителей, такъ же и въ Симбирску, понеже (кромѣ Симбирска) протчіе городы тамо всѣ безхлѣбные, того ради оные оттуды какъ провіантами, такъ и протчими довольствоваться будутъ, но понеже изъ тамошнихъ обывателей трудно сыскать достойныхъ къ такимъ дѣламъ, того ради прошу опредѣлить туда въ губернію Полковника Кондратья Фондервидина, Полковника Димитрія Еропкина, Генералъ Адьютанта Андрея Вельяминова, Генерала Аудитора Ивана Кикина (который уже въ Астрахань и опредѣленъ былъ), да бывшаго Нижегородской губерніи Лантрихтера Тимоѳея Кутузова, а притомъ прошу, чтобы и еще къ дѣламъ повелѣли нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ опредѣлить. Такожде тамо и въ полкахъ офицерами великая нужда, того ради прошу, чтобы туда опредѣлить еще нѣсколько Штабъ и Оберъ Офицеровъ, ибо тамо многіе негодны, отъ чего и солдаты весьма регулу потеряли.

3) Ежели заблаговолите разсудить, а по моему мнѣнію въ губерніи Астраханской надобно имѣть нѣсколько полковъ и полевыхъ пѣхотныхъ, также и конныхъ (хотя одинъ) и при томъ человѣкъ тысячю и не регулярныхъ, ибо хотя и будетъ гварнизонъ въ Астрахани сильный, однакожъ какъ извѣстно, что протчія мѣста оттуды не близки и пусты, того ради, ежели не будетъ полковъ полевыхъ, то какъ отъ кубанцевъ, такъ и отъ каракалпаковъ и отъ калмыковъ тамо не будетъ (спокойствія?), также и отъ своихъ на рѣкѣ на Волгѣ, бываютъ великіе разбои, которые бъ могли пресѣчены быть, если бы не такъ малолюдно тамо было.

4) Который былъ въ Астрахани Драгунской швадронъ, онаго нынѣ осталося не болѣе дву сотъ человѣкъ, также другой швадронъ, который былъ при Аюкѣ ханѣ калмыцкомъ, а нынѣ кромѣ нужды оной въ Саратовѣ, въ которомъ также чаю меньше трехъ сотъ человѣкъ, также еще и въ Казанской губерніи есть швадронъ, который ежели заблагоизволите разсудить перевесть въ Астраханскую губернію и съ тѣми двумя швадронами сказовавъ учинить Драгунскій полкъ, ибо въ Казанской губерніи кромѣ онаго останется Драгунской же полкъ цѣлой.

5) Какъ полевые полки (ежеля будутъ) такожде и гварнизонные откуда будутъ впредь рекрутованы, такожде ружьемъ и протчими полковыми припасами, откуды довольствоваться будутъ и на какой заплатѣ оное въ жалованье содержать.

6) Астраханской и протчіе гварнизоны, откуды провіянтами и амуниціею удовольствованы будутъ, понеже прежде сего провіянтъ и амуницію получали изъ Казани, нынѣ что о томъ повелите.

7) Отъ Саратова до Астрахани между городовъ по двѣсти и по триста верстъ жила никакого нѣтъ, того ради какъ купецкимъ людямъ, такъ и протчимъ проѣзжимъ и рыбнымъ ловцамъ отъ калмыковъ и отъ кубанцевъ чинится великое разореніе и работныхъ людей берутъ въ плѣнъ, также и зимою проѣздъ зѣло труденъ, того ради по моему бъ мнѣнію надобно между городовъ еще сдѣлать хотя малые городки для прибѣжища проѣзжимъ и для закрытія пустоты отъ непріятельскихъ набѣговъ, выбравъ къ поселенію удобныя безопасныя мѣста, дабы не такъ безопасно было непріятельскимъ партіямъ чинить набѣги, также по моему мнѣнію зѣло нужно противъ Астрахани построить на другой сторонѣ рѣки Волги одинъ малый тражиментъ и держать по одной ротѣ солдатъ и по нѣскольку человѣкъ драгунъ для разъѣздовъ, понеже тамо непрестанно набѣгаютъ кубанцы, а иногда и нагайцы подъ ихъ именемъ берутъ людей въ полонъ, также которые и изъ полону съ Кубани уходятъ, оныхъ паки поймавъ и тудажъ отдаютъ.

8) Городъ Черный Яръ нынѣ весьма въ неудобномъ мѣстѣ, понеже отъ рѣки мѣсто зѣло высокое и отъ великихъ водъ въ вешнее время подмываетъ, того ради мало не по вся годы переносятъ стѣну и прочее деревянное строеніе, а сіе мѣсто зѣло нужное, ибо между онымъ и Астраханью на трехъ стахъ верстахъ поселенія никакова нѣтъ, а кубанскія партіи по вся годы тамо бываютъ, того ради доношу, если заблагоразсудитъ разсудить, чтобы обыскавъ иное удобное мѣсто верстахъ въ двухъ или трехъ отъ того и тамъ поселить и хотя одну роту, однакожъ, по моему мнѣнію тамо въ гварнизонѣ надобно держать солдатъ, также великая нужда, чтобъ построить между Астрахани и Чернаго Яру на срединѣ одну хотя малую крѣпость, выбравъ къ тому удобное мѣсто ибо изъ тогобы поддаанымъ Его Величества немалая была польза и проѣздъ бы былъ не такъ опасенъ.

9) При Астрахани на рѣкѣ на Волгѣ для морскихъ судовъ нѣтъ пристани удобной, куда бы оные вводить, того ради, по моему мнѣнію, надлежитъ сдѣлать пристань, обыскавъ удобное мѣсто, гдѣбъ судамъ невредилъ ледъ, о томъ что повелите.

10) Также отъ устья р. Волги въ Каспійскомъ морѣ великая отмель, гдѣ съ великимъ трудомъ проходятъ съ моря суды до рѣки Волги, того

ради, по моему мнѣнію, надлежалобы сдѣлать переспективъ на островѣ именуемомъ Черные Бугры, которые отъ устья Волги въ 30 верстахъ и держать тамо лоцмановъ парочныхъ, а при томъ и караулъ, чтобы тайно непровозили товаровъ мелкими устьями въ лодкахъ армяня, также тарковцы и протчіе, которые имѣютъ свои бусы.

11) Въ бытность мою въ Астрахани морскихъ судовъ недовольно было, понеже прежняго дѣла суды, которые дѣлалъ (какъ я слышалъ) Галанской мастеръ, оные уже ветхи, а которые вновь присылались (стакимъ же дѣломъ) изъ Казани, шкуты тѣ не такъ крѣпки и на парусахъ зѣло тяжелы, понеже дѣлаютъ мастеры Русскіе, которые изъ плотниковъ выбраны, и такъ за скудостью судовъ въ Астрахани и до нынѣ еще старинные бусы употребляютъ и вновь дѣлаютъ, такожде прежде сего до опредѣленія губернія Астраханской всѣ морскіе суды новой манеры дѣланы въ Казани и на оные парусы, якоря и протчіе припасы всѣ оттуды въ Астрахань присылались, нынѣ какъ о томъ повелите.

12) Которые нынѣ въ Астрахани есть ветхіе шкуты, оные бъ въ починку еще можно нѣкоторые употреблять, но понеже тамо искусныхъ мастеровъ нѣтъ, того ради чинится немалая утрата, такоже предъ нѣсколькими лѣты прислано изъ Казани нѣсколько флейтовъ, которые на Каспійское море негодны, а нынѣ оные напрасно тамо гніютъ, что о томъ повелите.

13) Морскаго флота которые нынѣ въ Астрахани офицеры, откуды онымъ, также и матросамъ, впредь будетъ денежное жалованье и провіантъ. Также какихъ припасовъ будутъ требовать по чьимъ требованіямъ оные отправлять, ибо прежде сего, когда тамо Команду имѣлъ порутчикъ Кожинъ, то у тамошнихъ жителей и у протчихъ купецкихъ людей суды и всякіе припасы сами по оцѣнкѣ обирали, отъ чего въ промыслахъ имъ была остановка и напрасный убытокъ.

14) Которые при Астрахани рыбные промыслы, на оное всякіе припасы, и снасти, и суды также и лѣса на починку учуговъ и протчаго присылалися въ Астрахань изъ Нижегородской губерніи (какъ я слышалъ) а нынѣ по опредѣленіи Астраханской губерніи оные припасы откуда получены будутъ.

15) Какъ извѣстно, что въ Астрахани, въ Теркѣ и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ воздухъ зѣло нездоровый, и медиковъ и искусныхъ тамо нѣтъ, того ради прошу, чтобы повелѣно было въ Астрахани учинить шпиталь для солдатъ и опредѣлить туда одного доктора и нѣсколько

медиковъ, также и къ полкамъ полковыхъ лекарей, понеже въ Астрахани въ мою бытность у четырехъ полковъ лекарь только одинъ былъ, того ради многіе солдаты отъ непризрѣнія и отъ оскудѣнія медикаментовъ помираютъ, а по моему мнѣнію потребно тамо имѣть особливую аптеку, понеже тамошняя губернія отсюда зѣло удалена.

16) Въ Астрахани жъ нѣтъ Плацъ Маіора, гдѣ потребно имѣть, прошу, чтобы туда Плацъ Маіора опредѣлить.

17) Въ Астраханской губерніи нѣтъ искусныхъ артилерскихъ служителей, кромѣ старинныхъ пушкарей, того ради прошу, чтобы туда опредѣлить изъ артилеріи Афицера и нѣсколько изъ унтеръ афицеровъ для *обученія тамошнихъ*.

18) Также прошу опредѣлить въ Астрахань искуснаго инженера и нѣсколько изъ кондукторовъ или изъ учениковъ, понеже тамъ есть въ томъ нужда для осмотрѣнія крѣпостей и мѣстъ тамошнихъ.

19) Въ Астрахани и въ другихъ тамошнихъ городахъ, гдѣ потребно будетъ какая въ строеніи починка, или, что усмотря надлежитъ придѣлывать вновь, ибо о всемъ оттуды за дальностію отсылаться невозможно будетъ, того ради что о томъ повелите.

20) Потребно нынѣ въ губернію Секретарь, того ради прошу, дабы повелѣли опредѣлить, ково за достойна признать изволите, также прошу чтобы нѣсколько повелѣли придать и изъ подьячихъ, понеже тамо добрыхъ людей мало, а къ тому жъ по нынѣшнимъ тамо розыскамъ, чаю, не токмо изъ приказныхъ людей, но и отъ другихъ дѣлъ многіе оттуды взяты будутъ.

21) Которые въ Астрахани и другихъ тамошнихъ городахъ до опредѣленія губерніи было у сборовъ и у другихъ дѣлъ опредѣлены, хотя и изъ Казанской губерніи, однакожъ прошу, чтобы изволили повелѣть послать указъ, о томъ, чтобы оные, не объявя своихъ дѣлъ, оттуды не отъѣзжали, ибо безъ того слѣдовать будетъ невозможно.

22) Въ Астрахани есть многіе, которые произошли отъ купечества не хотя платить податей, а нынѣ въ дворянахъ и въ другихъ чинахъ, также иные живутъ подъ протекціею Архіерейской и числятся въ его домѣ за служителей, однакожъ торговъ своихъ не оставляютъ, а въ Астрахани нынѣ купецкихъ людей зѣло мало, что о томъ повелите. Іюня 30 дня 1719 г.

Полковникъ и Губернаторъ *Артемій Волынскій.*

СТАТЬЯ В. РУДАКОВА О ВОЛЫНСКОМЪ.

Волынскій (Артемій Петровичъ)—государственный дѣятель въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Личность Волынскаго уже давно стала привлекать вниманіе историковъ, біографовъ и даже романистовъ. Писатели конца XVIII вѣка и начала XIX-го (напр., Рылѣевъ), считали его политическимъ геніемъ и мученикомъ-патріотомъ; но съ появленіемъ новыхъ матеріаловъ по исторіи первой половины XVIII ст. установилась и новая точка зрѣнія на Волынскаго. Представителемъ ея выступилъ въ 1860 г., въ „Отечественныхъ Запискахъ", І. И. Шишкинъ; но желаніе развѣнчать Волынскаго увлекло его, онъ впалъ въ противоположную крайность. 16 лѣтъ спустя появилась новая біографія Волынскаго профессора Д. А. Корсакова, которая можетъ считаться руководящимъ трудомъ. Волынскій происходилъ изъ древняго рода (см. Волынскіе). Отецъ его, Петръ Артемьевичъ, былъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ стряпчимъ, а затѣмъ стольникомъ, судьей московскаго суднаго приказа, воеводой въ Казани. Обыкновенно полагаютъ, что Артемій Петровичъ родился въ 1689 г. Своимъ воспитаніемъ Волынскій былъ обязанъ семьѣ С. А. Салтыкова. Онъ много читалъ, былъ „мастеръ писать", имѣлъ довольно значительную библіотеку. Въ 1704 г. Волынскій былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ. Въ 1711 г. былъ уже ротмистромъ и снискалъ расположеніе царя. Состоя при Шафировѣ во время Прутскаго похода, онъ въ 1712 г. раздѣляетъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ, а въ слѣдующемъ году, посылается въ качествѣ курьера къ Петру съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адріанополѣ. Черезъ два года Петръ отправилъ Волынскаго въ Персію, „въ характерѣ посланника". Его миссія имѣла двѣ цѣли: всестороннее изученіе Персіи и пріобрѣтеніе торговыхъ привилегій для русскихъ купцовъ. Оба порученія Волынскій выполнилъ успѣшно (1718) и былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты (послѣднихъ было тогда всего только 6), а въ слѣдующемъ году назначенъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію. Здѣсь онъ скоро успѣлъ ввести и нѣкоторый порядокъ въ администраціи, поправить отношенія съ калмыками, поднять экономическую жизнь края и сдѣлать не мало приготовленій къ предстоящему Персидскому

походу. Въ 1722 г. Волынскій женился на двоюродной сестрѣ Петра Великаго, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной. Предпринятый въ этомъ году походъ въ Персію окончился неудачно. Враги Волынскаго объяснили это пораженіе Петру ложными, будто бы, свѣдѣніями, доставленными Волынскимъ, и кстати указали на его взяточничество. Царь жестоко наказалъ Волынскаго своей дубинкой и уже не довѣрялъ ему попрежнему. Въ 1723 г. у него была отнята „полная мочь", предоставлена одна только дѣятельность административная, и отъ участія въ войнѣ съ Персіей онъ былъ совсѣмъ устраненъ. Екатерина I назначила Волынскаго губернаторомъ въ Казань и главнымъ начальникомъ надъ калмыками. Въ послѣдніе дни царствованія Екатерины I Волынскій, по проискамъ, главнымъ образомъ Ягужинскаго, былъ отставленъ отъ той и другой должностей. При Петрѣ II, благодаря сближенію съ Долгорукими, Черкасскими и др., въ 1728 г. ему снова удалось получить постъ губернатора въ Казани, гдѣ онъ и пробылъ до конца 1730 г. Страсть его къ наживѣ и необузданный нравъ, не терпящій противорѣчій, въ Казани достигли своего апогея, и не смотря на заступничество его „милостивцевъ" Салтыкова и Черкасскаго, вызываютъ учрежденіе надъ нимъ со стороны правительства „инквизиціи". Отставленный отъ должности, онъ получаетъ въ ноябрѣ 1730 г. новое назначеніе въ Персію, а въ концѣ слѣдующаго года (1731), оставшись выжидать въ Москвѣ вскрытія Волги, опредѣляется, вмѣсто Персіи, *воинскимъ инспекторомъ*, подъ нач. Миниха. Политическіе взгляды Волынскаго высказаны были въ первый разъ въ „Запискѣ", составленной (1730) сторонниками самодержавія, но поправленной его рукою. Онъ не сочувствовалъ замысламъ верховниковъ, но былъ ревностнымъ защитникомъ интересовъ шляхетства. Заискивая передъ всесильными тогда иноземцами: Минихомъ, Левенвольдомъ и самимъ Бирономъ, Волынскій сходится, однако, и съ ихъ тайными противниками: Еропкинымъ, Хрущовымъ и Татищевымъ, ведетъ бесѣды о политическомъ положеніи Русскаго государства и много строитъ плановъ объ исправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Въ 1733 г. Волынскій состоялъ начальникомъ отряда арміи, осаждавшей Данцигъ; въ 1736 г. онъ былъ назначенъ оберъ-егермейстеромъ. Въ 1737 г. Волынскій былъ посланъ вторымъ (первымъ былъ Шафировъ) министромъ на конгрессъ въ Немировѣ для переговоровъ о заключеніи мира съ Турціей. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ, 3 февраля 1738 г. кабинетъ-министромъ. Въ его лицѣ Биронъ разсчитывалъ имѣть опору противъ Остермана. Волын-

скій быстро привелъ въ систему дѣла кабинета, расширилъ его составъ болѣе частымъ созывомъ „генеральныхъ собраній“, на которыя приглашались сенаторы, президенты коллегій и другіе сановники; подчинилъ контролю кабинета коллегіи военную, адмиралтейскую и иностранную, до того дѣйствовшія самостоятельно. Въ 1739 г. онъ былъ единственнымъ докладчикомъ у императрицы по дѣламъ кабинета. Вскорѣ, однако, главному его противнику Остерману удалось вызвать противъ Волынскаго неудовольствіе императрицы. Хотя ему удалось, устройствомъ шуточной свадьбы кн. Голицына съ калмычкой Бужениновой (которая исторически вѣрно описана Лажечниковымъ въ „Ледяномъ Домѣ“), на время вернуть себѣ расположеніе Анны Іоанновны, но доведенное до ея свѣдѣнія дѣло объ избіеніи Тредьяковскаго и слухи о бунтовскихъ рѣчахъ Волынскаго окончательно рѣшили его участь. Остерманъ и Биронъ представили императрицѣ свои донесенія и требовали суда надъ Волынскимъ; императрица не согласилась на это. Тогда Биронъ, считавшій себя оскорбленнымъ со стороны Волынскаго за избіеніе Тредьяковскаго, совершенное въ его „покояхъ“, и за поношеніе имъ дѣйствій Бирона, прибѣгнулъ къ послѣднему средству: „либо мнѣ быть, либо ему“,—заявилъ онъ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1740 года Волынскому было запрещено являться ко двору; 12 апрѣля, вслѣдствіе доложеннаго императрицѣ дѣла 1737 года о 500 рубляхъ казенныхъ денегъ, взятыхъ изъ конюшенной канцеляріи дворецкимъ Волынскаго, Василіемъ Кубанцемъ, „на партикулярныя нужды“ его господина, послѣдовалъ домашній арестъ, и черезъ три дня приступила къ слѣдствію коммиссія, составленная изъ семи лицъ. Первоначально Волынскій велъ себя храбро, желая показать увѣренность, что все дѣло окончится благополучно, но потомъ упалъ духомъ и повинился во взяточничествѣ и утайкѣ казенныхъ денегъ. Коммиссія искала и ждала новыхъ обвиненій, и изъ нихъ самое большее вниманіе обратила на доносы Василія Кубанца. Кубанецъ указывалъ на рѣчи Волынскаго о „напрасномъ гнѣвѣ“ императрицы и вредѣ иноземнаго правительства, на его намѣренія подвергнуть все измѣненію и лишить жизни Бирона и Остермана. Допрошенные, также по доносу Кубанца, „конфиденты“ Волынскаго подтвердили во многомъ эти показанія. Важнымъ матеріаломъ для обвиненія послужили, затѣмъ, бумаги и книги Волынскаго, разсмотрѣнныя Ушаковымъ и Неплюевымъ. Между его бумагами, состоявшими изъ проектовъ и разсужденій, напр. „о гражданствѣ“, „о дружбѣ человѣческой“, „о приключающихся вредахъ особѣ государя и

обще всему государству", самое большое значеніе имѣлъ его „генеральный проектъ" объ улучшеніи въ государственномъ управленіи, писанный имъ по собственному побужденію, и другой, уже съ вѣдома государыни, проектъ о поправленіи государственныхъ дѣлъ. Правленіе въ Россійской имперіи должно быть, по мнѣнію Волынскаго, монархическое съ широкимъ участіемъ шляхетства, какъ первенствующаго сословія въ государствѣ. Слѣдующею правительственною инстанціею послѣ монарха долженъ быть *сенатъ*, съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ; затѣмъ идетъ *нижнее правительство*, изъ представителей низшаго и средняго шляхетства. Сословія: духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынскаго, значительныя привилегіи и права. Отъ всѣхъ требовалась грамотность, а отъ духовенства и шляхетства болѣе широкая образованность, разсадниками которой должны были служить предполагаемыя Волынскимъ академіи и университетъ. Много предлагалось реформъ для улучшенія правосудія, финансовъ, торговли и т. д. При дальнѣйшемъ допросѣ Волынскаго (съ 18 апрѣля уже въ тайной канцеляріи) его называли клятвопреступникомъ, приписывая ему намѣреніе произвести переворотъ въ государствѣ. Подъ пыткою, Хрущовъ, Еропкинъ и Соймоновъ прямо указывали желаніе Волынскаго самому занять россійскій престолъ послѣ кончины Анны Іоанновны. Но Волынскій и подъ ударами кнута въ застѣнкѣ отвергалъ это обвиненіе и всячески старался выгородить Елисавету Петровну, во имя которой будто бы, по новымъ обвиненіямъ, онъ хотѣлъ произвести переворотъ. Не сознался Волынскій въ измѣнническихъ намѣреніяхъ и послѣ второй пытки. Тогда, по приказу императрицы, дальнѣйшее розысканіе было прекращено и 19 іюня назначено для суда надъ Волынскимъ и его „конфидентами" генеральное собраніе, которое постановило: 1) Волынскаго, яко начинателя всего того злого дѣла, живого посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) его конфидентовъ—четвертовать, и затѣмъ отсѣчь имъ головы; 3) имѣнія конфисковать и 4) двухъ дочерей Волынскаго и сына сослать въ вѣчную ссылку. 23 іюня этотъ приговоръ былъ представленъ императрицѣ, и послѣдняя смягчила его, указавъ головы Волынскаго, Еропкина и Хрущова отсѣчь, а остальныхъ „конфидентовъ" по наказаніи сослать, что и было исполнено 27 іюня 1740 г. Возвращенные изъ ссылки на другой годъ послѣ казни, дѣти Волынскаго, съ разрѣшенія императрицы Елисаветы Петровны, поставили памятникъ на могилѣ своего отца, похороненнаго вмѣстѣ съ Хрущовымъ и Еропкинымъ близъ воротъ церковной ограды

Сампсоніевскаго храма (на Выборгской сторонѣ). Въ 1886 г., по почину М. И. Семевскаго, на пожертвованія частныхъ лицъ, былъ воздвигнутъ на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова новый памятникъ. См. Корсаковъ, „Арт. Петр. Волынскій“ (въ „Древней и Новой Россіи“, 1876, кн. I и 1877, кн. I—II); его же статья въ „Русской Старинѣ“ (1885, № 10) и ст. Городецкаго, „Памятникъ на общей могилѣ Волынскаго. Еропкина и Хрущова“ (въ „Русской Старинѣ“, 1886, № 6).

В. Рудаковъ.

ДНЕВНИКЪ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ АСТРАХАНИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Государя ПЕТРА I.

Помѣщаемый здѣсь дневникъ пребыванія въ Астрахани Петра I взятъ изъ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (№ 4 за 1847 г.), въ которыхъ онъ напечатанъ Н. И. Михайловымъ, съ нижеприводимымъ примѣчаніемъ, выясняющимъ происхожденіе и значеніе этого документа. Вотъ что говоритъ Михайловъ:

„Въ Астраханскомъ Губернскомъ Архивѣ хранится протоколъ 1722 г. Астраханской Губернской Канцеляріи присланнымъ изъ С.-Петербурга, изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената и изъ другихъ Коллегій и изъ Москвы записнымъ указамъ и граматамъ, печатнымъ листамъ и подорожнымъ,—при бытности въ Астрахани Его Императорскаго Величества Генералъ Адъютанта, Полковника и Астраханской Губерніи Губернатора Артемія Петровича Волынскаго. Протоколъ этотъ писанъ на 122 листахъ; по описи № 33. Въ концѣ этого протокола на оборотѣ 119 листа и на слѣдующихъ находится краткій дневникъ пребыванія въ Астрахани Императора Петра Великаго, носящій слѣдующіе заглавіе:

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА И ЕЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ пришествіе и бытности въ Астрахани и въ походахъ и по возвращеніи изъ походу въ Астрахань и въ Москву и при Ихъ Величествахъ Министровъ, въ которыхъ мѣсяцевъ и чиселъ о томъ значится ниже сего“.

Дневникъ этотъ, хотя кратокъ и не заключаетъ въ себѣ важныхъ историческихъ данныхъ, но въ немъ находятся подробности, дорогія для мѣстнаго жителя. Мы представимъ дневникъ этотъ отъ начала до конца“.

Михайловъ (Николай Ивановичъ)—служилъ въ то время Старшимъ Чиновникомъ Особыхъ Порученій при Астраханскомъ Губернаторѣ и извѣстенъ какъ первый Секретарь Астраханскаго Статистическаго Комитета. Онъ помѣстилъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ много статей, относящихся къ Астраханскому краю.

---

19 Іюня во вторникъ въ 16 часу дня въ 3 четверти, Его Императорское Величество изволилъ прибыть къ Астрахани водою на галерѣ и въ шлюбкѣ на пристань и войти въ крѣпость въ кремль въ соборную церковь; и приходъ Его Величества встрѣтилъ предъ двери соборной церкви на паперти Архіерей со святымъ крестомъ и евангеліемъ, и со звономъ; и по моленіи въ соборной церкви Его Величество изволилъ быть у Архіерея съ четверть часа, а отъ Архіерея изволилъ итдти въ домъ свой Государевъ, гдѣ пребываютъ житіемъ въ Астрахани на службѣ Губернаторы.

А по приходѣ Его Величества къ крѣпости и въ крѣпость отдана

честь съ крѣпости пушечная стрѣльба трикратно по военному уставу противъ 57 главы 3 статьи.

Да за крѣпостью въ полкахъ въ генеральствѣ Господина Генерала Маіора Кропотова изъ полковыхъ пушекъ изъ мелкаго ружья трикратно.

А Его Государыня Императрица изволила быть на галерѣ до 20 числа.

А въ 20-мъ числѣ въ среду въ 12-мъ часу дня изволила прибыть въ крѣпость и соборную церковь и Ея Величеству встрѣчу учинилъ Архіерей такимъ же подобіемъ какъ и Его Императорскому Величеству и по моленіи изволила ѣхать на тотъ же свой Государевъ вышепомянутый дворъ.

А съ того двора Его Императорское Величество и Ея Величество Государыня Императрица изволили прибыть къ галерѣ.

И того же числа въ той галерѣ изволили итти внизъ по Кутумовѣ рѣкѣ на лѣтній свой Императорскаго Величества на новопостроенный Астраханскій дворъ, что бывалъ напредь сего Замановскій садъ. (*)

23 числа въ среду въ 17 часу въ отдачу дневныхъ часовъ прибылъ къ Астрахани Генералъ Адмиралъ и Сіятельнѣйшій Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и по встрѣчѣ ему отдана честь съ Астраханскаго морскаго флота съ судовъ пушечною стрѣльбою однократно и проѣхалъ въ Кутумову рѣку ко двору Его Императорскаго Величества и сталъ на квартирѣ въ садовомъ дворѣ у Астраханскаго дворянина Еланчина.

25 числа въ пятницу въ шестомъ часу дня прибылъ къ Астрахани Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Петръ Андреевичъ Толстой.

18 Іюня въ среду въ 16 часу въ отдачу дневныхъ часовъ Его Императорское Величество и съ Государынею Императрицею изволили итти въ походъ на Каспійское море и при Ихъ Величествахъ во флотѣ съ войсками оные Адмиралъ и Сіятельнѣйшій Графъ Господинъ Апраксинъ и другіе кавалеры.

19 Іюля въ четвертокъ въ 1-мъ часу ночи за Его Величествомъ отправился изъ Астрахани въ походъ Губернаторъ Астраханскій Его Высокоблагородіе Господинъ Волынскій.

4 Октября въ четвертокъ въ 5 часу дня въ первой четверти Его Императорское Величество и съ Государынею Императрицею изволилъ прибыть изъ походу Каспійскаго моря къ Астрахани въ суднѣ ботѣ.

(*) Нынѣ казенный садъ, бывшій Дворянскаго Предводителя Арзуманова, гдѣ показываютъ грушевое дерево, посаженное рукою ПЕТРА ВЕЛИКАГО. *Н. М.*

9 Октября во вторникъ въ 5 часу въ 3 четверти прибылъ въ Астрахань Господинъ Губернаторъ Волынскій и другіе господа.

16 Октября во вторникъ въ 9 часу въ 2 четверти прибылъ къ Астрахани Адмиралъ и Сіятельнѣйшій Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ да Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Петръ Андреевичъ Толстой и другіе.

24 Октября въ среду во 2-мъ часу въ первой четверти Его Императорское Величество изволилъ итти на учуги. А за Его Величествомъ Господинъ Губернаторъ Волынскій въ 3-мъ часу.

25 Октября въ четвертокъ въ 1-мъ часу дня за Его Величествомъ поѣхали Сіятельнѣйшій Графъ Адмиралъ Господинъ Апраксинъ и Тайный Совѣтникъ Господинъ Толстой.

26 Октября въ пятницу въ 7 часу въ 1-ой четверти прибылъ съ учуговъ въ Астрахань Его Императорское Величество и при Его Величествѣ Адмиралъ и другіе.

5 Ноября въ понедѣльникъ въ 8 часу въ 1-й четверти Его Императорское Величество и съ Государынею Императрицею изволили итти отъ Астрахани водою на галерѣ въ путь свой въ Москву.

6 Генваря 1723 года въ воскресенье въ 8 часу въ 1-й четверти дня отъѣздъ получили отъ Астрахани въ Москву зимнимъ путемъ Генералъ Адмиралъ и Сіятельнѣйшій Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и кавалеръ Петръ Андреевичъ Толстой и другіе Господа офицеры и при нихъ будущіе служители.

ЦВѢТУЩЕЕ СОСТОЯНІЕ

ВСЕРОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Кириловъ Ив. Кир. происходилъ изъ крестьянскаго званія, и выдвинулся своими способностями при Государѣ Петрѣ Великомъ; служилъ въ Сенатѣ, гдѣ занималъ мѣсто оберъ-секретаря. Самоучкою онъ пріобрѣлъ познанія въ математикѣ, исторіи, механикѣ и металлургіи. Въ 1719 г. были разосланы по Россіи геодезисты для снятія со всѣхъ областей ландкартъ, съ описаніями. Этими документами воспользовался Кириловъ для составленія атласа Россійской Имперіи. По его мысли были снаряжены двѣ экспедиціи — камчатская и оренбургская; начальство надъ послѣднею было возложено на него. Онъ положилъ основаніе Оренбургу и оренбургскому казачьему войску, и умеръ въ Самарѣ отъ чахотки въ 1738 г. Сочиненіе его „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизрѣченными трудами Петръ Великій“, состоитъ изъ 2-хъ частей и издано М. Погодинымъ въ 1831 г. съ рукописи, принадлежавшей Голикову. Вотъ что говоритъ издатель въ предисловіи ко 2-ой части этого сочиненія: „Не стану распространяться въ похвалахъ этому сочиненію незабвеннаго учредителя страны Оренбургской Кирилова: внимательные читатели увидятъ сами, что оно заключаетъ въ себѣ любопытное, вѣрное описаніе Петровской Россіи, которая служила основаніемъ нынѣшней, представляетъ драгоцѣнные матеріалы для поучительныхъ сравненій и разсужденій о нашей новой Исторіи, — наконецъ служитъ необходимымъ пособіемъ историку нашего великаго преобразователя, и даетъ намъ право передъ всѣми Европейскими Государствами гордиться древнѣйшею обстоятельною Статистикою“.

Какъ видно изъ длиннаго заглавія, свѣдѣнія, вошедшія въ составъ этого сочиненія, взяты „изъ подлиннѣйшихъ сенатскихъ архивовъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1727 года“. Относительно входившей въ составъ астраханской губерніи въ то время Симбирской провинціи мы ограничиваемся лишь свѣдѣніями, помѣщенными въ перечневой вѣдомости, приложенной въ концѣ сочиненія Кирилова.

Астраханская губернія.

Городъ столичный *Астрахань*, каменныхъ два города съ башнями, третій земляный валъ; стоитъ на берегу рѣки Волги на особливомъ островѣ.

О Епархіи сего города.

Епископъ нынѣ Лаврентій; титулъ его: Астраханскій и Терскій.

Въ Епархіи Астраханской города: Астрахань, Терекъ, Гурьевъ и другіе по Волгѣ города.

Жалованья Епископу со всѣмъ его домомъ опредѣлено; денегъ 606 р. 25 к., хлѣба 1009 четвертей.

О управителяхъ Астраханской Губерніи.

Губернаторъ нынѣ Генералъ-Маіоръ Фаминцинъ, Вице-Губернаторъ Полковникъ Захаровъ, Комендантъ Бригадиръ Андрей Астафьевъ, Плацъ-Маіоръ 1.

О Канцеляріяхъ и Конторахъ.

Гарнизонная Канцелярія, въ которой по стату Военной Коллегіи приказныхъ опредѣлено:

При Губернаторѣ.

Канцеляристъ 1, Писарей 2, сторожъ 1.

При Вице-Губернаторѣ.

Канцеляристъ 1, Писарь 1, сторожъ 1; При Коммендантѣ: Писарь 1, сторожъ 1; при Плацъ-Маіорѣ: Писарь 1.

Жалованье получаютъ изъ подушнаго сбора отъ Военной Коллегіи.

Да для управленія губернскихъ дѣлъ Губернская Канцелярія, въ которой по стату опредѣлено:

Секретарь	1
Канцеляристовъ	4
Копіистовъ	8
Сторожей	3
	16

Для сборовъ Камериръ 1; у него Камерирская Контора, въ которой: Писарь 1

Копіистовъ	4
Сторожъ	1
	6

Крѣпостная Контора, въ ней: Надсмотрщикъ 1

Писцовъ	4
	5

Въ Астраханижь при Указномъ магазинѣ:

Писарей	2
Магазинъ-вахтеровъ	3
	5

Магистратъ, въ которомъ: Президентъ 1

Бургомистровъ	2
Ратмановъ	4

Канцелярія ихъ и приказные служители особые.

Таможня
Кабацкая Контора
Конская изба

Въ нихъ для управленія Бургомистры, ларечные и при нихъ цѣловальники.

О гарнизонныхъ полкахъ.

Гарнизонныхъ пѣхотныхъ 4, и 1 драгунскій полкъ.

Въ нихъ полнаго комплекта { Штабъ-и Оберъ-Офицеровъ . . . 183
Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ . 6093
Неслужащихъ 199

И того 6475

Лошадей драгунскихъ 1043

Расположены тѣ полки платежемъ подушныхъ денегъ въ Сибирской Губерніи.

Калиберъ.	О гарнизонной артиллеріи. Въ Астрахани гарнизонной артиллеріи; пушекъ:	Мѣдныхъ.	Чугунныхъ.	И того.
		негодныхъ.	годныхъ.	
48	Фунтовыхъ	1		1
18		1	4	5
12		2	5	7
10			1	1
8		2	8	10
6		4	14	18
5		3	1	4
4		11		11
3		16	12	28
	Въ томъ числѣ годныхъ .	3		
2		34	4	38
1		26	2	28
1/2		1 годн.	3 негод.	4
30	Лотовъ	1		1
20		1		1
16		1		1
17		1		1
8		1		1
6		1		1
4		1		1
		108	54	162
5	Дробовиковъ:	7 нег. 1		8
4		1		1
3		3		3
	Витыхъ.		4	4
		12 мѣдн.	4	16
88	Мортиръ:	1		1
56		1		1
38		2		2

Калиберъ.		Мѣдныхъ.	Чугунныхъ.	И того
	Мортиръ:	мѣдн-		
32	. . . . .	1		1
24	. . . . .	1		1
		6		6
	Гаубица:			
12	Фунтовъ	1		1

Артиллерійскихъ служителей:

Оберъ-Офицеровъ.	1
Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. . . .	91
Денщикъ.	1
Мастеровыхъ	12
И того	105

О СТРОЕНІЯХЪ.

Первый городъ каменный называется Кремль, стѣны высокія съ башнями, по стѣнамъ зубцы, въ него трое ворота: первыя Вознесенскія, надъ которыми въ башнѣ часы и соборные колокола, вторыя Никольскія, третьи круглой башни.

Въ томъ городѣ соборная каменная Успенская церковь, великая, пятиглавая.

Монастырь Троицкій каменный, приписной къ Троицкому Сергіеву монастырю.

Архіерейскій домъ каменный, въ немъ церковь; дворецъ деревянный.

Каменныя палаты, въ коихъ имѣются Канцеляріи и Конторы, иного жилья нѣтъ; токмо содержится артиллерія и артиллерійскіе магазины.

Другой городъ каменный, называется Бѣлый, въ него семь воротъ съ башнями.

Въ томъ городѣ гостинные дворы каменные съ лавками, а именно: первый Русскій, другой Индѣйскій, третій Армянскій.

Площадь торговая, на которой торговые ряды деревянные.

Слобода посадскихъ и разночинцевъ; въ тѣхъ слободахъ церквей каменныхъ 3, деревянныхъ 1.

За Бѣлымъ городомъ подлѣ Гарянскихъ и Исадскихъ городовыхъ воротъ ряды торговые рыбные и съ посудою.

Слободы посадскихъ Русскихъ; въ тѣхъ слободахъ церковь деревян-

ная 1; за Вознесенскими воротами слобода Армянъ, торговыхъ также и Русскихъ.

За воротами рѣшетчатыми по солончаку слободы солдатскія. За Татарскими воротами юрты Нагайскихъ Татаръ, въ которыхъ есть мечети ихъ, также площадь съ рядами, гдѣ бываетъ торгъ Татарскій, Калмыцкій. Близь тѣхъ юртъ магазинъ провіантскій.

Сады виноградные Архіерейской, и одного купецкаго человѣка.

Позади юртъ и Армянской слободы сдѣланъ земляной валъ, отъ Волги рѣки до протока, называемаго Кутумы. За тѣмъ валомъ и за Кутумомъ великіе сады виноградные и овощные Государевы и жителей Астраханскихъ.

Подлѣ тогожь валу на берегу Волги рѣки мѣсто, гдѣ съ озеръ соль привозя судами, выкладываютъ великими буграми, и потому называются соляные бугры.

О школахъ.

Въ Астрахани имѣется отъ Адмиральтейства школа для обученія дьячьихъ, и подъяческихъ дѣтей и прочихъ чиновъ, кромѣ шляхетства, Ариѳметикѣ и Геометріи.

О коммерціи.

Купечества жителей Астраханскихъ Русскихъ обрѣтается не великое число, только пріѣзжихъ изъ прочихъ Россійскихъ городовъ; также Армянъ, Инцѣйцовъ, Персіянъ, Бухарцевъ и Ногайцевъ, живущихъ при Астрахани, многое число.

Торгъ бываетъ въ Астрахани по утрамъ, на Татарскомъ базарѣ. А по полудни въ городѣ на Русскомъ базарѣ и въ гостинныхъ дворахъ.

Товары больше въ провозы чрезъ Астрахань идутъ, то есть Нѣмецкія сукна и другія изъ Россіи, мягкая рухлядь, юфть и полотна въ Персію, изъ Персіи же шелки и шелковыя парчи, выбойки и иные въ Россію, особливо за моря шелковъ множество, также прежде хаживали караваны въ Бухарію, и въ Хиву, а нынѣ оный торгъ пресѣкся по причинѣ учиненной обиды въ 1718 году надъ Княземъ Черкаскимъ отъ Хивинцевъ; также въ Астрахани лошадей и скота довольно въ торгу бываетъ.

О продовольствіи.

Въ Астрахани хлѣба не сѣютъ, но привознымъ сверху Волгою рѣкою довольствуются. Овощей: арбузовъ, дынь, огурцовъ множество, также и винограду и прочихъ садовыхъ и грядныхъ деревьевъ довольно.

А рыбы: осетровъ, бѣлугъ, стерлядей и другой такое множество, что сверхъ городскаго продовольствія многое число соленой вверхъ по Волгѣ отпускается.

О промыслахъ.

Ниже Астрахани учюгъ и ванчюгъ прежде бывалъ Троицкаго-Астраханскаго, а нынѣ Троицкаго-Сергіева монастыря, на которомъ ловятъ осетровъ и бѣлугъ многочисленно и изъ нее дѣлаютъ икру, вязигу, клей въ отпуски.

Есть же и прочіе учюги по проливамъ, текущимъ изъ Волги въ море, на которыхъ рыбные же промыслы, только они не таковы множествомъ рыбъ, какъ вышеозначенный.

Около Астрахани по степямъ и близъ моря соленыя озера, на которыхъ соль садится бузунъ, и оную собираютъ и судами въ Астрахань привозятъ, а оттуда вверхъ по Волгѣ по милліону и больше пудовъ въ годъ отпускается.

О четырехъ буграхъ.

На устьѣ Волги рѣки на нагорной сторонѣ, отъ Астрахани въ 60 верстахъ есть мѣсто, называемое четыре бугра, по той причинѣ, что четыре высокія круглыя горы, кои изъ-далека видны; на нихъ сдѣлана вновь земляная крѣпость, а въ ней магазины провіантскіе сухопутные и морскіе и Астраханскіе, также для морскихъ судовъ гаванъ.

Объ Адмиралтействѣ.

При Астрахани Адмиралтейство, при которомъ артиллеріи: пушекъ мѣдныхъ (*),

2 1/2 Фунтовъ	. . . . .	1
1 Фунтовъ	. . . . .	4
12 Лотовыхъ	. . . . .	2
		7

Мастеровыхъ:

Мастеръ маляpный	1
Подмастерьевъ: мачтовый . . .	1
Канатный	1
Машиннаго дѣла	2

Учениковъ:

Ботовый и шлюпочный	1
Парусный	1
Веселънаго дѣла	2

Рядовыхъ:

Плотниковъ	38
Работниковъ	6
Пильщиковъ	6
Токарей	4
Столарей	4
Рѣзчиковъ	2
Парусниковъ	13
Шитья флангъ и кожевныхъ ведръ	1
Кузнецовъ	29
Котельниковъ	2

(*) По вѣдомости 1724 года.

Мѣднаго литья	1	Купоровъ	12
Фонарщикъ	1	Кистовщикъ	1
Паяльщикъ	1	Канонеровъ	6
Маляровъ	2	Слѣсарей	2
Компасниковъ	2	Комитъ	1
Конопатчиковъ	30	Квартирмейстеръ	1
Печниковъ	2	Матросовъ	7
Спѣшниковъ	2		186
Трубочистъ	1		

О флотѣ.

Каспійскомъ морѣ или Астраханскомъ по подписанію Императорскаго Величества собственной руки повелѣно содержать:

Военныхъ и гекботовъ	30	21 Нынѣ на лицо въ добав. надать 9 и оныя имѣются на мѣли.
Ботовъ большихъ	6	6
Ботовъ ординарныхъ	30	30
	И того 66	57

На тѣхъ судахъ нынѣ обрѣтается морскихъ служителей:

Капитановъ	2	Шкиперъ	1
Капитанъ-Лейтенантовъ	4	Мичмановъ	24
Лейтенантовъ отъ флотовъ	6	Боцмановъ	21
Лейтенантовъ отъ солдатъ	1	Подштурмановъ	15
Секретарей	2	Штурманскихъ учениковъ	24
Унтеръ-Лейтенантовъ	9	Боцманъ-Матовъ	31
Коммиссаръ	1	Гардемариновъ	49
Лѣкарей	3	Квартирмейстеровъ	28
Подлѣкарей	5	Писарей	24
Лѣкарскихъ учениковъ	8	Матросовъ	770
Штурманъ	1	Капралъ	1
		Солдатъ	20
		И того	1050

О монастыряхъ и церквахъ.

По вѣдомости Камеръ-Коллегіи въ Астрахани: монастырь 1, соборная церковь 1, приходскихъ 12.

Къ Астрахани присутственные города вверхъ по Волгѣ.

Городъ *Красный Яръ*, деревянный небольшой, отъ Волги на луговой сторонѣ; разстояніемъ отъ Астрахани 20 верстъ; стоитъ на протокѣ Бузань, и окружаетъ другой протокъ, называемый Малая Алгаря.

Въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ: Бургомистръ 1
Ратмановъ 2
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.

О церквахъ.

По вѣдомости Камеръ-Коллегіи показано въ томъ городѣ: церковь деревянная 1; живутъ прежнихъ службъ служилые люди.

На нагорной сторонѣ отъ Астрахани въ 7 верстахъ городокъ земляной Селитряный; въ немъ живутъ тѣ, которые дѣлаютъ селитру.

Селитряный же городокъ земляной, на Ахтубѣ рѣкѣ, отъ Астрахани верстахъ въ 90; въ немъ церковь каменная; жители селитру дѣлаютъ.

Городъ *Черный Яръ*, деревянный, стоитъ на берегу Волги рѣки на нагорной сторонѣ; разстояніемъ отъ Астрахани въ 260 верстахъ.

Въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ Бургомистръ 1
Ратмановъ 2
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.

Въ томъ же городѣ церковь 1; жители служилые люди прежнихъ службъ.

Городъ *Царицынъ*, деревянный, стоитъ на Волгскомъ берегу на нагорной сторонѣ, подлѣ его рѣчка Царицынка; разстояніемъ отъ Чернаго-Яру 180 верстъ.

Въ томъ городкѣ Крѣпостная Контора; въ ней: за Надсмотрщика ротный Писарь 1
Магистратъ, въ которомъ: Бургомистръ 1
Ратмановъ 2
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.

О церквахъ и монастыряхъ.

По вѣдомости Камеръ-Коллегіи показано въ Царицынѣ: монастырей . . 2
Церквей 3

Объ артиллеріи.
По вѣдомости Артиллерійской Канцелярін показано.

Калиберъ	Мѣдныхъ	Чугунныхъ	И того.
Пушекъ:			
$4^3/_4$	1		1
4		1	1
3/4		1	1
$3^1/_4$	нег. 1	1	1
$3^1/_2$		3	3
3	4	19	23
$2^1/_2$	5	18	23
$2^1/_4$	1	12	13
2		1	1
1		5	5
	12	61	73

Отъ сего города до рѣки Дону считается 60 верстъ.

Симъ мѣстомъ приходя Кубанская Орда великія озлобленія Россійскому народу, живущему въ низовыхъ мѣстахъ, чинили, и въ полонъ людей брали, и скотъ отгоняли; на удержаніежь отъ такихъ ихъ набѣговъ по Указу Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, Императора Всероссійскаго, въ 1718, 1719, 1720 годахъ войсками, нарочно командированными подъ командою Генералъ-Маіора Кропотова, отъ самаго города Царицына до Дону сдѣлана линія, то есть ровъ, и по тому рву земляной валъ и 4 крѣпости земляныя, а именно: отъ Царицына первая на рѣчкѣ Медоточной названа крѣпость Медоточная, разстояніемъ отъ Царицына въ 10 верстахъ.

Вторая крѣпость отъ Медоточной въ 17 верстахъ.

Третья на рѣчкѣ Лачинкѣ, впадающей въ Донъ, названа Осокорь, отъ крѣпости Грачей въ 14 верстахъ.

Четвертая подлѣ Дону названная Донская, отъ Осокорской въ 7 верстахъ.

Въ тѣхъ крѣпостяхъ и по всей линіи всегда бываютъ служилые люди для карауловъ и разъѣздовъ, а особливо въ лѣто присылаются командированные отъ армейскихъ полковъ. И тако за Божіею помощію Низовая Украйна отъ тѣхъ Кубанскихъ набѣговъ успокоена, и гдѣ было не токмо прежнее жилье, но и въ новыхъ пустыхъ мѣстахъ селитьба умножается.

Напредь того при Царицынѣ и Саратовѣ городахъ ничего въ поляхъ и въ степяхъ сѣять за опасеніемъ внезапныхъ приходовъ не смѣли, и нынѣ хлѣбъ довольной родится, также огородные овощи, арбузы, дыни и прочее умножены.

Въ луговой сторонѣ противъ Царицына есть озеро соленое великое, называемое *Элтонъ*, въ разстояніи за Волгою верстахъ 30, въ которомъ соль ломаютъ и привозятъ къ Волгѣ; между Царицына и Чернаго Яру та соль всякаго Астраханскаго бузуна превосходитъ, и зѣло бѣла и чиста, и духъ отъ нее малиновый.

Городъ *Дмитріевскъ*, деревянный, съ глубокимъ рвомъ; отъ Царицына во 160 верстахъ, на берегу рѣки Волги подлѣ рѣки Камышенки на нагорной сторонѣ.

Въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ Бургомистръ . . . 1
Ратмановъ 2
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.
Крѣпостныя дѣла отправляютъ отъ ротъ Писари.
Церквей въ томъ городѣ 2

Городъ *Саратовъ*, на нагорной же сторонѣ, валъ земляной; отъ Дмитріевска въ 180 верстахъ.

Въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ нынѣ: Ратмановъ.
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.
Крѣпостная Контора; въ ней: Надсмотрщикъ. 1
Писецъ 1
Изъ шляхетства Фискалъ Иванъ Дурасовъ.
Церквей 5
Монастырей 2

Жителей многое число, а больше купечество, которыхъ по нынѣшней переписи 1596; имѣютъ торгъ по другую сторону Волги рѣки съ Калмыками.

Городъ *Сызрань*, деревянный, стоитъ на нагорной сторонѣ Волги рѣки, подлѣ него впала рѣка Сызрань, другая рѣчка Крызма; разстояніемъ отъ Саратова . . верстахъ.

Въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ: Бургомистръ 1
Ратмановъ 2
Канцелярія ихъ и приказные служители особые.
Крѣпостная Контора; въ ней: Надсмотрщикъ. 1
Изъ шляхетства Фискалъ Алексѣй Ярцовъ.

Монастырь 1, церквей 5.

Купечества въ томъ городѣ по нынѣшней переписи 960 человѣкъ.

Близъ того города пришелъ Симбирскій уѣздъ.

Городъ *Самара*, земляной, на Волгѣ рѣкѣ на луговой сторонѣ; отъ Сызрани въ верстахъ; въ томъ городѣ Магистратъ, въ которомъ: Бургомистръ 1

Ратмановъ 2

Канцелярія ихъ и приказные служители особые.

Крѣпостная Контора; въ ней: Надсмотрщикъ. 1

Писецъ 1

Купечества въ томъ городѣ по нынѣшней переписи 181 человѣкъ.

Въ томъ же городѣ монастырь 1, церквей 3.

За Астраханью въ правую сторону по Каспійскому морю на рѣкѣ Терекѣ былъ городъ Терекъ, гдѣ особливый Комендантъ былъ, гарнизонъ содержался, также Терекскіе дворяне и служилые люди жили, за городомъ Мурзы и эсаульные Татары кочевали; а въ 1725 году тотъ городъ оставленъ и сдѣланъ редутъ, въ который велѣно прислать изъ крѣпости Святаго Креста по ротѣ, а жители Терекскіе перевезены въ ту крѣпость.

Объ артиллеріи.

По вѣдомости Артиллерійской Канцеляріи показано въ Терекѣ артиллеріи, пушекъ:

		Чугунныхъ.
8	Фунтовъ.	1
7		6
5½		4
3		2
2½		1
1		5
		19
	Мортира	1

Вверхъ по рѣкѣ Тереку въ гребняхъ, то есть въ высокихъ горахъ, кои протянулись въ Персію и къ Черному морю, имѣются Гребенскихъ козаковъ городки по вершинамъ рѣчекъ, впадающимъ въ Терекъ рѣку:

Первый *Курдюковъ*, второй повыше того *Гладскій*, третій *Шедринъ*, четвертый *Червленый*.

По вѣдомости Военной Коллегіи въ Астраханской Губерніи показано Терекскихъ и Гребенскихъ козаковъ 500 человѣкъ, на нихъ изъ Астраханской Губерніи жалованья ржи и муки 2162 четверти, овса 1500 четвертей. Да по вѣдомости Статсъ-Конторы денежнаго жалованья 1070 р.

Между Шедрина и Червленаго городковъ, по другую сторону рѣчки Терека есть колодези нефтяные, однакожъ на оныхъ промыслу нефтянаго не бываетъ. Подлѣ тѣхъ колодезей горячій колодезь, въ которомъ толь горяча вода, что сырое мясо варитъ; изъ сего колодезя въ отводныхъ ямахъ водою пользуются отъ болѣзней люди.

Другой кислый колодезь, въ которомъ вода весьма кисла; по обѣимъ сторонамъ рѣки Терека лѣсу довольно мѣлкаго терновника, и на которомъ родятся ягоды на подобіе фигъ, шелковица и тальникъ.

У Гребенскихъ козаковъ родится пшеница, ячмень и другой яровой, а ржи не сѣютъ.

Также имѣютъ шелковые малые заводы, который шелкъ добротою противъ Персидскаго ниже.

За Астраханью жь по лѣвую сторону по Каспійскому морю городокъ *Гурьевъ-Яицкій*, каменный четырехъ угольный, съ 8ю башнями, въ него одни ворота; стоитъ при рѣкѣ Яикѣ по Астраханскую сторону отъ моря верстахъ въ 3хъ. Въ томъ городѣ церковь деревянная.

Живутъ въ городѣ большею частію ссылочные, а за городомъ никакого жилья нѣтъ.

Подъ городомъ учюгъ, въ которомъ ловятъ осетровъ и бѣлугъ и дѣлаютъ икру Армянскую, клей и визигу на Императорское Величество, и множество онаго товару высылается въ Астрахань на судахъ моремъ, а изъ Астрахани на судахъ же привозятся хлѣбные припасы, понеже пашни при томъ городкѣ нѣтъ; все мѣсто степное, и хотя временно кочуютъ Калмыки, однакожъ въ отлучку ихъ опасно отъ набѣговъ Каракалпакскихъ.

Подъ городомъ Яикомъ рѣка шириною саженей на 30, только глу-

бока и имѣется перевозъ; по той рѣкѣ сѣнныхъ покосовъ множество, а лѣсъ мѣлкій дровяной, и того не довольно, и за тѣмъ крупный лѣсъ на строеніе привозится изъ Астрахани.

О караванахъ, кои хаживали въ Хиву.

Чрезъ сей городокъ изъ Астрахани въ Хиву и въ Бухарію хаживали торговые караваны; ходу верблюдами 12 дней; та дорога идетъ подлѣ камышей, отъ самой Астрахани, а горъ и рѣчекъ никакихъ нѣтъ; воду берутъ въ заливахъ и въ озеркахъ прѣсную, лошадей кормятъ камышемъ, а индѣ травы есть безъ нужды; на пропитаніе людямъ кормъ отъ Калмыковъ достаютъ, а отъ Гурьева двѣ дороги до Эмбы рѣки гладкія, безъ горъ: первая подлѣ камышей, хотя кормомъ и водою довольно, однакожь грязна, и по другую степь безводна, но забираютъ воду изъ Гурьева, а лошади съ нуждою травою кормятся; ходу того 5 дней.

Эмба рѣка небольшая, поперегъ саженей на 10, чрезъ нее бродъ; жилья никакого нѣтъ, только у брода сдѣланъ маякъ изъ лѣсу и изъ земли, понеже съ обѣихъ дорогъ къ тому мѣсту съ караваномъ выходятъ. Разстояніемъ тотъ маякъ отъ моря ходу дни на три, по той рѣкѣ травъ и лѣсу мѣлкаго довольно.

Временно кочуютъ по ней Владѣльца Доржи Назарова Калмыки, а по вершинѣ приходятъ временно жь кочевать Каракалпаки.

Отъ Эмбы до колодязей степью гладкою ходу полтора дня; тѣхъ колодязей выкопано довольно; около нихъ травъ довольно, а лѣсу нѣтъ, отъ колодязей дорогою ходу полтора жь дни; изъ-подъ горы есть ключъ прѣсной при довольствѣ травъ, а лѣсу нѣтъ.

На гору поднявшись ходятъ 12 дней каменистою гладкою горою, гдѣ воду отъ мѣста до мѣста изъ колодязей забираютъ дня по три и по четыре, и съ великою скудостію конскаго корму; съ горъ сошедъ къ озеркамъ низью, съ довольствомъ водъ и травы; до старой Хивы ходу три дня.

Старая Хива пустое городище, стоитъ на степи отъ Дарьи рѣки верстахъ въ 15. Отъ той старой Хивы пришедъ къ Дарьѣ и тою рѣкою вверхъ до новой Хивы ходу 3 дня.

Въ той Хивѣ живетъ Хивинскій Ханъ, гдѣ караваны Русскіе торгъ имѣютъ. Оттуда въ Бухарію свободно къ пропитанію скота; близъ Дарьи жь путемъ ходу 16 дней.

Въ той Бухаріи совершенный караванный торгъ оканчивали и паки тѣмъ же путемъ возвращались.

Всего ходу отъ Астрахани до Гурьева 12
Отъ Гурьева до Новой Хивы 26
Отъ Новой Хивы до Бухаріи 16

54 дня.

О народѣ Калмыцкомъ, подданномъ Россійской Имперіи.

Калмыцкій народъ тѣхъ же Калмыковъ, называемыхъ Черныхъ, кои кочуютъ между Сибири, Астрахани, Китайскими Мунгалами и Бухаріею, подъ Россійскую Державу первый вышелъ также со многимъ Калмыцкимъ народомъ, у котораго были два сына отъ разныхъ женъ: большой Мучакъ, другой Матушъ, и назывались оные Тайши или Князья. У Мучака сынъ Аюка, которому дано Ханство, а другова брата его сынъ Назаръ.

Оный Аюка многіе лѣта ханствовалъ и умеръ въ 1724 году; осталась послѣ его Ханша; Аюка Хана дѣти: первый Чапъ-Держапъ, второй Гунжепъ, третій Санжепъ, четвертый Ганделекъ; оба остались бездѣтны; пятый Черейдундукъ: отъ Чапъ-Держапа: первый сынъ Досапчъ, другой Багдасай-Даржи, который принялъ Святое Крещеніе въ Санктпетербургѣ въ 724 году; по крещеніи дано имя Петръ.

Отъ втораго сына Гунжепа: сынъ Дандуганьбо, другой Башурта, то есть по россійски воробей; отъ Назара Мамутова сына: сынъ Даржи Назаровъ; Аюкина жь родства съ дѣдомъ его выѣхалъ особо владѣлецъ Саламъ-Серенъ, у него сынъ Макатемиръ, у Макатемира сынъ Четеръ.

Оные Калмыцкіе владѣльцы прежде и нынѣ имѣютъ свои особые улусы.

Вѣра ихъ идолопоклонническая и за главу почитаютъ Далайламу, который есть за Сибирью, а у себя духовныхъ отъ него именуютъ называемыхъ Ламы.

Отъ сихъ Калмыковъ нѣкоторые выходили, и принявъ Святое Крещеніе, служатъ съ Чугуевскими козаками, а иные, въ своей вѣрѣ будучи, служатъ съ Донскими и Яицкими козаками.

О службахъ Калмыцкихъ.

Служба Калмыковъ конная, съ луками и копьями, а огнестрѣльнаго оружія мало употребляется. Когда при Аюкѣ Ханѣ наряды тѣмъ войскамъ

бывали противу Кубанскихъ и Крымскихъ Татаръ, тогда выхаживали тысячь по 10 и по 20 и больше, не требуя великаго жалованья, но что на подъемъ прислано бывало, тѣмъ и довольствовались.

Нынѣ въ мирномъ случаѣ съ Турецкою стороною такихъ нарядовъ имъ не бываетъ; какъ преждѣ при Ханѣ, такъ и по нынѣ между онымъ Калмыцкими владѣльцами внутреннія свои военныя безпокойства бываютъ, особливо съ своими сосѣдами Каракалпаками и Киргизцами ежегодныя вражды, иногда Калмыки ихъ побѣждаютъ, а иногда оные на Калмыковъ нападаютъ.

Есть же Трухменскій народъ, кочующій между Хивою и Эмбою рѣками близъ моря Каспійскаго, съ которыхъ Калмыцкіе владѣльцы, а наипаче Даржи-Назаровъ, какъ съ подданныхъ, нѣкоторую дань берутъ.

О кочевьѣ Калмыцкомъ.

Кочевье имѣютъ, переходя съ мѣста на мѣсто, гдѣ пока кормъ скоту ихъ есть; и отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ луговою стороною до Саратова, а иногда и на нагорную сторону переходятъ, а внутрь луговой степи до Яицкаго козачья и до Гурьева городковъ и до Эмбы рѣки на великой обширности.

О довольствѣ.

Въ пропитаніе имѣютъ довольство въ скотѣ, а хлѣба не сѣютъ, имѣютъ множество лошадей, которыхъ въ Астрахани и въ прочихъ по Волгѣ городахъ, также и къ нимъ пріѣзжимъ Нагайцамъ Астраханскимъ, и другимъ, на потребные себѣ товары мѣняютъ, и тѣхъ ихъ выменныхъ лошадей, а иногда и сами для продажи внутрь Россійскихъ городовъ даже до Москвы великіе табуны прогоняютъ.

О Ахтубѣ рѣкѣ, которая нынѣ въ Калмыцкомъ кочевьѣ.

Рѣка Ахтуба, вышедшая повыше Царицына въ луговую сторону: которая течетъ отдѣлясь отъ Волги не въ дальномъ разстояніи, и впадаетъ, соединясь съ прочими изъ Волги проливами, въ море своимъ устьемъ.

На той рѣкѣ великая и многонародная живала Орда, называемая Золотая, имѣла своихъ Царей; отъ сей Орды многое разореніе какъ Россія, такъ и Персія и прочіе окрестные претерпѣвали, какъ то упоминается въ исторіяхъ о Царяхъ ихъ Темиръ-Аксакѣ, Батыѣ, Мамаѣ.

Оную орду Великіе Князьи Россійскіе разорили, и искоренили, а напослѣдокъ Астраханское или Татарское царство Царь Иванъ Васильевичь подъ свою державу получилъ въ году; Нагайскихъ же Татаръ и понынѣ при Астрахани многое число обрѣтается. А гдѣ была Золотая орда по Ахтубѣ рѣкѣ, на тѣхъ мѣстахъ есть и понынѣ жилье ихъ каменнаго зданія знаки по тогдашнему ихъ обычаю дѣланное, вкопывая въ землю.

КРАТКАЯ ВѢДОМОСТЬ О СОСТОЯНІЙ ГУБЕРНІИ, ПРОВИНЦІЙ, ГОРОДОВЪ.

Губерніи и Провинціи и къ нимъ города	Какого строенія и при какихъ мѣстахъ	Епархій	Монастырей	Церквей	Канцел. и Конторъ	Управителей	Приказн. и друг. служит.	Фискаловъ	Офицер. унтеръ-офицер. разсыл. и солд.	Заводовъ
Астраханская Губернія.										
Астрахань	Каменныхъ 2 города съ башнями, 3 земляныхъ вала, стоитъ на берегу Волги, на особливомъ острову.	1	1	6	8	12	42	1		
Приписные:										
Красной Яръ . .	Деревянной небольшой, отъ Волги на луговой сторонѣ, стоитъ на протокѣ Бузанъ и окружаетъ другой протокъ, называемой малая Анчара	.	.	2	1	3				
Черной Яръ . . .	Деревянной, стоитъ на берегу Волги рѣки на нагорной сторонѣ	.	.	1	1	3				
Царицынъ	Деревянный, стоитъ на Волжскомъ берегу на нагорной сторонѣ; подлѣ его рѣчка Царицынка	.	2	3	2	3	1			
Дмитріевскъ . . .	Съ глубокимъ рвомъ деревянной, стоитъ на берегу рѣки Волги подлѣ рѣчки Камышенки	.	.	2	1	3				
Саратовъ	На нагорной сторонѣ Волги рѣки, валъ земл.	.	2	5	2	2	1			

Губерніи и Провинціи и къ нимъ города	Какого строенія и при какихъ мѣстахъ	Епархій	Монастырей	Церквей	Канцел. и Контор.	Управителей	Приказн. и друг. служит.	Фискаловъ	Офицер. унтеръ-офицер. разсыл. и солд.	Заводовъ
Сызрань	Деревянной, стоитъ на нагорной сторонѣ	.	1	5	2	3	1	1		
Гурьевъ Яицкой .	Каменной, стоитъ при рѣкѣ Яикѣ	.	.	1						
Самара	Земляной, на Волгѣ на луговой сторонѣ .	.	1	3	2	3	2			
И того приписныхъ 9.		1	7	24	18	31	47	2		
Симбирская Провинція.										
Симбирскъ. . . .	Стоитъ на горѣ при рѣкѣ Волгѣ.	.	.	.	7	9	22	2	16	
Пригороды:										
Тагаръ.										
Урень.										
Карсунь.	погорѣлой.									
Аргашь.										
Сурскъ.										
Бѣлой Яръ . . .	Ст. подлѣ Волги.									
Ерыклинъ	Подлѣ рѣки Ерыклы.									
Алексѣевскъ . . .	На рѣкѣ Самарѣ . .	.	.	1						
Кашпуръ.	Стоитъ на нагорной сторонѣ Волги рѣки при рѣчкѣ Кашпуркѣ	.	1	2						
Петровской . . .	Въ степи на рѣчкѣ Медвѣдицѣ	.	2	6	2	3	1			
И того приписныхъ 11.		.	3	9	12	23	2	16	16	

ВТОРЖЕНІЕ ПУГАЧЕВА
ВЪ ПРЕДѢЛЫ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. *)

Авторъ этой статьи. *Михайловъ* (Иванъ Ивановичъ),—какъ видно изъ дѣлъ Астраханскаго Статистическаго Комитета, служилъ въ 1846—1849 г.г. помощникомъ редактора Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ которыхъ помѣстилъ нѣсколько статей и замѣтокъ о текущихъ событіяхъ тогдашней жизни, также по исторіи и географіи губерніи. Обративъ вниманіе „своимъ образованіемъ, любознательностью и усердіемъ“ онъ осенью 1847 г. получилъ отъ Статистическаго Комитета порученіе составить хозяйственно-статистическое описаніе губерніи, которое окончилъ въ началѣ 1849 года. Первая часть представленной въ Комитетъ рукописи напечатана въ 4—12 книгахъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1851 г. и выпущена также отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Хозяйственно-статистическіе очерки астраханской губерніи“. Прекрасное по тому времени сочиненіе это и до сихъ поръ не утратило значенія. Вскорѣ, послѣ представленія описанія въ Комитетъ Михайловъ выѣхалъ изъ Астраханской губерніи на службу въ Оренбургъ. „Вторженіе Пугачева“ помѣщено въ №№ 21, 22, 23, 24, 25, 27 и 30—1846 г. и въ №№ 10 и 11—1847 г. Астр. Губ. Вѣдомостей. (См. Указатель Леонтьева и замѣтку объ И. И. Михайловѣ въ № 92 Губ. Вѣд. за 1893 г.).

Грудь Русская была противъ груди Русской!
Карамзинъ.

70 лѣтъ прошло со времени Пугачева; кажется немного, а сколько великихъ событій совершилось въ этотъ краткій промежутокъ; какъ много измѣнилась съ тѣхъ поръ Россія, во всѣхъ отношеніяхъ. Еще есть старожилы, которые помнятъ ту страшную годину, въ которую было возмущено спокойствіе блестящаго царствованія, представлявшаго разцвѣтъ великихъ идей Петра, годину, въ которую были пролиты рѣки слезъ и крови, въ періодъ громкихъ побѣдъ и славы. Россія, поставленная Петромъ первостепенною Державою на Сѣверѣ, уже замышляла тогда о первенствѣ въ цѣлой Европѣ, ужасая враговъ своихъ силою оружія, но въ то самое время она имѣла своего внутренняго врага, который, предводительствуя шайкою бунтовщиковъ, обращалъ въ пепелъ города и селы, грабилъ, убивалъ безза-

*) Въ Астраханскихъ архивахъ хранится много любопытныхъ документовъ, относящихся ко времени Пугачевскаго бунта. Здѣсь представляется мною извлеченіе изъ немногихъ актовъ, находящихся у меня подъ руками. Смѣю надѣяться, что при дальнѣйшемъ разысканіи, будутъ собраны мною болѣе полныя свѣдѣнія.

щитныхъ, и разбивалъ посылаемыя противъ него войска. Примѣры рѣдкихъ самопожертвованій, доблести Русскихъ смѣняются здѣсь рядомъ низкихъ измѣнъ и предательствъ; люди, неразъ въ бояхъ видавшіе смерть лицомъ къ лицу, здѣсь, изъ страха ея, не боятся запятнать чести своей передачею къ самозванцу, и драгоцѣнная кровь солдата не рѣдко льется для спасенія преступной жизни злодѣя. Были лица, принадлежавшія къ благороднымъ фамиліямъ, занимавшія почетныя должности, даже многія изъ духовнаго сословія, которыя рѣшались промѣнять благородную смерть на позорную жизнь, не говорю уже о людяхъ безъ крова и хлѣба, жившихъ однимъ настоящимъ, которые рвались къ Пугачеву попировать на пепелищахъ разрушенныхъ имъ селъ и городовъ. Къ какой цѣли было направлено это дикое, безотчетное стремленіе народа? и въ чемъ состояла причина такого изумительнаго развитія отрицательнаго могущества Пугачева? Его самозванство было слишкомъ грубою хитростію, для того чтобъ однимъ этимъ увлечь за собою народъ, также какъ и возмущеніе Яикскихъ казаковъ, само по себѣ, не могло бы дать бунту Пугачева, такого повсемѣстнаго значенія. Нѣтъ, въ этомъ бунтѣ видно послѣднее возстаніе допетровской Руси противъ новыхъ идей, насажденныхъ ея Великимъ Преобразователемъ. Сколько интересовъ, по видимому давно забытыхъ, пробудилось въ этомъ тревожномъ возстаніи. Раскольники, стремившіеся къ удержанію въ прежней силѣ своихъ понятій о религіи; помѣщичьи крестьяне силившіеся возстановить значеніе „Юрьева Дня“ и, если можно, совершенную свободу и крестьяне государственные, недовольные дѣйствіями чиновниковъ, злоупотреблявшихъ власть свою въ отдаленныхъ губерніяхъ;—вотъ кто были главные дѣятели этой эпохи. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что въ это время являлось множество самозванцевъ, вызванныхъ стремленіемъ народа возстановить старый порядокъ вещей. Это самозванство опиралось на завѣтную добродѣтель нашихъ предковъ, преданность Русскихъ къ поколѣнію своихъ Царей. Всѣ успѣхи самозванцевъ въ Россіи, не отрицая при этомъ, высказанныхъ мною выше, причинъ, основываются на этой любви къ царственному племени. Всѣ другія возмущенія, возникающія около этого времени, были усмиряемы дѣятельными мѣрами Правительства, при самомъ началѣ; нѣтъ сомнѣнія, что и бунтъ Яикскихъ казаковъ не могъ бы имѣть такихъ ужасныхъ послѣдствій, еслибы мѣстное начальство поспѣшило принятіемъ мѣръ къ его уничтоженію. Оренбургская Губернія была театромъ первыхъ злодѣйствъ Пугачева, отсюда онъ перешелъ на поприще болѣе

обширное. Слухъ о взятіи и раззореніи Казани поразилъ ужасомъ жителей Астраханской Губерніи, которая, при недостаточности силъ къ защищенію, имѣла огромное протяженіе (отъ Саратова по Волгѣ до Каспійскаго моря около 800 верстъ), и была подвержена равной опасности съ ЮЗ. отъ Кубани и СВ. по луговой сторонѣ Волги отъ Киргизъ Кайсаковъ. Для удержанія набѣговъ отъ Кубани расположено было нѣкоторое число войска отъ Царицынской линіи по степи кордономъ, и на луговую сторону Волги отряжены были, для разъѣздовъ, казаки Волгскаго войска; въ это же время 1500 человѣкъ было отослано на помощь къ Генералу Демедену, находившемуся на Кавказѣ. Такимъ образомъ Астраханская Губернія была совершенно обезсилена въ отношеніи войска, котораго во всѣхъ крѣпостяхъ ея находилось очень малое количество. Саратовъ, какъ крайній постъ Астраханской губерніи, долженъ былъ представить собою надежнѣйшій оплотъ противъ нашествія мятежниковъ, но въ немъ находилось не болѣе 150 челов. гарнизона и до 600 чел., состоящихъ въ вѣдомствѣ Конторы Опекунства Колонистовъ. Астраханскій Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Кречетниковъ, пріѣзжавшій около того времени въ Саратовъ, имѣлъ отъ Правительства предписаніе находиться здѣсь, для удержанія Пугачева отъ вторженія во ввѣренную ему Губернію; но считая свое пребываніе болѣе полезнымъ въ Астрахани, онъ возвратился туда, снабдивъ предварительно Саратовскаго Коменданта своими наставленіями и ввѣривъ ему полную власть надъ городомъ; но это распоряженіе его было чрезвычайно ошибочно (*). Имѣя хорошія свѣдѣнія въ военномъ искуствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ нося на себѣ санъ главнаго мѣстнаго Начальника, онъ однимъ присутствіемъ своимъ могъ бы одушевить войска и удерживать начальниковъ различныхъ командъ отъ несогласій, которыя вскорѣ не замедлили обнаружиться. Въ Саратовѣ былъ въ это время Комендантомъ, происходившій изъ древняго Греческаго рода Кондосъ-Колитьевыхъ, Полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, человѣкъ храбрый, но не обладавшій силою воли и настойчивостію. 19-аго Іюля туда прибыли Гвардіи Поручикъ Державинъ, отряженный по повелѣнію Императрицы Екатерины II-й, для воспрепятствованія Пугачеву пробраться на Иргизъ и Бригадиръ Лодыженскій, Главный Судія Конторы Опекунства Колонистовъ, человѣкъ, болѣе упрямый и гордый, чѣмъ вмѣщавшій въ себѣ истиныя достоинства государственнаго человѣка. Они объ-

(*) Мнѣніе Генералъ-Поручика Бекетова, бывшаго прежде Кречетникова Астраханскимъ Губернаторомъ, а въ то время уже Сенаторомъ.

щались, въ случаѣ справедливости слуховъ о Казани, присоединить свою команду къ гарнизону Бошняка, который разослалъ во всѣ подчиненныя ему мѣста предписанія о присылкѣ войскъ въ Саратовъ и просилъ у Губернатора позволенія взять подкрѣпленіе изъ Царицынской легкой полевой команды или изъ Дубовскихъ казаковъ, отправивъ Капитана Мосолова въ Казань развѣдать о дѣйствіяхъ Пугачева. Послѣ долгихъ совѣщаній между собою, Бошнякъ, Державинъ и Лодыженскій положили сдѣлать земляное укрѣпленіе около провіантскаго магазина, находившагося по теченію рѣки Волги ниже города, на что употребить жителей города, вмѣстѣ съ тѣмъ исправить артиллерійскія орудія, находившіяся въ небреженіи. Державинъ обѣщалъ дать 50 челов. Донскихъ казаковъ, для разъѣздовъ отъ Молыковской волости до села стараго Бураса, а въ случаѣ приближенія Пугачева присоединить всю свою команду къ гарнизону Саратовской крѣпости.

26 Іюля получено было извѣстіе отъ Капитана Мосолова, что Пугачевъ разбитъ подъ Казанью Михельсономъ; но каково же было удивленіе Бошняка, когда онъ узналъ вскорѣ послѣ того, что Пугачевъ отъ Алатыря только въ 50 верстахъ; но надѣясь, что Саратовъ въ безопасности, оставилъ дѣлать земляное укрѣпленіе.

Опасность впрочемъ была велика, потому что вездѣ было страшное волненіе. Донскіе казаки недоумѣвали къ чьей сторонѣ они должны были пристать.

Астраханскій Губернаторъ получилъ отъ Державина слѣдующее письмо:

Высокородный и Превосходительный Господинъ, Генералъ-Маіоръ, Кавалеръ и Астраханской Губерніи Губернаторъ

Милостивый Государь!

„Здѣсь вѣроятные до меня дошли слухи, что яко бы съ Дону Филоновской станицы Донской казакъ Моисей Ивановъ сынъ Ястребовъ пріѣзжалъ, для развѣдыванія, будучи посланъ отъ своихъ казаковъ, будто къ Полковнику Денисову, что подлинно Государь Петръ Федоровичъ живъ и онъ ли это, который воюетъ? и ежели-де онъ, то де и мы будемъ готовы. Но какъ сей посланный Ястребовъ, не доѣзжая Яика на стени, былъ встрѣченъ раскольничьимъ старцемъ Іовомъ, и будто увѣренъ, что то бунтовщикъ, а не Государь, то съ симъ извѣстіемъ будто возвратился на Донъ".

По этому случаю производимы были секретныя разъисканія, но какой результатъ отъ того послѣдовалъ, неизвѣстно.

На вѣрность Калмыковъ, обитавшихъ отъ Дона къ Каспійскому морю, также нельзя было вполнѣ полагаться.

Бошнякъ снова предположилъ начать сооруженіе укрѣпленія, но не тамъ уже, гдѣ находился Провіантскій магазинъ, а вокругъ всего города, возобновивъ старый валъ и окопавъ его глубокимъ рвомъ.

Подъ защитою этого вала онъ думалъ устроить полисады и батареи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставить рогатки; жители города и приступили къ этому съ охотою, но Державинъ и Лодыженскій были на это не согласны. Время, которое было въ этомъ случаѣ такъ дорого, проходило въ спорахъ. Лодыженскій предлагалъ сверхъ укрѣпленія при магазинѣ, сдѣлать другое — внутри города, но для этого, по мнѣнію Саратовскаго Коменданта, при защищеніи отъ непріятеля, необходимо было для успѣшнаго дѣйствія артиллеріи сломать дома жителей. Бошнякъ, уступая желанію Лодыженскаго сдѣлать укрѣпленіе при Конторскомъ магазинѣ, предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить хоть одно какое нибудь мѣсто предъ самымъ городомъ, которое снабдить достаточнымъ числомъ войскъ и артиллерійскихъ орудій, чтобы съ помощію его можно было отстоять городъ. Не смотря на эту уступчивость, Лодыженскій совершенно отрицалъ положенія Бошняка и рѣшительно отказалъ ему во вспоможеніи конторской команды и когда Бошнякъ напоминалъ ему объ ордерѣ Астраханскаго Губернатора, по которому вся мѣстная власть сосредоточивалась въ рукахъ Саратовскаго Коменданта, Лодыженскій сказалъ: „я читалъ, да не помню, да и контора у Губернатора не подъ властью“. Контора Опекунства Колонистовъ составила свое постановленіе, которое безъ вѣдома Коменданта подписали всѣ Офицеры Саратовскаго гарнизона.

Постановленіе это содержало въ себѣ слѣдующія положенія: сдѣлать укрѣпленіе при конторскомъ магазинѣ; и какъ Лодыженскій состоитъ въ чинѣ Бригадира и никакимъ образомъ у Саратовскаго Коменданта подъ начальствомъ быть не можетъ, то отказать Бошняку въ подчиненіи конторской команды; учредить разъѣзды передъ городомъ для узнанія о движеніяхъ мятежниковъ и по приближеніи ихъ выйдти къ нимъ на встрѣчу и стараться не допустить до города. Дабы непріятель не могъ воспользоваться судами, стоящими на Волгѣ передъ Саратовомъ, то въ случаѣ опасности затопить ихъ; для большей же безопасности сдѣлать на берегу батарею; находившійся тогда около казармъ артиллерійскій лагерь приблизить къ

городу и устроить на высокомъ мѣстѣ, чтобы удобнѣе можно было видѣть приближеніе непріятеля; по сдѣланіи укрѣпленія при магазинѣ перевести сюда колодниковъ изъ городскаго острога, а также вмѣстѣ съ тѣмъ помѣстить здѣсь и денежную казну, состоявшую въ вѣдомствѣ Воеводской Канцеляріи; вино же казенное, хранившееся въ подвалахъ, погрузя на суда, спустить по Волгѣ къ этому укрѣпленію. Бошнякъ настаивалъ на своемъ; а потому Державинъ и Лодыженскій выѣхали изъ города. Между тѣмъ извѣстія, одно другаго грознѣе, прилетали въ Саратовъ. Пугачевъ, устремившись отъ Казани на Цывильскъ, Ядринъ и Курмышъ и пройдя Симбирскую губернію, направилъ свой путь въ Пензенскую, ознаменовывая свой путь убійствами и грабежами и очутился вблизи Петровска, жители коего возмутились, а Воевода выѣхалъ, 15-го? оставивъ здѣсь 7 казенныхъ пушекъ и пудъ пороху. Державинъ, узнавши объ этомъ, рѣшился туда отправиться. „Вчерашняго числа, пишетъ онъ къ Кречетникову, взявъ я партію сто человѣкъ Донскихъ Казаковъ, поѣхалъ съ ними до города Петровска, чтобъ заклепать тамъ пушки и побросать снаряды въ воду, освободя тамъ находящихся командировъ. Недоѣхавъ до города верстъ 15-ть, встрѣтилъ я курьера, посланнаго отъ Его Высокородія Г. Коменданта, который мнѣ сказалъ, что злодѣй отъ Петровска въ 30-ти верстахъ и будетъ туда ночевать, я не взирая на сіе хотѣлъ предварить его въѣздъ въ Петровскъ, но какъ подъѣхалъ верстъ на 10-ть, то получилъ извѣстіе, что Пугачевъ въ городъ вступаетъ. Извѣстясь о семъ, хотѣлъ я воротиться, но бывшій со мною изъ иностранцевъ Г. Маіоръ Гогель, сдѣлалъ предпріимчивость, чтобъ не взирая на то, ѣхать въ Петровскъ и подлинно о злодѣяхъ провѣдать, такимъ образомъ, онъ поѣхавъ, деташировалъ отъ себя 4-хъ человѣкъ, кои не возвратились, а напослѣдокъ и вся моя сотенная команда взбунтовавши, ушла къ Пугачеву. Мы насилу жизнь спасли, а захваченъ мой гусаръ“. Въ тотъ же самый день Ассесоръ Пайкуль ѣхалъ съ 30-тью казаками въ Саратовъ. Казаки взбунтовавшись хотѣли отвести его къ Пугачеву, но тронувшись его слезами, отпустили его, а сами передались бунтовщику. *Измѣна была всеобщая.* 6-ого числа *посланъ былъ изъ Саратова* къ Петровску казакъ Тараринъ съ командою изъ 70 челов. для развѣданія о движеніяхъ мятежниковъ; на пути своемъ во 2-омъ часу по полудни, увидалъ онъ стремящіяся отъ Петровска толпы Пугачева. Казаки, находившіеся съ Тараринымъ, рѣшились передаться, и когда Тараринъ сталъ ихъ отъ того отговаривать, то они кинулись убить его, но онъ поскакалъ

отъ нихъ обратно къ Саратову. 10 человѣкъ пустились за нимъ въ погоню, изъ которыхъ двоихъ онъ убилъ дротикомъ, прочіе воротились къ Пугачеву. Явившись къ Коменданту, Тараринъ объявилъ о случившемся съ нимъ событіи и въ тотъ же день на закатѣ солнца Пугачевъ подступилъ къ Саратову. Началась перестрѣлка. Тараринъ съ двумя казаками проскакалъ между пушечными выстрѣлами къ Дмитріевску (Камышинъ) съ извѣщеніемъ о происшедшемъ.

По отъѣздѣ изъ Саратова Бригадира Лодыженскаго, взявшаго съ собою часть казны, дѣла и большую часть команды, у Бошняка осталось весьма незначительное количество войска, для защищенія города. Державинъ впрочемъ обѣщалъ прислать ему изъ Малыковки (Волгскъ) 500 человѣкъ крестьянъ и 6-го числа Августа явился къ нему Староста, который просилъ у Бошняка 4-хъ казаковъ для привода тѣхъ крестьянъ въ Саратовъ, но посланные съ этою цѣлію казаки привели ихъ прямо въ толпу мятежниковъ.

Пугачевъ остановился на Московской дорогѣ въ 3-хъ верстахъ отъ города. Бошнякъ, вооруженный нѣсколькими пушками, ожидалъ его съ своимъ гарнизономъ, подъ защитою начатаго имъ вала. Передовая толпа Пугачева начала приближаться къ городу, для отраженія которой, Саратовскій Комендантъ выслалъ казаковъ, приказавъ имъ захватить изъ нея языка, но казаки, подскакавъ къ мятежникамъ, не сдѣлали никакого нападенія, а стали съ ними разговаривать.

Въ это самое время Посадскіе города Саратова послали отъ себя Пугачеву тайно выбраннаго ими купца Кобякова, съ увѣреніемъ въ ихъ вѣрности и усердіи. Увидавши это, Бошнякъ велѣлъ выстрѣлить по собравшимся картечью, отъ чего они всѣ разсѣялись. Купецъ Протопоповъ, бывшій изъ числа главныхъ возмутителей, сталъ за это дерзко выговаривать Артилерійскому Маіору „Для чего стрѣляете? кричалъ онъ, развѣ не знаете, *что мы отправили отъ себя посланника для лучшаго совѣта*“. Чрезъ нѣсколько минутъ возвратился Кобяковъ съ возмутительнымъ письмомъ къ купцамъ, которые при этомъ всѣ его обступили.

Бошнякъ началъ ихъ укорять за измѣну, но купецъ Кобяковъ, вынувъ изъ за пазухи письмо, сказалъ, что онъ привезъ къ нему отъ Пугачева указъ; Бошнякъ вырвалъ его изъ рукъ возмутителя, изорвалъ и растопталъ ногами, за что купцы со всѣхъ сторонъ на него кричали. Въ этомъ письмѣ было обѣщано, что все купечество, бобыли и пахотные солдаты будутъ

защищены и пожалованы и отъ всѣхъ податей избавлены и всѣмъ будетъ дарована вольность, а Штабъ и Оберъ Офицеры и всѣ Дворяне будутъ повѣшены. Бошнякъ, убѣдившись въ измѣнническомъ намѣреніи гражданъ, велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пушки, но ему сказали, что замочена трубка и потому стрѣлять нельзя. Между тѣмъ Пугачевъ, проведенный жителями на Соколову гору, возвышающуюся надъ городомъ, поставилъ тамъ три батареи, съ которыхъ началъ осыпать ядрами укрѣпленіе. Послѣ трехъ выстрѣловъ все купечество и народъ, пришедшіе сюда, возвратились въ городъ, нѣкоторые же изъ купцовъ, бывшіе верхомъ и казаки уѣхали къ Пугачеву.

Шайка бунтовщиковъ, раздѣлившись на 4 толпы съ ужаснымъ крикомъ ринулась на укрѣпленіе Бошняка, который храбро отстрѣливался. Въ это время, находившійся при мортирѣ, Поручикъ Будановъ, которому приказано было пустить въ мятежниковъ бомбу, сдѣлалъ зарядъ весьма малый, такъ что бомба упала не далѣе пятидесяти саженъ. Бошнякъ приказалъ ему сдѣлать настоящій зарядъ, но Будановъ вмѣсто исполненія приказанія, заклепавъ мортиру гвоздемъ, бѣжалъ къ Пугачеву. Между тѣмъ мятежники производили сильную пушечную и ружейную пальбу; не смотря на то, Бошнякъ успѣлъ отбить у нихъ одну пушку.

Бунтовщики вновь выкопали батарею, поставили пушку и начали стрѣлять картечами и ядрами, однако и въ этомъ случаѣ были отбиты. Но вдругъ, чего Бошнякъ никакъ не могъ ожидать, фузелеръ съ нѣкоторыми офицерами и всѣ канонеры, взявъ съ собою фитили, изъ подъ пушекъ клинья и ружья, побѣжали чрезъ ровъ въ толпу Пугачева. Вскорѣ послѣ того баталіонный Командиръ Маіоръ Салмановъ, поклонившись Бошняку, сказалъ, что онъ идетъ къ Пугачеву и вмѣстѣ съ нѣсколькими подговоренными имъ солдатами ушелъ къ мятежнику. Бошнякъ, оставшись съ нѣсколькими офицерами и небольшимъ числомъ солдатъ, принужденъ былъ пробиваться сквозь толпы мятежниковъ къ Волгѣ, находящейся отъ того мѣста болѣе 6ти верстъ. Такимъ образомъ самъ едва спасшись, онъ отправилъ въ Астрахань съ Воеводскимъ Товарищемъ Телѣгинымъ и Подпоручикомъ Алексѣевымъ 51,185 р. 23 коп. казенныхъ денегъ и дѣла, которыя онъ успѣлъ забрать. Изъ числа войскъ, находившихся въ Саратовѣ, только 59 челов. остались вѣрными своему долгу, сопровождая Бошняка при отступленіи изъ крѣпости, а 114 чел. передались къ Пугачеву.

Лодыженскій, оправдываясь предъ Кречетниковымъ въ несогласіяхъ съ Бошнякомъ и отдавая должную справедливость его вѣрности и усердію къ

Престолу, не безъ основанія обвиняетъ его въ слабости, по которой онъ допустилъ жителямъ Саратова имѣть сношеніе съ мятежниками и чрезъ это далъ обнаружиться столькимъ измѣнамъ, которымъ онъ могъ бы воспрепятствовать, будучи болѣе строгимъ и настойчивымъ. Вѣрность Бошняка, какъ извѣстно, не осталась безъ награды. Императрица Екатерина II-я пожаловала ему въ послѣдствіи, за Пугачевское дѣло, 300 душъ Витебской Губерніи въ Себежскомъ уѣздѣ.

---

7 числа Пугачевъ въѣхалъ въ Саратовъ; толпы его расположились въ Улешахъ. (*) По въѣздѣ былъ онъ въ Соборной церкви и всѣ жители были приводимы къ присягѣ.

8 числа Пугачевъ съ 6-ю своими сообщниками подъѣхалъ къ Троицкой Соборной церкви, гдѣ хранилась денежная казна Опекунской Конторы и приказалъ Саратовскому пѣхотному солдату Якову Лапшину и отставному пятидесятнику Якову Уфимцеву накладывать деньги на воза, которые были вскорѣ нагружены и отвезены, послѣ чего по всему городу производимы были грабежи. Пугачевъ послалъ захватить стоявшее на Волгѣ съ денежною казною соляной конторы судно, которое было взято со всѣми бывшими въ немъ людьми. Ниже Саратова противъ Улешей онъ приказалъ этимъ несчастнымъ раздѣться и плыть чрезъ Волгу, а сообщникамъ своимъ велѣлъ по нимъ стрѣлять изъ ружей. Такимъ образомъ всѣ они были убиты.

9-го числа Пугачевъ со всѣми своими толпами вышелъ изъ города и пустился внизъ по берегу Волги къ Дмитріевску. Судно съ денежною казною послѣдовало за нимъ. Маіоръ Салмановъ былъ имъ произведенъ въ Полковники, а городъ оставленъ подъ смотрѣніе пятидесятнику Уфимцеву. По уходѣ его былъ въ Соборной церкви молебенъ со звономъ. Опустошеніе, произведенное Пугачевымъ въ Саратовѣ, простиралось на 163633 руб. ассиг., что при тогдашней дешевизнѣ вещей составляетъ огромную сумму.

Такимъ образомъ 1-ый оплотъ, ограждавшій Астраханскую Губернію, былъ порванъ. Всѣ прочія крѣпости, расположенныя по Волгѣ къ Астрахани, не представляли затруднительныхъ преградъ движеніямъ мятежниковъ, исключая Царицына, который былъ снабженъ въ достаточномъ количествѣ войсками и укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Дмитріевскъ, слѣдовавшій непосредственно за Саратовомъ, оставался почти безъ всякой защиты, имѣя весьма малое количество войска и будучи лишенъ укрѣпленій. Жители и

(*) Слобода близъ Саратова.

лучшее купечество, оставя свои дома, скрылись неизвѣстно куда, а самая чернь находилась въ волненіи и отъ нея ничего нельзя было ожидать, кромѣ измѣны. Поручикъ Дмитріевской командированный роты Волковъ, стоявшій въ Дмитріевской Николаевской слободѣ, также пропалъ безъ вѣсти. Шедшая же на помощь къ Саратову легкая полевая команда, не успѣвъ дойти до города, по причинѣ множества больныхъ и узнавъ о разграбленіи его, воротилась назадъ, но въ Дмитріевскѣ не осталась, не смотря на просьбы тамошняго Коменданта Меллина.

Верхнія станицы Волгскихъ казаковъ были готовы стать подъ знамя бунта. Казаки были не довольны частыми командировками, въ то время, когда ихъ собственныя жилища были въ опасности отъ нападенія Пугачева. Большая часть ихъ была расположена по низовымъ крѣпостямъ, находившіеся же въ станицахъ, не защищенныхъ никакими укрѣпленіями, были лишены даже орудій, отобранныхъ у нихъ для крѣпостей. Возвращавшійся въ Царицынъ отъ Саратова отрядъ, проходя чрезъ Дубовку, забралъ въ ней людей, лошадей, воловъ и сѣна, и причинилъ многія оскорбленія жителямъ, что еще болѣе усилило въ нихъ нерасположеніе къ соблюденію вѣрности. Царицынъ былъ послѣднимъ и важнѣйшимъ оплотомъ Астрахани, какъ потому, что онъ былъ хорошо укрѣпленъ такъ и потому, что сюда стекались всѣ находившіяся въ Губерніи военныя силы. Комендантомъ здѣсь былъ въ то время Полковникъ Цыплетевъ. По распоряженію Губернатора прибылъ сюда 10-го числа Князь Дундуковъ съ Калмыцкимъ войскомъ, который былъ назначенъ къ отправленію на помощь къ Дмитріевску. Главное Начальство надъ ними обоими было поручено Бошняку, который долженъ былъ совѣтоваться съ ожидаемымъ сюда на помощь Княземъ Багратіономъ, находившимся въ то время на Дону.

Въ помощь Дундукову, имѣвшему при себѣ, со взятыми имъ изъ Царицына, 7 орудій, былъ прикомандированъ Атаманъ Волгскаго войска Персидскій, при отрядѣ котораго находилось также два орудія. Разсматривая общую картину бѣдствій тогдашняго времени, утѣшительно видѣть въ эту пору Калмыцкаго Князя, столь высоко понимавшаго свои обязанности и хранившаго столь свято вѣрность къ Престолу, въ то время, когда большая часть его единоплеменниковъ была увлечена духомъ своеволія и даже, какъ мы видѣли, многіе изъ Русскихъ забывали свой долгъ. Онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ доблестными того времени защитниками Астрахан-

аго края, Бошнякомъ и Цыплетевымъ. Память о Дундуковѣ должна быть рагоцѣнна для его единоплеменниковъ, которымъ онъ можетъ служить прiѣромъ достойнымъ подражанія и которыхъ онъ долженъ составлять народную славу.

Не смотря на всѣ старанія мѣстнаго Начальства объ обезопасности рая, народъ въ Царицынѣ волновался. Жители старались избѣгать работъ, еобходимыхъ для укрѣпленія города, на которыя собиралось не болѣе 20 ли 30 челов., скрывали нужные матеріалы и отказывали въ снабженіи оманды лошадьми. Въ одномъ случаѣ наклонность къ возмущенію обнаружилась даже явно. Маіоръ Гревсъ, проходя въ сумерки обходомъ по Царицынской крѣпости, услыхалъ голосъ канонира, который громко говорилъ: „сколько работано ни будетъ, ни что не поможетъ, все достанется батюшкѣ Пугачеву", и когда Маіоръ подошелъ къ нему и хотѣлъ его взять подъ караулъ, онъ повторилъ свои слова, осыпавъ бранью его и Коменданта Цыплетева и сказалъ, „всѣ вы въ руки попадетесь", закричавъ при этомъ на помощь канониров. Пятеро изъ числа ихъ тотчасъ выбѣжали на крикъ и хотѣли его отбить, но Маіоръ Гревсъ, призвавъ солдатъ, успѣлъ захватить его и посадить подъ стражу. Это событіе показываетъ общее состояніе народнаго духа въ то время.

Мѣстное Начальство старалось слѣдующія отъ Царицына къ Астрахани крѣпости обезопасить по возможности отъ нападенія Пугачева. Комендантамъ Черноярскому и Енотаевскому предписано было приготовиться къ оборонѣ и стараться всѣми мѣрами не допустить Пугачева до переправы за Волгу, лодки и суда сжечь или отведя къ другому берегу затопить, а проѣзжающихъ съ верховья отдалять къ луговой сторонѣ Волги, не допуская ихъ власть въ руки мятежниковъ. Изъ Казачьихъ станицъ предположено было артиллерію и лодки взять въ города, оставя для необходимаго употребленія по двѣ въ каждой, а Казачьимъ Старшинамъ предписано было явиться въ Астрахань. Князь Тюмень долженъ былъ для конвоированія Губернатора прислать въ Астрахань достаточное число Калмыковъ, исправно вооруженныхъ, а въ улусахъ скотъ, на случай опасности, удалить въ Мочаги. Астраханскій Губернаторъ намѣренъ былъ также истребовать отъ Пристава при Туркменскихъ Татарахъ конвой, вмѣстѣ съ тѣмъ просить и Генерала Демедема объ откомандированіи достаточнаго числа войскъ. Самую Астрахань предположено было укрѣпить сколь возможно надежнѣе со стороны степи и Волги: развалившіяся по мѣстамъ крѣпостныя стѣны оградить палисадомъ

и сдѣлать на Болдинской косѣ и отъ нея къ городу сильныя батареи, а на Волгѣ, нѣсколько выше рѣки Болды, выставить брахтвахту изъ 3-хъ барокъ, снабженныхъ артиллеріею, для воспрепятствованія стремленію мятежниковъ и для того отрядить сюда всѣхъ Калмыковъ, Казаковъ и Татаръ и расположить ихъ по рѣкѣ Болдѣ. При этомъ укрѣпить также острогъ и каторжный дворъ, чтобъ не разбѣжались колодники.

Повсюду старались ободрить народъ вѣстію о счастливомъ заключеніи въ то время мира съ Турками.

Князь Дундуковъ отправился съ войскомъ изъ Царицына къ Дмитріевску, и будучи притомъ подкрѣпленъ Донскими Казаками, дошелъ 13-го числа до рѣчки Дубовки, полевая же команда его и пѣхота, по причинѣ тяжелаго хода артиллеріи, отстали. Въ Дубовкѣ онъ намѣренъ былъ истребовать отъ Атамана Персидскаго перемѣнныхъ лошадей, для подвоза орудій; самъ же Персидскій отказался отъ похода по болѣзни. 13-го числа Дмитріевскъ взятъ Пугачевымъ; Маіоръ Диць убитъ, и изъ офицеровъ спасся только одинъ. Дундуковъ, недоходя до Балыклейской станицы верстъ съ пять, увидалъ за станицею поднявшуюся пыль отъ конной толпы; изъ чего онъ заключилъ о приближеніи мятежниковъ, въ чемъ увѣрился отъ посланныхъ для изслѣдованія этого обстоятельства. Желая спасти отъ раззоренія, по крайней мѣрѣ, это селеніе, Дундуковъ откомандировалъ къ сей станицѣ Казаковъ и до 400 Калмыковъ, подъ командою Поручика Климова, но жители, вмѣсто того, чтобъ ихъ охотно принять, поставили 4 пушки на яру, къ которому примыкало селеніе и начали въ нихъ стрѣлять, по чему посланный отрядъ принужденъ былъ возвратиться назадъ.

Въ это время мятежники вошли въ станицу. Предупредить этого было невозможно потому, что тогда наступала уже ночь, а легкая полевая команда съ артиллеріею находилась позади верстахъ въ 15-ти; около же самой станицы онъ не могъ расположиться лагеремъ, по причинѣ тѣснаго мѣста; аттаковать станицу, стоящую на возвышенномъ мѣстѣ также было нельзя, по темнотѣ ночи и потому, что въ открытой со всѣхъ сторонъ степи, войско могло бы подвергнуться неожиданному нападенію. Князь Дундуковъ почелъ за лучшее отретироваться къ рѣчкѣ Пролейкѣ и перешедши на другую сторону, расположиться при ней на самой проѣзжей дорогѣ, разставя по всѣмъ окруженнымъ мѣстамъ и къ станицѣ караулы. Взятый въ плѣнъ казакъ Тумпнъ, объявилъ что къ Пугачеву представлялось уже

нѣсколько казаковъ съ изъявленіемъ готовности всего Волгскаго войска передаться ему.

На другой день Дундуковъ съ шайкою бунтовщиковъ имѣлъ довольно жаркое дѣло. Дербетевскіе Калмыки разбѣжались по первому выстрѣлу, полевая же команда и Донскіе Казаки стояли твердо, но не смотря на свое храброе сопротивленіе, должны были уступить превосходному числу мятежниковъ; Князь Дундуковъ принужденъ былъ ретироваться съ нѣсколькими казаками. Дубовскіе казаки, возвратившіеся съ мѣста сраженія въ свою станицу, принесли извѣстіе о пораженіи посланнаго противъ Пугачева отряда. Атаманъ Персидскій и всѣ казачьи Старшины были въ готовности къ отъѣзду и сидѣли уже на коняхъ. Услыхавъ о приближеніи Пугачева, они тотчасъ выѣхали изъ Дубовки. Съ дороги Персидскій прислалъ въ станицу Старшину Полякова, съ приказаніемъ защищать ее отъ нападенія Пугачева, который на другой день подступилъ къ ней со всею своею толпою. Священники, Старшины Поляковъ и Венеровскій и всѣ находившіеся въ станицѣ мужчины и женщины съ образами, съ хлѣбомъ и солью вышли изъ селенія на встрѣчу къ бунтовщику, цѣловали у него руку и называли своимъ Государемъ. Пугачевъ, не вступая въ Дубовку, остановился въ полуверстѣ отъ нея, на полѣ лагеремъ, и въ тотъ же день вечеромъ въѣзжалъ въ нее и пробывъ нѣсколько времени въ домѣ Полякова, воротился въ лагерь.

При въѣздѣ его въ станицу этотъ Старшина хотѣлъ было сдѣлать отпоръ и велѣлъ заряжать пушки, но стоявшіе при пороховомъ магазинѣ казаки не послушали его и не дали ему пороху. На другой день Поляковъ былъ взятъ подъ караулъ въ лагерь, гдѣ по приказанію Пугачева онъ былъ убитъ, а домъ его разграбленъ. Кромѣ этого разграблены мятежниками нѣсколько другихъ домовъ; продажа вина впрочемъ была запрещена и находимыя въ домахъ бочки съ виномъ и медомъ были тотчасъ разбиваемы. Пугачевъ назначилъ Венеровскаго Атаманомъ Волгскаго войска, приказавъ ему сдѣлать перепись Казачьяго войска и всѣхъ кромѣ старыхъ и малыхъ отрядить къ нему въ шайку, почему и было нѣсколько конныхъ и вооруженныхъ казаковъ отобрано имъ по этому случаю.

По свидѣтельству очевидцевъ лагерь Пугачева представлялъ совершенную смѣсь различныхъ племенъ и состояній. Здѣсь находились солдаты, Донскіе, Волжскіе и Яикскіе казаки, деревенскіе крестьяне, Малороссіяне, Татары, Чуваши, много было также иностранцевъ. Для привлеченія Кал-

мыковъ въ эту шайку, при Пугачевѣ находился Татарскій Мулла, который зналъ хорошо ихъ языкъ. Одинъ изъ Яикскихъ Старшинъ Чумаковъ, именованный отъ него Графомъ, былъ посланъ имъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ 3000 чел. въ Донскія станицы по рѣкамъ Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ, для склоненія тамошнихъ казаковъ къ поступленію къ нему въ шайку. Чумаковъ былъ уполномоченъ казнить непослушныхъ смертію. Пугачевъ помѣщался въ раскинутой среди лагеря зеленой офицерской палаткѣ, близъ которой стояли подъ знаменами часовые; невдалекѣ отъ нея стояла другая палатка, въ которой находился гаремъ Пугачева и сынъ его мальчикъ лѣтъ 10-ти. Такъ называемая мятежниками Военная Коллегія, которой былъ членомъ Яикскій старшина Иванъ Твороговъ, помѣщалась въ обозѣ. Для осмотра своей шайки Пугачевъ обыкновенно разъѣзжалъ верхомъ, въ сопровожденіи одного или двухъ вооруженныхъ людей; онъ былъ лѣтъ сорока, малаго роста, сухощавъ, лицомъ рябоватъ, смуглъ, съ темнорусыми на головѣ волосами, обстриженными по казачьи и съ черною небольшою бородою съ просѣдью, одѣтъ всегда въ казачье платье и говорилъ Донскимъ нарѣчіемъ. На третій день подступленія его къ Дубовкѣ, представлялись ему Дербетевскіе Калмыки; онъ вышелъ къ нимъ изъ палатки своей на берегъ Волги, гдѣ они стали предъ нимъ на колѣна. Въ этотъ самый день Пугачевъ пошелъ отъ Дубовки къ Царицыну и пройдя съ шайкою своею около 8 верстъ, остановился на Верхней Пичугѣ, гдѣ дарилъ Калмыковъ Нѣмецкими сукнами, взятыми въ Дубовкѣ изъ лавки Суздальскаго купца Ивана Григорьева. На другой день послѣ этого онъ раздавалъ Калмыкамъ мѣдныя деньги, полученныя съ судна, слѣдовавшаго за нимъ съ казною отъ Саратова. Отсюда Пугачевъ отправился далѣе и на Нижней Пичугѣ снова остановился для отдыха. Въ палаткѣ Пугачева началась попойка. Сидя въ кругу своихъ приближенныхъ, Пугачевъ велѣлъ Творогову призвать перешедшаго въ Дубовкѣ въ его шайку Казачьяго Сотника Горскаго и спросить у него: не знаетъ ли онъ Нѣмецкаго разговора и Русской грамотѣ и какихъ либо наукъ. По полученіи отъ него отрицательнаго отвѣта, Пугачевъ позволилъ ему, сложа оружіе войдти въ палатку. Здѣсь всѣ пили за здоровье Пугачева и жены его Устиньи Петровны, называя его своимъ Государемъ и кланяясь ему въ землю. Разсуждая съ своими собесѣдниками, онъ объяснялъ имъ планъ своихъ дѣйствій и сказалъ: „теперь я побываю къ Царицыну, а оттуда пойду на Донъ, а съ Дону въ Москву и тамъ всѣ хвосты головѣ поклонятся, почему и дѣло будетъ короче; мнѣ божественная книга говоритъ,

что я Москву возьму". Переночевавъ здѣсь, онъ продолжалъ свой путь къ Царицыну, куда была уже имъ отправлена артиллерія со старшиною Чумаковымъ, братомъ посланнаго имъ на Донъ.

Приближеніе Пугачева усилило замѣшательство въ Астрахани. Губернаторъ Кречетниковъ старался обезопасить городъ усиленіемъ войска, собирая изъ станицъ казаковъ и изъ степей Калмыковъ. На собранномъ имъ совѣтѣ положено было, чтобъ Астраханскій Губернаторъ на это время непремѣнно оставался въ Астрахани, такъ какъ въ ней находилось много разноплеменнаго народа, между которымъ, по его мнѣнію, трудно было удержать порядокъ. Рѣзкимъ письмомъ возразилъ на это распоряженіе, до него бывшій Астраханскимъ Губернаторомъ, Никита Афонасьевичъ Бекетовъ, находившійся въ то время въ Астрахани. „По предложенію моему, писалъ онъ, слышалъ я, что былъ у васъ совѣтъ, „который оконченъ третьяго дня, а мнѣ ничего до нынѣ знать не дано, „обстоятельства же Астраханской губерніи часъ отъ часу приходятъ въ „прежалостнѣйшее состояніе, которое терпѣть безъ потерянія чести и жизни „своей ни одинъ прямой сынъ отечества не можетъ; и для того я Ваше „Превосходительство прошу дать мнѣ губернскаго лѣкаря, да изъ легкой „команды при одномъ унтеръ-офицерѣ двухъ драгунъ и для меня съ ними „6 лошадей почтовыхъ до Царицына, куда сію минуту отправиться желаю, „слыша, что оттуда всѣ собираются сюда, наводя тѣмъ всемѣстное отчаяніе, „а государственному злодѣю съ сообщниками большое ободреніе, что грозитъ „намъ неизбѣжною погибелью и пр." Къ этому отъѣзду подстрекало Бекетова еще и то, что его имѣнія, находившіяся вблизи Царицына, подвергались въ этомъ случаѣ крайнему раззоренію. Впрочемъ изъ дѣлъ невидно, былъ ли онъ въ Царицынѣ; вѣроятно скорое стремленіе Пугачева отъ преслѣдованія Михельсона, не дало ему возможности исполнить своего намѣренія.

Духъ измѣны проникъ и въ самую глубь Калмыцкихъ степей. Дербетевскіе улусы хотѣли оставить свое кочевье и идти куда то за Донъ. Калмыки Икицохуровскаго улуса завидовали Дербетевскимъ, принятымъ такъ ласково Пугачевымъ и вмѣстѣ съ жителями улусовъ, принадлежащихъ младѣльцамъ Асарки и Маши, хотѣли присоединиться къ бунтовщикамъ. Послѣдняя надежда была на Царицынъ. Тамъ въ это время, вслѣдствіе извѣстій объ успѣхахъ самозванца, всеобщее уныніе было еще поразительнѣе,

чѣмъ въ Астрахани. Комендантъ Цыплетевъ едва могъ ободрить колеблющійся народъ обѣщаніемъ царской милости и уговорить солдатъ къ мужественной защитѣ. Часть Дербетевскихъ Калмыковъ, возвращаясь изъ похода съ Дундуковымъ, грабила форпостныхъ казаковъ, отнимала у нихъ лошадей и порохъ и проникла даже за Царицынскую линію, куда тамошніе жители отогнали свой скотъ; Калмыки били охранявшихъ свое имущество, а скотъ рѣзали. Пора было вырвать зло съ корнемъ. Атаманъ Волгскаго войска Персидскій успѣлъ прибыть въ Царицынъ съ нѣсколькими усердными старшинами и казаками предъ самымъ приходомъ Пугачева. Предъ близкимъ наступленіемъ рѣшительной минуты все ожило духомъ. Обыватели и купечество поочередно стояли на стѣнахъ, ожидая прибытія мятежниковъ. Царицынъ былъ съ 3-хъ сторонъ только защищенъ стѣнами и рвами, а со стороны Волги онъ былъ открытъ и потому здѣсь была устроена батарея. За линіею, тянувшеюся отъ него въ глубь степи, находились на стражѣ Донскіе казаки. Посланная Пугачевымъ впередъ артиллерія, подступивъ къ городу 21 числа, начала по немъ пальбу. Въ слѣдъ за этимъ подошедшій вскорѣ Пугачевъ часть конницы своей отправилъ противъ Донскихъ казаковъ. Въ крѣпости всѣ дѣйствовали единодушно, мятежники не могли нанесть вреда городу, все было скоро утушаемо, между тѣмъ какъ удачные выстрѣлы осажденныхъ сбили многія батареи; поставленная же на берегу Волги батарея, громила шедшія внизъ суда мятежниковъ. Въ полѣ казаки имѣли довольно жаркое дѣло, но не могли одержать верхъ по своей малочисленности. Не могши взять города, Пугачевъ отступилъ вдоль вала верстъ за десять отъ города. Здѣсь нѣсколько Донскихъ казаковъ перешло на его сторону, изъ коихъ старшинъ онъ допустилъ къ своей рукѣ. Переночевавъ на этомъ мѣстѣ, онъ на другой день снова подступилъ къ Царицыну, изъ котораго храбро отстрѣливались. Въ это самое время 70 человѣкъ Нѣжинскаго полку изъ корпуса Багратіона пришли въ Царицынъ и еще болѣе оживили защищающихся. Не имѣя надежды взять городъ, Пугачевъ рѣшился идти далѣе. Съ усиліемъ онъ долженъ былъ пробиваться черезъ валъ, гдѣ Донскіе казаки отбили у него часть обоза. Изъ города было видно, какъ шайка его тянулась по степи. Въ это самое время получено было извѣстіе отъ Полковника Михельсона, который настигалъ Пугачева и находился въ это время уже въ Дубовкѣ.

Скорое отраженіе мятежниковъ должно приписать неиначе какъ мужеству Коменданта Цыплетева и приближенію Михельсона, о движеніяхъ

котораго Пугачевъ зналъ. Мятежники, пройдя рѣчку Елшанку и деревни Бекетова, остановились близъ Сарептской колоніи. Это селеніе, начавшее существовать тому не болѣе 10 лѣтъ, много потерпѣло еще прежде отъ проходившихъ предъ Пугачевымъ Дербетевскихъ Калмыковъ, но когда Сарептяне узнали, что самъ Пугачевъ уже близъ Царицына, то нимало не медля, забравъ все что только можно было взять, 17 Августа отправили на 10 ловецкихъ лодкахъ по Волгѣ съ пожитками семейства свои, въ числѣ 110 челокѣкъ, а 60 человѣкъ братьевъ, оставшись на мѣстѣ и заваливъ тщательно остальное имущество въ погребахъ, выѣхали изъ Сарепты уже 21 числа. Пугачевъ отрядилъ толпу для преслѣдованія ихъ, но безъ успѣха. Мятежники принялись разрушать начатки хозяйства трудолюбивыхъ Сарептянъ. Чувствительный Нѣмецъ Данилъ Фикъ, Форштегеръ Сарептской колоніи, такъ описываетъ состояніе ея по уходѣ Пугачева: „Позорище нашей разоренной и разграбленной колоніи насъ жалостью и ужасомъ наполнило. Мы нашли столь многимъ трудомъ закрытые и заваленные погреба и выходы разломанными, ящики и сундуки пустыми и что съ собою увезти не можно было злѣйшимъ образомъ разорвано въ мелкія части, разбито и разбросано. Высыпанныя изъ перинъ перья покрывали все наше мѣстечко, окна всѣ выбиты, двери разколоты, печи разломаны и проч.“ Убытокъ причиненный мятежниками въ Сарептѣ простирался на 67545 рублей.

Отъ Сарептской колоніи Пугачевъ отправился ниже къ ватагѣ Царицынскаго купца Соленикова. Здѣсь онъ производилъ передавшихся ему подъ Царицыномъ Донскихъ Старшинъ въ Генералъ-Фельдмаршалы, въ Генералъ-Фельдцехмейстеры, въ Генералъ-Поручики, Кавалеры, Полковники и придворные чины, о чемъ читано было объявленіе при всѣхъ пожалованныхъ особахъ предъ палаткою Пугачева. Послѣ этого онъ, обратясь ко всей своей толпѣ сказалъ: „за нами идетъ непріятель и будетъ завтра работа, но у насъ есть 40 пушекъ и мы можемъ оборониться“. Почему и приказалъ старшинамъ быть въ готовности къ бою. Послѣ того читалъ вынесенное изъ палатки Пугачева учрежденіе, какъ ходить въ походѣ полкамъ, артиллеріи и обозу. На разсвѣтѣ настигшій Пугачева Михельсонъ не медля напалъ на него. Съ обѣихъ сторонъ началась сильная пушечная пальба. Пугачевъ приказалъ своему обозу спѣшить впередъ, но недалѣе трехъ верстъ обозъ былъ отбитъ, артиллерія была взята на мѣстѣ, а остальные воза и лошади были настигнуты въ пяти верстахъ отъ мѣста побоища. Пальба продолжалась

неболѣе четверти часа. Все бѣжало. Напрасно Пугачевъ бѣгалъ среди разсѣянной толпы своей, стараясь ободрить бѣгущихъ и крича: дѣтушки постойте! его неслушали и наконецъ онъ самъ увидѣлъ необходимость спасаться бѣгствомъ. 30 верстъ гнались за нимъ солдаты Михельсона до рѣки Вязовки, гдѣ Пугачевъ спустился подъ яръ въ лощину къ рѣкѣ Волгѣ. Здѣсь онъ спросилъ бѣгущихъ съ нимъ Старшинъ: много ли васъ собралось, не будетъ ли съ тысячу? Ему отвѣчали, что едва наберется и до 600. „Куда жъ намъ лучше ѣхать, нельзя ли проѣхать въ Моздокъ?“ Яикскіе старшины вызвались проводить его за Волгу на луговую сторону и по ней дойдти до Краснаго Яра, гдѣ по ватагамъ они могли достать себѣ хлѣба, котораго у нихъ неосталось, также какъ и оружія, побросаннаго въ бѣгствѣ. Пугачевъ сказалъ: у меня есть въ Персіи знакомые Ханы, жаль, что они теперь растерялись. Яикскіе старшины хотѣли провесть его туда Туркменскимъ кряжемъ. Не добѣжавъ до Чернаго Яра верстъ 17-ти, Пугачевъ спустился въ луга и переправился за Волгу. Здѣсь прекращаются дѣйствія Пугачева, какъ опаснаго государственнаго бунтовщика; за Волгою онъ является только бродягою, скрывающимся отъ преслѣдованія Правительства. Извѣстно, что его выдали сами же сообщники Коменданту въ Яикѣ, гдѣ онъ былъ представленъ Суворову, который былъ посланъ для преслѣдованія Пугачева.

Этимъ я заключаю составленное мною описаніе нашествія Пугачева на здѣшній край. Живо чувствую всѣ недостатки моей статьи, писанной въ немногіе часы досуга, безъ опытности въ подобныхъ трудахъ, безъ ученыхъ пособій, необходимыхъ въ этомъ случаѣ, статьи, извлеченной единственно изъ дѣлъ, относящихся къ этой эпохѣ. Самое назначеніе ея для Губернскихъ Вѣдомостей заставляло меня ограничиваться подробностями, относящимися единственно до мѣстности. Впрочемъ эти занятія доставили мнѣ много наслажденія и я благословляю случай, наведшій меня на предметъ, которымъ занимался съ такою любовію Пушкинъ. Не даромъ онъ остановилъ свое вниманіе на этой эпохѣ, въ которую всѣ предразсудки старой Руси, послѣ страшной кровавой борьбы, уступили мѣсто уже установившемуся новому порядку вещей. Сколько свѣтлыхъ именъ блеститъ на страницахъ мрачной Исторіи Пугачевскаго бунта! Бибиковъ, Панинъ, Михельсонъ, Державинъ, Суворовъ. Лица, составлявшія украшеніе минувшаго вѣка, были противопоставлены Пугачеву, какой то грозной тѣни. И этотъ злодѣй, у котораго достало дерзости въ вѣкъ распространявшагося просвѣщенія назваться Рус-

кимъ Императоромъ, воодушевляемый какою то неестественною злобою противъ человѣчества, лившій кровь какъ воду, по совершеніи кровавой драмы, когда интересы старины перестали его поддерживать и страшная роль его окончилась, явился жалкимъ трусомъ, просилъ пощады, которой невозможно было ему дать. „Прости народъ православный, въ чемъ согрубилъ я предъ тобою“ говорилъ онъ къ народу предъ началомъ казни. (*) Она совершилась въ Москвѣ, предъ лицомъ собравшейся черни, которая не задолго предъ тѣмъ ждала его, какъ своего избавителя.

Иванъ Михайловъ.

(*) См. Исторію Пугачевскаго бунта Пушкина.

ОПИСАНІЕ КОЛЫ и АСТРАХАНИ.

Соч. Н. Озерецковскаго.

Озерецковскій (Николай Яковлевичъ),—академикъ естественной исторіи въ Императорской Академіи Наукъ, членъ многихъ россійскихъ и иностранныхъ обществъ, родился въ 1750 году. Окончивъ курсъ въ с.-петербургской академической гимназіи, онъ обучался въ страссбургскомъ и лейденскомъ ун—хъ и въ 1785 г. получилъ званіе академика, которое занималъ болѣе 40 лѣтъ съ отличіемъ, никогда не покидая Петербурга. Съ 1775 по 1793 г. онъ издалъ, по порученію начальства: Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ въ 10 томахъ; съ 1803 по 1818 г. редактировалъ оффиціальное періодическое изданіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія; въ Словарѣ рос. академіи составилъ изъясненіе медицинскихъ словъ. Озерецковскій участвовалъ также въ переводѣ Естественной Исторіи Бюффона, перевелъ Ноеля Всеобщую исторію о звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ, древнихъ и новѣйшихъ, въ моряхъ и рѣкахъ обоихъ материковъ (изд. 1817 г.), описалъ путешествія свои по озерамъ Ладожскому, Онежскому и Селигеру. Умеръ 28 Февраля 1827 г.

Сочиненіе „Описаніе Колы и Астрахани“, изданное въ 1804 г., посвящено Озерецковскимъ Императору Александру Павловичу, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Прозорливостію Вашего Императорскаго Величества разпространились нынѣ промыслы на Сѣверномъ Окіанѣ и на Каспійскомъ морѣ, о которыхъ давно уже писалъ я въ Историческихъ Мѣсяцословахъ. Свѣденія въ нихъ мною сообщенныя не столько нужны были тогда, какъ я оныя писалъ, сколько полезны быть могутъ въ нынѣшнее время, когда и льдистый Окіанъ для всѣхъ Россіянъ очистился, и Хвалынское море для промышленниковъ открылось. По тому, малую сію книжку, великихъ трудовъ путешествовавшему сочинителю стоившую, посвящая Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше прошу удостоить оную Своего воззрѣнія“.

Содержащееся въ этомъ сочиненіи описаніе Астрахани за 1783 годъ помѣщается нами сполна.

Описаніе Астрахани.

Всѣмъ извѣстно, что Астрахань лежитъ въ весьма теплой сторонѣ Россійскаго государства, и что она есть очень привольное для жителей мѣсто какъ по климату, такъ и по близости своей ко Хвалынскому морю, изобильнѣйшему изъ морей великими рыбами, которыми пользуется оттуды большая часть Россійской Имперіи. Многимъ не безъизвѣстны выгоды, которыя приносить можетъ Астрахани наиудобнѣйшее по Каспійскому морю сообщеніе съ Азіатскими государствами, какъ то, Персіею, Хивою, Бухаріею и пр. съ которыми производить торговлю гораздо способнѣе Астраханцамъ, нежели всякаго другаго Россійскаго города жителямъ. Всякъ такъ же знаетъ, что Астрахань лежитъ при Волгѣ, знатнѣйшей изъ всѣхъ Россійскихъ рѣкъ, которая протекая самымъ, такъ сказать, сердцемъ Россійскаго государства,

доставляетъ Астрахани, послѣднему къ устьямъ ея городу, изъ всѣхъ верьховыхъ городовъ и уѣздовъ всякаго роду продукты, которыми не только сама Астрахань довольствуется, но еще отсылаетъ ихъ къ Азіатскимъ онымъ народамъ, и вымѣниваетъ у нихъ свойственныя тѣмъ странамъ произведенія; однимъ словомъ, Астрахань имѣетъ такое выгодное положеніе, котораго въ Россіи не только лучше сыскать не можно, но нѣтъ ему и подобнаго. По чему всякъ имѣетъ причину себѣ воображать, что городъ сей долженъ быть весьма богатъ и великолѣпенъ. Таковой бы дѣйствительно надлежало быть Астрахани; но какова она въ самой вещи есть, усмотрѣно будетъ изъ слѣдующаго описанія.

Не все то, что приятно кажется глазамъ, бываетъ въ самой вещи хорошо. Астрахань лежитъ на луговой сторонѣ Волги, и когда въ лѣтнюю пору, при ясной погодѣ, смотришь на нее черезъ Волгу съ нагорной стороны, то она кажется очень красива, особливо такому зрителю, которой въ перьвой разъ ее видитъ, и сравниваетъ съ какими нибудь уѣздными Россійскими городами. Глаза его прельщаются пестротою церквей, башенъ, домовъ, садовъ и вообще новымъ для него видомъ пространнаго сего города; но когда самой сей зритель переправится черезъ Волгу къ городу, и вступитъ въ его улицы, то вдругъ теряетъ приятную оную о городѣ мечту, и не находитъ больше никакихъ слѣдовъ той красоты, которою прельщался онъ будучи на нагорной сторонѣ, какъ будто бы она тамъ и осталась. Лучшее мѣсто въ городѣ есть высокой и длинной бугоръ, отъ Волги внутрь земли простирающійся, на которомъ находится Кремль и Бѣлой городъ, раздѣленные между собою кирпичными стѣнами, которые дѣланы еще при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ, спустя 78 лѣтъ отъ покоренія Астрахани подъ Россійскую державу, которое, какъ извѣстно, въ 7061 году возпослѣдовало. По такой древности оныхъ стѣнъ, всякъ удобно можетъ судить о теперешней ихъ ветхости. На бугрѣ ономъ противъ Волги во первыхъ лежитъ Кремль, котораго окружность 945, длина 225, ширина 175 саженей. Въ него сдѣланы четверы вороты: одни изъ нихъ подъ красною башнею со стороны Волги, откуды никто никогда въ нихъ не ѣздитъ, и они спокойно стоятъ заперты; другіе были на другомъ концѣ Кремля въ Бѣлой городъ подъ соборною колокольнею, но какъ колокольня сія угрожала уже своимъ паденіемъ, то ее въ 1770 году сломали, и разрывъ вороты оставили для въѣзда въ Кремль безобразной проломъ; третьи и четвертыя вороты находятся по сторонамъ Кремля; отъ сѣверной стороны

называются Никольскими, по церквѣ Николая Чудотворца, которая надъ ними сдѣлана; отъ полуденной стороны слывутъ житными, по находящемуся на оной сторонѣ житному двору.

Бѣлой городъ простирается отъ Кремля по тому же бугру, при началѣ котораго Кремль находится. Длина его 435, ширина 240, окружность 1185 саженей. Полуденная стѣна сего города совсемъ развалилась, и сіе мѣсто загорожено теперь тыномъ; съ другихъ же сторонъ стѣны хотя еще несовершенно разрушились, однако въ премногихъ мѣстахъ столько повредились, что представляютъ больше древніе остатки разореннаго нежели обитаемаго теперь жительства. Въ семъ городѣ шестеры вороты; а именно 1) Гарянскія, 2) Староисадныя, 3) Спаскія, 4) Вознесенскія, 5) Решетошныя, 6) Мочаговскія. Нѣкоторыя изъ нихъ въ зимнія оттепели и въ осеннюю пору наполнены бываютъ водою и грязью; по тому для пѣшеходцевъ наметано въ нихъ множество вывалившагося изъ стѣнъ кирпича, по которому и въ каретахъ ѣздить необходимо должно съ безпокойствомъ и съ опасностію.

Что примѣчанія достойнаго въ городскихъ оныхъ стѣнахъ заключается, о томъ буду я говорить послѣ, дабы не отдалиться теперь отъ главнаго расписанія всей вообще Астрахани, которое по тому продолжаю. Съ сѣверной стороны Кремля и Бѣлаго города текущая изъ Волги рѣка Кутумова отдѣляетъ отъ вышеобъявленныхъ стѣнъ небольшое предмѣстіе, бѣдно выстроенное, которое больше въ длину, нежели въ ширину по лѣвому берегу рѣки Кутумовой простирается. На южной же сторонѣ обоихъ городовъ и по правому берегу рѣки Кутумовой, отъ конца Бѣлаго города, поселена большая часть гражданъ; и сіе предмѣстіе по срединѣ раздѣлено каналомъ, изъ Волги въ рѣку Кутумову проведеннымъ, которой длиною въ двѣ версты во 150 саженъ; шириною же въ 15 саженъ. Ровъ сей начали копать еще въ 1744 году для осушенія солончака, въ томъ предмѣстіи находящагося, и для приюту мелкимъ судамъ во время сильнаго волненія рѣки Волги; но онъ и по сіе время совершенно не отдѣланъ, да и отдѣлывать его больше не помышляютъ; а причиною сему приводятъ то, что на отдѣлку онаго канала не опредѣлено казенныхъ денегъ.

Низкое мѣсто, на которомъ лежитъ вышеупомянутое предмѣстіе, во время разлитія Волги подвержено бываетъ наводненію; по тому для удержанія воды въ каналѣ и другихъ протокахъ, сдѣланы по берегамъ земляные валы вышиною въ два, а шириною въ пять аршинъ. Преграды сіи, какъ я уже сказалъ, полезны бываютъ только во время разлитія Волги;

но низкость мѣста, которое защищаютъ они отъ стремленія рѣчной воды, весьма способна къ принятію и содержанію воздушныхъ мокротъ въ осеннюю и зимнюю пору; по чему Астрахань въ сіи времена года преисполнена бываетъ грязи, и величайшія въ самыхъ улицахъ стоятъ лужи, которыхъ часто миновать не можно, и необходимо надобно купать въ нихъ лошадей и марать всю сбрую. Утаить не можно, что во всей Астрахани нѣтъ почти ни одной улицы хорошо вымощенной, хотя за нѣсколько лѣтъ ежегодно собирается съ жителей по пяти тысячь рублей, которые извѣстны тамъ подъ именемъ квадратныхъ денегъ, и которые единственно на поправку города употребляемы быть должны.

Съ полуденной стороны между Кремлемъ и каналомъ возлѣ самой Волги находится Адмиралтейство. За каналомъ расположены Татарскія и Армянскія слободы и солдатскія казармы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ канала къ самой Волгѣ прилежитъ слобода Безродная, получившая сіе названіе отъ поселенныхъ тутъ жителей, которые, приходя изъ разныхъ мѣстъ въ Астрахань, объявляли себя безродными, и по тому только принимались въ число жителей, хотя изъ нихъ нѣтъ можетъ быть ни одного безроднаго, а всѣ истинные бѣглецы. Такихъ точно бродягъ поселено теперь болѣе семи тысячь человѣкъ обоего полу при казенномъ шелковомъ заводѣ, которой на луговой сторонѣ Волги близь Царицына при рѣкѣ Ахтубѣ находится. Правитель онаго завода съ распростертыми руками принимаетъ къ себѣ всѣхъ не помнящихъ родства, подъ тѣмъ видомъ, что они надобны для шелковаго завода, на которомъ пуда три или четыре въ годъ шелку приготовляется изъ привозныхъ яичекъ, за которыми каждой годъ ѣздитъ въ Кизляръ одинъ изъ разведшихся при шелковомъ заводѣ офицеровъ, и привезенныя изъ Кизляра яички выводятся на Ахтубинскомъ заводѣ весьма съ бѣднымъ успѣхомъ, такъ что въ прошломъ 1782 году вылупившіеся изъ яичекъ шелковые червячки всѣ тамъ позябли, и шелку ни волоса въ оное лѣто не получено. Ежели то правда, что правитель завода умѣетъ посредствомъ льда, снѣга и холодной воды дѣлать свой шелкъ отмѣннымъ, и ежели съ завода сего шелкъ присылается сюды нарочито хорошъ и въ большемъ количествѣ, нежели какое я означилъ; то весьма сомнительно, что оной шелкъ родился на Ахтубинскомъ заводѣ; а больше нежели вѣроятно, что онъ урожденецъ другихъ теплѣйшихъ мѣстъ, какъ то: Кизляра и Астрахани: въ чемъ увѣряютъ самые сихъ городовъ жители. Выгоды, какіе Директоръ онаго завода, сверьхъ своего жалованья, получаетъ отъ семи

тысячь оныхъ поселенцовъ, безъ сомнѣнія заставляютъ его поддерживать хорошее о семъ заводѣ мнѣніе высшихъ начальниковъ всевозможными способами; хотя уже изъ опытовъ давно извѣстно, что мѣсто сіе для шелковаго завода совсемъ неспособно по причинѣ неумѣренности воздуха, и что толикому числу народа причисляться къ заводу и чрезъ то избавляться отъ рекрутскихъ наборовъ нѣтъ никакой причины. На сіе можетъ быть скажутъ, что бѣглецы оные, прежде безполезно скитавшіеся, по крайней мѣрѣ платятъ теперь подушной оброкъ, (всѣ ли платятъ?) и слѣдовательно какую нибудь пользу государству приносятъ; но награждаетъ ли сія польза ту разстройку, которую бѣгствомъ своимъ причиняютъ они въ природныхъ своихъ жительствахъ, оставляю сіе на судъ безпристрастію.

Съ бѣглецами далеко ушелъ я отъ Астрахани; но въ нее ушельцовъ принимаютъ, по тому можно смѣло туды возвратиться. Далѣе за Безродною слободою близъ Волги лежитъ Татарское селеніе Царево, при рѣкѣ Царевой, которая вытекаетъ изъ Волги; но селеніе сіе столько уже отдаленно, что къ частямъ города не причисляется. Окружность описанныхъ доселѣ предмѣстій питаетъ множество виноградныхъ садовъ казенныхъ и обывательскихъ. Первыхъ сказываютъ числомъ двадцать одинъ, а другихъ сто четырнадцать. Положеніе всей Астрахани ясно видѣть можно на планѣ сего города, которой любопытные люди въ книжной лавкѣ Академіи Наукъ получить могутъ; по тому я въ подробное описаніе всѣхъ частей города входить нужды не имѣю, а приступлю теперь къ показанію того, что въ Кремлѣ и въ Бѣломъ городѣ примѣчательно быть кажется.

Въ Кремлѣ лучшія зданія суть соборная церковь и архіерейскій домъ. Церковь построена въ 1602 году; но въ 1698 Астраханской Митрополитъ Самсонъ приказалъ ее разобрать и вновь перестроить такъ какъ она теперь есть. Сія перестройка окончена въ 1710 году, въ которомъ церковь и освящена Августа 14 дня. Она раздѣлена на два храма, верхней и нижней. Въ верхнемъ нервенствуетъ образъ успенія Богоматери, а въ нижнемъ Владимирскія Богородицы, которымъ оба сіи храмы посвящены, съ убавкою отъ нижняго храма одного придѣла для двоихъ святителей *Аѳанасія и Кирилла. Въ нижнемъ храмѣ богослуженіе отправляется зимою,* а въ верьхнемъ лѣтомъ. При семъ послѣднемъ въ ризницѣ хранятся архіерейскія церковныя одежды, панагіи, кресты и другіе уборы. Изъ драгоцѣнныхъ вещей видѣлъ я тутъ три; а именно, большое Евангеліе цвѣтными камнями богато унизанное, престольную чашу до половины золотую съ серебре-

нымъ позолоченымъ подножіемъ, и превеликую серебреную купель. Нѣкоторыя изъ Архіерейскихъ одеждъ сдѣланы усердными къ церьквѣ гражданами изъ собственнаго ихъ достатка: въ чемъ оказалъ такъ же свою ревность бывшій Астраханскій Оберъ-Коммендантъ Василій Васильевичъ Левинъ, которой остальные дни своей жизни препровождаетъ теперь въ одной пустынѣ въ 7 верстахъ отъ Астрахани. При всемъ томъ ризница сія не столько богата, какъ многія другія епархіальныя хранилища. Прежніе Астраханскіе Епископы, Архіепископы и Митрополиты, которыхъ до нынѣшняго Преосвященнаго Антонія было пятнадцать, не имѣли, какъ видно, довольнаго попеченія о великолѣпіи въ храмѣ Божіемъ ихъ сану приличномъ, и всѣ вмѣстѣ не сдѣлали столько хорошаго, сколько произвелъ въ короткое время нынѣшній Преосвященный Антоній, пастырь знаніями, усердіемъ къ церьквѣ и человѣколюбіемъ отмѣнитый. Онъ кротостію и благоразуміемъ вывелъ изъ церьковниковъ своей Епархіи грубое невѣжество, въ которомъ они чрезъ многіе годы въ отдаленныхъ тамошнихъ странахъ закоснѣвали; онъ завелъ въ Астрахани духовное училище или семинарію, которую открылъ 1777 года въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Александра Павловича, и посвятилъ ее дню сему (а); онъ великолѣпно выстроилъ архіерейской домъ, мѣста въ длину на 31 сажень занимающій, на перестройку котораго пожаловано ему было отъ Всемилостивѣйшей Государыни десять тысячь рублей; онъ возобновилъ обветшавшую тамошнюю ризницу; но сколько сдѣлалъ онъ другаго добра въ своей епархіи, то разсыпано по великому пространству мѣстъ, и только по причинѣ одной отдаленности здѣсь не извѣстно. Желать по истиннѣ надобно, чтобъ больше у насъ было такихъ Антоніевъ, каковъ сей Астраханскій и другой Казанскій, которые дѣйствительно великую дѣлаютъ честь Россійскому духовенству.

И такъ лучшія зданія въ Кремлѣ соборная церьковь и архіерейской домъ, при которомъ крестовая каменная церьковь во имя Нерукотвореннаго Спаса освящена въ 1709 году Августа 14 дня. Прочія зданія въ Кремлѣ каменныя: Троицкой монастырь, Губернская канцелярія и Консисторія при домѣ Архіерейскомъ; деревянныя: ветхой губернаторской домъ, которой

(а) На содержаніе семинаріи дается изъ казны по двѣ тысячи рублей въ годъ. Въ ней учениковъ болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ девятеро Осетинцовъ, которые изъ Кавказскихъ горъ выѣзжаютъ къ намъ въ Моздокъ, гдѣ учрежденная для обращенія язычниковъ въ христіанство духовная коммисія приводитъ ихъ въ нашу святую вѣру.

тоитъ пустъ, коммисія военнаго суда и провіантская канцелярія, два пороховыхъ погреба, шесть цейггаузовъ, три погреба винныхъ, два лубяныхъ провіантскихъ магазина, кои находятся на житномъ дворѣ. О Троицкомъ монастырѣ замѣтить здѣсь надобно, что онъ былъ монастырь, но больше не есть. Въ немъ учатся теперь гарнизонные, артиллерійскіе и инженерные школьники; а духовные ученики или семинаристы обучаются и живутъ внѣ Кремля въ наемномъ домѣ. Въ ономъ монастырѣ помѣщены такъ же Коммерческой банкъ, школьное правленіе и нѣкоторые церковно-служители; а изъ крѣпкихъ кладовыхъ палатъ сего монастыря иныя заняты рентереями разныхъ присутственныхъ мѣстъ, а другія отдаются въ наемъ въ пользу школьнаго онаго правленія, которое доходы съ нихъ собираетъ (b). Все сіе помѣщено въ Троицкомъ монастырѣ только на время; а по плану опредѣленъ онъ для городовой школы и типографіи, но непрежде какъ когда будетъ перестроенъ. Въ немъ церковь живоначальныя Троицы построена въ 7110, а освящена въ 7111 году, Сентября 13 дня, при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ. Къ сей церквѣ пристроенъ теплой придѣлъ во имя Введенія Богоматери, которому основаніе положено въ 7114 лѣто, а совершенъ онъ 7128 году.

Въ Бѣломъ городѣ кромѣ обывательскихъ домовъ, коихъ во всей Астрахани каменныхъ 40, деревянныхъ 3773, публичныя и казенныя каменныя зданія суть слѣдующія: Спасопреображенской мужеской монастырь втораго класса, пять приходскихъ церквей, три гостиныхъ двора, Руской, Армянской, и Индійской; первой о 75, второй о 74, третій о 78 лавкахъ; домъ вѣдомства виноградной садовой конторы съ лавками и погребами; питейной домъ съ выходомъ; двѣ богадѣльни и одинъ курень для печенія хлѣбовъ и калачей.

Оставя домъ садовой конторы съ его лавками и погребами, оставя богадѣльни и курени, стану я говорить о гостиныхъ дворахъ, и начну съ Рускаго. Въ немъ продаются шелковые, бумажные и шерстяные разныхъ видовъ товары, сукна, желѣзо, чугунная посуда и пр. Торгъ каждаго дня начинается тамъ съ вечеренъ, по причинѣ великихъ лѣтнихъ жаровъ, которые днемъ бываютъ несносны; но чрезъ то самое жители сдѣлали привычку,

(b) Школьное правленіе имѣетъ много другихъ доходовъ отъ торгу, отъ рыбной ловли и отъ приписныхъ къ нему мѣстъ, которыя также въ наемъ отдаются. Но сколько всей суммы ежегодно оно собираетъ и куды сумма сія идетъ, мнѣ не извѣстно. Я только замѣчу, что отъ сего правленія успѣховъ въ ученьѣ никакихъ въ Астраханѣ не видно.

что и въ зимнее время собираются на торжище подъ вечеръ. Въ лавкахъ гостинаго Рускаго двора торгуютъ не Астраханцы, а иногородные купцы. Главною причиною, для которой не сидятъ въ лавкахъ Астраханскіе купцы, суть рыбные ихъ промыслы, которые столь велики и прибыточны, что заставляютъ ихъ пренебрегать лавочнымъ торгомъ. Они не только владѣютъ изобильнѣйшими рыбою водами, но еще имѣютъ приписныхъ къ себѣ крестьянъ или переведенцовъ, которыхъ число простирается теперь до 450 человѣкъ. Люди сіи изъ давнаго времени, выключая прибылыхъ, поселены были при учугахъ (c), при которыхъ и по нынѣ остались. Учуги принадлежали прежде Патріархамъ, Архіереямъ и Татарамъ, но въ 1704 году по Указу Государя Петра Перьваго взяты они были въ казенное вѣдомство, и состояли въ ономъ по 1762 годъ, въ которомъ Іюля 31 дня Именнымъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Указомъ какъ учуги, такъ и всѣ тамошнія воды пожалованы Астраханскому Россійскому купечеству, и упомянутые переведенцы оставлены при учугахъ на купеческомъ содержаніи.

Прежніе казенные четыре учуга были на другихъ мѣстахъ, нежели на какихъ нынѣшніе находятся. Перемѣна сія сдѣлана по тому, что у прежнихъ протоковъ горловины засыпались пескомъ, и прибылая вода очень широко въ нихъ разливалась. Они были на слѣдующихъ рѣкахъ: первой на рѣкѣ Бѣлой, названіемъ Бѣльской, второй на рѣкѣ Бирюлѣ, Бирюльской; третій на Волгѣ, Урусторской; четвертой на рѣкѣ Басагрѣ, Басагринской.

Нынѣшніе учуги суть слѣдующіе: первой Чеганской, на рѣкѣ Чеганѣ отъ Астрахани въ 23 верстахъ; при немъ деревянная церковь во имя Великомученицы Екатерины; дворовъ церковнослужительскихъ 4, мѣщанскихъ 6, переведенческихъ купеческаго вѣдомства 22, переведенческихъ вѣдомства школьнаго правленія 13, служительскихъ Архіерейскаго дому 9 и казенной питейной домъ.

Второй Камызяцкой на рѣкѣ Камызякѣ, впадающей въ Каспійское море, отъ Астрахани въ 30 верстахъ; при немъ деревянная церковь Смоленскія Богородицы съ придѣломъ для Николая Чудотворца; переведенческихъ дворовъ купеческаго вѣдомства 40, вѣдомства школьнаго правленія 12, мѣщанскихъ 10 и казенной питейной домъ.

(c) Учуги суть крѣпкіе и плотные заборы, сдѣланные въ глубокихъ рѣкахъ, на которыя Волга при устьяхъ раздѣляется. Сквозь нихъ никакая крупная рыба пройти не можетъ, а заходитъ въ сдѣланную по срединѣ учуга избу, гдѣ ее багрятъ.

Третій Уваринской на рѣкѣ Уварахъ, впадающій въ Каспійское море, отъ Астрахани въ 35 верстахъ; при немъ деревянная церьковь Казанскія Богородицы, церковничьихъ дворовъ 5, переведенческихъ купеческаго вѣдомства 26, вѣдомства школьнаго правленія 11, разночинческихъ 17 и казенной питейной домъ.

Четвертой Иванчужской, въ 30 верстахъ отъ Астрахани, называемой такъ по рѣкѣ Иванчугѣ, при которой селеніе находится; а самой учугъ или учужная забойка забрана въ трехъ верстахъ отъ селенія на рѣкѣ Канычѣ, которая проходитъ въ море. Въ оном селеніи церьковь Живоначальныя Троицы, церьковнослужительскихъ домовъ 4, мѣщанскихъ 3, разночинческихъ 3, переведенческихъ купеческаго вѣдомства 17 и казенной питейной домъ.

При сихъ четырехъ учугахъ число приписныхъ къ нимъ переведенцовъ состояло прежде изъ 345 душъ; но нынѣ возрасло оно до 450 человѣкъ, а можетъ быть и свыше; по тому безъ сомнѣнія и число дворовъ тамъ прибыло; но какъ оно мнѣ не извѣстно, то я для того только присовокупилъ здѣсь прежнее ихъ изчисленіе, чтобъ показать, кому принадлежатъ и для кого рыбу промышляютъ тамошніе жители.

Для правленія учугами и другими общими промыслами учреждена въ Астраханѣ отъ купечества рыбная контора, въ которую дѣйствующими лицами избираются, или лучше сказать, втираются сильнѣйшіе и проворнѣйшіе купцы съ надлежащимъ числомъ помощниковъ. Въ сію контору вступаютъ всѣ деньги, отъ продажи рыбы получаемыя, изъ коихъ съ начала платилось въ казну ежегоднаго оброку 16216 рублей за владѣніе всѣми рыболовными угодьями, которыя, какъ выше сказано, пожалованы Астраханскому купечеству 1762 года; но оброкъ оной съ 1770 году, сказываютъ, нарочито уменьшился, потому что въ оном году продано тамъ отъ межевой канцеляріи разнымъ дворянамъ казенной земли 5755 десятинъ, а съ землею отошли къ нимъ такъ же нѣкоторыя рыболовныя угодья, купцамъ принадлежавшія; потому они изъ вышеупомянутаго оброка изключены. Не смотря на сіе у купцовъ еще весьма много водъ осталось, такъ что рыбная контора управиться съ ними не можетъ, и отдаетъ ихъ Астраханскимъ же купцамъ въ особливое владѣніе на пять лѣтъ изъ оброка. Откупщики сихъ водъ на откупныхъ мѣстахъ, для ловли рыбы, завели ватаги, которыхъ въ Астраханскомъ округѣ 6. Отъ великаго избытка рыболовныхъ угодьевъ, уступило Астраханское купечество прежнему тамошнему Епископу Меѳодію

плесо водъ Чуркинскими называемыхъ, которыя находятся отъ Астрахани въ 50 верстахъ къ сторонѣ Гурьева городка. При сихъ водахъ заведена такъ же ватага, которая состоитъ изъ наемныхъ промышленниковъ, принадлежащихъ Архіерею; при сихъ же водахъ у самаго Каспійскаго моря на возвышенномъ мѣстѣ построена Епископомъ Меѳодіемъ пустыня, Николаевскою называемая, и обнесена каменною оградою. Въ сей пустынѣ жилъ нѣсколько времени бывшій Астраханскій Оберъ-Комендантъ Василій Васильевичъ Левинъ.

Кромѣ великаго множества крупныхъ судовъ, приходящихъ по Волгѣ изъ верьховыхъ городовъ съ разными товарами, каждую весну пріѣзжаетъ въ Астрахань изъ разныхъ верьховыхъ селеній тысячь до десяти и болѣе промышленичьихъ лодокъ, изъ которыхъ на каждой по крайней мѣрѣ по два человѣка бываетъ; и такъ число приходящаго туды народа для одного только рыбнаго промысла простирается уже за двадцать тысячь человѣкъ. Изъ сихъ промышлениковъ иные нанимаются въ работу къ купцамъ; а другіе покупаютъ у нихъ позволеніе ловить для себя въ ихъ дачахъ рыбу; за что съ каждой лодки обыкновенно платится по семи рублей въ лѣто, да за подвалъ для поклажи и соленія рыбы владѣльцы водъ берутъ съ нихъ по 25 рублей. Ловля производится неводами, ставными и плавными сѣтями и удами. На одни уды весьма довольно рыбы попадается, такъ что можно бы употребленіе сѣтей вовсе запретить; потому что онѣ заграждаютъ дорогу осетрамъ, севрюгамъ, сомамъ и бѣлугамъ въ верьхъ рѣки подниматься, и часто цѣлыя стада сихъ рыбъ заставляютъ обратно уходить въ море. Учуги суть такія преграды, сквозь которыя ни одна рыба въ верьхъ пройти не можетъ, и потому столько набирается оной въ учужную избу, сколько сія вмѣстить въ себя можетъ. Сіи злодѣйственныя преграды выдуманы издревле Астраханскими Татарами, для того чтобъ не пропускать рыбы въ верьхъ Волги къ Россіянамъ, противъ которыхъ пылали они злобою; но нынѣшніе учуговъ владѣльцы суть такіе же Россіяне, какіе и по всей Волгѣ обитаютъ; потому надлежало бы имъ память Татарской злобы истребить, и учуги оные разобрать, чтобъ всѣ верьховыя селенія не одною пользовались изъ Волги водою, но такъ же и красною рыбою, которой бы несравненно было больше во всей Россіи, когда бы ей изъ Каспійскаго моря въ Волгу устьями проходить не мѣшали.

Купеческая рыбная контора обязана довольствовать красною рыбою весь городъ Астрахань, и продавать пудъ оныя не свыше, помнится, тридцати копѣекъ; но какъ цѣна сія гораздо ниже той, по которой продается

ная рыба при самыхъ учугахъ, гдѣ добывается; то доставленіе рыбы на всю Астрахань для рыбной конторы не можетъ быть прибыточно. Потому выдумано ею отъ сей тягости облегченіе; а именно, чтобъ даромъ довольствовать рыбою всѣхъ тамошнихъ чиновныхъ людей, которые и получаютъ изъ лавокъ рыбной конторы столько рыбы, сколько кому для дневнаго употребленія потребно; а рядовые обыватели, которыхъ число простирается до 9082 души мужескаго, и до 8926 женскаго пола, должны бываютъ покупать ее въ купеческихъ рыбныхъ лавкахъ уже нарочито высокою цѣною.

Отъ несказанно прибыточнаго владѣнія учугами всѣми рыболовными угодьями Астраханское купечество все вообще ни мало не обогатилось; а нажились только нѣкоторые сильные купцы и правители рыбной конторы, которая съ 1762 года по сіе время могла бы, какъ сказываютъ, имѣть у себя денегъ больше милліона рублей; но вмѣсто того она нуждается, и занимала уже изъ банка двадцать тысячь сто десять рублей сорокъ четыре копейки. Отъ сего обиходу съ деньгами сильные купцы веселятся, а маломощные сѣтуютъ, а приписные работники стонаютъ.

Тюленій промыселъ, которой отправляется на Каспійскомъ морѣ Астраханскими могучими купцами, часто такъ же бываетъ для нихъ весьма прибыточенъ. Онъ производится весною и осенью на островахъ Каспійскаго моря, къ которымъ пристаютъ суда разныхъ хозяевъ, и бьютъ съобща лежащихъ на островѣ тюленей, которыхъ по томъ потрошатъ; и кто изъ промышленниковъ большее число набитыхъ тюленей выпотрошить успѣетъ, тому сіи тюлени и достаются; а раздѣлу тутъ никакого не бываетъ. Выпотрошенныхъ тюленей на томъ же мѣстѣ пересыпаютъ солью не сдирая съ нихъ кожъ, и въ такомъ состояніи привозятъ ихъ въ Астрахань, гдѣ снимаютъ съ нихъ кожи и топятъ сало, которое соленьемъ онымъ предохраняется отъ вони, и потому чище и лучше бываетъ нежели Архангелогородское тюленье, бѣлужье и моржовое сало, котораго до топленья не просоливаютъ, отъ чего оно чрезвычайно портится. Я думаю, что Архангелогородскіе промышленики сему примѣру Астраханцовъ не преминули бы послѣдовать, когда бы у нихъ соль столь же была дешева какъ въ Астрахани, гдѣ пудъ оныя, до сего почти времени, продавался по десяти только копеекъ. Астраханцы увѣряютъ, что Каспійское море несравненно изобильнѣе тюленями всѣхъ другихъ Россійскихъ морей.

Многіе изъ Астраханскихъ купцовъ держатъ мореходныя суда, которыя

отпускаютъ съ чужими товарами въ Персію и до Мангишлацкой пристани (а) въ Хиву и Бухарію, такъ же ставятъ на нихъ въ Кизляръ до Ачинской пристани казенной провіантъ, вино и другіе припасы, и отвозятъ казенную соль и соленую рыбу въ верьховые по Волгѣ города; въ чемъ по большей части отправляютъ они должность подрядчиковъ, а не купцовъ. У многихъ имѣются виноградные сады съ другими плодоносными деревьями; многіе получаютъ великую прибыль отъ анбаровъ и выходовъ, которые отдаютъ въ наемъ для чужой поклажи. Всѣ сіи выгоды, вмѣстѣ взятыя, уже столь велики, что на гостиномъ дворѣ сидѣть въ лавкахъ тамошніе купцы и не помышляютъ; а оставили пользоваться симъ торгомъ иногороднымъ купцамъ. Малоимущіе жъ Астраханскіе купчики, живущіе около гостинаго двора, имѣютъ подъ своими домами лавки, въ которыхъ продаютъ разную посуду, холстъ, обувь и другіе мелочные товары.

Въ Астраханѣ живутъ разные другіе народы, какъ то Армяне, Индійцы, Татара, Грузины, Персіяне и нѣкоторые изъ Европейцовъ Католицкаго и Лютеранскаго закона; а внѣ города по близости кочуютъ Калмыки, кои всѣ въ рыболовныхъ оныхъ промыслахъ участія не имѣютъ. По тому, выключая Калмыковъ, производятъ они торговлю Азіатскими и Европейскими товарами. Въ Армянскомъ гостиномъ дворѣ торгуютъ Армяне, такъ какъ Индійцы въ Индійскомъ, кои оба казенные. Продажа товаровъ въ обоихъ сихъ дворахъ бываетъ только по утрамъ, и товары продаются гуртомъ, а не порознь. Они состоятъ въ Персидскихъ шелковыхъ и бумажныхъ тканяхъ. Но у Армянъ есть много другихъ деревянныхъ около гостинаго двора лавокъ, въ которыхъ продаютъ они всякую мелочь и при томъ разныя матеріи, вытканныя на тамошнихъ фабрикахъ, которыхъ въ Астраханѣ

(а) Мангишлакъ лежитъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, какъ то видѣть можно на картѣ сего моря, которая въ книжной лавкѣ Академіи Наукъ продается. Мѣсто сіе служитъ становищемъ Астраханскимъ судамъ, хотя тутъ никакого жительства не имѣется, и торгующіе съ Астраханцами Бухарцы и Хивинцы въ дальномъ оттуда находятся разстояніи, а скитаются около Мангишлака кочевые Киргизцы и Трухменцы, которые знаютъ пору судоваго туды прихода, по тому подъѣзжаютъ къ Мангишлаку въ оное время; и когда найдутъ тутъ пріѣхавшее судно, то договариваются съ корабельщикомъ о платѣ за повѣстку о приходѣ судна, въ Хивинскихъ и Бухарскихъ жительствахъ. Договорясь о награжденіи, поспѣшно уѣзжаетъ Киргизецъ въ свой путь, и когда возвѣститъ тамъ о пришедшемъ въ Мангишлакъ суднѣ, то съѣзжаются туды Хивинцы, Бухарцы, Трухменцы и самые Киргизцы съ своими товарами, которые промѣниваютъ на Россійскіе товары. Здѣсь нерѣдко у нашихъ мореходцовъ бываютъ съ Киргизцами не только брани, но и драки; однако всегда наши съ ними удобно управляются.

175. Они принадлежатъ большею частію Армянамъ; а дѣлаются на нихъ фаты и кушаки кановатныя и полушелковыя, кановаты широкополосные и гладкіе, бумажныя фаты, кушаки, пестреди и бязи. Работу производятъ на нихъ бѣдные Астраханскіе жители, которые имѣли несчастіе сдѣлаться Армянамъ должниками, и по причинѣ неумѣренныхъ процентовъ, какіе берутъ Армяне, приведены будучи въ несостояніе съ ними расплатиться, принуждены итти къ нимъ въ работу на ихъ фабрики; однако вступя въ опую не только не заработываютъ забранныхъ ими денегъ, но еще хитростію хозяевъ въ большіе заходятъ долги, которые часто даже на дѣтей сихъ несчастныхъ работниковъ переносятся, и приводятъ цѣлыя семьи въ вѣчное рабство къ лукавымъ Армянамъ. Въ семъ состояніи многіе у нихъ изъ Рускихъ и другихъ теперь находятся.

Индійской гостиной дворъ сдѣланъ на подобіе каменной ограды, какія около старыхъ монастырей бываютъ. Въ немъ Индійцы, которыхъ числомъ до 100 человѣкъ случается, торгуютъ и живутъ. Кельи ихъ оконъ на улицу не имѣютъ; а имѣютъ только отверстія въ потолокѣ, чрезъ которыя свѣтъ входитъ. Они выѣзжаютъ изъ Индіи чрезъ Персію въ молодыхъ своихъ лѣтахъ съ весьма малымъ достаткомъ, которой приумножаютъ въ Астраханѣ торговлею, и живучи тамъ безъвыѣздно лѣтъ по 10, по 20, и по 30, дѣлаются великими богачами, такъ что нѣкоторые изъ нихъ не одно сто тысячь рублей у себя теперь имѣютъ; ни въ купечество, ни въ Азіатское мѣщанство не записываются, и потому никакихъ гражданскихъ должностей не отправляютъ; а платятъ только въ казну ежегоднаго оброка по 12 рублей съ лавки. Они по торговлѣ сношеніе имѣютъ съ Персіею, Хивою и Бухаріею; не упускаютъ такъ же купечествовать и съ Россійскими жителями, а особливо съ Астраханскими Татарами, которымъ въ долгъ даютъ свои товары съ преужасными процентами, такъ что сіи бѣдняки въ вѣчныхъ находятся у нихъ долгахъ, и нерѣдко платятъ заимодавцамъ уступленіемъ своихъ женъ; отъ чего произошли въ Астраханѣ Агрыжанскіе Татара, которыхъ Индійцы (они всѣ своихъ женъ здѣсь не имѣютъ) прижили съ Татарками, женами своихъ должниковъ.

Привозимые изъ Персіи и съ Мангишлацкой пристани товары суть шелкъ сырецъ, котораго ежегодно болѣе трехъ тысячь пудовъ въ Астрахань приходитъ, лажи, бурки Черкаскія, бумага бѣлая хлопчатая и пряденая, бязь, бурметь, жижимъ, выдры, бумажныя занавѣски, Черкаскія коимы, корень марена, шитые кафтаны, шелковые и бумажные кушаки,

кутни, кановаты, одѣяльныя крышки, ладанъ, шкуры, мови, касапъ, горской медъ, мерлушки, одѣяла, шапочныя овчинки, платки, Черкаское сукно, Черкаскіе тулупы, бумажной тастаръ, тобакъ, бумажныя фаты и халаты, шитые шелвары, сорочинское пшено, Персидской горохъ и другіе многіе плоды.

Отвозимые въ Персію и до Мангишлака для Хивы и Бухаріи Россійскіе товары суть весьма многочисленны; потому что самыя маловажныя вещи для тѣхъ странъ уже очень важны, такъ что на Мангишлакѣ за одну иглу часто хорошую мерлушку паши получаютъ. Важнѣйшіе жъ по своему веществу наши товары, туды отвозимые, суть холстъ, воскъ, мыло, золото и серебро въ дѣлѣ, дѣльная мѣдь, прутовое олово, полосовое и дѣльное желѣзо, брусковая сталь, ртуть, квасцы, купоросъ, нашатырь, сахаръ, чай, юфть, и множество другихъ вещей.

Вотъ все, что хотѣлось мнѣ разсказать теперь объ Астраханѣ; но можетъ быть соберу я о ней, еще нѣкоторыя извѣстія, которыя издамъ въ другое время; однако и по изданіи всего мнѣ извѣстнаго, долженъ буду приписать слѣдующее.

Ea, quae scimus, sunt pars minima eorum, quae ignoramus.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ГРАФА ИВАНА ПОТОЦКАГО ВЪ АСТРАХАНЬ и ОКРЕСТНЫЯ СТРАНЫ, въ 1797 году *).

15-го Маія. — Золотыя башни Московскія теряются въ синей дали. Прощай, Европа, возмущаемая безпокойствами! Ѣду отдыхать въ тихой, спокойной Азіи. — Сего дня я намѣренъ подражать жителямъ Востока, у которыхъ первый день пути каравана бываетъ всегда самый короткій. Обѣщаю читателю только одно: не закрывать глазъ. Разскажу ему все что увижу; по временамъ стану присовокуплять замѣчанія, которыя, я надѣюсь, будутъ недурно приняты даже людьми учеными, потому что я сдѣлалъ ихъ не мимоходомъ, а въ такое время, когда еще думалъ, что всякая истина, касающаяся до Исторіи человѣка или Природы такъ важна, что должно съ охотою жертвовать ей и покоемъ и удовольствіями.

16. — Слѣдую по теченію Москвы рѣки. Страна сія прекрасна и такъ населена, что всегда видишь нѣсколько деревень вдругъ. — Въ одной изъ нихъ былъ праздникъ. — Какое великолѣпіе у крестьянокъ! Головные уборы и покрывала шитые золотомъ и такой прекрасной работы, какъ будто выписаны изъ Константинополя. Многіе путешественники говорили о бѣдности Русскаго мужика. Я описываю то, что самъ вижу, а не то, что другіе видѣли; однакожъ я замѣчаю, что чѣмъ болѣе удаляешься отъ Москвы, тѣмъ рѣже становятся прекрасныя деревни: избы меньше и крыты соломою; вмѣсто оконъ скважины со стеклами. Я полагаю, что состояніе Русскаго мужика много зависитъ отъ его господина. Вотъ напримѣръ: деревушка въ которой домовъ всего съ двѣнадцать, а господъ четверо. Мужикамъ, я думаю отъ этого не лучше (*).

*) *Потоцкій Янъ* (1761 †1815), польскій историкъ, происходилъ изъ знатнаго графскаго рода, владѣвшаго обширными помѣстьями на Волыни и въ Украинѣ. Онъ изучилъ восточные языки и путешествовалъ по всѣмъ славянскимъ землямъ. Сочиненія его большею частью написаны на французскомъ языкѣ. Помѣщаемое Путешествіе взято изъ Сѣвернаго Архива за 1828 годъ, №№ 1 и 2.

(*) Замѣчаніе весьма справедливое. Надобно признаться, что мѣлкопомѣстность вообще не приноситъ пользы: деревенскій дворянинъ, у котораго за душой душъ двадцать, старается угнаться за сосѣдомъ, который его богаче. Посмотрите на ихъ крестьянъ и на крестьянъ Шереметева или другаго знатнаго помѣщика, у котораго подданныхъ столько же, сколько у этаго Нѣмецкаго Князя. *Прим. Русск. Перевод.*

17. — Въ похвалу Коломны, послѣдняго селенія чрезъ которое я сего дня проѣхалъ, надобно сказать, что противъ каждаго дома стоятъ дровни и на нихъ бочка воды, для того, чтобы въ случаѣ пожара, она всегда была подъ рукою.

Въ Коломнѣ еще видны слѣды прежняго ея великолѣпія. За Окою въѣхалъ я въ другую губернію: тутъ совсѣмъ иная природа. Сосны и березы исчезаютъ и замѣняются растѣніями странъ болѣе полуденныхъ. Жители Рязанской губерніи отличаются также отъ подъ-Московныхъ и одеждою и жилищами и обычаями. На женщинахъ сверхъ платья камзолъ бѣлый съ красными закраинками, а на головѣ родъ митры, съ которой висятъ бусы; онѣ походятъ на жрицъ какого нибудь древняго божества; между тѣмъ онѣ забавляются игрою, похожею на Италіянское *Бочетти*, съ тою только разницею, что вмѣсто шаровъ служатъ у нихъ яица. Страна плодоносна и воды въ ней довольно.

18. — За Рязанью, подумаешь, что у женщинъ на головѣ бумажные змѣи; я не умѣю лучше этого описать головный уборъ ихъ. — Я хотѣлъ срисовать свою хозяйку, но она, замѣтивъ это, спряталась на печь, а мнѣ туда лезть нельзя было. Въ деревнѣ я дѣйствовалъ не успѣшнѣе этого, женщины и дѣвки тотчасъ отъ меня убѣгали, какъ скоро я хотѣлъ подойти къ нимъ.

19. — Рязскъ городъ не большой; въ немъ было тогда собраніе дворянъ, о многихъ изъ нихъ нельзя было сказать: *„У него благородный видъ“*; но ихъ дружескій пріемъ заставлялъ забывать этотъ недостатокъ.

20. — Я на нѣсколько часовъ остановился и вздумалъ осмотрѣть свою библіотеку; къ величайшему сожалѣнію увидѣлъ я, что забылъ взять съ собою писателей, которые бы въ этихъ мѣстахъ были мнѣ всего полезнѣе; напримѣръ: Дегиня, д'Эрбело, Пети де ла Кроа, Абулгази и пр. — Къ счастію я сдѣлалъ извлеченіе изъ всѣхъ сихъ писателей: это хронологическій атласъ, которымъ иногда буду пользоваться. — Вотъ его описаніе: онъ состоитъ изъ тридцати семи историческихъ картъ, которыя начинаются за 2000 лѣтъ до нашей эры и доходятъ до нашего времени: каждая карта представляетъ политическое состояніе Свѣта въ концѣ каждаго вѣка; на полѣ написаны имена Государей. — Между каждыми двумя картами находится списокъ происшествій по хронологическому порядку. Каждой части Свѣта посвященъ особый атласъ въ 37 картахъ: одинъ атласъ Азіи стоилъ мнѣ пятилѣтней постоянной работы; онъ пріобрѣлъ мнѣ уваженіе Аббата

Бартелеми: разговоръ сего знаменитаго человѣка былъ моимъ отдохновеніемъ. Этотъ атласъ везу съ собою въ Азію.

21. — Между Козловымъ и Тамбовомъ встрѣтилъ я множество древнихъ укрѣпленій, которыя безъ сомнѣнія относятся къ тѣмъ временамъ, когда набѣги кочующихъ народовъ простирались до этихъ мѣстъ: земляныя укрѣпленія держатся чрезвычайно долго; причина этого очевидна; возвышаясь подъ угломъ въ 45°, они не содержатъ въ себѣ зародыша разрушенія. Въ Каффѣ, *напримѣръ, есть одно укрѣпленіе, которое безъ сомнѣнія описано* Геродотомъ, и которое, какъ онъ говоритъ, построено Скиѳскими невольниками во времена Ціаксара, Царя Мидійскаго.

Мнѣ кажется, что жители Тамбовской губерніи не такъ проворны, какъ мужики Московскіе. Если хочешь видѣть много мужиковъ и бабъ, то надобно притти къ питейному дому, когда солнце садится и стада возвращаются съ поля. Въ деревнѣ это самое пріятное и живое зрѣлище.

22.—Сего дня въ первый разъ видѣлъ я могилу или tumulus (курганъ). Это единственные памятники, остающіеся отъ столькихъ народовъ, которые жили въ странахъ сихъ, или только ихъ проходили. Далѣе нашелъ я въ степи безчисленное множество маленькихъ хижинъ въ два фута. Я сначала не могъ угадать: что это такое; наконецъ во многихъ мѣстахъ увидѣлъ не большое животное желтаго цвѣта съ чернымъ рыльцомъ, которое подымало голову и свистало изо всей силы. Люди мои единогласно утверждали, что это обезьяны; и въ самомъ дѣлѣ они точно также держались; но я скоро узналъ, что то были байбаки или большіе степные сурки; они, кажется *построили свой главный городъ около Панова и живутъ только тутъ; далѣе* я не видалъ уже ни одного.

Ново-Хоперская крѣпость, послѣдній Русскій городъ съ этой стороны; это ворота, черезъ которыя въѣзжаешь въ землю Донскихъ Казаковъ. 23 числа нишу я на станціи, т. е. на открытомъ воздухѣ, у огня, на которомъ Казаки варятъ рыбу.—То, что они называютъ станціей, находится посреди степи, въ сторонѣ отъ большой дороги; деревни ихъ видишь только издали. Они увѣряютъ будто это для того, чтобы имѣть подъ рукою лошадей, *которыя пасутся въ степи на свободѣ.*

24.—Перебравшись чрезъ нѣсколько рѣкъ, я проѣхалъ двѣ Казацкія станицы: тогда было воскресенье; жители гуляли; мужчины хорошо одѣтые съ пѣснями и немножко на веселѣ; женщины разряженныя: костюмъ ихъ совершенно восточный; онѣ особенно стараются отличиться рукавами рубашекъ;

у богатыхъ они шелковые, у бѣдныхъ полотняные съ большими красными, набойными цвѣтами; на тюрбанѣ два рога весьма страннаго вида. Я провелъ тутъ ночь и довольно спокойно; Казаки, чтобы разогнать мухъ, чрезвычайно безпокойныхъ въ этой странѣ, принесли жаровню съ горящими угольями, посыпали ихъ травою, отъ которой пошелъ густой дымъ и пріятный запахъ, потомъ заткнули всѣ скважины, которыя они называютъ окнами и такимъ образомъ избавили меня хоть на минуту отъ этихъ докучныхъ гостей. Казаки курятъ такимъ образомъ всякой вечеръ, даже на чистомъ воздухѣ и лошади ихъ такъ хорошо знаютъ дѣйствіе дыма, что собираются въ кружокъ около огня, какъ будто грѣться.

Двое молодыхъ Казаковъ передо мною боролись. Искуство состоитъ въ томъ, чтобы схватить противника за поясъ, потомъ броситься изо всей силы задомъ на земь, такъ чтобъ борецъ полетѣлъ чрезъ голову; подумаешь, что онъ переломаетъ себѣ руки и ноги, но Казакъ не такъ нѣженъ: при мнѣ они оба встали здоровы и невредимы, какъ будто просто упали. Эта игра тѣмъ болѣе примѣчательна, что Казаки приписываютъ ей свое происхожденіе. Когда Владиміръ завоевалъ Херсонъ, сынъ его Мстиславъ переѣхалъ Воспоръ и пришелъ на островъ, на которомъ стоитъ Тамань, бывшій тогда главнымъ городомъ Княжества Тмутараканскаго. Князь Яссовъ, или Косоговъ на немъ защищался, рѣшились окончить войну поединкомъ безъ оружія. Мстиславъ остался побѣдителемъ.

Я думаю, что Яссы суть Ассы путешественниковъ тринадцатаго столѣтія; объ этомъ можно справиться въ собраніи Рамузія. Я полагаю также, что Косоги Нестора, какой бы народъ они не были, жили въ Казахіи Императора Константина Багрянороднаго. Эти Косоги, побѣжденные и бывшіе тогда народомъ полукочующимъ, принуждены были уйти изъ Казахіи; мѣсто ихъ заступили воины Мстислава и приняли имя Казаковъ: такъ, а не Козаками, зовутъ ихъ нынѣ.

25. — Я проѣхалъ еще одну Казацкую станицу. Праздники продолжались: весь народъ былъ въ нарядѣ. Дѣвушки гуляли съ пѣснями, держась за руки; мужчины сидѣли кучками и принимали важный видъ. Никогда они не кланялись мнѣ первые; но если я начиналъ, то всѣ вдругъ вставали и наклонялись. Переѣздъ Медвѣдицы довольно страненъ. Для путешественниковъ держатъ лодки; Казаки на нихъ гребутъ, а лошади плывутъ возлѣ. Далѣе на степи толпились суслики (mus citillus), самые опасные враги жатвы въ этихъ странахъ.

26.—Я наблюдалъ Казаковъ въ будни, но не видалъ, чтобы кто нибудь работалъ. Благородная лѣность у нихъ въ модѣ. Надобно признаться, что они очень богомольны, по крайней мѣрѣ судя объ этомъ по множеству прекрасныхъ церквей, которыя встрѣчалъ я повсюду. Тогда ѣхалъ я вдоль Дона, Царя всѣхъ скиѳскихъ рѣкъ, славнаго у Греческихъ поэтовъ, подъ именемъ Танаиса и который я такъ часто переѣзжалъ со Страбономъ, Геродотомъ и Птоломеемъ. Наконецъ я покинулъ эти берега и приблизился къ узкому пространству земли, отдѣляющему его отъ Волги. Отъ этого мѣста, дорога верстахъ на тридцати чувствительно подымается, изъ чего можно заключить, что давнишній проэктъ провести тутъ каналъ встрѣтитъ затрудненія. Трудно описать, какой видъ разрушенія представляетъ эта равнина, подверженная по высокому своему положенію всей ярости бурь. Рѣдко увидишь на безплодномъ пескѣ стебелекъ желтой травы, которой нечистый цвѣтъ составляетъ совершенную противоположность съ прекрасною зеленью долинъ, находящихся вдоль старой Казацкой линіи. Слѣдовъ обработки нѣтъ никакихъ, даже и въ сосѣдствѣ хуторовъ.

Не подалеку отъ Царицына увидѣлъ я вдали степную козу, у коей верхняя губа такъ длинна, что животное можетъ щипать траву неиначе какъ идя задомъ. Съ одного возвышенія вдругъ явился предо мною обширный разливъ Волги: зрѣлище величественное, котораго и описать не возможно. Я видѣлъ разлитіе Нила, но большая часть водъ его такъ поглощена каналами, что для поливки полей съ рисомъ нужны машины. Здѣсь напротивъ разстилается передо мною пространный Архипелагъ; острова соединены между собою лѣсами, которые выходятъ изъ волнъ. Рыбы играютъ около деревъ, какъ въ потопѣ описанномъ Овидіемъ.

Городъ Царицынъ, разрушенный за три года предъ симъ пожаромъ, вышелъ изъ развалинъ прекраснѣе прежняго.

27.—Я переѣхалъ рѣку Царицу и очутился въ Азіи; по крайней мѣрѣ большая часть Географовъ полагаетъ эту рѣчку границею между сею частію свѣта и Европою. Калмыки какъ будто хотѣли подкрѣпить это мнѣніе; они раскинули по ту сторону рѣки свои палатки, изъ коихъ выглядывали ихъ Азіятскія лица. Они совершенно походятъ на Китайцевъ, нарисованныхъ на Китайскихъ бумажкахъ; шапки ихъ точно грибы; съ верхушки головы висятъ у нихъ длинныя косички: у мужчинъ одна сзади; у женщинъ двѣ и падаютъ на грудь.

Отсюда я поспѣлъ въ три часа въ Сарепту, колонію, гдѣ мирные Моравскіе братья вводятъ свою промышленность между дикарями; этотъ городъ самое лучшее мѣсто для узнанія нравовъ и Исторіи Калмыковъ. Большая часть братьевъ знаетъ языкъ ихъ: нѣкоторые даже пишутъ на немъ, потому что по цѣлымъ годамъ слѣдуютъ за ордами; есть даже такіе, которые забавляются списываніемъ Калмыцкихъ книгъ. Въ этихъ книгахъ нѣтъ ни языка ни буквъ Тибетскихъ; онѣ писаны Монгольскимъ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ Калмыки. Буквы ихъ также имѣютъ оттѣнокъ Монгольскихъ. Калмыки имѣютъ обыкновеніе приходить къ Волгѣ, когда вода сбываетъ. У тѣхъ, которые въ то время раскинули палатки свои около Сарепты, было такъ мало стадъ, что они не могли ими кормиться и это заставило ихъ рѣшиться работать; чему весьма не легко войти въ голову Калмыка. Здѣсь, какъ и во всѣхъ странахъ мало населенныхъ, плата за работу очень высока; посему эти люди могли бы жить въ довольствѣ; но это для нихъ трудно: одна только крайняя необходимость можетъ ихъ заставить чѣмъ нибудь заниматься. Я видѣлъ многихъ изъ нихъ, которые цѣлый день шатались по городу, или лежали на солнцѣ. Другіе толпились въ лавкахъ, какъ будто хотѣли или могли купить все.

Моя собака произвела чрезвычайное впечатлѣніе на этихъ Калмыковъ, и я узналъ при этомъ случаѣ, что они соединяютъ съ понятіемъ о семъ животномъ идею о переселеніи душъ и потому почитаютъ за величайшую честь быть съѣдену собаками. Посему они всячески стараются не лишиться такой выгоды; ибо не смотря на свое уваженіе къ собакамъ, они кормятъ ихъ плохо, дорожа молокомъ до чрезвычайности. Они даже не бросаютъ имъ палый скотъ, а съѣдаютъ его сами. Такимъ образомъ бѣдныя собаки принуждены питаться Калмыцкими трупами; а когда этой пищи у нихъ мало, онѣ ловятъ сусликовъ, которые составляютъ плохую пищу. Одинъ изъ жителей Сарепты ѣздившій нѣсколько лѣтъ съ Калмыцкою ордою, разсказывалъ мнѣ объ отвратительномъ зрѣлищѣ голодныхъ собакъ, которыя съ жадностію бросаются на мертвое тѣло, рвутъ его и отнимаютъ одна у другой куски мяса.

Страбонъ, говоря о кочующихъ Скиѳахъ, которые жили между Согдіянами и Бактріянами, выражается слѣдующимъ образомъ: „Въ столицѣ „Бактріянъ собаку называютъ особеннымъ именемъ, которое на нашемъ „языкѣ значитъ могильщикъ. Собаки сіи должны пожирать всякаго, кто „палъ подъ бременемъ болѣзни или старости. Вотъ почему около этого

„города не видно могилъ, но между стѣнами валяется множество костей. „Говорятъ, что Александръ Македонскій уничтожилъ это обыкновеніе".

Цицеронъ разсказываетъ то же самое о Гирканцахъ: „Въ этой землѣ", говоритъ онъ (*), „народъ содержитъ на общій счетъ собакъ; знатные „люди имѣютъ у себя собакъ, которыя должны пожрать ихъ: это почитается „у нихъ самымъ почетнымъ погребеніемъ".

28. — Сего дня я видѣлъ караванъ Русскихъ и Татарскихъ купцевъ, ѣхавшихъ въ Калмыцкую орду продавать хлѣбъ, вино и мебель, т. е. небольшія, узкія и не высокія скамейки, деревянные сундуки, выкрашенные масляною краскою и двери, сдѣланныя такимъ образомъ, что ихъ можно приставить къ кибиткамъ Калмыцкимъ.

Потомъ явился караванъ, состоявшій слишкомъ изъ тридцати Татарскихъ телегъ, на которыхъ пріѣхали изъ Астрахани въ Саренту Армяне. Тогда въ первый разъ слышалъ я ужасный скрыпъ колесъ этихъ телегъ, называемыхъ арбами; въ прежнія времена одно поколѣніе получило отъ этого прозвище *Шумнаго*. Еще и нынѣ Татары тщеславятся этимъ непріятнымъ звукомъ. „Одни трусы", говорятъ они, „смазываютъ колеса; храбрые люди „не боятся, если ихъ слышатъ отъ одного конца степи до другаго".

Эти строки пишу я въ баркѣ, которая плыветъ по водамъ Волги и везетъ меня въ Астрахань. — Хозяинъ судна скоро со мною сторговался, потому что много разсказываютъ о разбойникахъ, грабящихъ на рѣкѣ, и онъ радъ былъ четыремъ путешественникамъ хорошо вооруженнымъ. Мы бросили якорь у небольшаго улуса или Калмыцкой деревни: Калмыки бѣгаютъ во всѣ стороны, хватаютъ другъ друга за воротъ, гремятъ музыкой безумной, аиигр на всякихъ инструментахъ, однимъ словомъ, рѣзвы какъ щенята. Чрезвычайная ихъ живость составляетъ совершенную противоположность съ безчувственностію Татаръ.

29. — На разсвѣтѣ мы готовились поднять паруса, но хозяинъ остался на берегу, обѣщая ѣхать за нами на шлюбкѣ. Онъ не сдержалъ своего слова. Отсутствіе его было причиною, что работники не занимались своимъ дѣломъ и это навлекло намъ въ послѣдствіи много непріятностей. Во время тиши, которая была намъ очень непріятна, мы видѣли множество пеликановъ. Нѣкоторые приплывали къ намъ очень близко. Въ два часа, сильное теченіе пригнало насъ къ острову, залитому водою и покрытому деревьями. Всѣ усилія отцѣпить барку, долго оставались тщетными; мы думали, что она

(*) Quaestion. Tusculan. c. 55.

уже непремѣнно потонетъ. — Къ счастію мы не соткнулись съ большими деревьями; маленькіе согнулись, или сломались подъ баркою, которая наконецъ избѣжала опасности, но шлюпка наша завязла между деревьями.

Скоро прибыли мы къ деревнѣ, гдѣ весь берегъ покрытъ былъ людьми, которыхъ одежда была мнѣ совершенно незнакома. Я узналъ что то была колонія Татаръ, Чувашъ, Мордвы, недавно туда переселившихся. Работники вышли на берегъ нанять лодку, чтобы съѣздить за тою, которую они оставили на дорогѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы посмотрѣть народы, которые зналъ только по имени. Большая часть жителей деревни были Татары, весьма плохо одѣтые. Женщины напротивъ того, были чрезвычайно разряжены, набѣлены и нарумянены. Холстинная одежда Чувашъ украшена богатыми цвѣтными бордюрами, изображающими наиболѣе кресты всѣхъ видовъ. Мордовки, особенно дѣвки, одѣваются чрезвычайно странно и фантастически. Въ ушахъ носятъ онѣ большіе куски шерсти; въ волосы вплетаютъ колокольчики, а на шею повязываютъ большіе мѣдные бубенчики. Онѣ чрезвычайно дики; какъ скоро мы къ нимъ подходили не множко поближе, онѣ тотчасъ убѣгали и прятались въ домахъ. Къ этой странной смѣси народовъ присоединялись еще Русскіе рыбаки и Калмыки, которые нанимаются въ пастухи.

Погулявъ по колоніи, я пилъ чай у Русскаго, который былъ Директоромъ оной. Мы разговаривали о Волжскихъ разбойникахъ, а онъ сказывалъ мнѣ, что опасность дѣйствительно велика. Это, говорилъ мнѣ Русской, не лодочники или лѣнивцы, которые хотятъ при случаѣ чѣмъ нибудь поживиться, а разбойники хорошо вооруженные; Атаманъ ихъ преступникъ, бѣжавшій изъ Сибири: вырванныя его ноздри и заклейменный лобъ свидѣтельствуютъ о прежнихъ его злодѣяніяхъ. Эти разбойники не только нападаютъ на самыя большія суда, но безпокоятъ также и берега рѣки, и выходятъ на нихъ грабить.

Матросы наши возвратились съ шлюпкою и мы поѣхали далѣе; я разсказалъ имъ, что слышалъ, и это ихъ встревожило. Мы осмотрѣли наши средства защиты. Оружіе на баркѣ состояло въ двухъ пушкахъ, изъ коихъ одна была длиною въ пядень, другая нѣсколькими дюймами побольше. Къ счастію ружья мои были понадежнѣе сей артиллеріи. У меня было Англійское двухъ-ствольное ружье и шесть мушкетоновъ, всѣ въ хорошемъ состояніи. Я велѣлъ положить ихъ на нѣкотораго рода рангоуса, который бываетъ на всѣхъ Волжскихъ судахъ, для того чтобы на немъ могъ стоять кормчій.

Этотъ рангоусъ довольно возвышенъ, ибо кормчему нельзя было бы править рулемъ, чрезвычайно высокимъ, еслибы онъ не стоялъ нѣсколько выше палубы.

Покуда мы занимались этими приготовленіями къ войнѣ, съ нами случилось новое несчастіе. Судно стало на мель; матросы тщетно истощили всѣ возможныя усилія, чтобы опять спустить его на воду. Ночь была темная и бурная. — Люди наши, измучившись, легли спать и уснули; сонъ ихъ былъ такъ же крѣпокъ какъ въ древности сонъ Цезаря посреди Киликійскихъ пиратовъ.

На другой день, 30 числа, судно перегрузили и оно опять пошло въ ходъ; но чрезъ минуту, къ величайшему удивленію, увидѣли большую лодку, наполненную льдьми, которыхъ движенія были чрезвычайно подозрительны. Мы тотчасъ взялись за оружіе и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, дабы показать, что у насъ нѣтъ недостатка въ средствахъ обороны и что мы намѣрены ими пользоваться. Когда мы достигли до поворота рѣки, теченіе понесло насъ прямо на лодку: мы подошли къ ней такъ близко, что могли пересчитать людей, которые въ ней находились: ихъ было десятеро. Мы уже думали, что непремѣнно придется драться: но къ великому нашему удовольствію лодка вдругъ поворотила и скоро ушла изъ виду. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы провели ночь, намъ еще подтвердили справедливость того, что мы слышали объ этихъ Волжскихъ разбойникахъ и присовокупили, что противъ нихъ отправленъ отрядъ войска.

1 Іюня. — Мы узнали на вѣрно, что точно видѣли разбойниковъ. Они ограбили судно, которое шло за нами и прибили экипажъ. — На насъ не напали они потому, что, какъ сами послѣ разсказывали, видѣли на палубѣ два экипажа, окруженные вооруженными людьми. — Хозяинъ нашъ, который догналъ насъ сегодня, замѣтилъ ихъ на одномъ острову, гдѣ они варили себѣ пищу: они не взглянули даже на его рыбачью лодку, въ которой не надѣялись найти богатой добычи.

Наши матросы были пьяны и мы поѣхали уже очень поздно. Мы плыли между островами на равнинѣ, залитой водою. Матросы ловили зайца запертаго на островкѣ водами Волги. Мы также видѣли множество пеликановъ и корморановъ, которые держались въ отдаленіи. Вечеромъ прошли мы мимо рыбачьихъ хижинъ, гдѣ надѣялись найти съѣстныхъ припасовъ; но онѣ были совершенно подъ водою и покинуты жителями.

Подъ вечеръ подошло къ намъ судно изъ Астрахани, чтобы распросить насъ о разбойникахъ. — Наконецъ мы вышли на берегъ въ Тенеловѣ,

но причаливая перервали рыбачьи невода, почему вытерпѣли сильный залпъ ругательствъ, на что съ нашей стороны было отвѣтствовано тѣмъ же. 4 числа, я въ первый разъ въ жизни видѣлъ двугорбаго верблюда и узналъ, что находящіяся у насъ въ Европѣ изображенія сего животнаго совсѣмъ не похожи. Большая часть изъ нихъ скопирована съ рисунковъ Бюфоновыхъ, которые не очень хороши. Я пробылъ нѣсколько минутъ въ Калмыцкомъ станѣ; насъ чрезвычайно забавляло пріятное простосердечіе Калмыковъ.

Степь, около Теноловы, цвѣта голубоватаго, или лучше сказать зеленаго какъ море, что происходитъ отъ одного ароматическаго растѣнія, котораго благоуханіе наполняетъ воздухъ. Сказываютъ что это родъ artemisia. Тушканчики здѣсь довольно обыкновенны; норъ ихъ не перечтешь. Мнѣ очень хотѣлось поймать хоть одного, чтобы посмотрѣть, похожи ли они на Африканскихъ; но ихъ легко ловить только весною.

5 числа. Я имѣлъ удовольствіе провести нѣсколько часовъ съ Графомъ Валеріяномъ Зубовымъ, который возвращался съ Персидской войны. Я слушалъ его съ удовольствіемъ, но сердце мое обливалось кровію, потому что я принужденъ былъ отказаться отъ многихъ идей, которыя стали мнѣ драгоцѣнны. Я слѣдовалъ, какъ только могъ лучше, за ходомъ Русской арміи по картѣ восточной части Кавказа, которая была весьма тщательно сдѣлана во время похода. Русскіе прошедши Хой-су, вошли во владѣнія Шамхала Тарковскаго; этотъ Князь уже отдался подъ покровительство Русскихъ и потому Генералу Зубову не трудно было подвигаться впередъ; онъ овладѣлъ Дербентомъ, городомъ почти совершенно заключеннымъ во владѣніяхъ Кадія Табассеранскаго. Наконецъ Зубовъ расположилъ главную свою квартиру на предѣлахъ пустыни Муганской. Во всю эту кампанію Русскіе дѣйствительно принуждены были сражаться только съ Лезгинцами, живущими въ горахъ совершенно неприступныхъ. За ними живетъ Аваръ-Ханъ: имя Аваръ, носимое симъ Ханомъ, принадлежитъ одному древнему Гунскому народу, и вотъ причина почему въ сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, изданнымъ въ Петербургѣ, языкъ сихъ Аваровъ, поставленъ въ слѣдъ за языкомъ Венгерскимъ; однако жь я не замѣтилъ никакого сходства между ними.

Графъ Зубовъ находился въ дружественныхъ связяхъ какъ съ народами Кавказскими такъ и съ другими, гораздо болѣе отдаленными, каковы суть: Туркменцы, Бухарцы и Авганцы. Бухарцы суть древніе Согдіяне; они смѣшались съ Туркменцами, которые извѣстны были подъ именемъ Узбековъ.

Наконецъ я къ великому моему удовольствію узналъ, что есть округъ, именуемый Талышинскимъ, которымъ управляетъ особый Ханъ и въ которомъ говорятъ языкомъ, коего Персы не понимаютъ. О существованіи сего небольшаго Государства, узналъ я сначала изъ одной Нѣмецкой книги; (*) въ ней говорится слѣдующее: „Въ Гиланѣ есть два рода жителей: Гиланцы и „Тальяне, одни живутъ въ долинахъ, другіе въ горахъ; Гиланцы говорятъ „языкомъ, который есть не что иное какъ нарѣчіе Персидскаго; языкъ „Тальянъ совершенно отличенъ, такъ что оба эти народа другъ друга не „понимаютъ; собака по Талышински и по Персидски называется *Спаке*, „а по Гилански *Секъ*“.

А я помню, что единственное Мидійское слово, сохраненное намъ Геродотомъ, есть *Спако* (сука) которое очень похоже на *Спаке*. Не уже ли Тальяне суть остатокъ Мидійцевъ? Но не станемъ далеко забираться въ поля Этимологіи, чтобы не насмѣшить остряковъ. С. Ф. Гмелинъ въ своихъ путешествіяхъ, былъ близко къ Талыши, былъ можетъ быть и тамъ; но для него, какъ для натуралиста, историческія изысканія о народахъ составляли предметъ посторонній; тоже самое можно сказать и о Гильденштетѣ и другихъ путешественникахъ, членахъ С. Петербургской Академіи.

6 числа получили изъ Астрахани приказаніе преслѣдовать разбойниковъ, которые появились на рѣкѣ Ахтубѣ. Посему тѣ, которыхъ мы встрѣтили, составляли только отрядъ сей шайки.

Погода была прекрасная; шли мы очень тихо; ночью принуждены были бросить якорь близъ одного острова; качало насъ, какъ на открытомъ морѣ. 7 погода сдѣлалась еще хуже. Для развлеченія, я началъ просматривать Сравнительный словарь въ четырехъ частяхъ; я нашелъ въ немъ около двухъ сотъ словъ, называемыхъ *Суздальскими*, изъ коихъ одна половина чистыя Русскія, а другая не происходитъ ни отъ какого Славянскаго нарѣчія: нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ кажутся совершенно Греческаго происхожденія; таковы суть: *кирія* (рука), *галимо* (молоко), *гиръ* (старикъ); *митесъ* (носъ) какъ въ Новогреческомъ языкѣ.

Вечеромъ пришли мы къ Черноярску. Я остановился у богатаго рыбака. Оттуда я весьма явственно различалъ за Ахтубою развалины Селитрянаго города. Это названіе получилъ онъ отъ находящихся въ немъ селитряныхъ

(*) Der Allneuerste Staat von Kasan, Astracan, Georgien и пр. Нюрембергъ 1724.—I томъ въ 12 д. л. съ рисунками.—Переведенное мною мѣсто находится на страницѣ 334.

заводовъ; прежнее имя его неизвѣстно, также какъ и имена многихъ другихъ городовъ, которыхъ развалины разсѣяны по степи.

8. — Мы прошли мимо острова, на которомъ поразило насъ нѣчто весьма примѣчательное; то былъ прекрасный домъ, недавно построенный Калмыцкимъ Княземъ; имя его Тюмень; ему первому опротивѣла жизнь кочевая. Однако жъ онъ все еще и нынѣ проводитъ часть лѣта подъ палаткою, и остался вѣрнымъ Ламайской религіи.

Во время буруна, который едва не кинулъ насъ на берегъ и заставилъ бросить якорь по срединѣ рѣки, матросы поѣхали за водою на близъ лежащій островъ; я воспользовался этимъ временемъ и сталъ писать замѣчанія на Геродота. Отецъ Исторіи путешествуетъ теперь со мною по Скиѳіи, посѣтивъ эту страну за 2,200 лѣтъ до меня. Съ тѣхъ поръ сто различныхъ народовъ обитали въ странѣ, въ которой я нахожусь; развалины ихъ городовъ покрываютъ степь, но имена ихъ исчезли. Тысячи Государей и славныхъ воиновъ похоронены въ степи и кто ихъ нынѣ знаетъ? Кто объ нихъ слышалъ? Одинъ Геродотъ, древнѣйшій изъ Историковъ, существуетъ въ своемъ твореніи. Не осталось ни малѣйшаго слѣда пути сражавшихся; пережило только то, что записалъ Геродотъ. Историкъ, говорилъ я себѣ, дѣйствительно можетъ нѣсколько гордиться, хотя счастливый Генералъ смотритъ на него съ презрѣніемъ. Придетъ время когда онъ будетъ жить — по милости Историка.

9. — Мы не могли окинуть взорами всего пространства разлива одного изъ рукавовъ Волги. Деревни какъ бы плавали въ рѣкѣ; стада криками своими требовали, чтобы ихъ отвели въ мѣста болѣе возвышенныя, которыя сдѣлались островами. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на дѣятельность вокругъ меня царствовавшую; на правомъ берегу возвышался рядъ Калмыцкихъ хижинъ или кибитокъ, и ихъ рыбачьи лодки, покрывали всю рѣку. Вѣтеръ, довольно слабый, по временамъ прибивалъ насъ къ островамъ, гдѣ нѣсколько тысячь вороновъ свивали гнѣзда; ужасные крики сихъ птицъ насъ со всѣмъ оглушали. Я съ начала готовъ былъ упрекнуть судьбу за то, что такъ много вороновъ; но жалоба моя превратилась въ удивленіе Провидѣнію, когда я узналъ отъ одного Астраханскаго жителя, что во многихъ округахъ орошаемыхъ Волгою не возможно было бы жить отъ гніющихъ рыбъ, если бы вороны ихъ не клевали.

Наконецъ, послѣ обѣда увидѣли мы Астраханскія колокольни; чрезъ нѣсколько часовъ мы подошли къ этому городу. Первый человѣкъ котораго

встрѣтилъ, выходя на берегъ, былъ Индѣецъ съ желтымъ цвѣткомъ на бу; послѣ того я уже не сомнѣвался что я въ Азіи. Въ гавани узнали ы, что десятеро изъ Волжскихъ разбойниковъ пойманы.

Пребываніе мое въ Астрахани доставило мнѣ возможность собрать разныя любопытныя свѣдѣнія. Первая орда, встрѣчающаяся на востокъ отъ Волги, состоитъ изъ Татаръ Ногайскихъ, походящихъ на Астраханскихъ. За Ураломъ или Яикомъ живутъ три орды Киргизцевъ, которые, говорятъ, могутъ выставить до 150,000 всадниковъ. — Послѣ Туркменцевъ Киргизцы самые дурные сосѣди, какихъ только можно имѣть въ Азіи. Хотя часть его народа признаетъ владычество Россіи, но частные люди часто сами ведутъ войну. Они переплываютъ Волгу или Яикъ, ведя лошадей своихъ за веревку, и горе Русскому, который попадется къ нимъ въ руки! Его отводятъ въ Хиву и продаютъ. Но и имъ платятъ тою же монетою; теперь въ Астрахани человѣкъ тридцать плѣнныхъ Киргизцевъ. Я видѣлъ ихъ плоскія лица; они составляютъ средину между Татарами и Калмыками, но выше ростомъ и сильнѣе сихъ послѣднихъ. Каракалпаки или черныя шапки составляютъ нынѣ орду уже не многочисленную, и кочуютъ по берегамъ Аральскаго озера; они нанимаются въ Хивѣ въ поденщики.

Хивинскіе Татары народъ осѣдлый; у нихъ есть постоянныя деревни и главный городъ. Деревянные ихъ домы выстроены хорошо; внутри смазаны и выкрашены. Хивинскій Ханъ плѣнникъ въ своемъ собственномъ замкѣ и тѣ, которые пользуются верховною властію, только дѣйствуютъ его именемъ; если имъ недовольны, то посылаютъ его въ Бухару и вызываютъ на его мѣсто другаго.

Набѣги Киргизцевъ доставляютъ каждому семейству въ Хивѣ по одному или по два Русскихъ плѣнника; если сіи послѣдніе согласятся сдѣлаться Мусульманами, то ихъ тотчасъ же освобождаютъ. Говорятъ, что не многіе изъ нихъ на это рѣшаются; тѣ которые женятся увеличиваютъ народонаселеніе и промышленность. Подробности сіи сообщены мнѣ однимъ Русскимъ, который слишкомъ двадцать лѣтъ былъ невольникомъ въ Хивѣ. Въ Астрахани всегда бываютъ купцы изъ сего города; они пріѣзжаютъ въ Россію какъ смѣло, какъ будто не нарушаютъ всеобщаго права покупая Русскихъ невольниковъ и поощряя такимъ образомъ Киргизцевъ къ новымъ набѣгамъ. Я встрѣчался со многими изъ нихъ; они грубы и необходительны; отъ нихъ много не узнаешь.

Городъ Бухара сообщаетъ тонъ всему Туркестану. Бухарскій Ханъ, владѣтель могущественный и столь искусный, что основываетъ власть свою на Θеократіи, ибо всегда говоритъ именемъ Корана. Бухарцы, древніе Согдіане, и теперь, какъ прежде производятъ всю торговлю въ Верхней Азіи. Они ѣздятъ за Индѣйскими товарами въ Мультанъ, за Китайскими въ Кашгаръ, за Русскими въ Оренбургъ. Древнее имя ихъ: Согдіяне, весьма походитъ на слово Судахеръ, которое, по Персидски, значитъ купецъ.

Туркменцы, живущіе по берегамъ Каспійскаго моря, также какъ и Киргизцы, народъ совершенно кочующій; главная отрасль промышленности ихъ есть грабительство; однакоже они производятъ нѣкоторый торгъ въ Мангишлакѣ, куда приходятъ для того Русскіе корабли; но никто не смѣетъ выйти на берегъ, пока они не дадутъ заложниковъ; даже эта предосторожность не всегда бываетъ достаточна. — По сему весьма было бы опасно итти познавать этотъ народъ въ его собственной странѣ. Есть также Туркменцы подвластные Россіи.

За Хоразаномъ лежитъ Кандагаръ, въ которомъ главный народъ суть Авганцы; Князь ихъ называется Земанъ-Шахомъ.—Въ послѣднее время они сдѣлали значительныя завоеванія; они владѣютъ многими Персидскими провинціями, и говорятъ тоже, что они завладѣли царствомъ Кашемирскимъ, откуда мы получаемъ тѣ тонкія шали, которыя такъ нравятся Европейскимъ дамамъ. Нынѣ въ Астрахани живетъ Авганскій Князь сынъ Ассадъ-Хана, котораго Царь Грузинскій Ираклій содержалъ въ неволѣ. Я не имѣлъ счастія съ нимъ познакомиться, но онъ можетъ быть не много сообщилъ бы мнѣ о своемъ отечествѣ, потому что всю жизнь свою провелъ въ Персіи.

Большая часть Индѣйцевъ, живущихъ въ Астрахани, родомъ изъ Мультана.—У нихъ есть Брамины, кающіеся, вода изъ Ганга, однимъ словомъ, все что принадлежитъ къ ихъ религіи. Я видѣлъ какъ они вечеромъ молились Вишну. Въ ихъ божественной службѣ есть наружное великолѣпіе, сколько позволяютъ мѣсто и обстоятельства. Астраханскіе Индѣйцы питаются мясомъ, но не ѣдятъ говядины изъ уваженія къ коровѣ. Они часто покупаютъ птицъ и выпускаютъ ихъ на волю, кормятъ собакъ, бѣгающихъ по улицамъ, и вообще оказываютъ великую привязанность къ животнымъ. Окончивъ дневную работу, они прогуливаются въ саду, который нанимаютъ; курятъ калеунъ, ѣдятъ сарачинское пшено; чудясь разсматриваютъ прекрасный цвѣтокъ или травку, удивляются Творцу въ малѣйшихъ его твореніяхъ и съ довольнымъ лицемъ возвращаются въ свои Каравансараи.

Они почитаютъ себя весьма счастливыми, если у нихъ есть платье темно-зеленое или алое, два цвѣта, которые они весьма любятъ. Когда они умираютъ, тѣла ихъ предаютъ огню, и пепелъ отправляютъ въ Индію. Прежде они и при жизни охотно туда возвращались, но теперь начинаютъ чувствовать цѣну личной свободы.

Я помню, что въ томъ возрастѣ, когда разумъ хотѣлъ бы вдругъ обнять всѣ познанія, и когда человѣкъ исполненъ силы и дѣятельности, я желалъ прочесть въ одно лѣто всѣ книги объ Естественной Исторіи, какія только тогда были. Вскорѣ случай привелъ меня въ Институтъ Бэлонскій, гдѣ я съ величайшимъ восхищеніемъ нашелъ всѣ предметы изученія моего, расположенные въ порядкѣ. Здѣсь случилось со мною тоже самое. Исторія народовъ Средней Азіи меня много занимала, но только въ книгахъ. Теперь я вижу передъ собою всѣ эти народы съ ихъ отличительными чертами, съ ихъ сходствомъ и различіемъ, съ ихъ нарѣчіями и преданіями. Мнѣ не нужно уже много работать воображеніемъ и памятью чтобы напоминать множество идей мало связанныхъ между собою. Все что я собралъ объ этомъ предметѣ, ясно представляется уму моему при первомъ взглядѣ и напечатлѣвается въ немъ неизгладимо. Но за то я встрѣчаю новыя трудности: вижу людей съ плоскими лицами, которые кажется мнѣ, принадлежатъ къ одному народу, но эти люди говорятъ разными языками. Съ другой стороны люди съ лицами совершенно не одинаковыми, говорятъ однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ и всѣ почитаютъ себя настоящими Татарами Чингисъ-Хана.

Въ Астрахани больше купцевъ Персидскихъ, нежели Индѣйскихъ; я видѣлъ двѣсти первыхъ, собравшихся въ каравансараѣ, который они украсили для праздника Госсейна; зданіе было освѣщено большими фонарями въ Китайскомъ вкусѣ, что производило прекрасный видъ. Но самое большое впечатлѣніе произвела на меня вѣротерпимость, какую можетъ быть чрезвычайно трудно найти на какомъ нибудь другомъ мѣстѣ земнаго шара. Послѣдователи Али, проклиная въ своихъ каравансараяхъ приверженцевъ секты Омара, могутъ слышать какъ призываютъ на молитву крики Муэззиновъ сихъ послѣднихъ, колокола Греческой церкви, тамтамъ Индѣйцевъ, и можетъ быть жужжанье Ламъ. Къ этимъ разнымъ религіямъ можно еще присовокупить нѣсколько сектъ Старовѣрцевъ, и всѣ Европейскія и Азіятскія Христіанскія общества.

Изысканія мои о древностяхъ, объ языкѣ и происхожденіи Персіянъ доставили мнѣ весьма пріятное занятіе. Въ новѣйшемъ Персидскомъ языкѣ

нашелъ я слова, приводимыя Страбономъ: *паропамизмъ* (покрытый снѣгомъ), *саропара* (головорѣзъ), *тигресъ* (стрѣла). Это обстоятельство заставляетъ меня думать, что новѣйшій Персидскій языкъ, не есть смѣшеніе Парѳянскаго и что слѣдовательно Европейскія слова, встрѣчающіяся въ немъ во множествѣ не происходятъ отъ Парѳянскаго. Основываясь на свидѣтельствѣ Страбона, я почитаю Персіянъ отраслью Мидійцевъ, покорившихся еще до временъ Кира. Съ другой стороны, я никакъ не могъ понять отъ чего Персы вдругъ исчезаютъ въ Исторіи и уступаютъ мѣсто свое Мардамъ. Я полагаю, что эти Марды, не что иное какъ Мидійцы. Моисей Хоренскій утвердилъ меня въ этомъ мнѣніи тѣмъ, что онъ Мидійца называетъ по Армянски *Марѣ*, а Мидійцевъ *Маратами*. Нынѣ Турецкій языкъ распространился почти въ цѣломъ Адербайджанѣ; но въ горахъ есть еще разныя полу-Персидскія нарѣчія, которыя можетъ быть остатки древняго Мидійско-Персидскаго языка.

Ежели изысканія мои счастливо доведутъ меня отъ народовъ и языковъ древнихъ, до народовъ и языковъ новѣйшихъ, то этимъ наиболѣе обязанъ я тому, что имѣлъ неожиданное счастіе найти превосходнаго учителя, который познакомилъ меня съ нынѣшними народами и ихъ языками. Учитель этотъ есть Аббасъ-Ханъ, знатный Персіянинъ, человѣкъ отличный по уму и сердцу. Ага Могамедъ-Ханъ питалъ къ нему такое уваженіе, что наименовалъ его Губернаторомъ Испагани, а потомъ Гиляни. Мустафа-Кули-Ханъ взялъ его въ плѣнъ въ сей послѣдней провинціи и увезъ въ Россію, какъ заложника безопасности его семейства, оставшагося во власти его брата.

Когда я пріѣхалъ въ Астрахань, Русское Правительство освободило Аббасъ-Хана. Онъ сбирался къ своему повелителю и уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ, обѣщая мнѣ пріемъ самый благосклонный. Вдругъ мы услышали, что Ага-Могамедъ-Ханъ убитъ своими собственными невольниками. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для Аббасъ-Хана; онъ впалъ въ уныніе. Не многіе его посѣщали; можетъ быть страшились прогнѣвать Мустафу. Я удивлялся тому, что человѣкъ такого характера, какъ Аббасъ-Ханъ, былъ такъ огорченъ смертію человѣка столь жестокаго; но онъ пользовался довѣренностію Ага-Могамедъ-Хана и притомъ Персіяне почитаютъ жестокость принадлежностію власти; они думаютъ, что безъ жестокости въ Персіи царствовать не возможно и многіе предпочитаютъ тиранство анархіи. При томъ Ага-Могамедъ-Ханъ имѣлъ полное право жаловаться на человѣчество; одинъ непріятель его отца сдѣлалъ его Евнухомъ еще въ

младенчествѣ; Могамедъ былъ потомъ невольникомъ при Дворѣ Керимъ-Хана, гдѣ онъ былъ посвященъ во всѣ таинства Персидской политики. Наконецъ онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ выказать свои дарованія противъ несчастнаго Гедаетъ-Хана, и какъ у него не осталось уже соперниковъ, то онъ царствовалъ почти десять лѣтъ въ Персіи. Предметомъ его честолюбія было титло Шаха. Онъ хотѣлъ покорить Князей Кавказскихъ и Хоразанскихъ, чтобы еще съ большимъ блескомъ возложить на себя вѣнецъ Надира; смерть положила конецъ гордымъ его замысламъ. Персія снова впала въ анархію.

Въ числѣ прочихъ познаній обязанъ я Аббасу-Хану познаніемъ Талишскаго языка, который есть не что иное какъ варварское нарѣчіе Персидскаго. Персіяне говорятъ *фадеръ* (*) (отецъ), *модеръ* (мать), *бурадеръ* (братъ); Талиши говорятъ: *Фаръ, муръ, бус;* они называютъ собаку не *спека*, какъ я сказалъ выше, но *сена*, что не много отличается отъ Геродотова *спако*. Впрочемъ въ небольшой землѣ Талишинской есть нѣсколько нарѣчій; въ моемъ Словарѣ содержатся тѣ изъ нихъ, которые употребляются въ странѣ приморской: тамошній купецъ Хаджи Хіассемъ диктовалъ мнѣ ихъ въ присутствіи Аббаса Хана, который провелъ два года въ этой странѣ. Теперь есть въ Астрахани посланный Талишинскаго Хана, но я его еще не видалъ, потому что онъ болѣнъ.

13-го Августа пріѣхалъ я Казацкою почтою въ Замянскъ, гдѣ встрѣтилъ людей Калмыцкаго Князя Тюменя; они поѣхали впередъ чтобы увѣдомить его о моемъ прибытіи. Я поплылъ вверхъ по Волгѣ въ лодкѣ, въ которой гребли двое Казаковъ и чрезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ Ордѣ. Князь встрѣтилъ меня при входѣ въ палатку, для меня приготовленную. Она была украшена Китайскою матеріею и въ ней стояла хорошая постель. Мнѣ подали ужинъ, приготовленный по Европейски, Тюмень и его сынъ разговаривали со мною весьма свободно по Русски; послѣдній учился въ Астрахани и довольно образованъ.

Слово *палатка*, которое я употребляю для означенія подвижнаго жилища Калмыковъ, также не точно какъ и Русское названіе *кибитка*, потому что эти хижины сдѣланы изъ рѣшетокъ покрытыхъ войлокомъ. Ихъ разбираютъ и складываютъ на верблюдовъ. Можно разобрать рѣшетки, такъ же какъ и ивовьи жердинки, называемыя *фулень*. Калмыки называютъ эти

(*) Fader, Moder, Broder, по Шведски и по Датски; сокращено: Far, Mör, Bröг.

жилища *Гирѣ*. Татарскія хижины дѣлаются почти также, но только бываютъ меньше; Татары называютъ ихъ Кара-чу.

14-го Августа меня разбудила Китайская музыка; я тотчасъ всталъ и пошелъ смотрѣть, какъ Гелонги молятся. Ихъ было человѣкъ тридцать въ Гирѣ. Они пѣли гимны съ аккомпаниментомъ музыкальныхъ инструментовъ, которые были мнѣ не совершенно незнакомы, потому что я видалъ ихъ часто на Китайскихъ обояхъ. Отъ времени до времени Гелонги дѣлали горломъ движеніе, какъ будто хотятъ плюнуть. Кромѣ этого ни что не нарушало однообразности ихъ пѣнія, которое продолжалось съ часъ. Всего болѣе поразило меня то, что у всѣхъ Гелонговъ были толстыя здоровыя лица, составлявшія совершенную противоположность съ лицами Калмыковъ, которые всѣ, не исключая даже и Князей, худы и желты.

Потомъ пошли мы въ гости къ Ламѣ, который по старости своей уже не присутствуетъ при молитвѣ; можетъ быть этого не дозволяетъ ему и его достоинство. Все въ его Гирѣ было на образецъ Китайскій и дѣйствительно получено оттуда. Лице его совершенно соотвѣтствовало всему окружающему; оно совершенно напомнило мнѣ пагоды, которыя прежде украшали наши камины. Его почитаютъ образцомъ святости и источникомъ мудрости. Я показывалъ Его Святѣйшеству сочиненіе отца Георги. Жрецъ читалъ весьма свободно Тибетскія слова, въ немъ находящіяся и удивлялся, что въ Европѣ есть книги, писанныя на этомъ священномъ языкѣ, и еще болѣе дивился привилегіямъ, которыя великій Лама даровалъ Миссіонерамъ. Я представилъ ему молодаго моего воспитанника, какъ потомка Амурфаны. Жрецъ, кажется, сначала сомнѣвался въ справедливости сего происхожденія; но когда я ему сказалъ, что Амурфана прижилъ въ Сибири сына, который былъ отвезенъ въ Польшу, женился тамъ и у него родился этотъ сынъ; что наконецъ у меня хранятся всѣ бурханы или идолы, принадлежавшіе сему Джунгарскому Князю, то онъ началъ глубоко размышлять и наконецъ признался, что разсказъ мой весьма правдоподобенъ. Воспоминаніе о блестящемъ Дворѣ Князя Контайше, при которомъ онъ провелъ свою молодость, такъ растрогало этого старика, что я принужденъ былъ сократить мое посѣщеніе; мнѣ послѣ сказывали, что по уходѣ моемъ онъ горько плакалъ.

Когда я возвратился отъ духовнаго начальника, Князь Тюмень представилъ меня Княгинѣ Нурджанѣ, супругѣ своей, женщинѣ молодой и весьма хорошенькой въ своемъ родѣ; тѣло ея было ослѣпительной бѣлизны, которую еще болѣе возвышали два совершенно черные локоны. Она читала Монголь-

скую книгу, въ коей описывались знаменитые подвиги Чингисъ-Хана. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я спросилъ, не сохранилось ли у нихъ какого воспоминанія объ Уйгурахъ, народѣ, которому приписываютъ изобрѣтеніе Монгольской азбуки. Тюмень отвѣчалъ мнѣ, что Калмыки ничего не знаютъ объ этомъ народѣ, но что у нихъ есть пословица: „Я не понимаю этого человѣка, онъ можетъ быть Уйгуръ“.

Я старался узнать также, не осталось ли какихъ слѣдовъ того почтенія, которое Монголы оказывали прежде къ порогу жилищъ ихъ и которое было столь велико, что Христіанскіе монахи, которые имѣли несчастіе прикоснуться къ нему кончикомъ ноги, были наказаны палочными ударами и имъ даже угрожали смертію.

Тюмень увѣрялъ меня, что сіе уваженіе сохранилось и понынѣ; дотронуться до порога можно, но сѣсть на немъ великій грѣхъ. Можетъ быть отъ этого происходитъ названіе Высокой Порты.

Между тѣмъ, какъ мы занимались этими историческими вопросами, Княгиня ухаживала за Князькомъ Хувашею, своимъ четырехлѣтнимъ сыномъ. Тюмень прижилъ съ Нурджаною только одного этого ребенка, который заслуживаетъ всю его нѣжность, потому что онъ можетъ быть самый хорошенькій изо всѣхъ Калмыковъ. Многоженство у Калмыковъ дозволено, но примѣровъ онаго встрѣчается не много.

Намъ подали водку приготовленную изъ кобыльяго молока (кумысъ) и чай вареный въ маслѣ. Водка не крѣпка и въ ней есть что-то жирное, что мнѣ не понравилось. Чай, который Калмыки выписываютъ изъ Китая собственно для себя, совсѣмъ не похожъ на нашъ. Онъ состоитъ въ толстыхъ дощечкахъ, твердыхъ почти какъ кирпичъ и покрытыхъ тонкою бумагою, исписанною множествомъ литеръ. Калмыки варятъ этотъ чай съ молокомъ и масломъ и дѣлаютъ такимъ образомъ изъ него питье здоровое и крѣпительное. Всѣ Татары приняли это обыкновеніе.

Мало по малу собирались фигуры, истинно чрезвычайныя и усѣлись около насъ. То были Татары Кундурскіе, кочевавшіе въ окрестностяхъ; они пришли засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе. Тюмень велѣлъ подать имъ кумысу; впрочемъ онъ, казалось, не очень уважалъ ихъ; напротивъ того эти Кундуры оказывали ему величайшее уваженіе. Мнѣ казалось удивительно, что гордые Мусульмане унижаются такимъ образомъ предъ идолопоклонникомъ. Но они уважали въ немъ кровь Чингисъ-Хана, его богатства и твердый

характеръ его, дѣйствительно почтенный, которому отдаютъ полную справедливость и Русскіе и кочевые народы отъ береговъ Яика до Кубани.

За обѣдомъ я, изъ учтивости, оказывалъ предпочтеніе лошадиному мясу; даже просилъ его. Пѣвецъ, который игралъ въ тоже время на ялгѣ, струнномъ инструментѣ, забавлялъ насъ за столомъ музыкою; больше я объ немъ ничего не могу сказать, потому что инструментъ его нисколько не походилъ на наши. Одна пѣсня его напомнила мнѣ извѣстные куплеты: Ramonez-ci, ramonez-lá, и проч. Послѣ обѣда пришли два Князя изъ фамиліи Дондукъ-Омбо; одинъ назывался Нукуилиномъ, имя другаго я забылъ. Они по Русски не понимали и имѣли понятіе не выше своего народа.

Тогда началась блестящая охота; Калмыцкіе Князья отправились съ соколами, Кундурскіе Татара также приняли участіе въ оной и вся равнина покрылась всадниками. Цаплей наловили столько сколько хотѣли и всякій возвратился весьма доволенъ.

Утромъ 15 числа я срисовалъ бурханы или истуканы въ часовняхъ, кибитки и все что принадлежитъ къ Ламайскому богослуженію. Все было весьма богато; бурханы украшены жемчугомъ; музыкальные инструменты обдѣланы серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Духовенство чрезвычайно многочисленно. Въ этой ордѣ, состоящей только изъ тысячи гировъ или 3000 душъ, духовныхъ всѣхъ классовъ считается 220 человѣкъ; но они люди не безполѣзные; одни обучаютъ юношество; другіе искусны въ медицинѣ и особенно въ познаніи простыхъ лечебныхъ средствъ. Гелонги сіи не имѣютъ нужды просить милостыни, народъ, безъ ихъ просьбы, приноситъ имъ все нужное. Послѣ обѣда присутствовалъ я при духовной церемоніи, совершенно отличной отъ первой. Гелонги одѣты были въ небольшія но весьма богатыя мантіи; на нихъ были передники изъ Китайской матеріи и драгоцѣнныя митры, украшенныя фигурами. Костюмъ ихъ походилъ на одѣяніе Китайскихъ Бонзъ. При этомъ не играли ни на какомъ инструментѣ; всякой монахъ держалъ въ лѣвой рукѣ мѣдную гремушку, а въ правой орудіе, котораго я не знаю ни имени, ни употребленія: у каждаго была сверхъ того мѣдная чаша и сѣмена, завернутыя въ холстину. Предъ молитвою они держали предъ глазами кусокъ тафты, потомъ бормотали потихоньку какія-то слова, производя по временамъ звукъ, который я замѣтилъ на канунѣ. Иногда они складывали руки, точно такъ какъ мы, когда молимся, потомъ бросали сѣмена на воздухъ. Одинъ изъ нихъ всталъ, зажегъ на олтарѣ Ѳиміамъ, взялъ сосудъ въ которомъ былъ пухъ, налилъ

изъ него какую-то желтую жидкость въ раковину, а оттуда разлилъ ее въ чашки всѣхъ монаховъ; они ее пили, намочили ею лобъ, а остальное поднесли богамъ. Всѣ сіи обряды производились, кажется, по установленному порядку; такъ какъ они кончились нескоро, то я имѣлъ время срисовать монаховъ и мѣсто гдѣ они находились.

16-го осматривали мы хуторъ; я видѣлъ тамъ довольно хорошенькихъ пастушекъ, которыя доили кобылъ. Возвращаясь къ Тюменю мы поймали еще нѣсколько цаплей. Калмыкъ не дѣлаетъ ни шагу безъ своего сокола. У каждаго есть свой, котораго самъ кормитъ и почти цѣлый день имъ занимается.

Послѣ обѣда судили двухъ человѣкъ, которые нарушили законы цѣломудрія. Преступники были Кундурскій Татаринъ, довольно уже пожилой и Калмычка очень молоденькая, но чрезвычайно не прихожая. Обольстителю опредѣлено было дать нѣсколько ударовъ канчукомъ, которые и были даны съ величайшею благопристойностію и, смѣю сказать, къ удовольствію и бившаго и битаго. Надобно замѣтить, что преступный Татаринъ принялъ на себя трудъ обучить въ хуторѣ дикую лошадь, что расположило Калмыковъ въ его пользу. Онъ, казалось, чрезвычайно радовался, что отдѣлался такъ дешево, ибо боялся, что принужденъ будетъ оставить у себя свою красавицу. Завтра мы будемъ обѣдать въ Ордѣ этого любовника, битаго и довольнаго.

Въ первые дни пребыванія моего въ Ордѣ, дули морскіе вѣтры, весьма холодные; послѣ сдѣлались очень жаркими и пронзительными. Перемѣнчивость погоды причинила многимъ Калмыкамъ насморки, что съ ними случается рѣдко, а другимъ лихорадки. Тюмень также сдѣлался болѣнъ; и я не избавился отъ этого и страдалъ болѣе всѣхъ. По сему я выѣхалъ изъ стана и перешелъ въ прекрасный домъ, который хозяинъ мой выстроилъ для житья зимою. Перемѣна жилища и старанія, которыя обо мнѣ прилагали, скоро возстановили мое здоровье; завтра могу я слѣдовать за ордою, которая должна перекочевать. Мы будемъ на свадьбѣ. Динъ-Эсламъ, богатѣйшій изъ Татаръ Кундурскихъ, выдаетъ дочь замужъ; меня увѣряютъ, что великолѣпіе пира, который онъ даетъ, превзойдетъ все, что только можно вообразить.

20-го я рано поутру отправился въ Орду, которая была уже на походѣ. Чрезвычайное множество верблюдовъ везло палатки и багажъ. Ихъ вели женщины верхами; у нѣкоторыхъ были на переди сѣдла дѣти. Бѣднымъ надобно было не много времени, чтобы скласть на верблюда все имъ при-

надлежащее. Никто не шелъ пѣшкомъ: всѣ были верхами, даже и старый Лама, который ѣхалъ впереди своего синода.

Слѣдовавъ нѣсколько времени за колонною мы поворотили въ право и въѣхали на земли Кундурскихъ Татаръ, гдѣ шествіе наше часто прерывалось, потому что надобно было переѣзжать, образомъ выше описаннымъ, нѣсколько сотенъ рѣчекъ, впадающихъ въ Волгу и мы часто принуждены были ихъ переплывать. Мы ѣхали мимо множества Кундурскихъ ауловъ и наконецъ прибыли къ аулу Динъ-Эслама, который узнали издали по толпѣ его окружавшей. Первые знаки почтенія оказали мнѣ дѣвушки, которыя качались на одномъ пригоркѣ. Когда мы приближались, онѣ перестали играть и сжались такъ плотно, что мы видѣли одни ихъ шелковые платочки. Князь Тюмень привѣтствовалъ ихъ на Калмыцкомъ языкѣ и просилъ ихъ не уходить отъ насъ, потому что мы пріѣхали только для того, чтобы посмотрѣть на ихъ пляску. Сіи вѣжливыя слова и звукъ инструментовъ, сдѣлали молодыхъ нимфъ благосклоннѣе; онѣ подняли нѣсколько свои покрывала и показали намъ концы своихъ приплющенныхъ носовъ; двѣ даже встали и подошли къ намъ. Музыкантъ снялъ съ нихъ покрывала; при семъ знакѣ онѣ начали плясать, но такъ потупили глаза, что они казались совсѣмъ закрытыми. Хотя онѣ ничего почти не видали, но не теряли такта и въ движеніяхъ ихъ было довольно пріятности. По окончаніи пляски, онѣ закрыли лице руками, чтобы скрыть дѣтское смущеніе; музыкантъ возвратилъ имъ покрывала и онѣ ушли съ чрезвычайною скромностію. Одежда сихъ молодыхъ дѣвушекъ была весьма странна по множеству серебряныхъ цѣпочекъ, дощечекъ, наручниковъ, пуговицъ, ладонокъ и другихъ подобныхъ вещицъ, которыми онѣ были обременены; на носу у нихъ были кольца, украшенныя драгоцѣнными каменьями.

Потомъ пошли мы къ женщинамъ, которыя одѣвали невѣсту. Ничего не было забыто для того, чтобы пиръ сдѣланъ блестящимъ. Убили четырехъ лошадей, четырехъ быковъ и четырехъ овецъ. Старшины принесли хвосты жирныхъ овецъ, кишки, головы и другія лакомства. Я невольно вспомнилъ свадьбу Гамаха. Для насъ приготовлена была палатка; я разговаривалъ въ ней съ Бегъ-Аліемъ, Кундурскимъ Муллою. Для Ногайца, онъ весьма ученъ и что еще рѣже, желаетъ научиться болѣе. Ему сказывали, что у меня есть Турецкая Грамматика. Ему очень хотѣлось ее видѣть. Мы много говорили объ Исторіи Кундурцевъ: они настоящіе Ногайцы, но приняли обычай жить въ Гирахъ Калмыцкихъ, отъ чего аулъ ихъ не походитъ на другіе

Татарскіе аулы. Зимою они живутъ въ домахъ близъ Красноярска. Однакожъ у нихъ еще находится въ употребленіи Гильдерга, родъ тележки съ дышломъ, которую они ставятъ возлѣ палатки и которая служитъ имъ сундукомъ. Обычай сей весьма древенъ, ибо о немъ упоминается въ *посольствахъ* Менандра. Станы ихъ отличаются отъ становъ Астраханскихъ Татаръ тѣмъ, что каждое семейство занимаетъ въ немъ большое пространство.

Обѣдъ подавали въ большихъ и малыхъ корытахъ. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ была четверть кобылятины, въ другихъ баранина, сарачинское пшено и просо.

Послѣ обѣда всѣ сѣли на лошадей; началась блестящая скачка, за которою должна была слѣдовать борьба; но по причинѣ нашего отъѣзда мы не могли дождаться ее.

До захожденія солнца пріѣхали мы на берега Ахтубы, гдѣ ожидали насъ верблюды, для того, чтобы на нихъ могли переправиться чрезъ рѣку важнѣйшіе люди изъ нашего общества; другіе перебрались чрезъ ее вплавь. Уже довольно поздно ночью прибыли мы въ новый станъ орды; въ этотъ день проѣхали мы около пяти Нѣмецкихъ миль, что очень довольно для человѣка едва выздоравливающаго. Я отдыхалъ и записывалъ дневныя произшествія, когда Тюмень пришелъ показать мнѣ свои кольчуги; каждая изъ нихъ имѣла свое имя, какъ мечъ Роланда назывался *Дурандалемъ*, а сабля Болеслава, Короля Польскаго, *Щербцомъ*. Самое примѣчательное вооруженіе Тюменя называется Китчинъ-Килинтукъ (рубашка Китчинъ-Хана). Она извѣстна у всѣхъ Татаръ и даже на Кавказѣ.

22 числа поѣхалъ я въ Джидъ-Хаджи, который Русскіе называютъ Селитрянымъ-Городкомъ. Цѣлью сего путешествія было осмотрѣть развалины Татарскихъ строеній. Надежда моя была совершенно не исполнена. Нынѣ остались только огромныя кучи кирпичей; нѣкоторые изъ нихъ муравлены съ одной стороны голубымъ, зеленымъ или бѣлымъ цвѣтомъ; встрѣчаются даже остатки мозаика. Четыре видимыя тамъ башни построены въ новѣйшія времена; онѣ, такъ же какъ и стѣны въ Астрахани, построены изъ старыхъ кирпичей. Доказательствомъ недавняго построенія ихъ служитъ смазка, *которая состоитъ изъ дурной глины и нейдетъ въ сравненіе съ тою*, которую Татары употребляли прежде, потомъ оконныя рамы, сдѣланныя въ новѣйшемъ вкусѣ; наконецъ муравленыя черепицы, перемѣшанныя съ другими, которыя Татары употребляютъ только на двери и гуськи. Кажется, что Русскіе хотѣли прежде сдѣлать здѣсь крѣпостцу для защиты плаванія

ихъ по Ахтубѣ; на одной изъ сихъ башень была даже сдѣлана деревянная будка, которая и теперь еще существуетъ.

Путешественники, которые говорили о могилахъ съ кирпичными сводами, ошиблись. Подъ словами *могила*, курганъ и бугоръ изъ кирпичей, Русскіе разумѣютъ не что иное какъ развалины, или кучу обломковъ. Между четырьмя башнями, о которыхъ говорилъ я, замѣтны также слѣды деревянныхъ домовъ, безъ крышъ, безъ дверей и безъ оконъ; въ нихъ живутъ только змѣи и тарантулы. Одно бѣдное Русское семейство поселилось здѣсь въ надеждѣ завести небольшой торгъ съ кочующими народами. Я не понимаю, какъ змѣи могутъ жить въ мѣстѣ столь высокомъ и сухомъ; а между тѣмъ нельзя сдѣлать ни шагу, не встрѣтивъ одну изъ сихъ гадинъ. Бывшіе тутъ Татары и Калмыки казались чрезвычайно удивленными при встрѣчѣ съ иностранцами. Вечеромъ услыхали мы другихъ обитателей сей страны; то были волки, которыхъ вой распространялъ страхъ между собаками, составлявшими единственный гарнизонъ сей древней крѣпости. Я не посовѣтую ни одному ипохондрику оставаться долго посреди развалинъ Джидъ-Хаджи, потому, что зрѣлище оныхъ и бѣдняковъ въ нихъ обитающихъ, степь, окружающая ихъ со всѣхъ сторонъ и теряющаяся изъ вида, свистъ змѣй и вой волковъ дѣлаетъ сію страну самымъ ужаснѣйшимъ жилищемъ во всемъ свѣтѣ.

На три дня ѣзды къ сѣверо-западу отъ дороги въ Джидъ-Хаджи, уединенная гора возвышается посреди степи; Русскіе называютъ ее *Богдо-Гора*, Калмыки *Богдо-Ула*. Богдо, слово Монгольское, и значитъ святый, великій, величественный. Посему когда Русскій кабинетъ даетъ Китайскому Императору титло Его *Богдо-Ханскаго Величества*, то это не значитъ *Ханъ, данный небомъ;* въ этомъ случаѣ употребляютъ старинное слово, которое вѣроятно, принято было въ Россіи въ то время, когда уже Монголы владычествовали въ Китаѣ. Здѣсь многіе расказываютъ объ этой горѣ Богдо; между прочимъ говорятъ, что на вершинѣ оной обитаетъ Калмыцкой геній, который не впускаетъ на нее никого далѣе извѣстной высоты и низвергаетъ въ пропасть каждаго, кто осмѣлится ему противиться. Приключеніе столь необычайное было бы для меня довольно привлекательно; но ночи становились уже холодными и даже дни не такъ жарки, чтобы вымочясь на сильномъ дождѣ или при переходѣ чрезъ рѣку, можно было высохнуть. Лихорадка, отъ которой я едва отдѣлался, пугаетъ меня болѣе, нежели геній; и посему я отказываюсь отъ славы забраться въ его еѳирное жилище.

23-го числа я возвратился въ орду довольно поздно; я видѣлъ многочисленные обряды, съ которыми Гелонги объявили постъ, называемый *Матрегъ*. Вечеромъ пріѣхали Черкесы, которыхъ мы заставили плясать. Пляска сего народа походитъ на Казацкую и это неудивительно, потому что оба народа живутъ такъ близко одинъ съ другимъ. Но отъ чего пляска Норвежцевъ походитъ на Казацкую? Этого я никакъ не умѣю объяснить, хотя и видѣлъ ее въ Копенгагенѣ. Какъ я уже началъ говорить о жителяхъ Кавказа, то прибавлю, что я много ихъ видѣлъ въ Астрахани и между прочими одну Чеченскую Княжну; война принудила ее удалиться въ этотъ городъ. Она довольно хороша и довольно образована по своему, т. е. она знаетъ Турецкій языкъ, такъ какъ на немъ говорятъ въ Персіи. Впрочемъ она не избавилась отъ своихъ національныхъ предубѣжденій. Ей было очень скучно въ такой землѣ, гдѣ на дорогахъ не грабятъ вооруженною рукою; украденная ленточка пріятнѣе для нее жемчужнаго ожерелья, купленнаго. Она тщеславилась тѣмъ, что, съ самаго начала Свѣта, Князья ея дома, всегда грабили по дорогѣ въ Тифлисъ и Баку; и она была бы въ отчаяніи, еслибы ея родственницы и пріятельницы узнали, что она вышла замужъ за человѣка, который живетъ не разбоемъ. Я думалъ что это преувеличеніе, но Тюмень, который хорошо знаетъ отечество этой женщины, потому что нѣсколько разъ былъ тамъ въ походахъ, разсказывалъ мнѣ, что, ежели какой нибудь Князь недовольно ревностно занимается благороднымъ ремесломъ разбойника, то проходящіе складываютъ передъ его жилищемъ кучи камней, расположенныхъ извѣстнымъ образомъ, чтобы обезславить его на всю жизнь. Вообще Кавказскіе народы являютъ странную смѣсь необразованности и великодушія; они лгуны, воры и обманщики съ иностранцами, но оказываютъ геройское презрѣніе къ жизни и ненарушимое уваженіе къ гостепріимству; наконецъ они друзья искренніе.

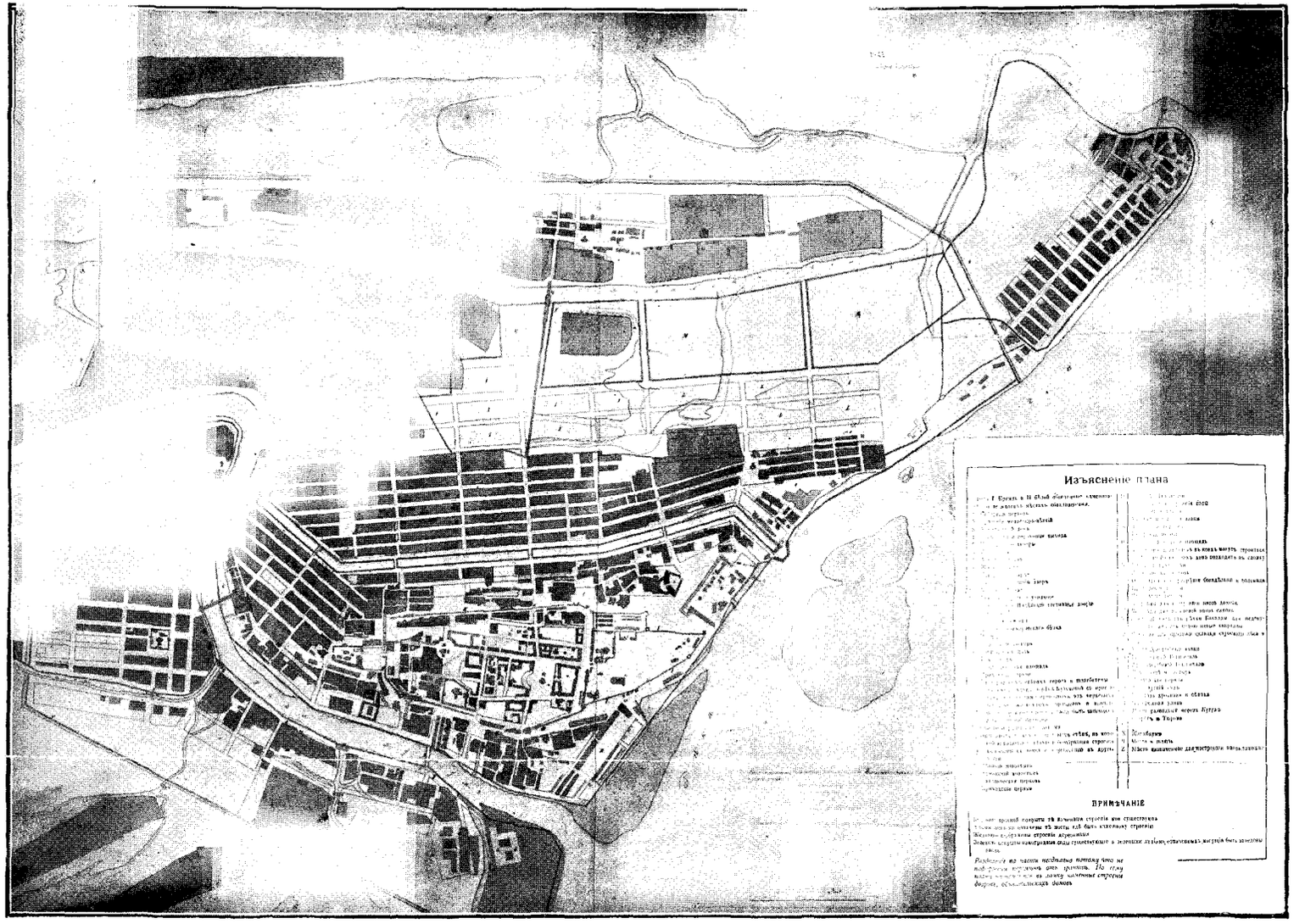
Сегодня 24-го числа, во всей ордѣ и между прочимъ у Княгини Нурджаны производились разные обряды Ламайской вѣры. У нее на колѣнахъ была книга, состоящая изъ отдѣльныхъ листовъ; которые она раздавала всѣмъ присутствующимъ, и они пѣли написанное въ оныхъ какъ священную пѣснь. Въ другихъ гирахъ также пѣли или вертѣли Курдесы, родъ клепала; у Ламаитовъ это занятіе стоитъ молитвы.

Я ходилъ прощаться съ Ламою; и говорилъ съ нимъ о Дворѣ Галданъ-Церенга, при которомъ этотъ Первосвященникъ въ молодости жилъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что народонаселеніе четырехъ Калмыцкихъ поколеній

полагали въ это время въ 300,000 гировъ или по Русскому счисленію въ 1.800,000 душъ. Сверхъ того, Татаръ повинующихся Контайше, въ Малой Бухаріи могло быть душъ 400,000. Татары сіи совершенно походятъ на Астраханскихъ, живутъ въ городахъ и воздѣлываютъ сады. Галданъ-Церенгъ вызвалъ многихъ изъ нихъ, чтобы развести сады по берегамъ рѣки Или. Въ этой странѣ есть также гора Богдо-Ула, которой Гелонги поклоняются.

Я ходилъ въ послѣдній разъ къ Княжнѣ и пилъ съ нею чай: потомъ простился съ Тюменемъ и его любезнымъ семействомъ.

Съ Франц. — нъ.



Планъ г. Астрахани 1798 г.

(Копія проекта Гражданск. Губернат. **Захарова**. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„быть по сему АЛЕКСАНДРЪ въ С.-ПБ., Іюня 25, 1801 г.“)*

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ

ВЪ 1799 ГОДУ

Владимира Измайлова.

Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ)—писатель конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія (1773—1830) родился и умеръ въ Москвѣ. Для нашихъ цѣлей важно будетъ отмѣтить, что онъ былъ большимъ поклонникомъ Ж. Ж. Руссо, послѣдователемъ Карамзина и являлся видимымъ представителемъ сантиментальнаго направленія въ литературѣ того времени. Сочиненіе, изъ четвертой части котораго мы заимствуемъ описаніе Астрахани, снабжено слѣдующимъ характернымъ эпиграфомъ:

„D'autres rapporteront des marbres, des mé-dailles, des productions d'Histoire Naturelle: moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens et des idées".

DU PATY.

Предоставляя другимъ вывозить изъ путешествій вещественныя доказательства—произведенія природы и человѣческаго искусства, авторъ довольствуется тѣмъ, что сообщаетъ о своихъ чувствахъ и размышленіяхъ.

Астрахань.

Посѣтите сей важной городъ въ нашемъ отечествѣ, вы которые любите памятники его славы!

Паденіе Капчатскаго царства было началомъ нашей народной славы; и развалины древней Астрахани, явленіе новой, границы Россіи отдаленныя до Каспійскаго моря, являютъ часть того великаго театра, на которомъ по изтеченіи двухъ мрачныхъ столѣтій *) возсіяла наконецъ щастливая звѣзда Россіи.

Кажется, что Астрахань есть памятникъ, вознесенный въ честь Великому Царю Іоанну **).

Все оживляется въ мысляхъ, когда городъ представляется взорамъ, когда величественнѣйшая рѣка въ мірѣ шумитъ въ необозримомъ ея про-

*) Россія была подъ игомъ Татаръ отъ 1224 до 1462 года.

**) Іоаннъ разрушилъ городъ Астрахань и присоединилъ къ Россіи Царство Астраханское въ 1554 году.

странствѣ; когда множество храмовъ и зданій, покрытыхъ печатью вѣковъ, погружаютъ въ глубокую сѣнь древности; когда перелетѣвъ грозную Волгу, приближаешся къ стѣнамъ Астрахани, и ступаешь на берегъ, гдѣ является образъ дикихъ, но героическихъ временъ, гдѣ мѣста великихъ браней обновляютъ въ памяти Исторію, гдѣ дымятся, кажется, кровавые слѣды Токтамытовъ, Тамерлановъ, Ахматовъ.

Послѣ кремля, Собора, крѣпости, которые служатъ памятниками отдаленнаго вѣка, далѣе во внутренности города низпадаетъ завѣса древности, чтобы уступить мѣсто перемѣнамъ новѣйшихъ временъ.

Здѣсь является въ самомъ дѣлѣ другая картина, достойная любопытства; здѣсь удивляешься смѣшенію разныхъ народовъ, которые стеклись, кажется, изъ всѣхъ предѣловъ свѣта; здѣсь встрѣчаются важные Индѣйцы изъ отечества Браминовъ и Гимнософистовъ, Татаре нѣкогда побѣдители міра, а нынѣ рабы народовъ, Калмыки, презрѣнные чада природы, Персіяне, слабые остатки могущественной державы Кировъ и Даріевъ, Армяне, Кабардинцы, Грузинцы и тысячи другихъ народовъ; здѣсь улыбаешься на Дервиша со лбомъ раскрашеннымъ, съ лицемъ смуглымъ, въ одеждѣ Арлекина, смотришь въ то же время на безобразнаго Калмыка, и рядомъ съ ними пленяешься ростомъ, одеждою и красотою Черкеса; здѣсь ловишь черты разнообразія въ родѣ человѣческомъ лучше, нежели въ Бюффонѣ *); видишь превращенія лицъ и одеждъ, и съ пріятнымъ изумленіемъ слышишь звуки незнакомыхъ выговоровъ, которые напоминаютъ о Вавилонскомъ смѣшеніи языковъ; здѣсь узнаешь наконецъ, что Астрахань есть маленькое царство, извлеченное, такъ сказать, изъ царствъ Азіатическихъ.

Вотъ первый взглядъ на Астрахань.

Крайній предѣлъ нашей Имперіи между Югомъ и Востокомъ, между 46 и 47 широты, въ 80 верстахъ отъ Каспійскаго моря; городъ расположенный на восточномъ берегу Волги, на островѣ окруженномъ сею величественною рѣкою; городъ обширный и довольно населенный; печальный по общежитію, но веселый по торговлѣ, наконецъ славный по древности и едва извѣстный во времена наши: вотъ въ нѣсколькихъ словахъ нынѣшняя Астрахань.

*) См. Variétes de l' espece humaine, въ Historie Generale de la Nature par Buffon.

Первой предметъ любопытства есть кремль, каменная стѣна съ зубцами, расположенная на холмахъ, подобно Московской, увѣнчанная куполами Собора и внутри украшенная огромнымъ Архіерейскимъ домомъ. Главное его достоинство состоитъ въ томъ, что стѣны, храмы и украшенія носятъ на себѣ глубокіе слѣды вѣковъ и печать готическаго вкуса.

Адмиралтейство обращаетъ на себя вниманіе; основаніе его считается отъ лучшей эпохи нашей славы, отъ временъ Петра Великаго. Здѣсь Рускій смотритъ съ гордостію на верфи, которыя напоминаютъ ему о безсмертномъ Сардамскомъ работникѣ, о которомъ сказалъ нашъ великой Поэтъ:

Оставя скипетръ, тронъ чертогъ;
Бывъ странникомъ въ пыли и потѣ—
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блеститъ величествомъ въ работѣ.

Взгляните на ряды и лавки. Тамъ увидите вы мѣсто всемірнаго торга, и стеченіе всѣхъ торгующихъ народовъ. Здѣсь Персіянецъ разстилаетъ тонкія шали, тамъ Индѣецъ показываетъ другія; далѣе Армянинъ перебираетъ каленкоры, ситцы, и разныя шелковыя матеріи. Еще одинъ шагъ, и вамъ попадается лавка Рускаго, полная кожами *), и рядомъ съ Рускимъ сидитъ Татаринъ за продажею ножичковъ, ноженокъ и разныхъ подобныхъ бездѣлокъ, и множество другихъ иноземныхъ купцовъ съ разными товарами, съ перемѣнными лицами въ необыкновенныхъ одеждахъ.

Естьли хотите наконецъ взглянуть на все, что есть въ городѣ, то забѣгите на *Индѣйской Дворъ*, гдѣ Мультаны курятъ на диванахъ, или молятся по вечерамъ великолѣпнымъ идоламъ; загляните въ Армянскую церковь, гдѣ богатство украшеній служитъ доказательствомъ зажиточнаго состоянія Армянъ, какъ и глубокой ихъ вѣры; и наконецъ явитесь на часъ взглянуть на картину Волги, которую разсѣкаютъ плывущія барки, которая несетъ на одномъ берегу толпу шумящаго народа, а на другомъ красивую Казацкую слободу.

Теперь надлежало бы взглянуть на развалины древней Астрахани, города и царства сего имяни; развалины, которыя находятся въ 60 верстахъ отъ нынѣшней Астрахани. Но я стою на мѣстѣ побѣдъ нашихъ надъ

*) Путешественникъ описывалъ лавки, какъ онѣ ему представлялись.

Татарами, и не хочу итти на другое, чтобы воображать нашихъ красавицъ плѣнными, и нашихъ Героевъ обезоруженными въ рукахъ щастливаго варвара.

Сады Крымскіе! сады Судажскіе! рано былъ я подъ тѣнями вашими, не видалъ зрѣлаго винограда, не вкушалъ сладкаго плода его! Какъ прекрасны сады Астраханскіе во время зрѣющаго винограда! но чтожъ должны быть тогда Крымскіе?

И такъ я встрѣтилъ цвѣтущее лѣто на живописныхъ берегахъ Сальгира. Златая осень съ виноградной вѣтвою въ рукѣ встрѣтила меня въ набережныхъ садахъ Астрахани. Надѣюсь теперь встрѣтиться съ холодною зимою на поляхъ Московскихъ, чтобы укрыться отъ холода въ теплой хижинѣ и согрѣться въ объятіяхъ дружества.

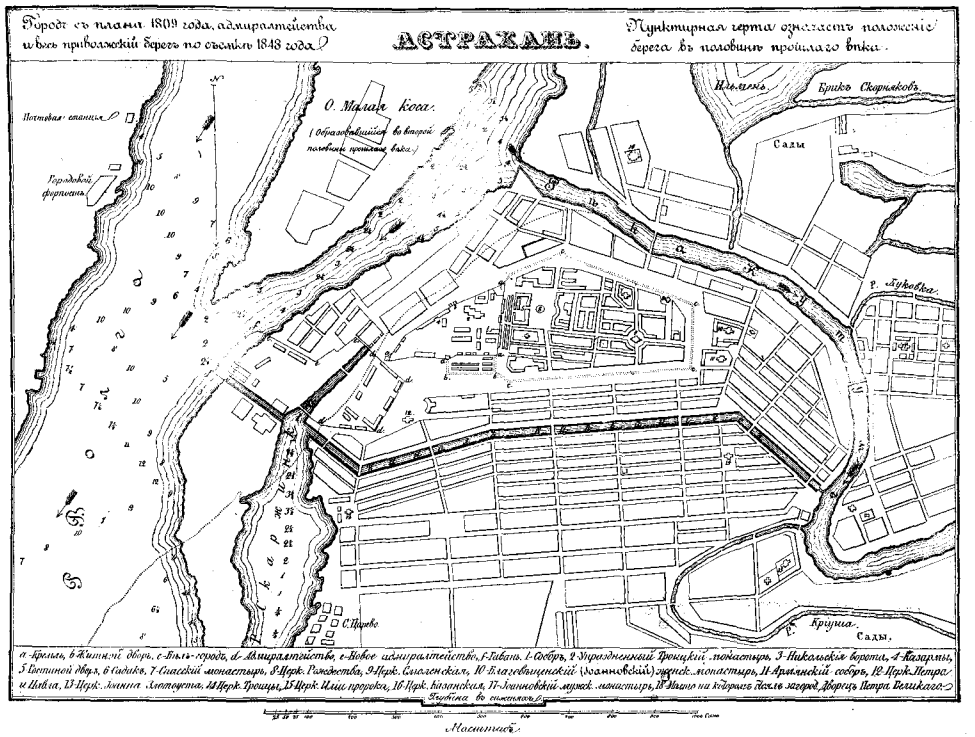
Такъ размышлялъ я, гуляя одинъ за городомъ и приближаясь къ садамъ виноградным.

Прекрасно и сіе время года, когда натура зеленымъ вѣнцемъ украшаясь, несетъ въ рукѣ златую чашу изобилія; пріятно видѣть, какъ деревья подъ тяжестію плода гнутся, какъ благодарные сыны земли летятъ на встрѣчу къ дарамъ щедрой природы; какъ щастливый конецъ осени вѣнчаетъ надежды вѣсны и лѣта; пріятно гулять въ сихъ богатыхъ садахъ, орошенныхъ Волгою *), осѣненныхъ зеленою тѣнью, украшенныхъ виноградными кистями.

Въ здѣшнихъ садахъ есть около 20 разныхъ родовъ винограда; кишмишь съ Персидскаго залива; Венгерской бѣлой и черной, Цареградской самой крупной; красносѣрой, душистой, толстокорой и проч.; но нѣтъ ни одного, которой бы не былъ чрезвычайно пріятенъ для вкуса. Я освѣжался плодомъ тотчасъ на деревѣ сорванномъ, радовался на прекрасныя кисти, и думалъ: чего не производитъ природа изъ любви къ произведенію, и чемъ не наслаждается человѣкъ изъ любви къ наслажденію!

Молодой Армянинъ, охотникъ и знатокъ, водилъ меня по садамъ и охотно отвѣчалъ на мои вопросы. Когда сбирается у васъ виноградъ? — Черезъ двѣ недели, то есть въ половинѣ Сентября, начинается рѣзка. —

*) Всѣ виноградные сады въ Астрахани стоятъ на берегу Волги.



Планъ г. Астрахани.

(Изъ статьи **А. Соколова**, помѣщенной въ Морскомъ Сборн. 1849 г., Февраль.)

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

Въ какое употребленіе вы обращаете его? — Выжимаемъ изъ него вины, водки, уксусъ и отправляемъ свѣжій въ Москву и Петербургъ.—Платитъ ли онъ вамъ за убытки содержанія?—Съ барышемъ въ самой дурной годъ.—Дорого ли стоитъ содержаніе?—Чрезвычайно, по причинѣ засухи, которая здѣсь продолжается во все лѣто; водяныхъ машинъ, которыя мы строимъ для поливанія садовъ; денщиковъ, которымъ платимъ очень дорого; и жестокихъ зимнихъ морозовъ, отъ которыхъ предохранить виноградъ стоитъ великаго труда и великихъ попеченій.

Знаете ли, что начало садовъ виноградныхъ въ Астрахани щитается также отъ временъ Петра великаго, который велѣлъ непремѣнно разводить ихъ *)?

И такъ человѣчество, художества, натура, все въ Россіи одолжено своимъ образованіемъ сему Великому Царю и Генію.

Нѣсколько словъ о жителяхъ города.

Здѣсь нѣтъ души общежитія; ибо нѣтъ общества и досуга. Иноземцы торгуютъ; Рускіе служатъ; остатокъ людей работаетъ.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Комендантомъ Княземъ Урусовымъ, которой ввелъ меня въ домъ Гражданскаго Губернатора Захарова. У перваго бываю я всякой день, люблю его душу и хвалю умъ. Послѣдній позволяетъ мнѣ также посѣщать себя. Руская Литтература бываетъ предметомъ нашего разговора. Онъ любитъ читать, имѣетъ большую Рускую Библіотеку и самъ пишетъ. Онъ одинъ изъ Членовъ Россійской Академіи; Телемакъ его перевода; Славянской языкъ есть предметъ его великаго уваженія. Супруга сего почтеннаго человѣка угощаетъ у себя по нѣкоторымъ днямъ здѣшнее дворянство и купечество, но мало пользуется, по собственному ея признанію, удовольствіями общественной жизни.

Изъ чужестранныхъ собираются между собою богатые Армянскіе купцы, которыхъ ласка, добросердечіе и простота въ нравахъ мнѣ полюбились.

Посѣтимъ убѣжище страждущаго человѣчества, сказалъ я самъ себѣ, увидя за городомъ во время прогулки одно огромное зданіе и надъ нимъ сію надпись: *Павловская больница.*

*) См. Observ. faites dans un Voy. entrep. dans les part. meri de la Russie par. P. S. Pallas. Tom. 1. page 180. и 184.

Пространной дворъ, усыпанной чистымъ пескомъ и обсаженной густыми деревами, привелъ меня къ крыльцу каменнаго дома, откуда, сквозь раскрытыя окна, выглядывали томные страдальцы съ блѣдными лицами, и глотали, казалось, каждое дуновеніе вѣтерка, чтобы освѣжить болѣзненныя груди цѣлительными испареніями воздуха. Взоры, самые слабые взоры говорили ясно, что зрѣлище Природы услаждаетъ чувствительность сердецъ. Я остановился на минуту, читалъ въ ихъ глазахъ и сердцѣ, и чувствовалъ кроткое умиленіе, съ которымъ и вошелъ въ святый храмъ благотворенія.

Нельзя думать безъ признательности о первомъ благодѣтелѣ, которой привелъ къ мѣсту тишины людей слабыхъ и страждущихъ; отвелъ каждому уголокъ покоя, и призрѣлъ, подобно Богу, тысячи печальныхъ сиротъ въ мірѣ.

Какой предметъ для Философа! какая пища для чувствительнаго! Тамъ подается умирающему чаша спасительной надѣжды; здѣсь выздоравливающій юноша глотаетъ каплю животворной росы, обращая благодарной взоръ на милосердое Небо; далѣе слабой старецъ за чистымъ столикомъ, на тепломъ солнцѣ, наливаетъ себѣ ароматическаго шалфея, и согрѣваетъ имъ кровь и сердце. Во всѣхъ углахъ обширной залы видны люди забытые природою, но утѣшенные человѣкомъ; вездѣ лежатъ больные на чистыхъ постеляхъ, въ покойной одеждѣ, снабденные всѣмъ нужнымъ; слышны вездѣ тысячи благодарныхъ голосовъ, которые прославляютъ въ одно время имя Бога съ именами своихъ благодѣтелей.

Больница въ одномъ большомъ корпусѣ, два флигеля по сторонамъ и богадѣльни составляютъ сіе зданіе, украшенное не великолѣпіемъ архитектуры, но величествомъ добродѣтели. Густыя дерева, осѣняющія дворъ, цвѣтъ виноградныхъ садовъ, видъ открытаго поля: таково здѣсь убѣжище человѣчества. Говорятъ, что состояніе больныхъ требуетъ чистаго воздуха; но забываютъ, что глаза ихъ и сердце требуютъ цвѣтущихъ полей, зеленыхъ лѣсовъ и поющихъ птичекъ. Послѣднее также необходимо, какъ и первое.

Я выѣхалъ ввечеру изъ Астрахани, переправился черезъ рѣку со многими пассажирами, и тамъ на другомъ берегу, посвятивъ вздохъ моимъ оставшимся товарищамъ *), разстался съ Волгою и Астраханью.

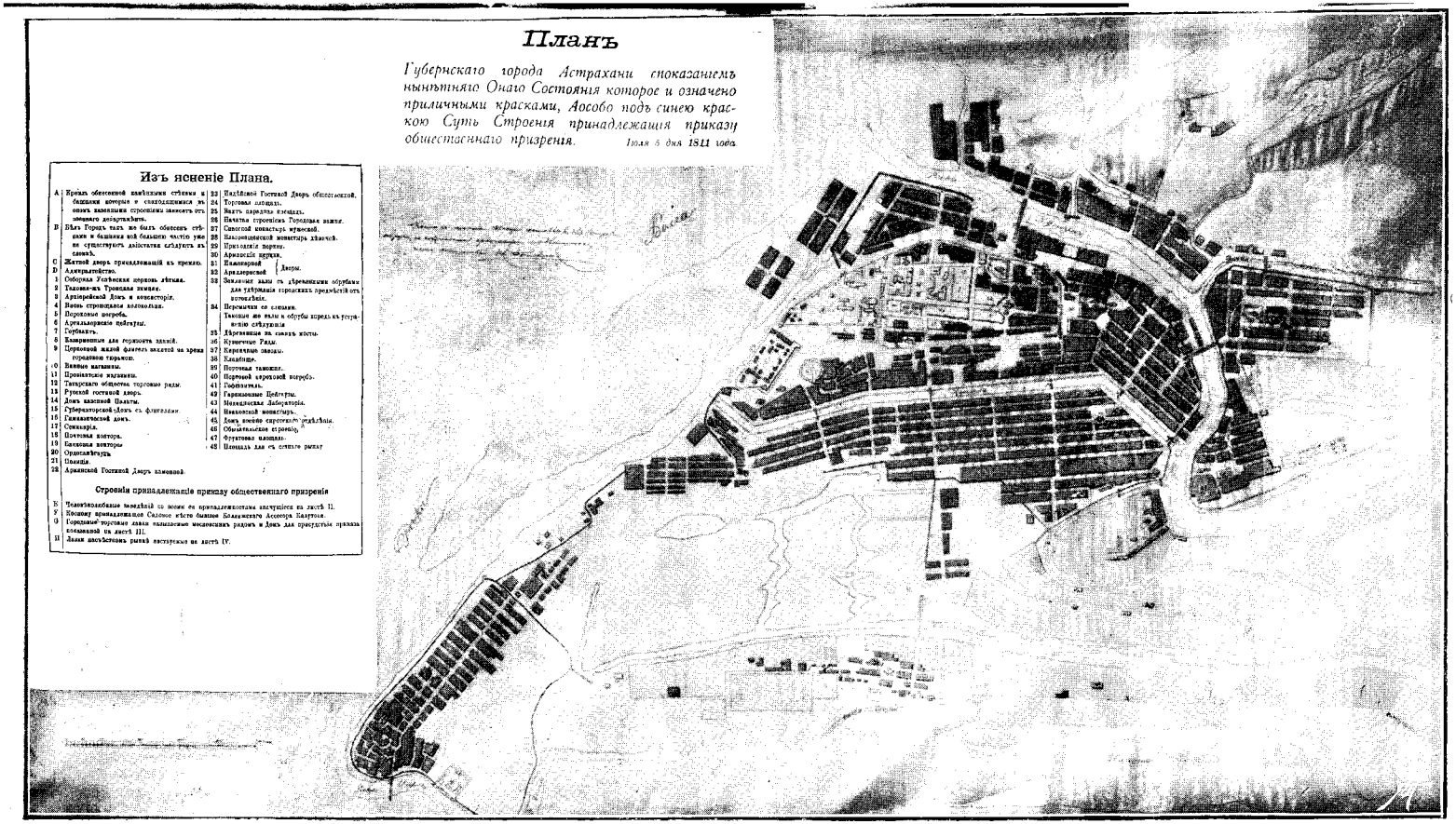
---

*) Люди, которые остались въ Астрахани.

На первой перемѣнѣ почты, въ 40 верстахъ отъ Астрахани, обрадовался я чрезвычайно щастливой встрѣчѣ одного Господина Телепнева, Офицера, посланнаго изъ Тамбова для осмотрѣнія почтъ, которой возвращался туда черезъ Сарепту, и могъ служить мнѣ товарищемъ и покровителемъ *). Мы познакомились, объяснились и обѣщали другъ другу не разставаться до Тамбова.

Мы переѣхали въ трое сутокъ около 400 верстъ, щитая отъ Астрахани до Сарепты. Степи, Козацкія станицы и кочующіе Калмыки; нѣтъ ничего болѣе.

*) Въ разсужденіи почтовыхъ лошадей.



Планъ г. Астрахани 1811 года.

(Копія съ хранящагося въ музеѣ Петровскаго Общества иллюминованнаго плана.)

Изданіе Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

ИЗДАНІЯ ПЕТРОВСКАГО ОБЩЕСТВА.

1) **Уставъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.** Астрахань. Тип. Губ. Правленія. 1888. 16°. 14 стран.

2) **Программа для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю, изданная Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края.** А—нь. Тип. „Астр. Спр. Л.“. 1888. 8°. 10 стр.

3) **Протоколы Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края, съ 4 октября 1874 г. по 31 декабря 1887 года, съ приложеніями.** А—нь. Тип. Губ. Правленія. 1888. 8°. 165 стран.

4) **Протоколы Петровскаго Общества изслѣдов. Астраханскаго края за январь—апрѣль 1888 г.** А—нь. Тип. Г. Правл. 1888. 8°. 44 стр.

5) **Протоколы Петровскаго Общества изслѣдов. Астраханскаго края за май—декабрь 1888 г.** А—нь. Пар. Н. Рус. Тип. 1890. 8°. 80 стр.

6) **Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдов. Астраханскаго края за время съ 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 года.** А—нь. Тип. Губ. Правленія. 1889. 8°. 53 стр.

7) **Тоже за 1888 годъ.** А—нь. Тип. „Астр. Листка“. 1890. 8°. 61 стр.
8) „ **за 1889 годъ.** А—нь. Тип. „Астр. Листка“. 1891. 8°. 69 стр.
9) „ **за 1890 годъ.** А—нь. Тип. „Астр. Листка“. 1891. 8°. 63 стр.
10) „ **за 1891 годъ.** А—нь. Тип. „Астр. Листка“. 1892. 8°. 23 стр.
11) „ **за 1892 годъ.** А—нь. Тип. „Рыбн. Дѣла“. 1894. 8°. 69 стр.
12) „ **за 1893 годъ.** А—нь. Пар. Нов. Рус. Тип. 1894. 8°. 82 стр.
13) „ **за 1894 годъ.** А—нь. Пар. Н. Р. Т. 1896. 8°. 64+XXIX стр.

14) **Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.** А—нь. Тип. „Астр. Лист.“ и В. Е. Лѣсникова. 1892. 8°. 367 стран., съ 35 рис. и 11 картами. Цѣна для членовъ Об—ва **1 р. 50 к.**, для прочихъ лицъ **2 рубля.** На пересылку иногороднимъ прилагать *три семикопѣечныя почтовыя марки.*

☛ *«Сборникъ»* **одобренъ** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки учебн. заведеній Министерства.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. *К. Н. Малиновскаго.* 2) Кремль Астраханскій (сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о началѣ Астраханскаго кремля и

краткій очеркъ его исторіи и современнаго состоянія). *К. Н. Малиновскаго.*—3) Отчетъ о поѣздкѣ въ село Селитряное, Княжевской волости, Енотаевскаго уѣзда, лѣтомъ 1888 года. *К. Н. Малиновскаго.*—4) Астраханскіе калмыки (наблюденія и замѣтки). Очеркъ первый: Общія условія жизни калмыковъ въ Астраханскомъ краѣ.—Очеркъ второй: Формы труда среди Астраханскихъ калмыковъ. *Ир. А. Житецкаго.* Съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями автора, а также съ 35 рисунками (нѣкоторые хромо-литографированы) на отдѣльныхъ листахъ.—5) Пища Астраханскихъ калмыковъ (страница по этнографіи). *Ир. А. Житецкаго.* Съ приложеніемъ и примѣчаніями автора.—6) О состояніи табаководства въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса, Астраханской губерніи. *В. А. Хльбникова.*—7) Почвенная вода. *П. М. Никольскаго.*—8) Чума сѣтей. *П. М. Никольскаго.*—9) О кораллахъ Каспійскаго моря. *В. Н. Виноградскаго.*—10) О названіяхъ и географическихъ картахъ Каспійскаго моря. *А. Ф. Мюллера.* Со снимками 11 картъ Каспійскаго моря на одномъ большомъ листѣ.

15) **Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ зслѣдователей Астраханскаго края.** Вып. 1-й. Съ 10 рисунками. А-ань. Тип. Губернскаго Правленія и Н. Л. Рослякова. 1896. 8°. VI+335 стр. Ц. для членовъ Об—ва **1 р.**, для прочихъ лицъ **1 р. 25 к.** На пересылку иногороднимъ прилагать *три семикопѣечныя почт. марки.*

МУЗЕЙ

въ память пребыванія въ г. Астрахани

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

помѣщается въ домѣ Сергѣева, на Александровскомъ бульварѣ, въ г. Астрахани, и открытъ ЕЖЕДНЕВНО, *кромѣ понедѣльника*, **отъ 11 до 2-хъ часовъ пополудни.**

ВХОДЪ БЕЗПЛАТНЫЙ.

Библіотека Петровскаго Общества находится при Музеѣ.